

ИСТОРИЯ
СТАЛИНИЗМА

**Советская политика
по расширению южных границ:
Сталин и азербайджанская карта
в борьбе за нефть
(1939-1945)**

Советская политика
по расширению
южных границ:
Сталин и азербайджанская
карта в борьбе за нефть
(1939–1945)

Джамиль Гасанлы – известный азербайджанский историк и авторитетный специалист в области международных отношений. Признание в мировой научной среде Дж. Гасанлы принесло издание Гарвардским университетом трех его фундаментальных исследований: *At the Dawn of the Cold War: The Soviet-American Crisis over Iranian Azerbaijan, 1941–1946*. Lanham, MD: Rowman and Littlefield Publishers, Inc., 2006; *Stalin and the Turkish Crisis of the Cold War, 1945–1953*. Lanham, MD: Lexington Books, 2011; *Khrushchev's Thaw and National Identity in Soviet Azerbaijan, 1954–1959*. Lanham, MD: Lexington Books, 2014. Первые две монографии автора посвящены истории зарождения «холодной войны», а третья – осуществлению слома механизма авторитаризма в годы хрущевской «оттепели» в одной отдельно взятой республике, Азербайджане, во второй половине 1950-х гг.

Научные труды Дж. Гасанлы, изданные в Москве, получили теплые и благоприятные отзывы у российских научных кругов и рядовых читателей.

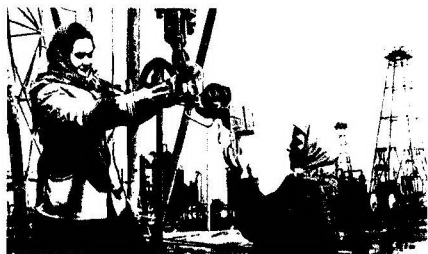
Дж. Гасанлы – почетный член Турецкого исторического общества (Türk Tarih Kurumu), член редколлегии издательства «Turko-Tatar Press» при американском Университете Висконсина.

Наряду с большой и плодотворной научной работой, Дж. Гасанлы ведет и активную общественно-политическую деятельность. Он является председателем Национального совета демократических сил Азербайджана. В 2015 г. был удостоен премии Иона Рациу за демократию, вручаемой Международным научным центром Вудро Вильсона в Вашингтоне.

ДЖАМИЛЬ ГАСАНЛЫ

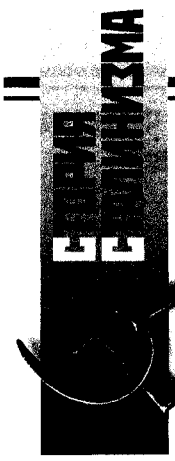
Советская политика по расширению южных границ: Сталин и Азербайджанская карта в борьбе за нефть (1939–1945)

РОССПЭН

Москва

2017

Редакционный совет серии:

- Й. Баберовски (*Jörg Baberowski*),
Л. Виола (*Lynn Viola*),
А. Грациози (*Andrea Graziosi*),
А. А. Дроздов,
Э. Каррер д'Анкокс (*Hélène Carrère d'Encausse*),
В. П. Лукин,
С. В. Мироненко,
В. Пасат (*Valeriu Pasat*),
Ю. С. Пивоваров,
А. Б. Рогинский,
Р. Сервис (*Robert Service*),
Л. Самуэльсон (*Lennart Samuelson*),
А. К. Сорокин,
Ш. Фицпатрик (*Sheila Fitzpatrick*),
М. А. Федотов,
О. В. Хлевнюк

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)62
Г22

Гасанлы Дж. П.

Г22 Советская политика по расширению южных границ: Сталин и азербайджанская карта в борьбе за нефть (1939–1945) / Джамиль Гасанлы ; [пер. с азерб. И. Н. Рзаева]. – М. : Политическая энциклопедия, 2017. – 447 с. – (История сталинизма).

ISBN 978-5-8243-2073-2

Представленная на суд читателей России и русскоязычной аудитории стран ближнего зарубежья книга азербайджанского историка Джамиля Гасанлы раскрывает место Советского Союза и его роль в средневосточной политике в годы Второй мировой войны. Автор подвергает глубокому анализу дипломатическую борьбу СССР и ведущих стран Запада вокруг Южно-Кавказского региона, роль бакинской нефти в мировой политике, участие закавказских советских республик в иранской и турецкой политике СССР. Особое внимание в книге уделяется «азербайджанскому вопросу» в интерпретации Сталина. На основе неизученных уникальных материалов из архивов России, Азербайджана, Грузии, Турции, США, Франции, Великобритании и др. стран автор сумел воссоздать интересную картину событий, произошедших вдоль южных границ Советского Союза, и ведущую роль в них Сталина. В книге нашли свое отражение новые идеи и взгляды автора на противостояние между Западом и Востоком, которое интерпретируется как начало новой эры – эры «холодной войны» в отношениях СССР и западного мира.

Книга рассчитана на специалистов, занимающихся изучением истории международных отношений, студентов, обучающихся по гуманитарным специальностям, а также на широкий круг читателей, интересующихся драматическими событиями истории недавнего прошлого.

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)62

ISBN 978-5-8243-2073-2

© Гасанлы Дж. П., 2017

© Рзаев И. Н., перевод на русский язык, 2017

© Политическая энциклопедия, 2017

ВВЕДЕНИЕ

Вторая мировая война, после победоносного окончания которой миновало 70 лет, оставила глубокий след в судьбах народов. Шесть лет военных действий затронули большую часть земного шара. Цивилизация пережила тяжкую трагедию. Великое множество людей пало на полях сражений. Экономический урон, понесенный народами мира, измеряется громадными цифрами. Памятники культуры, создававшиеся веками, большие города превратились в руины. По своей разрушительной силе эта война коренным образом отличалась от своих предшественниц – Первой мировой войны 1914–1918 гг. и многочисленных войн регионального характера. Новейшие достижения науки и техники первой половины XX в. прошли боевые испытания. Окопы войны – реальные и виртуальные – прорезали Европу, Азию, Америку, Африку. Протяженность этих окопов вышла за рамки отдельных государств. Война приобрела транснациональный характер.

Вторая мировая война стала логическим завершением военных, дипломатических, политических и межнациональных отношений, сложившихся на международной арене в 1920–1930-х гг. Версальско-Вашингтонская система, созданная по результатам Первой мировой войны, просуществовала недолго. Выход коммунизма и фашизма на историческую сцену, мировой экономический кризис 1920-х гг., поиски новой идеи для капиталистического мира и возникновение различных буржуазных учений способствовали появлению трещин в Версальской системе. Политики, некогда каждой статьей Версальского договора стремившиеся превратить Германию в символическое государство, теперь молчаливо встречали отмену этих статей, закрывали глаза на ликвидацию договора. Беспечность по отношению к политическим изменениям 1930-х гг., насочки побежденных и уступки победителей, маневры «дипломатии умиротворения» шаг за шагом тянули мир к большой войне. В сентябре 1939 г. случилось ожидаемое, и огонь войны охватил Европу.

Фашистская Германия начала войну в удобный для себя момент, но вину за это событие разделяют и Германия, и западные союзники, подписавшие Мюнхенское соглашение, и фашисты, и коммунисты, подписавшие 23 августа 1939 г. пакт о ненападении. Карта мира, подвергшаяся изменениям после войны, фактически начала меняться еще до начала военных действий, судьбы народов и государств стали намечаться не под гул орудий, а в тиши дипломатических кабинетов. Европейская дипломатия, окутанная флером «спасения мира», вошла в глубокий кризис. Германия, где усиливалась радикализация фашизма, и Советский Союз с его коммунистическим тоталитаризмом воспользовались Второй мировой войной для передела мира, развала Версальской системы и отправки ее в архив истории.

Первый этап Второй мировой войны, охвативший период 1939–1941 гг., носил характер внутриевропейского военного конфликта. Боевые действия развернулись между Германией и англо-французскими союзниками. В течение этого периода СССР практиковал политику расширения вдоль своих западных границ от Финского залива до побережья Черного моря. По плану Советов, сотрудничество с фашистами должно было способствовать и привлечению Турции в сферу расширения советских границ, однако подписанный Анкарой в октябре 1939 г. с англичанами и французами договор о взаимопомощи свел на нет идею Сталина об «изгнании турок из Европы».

С первых дней Второй мировой войны было ясно, что призом станут топливно-энергетические источники. Начиная с осени 1939 г. нефть не только составляла смысл политических дискуссий как важный стратегический продукт, но и определила характер военных действий. Входя в состав Советского Союза, Азербайджан, как республика, богатая нефтью, занимал важное место в планах воюющих сторон. По данным 1938 г., в целом по СССР было добыто 29,45 млн тонн нефти, из которых 21,5 млн тонн приходилось на долю Азербайджана. В 1939 г. эта цифра выросла до 21,63 млн тонн, а в 1941 г. добыча нефти в Азербайджане достигла 23 млн тонн. Самые высокие показатели добычи нефти в Азербайджане наблюдались в первый год Великой Отечественной войны, составляя более 75 % производства нефти по всему Союзу. Как видим, роль Баку в нефтяной промышленности СССР с каждым годом увеличивалась. Война резко повысила потребности в горючем, и порой бакинскую нефть считают главным стратегическим фактором, обусловившим победу. Значение бакинской нефти в международной политике, ее возможности влиять на военные действия открыто признавал британский премьер Уинстон Черчилль, устно и письменно.

В рамках экономического сотрудничества СССР с Германией возрастала опасность обеспечения Германии бакинской нефтью, и это еще больше усиливало стратегический интерес союзников к Кавказу, и в первую очередь к Советскому Азербайджану. Поэтому, в сравнении с другими республиками, Азербайджан рано был вовлечен в процессы дипломатии периода Второй мировой войны. Превращение бакинской нефти в горючие материалы с первых дней войны сделало Советский Азербайджан предметом межгосударственных переговоров. В первую очередь это было связано с включением бакинской нефти в секретные планы военных блоков. Составной частью этих планов являлось намерение англичан и французов в 1939–1940 гг. подвергнуть бомбардировке бакинские нефтяные промыслы или же намерение фашистской Германии захватить Баку в 1942 г.

22 июня 1941 г. началась советско-германская война. В августе того же года британские и советские войска оккупировали Иран, что повысило значение Азербайджанской ССР во внешней политике СССР. Руководство республики, различные учреждения и предприятия, органы пропаганды и хозяйственные структуры активно участвовали в реализации иранской политики СССР. В 1941–1942 гг. сформированная из партийных, советских, хозяйственных, научных, культурных деятелей Советского Азербайджана «миссия Азиза Алиева» использовала все формы истинно народной дипломатии. На первом этапе иранской политики Советского Союза эта миссия сумела осуществить в Южном Азербайджане важнейшие социально-экономические, политические, национальные и культурные мероприятия. «Миссия Азиза Алиева», хоть и кооптированная в ряды советских войск в Иране, на деле выполняла дипломатические задания и достойно представляла Советский Азербайджан в политической, экономической, культурной, национальной и духовной сферах. Непосредственно по указанию Москвы в марте 1942 г. азербайджанских политработников вывели из Ирана в рамках межсоюзнических дипломатических отношений, что отразило изменения на международной арене. Этот процесс продолжался до завершения коренного перелома в ходе Второй мировой войны, т. е. до середины 1944 г. С марта 1944 г. около 20 представителей Советского Азербайджана были направлены в Иран, особенно в его Азербайджанский вилайет, в качестве дипломатов; это положило начало новому этапу политического процесса в Южном Азербайджане, который продлился до 12 декабря 1945 г. (21-го числа месяца Азер), т. е. до провозглашения автономии Иранского Азербайджана и образования национального правительства.

Изменения, произошедшие за годы Второй мировой войны в мировой геополитике, завершились образованием в 1944 г. в союзных республиках народных комиссариатов иностранных дел. После создания Народного комиссариата иностранных дел в Азербайджанской ССР республика стала последовательно участвовать в восточной политике СССР, в реализации планов по Ирану и Турции на последнем этапе войны. С этого времени в советской зоне оккупации, включая Тегеран, не существовало такого диппредставительства или консульского учреждения, где бы не работали азербайджанцы. Начиная с 1945 г. подобное явление наблюдалось также в советских диппредставительствах Турции. В 1944–1945 г. началось и формирование кадрового корпуса азербайджанских дипломатов. С тех пор азербайджанцы, командируемые в различные иранские города на дипломатическую и консульскую службу, а также политработники проходили в Москве краткосрочные курсы. Для подготовки же профессиональных дипломатов группа молодых азербайджанцев была направлена на учебу в Высшую дипломатическую школу при НКВД СССР. Получив высшее дипломатическое образование, эти молодые люди в дальнейшем сыграли важную роль в политической, научной и культурной жизни республики. Именно благодаря таким высокопрофессиональным кадрам НКВД Азербайджанской ССР включился в осуществление восточной политики СССР и в иранских событиях взял на себя функции регионального центра.

После окончания войны в Европе советская внешняя политика относительно стран Ближнего и Среднего Востока вступила в новую стадию. В июне–июле 1945 г. Турция, Иран и Восточный Туркестан (Синьцзян) стали объектом советской политики расширения границ. Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли насчет этих стран секретные решения. Осуществление данных решений вынесло азербайджанский вопрос на международный уровень, превратило в противников бывших союзников в годы войны. «Холодная война», почти 50 лет державшая в напряжении весь мир, началась с южноазербайджанских событий, в которых активное участие принял и Советский Азербайджан. 2 сентября 1945 г. завершилась Вторая мировая война, а противостояние Запада и Востока приобрело новое обличье. Военное сотрудничество перешло в войну нервов. В начальный период «холодной войны» линия фронта пролегла через Баку и Тебриз.

После войны, осенью 1945 г., в Советский Азербайджан началось паломничество делегаций и отдельных политиков из западных стран. В рамках союзничества эти визиты представляли собой составную часть сотрудничества с СССР. Среди визитеров были американские сенаторы и конгрессмены, члены британского парламента, предста-

вители солидных органов печати. Как правило, они интересовались азербайджанской нефтяной промышленностью, достижениями науки и культуры, изучали возможности объединения Советского и Иранского Азербайджанов. Всех прибывающих в Баку гостей непременно сопровождали сотрудники НКВД СССР и других специализированных советских органов.

Возникшие осенью 1945 г. между советскими республиками Южного Кавказа территориальные и пограничные споры являлись одним из компонентов политико-дипломатических отношений Советского Союза с Ираном и Турцией. После Второй мировой войны в республиках Южного Кавказа усиливался дозированный национализм, исходивший из Москвы и направленный против пограничных территорий Ирана и Турции, но очень скоро эта волна национализма породила идею взаимных территориальных и пограничных претензий республик региона. Так появились территориальные претензии социалистических республик Армении и Грузии к Азербайджанской ССР. Обе республики за поддержкой обратились к Москве, но приведенные Азербайджаном веские доводы убедили советское руководство в нецелесообразности пересмотра внутрисоюзных границ. Вместе с тем в конце 1945 г. СНК СССР принял решение о переселении зарубежных армян в Советскую Армению. Это решение, преследующее цель отторжения земель Турции, в результате вылилось в массовое переселение азербайджанцев из Армянской ССР.

Данное исследование, охватывающее ближневосточную политику СССР 1939–1945 гг., написано с использованием обширного круга источников и исторической литературы. Документы, добытые из многочисленных архивных фондов различных стран, их анализ позволяют прояснить некоторые ближневосточные эпизоды дипломатической истории СССР и осветить ряд интересных страниц внешней политики Советского Союза в годы Второй мировой войны. При подготовке исследования широко использованы богатейшие фонды Архива политических документов при Управлении делами Президента Азербайджанской Республики, Государственного архива Азербайджанской Республики, Архива внешней политики Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива новейшей истории, Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, Дипломатического архива МИД Франции, Национального архива и Управления документов США, Архива национальной безопасности при Университете Джорджа Вашингтона, Национального архива Соединенного Королевства, Архива Пре-

зидента Грузии, Центрального государственного архива документов общественно-политических организаций Республики Армения и других архивов. Большая часть этих документов привлечена к исследованию впервые и введена нами в научный оборот.

Мы также обращались к опубликованным в различных сборниках материалам и документам, которые дают возможность сравнительного анализа целого ряда внешнеполитических вопросов, касающихся 30–40-х гг. прошлого века, и более полного изучения истории дипломатии Советского Союза. Определенная часть сборников касается периода Второй мировой войны и раскрывает содержание восточной политики СССР, место обоих Азербайджанов в реализации этой политики, перипетии борьбы за нефть и т. п. вопросы. Большинство этих публикаций содержат уникальные документы, увидевшие свет уже после распада СССР¹.

Кроме того, в указанные хронологические рамки руководители Советского Азербайджана выступали с докладами, речами, писали письма и обращения, которые также могут стать ценным источником по теме нашего исследования. В ряду подобного рода источников стоят доклады и выступления руководителя Коммунистической партии Азербайджана Мирджафара Багирова и председателя СНК Азербайджанской ССР Теймура Кулиева, опубликованные в различных органах печати². В годы Второй мировой войны в разных изданиях публиковалась переписка лидеров азербайджанской эмиграции; их ноты и обращения к организаторам международных конференций, главам зарубежных стран и официальным представителям США позволяют проследить изменения в международных отношениях и, соответственно, в отношении к Советскому Азербайджану. Деятельность азербайджанской политической эмиграции в европейских странах и добытая советскими спецслужбами информация о ней, образование новой волны азербайджанской эмиграции составляют специфику новообретенных документов. Большое значение имеет газета «Азербайджан», издаваемая в Берлине как орган азербайджанских легионеров. На страницах газеты вместе с официальными сообщениями размещены интересные материалы по истории Азербайджана, его культуре, политической жизни и внешним связям³. Создание национальных легионов, их участие в военных действиях, переговоры руководителей азербайджанских эмигрантов с официальными кругами различных стран также заняли свое место в зарубежных изданиях⁴.

При подготовке данного исследования автор широко использовал научную литературу, изданную в разных странах и посвященную ближневосточной политике СССР в период 1939–1945 гг. Часть

этих книг имеет большой хронологический охват или повествует об отдельных эпизодах Второй мировой войны, но в некоторых содержатся интересные мысли о роли Советского Союза в международной политике 1939–1945 гг. В ряде трудов, изданных в Москве, Баку и за рубежом, освещены роль нефти в мировой политике, перипетии дипломатической борьбы, развернувшейся в 1940-е гг. за азербайджанскую нефть, и влияние бакинской нефти на международные отношения⁵.

Проблема включения азербайджанского вопроса в международные дискуссии в годы Второй мировой войны, планы западных союзников насчет бакинской нефтяной промышленности и другие подобные вопросы в последние годы нашли отражение в целом ряде работ, вышедших за рубежом. Привлечение таких работ к нашему исследованию позволило изучить новые страницы истории Второй мировой войны. В особенности планы союзников по бомбардировке бакинских нефтепромыслов в 1939–1940 гг., согласование осуществления данной операции британской авиацией, строительство для нее взлетных полос в странах Ближнего Востока и т. п. темы высветили ряд аспектов дипломатической истории региона. Все они указывают на то, что Вторая мировая война представляла угрозу для Ближнего Востока и Кавказа, втягивая Советский Азербайджан в зону боевых действий. Создание единой панорамы военных, политических и дипломатических событий имеет большое значение для истории дипломатии. Прояснение этого важного вопроса в постсоветской историографии помогает не только подтвердить значение бакинской нефти в мировой политике, но и уточнить некоторые эпизоды истории дипломатии. Дополнена еще одна драматическая страница истории Азербайджана⁶.

Указанные зарубежные публикации демонстрируют усиление роли Советского Азербайджана в восточной политике Советского Союза, участие органов республики в политике СССР относительно Ирана и Турции, однако новые архивные документы, открытые после распада СССР, и написанные на их основе новые книги рисуют несколько иную картину. Отличие заключается в привлечении советских республик Южного Кавказа к международным делам в регионе и активизации их роли в отношениях СССР с соседними странами⁷. В результате этого процесса усиливалось противостояние между союзниками на Ближнем и Среднем Востоке, и в ряде исследований на передний план выдвигается вопрос о превращении двух Азербайджанов по обе стороны Аракса в арену «холодной войны». В них повествуется о событиях в Иранском Азербайджане и о кавказской политике Ирана и Турции⁸. Эти работы, опубликован-

ные в различных странах, не только охватывают важнейшие вопросы международных отношений в годы Второй мировой войны, но и способствуют прояснению отдельных эпизодов внешней политики Советского Союза и истории его дипломатии.

Чрезвычайно интересны и важны мемуары и дневники государственных деятелей, дипломатов и военных, отличившихся в событиях этих лет. Очевидцы и участники порой сообщают о нюансах, которые не получили отражение в официальных документах. В этом ракурсе особое значение имеют дневниковые записи Г. Гасанова, который в 1944–1946 гг. был командирован в Иран. Являясь членом «бакинской тройки», Гасанов наблюдал и отмечал в своем дневнике закулисные элементы советской политики в Южном Азербайджане и во всем Иране, а также политическое содержание «движения 21-го Азера». Дневник помогает проследить все действия политических, военных и дипломатических работников, прибывших из Советского Азербайджана⁹. В годы Второй мировой войны в советских, иранских, турецких и других газетах ежедневно публиковались материалы, использование которых позволило полнее охватить суть событий в их хронологической последовательности.

Несмотря на то что определенные стороны исследуемой нами темы уже освещены в постсоветской и мировой историографии, все же нельзя утверждать, что роль Советского Союза в ближневосточной политике, его место в межгосударственных отношениях, процесс становления иранского и турецкого вопросов в дипломатических связях изучены в полной мере. По нашему мнению, в архивах России и западных стран все еще хранятся в закрытых фондах ценные документы по теме нашего исследования, и, может быть, в будущем разработка этих документов раскроет новые грани нашей темы и еще шире обрисует панораму ближневосточной политики СССР в 1939–1945 гг.

Глава I

НАЧАЛО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ПЛАНЫ СОЮЗНИКОВ ПО БОМБАРДИРОВКЕ БАКУ

В конце 1930-х гг. мир постепенно скатывался к войне. Советско-германский пакт от 23 августа 1939 г. и подписание дополнительных к нему протоколов оказались последней искрой, которая воспламенила огонь мировой войны. В инструкциях, врученных председателю Исполкома Коминтерна Георгию Димитрову, И. В. Сталин признавал, что «пакт о ненападении в некоторой степени помогает Германии»¹. Этот пакт действительно отражал резкий и кардинальный поворот во всей советской внешнеполитической стратегии². Заключив его, советское руководство в самый решающий для судеб мира момент определило свой внешнеполитический курс, который свел на нет все надежды на формирование в Европе широкого антифашистского фронта. 23 августа 1939 г. в Москве был подписан пакт Молотова–Риббентропа, а неделю спустя, 1 сентября, Германия напала на Польшу. Через два дня Англия и Франция объявили войну Германии, и события приобрели характер мировой войны. Началась Вторая мировая война, вошедшая в историю кровавыми событиями и большими политическими потрясениями. В соответствии с пактом Молотова–Риббентропа вслед за Германией 17 сентября в Польшу вошли советские войска, а 23 сентября по случаю завершения оккупации Польши в городе Бресте состоялся совместный советско-германский парад³. Принимая 1 октября министра иностранных дел Турции Шюкрю Сараджоглу, Сталин открыто признал: «Мы с Германией разделили Польшу»⁴. Известный русский ученый, академик О. А. Ржешевский справедливо пишет, что договор 23 августа и подписанный 28 сентября как его продолжение советско-германский договор о дружбе и границах решили судьбы стран и народов без их ведома⁵.

Договор от 23 августа сделал Советский Союз союзником фашистской Германии, поэтому англичане и французы рассматривали ослабление СССР как ослабление Германии. Спустя несколько дней

после начала Второй мировой войны в Москву для заключения союзного договора прибыл министр иностранных дел Турции Сараджоглу. На переговорах в Кремле 1 октября Сталин и В. М. Молотов открыто обрисовали ему позицию Советского Союза. На предложение Турции заключить советско-турецкий пакт о безопасности Молотов ответил: «Против кого этот советско-турецкий пакт будет направлен? Заключить пакт против Германии мы не можем, против Италии – она является союзницей Германии, против Болгарии – но она ведь не угрожает Турции!»⁶ Странно, что страна, чьи представители озвучили эти мысли, позднее долгое время обвиняла Турцию в сотрудничестве с Германией. Но Турция, в отличие от Советского Союза, ступившего на путь сотрудничества с Германией, нашла свое место рядом с Англией и Францией, воюющими с фашизмом. Сразу после подписания пакта Молотова–Риббентропа посол третьего рейха в Анкаре Франц фон Папен пригласил министра иностранных дел Турции, с тем чтобы уточнить позицию Германии в изменившихся обстоятельствах, и выразил «глубокое сожаление, что Турция не на той стороне»⁷. В своих беседах с представителями турецкого руководства 30 августа Папен разъяснял, как сильно недавно подписанный советско-германский пакт изменил баланс сил в Европе и «в какое прискорбное положение он загнал Турцию, участвуя в английской политике окружения»⁸. «Пересмотр политического курса Турции, – предупредил он, – стал настоятельно необходимым в ее же собственных интересах»⁹.

Несмотря на усилия Папена, 19 октября был подписан англо-франко-турецкий договор. Еще 1 октября, желая отговорить Турцию от договора с западными союзниками, Сталин заявил, что турки не спросили его совета, а если бы спросили, то он посоветовал бы не заключать англо-турецкий и франко-турецкий пакты¹⁰. Однако, вопреки сталинским пожеланиям, Турция их подписала. Тем самым она продемонстрировала свою позицию во Второй мировой войне. Столь независимый шаг Турции серьезно обеспокоил Сталина, который стал искать повод, чтобы наказать Анкару. Поэтому Молотову, ведущему в ноябре 1940 г. в Берлине переговоры с фашистскими лидерами, дали дополнительные полномочия для обсуждения планов раздела Турции. Речь шла о дележе Турции между СССР и Болгарией и получении согласия Германии на это. Своими мыслями относительно Турции Сталин открыто поделился 25 ноября 1940 г. с генеральным секретарем Исполкома Коминтерна Димитровым, причем выразился так: «Мы турок выгоним в Азию. Какая это Турция. Там два миллиона грузин, полтора миллиона армян, один миллион курдов и т. д. Турок только 6–7 миллионов»¹¹. Осенью 1939 г. французская развед-

ка через кавказских эмигрантов раздобыла информацию, что Сталин намерен требовать, чтобы Турция закрыла проливы, согласилась на строительство советской военно-морской базы в районе Босфора и признала границы 1914 г. на Кавказе. В случае отказа со стороны Анкары и сохранения ее прозападных настроений Сталин собирался советизировать всю Турцию, как только представится удобный случай. В Москве и Крыму даже открыли специальные курсы подготовки кадров для советского оккупационного режима¹².

Сотрудничество СССР с Германией превратилось в серьезную проблему для западных союзников. Англичане и французы стали разрабатывать различные военные планы, один из которых предполагал прорыв дислоцированных в Сирии французских войск на Южный Кавказ и бомбардировку Баку¹³.

Лондон колебался, а вот правящие круги Франции в сентябре 1939 г. уже начали обсуждения, сперва на политическом уровне, затем и на военном, о выводе из строя бакинских, грозненских и майкопских промыслов. Британский официоз считал, что, пока союзники отвлечены на европейских полях сражений, их опрометчивостью может воспользоваться Россия, которая усилит свои позиции на Ближнем Востоке, и Красная армия захватит север Ирана и Афганистана, создав угрозу для нефтяных районов Ближнего Востока¹⁴.

Намерение французских официальных кругов бомбить Баку усилило их интерес к азербайджанским эмигрантам. Деятели политэмиграции, рассеянные по разным странам Европы, также воспринимали сложившуюся ситуацию как сигнал к возобновлению дискуссий по вопросу независимости Азербайджана. Пока с налаживанием связи между членами Азербайджанского национального центра существовали сложности, срочно собрались члены делегации, представлявшей Азербайджан на Парижской мирной конференции. Был учрежден Азербайджанский национальный комитет во главе с Мирьягубом Мехтиевым, который вступил в контакт с французскими политическими кругами¹⁵. 12 сентября Мехтиев от имени Азербайджанского национального комитета направил министру иностранных дел Франции Жоржу Бонне ноту, где вкратце обрисовал провозглашение независимости Азербайджана в 1918 г. и вынужденное пребывание делегации в Париже. Затем отмечалось нападение Германии на Польшу и восхвалялась защита Польши Францией. Мехтиев писал, что между народами Азербайджана и Польши существует вековая дружба, а к Франции азербайджанцы испытывают беспредельную любовь. В конце ноты указывалось, что члены делегации «готовы по мере возможности быть полезными делу Франции»¹⁶.

Примерно 10 дней спустя, 21 сентября, Мехтиев обратился к французскому комиссару по информации Жану Жироду с осведомительной нотой, в которой рекомендовал Кавказ как стратегически важный для Франции регион и дал сведения о представляемой им делегации. Мехтиев описывал глубокие познания членов делегации в области истории, языков, традиций, верований восточных народов и заверял, что эти знания могут быть полезными при дальнейшем сотрудничестве Азербайджанского национального комитета с комиссаром¹⁷. Попытка увенчалась успехом. Уже 7 декабря Комиссариат по информации обратился к Совету министров, министерствам иностранных дел, национальной обороны и военному с запросом о благонадежности членов азербайджанской делегации в Париже¹⁸. 26 декабря 1939 г. европейский департамент МИД Франции указал соответствующим органам на целесообразность сотрудничества Совета министров и Комиссариата по информации с азербайджанцами. В рекомендации отмечалось, что министерство и ранее неофициально поддерживало контакты с секретарем посольства Аббасбеком Атамалыбековым. Министерство, правда, предупреждало, что многие группировки нерусских народов России, в том числе и азербайджанское движение, в последнее время обращаются за помощью в Берлин и с ними надо быть осторожными. Вместе с тем оно считало необходимым сотрудничество с азербайджанской делегацией для ведения пропаганды среди тюркоязычных народов СССР, подготовки некоторых документов. Представлялось вероятным и обращение к их услугам, особенно к возможностям Атамалыбекова¹⁹.

Советско-финская война интенсифицировала разработку планов. С этого времени план операции готовился совместно генеральными штабами войск Великобритании и Франции²⁰. По данным спецслужб обеих стран, согласно договору 23 августа и его секретным протоколам Советский Союз превратился в основного нефтяного поставщика Германии. Их же информация гласила, что 80 % нефтяных запасов СССР располагаются на Кавказе, и в первую очередь в Бакинском районе²¹. План англо-французской бомбардировки Баку преследовал цель не только лишить Германию кавказской нефти, но и ослабить Советский Союз, участвовавший в разделе союзника англичан и французов – Польши²².

В день, когда состоялся советско-германский парад войск в Бресте в связи с завершением оккупации Польши, 23 сентября, нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия направил в Наркомат внутренних дел Азербайджана секретное директивное указание с требованием усилить защиту нефтяных скважин и предотвращать диверсии. Он предупредил, что, по сведениям НКВД СССР, раз-

ведорганы Франции вкупе с кавказскими эмигрантскими организациями ведут активную работу по осуществлению диверсионных актов на бакинских промыслах и с этой целью засылают на Кавказ диверсантов. В то же время из Бейрута в Сирию прибыл генерал Вейган, который встретился с представителями кавказской эмиграции и заявил, что не исключает вскорости освобождения Кавказа союзниками, но для этого требуются точные разведанные о регионе²³. Берия писал: «В Париже ведется подготовка кадров диверсантов, которые в ближайшее время через турецкие и иранские границы намечены к переброске в Закавказье. По тем же данным, французская разведка предложила турецкой разведке оказывать ей поддержку в переброске диверсантов в СССР. Выехавший со специальной миссией в Турцию член Высшего Военного Совета Франции генерал Вейган также вел переговоры с турками об организации диверсионной работы в Закавказье, в частности в Азербайджане. В результате переговоров Вейгана, для непосредственного контакта с турецкой разведкой по этому вопросу, французами отправлен в Турцию специальный военный инструктор». Для предотвращения проникновения диверсантов на территорию Азербайджана и пресечения диверсионных актов Берия рекомендовал провести чистку агентурной сети НКВД Азербайджана, установить агентурную сеть по всем отраслям «Азнефти», усилить привлечение новой агентуры, личный инструктаж руководителей оперативной работой. Он также предлагал изучить личный состав охраны промыслов и предприятий, особенно нефтеперерабатывающих заводов, и очистить указанные предприятия от антисоветских элементов и подозрительных лиц²⁴.

В октябре 1939 г. план бомбардировки Баку обсуждался и в Лондоне. Но в правительственных кабинетах Франции и Великобритании не было единого мнения. Премьер-министр Невилл Чемберлен и военно-морской министр Уинстон Черчилль вместо бомбардировки Баку предлагали направить в Черное море подводные лодки с целью прервать поставки нефти в Германию. Во Франции генерал де Голль входил в число противников идеи бомбардировки Баку. Позднее он припомнил, что «некоторые горячие головы», вместо того чтобы противостоять Берлину, думали о том, как разрушить бакинские нефтяные промыслы²⁵. И британский, и французский послы в Москве по секретным каналам отправляли в Лондон и Париж информацию о Кавказе, особенно о нефтяной промышленности Азербайджана, его железных дорогах и дислоцированных в Закавказье войсках²⁶. В секретной телеграмме из Москвы в Лондон от 23 декабря сообщалось, что Советы легко могут собрать против Турции на Южном Кавказе до 700 самолетов. Тот же информатор считал необходимым уничто-

жение нефтяных скважин по южным границам СССР в случае, если нефть с Кавказа будет поставляться в Германию²⁷. Посол Британии в Анкаре Нэтчбулл-Хьюджесен 18 ноября 1939 г., основываясь на турецких источниках, писал в Лондон, что местное население Кавказа проявляет недовольство российским правлением и, по мнению генштаба Турции, в случае войны с Россией можно поднять его на восстание²⁸. Военный атташе Франции в Советском Союзе генерал Огюст Антуан Паласс в ответ на запрос министерств национальной обороны и военного, а также генштаба французской армии от 19 декабря писал, что 24 декабря 1939 г. посылает в Париж документ, озаглавленный «О возможных полях военных операций на Кавказе», в котором, наряду с общими сведениями, на спецбумаге отмечены железные дороги Кавказа, дана общая техническая характеристика железной дороги Баку–Батум, указаны дороги, ведущие с Кавказа на Южный Кавказ, численность и военная характеристика войск, расквартированных там²⁹. А за день до этого военный атташе в Турции подготовил и отправил в Париж аналитический документ под названием «Условия и способы нападения на нефтяные центры Кавказа». В документе говорилось, что независимо от объема нефтедобычи в СССР $\frac{4}{5}$ этого объема приходится на долю Баку. Здесь же производятся $\frac{2}{5}$ советского бензина и практически весь авиационный бензин³⁰. Описывались также трудности бомбардировки бакинских нефтяных месторождений, расположенных достаточно далеко от Турции. Однако отмечалось, что в год 6 млн тонн бакинской нефти проходят через Батумский порт, расположенный всего в 25 километрах от турецкой границы. Военные корабли союзников вполне могли бы уничтожить нефтяные терминалы, ангары и нефтеперегонные заводы в Батуми. Не исключались и действия авиации. В этом случае рассматривалась возможность высадки десанта вдоль 800-километрового нефтепровода Баку–Батум. При этом полагалось целесообразным использовать диверсантов из среды эмигрантов, хорошо знакомых с местной обстановкой³¹. 30 декабря 1939 г. генштаб французской армии подготовил документ, озаглавленный «Последствия советско-германского пакта. Записка о стратегическом ведении войны». Часть этого документа была посвящена поиску путей лишения Германии бакинской нефти. Отмечалось, что русская нефть на Кавказе в данный момент обеспечивает Германию. Для предотвращения этого следует перекрыть нефтепровод Баку–Батум и по возможности разрушить бакинские нефтепромыслы, дающие $\frac{3}{4}$ советской нефти. По мнению авторов записки, достижение этой стратегической цели создало бы большие затруднения для советской экономики с ее слабой промышленностью и бесхозяйственностью. При условии, что

Турция закроет глаза, т. е. не вмешается, французы рассчитывали осуществить подобную акцию силами вооруженных отрядов черкесов и курдов, уроженцев Кавказа, обосновавшихся в Сирии. В записке значилось: «Если мы хотим начать операции как можно более крупных масштабов, можно заинтересовать в них Турцию, пообещав ей Закавказье, которое еще недавно являлось османским владением»³².

Английская и французская разведки вместе с турецкими коллегами в Анкаре обсуждали процесс организации кавказских эмигрантов для использования их против СССР с территории Турции. Причем в качестве предварительного условия турецкая сторона выдвинула требование, чтобы кавказская оппозиция признала существующие границы между Советским Союзом и Турцией. К границам, установленным с советскими республиками Южного Кавказа по Московскому и Карсскому договорам 1921 г., Турция относилась очень осторожно и бережно. Дабы избавить Анкару от сомнений, Совет Кавказской конфедерации в феврале 1940 г. объявил, что представляемые им республики объединят усилия по сохранению существующих границ и будут реальными гарантами мира в этой части света³³. В то же время кавказские эмигранты выступали против получения турецкой помощи за счет своих территорий. В марте 1940 г. Совет Кавказской конфедерации направил своего представителя А. Гугушвили на переговоры с ответственным сотрудником министерства иностранных дел Британии Л. Кольером. На этих переговорах было достигнуто согласие по вопросу признания границ. Желая привлечь к процессу армян, Гугушвили заявил, что их лояльность Кремлю вытекает из страха перед турками. Чтобы вывести их из-под влияния Москвы, он предложил Анкаре руководствоваться в отношении к ним теми же императивами, что и в отношении к другим народам Кавказа³⁴.

В сложившихся обстоятельствах азербайджанские эмигранты в Европе сделали попытку обратить внимание лидеров союзников на восстановление независимости, утерянной в 1920 г., и наладить тесные связи с официальными кругами. С этой целью 26 января 1940 г. глава азербайджанской делегации в Париже Мирьягуб Мехтиев направил премьер-министру Эдуарду Даладье ноту, в которой давалась высокая оценка помощи Франции и ее союзников всем народам, борющимся за свою свободу. При этом упоминалось, что свобода Азербайджана также уже близка. К ноте была приложена информация о членах азербайджанской делегации: Мирьягубе Мехтиеве, Аббас-беке Атамалыбекове, Мамеде Магеррамове, Джейхун-беке Гаджибейли, Акбер-аге Шейхульисламове, Алекбер-беке Топчибаши³⁵.

Помимо союзников, азербайджанская делегация поддерживала связи и с эмигрантским правительством Польши. Генеральный секретарь делегации А. Атамалыбеков 25 января 1940 г. вручил польским представителям обширный меморандум, в котором указывалось на необходимость сохранения связей между Польшей и нерусскими, особенно кавказскими, эмигрантскими организациями. Подчеркивалась идентичная сущность Германии и Советского Союза, которые по пакту Молотова–Риббентропа поделили и оккупировали Польшу. Атамалыбеков затронул в меморандуме азербайджанский вопрос, отметил богатые ресурсы своей страны, упирая на то, что ключ от начавшейся войны представляет собой бакинская нефть. Здесь же высказывалась мысль о большой пользе для Польши от оказания освободительному движению Азербайджана дипломатической, политической, военной, материальной и финансовой помощи. Атамалыбеков напоминал, что в приграничных с СССР странах – Турции, Иране, Афганистане, Румынии – проживает 500 тыс. этнических тюрков-эмигрантов и настала пора создавать из них национальные легионы³⁶. Обращаясь к польским представителям, азербайджанская делегация отнюдь не ошиблась. Именно благодаря этому меморандуму последовало поручительство от поляков, на основании чего французское правительство окончательно пошло на сотрудничество с азербайджанцами в вопросах разведки и пропаганды. 2 февраля МИД Франции в ответ на обращение Атамалыбекова сообщил министерству внутренних дел и военному министерству, что, невзирая на ограничения военного времени, нужно разрешить азербайджанским делегатам работать в полную силу, а членов делегации освободить от военного призыва, поскольку они заняты более важными делами. Этот жест министерство иностранных дел объясняло тем, что большинство членов азербайджанской делегации в прошлом были членами парламента Азербайджана, а один из них даже мэром города Баку до большевистской оккупации, все получили университетское образование во Франции и с большим уважением относятся к политике французского правительства. 17 февраля министерство внутренних дел, а 2 марта и военное министерство ответили на обращение МИД положительно. После этого азербайджанские эмигранты подготовили для соответствующих властных органов Франции ряд интересных докладов и справок по Азербайджану, Кавказу и тюркским народам, а также их стратегическому значению для политики союзников³⁷. Например, в середине марта 1940 г. они составили справку с рекомендацией срочно начать военные действия против России и отнять у нее природные богатства, особенно те, которые находятся в регионах, где проживают тюркские народы. Авторы

справки считали, что таким образом Россия лишится возможности эффективно помогать своему естественному союзнику – Германии, а союзники смогут приблизиться к победе³⁸.

В январе 1940 г. правительство Франции поручило заместителю председателя Верховного военного совета генералу Морису Гамелену и начальнику генштаба военно-морских сил адмиралу Франсуа Дарлану подготовить возможные сценарии вывода из строя российских нефтепромыслов. 19 января премьер-министру Эдуарду Даладьё был представлен доклад «О подготовке операций против СССР с целью уничтожения нефтяных месторождений». Авторы проекта предлагали три варианта. Первый состоял в захвате немецких танкеров, перевозящих нефть по Черному морю. В этом случае не развязывалась война против России. Второй вариант предусматривал вторжение непосредственно на Кавказ. При третьем предполагалось, отказываясь от прямых действий против России, защищать освободительное движение мусульманских народов Кавказа³⁹. Кроме Даладьё, этот документ получили командующий сухопутными войсками Франции генерал Луи Кёльц и начальник генштаба военно-воздушных сил Жозеф Вьюемен. Французский посол в Анкаре Рене Массигли очень надеялся, что для реализации данного проекта все проживающие в Советском Союзе тюркские народы усилят движение туранистов и создадут государство Великий Туран. 11 февраля 1940 г. в своем докладе в Париж он писал, что ныне идеи туранистов не столь популярны в турецких правительственных кругах, но, если Советский Союз ослабеет, ситуация может измениться⁴⁰. В ходе советско-финской войны даже посол Финляндии в Будапеште прибыл в январе 1940 г. в Анкару, где агитировал за нападение Турции на Советский Союз, чтобы освободить миллионы мусульман от советского ярма. Понимание он нашел только среди некоторой части военных и интеллигенции, разделяющей взгляды Зии Гёкальпа⁴¹. Для воплощения на практике третьего варианта военно-политические круги Англии и Франции придавали большое значение усилению Совета Кавказской конфедерации, и с этой целью кавказские эмигранты в начале марта 1940 г. вступили в переговоры под кодовым названием «Проект Роберт» – о присоединении к совету армян. 6 марта М. Мехтиев и А. Топчибаши от азербайджанской делегации, А. Чхенкели от грузинской делегации, М. С. Шамиль и А. Намиток от Северного Кавказа и А. Джамалян от Армении собрались на заседание комиссии по подготовке проекта Совета Кавказской конфедерации. Армянский представитель Джамалян выдвинул собственный проект из 7 пунктов. За исключением второго и пятого, все остальные повторяли Брюссельский пакт, подписанный в 1934 г. Вторым

пунктом Джамальян предлагал создать таможенный союз кавказских государств. А пятый пункт предусматривал предоставление административной автономии малочисленным народам, проживающим в регионе. Выступивший от имени азербайджанской делегации М. Мехтиев выразил резкий протест против пятого пункта, расценив его как проявление сепаратизма. Эта проблема, сказал он, будет решаться будущим азербайджанским государством, а эмигрантские делегаты не вправе решать такой вопрос от имени всего азербайджанского народа. После долгих обсуждений на заседании комиссии от 9 марта армяне сняли свои требования, но получили гарантии, что Турция не будет вынашивать агрессивных планов против Армении⁴². 28 мая 1940 г. был подписан протокол Совета Кавказской конфедерации о сотрудничестве, состоявший из трех пунктов. При условии невмешательства Турции в кавказские дела армяне отказывались от территориальных претензий к ней и признавали существующие армяно-турецкие границы. Протокол подписали: от Азербайджана М. Мехтиев, от Грузии А. Чхенкели, от Северного Кавказа С. Гирей, от Армении А. Джамальян. В документе устанавливались границы конфедерации: на севере по рекам Кубань и Кума, на юге нынешние границы Азербайджанской, Армянской и Грузинской ССР. Во втором пункте протокола указывалось, что главной целью кавказских народов продолжает оставаться освобождение Кавказа от русского господства и до тех пор, пока Россия не признает Кавказскую конфедерацию, любые договоры или компромиссы с ней невозможны. Что же касается Ирана и Турции, то в протоколе отмечалось, что Кавказская конфедерация в отношении этих стран будет придерживаться политики искренней дружбы и добрососедства⁴³. В тот же день Азербайджанский, Грузинский, Армянский и Северо-Кавказский национальные центры подписали пакт Кавказской конфедерации из 7 пунктов: от Азербайджанского национального центра – М. Мехтиев, от Грузинского национального центра – А. Чхенкели, от Армянского национального центра А. Хатисян, от Северо-Кавказского национального центра – С. Шамиль. Пакт гласил, что Кавказская конфедерация полностью обеспечивает национальный характер внутренней политики и суверенитет каждой из кавказских республик, а в области внешней политики выступает от имени всех республик в качестве международного субъекта. Внешняя политика республик конфедерации должна управляться компетентными органами. Границы конфедерации надлежит охранять армии с единым командованием. Каждое национальное меньшинство, проживающее в конфедеративной республике, имеет гарантированные права. Политические и таможенные границы конфедерации едины, для налаживания международ-

ной торговли ей необходимо создать таможенный союз. Спорные вопросы между республиками конфедерации следует улаживать путем переговоров либо передавать в Арбитраж или Верховный суд, чьи решения должны неукоснительно выполняться. Экспертной комиссии поручалось, руководствуясь вышеприведенными принципами, в кратчайшие сроки подготовить проект Конституции Кавказской конфедерации, в соответствии с которым каждая республика разрабатывает свою конституцию⁴⁴. Протокол собрания Совета Кавказской конфедерации, а также пакт конфедерации были согласованы с генералом Вейганом и правительством Турции.

Накануне оккупации Парижа официальные круги Франции приняли серьезные решения по Кавказу. Но британский официоз с подозрением относился к идее возрождения туранистского движения. По его мнению, турок больше интересовали бывшие османские земли, к примеру нефтяной сектор Мосула, нежели образование Великого Турана⁴⁵. В то же время представлявший британские политические круги У. Черчилль открыто заявлял, что без сотрудничества с Турцией невозможно бомбить Баку или помешать перевозке нефти по Черному морю⁴⁶. Представитель МИД Британии Ф. Маклин провел в Лондоне широкие обсуждения по поводу бакинских нефтепромыслов с представителем Азербайджанского национального центра доктором Миръягубом Мехтиевым. В ходе переговоров Маклин заявил Мехтиеву, что предпочитает видеть Баку в руках турок, а не Советов⁴⁷.

Начиная с февраля 1940 г. союзники интенсивнее занялись кавказской операцией. 18 февраля генштаб французской армии и МИД подготовили документ, озаглавленный «Баку – источник жизни Советской власти. Пути уничтожения», в котором говорилось, что, если не удастся добиться согласия Турции и Ирана на бомбардировки Баку, единственным средством останется использование диверсионных групп из враждебно настроенных к Советам местных азербайджанцев. Интересно, что не предусматривалось использование бакинских армян. По мнению авторов документа, армяне, независимо от политической ориентации, сохраняли союз с Кремлем, потому что боялись турок⁴⁸. 22 февраля 1940 г. французскому правительству был представлен еще один отчет о запасах бакинской нефти и производственной мощности промыслов. По этим данным, Баку поставлял 75 % нефти Советского Союза, а бакинские нефтеперерабатывающие заводы считались самыми крупными на Кавказе. 50 % местного топлива перевозилось по морю и по железной дороге. По мнению французских генералов, советские вооруженные силы и сельское хозяйство всецело зависели от бакинской нефти⁴⁹. В марте появился еще

один документ, содержащий вывод, что если Советы потеряют бакинскую нефть, то столкнутся с серьезным кризисом⁵⁰.

Азербайджанские представители составили в марте 1940 г. обширную справку об экономической жизни Кавказа и нефтяных запасах Баку, которая помогла при подготовке вышеупомянутых документов. Там указывалось, что Баку по своим нефтяным запасам занимает второе место в мире и потому Москва в последнее время усиленно укрепляет границы в районе Баку и Кавказа. Авторы справки объясняли это и подготовкой СССР к оккупации в южном направлении, и намерением задушить растущее освободительное движение кавказских народов. Освобождение Кавказа, по их словам, означало бы полный крах русского империализма⁵¹.

В марте 1940 г. уточнялся план бомбардировки Баку. Милитаристские круги Франции пытались для этой цели задействовать Турцию. Они полагали, что даже при использовании военно-воздушных баз Сирии и Ирака понадобится турецкое воздушное пространство. Но между Турцией и Советским Союзом существовал договор о дружбе и нейтралитете, и союзники понимали, что Турция не будет закрывать глаза на полеты бомбардировщиков в сторону Баку, т. к. это вызовет большие осложнения в ее отношениях с СССР. Учитывая ситуацию, союзники считали необходимым поставить турецкое правительство в известность о планах бомбардировки Баку, не добиваясь, однако, официального соглашения, чтобы Турция позже имела возможность сослаться на свою неосведомленность об этих планах⁵². Союзники обсуждали также вероятность создания со стороны Советов проблем для Турции в области экономики и вопроса о проливах. Они не сомневались, что нападение на Баку спровоцирует советско-турецкое противостояние, и в таком случае надо будет поставлять в Турцию большое количество оружия и снаряжения, а также возместить ущерб, нанесенный турецкой экономике⁵³. По мнению Массигли, Турции следовало проявлять крайнюю осторожность в вопросе о черноморских проливах и не совершать действий, противоречащих договору в Монтрё: любой непродуманный шаг грозил вызвать протесты СССР и Италии, которые могли предпринять превентивные меры⁵⁴. С учетом этого Массигли рекомендовал Турции не вмешиваться ни в какие военные инциденты на Черном море, за исключением бакинской операции⁵⁵. Таким образом, главная линия политики и Парижа, и Лондона в тот период состояла в склонении Турции к участию в планах против Советского Союза⁵⁶. Еще в декабре 1939 г. на встрече начальников генштабов союзников генерал Эдмунд Айронсайд – начальник генштаба британских войск – предложил поэтапное создание военно-воздушных сил

Турции для участия в воздушных операциях на Кавказе⁵⁷. Посол Франции в Анкаре Массигли считал, что только с использованием территории Турции возможно нанесение воздушных ударов по нефтеносному побережью Каспия, и в первую очередь по Баку⁵⁸. Генерал Гамелен в переписке с Максимом Вейганом рассказал, что по поводу реализации Кавказского плана уже проведены секретные консультации с начальником генштаба турецкой армии маршалом Февзи Чакмаком⁵⁹. 7 марта 1940 г. командующий Британскими военно-воздушными силами на Ближнем Востоке маршал Митчел сообщил командующему французской армией в Сирии Вейгану, что получил приказ бомбить нефтяные районы Баку и нефтеперегонные заводы Батума. Митчел уточнил, что главнокомандующий турецкой армией маршал Февзи Чакмак разрешил использовать в качестве перевалочного пункта район Диярбакыра, Эрзурума, Карса и озера Ван⁶⁰. 12 марта генерал Гамелен послал Вейгану приказ, в котором говорилось, что кавказская операция будет проводиться авиацией союзников и, вероятно, специальными частями, а также турецкой армией под руководством турецкого командования. Гамелен рекомендовал Вейгану провести консультации с маршалом Чакмаком и участвовать во всех подготовительных мероприятиях на Среднем Востоке. Более подробные инструкции он обещал выслать с курьером⁶¹.

Германская разведка была осведомлена о готовности англичан и французов напасть на Кавказ с территории Ближнего Востока. Зная, что в сирийской армии Вейгана служит много армян, именно с их помощью Имперская служба безопасности (СД) в начале 1940 г. намеревалась наладить устойчивый канал получения информации о подготовке англо-французского, в союзе с Турцией, нападения на Кавказ через Сирию. Немцы опасались, что англичане и французы захватят богатые районы Кавказа, находящиеся в сфере их интересов⁶². В апреле 1941 г. на встрече в Бухаресте дашнакский лидер Саркис Араратян, некогда работавший в Баку, сделал для ответственных сотрудников абвера обширный доклад об истории бакинской нефтяной промышленности. На этой встрече немецкая разведка выведала у армянских агентов, что дислоцированная в Сирии французская армия насчитывает 50 тыс. чел., тогда как в прессе указываются явно завышенные цифры⁶³. Вместе с тем германский генералитет постановил подробнее изучить возможности нападения Вейгана на Баку и продвижения русских к Мосулу, а также обстановку на севере Ирана. С этой целью Имперское управление безопасности командировало в феврале 1940 г. в Тебриз своего секретного сотрудника капитана Пауля Леверкюна, еще в 1915–1916 гг. участвовавшего в экспедиции в Турцию и Северный Иран⁶⁴. Доктор Леверкюн отправился через

Москву, затем по железной дороге Джульфа–Тебриз добрался до места. В течение шести недель ему надлежало разведать, может ли французская армия с севера Ирана пойти на Баку. В целях конспирации сперва была назначена встреча с тебризским консулом Боном в Москве, но в последний момент встречу перенесли в Тебриз⁶⁵.

С некоторыми нюансами использования воздушного пространства Турции в ходе Кавказской операции Массигли ознакомил министра иностранных дел Турции Сараджоглу при личной встрече. Он объяснил, что в процессе авианалетов на Баку из Алжира и Северного Ирака может в какой-то форме задействоваться пространство Турции и Ирана. Во время беседы Сараджоглу, не затрагивая позицию Турции, спросил, не будет ли Иран чинить этому препятствия. Его вопрос Массигли расценил как отсутствие у Турции намерений мешать планам союзников⁶⁶. Наоборот, утверждал он, министр иностранных дел Турции «подтвердил свое мнение об уязвимости Москвы на Кавказе»⁶⁷. Другими словами, Турция не дала официального разрешения на полеты авиации союзников в сторону Баку, однако и запрета не последовало. Союзники должны были пролететь над Турцией, будто бы не поставив ее об этом в известность⁶⁸. Однако позднее в одном из своих интервью Исмет Иненю – бывший в те годы президентом Турции – решительно отрицал наличие каких-либо официальных или неофициальных разрешений со стороны Турции на бомбежку Баку⁶⁹.

20 марта в Халебе (Сирия) состоялось совещание англо-французского генералитета, на котором было принято решение до июня 1940 г. завершить строительство 20 первостепенных аэродромов на Среднем Востоке и подготовить их для осуществления Кавказской операции⁷⁰. 22 марта главнокомандующий сухопутными войсками Великобритании и Франции генерал Гамелен подготовил совершенно секретный документ на имя председателя Совета министров Франции Поля Рейно «Подготовка операции по лишению Германии и СССР нефтяных источников Кавказа». В этом документе ввод войск союзников в богатые нефтью области Кавказа связывался с необходимостью лишить Германию возможности покупать кавказскую нефть, а Россию – сырьем, столь необходимого для ее экономики. Расчет строился на ослаблении СССР. В целом преследовалась цель оставить Германию без российского горючего. Военные действия предстояло развернуть в районах Баку, Грозного–Майкопа и Батума. Район Грозного–Майкопа находился к северу от Кавказских гор, защищавших его от воздушных налетов. Поэтому генерал Гамелен настаивал на авиаударах по Баку и Батуму. По поводу бакинской операции он писал: «Баку расположен на полуострове Апшерон в 500 км

от турецкой границы, в гористой местности, дорог нет. Поэтому Баку не может быть объектом сухопутных войск с турецкого направления. Наземное движение на Баку может состояться только через северо-восток Ирана. В этом случае, во-первых, требуется согласие Ирана, а во-вторых, размещенная в этом районе иранская армия не способна выполнить намеченную операцию, поэтому потребуется вмешательство большого контингента союзных войск. Учитывая сложности наземной операции, нападение на Баку должно быть воздушным. Баку одновременно является центром и добычи, и хранения, и транспортировки нефти. Поэтому путем бомбежки его следует уничтожить или сжечь»⁷¹. Союзники надеялись, что им удастся получить разрешение Реза-шаха на строительство авиационной базы на севере Ирана или же на пролет тяжелых бомбардировщиков над иранской территорией. Начало военной операции планировалось на конец июля 1940 г.⁷² Касаясь рентабельности бакинской операции, генерал Гамелен писал: «Баку – самый важный нефтяной центр на Кавказе. 75 % русской нефти добывается в бакинских скважинах. Важнейшие нефтеперерабатывающие заводы Кавказа расположены в Баку. 50 % добытой в Баку нефти перевозят по железной дороге и по Каспийскому морю через Баку. Поэтому для бомбардировки Баку с воздуха следует использовать многочисленную авиацию, а также бомбить повторно, чтобы не дать восстановить разрушенное, и это вытекает из особой цели операции». Воздушное нападение на Баку, полагал Гамелен, должно планироваться либо с территории Турции, из районов Диярбакыра–Вана–Эрзурума, либо с территории Ирана, либо Сирии и Ирака (районы Джизры и Мосула). Учитывая, что расстояние между Тебризом и Баку составляет 400 км, а между Баку и Эрзурумом или Мосулом – 700 км, Гамелен считал, что бомбардировку Баку нужно проводить 6–8 группами современных тяжелых бомбардировщиков дальнего действия. В заключение он делал вывод: боевые действия в нефтяных районах Кавказа должны привести в движение мусульманские народы Кавказа и носить политический характер или же стать обычной военной операцией против важнейших центров российской нефтяной промышленности⁷³. Верховный совет союзников в тот же день, 22 марта, вынес на широкое обсуждение вопрос бомбардировки прикаспийских областей, богатых нефтью⁷⁴. В своем письме Эдуард Даладье поручил генералу Гамелену и адмиралу Дарлану разработать более оперативный и всеобъемлющий план уничтожения маршрутов поставок нефти из советских месторождений в третий рейх. Даладье также предложил теснее сотрудничать с Лондоном в союзнической кампании против Берлинско-Московского блока и выразил мнение, что «одновременно с военными операциями союзникам следует так-

же поощрять националистическую пропаганду среди мусульманских народов Южного Кавказа»⁷⁵.

В ходе этой подготовки союзники уверяли, будто весьма вероятно нападение СССР на Иран, и в скором времени. Весной 1940 г. германский и советский послы часто встречались в Тегеране, чтобы обсудить британскую политику в Иране. По их мнению, твердя о нападении СССР на Иран, Британия строила планы захвата советского нефтяного Баку⁷⁶. Операция бомбардировки Баку, в свою очередь, должна была перекрыть Германии путь в Тегеран через Москву и Баку. После того как союзники взяли под контроль Ближний Восток, Германия планировала проложить воздушные линии в столицы Афганистана и Ирана над территорией СССР. Для этого 4 марта посол Германии в Иране Эттель обратился к советскому послу М. Е. Филимонову с просьбой изложить свое мнение по поводу открытия воздушной линии Берлин–Москва–Баку–Тегеран⁷⁷. Германский посол в Москве фон Шуленбург 25 августа 1940 г. с тем же вопросом обратился к наркому иностранных дел СССР Молотову. В его обращении указан несколько иной маршрут: Берлин–Киев–Харьков–Ростов–Баку–Тегеран⁷⁸.

4–5 апреля 1940 г. группа связи верховного командования французских военно-воздушных сил провела двухдневное совещание по вопросу бомбардировки нефтяных районов Кавказа через территорию Турции⁷⁹. Было принято решение использовать для атак на Баку и Батум считающиеся самыми современными бомбардировщики «Гленн Мартин». Нападение на Баку планировалось готовить из Мосула. Для уничтожения 12 нефтеперегонных заводов Батума шести группам «Гленн Мартинов» следовало в течение 15 дней совершить 6 боевых вылетов. Для бомбардировки Баку и Грозного предстояло использовать шесть эскадрилий бомбардировщиков типа «Веллингтон». В операции «Кавказская нефть» ожидалось участие от 90 до 100 французских и английских самолетов, которые за каждый вылет будут сбрасывать 70 тонн бомб⁸⁰. Эффективности операции должны были способствовать планы нефтепромыслов и нефтеперерабатывающих заводов, заблаговременно добытые британской разведкой. Союзники договорились, что бакинский нефтяной район будут бомбить британские летчики, а нефтяные объекты грузинского Причерноморья и промыслы Грозного – французская авиация⁸¹.

17 апреля генерал Вейган в последний раз доложил Гамелену и Вюемену о готовности операции «Кавказская нефть». В течение 30 дней, обещал он, вся подготовка будет завершена. Но Вейган привлек внимание начальства к возникшей проблеме: Турция отказалась играть роль трамплина для союзников и запретила англо-французским самолетам летать над своей территорией. Западные союзники

попытались запугать Турцию возможностью нападения со стороны Советского Союза, но министр иностранных дел Сараджоглу отказался верить в эту опасность⁸². Тем не менее в конце июня и начале июля 1940 г. генерал Вейган по-прежнему предлагал бомбить нефтяные районы Кавказа⁸³. Первый удар по нефтяным районам СССР намечался на конец июня. Руководство Франции придавало операции «Кавказская нефть» столь большое значение, что, невзирая на ввод немецких войск в Данию и Норвегию, премьер-министр Поль Рейно отдал военным структурам приказ о двухдневной готовности к нападению на Баку⁸⁴. Однако союзники не успели реализовать план «Кавказская нефть». 23 апреля 1940 г. на заседании Верховного совета с участием Чемберлена и Рейно британский премьер сообщил, что отрицательная позиция Турции делает невозможным нанесение ударов по территории СССР в ближайшем будущем⁸⁵. Обосновывая свою мысль, Чемберлен подчеркнул, что для такой операции необходимо использовать воздушное пространство или Турции, или Ирана. Если бы СССР вмешался в военные операции на Балканах, это заставило бы Турцию изменить отрицательное отношение к планам союзников. А пока, сделал вывод Чемберлен, у Англии и Франции недостаточно средств для нападения на СССР. Чтобы разубедить британского премьера, генерал Гамелен сообщил, что, в отличие от Турции, иранское правительство поддерживает идею союзников и потому нецелесообразно отменять готовую операцию. Несмотря на все усилия французов, Чемберлен остался при своем мнении⁸⁶. С другой стороны, оккупация Германией Дании 9 апреля 1940 г. и продвижение немцев в сторону Норвегии отодвинуло идею нападения на СССР на задний план. В конечном счете за две недели до даты предполагаемых авиаударов по Баку, 14 июня 1940 г., войска Германии вошли в Париж, и 22 июня представители Франции в Компьене подписали акт о капитуляции.

Ровно за месяц до этого азербайджанским делегатам удалось покинуть Париж. К тому времени глава делегации Мехтиев уже был в Лондоне. Польское посольство в Париже 22 мая обратилось к властям Франции с просьбой позволить А. Атамальбекову, М. Магеррамову, А. Топчибаши и Дж. Гаджибейли покинуть столицу. С помощью органов власти азербайджанская делегация сумела выехать из Парижа, прежде чем германские войска вошли в город, и перебралась в неоккупированную часть Франции. Ее не коснулись репрессии, принявшие массовый характер в первые месяцы оккупации⁸⁷.

Чуть позже, в июле 1940 г., немцы завладели документами генштаба Франции и ознакомились с планами французских политических, военных и дипломатических кругов по бомбардировке Баку,

а также с обширной перепиской по данному вопросу. Германия немедленно опубликовала эти документы, озаглавив сборник «Белая книга»⁸⁸. Однако там есть и спорные моменты, связанные с позицией Турции относительно предоставления своего воздушного пространства для бомбардировок Баку. Так, в британских архивах содержатся документы, которые разнятся с опубликованными французскими документами, захваченными нацистами. Очевидно, это результат вмешательства в тексты сотрудников германских спецслужб, которые в русле внешней политики нацистской Германии «корректировали» документы, чтобы еще более осложнить отношения между Турцией и СССР. В конце своей дипломатической службы в Анкаре посол Массигли признался, что подготовил рапорт для генерала Вейгана из «случайно собранной информации о Баку» и высказывал там свои личные соображения. Он никогда не информировал французское правительство о согласии Турции на использование ее воздушного пространства для бомбардировки Баку⁸⁹. Публикация донесений Массигли в германской печати повергла Анкару в глубокий шок. Советского посла в Турции отозвали в Москву для консультаций. Перед его отъездом из турецкой столицы с ним успел встретиться министр иностранных дел Сараджоглу. Он попросил посла успокоить В. М. Молотова и добавил, что «все это махинации фон Папена, чья главная задача в Анкаре заключалась в том, чтобы вбить клин между Анкарой и Москвой, спекулируя на превратностях войны и бросая Турцию под колеса»⁹⁰.

Как мы видим, на первом этапе войны в 1939–1941 гг. азербайджанские эмигранты с доверием относились к союзникам, стремясь к сотрудничеству с ними. Исмаил Акбер, бывший офицер азербайджанского легиона, писал: «После заключения союза между Гитлером и Сталиным симпатии моего народа были на стороне Западных стран. Когда Сталин вместе с Гитлером разделил Польшу, разорил Финляндию, лишил страны Балтики независимости, Гитлер ослабил Европу, опираясь на союз со Сталиным, Западные страны боролись с агрессорами, и мы были их лучшими друзьями»⁹¹.

Оккупация Баку входила и в планы нацистской Германии. Летом 1940 г., когда на повестку дня встал вопрос о нападении Германии на Советский Союз, среди объектов военной агрессии числился и Баку. 18 декабря 1940 г. был утвержден план молниеносной войны – «План Барбаросса», в соответствии с которым 9 января 1941 г. на совещании в штабе вермахта Адольф Гитлер разъяснил военно-политические цели нападения на СССР. Первоочередной задачей грядущей войны он считал уничтожение советских вооруженных сил и овладение важнейшими экономическими центрами страны, среди которых

видное место занимал и Баку. На совещании 9 января Гитлер особо отмечал стратегическую «необходимость захвата района Баку». 27 марта 1941 г. германское «Континентальное нефтяное общество» получило указания подготовиться к разрешению проблем, связанных с добычей, обработкой и перевозкой бакинской нефти после оккупации Кавказа. 4 мая оперативное руководство вермахта подготовило меморандум, подтверждавший чрезвычайную заинтересованность командования германской армии в оккупации бакинских нефтяных районов. Главной стратегической целью армейской группировки «Юг» являлся захват нефтепровода Майкоп–Грозный, а затем и Баку. Гитлер задумал превратить Баку в военизированный центр, снабжающий нацистскую Германию нефтью⁹². Он даже опасался, как бы до захвата Баку русские сами не подожгли нефтяные промыслы, словно Москву в 1812 г. Как видим, с начала Второй мировой войны Азербайджан и его богатые нефтяные запасы неизменно входили в военные, политические и стратегические планы воюющих держав.

Глава II НАЧАЛО СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОЙ ВОЙНЫ И АЗЕРБАЙДЖАН

§ 1. Вступление войск союзников в Иран

С начала Второй мировой войны в повестку дня вновь вошел вопрос об Азербайджане, поделенном в начале XIX в. Война вызвала в мировой политике новые мнения о Советском Союзе в целом, и в том числе о Советском Азербайджане. Этот процесс, начавшийся в конце 1930-х гг., продолжался до начала эры «холодной войны». В результате оккупации Польши в первые дни мировой войны Западная Украина и Западная Белоруссия были присоединены к СССР, летом 1940 г. Бессарабия и Северная Буковина отторгнуты от Румынии, а осенью того же года захвачены республики Прибалтики¹. Все это возбуждало аппетиты Советов в отношении Южного Азербайджана.

В первый же день войны, 3 сентября 1939 г., желая держать под контролем ситуацию в соседней стране, Политбюро ЦК ВКП(б) направило М. Е. Филимонова новым полномочным представителем в Иран², а 28 октября утвердило В. Г. Александрова в должности военного атташе при советском посольстве в Тегеране³. С первых дней 1940 г. проблема Иранского Азербайджана была включена в военно-стратегические планы Москвы. В первую очередь Советский Союз привлекала территориальная экспансия. В целях усиления состава советских военных атташе Политбюро решением от 28 августа 1940 г. назначило секретарем военного атташе С. Марченко⁴.

С начала Второй мировой войны Советский Союз опасался, что Германия может взять под свой контроль экономику Ирана, и прежде всего овладеть его нефтяными богатствами. Эти опасения не были беспочвенны. Хотя Иран в первые же дни войны, 4 сентября 1939 г., объявил о своем нейтралитете, сотрудничество с Германией продолжало составлять главное содержание его внешнеполитического курса. Однако шахское правительство старалось проявлять предупредительность и в отношениях с Советским Союзом, в различных документах, отправляемых им в Кремль, чувствуется вос-

точная осторожность. После отставки М. М. Литвинова в мае 1939 г. пост наркома иностранных дел СССР занял глава советского правительства Молотов, а Сталин вновь взял на себя обязанности председателя Совнаркома. По этому поводу иранский посол в Москве Мохаммед Саед направил Сталину велеречивое поздравление. Посол выразил уверенность, что «под чутким руководством» Сталина будет развиваться политика дружбы и добрососедства между Ираном и Советским Союзом⁵. Примерно такого же содержания поздравительное письмо Реза-шах послал Сталину в декабре 1939 г. по случаю его 60-летнего юбилея⁶. На фоне смягчения отношений в августе 1940 г. состоялась советско-иранская конференция по железнодорожному транспорту, и был подписан протокол, часть которого касалась непосредственно связанных с Ираном азербайджанских железных дорог⁷.

Вместе с тем по мере роста фашистской агрессии в Европе рос и интерес правящих кругов Ирана к Германии. Особенно весной 1941 г., после оккупации германскими войсками Югославии и Греции, во внешней политике Ирана проявился расчет опереться на Германию. Надеясь на ее непобедимость, Иран рассчитывал в предстоящей войне присоединить к себе ряд городов Южного Кавказа и Средней Азии. По заданию наркома иностранных дел Молотова советские эксперты приступили к детальному анализу требований Ирана, предъявленных еще в 1919 г. на Парижской мирной конференции. В апреле 1940 г. Наркомат иностранных дел СССР получил в свое распоряжение отпечатанную по решению иранского меджлиса карту под названием «Новое административно-территориальное деление государства Иран» с небольшим примечанием внизу: «Границы Ирана, за исключением границы с Турцией, не являются официальными». В ноте иранского посольства № 643 от 17 мая 1940 г., подписанной Реза-шахом и министром иностранных дел и представленной в НКВД СССР с целью получения аккредитации для нового иранского консула в Баку, Азербайджанская ССР открыто именовалась «Кавказским Азербайджаном». В результате проверок, проведенных органами государственной безопасности, было установлено, что в персидском тексте документов, направленных в Наркоминдел генеральным консулом, последний подписался как «генеральный консул шахиншаха в Кавказском Азербайджане». Письма к уполномоченному наркомата иностранных дел в Баку генконсульство адресовало «Представительству комиссариата иностранных дел в Кавказском Азербайджане». В своей официальной переписке иранское консульство пользовалось древним персидским названием Баку «Бад-Кубе»⁸.

Все это давало Советам дополнительные основания для беспокойства. С осени 1939 г. Советский Союз начал скрупулезно собирать

военные, политические, экономические и стратегические сведения о Южном Азербайджане. В 1940 г. советская военная разведка составила картотеку всех промышленных объектов в Южном Азербайджане, в которой перечислялись технические показатели 90 промышленных предприятий и 25 электростанций⁹. В 1940 г. 5-е управление Красной армии подготовило «Военно-географическую карту Иранского Азербайджана», постаравшись не упустить ни одной существенной детали. К примеру, там указана глубина рек через каждый километр и сделаны пометки такого рода: «На участке местности между точкой слияния реки Гарасу [Карасу] с Араксом и горами Гараджадаг [Караджадаг] возможно применение всех видов войск. Горные вершины от Карадага до Астары, окруженные лесами и зарослями, считаются труднопроходимыми участками. За исключением горных участков, здесь невозможно использовать даже пехоту»¹⁰. В январе 1941 г. в Москве был выпущен 216-страничный «Технико-экономический обзор по Южному Азербайджану». В обзор входили данные по Южному Азербайджану за период 1920–1940 гг., касающиеся политической, экономической, промышленной географии, сельского хозяйства, торговли и транспорта, населения, городов и пр.¹¹

Отправленная Багировым Сталину в марте 1941 г. 35-страничная «Краткая справка о Южном Азербайджане» также представляет интерес ввиду насыщенности фактами. В этой справке содержится краткий исторический обзор, детальный анализ данных о Южном Азербайджане и его границах, населении, городах и населенных пунктах, культурном уровне населения, сельском хозяйстве, земледелии и землепользовании, торговле, национальном вопросе, умонастроениях. В частности, там отмечается: «Шахское правительство Ирана, зная тяготение азербайджанского народа к Северному Азербайджану, с каждым днем усиливает полицейский режим и меры репрессий»¹². В то же время усилилось давление на граждан Ирана, являвшихся этническими азербайджанцами и проживавших на территории Северного Азербайджана. 18 января 1938 г. вышел указ наркома внутренних дел Н. И. Ежова «Об арестах и выдворении иранских граждан из Азербайджана». В соответствии с этим указом в течение 1938–1939 гг. до 40 тыс. чел. были насильно высланы из Азербайджанской ССР в Иран¹³. Политбюро решением от 31 января 1938 г. велело НКВД при выявлении агентов зарубежных разведок, проникших в Советский Союз под маской политических беженцев, в том числе иранских граждан, немедленно арестовывать их, подробно допрашивать и, если станет известно, что они прибыли в СССР с диверсионной или другой антисоветской целью, – расстреливать по приговору военного трибунала¹⁴. 10 июля 1939 г. вопрос об аресто-

ванных гражданах Ирана рассматривался на заседании Политбюро, которое поручило НКВД предложить иранскому правительству в десятидневный срок разрешить окончательно вопрос о приеме всех арестованных иранских подданных, подлежащих высылке из СССР, в количестве 2 126 человек вместе с членами их семей. В случае, если иранское правительство их не примет, НКВД следовало позаботиться о высылке этих людей в северные районы Казахстана¹⁵.

Накануне вторжения на иранскую территорию советская разведка собрала исчерпывающие сведения об иранской армии, в том числе о численности, командном составе, боеспособности и разведывательных возможностях дислоцированных в Южном Азербайджане частей. Генеральному штабу был предоставлен список офицеров, занимающихся сбором разведывательной информации об СССР. Советские спецслужбы заполучили подробный генеральный план города Баку, составленный иранской военной разведкой, даже с указанием адресов иранских генералов в Тегеране.

В мае–июне 1941 г., перед самым вступлением советских войск в Иран, в Азербайджанской ССР мобилизовали для отправки в Южный Азербайджан 3 816 гражданских лиц, сформировав из них 52 бригады. В их состав вошли 12 высокопоставленных партийных деятелей, 70 руководящих партработников, 100 сотрудников советских организаций, 200 сотрудников органов безопасности, 400 милиционеров, 70 работников прокуратуры, 90 – суда и 150 – типографий и издательств, а также 245 железнодорожников и 42 геолога-нефтяника. Руководителем отправляемой в Южный Азербайджан миссии Советского Азербайджана назначили третьего секретаря ЦК КП(б) Азербайджана Азиза Алиева¹⁶. Тогда же, в мае–июне 1941 г., были осуществлены кадровые перестановки в дипломатической миссии СССР в Тегеране. Решением от 7 мая 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) сняло Филимонова с должности полномочного представителя. Его сменил на этом посту посол СССР в Германии А. А. Смирнов¹⁷. В соответствии с этим назначением в советском диппредставительстве и составе советских учреждений произошли некоторые изменения¹⁸. С началом работы Смирнова в Иране сменился также военный атташе советского посольства. 12 июня 1941 г. вместо Александрова этот пост занял полковник М. С. Маслов¹⁹. На фоне растущих советских интересов на Ближнем и Среднем Востоке возникла необходимость в подготовке кадров востоковедов. 17 июня 1941 г. председатель Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР С. В. Кафтанов писал Сталину и Молотову, что в нынешней международной обстановке кадры востоковедов не удовлетворяют потребностей советской внешней политики; он предлагал Совнаркому при-

нять постановление «О подготовке кадров востоковедов»²⁰. Согласно данному постановлению число слушателей и студентов иранских отделений в Московском институте востоковедения, в Ленинградском университете и в Институте востоковедения Академии наук СССР доводилось до 155 чел., аспирантов – до 10 чел.²¹

Нападение Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. внесло существенные коррективы в ход Второй мировой войны. Политика сотрудничества с фашизмом дорого обошлась Советскому Союзу. Правда, Сталину удалось в результате этого сотрудничества расширить границы СССР, но в мировом общественном мнении репутация Советского Союза сильно пошатнулась. Однако заявления премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля и президента США Франклина Рузвельта, обещавших в войне с Германией защищать Советский Союз, служили сильным политическим и моральным подспорьем. 12 июля СССР и Великобритания подписали соглашение о совместной борьбе против Германии.

С началом Великой Отечественной войны в Азербайджанской ССР провели массовую мобилизацию. В первый же день войны в Баку состоялся грандиозный антифашистский митинг. Из городов и деревень республики 40 тыс. чел. изъявили желание добровольцами отправиться на фронт. В целом за 1941–1945 гг. из Советского Азербайджана ушли на фронт 700 тыс. чел. Для подготовки резерва действующей армии с 22 июня по 14 августа 1941 г. 186 704 чел. записались в народные дружины. Они участвовали в возведении укреплений вокруг Баку. Чтобы защитить город от воздушных налетов, решением ЦК КП(б) и Совета народных комиссаров Азербайджана была ускорена подготовка бомбоубежищ и организация отрядов самообороны. Несмотря на все тяготы войны, нефтяники Азербайджана в 1941 г. довели добычу нефти до рекордного уровня – 23 481 тыс. тонн. Это высшее достижение республики за все годы советской власти. Учитывая значение города, Гитлер в ноябре 1941 г. принял решение захватить азербайджанскую столицу²².

Невзирая на то, что Турция и Иран официально объявили о своем нейтралитете относительно воюющих сторон, Сталин сомневался в их искренности. Подписание 18 июня 1941 г. германо-турецкого договора о дружбе и ненападении вызвало его недовольство. СССР с тревогой встретил этот неожиданный шаг Турции. В секретных документах посольства СССР в Турции указывается, что «заключение 18 июня 1941 года пакта о дружбе с Германией, как хорошо было известно Сараджоглу, развязывало руки Германии для нападения на Советский Союз»²³. 4 июля в беседе с руководителями закавказских республик – первым секретарем ЦК КП(б) Азербайджана М. А. Багировым, пер-

вым секретарем ЦК КП(б) Грузии К. Н. Чарквиани и первым секретарем ЦК КП(б) Армении Г. А. Арутиновым – Сталин заявил: «Фронт от вас далеко, но вы находитесь в опасной зоне. Мы не можем быть уверены в нейтралитете Турции»²⁴. В беседе участвовали члены Госкомитета обороны В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, Л. П. Берия и Г. М. Маленков. После этих директив Сталина стали осуществляться мероприятия по еще большему укреплению границ Советского Азербайджана с Ираном и Турцией, по установлению контроля над турками, пришедшими в 1918 г. в Азербайджан и оставшимися здесь по разным причинам. В особенности укреплялись руководящие кадры Нахичеванской АССР. И в автономной республике, и в других приграничных районах руководящих работников, имеющих родственников за границей, отстраняли от должностей. Дело не ограничилось усилением приграничных районов. Был установлен строгий контроль над всеми семьями, которые имели родственные связи с руководителями Азербайджанской Демократической Республики. Одной из таких семей стала семья Шихзамановых, проживавшая во втором по значению городе республики – Кировабаде (Гяндже). Позже М. А. Багиров писал, что «фамилия Шихзамановых одна из реакционнейших в Азербайджане»: «С этой фамилией очень многие, находясь в эмиграции, ведут борьбу против советской власти. Сам Шихзаманов [имеется в виду Наги-бек. – Дж. Г.] находился в Турции. Поэтому строго подошли к связанным с ним Джавадову, бывшему работнику Кировабадского горкома Новрузову и др.»²⁵

В связи с ожидаемыми эксцессами со стороны Турции и Ирана еще в 1940 г. был укреплен кадровый состав руководства Нахичевани. В сентябре того года первого секретаря республиканского ЦК комсомола, выпускника школы пропагандистов им. Свердлова при ЦК ВКП(б) Г. Г. Наджафова назначили первым секретарем Нахичеванского обкома партии²⁶. В связи с этим назначением он побывал на приеме у Багирова, который обещал, что Наджафов направляется в Нахичевань временно, а в ближайшем будущем, когда разрешится вопрос с Южным Азербайджаном, получит должность секретаря партийного комитета в Тебризе. Как видно, руководство Советского Азербайджана готовилось к важным событиям за пределами республики.

С начала войны советские спецорганы стали уделять усиленное внимание деятельности кавказских, в первую очередь азербайджанских, эмигрантских организаций на территории Турции. Любые тайные связи турецких официальных кругов с этими организациями немедленно привлекали пристальное внимание советских спецслужб. Однако открывающиеся архивные материалы, даже полученные

по линии разведки и спецслужб, свидетельствуют о благорасположенности Турции к Советам. В конце июля 1941 г. резидент НКГБ в Турции сообщал в центр: «Турецкое правительство, стремясь не показывать в данный момент своих планов и заинтересованности в “кавказском” вопросе, дало установку политическим отделам Управления безопасности и полиции не допускать легальных форм работы эмиграции и не разрешать каких-либо действий, которые могли бы быть расценены как враждебные по отношению к СССР... Такую линию можно объяснить тем, что турки не желают обострения с СССР, считая это несвоевременным, но не хотят выпускать из своих рук “идейное” покровительство над эмиграцией. Поэтому турецкое правительство отрицает активную антисоветскую борьбу Мирьягуба Мехтиева, Саед-бека Шамиля, Заки Валидова и других»²⁷. После нападения Германии на СССР Черчилль придавал особое значение отходу Турции от ее союзников. 21 сентября 1941 г. он писал Сталину, что если бы удалось побудить Турцию к сопротивлению германским требованиям о пропуске войск или, еще лучше, если бы она вступила в войну на стороне антигитлеровской коалиции, то это стало бы наиболее быстрой и эффективной помощью последней²⁸. В ответном письме в Лондон, датированном 3 октября, Сталин выражал согласие с мнением Черчилля насчет Турции²⁹.

С началом Великой Отечественной войны и вхождением Ирана в сферу интересов союзников в политической жизни Азербайджана наступает интересный период. В первую очередь это связано с включением в повестку дня вопросов, касающихся Южного Азербайджана. В июне–июле 1941 г. 44-я, 45-я, 46-я и 47-я армии Закавказского фронта уже сконцентрировались у границ Азербайджана. Иран стоял накануне грандиозных событий. К концу июля в войсках, расположенных на границе, объявили боевую готовность. Между 25 июля и 5 августа прошли последние приготовления к наступлению. Руководство утвердило план захвата городов и населенных пунктов, а также промышленных и военных объектов, подлежащих уничтожению. 20 августа документы по наступательным операциям были разосланы по назначению с пометкой «совершенно секретно». В директиве, подписанной 25 августа Верховным главнокомандующим, указывалось, что в соответствии со статьей 6 советско-иранского договора от 1921 г. советские войска вступают в Иран в целях охраны Закавказья от диверсий со стороны немцев. Директива предписывала исключить всякую возможность налета авиации противника на район Баку³⁰. По решению Государственного комитета обороны и приказу военного совета Закавказского фронта (члены совета: генерал-майор Д. Т. Козлов, генерал-майор Ф. И. Толбухин, генерал-

майор Ф. А. Шаманин) стоявшие у границ Южного Азербайджана советские войска в 2 часа ночи 25 августа приступили к осуществлению военной операции. Еще 23 августа военный совет издал приказ: в случае сопротивления со стороны иранской армии части 44-й и 47-й армий должны всеми имеющимися средствами уничтожить живую силу и материальную базу противника. В том же приказе говорилось, что для обеспечения безопасности границы с Турцией 45-й армии надлежит оставаться в районе своей дислокации³¹. С 5 до 7 часов утра по всей линии – от Нахичевани до южного побережья Каспия – пограничные войска СССР, 44-я (командующий – генерал-майор А. А. Хадеев) и 47-я (командующий – генерал-майор В. В. Новиков) армии, Каспийский флот, 8-й Закавказский авиакорпус, 132-я Евлахская авиадивизия начали боевые действия в Южном Азербайджане и на юге Каспия. В течение полутора часов сопротивление передовых постов иранской армии, отрезанной от тыла, было сломлено. Правда, в некоторых местах оно продолжалось до 13 часов дня³². Утром 25 августа заместитель председателя СНК СССР, нарком иностранных дел Молотов по распоряжению советского правительства вручил иранскому послу в Москве Мохаммеду Саеду ноту. В ней пространно излагалась история советско-иранских отношений и приводились факты, отражающие дружественное отношение СССР к Ирану, особенно подчеркивалась значимость 6-й статьи советско-иранского договора, подписанного 26 февраля 1921 г., затем перечислялись антисоветские действия Германии в Иране и напоминалось, что СССР уже трижды представлял Ирану предупредительные ноты (26 июня, 19 июля и 16 августа), стремясь устранить угрозу советским и британским интересам. К сожалению, говорилось в ноте, иранское правительство отказалось приструнить германских агентов и, наоборот, поощряло их деятельность. Таким образом, советское правительство вынуждено на основании права, данного ему договором от 1921 г., временно ввести войска на территорию Ирана в целях самозащиты³³. Далее указывалось, что этот шаг не направлен против иранского народа и у Советского Союза нет намерений посягать на территориальную целостность и государственную независимость Ирана. Исключительная мера советского правительства вызвана только опасностью, исходящей от враждебных действий немцев. В конце ноты содержалось заверение, что, как только исчезнет опасность для интересов Ирана и СССР, советское правительство выполнит свои обязательства по договору 1921 г. и немедленно выведет войска за пределы Ирана³⁴.

25 августа в 4.30 утра советский посол в Тегеране А. А. Смирнов представил идентичную ноту правительству Ирана. Одновременно

чрезвычайный и полномочный посол Великобритании в Тегеране Ридер Буллард вручил правительству Ирана ноту британского правительства с объяснением необходимости ввода в Иран английских войск³⁵. Вопрос обеспечения безопасности бакинской нефтяной промышленности был главной причиной вступления советских войск в Иран, хотя об этом напрямую в ноте не говорилось. Командующий советскими оккупационными войсками в Иране Козлов признавал, что ввести их туда заставило «наличие в Иране враждебных сил, и в первую очередь серьезная угроза нашим нефтяным районам»³⁶. Днем 25 августа состоялось чрезвычайное заседание иранского парламента, на котором премьер-министр доложил о положении дел. Он сообщил, что советская авиация бомбит незащищенные иранские города, а войска продвигаются от Джульфы к Тебризу³⁷.

25 августа шах принял посла Германии Эттеля, который передал ему письмо Гитлера. Шах информировал посла о событиях последнего дня. Русские и английские войска, сообщил Реза-шах, начали военные действия, т. к. он отказался изгнать немцев из Ирана. Союзники внезапно атаковали по линии Бендер-Аббас-Пехлеви и захватили все порты Персидского залива, потопили персидский флот, бомбят города и деревни. В боевых действиях участвуют 1 000 танков, сотни самолетов, а иранская армия не способна воевать на два фронта с таким сильным соперником. Он не просит помощи у Германии, в настоящее время это невозможно. Он будет настоятельно просить Турцию воздействовать на англичан и русских, чтобы те прекратили военную операцию и позволили немцам покинуть страну. В заключение шах подчеркнул, что претензии к немцам – только повод и он прекрасно это знает³⁸. Эттель писал, что неожиданная атака союзников поставила шаха в тяжелое положение, война на два фронта сломала его волю. Это подтверждают и заявления премьер-министра и парламента. В своем выступлении премьер дал исторический комментарий англо-советского давления на Иран. Теперь, сказал он, враг атакует со всех сторон. Чтобы выяснить причины нападения, правительство вступило в переговоры и регулярно сообщает о результатах. Премьер-министр призвал народ к стойкости и терпению³⁹.

Действительно ли шах не знал о готовящемся вторжении? Если даже это правда в отношении русских, то насчет англичан египетский король Фарук еще 29 июня 1941 г. тайно уведомил Реза-шаха и германского посла в Тегеране, что британские войска в ближайшие два месяца войдут в Иран. В его сообщении говорилось, что британский генштаб принял решение об оккупации иранских вилайетов, богатых нефтью. Эта оккупация им важна, чтобы предотвратить возможное проникновение Германии через территорию СССР в Ирак и Иран.

Британский генштаб считал вероятным наступление немецких войск через Иранский Азербайджан в нефтяные районы Мосула и Киркука. Главный удар следовало ожидать через Джульфу, Хой и район озера Урмия. Посол Эттель писал, что египетский посол 1 июля передал эту информацию Реза-шаху, который был сильно удручен. Египетский посол несколько раз повторил, что речь идет не о досужих слухах, а о решении британского генштаба, и нужно к нему относиться серьезно. Он объяснил, что решение Лондона принято после успешных военных действий немецких войск против большевиков⁴⁰.

Германское правительство намеревалось вывезти немцев из Ирана через Турцию. Поэтому 27 августа Риббентроп поручил германскому послу в Анкаре фон Папену связаться с министром иностранных дел Сараджоглу и выяснить, чем Турция может помочь. Риббентроп также инструктировал фон Папена, что русским доверять нельзя и лучше добиваться соглашения с англичанами. Министр добавил, что если русские и англичане проявят понимание, то взамен и немцы могут пойти на уступки, однако пока не следует афишировать, о каких конкретно уступках идет речь⁴¹. 2 сентября Эттелю пришло указание из Берлина: собрать всю немецкую колонию Ирана на территории турецкого посольства в Тегеране. В Берлине считали, что турецкое правительство сдержит свое обещание предоставить немцам убежище⁴². Однако союзники не пустили немцев в турецкое посольство. Советские спецслужбы разместили часть их близ Миане на положении заключенных, а другую часть выслали в Ташкент⁴³. По требованию союзников иранское правительство 16 сентября закрыло германское посольство в Тегеране. В телеграмме Риббентропу Эттель назвал иранское правительство трусливым и продажным. Если имперское знамя временно и не развеивается над зданием посольства, писал он, то каждый из нас высоко держит знамя фюрера в своем сердце⁴⁴.

25 августа советские войска с различных направлений продвинулись на 40–50 км вглубь территории Ирана. В тот же день советская авиация совершила 173 боевых вылета. Не только население, но и правительство было в ужасе. За короткое время советская авиация совершила более 1 500 авианалетов на иранскую территорию⁴⁵. Армия Ирана, можно сказать, не защищалась. Генштаб не сумел бросить в бой резервистов. Вопреки приказу Реза-шаха об оказании сопротивления, солдаты и офицеры беспорядочно покидали позиции, бросая оружие и технику. За день 26 августа авиация разбросала над Иранским Азербайджаном 1 619 700 листовок⁴⁶. Однако начальник политуправления Закавказского фронта, бригадный комиссар П. М. Соломко сообщал, что эти листовки написаны на фарси и местное азербайджанское население их не может читать. А тексты на азер-

байджанском языке набраны не арабским, а латинским шрифтом, также затрудняющим их чтение.

28 августа иранская армия официально прекратила сопротивление. На первых порах население восприняло советское вторжение как установление советской власти в Иране, однако, ознакомившись с листовками, стало понимать, что оккупация вызвана военной необходимостью⁴⁷. 1 сентября в Тебризе 7 тыс. чел. даже собрались на митинг с требованием установления советской власти. Узнав о митинге, сотрудники политуправления 47-й армии вышли к людям, чтобы объяснить причины появления Красной армии на иранской земле. Подобное произошло и 2 сентября⁴⁸.

Заводилами на митингах выступали армяне. Вечером 2 сентября по городу распространили написанные от руки листовки с предупреждением, что приветствующие советскую власть граждане Ирана будут впоследствии наказаны. В частности, говорилось: «В эти траурные для Ирана дни некоторые чужие люди смеются и радуются. Во главе этих людей стоят армяне. Они наши враги. Пусть знают, что от Красной армии они пользу не получили. Настанет день расправы, и мы отомстим за это...»⁴⁹ Обеспокоенный такими угрозами армянский архиепископ в Тебризе Мелик-Тангян, собрав армян, велел им не оказывать помощь красным и оставаться лояльными местным властям. Он предупредил: «Советские войска в Иране временно, и после их ухода иранское правительство будет преследовать армян». Антисоветские призывы звучали также из уст мусульманских деятелей. Мулла Халил из Тебриза в своих проповедях призывал население не верить русским, заявляя: «Русские в Тавризе [Тебризе] не первый раз, и всегда они находили здесь свою могилу»⁵⁰.

Советские войска вступили 26 августа в Тебриз и Ардебиль, 30 августа – в Зенджан, 31 августа – в Казвин. Инструкция предписывала им до 3 сентября оккупировать северные территории Ирана. Для обеспечения надежной обороны со стороны Турции предусматривалась дислокация 63-й горной стрелковой дивизии в районах Маку, Саадил, Готур и Хой и 5-й танковой дивизии в районе Дияман⁵¹. В короткий срок были захвачены Южный Азербайджан, Гилян, Мазендеран и Хорасан. В то же время 12 индийских дивизий приступившей к военной операции Великобритании вышли на линию Керманшах–Абадан–Хорремабад–Меджиди-Сулеймание–Ормуз–Бендер-Дейлем⁵². 27 августа правительство Хасана Али Мансура ушло в отставку. На следующий день меджлис Ирана утвердил состав нового правительства под руководством профессора Тегеранского университета Мирзы Мохаммед-Али-хана Форути (Зока-аль-Мульк), а также решение правительства о прекращении сопротивления совет-

ским и британским войскам. Была объявлена амнистия всем политическим заключенным⁵³.

В ходе скоротечной военной операции Иран потерял 106 чел., 320 чел. сдались в плен. Потери Красной армии составили 6 погибших, 18 раненых и 9 утонувших при форсировании Аракса⁵⁴. Сравнительно большие потери 25–26 августа понесла авиация. 10 самолетов и 25 чел. экипажа вышли из строя⁵⁵. Однако это было связано не с боевыми действиями, а с несерьезным отношением к операции советских летчиков, незнанием местности и игнорированием метеорологических условий. Главнокомандующий Козлов писал о низкой боевой готовности армии шаха. В информации, направленной в ЦК ВКП(б), он сообщал, что появления одного советского самолета в небе Тебриза оказывалось достаточно, чтобы иранские солдаты разбежались, побросав оружие⁵⁶.

Ввод и закрепление советских войск в Иране сопровождалось созданием в стране широкой сети советских спецслужб. В период оккупации в Иране действовали до 40 резидентур советских органов безопасности и чекистских пунктов. Главную резидентуру в Тегеране возглавлял И. И. Агаянц, другими резидентурами руководили П. М. Журавлев и Н. П. Лысенков. Кроме сотрудников спецотделов в войсках, в резидентурах числилось до 115 оперативников⁵⁷. В конце августа – начале сентября 1941 г. в боевых действиях на территории Ирана участвовала лишь группа чекистов из Азербайджанской ССР. Определенная польза этой группы под началом заместителя наркома внутренних дел Азербайджанской ССР С. Ф. Емельянова проявилась на последующем этапе событий. Так, руководивший группой чекистов из Армянской ССР заместитель наркома внутренних дел Геозоян, выражая позицию руководства Армении, настаивал на необходимости раздела оккупированной советскими войсками части Ирана на зоны влияния между Азербайджаном и Арменией. По его мнению, Тебриз должен был перейти в подчинение республиканских органов Армении по той причине, что армянские оперативники якобы уже приступили там к работе. Спецслужбы Армении пытались доказать, что их республика больше Азербайджана заинтересована в Тебризе⁵⁸. Информация об этом, доложенная азербайджанскими оперативниками 29 августа, заставила первого секретаря ЦК компартии Азербайджана Мирджафара Багирова действовать еще более оперативно. Он полагал, что для Южного Азербайджана уже пришло время осуществления варианта Западной Украины и Западной Белоруссии. Мобилизованной в Азербайджанской ССР «группе Азиза Алиева» надлежало обеспечить реализацию этой задачи. Еще 26 августа в шифрограмме Сталину Багиров писал сле-

дующее: «По мере продвижения наших частей возникают вопросы, на которые прошу ваших указаний. Во-первых, появление наших частей на территории Ирана население, как правило, встречает с большим воодушевлением, но в то же время местные власти разбегаются. Наши же части не оставляют в крупных населенных пунктах своих представителей, которые обеспечивали бы порядок и нормальную жизнь. В результате имеют место факты: торговцы закрывают лавки, оставляя население без предметов первой необходимости. Во-вторых, за последнее время иранские власти усиленно вооружали кулачество и верхушки кочевых племен, а наши части, проходя через эти места, не производят изъятия оружия. Тем самым создается возможность организации всяких вооруженных выступлений в тылу наших частей. В-третьих, в связи с быстрым продвижением наших частей военным работникам не удается как следует вести разъяснительную работу среди населения»⁵⁹. Багиров пытался как можно быстрее внедрить «группу Азиза Алиева» в Тебриз, чтобы взять ситуацию под контроль. Однако в посланной Сталиным 28 августа в Баку шифрограмме генсек предостерегал: «Положение в Иране пока еще неясное. Оно станет ясным через два-три дня. Через три дня получите директиву по всем нашим вопросам»⁶⁰. В эти три дня состоялся обмен нотами между министерствами иностранных дел СССР и Ирана. В ноте от 30 августа 1941 г. указывалось, что советское правительство, так же как и правительство Великобритании, не имеет намерений посягать на независимость Ирана или его территориальную целостность. Они вынуждены были предпринять военные меры на территории Ирана вследствие того, что иранское правительство не обратило внимания на их дружественные предупреждения, а подрывная деятельность немцев неуклонно расширялась. Для того, чтобы боевые действия прекратились, Иран должен взять на себя ряд обязательств, в первую очередь – признать оккупацию северных территорий советскими войсками, а южных – британскими, не препятствовать вывозу грузов с территории страны, изгнать граждан Германии из Ирана в недельный срок и т. п.⁶¹ В ответной ноте от 1 сентября правительство Ирана заявило о своем согласии со всеми требованиями союзных держав и выразило готовность к сотрудничеству. Оно также официально объявило о своем нейтралитете в начавшейся войне и обязалось гарантировать интересы СССР и Великобритании в Иране⁶².

В те дни и азербайджанское руководство не сидело без дела. После успешного наступления советской армии Багиров, чтобы ознакомиться с ситуацией в Южном Азербайджане, тайно выехал в Тебриз через Нахичевань. Позже о своем неофициальном визите он

рассказывал на совещании в аппарате ЦК: «Будучи в Нахичевани, я на три-четыре часа посетил Тебриз... В нескольких местах Тебриза я встретил семь-восемь мальчиков и девочек, захотел с ними побеседовать. Однако при виде остановившейся машины они бросились бежать. Я сказал им по-азербайджански: "Идите сюда". Услышав мою речь, они вернулись ко мне... Земля Азербайджана – наша истинная Родина. Живущие на границе нашей республики граждане уже давно разлучены со своими родственниками...» Затем Багиров остановился у висевшей на стене карты. «Когда иранское правительство делило страну на области, то указало Азербайджан вот таким, – показал он на карте. – Это ложь. Азербайджан расположен отсюда до сих пор, – снова показал он на карте. – Если не кривить душой, то и Тегеран входит в азербайджанские земли»⁶³. Наконец, в первые дни сентября Багирова вызвали в Москву для обсуждения вопроса Южного Азербайджана. В телеграмме говорилось: «ЦК ВКП(б) вызывает вас в Москву на один день. Просим прибыть. Сталин. 05.09.41»⁶⁴. В тот же день Багиров срочно вылетел в столицу. В ходе беседы наверху было достигнуто соглашение о начале поэтапной отправки в Южный Азербайджан мобилизованных в Азербайджанской ССР работников партийных, советских, правоохранительных, хозяйственных и культурных организаций. ЦК КП(б) Азербайджана утвердил кандидатуру третьего секретаря А. М. Алиева на должность руководителя направляемой в Южный Азербайджан группы. Постановили, что «миссия Алиева» приступит к деятельности в Тебризе во второй половине сентября. Были также утверждены руководители подгрупп: Сулейман Рагимов – пропагандистской, Мейбулла Амирасланов – административно-хозяйственной, Агасалим Атакишиев – специальных операций, Мустафа Кулиев – санитарно-медицинской, Мирзу Ибрагимов назначили редактором тюркоязычной армейской газеты. Эти люди во главе с Азизом Алиевым стали первыми неофициальными посланцами Советского Азербайджана в Тебризе. С целью распространения влияния СССР на Южный Азербайджан и демонстрации успехов Советского Азербайджана в сфере литературы, искусства, культуры и экономики руководство приняло решение о поставках посредством «миссии» в Тебриз, Пехлеви, Ардебиль, Решт, Астарту и некоторые другие города зерна, сахара, керосина, мануфактуры и прочих товаров, постановке в крупных городах Южного Азербайджана опер и музыкальных комедий «Кёроглы», «Лейли и Меджнун», «Шах Исмаил», «Аршин мал алан», «Не та, так эта».

По согласованию с Москвой численность сотрудников «миссии Азиза Алиева» за 2–3 месяца предстояло довести до 2 000–

2 500 чел. Договорились, что в ближайшие дни первая группа политработников в количестве 500 чел. срочно выедет в Иран. Решением Государственного комитета обороны и приказом командующего Закавказским фронтом генерал-лейтенанта Козлова от 16 сентября 1941 г. полковник-комиссар Азиз Алиев назначался членом военного совета размещенной в Тебризе 47-й армии. В приказе говорилось: «Все командированные товарищи должны руководствоваться указаниями секретаря ЦК КП(б) Азербайджана и члена военного совета Азиза Алиева. Комиссары и военно-политические органы не могут вмешиваться в дела “группы Азиза Алиева” и не могут командовать ею. В то же время командированные не могут вмешиваться в военные дела и не могут давать указания военного характера»⁶⁵. Однако военный совет 47-й армии обязали создать все необходимые условия для осуществления мероприятий, запланированных Азербайджанской ССР. Чтобы ускорить дело и послать как можно больше людей, Багиров, обратившись с письмом к командованию Закавказского фронта, уведомил его, что все расходы на обмундирование, продовольствие, вооружение и другие затраты, связанные с отправкой людей в Южный Азербайджан, будут покрыты из средств бюджета Азербайджанской ССР.

Практически каждый день с 12 по 25 сентября у Багирова происходили встречи с отправлявшимися в Южный Азербайджан работниками. Он напутствовал их: «В первом отряде мы посылаем 500 человек. Но, посылая малыми частями, за полтора месяца мы доведем эту цифру до 3 000... Вам известно, что наша Красная Армия в короткий срок заняла большую территорию Северного Ирана. Эти территории в основном являются землями Южного Азербайджана. Так сложилось исторически, что это азербайджанские земли. Крупнейшие города Ирана – Казвин, Урмия, Миане, Марага, Тебриз, Ардебиль, Салмас, Хой, Энзели и другие были родиной наших предков. И если хотите знать правду, то и Тегеран – древний азербайджанский город»⁶⁶. В стенограмме беседы Багирова 15 сентября с отправляющимися в Иран товарищами говорится: «Хочу еще добавить вот о чем: пока Красная Армия там, мы не можем позволить, чтобы на наших глазах сотни людей гибли от голода. Если в нас осталась хоть капля азербайджанской крови, то мы должны добиться объединения когда-то насильно разделенного народа... Для этого у нас есть силы и способности.... Мы должны помочь трудящимся Южного Азербайджана, как бы это ни было трудно. К этому нас призывают долг, совесть, честь, верность... Поэтому мы обратились к нашему руководителю, товарищу Сталину, с письмом, прося его помочь трудя-

щимся Южного Азербайджана... Мы всего 405 дней как начали это дело. Меня вызвали в Москву и спросили, чего я хочу. Я ответил, что мы хотим помочь нашим братьям в Южном Азербайджане, вы должны нам это разрешить. Московские товарищи разрешили нам это»⁶⁷. Однако, разъясняя директиву Москвы, Багиров отмечал: «...Помощь Южному Азербайджану должна осуществляться так, чтобы ни шахское правительство, ни англичане не могли обвинить нас во вмешательстве во внутренние дела Ирана. Ваша задача очень ответственна и почетна. Вы будете делать большое дело. Если вы справитесь с этой задачей, то это будет большая заслуга перед азербайджанским народом. Справившись с этой задачей, вы осуществите вековую мечту разделенного народа. Вы соедините разбитые сердца, любовь и чувства. Это вопрос чести, верности и любви»⁶⁸. На состоявшейся 24 сентября встрече вернувшийся из Южного Азербайджана Алигасан Шахгельдиев сообщал: «Мы проходили через село Туркменчай (*Багиров: В этом селе большой азербайджанский народ был разделен на две части*). Мы поговорили с сельчанами, и они сказали нам: “Мы устроили здесь собрание, выбрали одного представителя и отправили его в Тебриз, с тем чтобы у нас здесь была установлена Советская власть”»⁶⁹. На встречах с отправляемыми в Южный Азербайджан группами Багиров обязательно указывал на секретный характер данного предприятия и требовал строгого следования указаниям Азиза Алиева по всем вопросам.

Несмотря на все усилия Багирова, руководство страны колебалось в вопросе о Южном Азербайджане. Советские спецслужбы подготовили предложения об использовании фактора курдского сепаратизма в качестве рычага давления на Иран. После начала Второй мировой войны, особенно с 1942 г., курдский вопрос превратился в один из важнейших факторов воздействия не только на Иран, но и на Турцию. В марте 1942 г. командующий Закавказским военным округом, генерал армии И. В. Тюленев в своем докладе Сталину отмечал, что на случай войны с Турцией хорошо бы поддерживать дружеские отношения с курдами, чтобы иметь возможность использовать их людские резервы⁷⁰.

Интересно, что и Германия в то время пыталась секретно наладить связи с курдами с целью оказать давление на турок. Для этого использовались армянские дашнаки, уже сотрудничавшие с германской разведкой. Весной 1943 г. дашнаки подготовили служебную записку об использовании курдов против Турции. Записка была передана одному из верховных военачальников Германии Альфреду Йодлю. В ней говорилось, что в случае войны между Германией и Турцией дашнаки

и курды организуют высадку воздушного десанта в восточные районы Турции. Для этого предусматривалось налаживание тесных связей дашнаков с курдской организацией «Гуйбюн»⁷¹. Однако хорошо знавший Иран советский посол А. А. Смирнов выступал против «заигрывания с курдским вопросом». Он писал: «Курдский сепаратизм в Иране всегда был игрушкой в руках иностранных государств. Мы должны решительно отказаться от ошибочного заигрывания с курдами. Однако это не означает, что мы должны полностью прервать с ними все связи и отказаться от их использования в собственных целях. Но наша политическая работа на севере Ирана должна опираться на азербайджанцев»⁷².

После ввода советских войск в Иран проблема Азербайджана начала серьезно беспокоить иранское правительство. Мирза Али-хан Сохейли, занимавший пост министра иностранных дел в правительстве Форуги, образованном 28 августа, дал зарубежному дипломатическому корпусу Ирана секретное распоряжение отдавать приоритет проанглийскому курсу во внешней политике с целью противостояния советской экспансионистской угрозе и серьезно заняться азербайджанским вопросом. Послу Ирана в Анкаре он писал: «Если так будет продолжаться и дальше, то мы потеряем Азербайджан»⁷³. Премьер-министр Форуги всеми средствами пытался смягчить отношение СССР и Британии к Ирану. 8 сентября он подписал соглашение о размещении советских и британских войск в Иране.

Англичане, вначале не считавшие необходимым входить в Тегеран, очень быстро передумали, опасаясь укрепления влияния Советов на иранскую столицу. В начале сентября правительство Великобритании уведомило Москву о том, что отдало своим войскам приказ о скорейшем вступлении в Тегеран. Черчилль просил Сталина отдать советским войскам в Иране распоряжение сделать то же самое. В то время как союзные войска стояли у ворот Тегерана, 16 сентября премьер-министр Форуги предъявил Реза-шаху требование союзников отречься от престола. В сложившейся ситуации Реза-шах вынужден был выполнить это требование и отрекся в пользу своего сына Мохаммеда Резы Пехлеви. Советские войска вошли в Тегеран 17 сентября, а на следующий день прибыли и британские. В тот же день 22-летний Мохаммед Реза в меджлисе торжественно обещал соблюдать конституцию и управлять страной в соответствии с законами, принимаемыми меджлисом⁷⁴. 17 сентября Реза-шах покинул Тегеран. В сопровождении четырех сыновей и двух дочерей он направился в Исфахан, а оттуда в Индию. По решению союзников ему следовало через Сингапур уехать в Аргентину и провести там

остаток дней. Но в последний момент произошли изменения, и он сперва оказался под защитой англичан на острове Маврикий, а затем в Южной Африке. Умер Реза-шах 26 июля 1944 г. в Йоханнесбурге⁷⁵. Августовские события означали крах внешней политики Реза-шаха, равно как и его внутреннего режима, построенного на подавлении самобытных народов Ирана. Новый шах Мохаммед Реза был объявлен наследником еще 14 января 1926 г. Он получил образование в Швейцарии, закончил офицерское училище в Тегеране⁷⁶. В 1938 г., возвращаясь из Европы, он побывал в Баку. Здесь ему довелось послушать оперу Глиэра «Шахсенем».

В данной кризисной ситуации у англичан возникала идея восстановить династию Каджаров. Последний принц из династии – Гамид Мирза (сын Мохаммеда Хасана Мирзы) – обсуждал этот вопрос с британскими официальными лицами. Однако его кандидатура на престол не нашла поддержки у англичан из-за того, что он не владел персидским языком⁷⁷.

В годы правления Реза-шаха его сын Мохаммед Реза часто принимал участие в заседаниях правительства и фактически исполнял обязанности военного министра. Занимавший в тот период пост военного министра генерал Ахмед Нахичевани в действительности являлся его помощником. 16 марта 1939 г. наследник женился на египетской принцессе Февзийе⁷⁸. В церемонии бракосочетания по решению Политбюро ЦК ВКП(б) приняла участие советская делегация во главе с послом СССР в Турции А. В. Терентьевым, в которую входили командующий Закавказским военным округом Тюленев и временный поверенный в делах СССР в Иране Карташов. Эта делегация, прибывшая в Тегеран в марте 1939 г. с ценными подарками на сумму 5 800 рублей, присутствовала на роскошной свадьбе наследника династии Пехлеви⁷⁹. Февзийе получила образование в Великобритании, с правящими кругами которой у королевской семьи Египта существовали тесные связи. Это увеличивало надежды англичан на то, что они смогут перетянуть молодого шаха на свою сторону⁸⁰.

21 сентября состоялась церемония коронации. И в тот же день новый шах чисто формально представил меджлису второй состав кабинета Форуги. Первым шагом нового кабинета стало назначение 21 сентября Халила Фахими (Фахим-уль-Мульк), выходца из древней аристократической семьи, ранее занимавшего различные министерские посты и работавшего к тому времени послом в Анкаре, на пост губернатора Азербайджана. В день, когда было объявлено об этом назначении, 21 сентября, Азиз Алиев приступил к работе в Тебризе, а руководимая им группа – на всей территории Южного Азербайджана⁸¹.

§ 2. Деятельность политработников Советского Азербайджана в Иране

Командированная в 1941–1942 гг. из Советского Азербайджана миссия выполняла в Южном Азербайджане крайне серьезные задачи. Важнейшую среди них представлял запланированный на октябрь 1941 г. выпуск армейской газеты «За Родину» («Ветен йолунда») ⁸². Очень скоро газета распространилась среди населения и стала беспокоить политические круги Ирана. В шифрограмме Наркомата иностранных дел СССР Багирову говорилось: «Министр иностранных дел Ирана Сохейли пожаловался нашему послу товарищу Смирнову, что выпускаемая в Тебризе группой товарища Алиева на тюркском языке газета “За Родину” ведет коммунистическую пропаганду. Смирнов ответил, что газета рассчитана на красноармейцев и советских служащих в Азербайджане. Сохейли просит, чтобы ее не распространяли среди иранского населения. Просим сообщить, насколько обоснованно заявление министра иностранных дел» ⁸³.

В телеграммах, которые Багиров направил в Наркоминдел – заместителю наркома В. Г. Деканозову и генеральному секретарю наркомата А. А. Соболеву, он писал следующее: «Претензии Сохейли неосновательны и не случайны. Никаких шагов, затрагивающих внутренние распорядки иранского правительства, нашими работниками не делалось и не делается... Наоборот, по имеющимся у нас проверенным данным, известным также и Смирнову, за последнее время со стороны местных иранских властей в Южном Азербайджане усилились притеснения и провокационные аресты иранских граждан, “виновных” только в том, что они лояльны и с любовью относятся к красноармейским частям и выражают свои симпатии Советскому Союзу. Обо все этом прошу вас доложить Вячеславу Михайловичу [Молотову. – Дж. Г.]» ⁸⁴.

На следующий день после прибытия Алиева в Тебриз – 22 сентября – состоялась беседа с командированными в Южный Азербайджан работниками, по завершении которой они отправились в расположенные в разных городах воинские части. Большая часть тех, кто не получил прямого назначения, была оставлена в Тебризе. В этом городе предстояло работать распределенным в 1-ю Кавказскую дивизию пропагандистской группе Сулеймана Рагимова, хозяйственной группе Мейбуллы Амирасланова, специальной группе Агасалима Атакишиева, санитарной группе Мустафы Кулиева, редакционной группе Мирзы Ибрагимова под общим руководством Юниса Гаджиева. Кроме того, из первой партии командированных работников в Маку послали 16 чел., в Урмию – 22, Зенджан – 15, Пехлеви –

27, Хой – 16, Ардебиль – 15, Марагу – 15, Дилман – 15, Ушну – 16, Казвин – 16, Миане – 16, Рудашер – 16, Ношехр – 15⁸⁵.

Было подготовлено помещение для прибывающей в Тебриз группы оперного театра. Так как из-за вступления советских войск в Тегеран командование и военный совет находились там, то по завершении первичных мероприятий вечером 22 сентября Азиз Алиев поехал в столицу. В течение двух дней он докладывал о прибытии азербайджанской группы командованию, советскому послу в Тегеране Смирнову и торгпреду Алексееву⁸⁶.

В день возвращения Алиева в Тебриз некий купец по фамилии Будагян, контролировавший в городе торговлю сахаром, дабы вызвать недовольство среди населения, запретил продажу этого продукта. Имевшийся на складах сахар и сахарный песок тайно перевозились на юг Ирана. В связи с этим английский и турецкий консулы в Тебризе обратились к Алиеву с просьбой принять меры для восстановления в городе нормальных условий для жизнедеятельности. С целью прекращения саботажа градоначальника и начальника полиции Тебриза пригласили в штаб войск и потребовали от них навести порядок. К тому же вечером 24 сентября в Тебриз прибыла первая партия продовольствия из Советского Азербайджана⁸⁷. Из республиканского фонда в качестве помощи было прислано 800 тонн сахара, 360 тонн муки, 105 тонн пшеницы, 300 тыс. метров ткани. В целом до конца 1941 г. в Южный Азербайджан из Баку отправили 1 484 053 метра ткани, 2 548 тонн сахара, 1 371 тонну муки, 1 814 тонн пшеницы и прочие товары общей стоимостью 2 млн рублей⁸⁸.

В конце сентября – начале октября группа Алиева конфисковала собственность немецких фирм, работавших в Южном Азербайджане. Государственный комитет обороны еще 4 сентября 1941 г. принял решение о конфискации всех принадлежащих немцам товаров. В документе отмечалось: «1. Предложить командованию Закавказского Военного Округа взять в свое распоряжение и считать конфискованными все грузы, принадлежащие немцам и находящиеся на территории Ирана, занятой советскими войсками. 2. Конфискованные товары, за исключением той части, которая потребуется для нужд советских войск в Иране, вывезти в СССР, как трофейное имущество»⁸⁹. В итоге в Советский Союз перевезли различные товары фирм «Иран экспресс», «Гесс и К^о» и «АЕГ» общей стоимостью 1 247 000 иранских риалов. В отделениях Национального банка Ирана в Южном Азербайджане обнаружилось 11 счетов, принадлежавших германским подданным. Находящиеся на этих счетах 923 305,85 риалов были перечислены на счет 47-й армии. До 25 августа прекратилась поставка немецких товаров, привозившихся иранскими купцами⁹⁰.

По информации советских спецслужб, на тот период в Иране проживали 2 350 немцев, в том числе 870 мужчин, 1 480 женщин и детей. В Тебризе жили всего 23 немецких семьи из 112 чел., а 80 немцев были замужем за иранцами⁹¹.

В сентябре–октябре проводилась серьезная работа среди предводителей племени шахсеванов. Во время августовского вторжения советских войск отступающие иранские солдаты побросали оружие, которым завладели шахсеваны. Советские органы опасались, что они могут использовать это оружие против советской армии. В конце сентября Алиев отдал распоряжение о проведении среди шахсеванов доступной разъяснительной работы, чтобы убедить их сдать доставшееся им оружие. Выяснилось, что количество шахсеванов, живущих в 32 кланах, составляло 40 020 чел., имевших в совокупности 21 490 верблюдов, 7 967 лошадей, 595 200 овец, 50 260 голов крупного рогатого скота⁹². Шахсеваны очень боялись потерять свое богатство. 28 сентября в Хиове встретились главы шахсеванских племен – Али-хан, сын Бахрам-хана от Годжабейли, Нусрат-бек от Аджирли, Гулам-хан от Хамзали, Ядулла-хан от Аларлы, Гусейн-ага-хан, Сахиб-хан, Мир Гулам-хан от Халфали, Хатам-хан от Гейкли, Алыш-бек от Сарханбейли, Фейзулла-бек от Талыш Микаиллы и другие⁹³. Багиров, еще будучи главой азербайджанского ГПУ, хорошо знал шахсеванских вождей и через Мамеда Сарыджалинского, который в качестве члена группы Алиева действовал в Ардебиле и на Мугани, послал им требование сдать оружие⁹⁴. После успешных переговоров с представителями Советского Азербайджана и пограничных войск главы шахсеванских племен согласились сдать оружие и получили приглашение приехать в Баку на встречу с Багировым. Шахсеваны были очень недовольны правительством Пехлеви, особенно репрессивными действиями диктатуры Реза-шаха.

На встрече с Багировым в ноябре 1941 г. они заявили, что у них вообще нет никаких связей с Ираном, часть их народа живет в Советском Азербайджане, а сами они хотят присоединиться к Верхнему Азербайджану (в некоторых материалах так назван Северный Азербайджан)⁹⁵. Уже 26 сентября 1941 г. секретарь ЦК КП(б) Азербайджана Султан Кафарзаде сообщал Азизу Алиеву об отправке второй группы партработников в Тебриз. В первые дни октября все члены второй группы были распределены по населенным пунктам. Алиев рекомендовал, чтобы очередные партии направляемых в распоряжение 47-й армии уточняли места распределения еще в Баку и напрямую следовали к месту назначения.

24 октября Азиз Алиев представил Багирову первый обширный отчет о работе руководимой им группы и положении в Южном

Азербайджане, в котором отмечалось, что командировка в Южный Азербайджан из Баку партийных, советских, культурных и хозяйственных работников принесла большую пользу⁹⁶. Он писал: «Население восприняло вхождение Советов в Иран как элемент советизации. Но мы проинструктировали своих людей о том, чтобы они пресекали эту подброшенную какими-то сомнительными силами провокацию. Во всех городах, где расположены части советской армии, и близлежащих селах мы приступили к широкой пропагандистской деятельности среди населения. Распространяемые брошюры и листовки оказывают сильное влияние на население. Во многих местах крестьяне открыто говорили: “Мы не допустим ухода Красной Армии из Иранского Азербайджана, если уедете, и мы уедем с вами в Советский Союз”. Уже во всех областях Азербайджана население начало жаловаться нам на чинимые иранскими правительственными органами беззакония. Мы всеми возможными способами защищаем их». Алиев сообщил Багирову, что в его распоряжение поступили 7 автомобилей, из которых один передан редакции газеты, один Сулейману Рагимову, остальные 5 машин отправлены в Тебриз, Урмию, Маку, Пехлеви и Зенджан в распоряжение товарищей, работающих в дивизии. «Мы уже выпустили, – рапортует он, – два номера газеты “За Родину” на азербайджанском языке, что было тепло встречено населением. Есть большая необходимость выпускать газету на азербайджанском языке в Урмии и Пехлеви». Далее Алиев пишет: «В Тебризе в течение 15 лет в области науки, техники, поэзии и литературы не выпущено ни одной книги на азербайджанском языке, не было никаких условий для развития творчества писателей и поэтов, наоборот, все они подвергались преследованиям со стороны властей. Поэты и писатели Тебриза – Зейнал Генджи, Турхан Генджи, Надир Фитрет, Рухи, Садыг Нахичевани, Гейбулла Джавид и другие не могли издавать ничего из своих трудов». Анализируя ситуацию в Южном Азербайджане, Алиев рассказывал: «В школах, как правило, руководящие должности занимают фарсы. Основная часть учительства настроена против существующего порядка и выдвигает требования коренного изменения системы народного образования, о переходе занятий в школах на азербайджанский язык... о ликвидации привилегий для фарсов⁹⁷. Города и села находятся в крайне антисанитарном состоянии. В настоящее время врачебные группы работают над составлением санитарных карт по районам. 6 октября была проведена встреча наших врачей и врачей гарнизона с местными врачами города Тебриза, во главе с профессором Фахри-Атамом. Имеется крайняя нужда в средних медицинских кадрах – в акушерах и врачах-женщинах для работы среди женщин, заболеваемость среди

которых достигает высокой цифры, и доступ к ним врачам-мужчинам затруднителен»⁹⁸. Азербайджанские врачи и медсестры, служившие в советской армии, сыграли большую роль в медицинской помощи населению Южного Азербайджана. Их усилиями прошли вакцинацию 20 тыс. чел. в амбулаториях Тебриза и 10 тыс. чел. в Мараге. В лечебных учреждениях Хоя получили помощь 1 500 чел. Во всех городах Южного Азербайджана медицинская помощь оказывалась бесплатно⁹⁹. Алиев обращает внимание на незаинтересованность иранских органов власти в нормализации жизни Южного Азербайджана: «Губернатор Тебризского вилайета сам является покровителем саботажников. Зная, что многие промышленные предприятия не работают и часть крупного купечества уезжает в Тегеран и на территорию, занятую англичанами, губернатор, несмотря на наши требования, до последнего времени никаких мер не принимал для нормализации хозяйственно-экономической жизни и всячески от этого уклонялся. Лишь в последнее время, когда он был серьезно предупрежден о том, что вопрос о его действиях будет доведен через наше постпредство в Тегеране до сведения иранского правительства, он стал принимать более решительные меры»¹⁰⁰. Далее Алиев отмечает факты воровства, пьянства, грабежа среди солдат и офицеров 47-й армии: «В Тебризе и в других городах были случаи мародерства со стороны отдельных красноармейцев, которые по ночам, под видом обыска оружия, ходили по домам и отбирали у населения деньги. Таких фактов было много, и для предотвращения подобных явлений нами принимаются соответствующие меры». В конце доклада он жалуется: «Заместитель народного комиссара внутренних дел Армянской ССР Гезальян [Геозоян] забрал легковую автомашину иранца как трофейную и увез. Неоднократные требования трофейной комиссии о возврате машины остаются без ответа»¹⁰¹. В то же время Алиев особо подчеркивал, что население порой открыто требовало: «Мы Красную Армию более двадцати лет ждем. Дождались, и дальше затягивать нечего. Даешь Советскую власть»¹⁰². Накануне 24-й годовщины Октябрьской революции пошли слухи, будто в Южном Азербайджане будет установлена советская власть. Идея советизировать Южный Азербайджан действительно возникала. Но приближение германских войск к Москве заставило забыть об этом намерении. Тегеранское правительство, угадывая примерный ход мыслей Москвы и учитывая, что Советы запрещают вводить иранские войска в Южный Азербайджан, увеличило контингент жандармерии до 3 784 чел.¹⁰³

Правительственные органы Ирана запрещали азербайджанскому населению читать газету «За Родину», однако эта газета, выходявшая через день тиражом 4 тыс. экземпляров, переходила из рук в руки.

В одной информации сообщалось: «В Тебризе один старик, взяв в руку газету “За Родину”, попросил, чтобы ему читали. Когда ему начали читать, он глубоко вздохнул и сказал: “Слава Аллаху, что сейчас мы читаем газету на своем родном языке”»¹⁰⁴. В связи с ростом популярности газеты «За Родину» и усилением просоветских и патриотических настроений в Азербайджане иранское правительство предприняло контрмеры. В конце октября министр внутренних дел Ирана Джаханбани прибыл в Тебриз. 30 октября он провел совещание с участием должностных и состоятельных лиц провинции Азербайджан. В своем выступлении он напомнил о бдительности по отношению к распространению азербайджанской идеи и просоветских настроений, о необходимости беспрекословного исполнения указаний шаха и его правительства. После министра выступил губернатор Фахими и заявил, что население не должно поддаваться на провокации Красной армии, советовал не тратить впустую деньги на просмотры советских фильмов и спектаклей. Однако, несмотря на сопротивление официальных кругов, 7 ноября 1941 г. в тебризском кинотеатре «Шири Хуршуд» состоялось торжественное собрание в честь 24-й годовщины Октябрьской революции¹⁰⁵. В тот день и в других городах Южного Азербайджана проходили аналогичные мероприятия. До конца праздничных дней, т. е. до 10 ноября, Джаханбани оставался в Тебризе.

Осенью 1941 г. положение в Южном Азербайджане стало предметом обсуждений в политических кругах ряда государств. Газеты Тегерана, Лондона, Москвы, Анкары частенько публиковали материалы об Азербайджане. Азербайджанские депутаты в иранском меджлисе обвинили иранское правительство в отсутствии должного внимания к проблемам Южного Азербайджана. Они утверждали, что выделяемые Азербайджану средства расходуются не по назначению. Премьер-министр Форуги согласился с выступлениями депутатов и пообещал, что впредь приложит все усилия для обеспечения нужд Азербайджана. Он подчеркнул: «Азербайджан является одной из основных частей Ирана и всегда непосредственно участвовал в разрешении важнейших государственных вопросов»¹⁰⁶. Боязнь потерять Азербайджан породила в иранской прессе поток «любвеобильных» публикаций. Правительство направило в Тебриз Ахмеда Кесрави, чтобы он издавал там газету и объяснил азербайджанскому населению, что «они не турки». Тегеранские газеты уподобляли Иран человеческому телу, утверждая: «Азербайджан является и головой этого тела, и глазами, и сердцем». Тегеранская газета «Кушеш», освещая события, происходящие в Тебризе, писала: «Из Азербайджана получаем странные и грустные вести. Говорят, что ушедший шах

заставлял народ страдать. Теперь они выражают свое недовольство путем оппозиции центральной власти и неподчинения чиновникам из центра»¹⁰⁷. Газета даже обращалась к населению: «Теперь недовольные в Азербайджане хотят отделиться от Ирана. Господа азербайджанцы! Мы, все народы Ирана, едины без различий. Благодаря вашей отваге и героизму Иран жив по сей день. Это вы всегда грудью встречали врагов Ирана и проливали свою кровь. Это вы добыли для Ирана его историческую гордость, и мы с любовью относимся к Азербайджану»¹⁰⁸. Однако в Южном Азербайджане такие публикации встречали с недоверием. В одном из донесений советских информаторов о реакции на статьи в тегеранской прессе сообщалось: «Тебризские писатели и журналисты с возмущением говорили: "...Эти двуличные негодяи вчера нас называли тюркахамами, а сегодня лицемерно, с целью обмана восхваляют красивыми словами Азербайджан"»¹⁰⁹.

В то же время турецкие газеты «Йени Сабах» и «Джумхурийет» в октябре 1941 г. публиковали пространные статьи о тюрках Южного Азербайджана. В конце октября турецкий писатель и публицист Гусейн Джахид Ялчын в газете «Джумхурийет» заявил, что иранское правительство не уделяет должного внимания проживающим там тюркам и абсолютно безразлично относится к их судьбе. Он писал: «В Иране даже не стесняются подавлять тюрков. Мы не можем оставаться безразличными к тому, что тюрки не имеют равных юридических прав с фарсами в области просвещения, притесняются их язык и культура... Раньше, когда в Иране образовался парламент, на собрании разрешалось выступать на тюркском. Наш друг агаи Форуги когда-то был послом Ирана в Анкаре, сейчас он премьер-министр, и начал свою деятельность с того, что запретил в парламенте выступления на тюркском»¹¹⁰. После этой статьи «Джумхурийет» в тегеранской прессе развернулась антитюркская кампания. Иранские газеты стали утверждать, что тюркский язык служит лишь языком общения определенных слоев населения Ирана. Это не значит, что они тюрки. Живущие в Иране тюрки – граждане этой страны и пользуются всеми правами. Место, где ныне живут тюркоязычные иранцы, всегда было и сейчас является сердцем и мозгом Ирана. У Ирана есть свой государственный язык, обязательный для всех, проживающих здесь. Журналисты пытались доказать, что язык фарси – издревле родной для азербайджанцев, а азербайджанский язык насильно привит им в XVI в.

Статьи о Южном Азербайджане в иранской и турецкой прессе сильно нервировали Багирова. Ознакомившись с одним из донесений Азиза Алиева, он так выразил свою позицию: «Теперь у южных азер-

байджанцев появился новый хозяин, и это – турки-османы. Наверно, до них дошла такая команда, и они начали проповедовать, что жители Южного Азербайджана – их родня. Где же они были до сих пор? Кто загораживал им дорогу? Дошло до того, что Тегеран и Анкара затеяли спор. Говорят, что надо возглавить эту страну. Будто 5-миллионный азербайджанский народ до сих пор был беспризорным. Эти говорят – наше, те говорят – наше. Начали дележ. Тегеран, как видно, настолько растерялся, что кое-какие исторические факты подзабыл... Нам наши цели ясны и дорога видна... Мы, граждане Советского Азербайджана, можем сказать, что одна цель нами уже достигнута... Если и есть народ с древней государственностью и тысячелетней историей, то это азербайджанцы»¹¹¹.

10 ноября Багиров направил Алиеву свои отзывы и предложения. Он был доволен успехами газеты «За Родину», но предлагал сокращать материалы, посвященные развитию культуры, отдавая предпочтение политической информации: «Вы правильно взяли курс в отношении вовлечения передовой интеллигенции в работу газеты, но это надо делать осторожно, персонально изучая каждого вовлекаемого в работу»¹¹². Багиров разрешил организовать выпуск газет в Хое, Пехлеви и других городах. Высоко оценил он деятельность оперного театра. Большой успех у местной публики имели постановки музыкальной комедии Узеира Гаджибекова «Аршин мал алан» в тебризском театре «Шири Хуршуд», опер «Кёроглы», «Лейли и Меджнун», «Асли и Керем», М. Магомаева «Шах Исмаил». В этот успех внесли свой творческий вклад режиссер Исмаил Идаятзаде, дирижер Ниязи и руководитель балетной труппы Гемер Алмасаде. Горячий прием встречала исполнительница ролей Лейли и Асли Агигат Рзаева. Бюльбюль Мамедов и Сона Мустафаева – исполнители главных ролей в комедии «Аршин мал алан» – буквально завоевали сердца тебризских жителей. Выступление 26 октября 1941 г. в Тебризе народной артистки СССР Шовкат Мамедовой стало большим событием¹¹³. Учитывая триумф театральных постановок, Багиров санкционировал продолжение гастролей в Тебризе до 20 ноября. Но он просил Алиева разъяснить артистам, что, прибыв из Баку организованно, так же следует вернуться назад. Не умеющих сдержаться, стремящихся делать всякие покупки следует одергивать: «Надо добиться, чтобы оставить у населения самое лучшее впечатление о нашем театре, об актерском коллективе и обо всем искусстве Советского Азербайджана»¹¹⁴. Действительно, выступления азербайджанских артистов произвели в Тебризе такой фурор, что Бюльбюлю Мамедову, Саре Гадимовой, Рашиду Бейбутову и другим вскоре пришлось вновь отправиться на повторные гастроли¹¹⁵. Во время встреч с деяте-

лями искусства гости из Тебриза высказали пожелание встретиться с композитором Узеиром Гаджибековым, поэтом Самедом Вургуном, хирургом Мустафой Топчубашевым и профессором Мирасадуллой Миркасимовым¹¹⁶. Багиров предупреждал, что в курдском вопросе надо действовать осторожно. «Курдский вопрос, – напоминал он, – это самое уязвимое место в политике Ирана и Турции и самое любимое оружие в руках англичан. Этого никак забывать нельзя, в особенности в данный момент. Надо сделать все для примирения курдов с азербайджанцами Южного Азербайджана и на этой базе всеми силами и средствами приблизить курдов к нам, помогая им так же, как помогали азербайджанцам. Одним из основных моментов нашей деятельности среди курдов должно стать предотвращение попадания курдов под провокации иностранных разведок, выражающиеся в призыве к вооружению курдов, неподчинении властям, к выступлениям против иранского правительства с целью создания отдельного курдского государства»¹¹⁷.

В своем послании Багиров отмечал, что за последнее время в ряде районов Южного Азербайджана, особенно среди высланных несколько лет назад из Советского Азербайджана, раздаются призывы установить в Южном Азербайджане советскую власть. Такие факты имели место в иранской Астаре, Ардебиле, Пехлеви. Подобные выступления, считал он, инспирированы немецкой разведкой, желающей внести разлад между союзниками, и это необходимо пресекать. Багиров предупреждал, что новообразованные коммунистические ячейки, организации айсоров, армян, Народной партии Ирана (Туде) требуют осторожности в обращении. Несомненно, не остался без внимания тот факт, что создателями тебризского филиала Туде в ноябре 1941 г. стали Ардешир (Арташес) Ованесян, Давид Геворкян, Али Амир Хизи и др.¹¹⁸ Особенно подробно Багиров характеризовал Ованесяна. Он советовал остерегаться дашнаков: «Имеющиеся факты говорят о том, что дашнаки стараются каким-либо путем войти в наше доверие для усиления своей подрывной работы. Не исключено, что эти партии и организации созданы по прямому указанию зарубежных разведок». И далее: «Айсоры, например, всегда были английской ориентации и в то же время являлись агентами английской разведки, поэтому активность их на сегодня до некоторой степени является подозрительной»¹¹⁹. Багиров одобрял приезд в Баку представителей тебризской интеллигенции, вождей шахсеванских и курдских племен, рекомендовал организовать эту встречу на высоком уровне. Следуя этому указанию, 18 ноября в Баку прибыли вожди шахсеванских племен, 20 ноября – представители тебризской интеллигенции, 27 ноября – вожди курдских племен. Багиров принял

все три делегации. В беседах участвовали видные азербайджанские советские писатели и поэты Сулейман Рустам, Сулейман Рагимов, Мирза Ибрагимов и другие.

На встрече с представителями тебризской интеллигенции сопровождавший гостей Мамед Саид Ордубади сказал Багирову: «Когда товарищи шли сюда, у встречавших их азербайджанцев на глазах были слезы. Это слезы радости»¹²⁰. Багиров же подчеркнул, что иранское правительство из богатств, черпаемых в Азербайджане, хотя бы часть должно тратить на благоустройство края: «Поэтому мы возвысили свой голос: хватит, пятимиллионный народ дошел до крайности. Это плохо. Видно, не только азербайджанские братья, живущие в Иране, но и само иранское правительство поняло... что если будет нужно, мы снова возвысим наш голос. Где школы, где азербайджанский язык, где учеба, где газеты и книги на тюркском языке? Мы будем ставить эти вопросы перед ними. Но сейчас пока не время... Мы хотим, чтобы азербайджанскому народу дали право распоряжаться собой. Раз мы – азербайджанцы, то мы знаем своих азербайджанцев. Мы знаем, что такое честь. Хватит быть рабами, десятилетиями, столетиями азербайджанский народ был в рабстве... Если вы будете едины в словах, делах и поступках, вы совершите большие дела... Наш долг помогать вам. Вы, как дети Азербайджана, имеете право требовать здесь вашу долю. Но и вы должны действовать. Кровь нации должна бурлить»¹²¹. После возвращения делегации домой правительственные органы Ирана старались узнать о содержании бесед в Баку. Некоторые участники визита в Баку подверглись давлению. Но жесткое вмешательство А. Алиева пресекло это беззаконие.

Багиров подготовил для Сталина обширный отчет о проделанной до конца 1941 г. работе в Южном Азербайджане. Там нашли отражение напряженные отношения между советскими политическими, военными, дипломатическими органами в Иране и миссией Советского Азербайджана. Для уяснения ситуации главу миссии Азиза Алиева приглашали в Баку. В отчете подробно описаны и помощь, оказанная Южному Азербайджану, и проведенная политическая работа, культурно-экономические мероприятия, организация здравоохранения и т. п. Багиров просил Сталина разрешить открыть в Тебризе дом для беспризорных детей на 200–300 мест и вести там занятия на азербайджанском языке¹²². Он также отмечал, что «в результате отсутствия должного руководства боевой и политической подготовкой в ряде войсковых подразделений и частей имели место факты дезертирства, мародерства, пьянства и бытового разложения со стороны отдельных командиров, политработников и красноармейцев»: «Это явилось результатом того, что командующий советскими войсками

в Иране генерал-майор Новиков и военный комиссар Алексей Ярков не занимались повседневно вопросами поднятия воинской дисциплины, редко бывали в частях, проводили время на вечеринках, банкетах, пьянках и т. д. Своим поведением Новиков дискредитировал себя до такой степени, что даже один из иранских генералов в беседе с нашим работником заявил, что командующий пьет запоем и его собутыльником является член военного совета армии полковой комиссар Ярков. Новиков передал английскому командованию данные о наличии наших войск на территории Ирана и Закавказья и в бытность в Тебризе связался с известными дашнаками братьями Будагян, с которыми часто встречался на вечеринках и кутежах»¹²³. И генерал Новиков, и полковник Ярков секретно доносили на группу Алиева в Москву. В результате настойчивого вмешательства Багирова Новикова и Яркова отозвали из Ирана. Однако и миссию Алиева спасти не удалось. Это также объяснялось тяжелой оперативной обстановкой на советско-германском фронте. Немцы приблизились к окраинам Москвы, и многие советские учреждения были эвакуированы в Куйбышев. Советское руководство не желало создавать себе дополнительные трудности усугублением проблем Южного Азербайджана. В декабре 1941 г. Алиева вызвали в Баку, тогда же советский посол в Тегеране Смирнов командировал в Тебриз советника посольства Н. П. Иванова. Иванов и новоназначенный генеральный консул в Тебризе А. Г. Кулаженков получили задание собирать компромат на Азиза Алиева и его группу¹²⁴.

Чтобы держать под контролем события в Иране, и особенно в Азербайджане, советское руководство с осени 1941 г. расширило свою дипломатическую сеть в этой стране. 28 ноября В. П. Мигунов был назначен торговым представителем СССР в Иране¹²⁵. Политбюро ЦК ВКП(б) 27 октября 1941 г. приняло решение об открытии генеральных консульств в Тебризе и Мешхеде, консульств в Реште, Исфахане, Горгане, Эхвазе и др. городах, вице-консульств в Урмии, Маку, Бендер-Шахе, а также консульских агентств в некоторых городах¹²⁶. Кулаженкова в срочном порядке назначили генеральным консулом в Тебриз. Первым делом он, по указанию Москвы, начал собирать компромат на политработников, командированных в Иран из Советского Азербайджана. На основе материалов, собранных генконсулом Кулаженковым и советником посольства Ивановым, посол Смирнов 12 января 1942 г. послал в Наркомат иностранных дел обширный отчет о группе Азиза Алиева. Основные пункты этого отчета Деканозов изложил 17 января Багирову в телеграмме, где отмечалось, что местные власти и иностранные консульства хорошо осведомлены о наличии группы Алиева. Причем генконсул в Тебризе Кулаженков

в своем докладе послу привел якобы даже ряд примеров ее идущей вразрез с конспирацией работы. Основные факты, попавшие в отчет посла Смирнова, следующие:

1) Без должных оснований была закрыта газета «Голос Азербайджана» и в ее редакции произведен обыск.

2) В начале декабря Алиев через местных жителей направил командиру советского гарнизона в Урмии полковнику Селиванову письмо с требованием не отнимать оружие у местного населения, а уже отнятое вернуть. Письмо перехватили иранские власти, и губернатор Урмии подготовил докладную записку по этому поводу.

3) Заместитель Алиева Амирасланов 16 декабря арестовал в Урмии заместителя губернатора и привез его в Тебриз, где его отпустили. Причина ареста – избивание курдов. Теперь Амирасланов утверждает, что жизнь заместителя губернатора была под угрозой и его вывезли оттуда под видом ареста.

4) Заместитель наркома внутренних дел Атакишиев 30 декабря в Сарабе арестовал помещика, допрашивал его в жандармском управлении и предложил жандармам его арестовать. И по этому поводу губернатор подготовил докладную.

Смирнов писал: «Вряд ли нам полезна столь значительная расшифровка работы группы Алиева, который сам широко известен здесь как секретарь ЦК КП(б) Азербайджана. Одно то, что он возглавляет эту работу, вызывает уже недоверие и боязнь у иранцев, турок и англичан. О работе группы Алиева знает не только Сохейли, но даже Буллард и турецкий посол»¹²⁷. В конце телеграммы Деканозов сообщал, что урегулировать отношения между Смирновым и Алиевым пока не удалось, и советовал им встретиться. Кроме этой телеграммы, состоялась еще и телефонная беседа Багирова с Деканозовым.

В тот же день, 17 января, Багиров отправил телеграмму в Кремль и ответил на замечания Деканозова. Он писал: «После переговоров с вами Алиеву было предложено не вмешиваться в дела местной администрации, держать тесную связь со Смирновым, согласовывать с ним все мероприятия и только с его согласия ставить те или другие вопросы перед местными властями. Сегодня предложено Алиеву немедленно поехать в Тегеран и объяснить со Смирновым по всем вопросам, в том числе по существу доклада Кулаженкова... Что же касается расшифровки Алиева перед английскими, турецкими и другими представителями, я боюсь, что не Алиев, не его группа себя расшифровывают, а их расшифровывают отдельные наши работники, которые частенько без разбора пьянствовали, общались с подозрительными и сомнительными людьми. Создавшаяся обстановка не дает возможности продолжать огромную положительную работу,

развернутую нами с самого начала там, ликвидации которой, видимо, добивается Смирнов»¹²⁸.

Анализ документов позволяет утверждать, что идея ограничения действий посланцев Советского Азербайджана и постепенного вывода их из Иранского Азербайджана принадлежит советскому руководству. И активность Смирнова против группы Алиева была инициирована Наркоматом иностранных дел. Это объясняется, во-первых, тем, что в первые годы войны СССР находился в положении проигрывающего. Во-вторых, в Тегеране велись тайные трехсторонние переговоры между СССР, Англией и Ираном, и Советский Союз, нуждающийся в помощи союзников, начал постепенно сворачивать «большевистский эксперимент» в Иранском Азербайджане. В-третьих, через территорию Ирана ожидалась поставка стратегической помощи в СССР. А Иран умело воспользовался этим обстоятельством, чтобы получить от Советского Союза гарантии своей территориальной целостности. В-четвертых, англичане постоянно запугивали шаха и иранское правительство «большевистской опасностью». В свою очередь, и Турция держала в центре внимания деятельность Советов в Южном Азербайджане. В донесениях советской военной разведки указывалось, что начиная с 1942 г. англичане стали проявлять интерес к Южному Азербайджану, а турки расширили пропагандистскую активность в Восточном и Западном Азербайджане. Возникшую между курдами и азербайджанцами напряженность они старались использовать как средство давления на иранское правительство. По сведениям советских спецслужб, в политических кругах Турции появилось мнение, что «только Турция может спасти азербайджанское население от курдских грабежей». Суммируя всю эту информацию, советский посол в Тегеране писал: «Турки готовят почву для присоединения Азербайджана [Иранского. – Дж. Г.] к Турции после войны»¹²⁹.

Изменение советской политики в Иране и отказ от прежних планов связаны с секретными переговорами с британскими официальными кругами, проведенными в конце 1941 г. в Тегеране и Москве. 16 декабря 1941 г. в Кремле состоялась встреча министра иностранных дел Великобритании Э. Идена со Сталиным, который вынес на обсуждение два проекта – о помощи со стороны союзников и о советско-британских взаимоотношениях при решении послевоенных проблем, а также ряд документов, подготовленных Наркоматом иностранных дел. В этих документах предусматривалось подписание союзного договора с Тегераном. Одновременно в них указывалось, что отношение союзников к Ирану будет зависеть от выполнения Тегераном своих обязательств, взятых по этому договору¹³⁰. На са-

мом деле задача договора состояла в обеспечении безопасности военно-стратегических товаров, перевозимых в СССР по территории Ирана. Ради этого Советский Союз был готов отказаться не только от Южного Азербайджана, но также и от расширения сети коммунистических партий, строящих свою работу на основе коммунистической идеологии.

После ввода союзных войск в Иран старые коммунисты и представители левых сил получили амнистию. В сентябре они собрались в Тегеране и осенью 1941 г. обратились в Москву с просьбой воссоздать Коммунистическую партию Ирана. Исполком Коминтерна обсудил это обращение 9 декабря 1941 г. Георгий Димитров направил Сталину, Молотову, Берии и Маленкову следующую шифровку: «Группа иранских коммунистов, бывших политических заключенных, приступила к восстановлению компартии Ирана. Они создали временное бюро, выделили одного товарища (Арташес Ованесян) для связи с ИККИ и обращаются к нам за директивой. Просят также быстрее согласия отправить своего делегата к нам. По материалам Отдела кадров ИККИ и на основе сведений работников НКВД, которые на месте связаны с ними, можно считать этих иранских коммунистов вполне честными революционерами и просоветскими людьми. Одновременно в Иране создана демократическим деятелем Солейманом Мирза народная партия с демократической программой. Мирза уже на протяжении 30 лет ведет борьбу за демократические преобразования в Иране. В этой народной партии принимает участие и часть иранских коммунистов. Учитывая особые условия Ирана (совместная с англичанами оккупация, демагогическая и подрывная работа гитлеристов и их агентов, настороженность и враждебность части правящих иранских кругов), мы считаем, что восстановление Иранской компартии, которая всегда была небольшой сектантской группой, вряд ли принесет в настоящее время пользу, а известные затруднения и осложнения причинит наверняка. Это усилит подозрительность и недовольство в рядах правящих кругов, даст большие возможности немецким агентам запугивать иранскую буржуазию опасностью советизации Ирана, да и самих англичан сделает более подозрительными в отношении Советского Союза, якобы стремящегося к советизации Ирана. Поэтому полагал бы, что при нынешней ситуации не следовало бы восстанавливать компартию, а коммунисты должны работать в народной партии»¹³¹. Ознакомившись с предложениями Димитрова, Сталин 10 декабря дал согласие на создание Народной партии Ирана (Туде). Таким образом, с декабря 1941 г. партия Туде начала свою деятельность в Иране. Пользуясь этим, в целом ряде городов Ирана открылись ее местные организации. Первая

Всеиранская конференция, проведенная в 1942 г., сыграла важную роль в формировании структуры партии и подготовке программных документов. Азербайджанское отделение Туде стало одним из крупнейших в стране. В короткий срок сеть отделений партии была создана во всех крупных городах Южного Азербайджана¹³².

В начале сентября 1941 г. при обсуждении в Кремле плана мероприятий в Южном Азербайджане М. А. Багирову были даны чрезвычайные полномочия. В конце 1941 – начале 1942 г. советское руководство посредством военных, политических, дипломатических учреждений и разведорганов различными путями стало выживать командированных из Северного Азербайджана работников, стремясь поставить Багирова перед фактом сворачивания их деятельности. Переход процессов в Иранском Азербайджане в плоскость национальных отношений не совсем устраивал Советы. Поэтому Смирнов в первую очередь поставил перед Наркоматом иностранных дел вопрос о закрытии тюркоязычной газеты «За Родину», имеющей большую популярность в Азербайджане. Как раз в это время в газете собрался замечательный творческий коллектив – Мирза Ибрагимов, Сулейман Рагимов, Исрафил Назаров, Осман Сарывелли, Мехтихан Векилов, Гылман Мусаев, Шамси Бадалбейли и другие. Багиров, возражая против закрытия газеты, писал Деканозову и секретарю аппарата Наркоминдела А. А. Соболеву: «Нелояльное отношение к нам иранских властей в Южном Азербайджане дошло до того, что в Тебризе за последнее время открыто была начата демонстрация в кинотеатрах германских фашистских фронтовых эпизодов, а также издание под руководством тебризского губернатора явно фашистской газеты “Голос Азербайджана”. Иранское правительство всех более или менее лояльно настроенных к нам провинциальных губернаторов заменяет отъявленными профашистскими элементами. В свете всего этого не только считаю неправильным прекращение распространения нашей газеты “За Родину” среди населения, а, наоборот, просил бы поручить тов. Смирнову более решительно реагировать на факты провокационных действий местных властей по отношению к нам»¹³³. Багиров также предупреждал, что все эти вопросы он письменно изложил в своем донесении Сталину, которое переслал через сотрудника НКВД Викторова, сопровождавшего английского посла в Москву.

В начале 1942 г. советские спецслужбы удачно использовали события, связанные с деятельностью некоего Сартибзаде. Этот Сартибзаде, в прошлом связанный с Коминтерном деятель, теперь сотрудничал с германскими спецслужбами. Совместно с переселенцами из Советского Азербайджана Агаевым и Расуловым Сартибзаде

в пограничных районах Карадага, Джульфы, Маранда формировал партизанские отряды и поднял красные флаги с целью установления советской власти. В захваченных партизанами районах распускались органы власти и создавались органы местного самоуправления. Когда это началось, возвращавшийся из Баку Азиз Алиев находился еще в Нахичевани. Нарком внутренних дел Азербайджана Миртеймур Якубов телеграммой передал ему указание Багирова срочно ликвидировать эти «партизанские отряды». В телеграмме говорилось: «Товарищ Багиров предложил, чтобы все наши работники продолжали проводить работу по разъяснению вредности всей этой затеи... Кроме того, разъясните, чтобы немедленно вернули все отобранные деньги и оружие, которое они взяли у отдельных лиц и полиции, а также освободили из-под стражи представителей власти. Под любым предлогом задержите Расулова на нашей территории. Создайте ему условия, чтобы не чувствовал себя арестованным»¹³⁴. По поручению Багирова Алиев с группой политработников срочно выехал в Маранд и лично беседовал с собравшимися мятежниками. Распустить вооруженные отряды удалось мирным путем. Рядовые партизаны дали слово разойтись по домам, а главари были доставлены на переговоры в Джульфу и там обезврежены органами внутренних дел. Тем не менее иранское правительство поспешило воспользоваться этими событиями как поводом для ввода войск в Южный Азербайджан. 7 января 1942 г. Багиров информировал Сталина о «мятеже Сартибзаде». Одновременно он писал в Наркоминдел, что по соглашению с англичанами иранское правительство хочет уничтожить сторонников СССР, обвиняя их в бандитизме, и таким образом уменьшить советское влияние на подконтрольной территории. В то же время нельзя соглашаться со вводом на эту территорию иранских войск, иначе не избежать провокаций¹³⁵.

В январе 1942 г. Багиров обратился к заместителю наркома внутренних дел В. Н. Меркулову и заместителю наркома иностранных дел В. Г. Деканозову. В его обращении содержалась информация о провокационных действиях английской разведки среди курдов. Он писал: «Англичане, не стесняясь, разъезжают целыми группами не только по территории, где расположены английские войска, но и по территории, где расположены наши войска. Причем везде они рекомендуют населению, в особенности курдам, выступать против иранского правительства, раздают оружие. Характерно, что оружие они не передают непосредственно курдам в руки, а привозят его целыми грузовиками, разбрасывают где-нибудь недалеко от населенных пунктов, а потом курдам говорят, что в таком-то месте есть оружие, почему вы его не берете. Во всей своей работе они говорят как курдам,

так и азербайджанцам, что “мы не против того, чтобы вы добивались самостоятельности, даже путем вооруженных восстаний, но только мы в ваши дела не вмешиваемся, мы за иранское правительство”». Этим письмом Багиров пытался рассеять тучи, нависшие над группой А. Алиева, поэтому далее он разъяснял козни англичан: «Как вам известно, приписывая все это нашим работникам, они делают всевозможные представления нашему послу. А товарищ Смирнов, по своей доверчивости, не перепроверяя и не требуя объяснений от наших работников, информирует Москву в совершенно противоположном свете о якобы нетактичном и нехорошем поведении наших работников. Тогда как на самом деле наши работники ведут себя более чем сдержанно и скромно. Ни один из них за все это время не бывал за пределами территории, где расположены наши части. Что касается поведения некоторых наших военных работников в Иране, то исчерпывающие материалы в свое время были посланы в Москву... Все дело в том, что англичане, и не в меньшей степени турки, я уже не говорю об иранцах, страшно боятся всевозрастающего авторитета Советского Союза среди населения Южного Азербайджана, в том числе среди курдов. Поэтому все иностранные разведки ни перед чем не останавливаются для того, чтобы как-нибудь помешать нашим людям там работать. Мне кажется, что всего этого некоторые наши товарищи, в частности товарищ Смирнов, недопонимают». В конце письма Багиров коснулся интересного и немаловажного вопроса: «Еще одно обстоятельство, которое могут использовать те же англичане, турки, иранцы и другие и которое не дает положительных результатов для нас, – это параллелизм и дублирование в работе многих групп наших работников среди населения Южного Азербайджана, в особенности среди курдов, айсоров и армян. Я имею в виду работу разведуправления, работников НКВД Армении, которые, несмотря на указание Наркомата внутренних дел Союза, продолжают, видимо, вести там работу. Все они в погоне за вербовкой новых агентов, по существу, расшифровывают друг друга»¹³⁶.

Сотрудникам органов безопасности Азербайджана приходилось не только срывать планы спецслужб Советской Армении в Южном Азербайджане, но и внимательно отслеживать каждый шаг дашнакской партии в Иране, и особенно в Азербайджане¹³⁷. Из Москвы обещали, что посол Смирнов получит соответствующие инструкции и возникшая напряженность в отношениях с группой Алиева будет урегулирована. Поэтому Багиров рекомендовал Алиеву время от времени, условившись заранее со Смирновым, выезжать в Тегеран. В интересах дела рекомендовалось держать Смирнова в курсе всего происходящего. Багиров также призывал сотрудников из Советского

Азербайджана не падать духом и «в общем от всей той большой, плодотворной, культурной, массово-разъяснительной работы, которую мы ведем с самого начала, не отказываться, вести дальше в том же духе»¹³⁸.

После урегулирования конфликтов в Карадаге, Маранде и Джульфе 18 января Азиз Алиев вернулся в Тебриз и имел продолжительную беседу с генконсулом Кулаженковым по поводу его доклада Смирнову. Кулаженков категорически заявил, что не писал никакой докладной записки, а посылал только заметки из своего дневника послу Смирнову. Алиев доказывал, что заметки Кулаженкова необъективны. Чтобы прояснить ситуацию с докладом посла Смирнова в НКИД от 12 января, Азиз Алиев 21 января прибыл в Тегеран и подробно рассказал послу Смирнову о проведенных мероприятиях, а также просил указать конкретно недочеты в работе. Вначале Смирнов отмалчивался, затем в соответствии с докладом Кулаженкова обвинил политработников Советского Азербайджана во вмешательстве в дела иранского правительства. Выяснилось, что Смирнов вообще против ведения какой-либо разъяснительной работы среди населения. Он прямо сказал, что «население в Южном Азербайджане достаточно революционизировано, и нет необходимости проводить какую бы то ни было разъяснительную работу». Смирнов предложил Алиеву вернуться в Баку и оттуда руководить деятельностью в Тебризе¹³⁹. Пользуясь случаем, Алиев в Тегеране переговорил с первым секретарем посольства Аваловым, Кузнецовым, советником Ивановым, заместителем торгпреда Полянским. Обо всех проведенных переговорах он подробно доложил Багирову 28 января 1942 г. В его отчете указывалось на ошибочность и вредность линии Смирнова и Кулаженкова на прекращение агитаторской работы среди населения: «Полагая, что мы информировали центр о его непонятном и странном поведении, тов. Смирнов всячески старается дискредитировать проводимую нами политическую работу и этим доказать необходимость ее ликвидации. Несмотря на то, что реакционное правительство Форуги и Сохейли (министр иностранных дел) является основным виновником задержки подписания советско-англо-иранского договора, Смирнов выдвигает перед нашим правительством вопрос о поддержке этого правительства, характеризуя его как правительство антифашистское и готовое якобы сотрудничать с нами». Информация Смирнова ошибочна, настаивал Алиев. Правительство Форуги готово сотрудничать не с Советами, а с англичанами, причем кабинет Форуги потерял свою национальную опору в Иране¹⁴⁰. Посол Смирнов, напротив, рекомендовал НКИД СССР поддерживать правительство Форуги. Кстати, прогноз Алиева оказался вер-

ным. В течение семи месяцев это правительство пережило 4 кризиса и 9 марта 1942 г. ушло в отставку.

В отчете от 28 января Алиев раскрывал и причины неудовлетворительной работы Смирнова: «За семь месяцев работы в качестве посла Смирнов не имеет ни одного проверенного источника информации. Основными источниками его информации являются Буллард – английский посол, Форуги и Сохейли, а также Белошапкин (заместитель торгпреда) и состоят из официальных встреч, кабинетных бесед и данных прессы... Даже председатель парламентской комиссии по иностранным делам меджлиса Эқбаль 14 января 1942 года осудил Смирнова за недостаточную активность, игнорирование общественного мнения, внутренней жизни Ирана, за отсутствие поддержки демократическим элементам. Эқбаль упрекал Смирнова в том, что тот допустил назначение губернатором Хорасана отъявленного фашистского агента – бывшего премьер-министра Мансура. Дело дошло до того, что на стенах домов, где проживают работники советской колонии, появляются фашистские свастика и лозунги»¹⁴¹. Кроме отчета Азиза Алиева Багиров получал информацию о происходящих в Иране и Южном Азербайджане событиях от органов спецслужб. Эти сведения указывали на то, что политические деятели Советского Азербайджана, первые неофициальные дипломаты Баку, проработавшие в Южном Азербайджане пять месяцев, в скором времени будут выведены из Ирана.

26 января завершились обсуждения советско-англо-иранского союзного договора в иранском меджлисе. Парламент утвердил его 89 голосами при 8 против и 5 воздержавшихся. Иранскому правительству были даны полномочия подписать договор. 29 января 1942 г. в Тегеране в 18.15 вечера состоялось подписание союзного договора между СССР, Великобританией и Ираном¹⁴². СССР и Великобритания гарантировали совместно и в отдельности уважительное отношение к политической независимости, суверенитету и территориальной целостности Ирана и брали на себя ответственность за оборону Ирана в случае агрессии со стороны Германии или другого государства. А правительство Ирана предоставляло в распоряжение союзников свои транспортные средства, автомобильные и железные дороги, аэродромы и порты для перевозки стратегических товаров. В договоре также отмечалось, что СССР и Великобритания могут содержать в Иране необходимое количество сухопутных, морских и воздушных сил и должны вывести эти войска спустя шесть месяцев после окончания войны¹⁴³. От Советского Союза договор подписал А. А. Смирнов, от Британии – посол Ричард Буллард, от Ирана – министр иностранных дел Мирза Али-хан Сохейли. В це-

ремони подписания участвовал премьер Форуги. По этому поводу Сталин направил Форуги поздравительную телеграмму, в которой советский лидер назвал договор поворотным моментом в советско-иранских отношениях и выразил уверенность, что он послужит развитию дружбы между народами Ирана и Советского Союза¹⁴⁴. Через год Сталин поздравил с годовщиной советско-англо-иранского договора нового премьер-министра Ахмеда Кавама, назначенного на этот пост в августе 1942 г.¹⁴⁵ 10 февраля 1942 г. в связи с подписанием договора Мохаммед Реза Пехлеви и президент США Ф. Д. Рузвельт обменялись телеграммами. Шах просил Рузвельта быть гарантом территориальной целостности и независимости Ирана¹⁴⁶.

Весной 1942 г. ситуация в Иране и Южном Азербайджане изменилась. Москва все-таки настояла, чтобы в марте 1942 г. большая группа командированных из Советского Азербайджана во главе с А. Алиевым вернулась домой. Как только миссию Алиева отозвали, Политбюро позволило Наркомату внутренних дел ввести с апреля 1942 г. новый режим пересечения границы для командированных в Иран военнослужащих и советских работников. Новая инструкция ужесточала режим перехода границы в Бакинском морском порту, в пунктах Джульфа и Астара¹⁴⁷. К середине 1942 г. в Иранском Азербайджане оставались всего 84 чел. из бакинской миссии. Из них 62 чел. являлись политическими и типографскими работниками, а 17 – медработниками. Нарком внутренних дел СССР Берия в шифрованной телеграмме от 29 марта 1942 г. сообщал Багирову: «По вашей телеграмме относительно отозвания из Ирана оставшихся там партийных и советских работников и относительно прекращения издания в Тебризе и Реште газет сообщая, что вопрос мною согласован с ЦК и получено согласие на отзыв работников и прекращение издания газет»¹⁴⁸. После этой директивы в Тебризе остались лишь несколько сотрудников из Советского Азербайджана, возглавляемых М. Амираслановым. В то же время советские дипломатические учреждения в Иране были укреплены новыми кадрами. Военным атташе в Тегеран вместо М. С. Маслова направили полковника Б. Г. Разина¹⁴⁹. Заведующим отделом шифровальщиков назначили Н. Никитина¹⁵⁰. В мае 1942 г. нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов в Вашингтоне встретился с Ф. Д. Рузвельтом. Они обсудили большой круг вопросов. Речь шла в том числе и о бесчинствах курдских племен в Иране и возможной помощи американской миссии в Тегеране советским военным учреждениям¹⁵¹.

9 марта 1942 г. по представлению шаха бывший министр иностранных дел Мирза Али-хан Сохейли образовал новый кабинет¹⁵². С весны 1942 г. усилилась прозападная ориентация Ирана. В мае был

подписан англо-иранский финансовый договор, по которому Иран обязывался удовлетворять нужду англичан в риале в обмен на различные товары, фунты стерлингов и золото¹⁵³. По соглашению, подписанному в 1942 г. с англичанами и американцами, Иран получил продовольственную помощь. 3 мая 1942 г. США распространили право ленд-лиза на Иран. Линия Сохейли на сближение с Западом привела к разрыву дипломатических отношений с Японией. Он провел через меджлис закон о преследовании лиц, пропагандирующих сближение с осью Берлин–Рим–Токио. Сохейли старался угодить союзникам, но при этом в глазах соотечественников хотел выглядеть независимым политиком. Однако ухудшение материального положения населения, отсутствие обещанной англичанами помощи, распространявшиеся слухи о намерении Сохейли распустить парламент привели летом 1942 г. к отставке его кабинета. 9 августа 1942 г. опытный политик Мирза Ахмед Кавам ос-Султан сформировал новый кабинет и в тот же вечер выступил с правительственным заявлением¹⁵⁴. В своей программе Кавам особо отметил стремление сблизиться с Соединенными Штатами Америки, но ответственный сотрудник МИД Ирана Насролла Энтезам по пути в Швейцарию имел встречу на Принцевых островах близ Стамбула с бывшим германским послом в Тегеране Эттелем, которому заявил, что население Ирана не имеет проблем с хлебом благодаря британским поставкам зерна. Напротив, русские вывозят из северных областей Ирана и Азербайджана продукты питания и стада крупного рогатого скота, чему есть немало фактических подтверждений¹⁵⁵.

Первым шагом нового премьера стало приглашение в Иран американской финансовой миссии во главе со старым знакомым Артуром Милспо. Затем под разными предлогами число приглашенных американских советников увеличилось, и это послужило эффективным средством контроля над правительством. В октябре 1942 г. в Иран прибыли две американские военные миссии во главе с полковником Норманом Шварцкопфом и генералом Кларенсом Ридли¹⁵⁶. Шеридан занял пост советника при правительстве. На пятом месяце деятельности, в ноябре 1942 г., Ахмед Кавам придал миссии Милспо официальный статус. Советское посольство в своем отчете указывало: «Со второй половины 1942 года американская миссия в Тегеране усиленно начала стремиться к навязыванию связей с государственными деятелями и прессой. В Азербайджане, например, отмечается стремление американцев подчинить своему влиянию местный государственный аппарат и интеллигенцию»¹⁵⁷.

Одновременно в НКВД из Тегерана сообщали, что привлекает внимание усиление в июне–сентябре турецкой агитации в Южном

Азербайджане. Тревога дипломатических и разведывательных органов Анкары была вызвана поступившими данными о наращивании советских войск в приграничных с Турцией районах Ирана, особенно в Урмии. Об этом же в марте 1942 г. американский посол в Тегеране предупредил турецкого посла. По имеющимся у него сведениям, в гарнизоны близ турецких границ каждую неделю прибывали 4–5 тыс. чел. дополнительных сил. 22 марта турецкий посол немедленно доложил об этом в Анкару. МИД Турции дал указание в консульства в Тебризе и Резаи немедленно проверить эту информацию¹⁵⁸. Расширение антисоветской разведывательной деятельности в Восточном и Западном Азербайджане также беспокоило Москву. Новый премьер-министр Турции Шюкрю Сараджоглу, пришедший к власти в июле 1942 г., стал усиленно интересоваться судьбой тюркских народов, оказавшихся под русским игом. В августе 1942 г. советская разведка заполучила отчет германского посла фон Палена о его переговорах с Сараджоглу. В беседе затрагивались проблемы тюрков, проживающих в СССР, а также вопрос Иранского Азербайджана и проживающих здесь тюрков, которые расположены к Турции¹⁵⁹.

Новый премьер Кавам объявил себя врагом коммунизма, готовым сотрудничать с союзниками. Почуввав попытки США и Англии укрепиться в Иране, советское руководство ради военного усиления в этой стране 18 сентября 1942 г. приняло секретное постановление ГКО «Об использовании иранской военной промышленности», в котором предписывалось в пределах возможности использовать иранскую военную промышленность для нужд обороны СССР¹⁶⁰.

Осенью 1942 г. советское руководство осознало, что зря отозвало своих политработников из Южного Азербайджана. Для обсуждения этого вопроса советский посол Смирнов пригласил Мейбуллу Амирасланова на переговоры в Тегеран. В присутствии командующего советскими войсками в Иране Смирнов ознакомил Амирасланова с директивой Наркомата иностранных дел СССР. В директиве ставилась задача наладить отношения с правительством Ирана, а также с его населением и решить вопрос формирования северо-западной иранской дивизии с центральным штабом в Тебризе. В документе особо подчеркивалась необходимость работы с местным населением: «Наши консульские работники и военные товарищи забыли о том, что основное население Северного Ирана – это азербайджанцы, и это население нельзя игнорировать и симпатию его следовало завоевать. Однако на деле получилось обратное, то есть наши консульские работники и военные товарищи в своих донесениях, главным образом, пишут лишь о курдах и их симпатии и сочувствии к нам... Нельзя быть такими наивными и уверенно заявлять о том, что вожаки всех

курдских племен симпатизируют и сочувствуют Красной Армии и Советской власти... Среди курдских вожakov немало агентов иностранных разведок... Таким образом, основное внимание должно быть направлено на завоевание симпатий азербайджанского населения как главного и основного»¹⁶¹.

После ознакомления с директивой Смирнов заметил, что военные части не ведут и не хотят вести никакой работы с местным населением. Назначенный командующим вместо Новикова генерал Антонов возразил, что такое дело нельзя поручать кому попало, к тому же работа с населением не входит в функции армии. На этой встрече Смирнов с пафосом говорил о важности работы с населением и в качестве положительного примера привел огромный опыт деятельности группы Азиза Алиева. Посол выразил сожаление по поводу того, что начатая ею осенью 1941 г. работа не была завершена и группа Алиева отозвана назад напрасно.

Таким образом, военная, политическая, национальная, культурная и дипломатическая деятельность политработников Советского Азербайджана, развернутая в августе 1941 г. в Южном Азербайджане, не прошла бесследно. Чуть погодя широкие круги населения Южного Азербайджана включились в общественно-политические процессы, в активизации и углублении которых, их превращении в национальное движение неопределимая заслуга принадлежит группе Азиза Алиева.

Глава III

АКТИВИЗАЦИЯ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИКИ В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

§ 1. Начало деятельности Наркомата иностранных дел Азербайджанской ССР

В октябре 1943 г. на совещании министров иностранных дел в Москве было принято решение об учреждении органа международной безопасности и достигнуто соглашение о созыве летом 1944 г. для определения его уставных принципов конференции в Думбартон-Оксе. На ней предстояло решить вопросы о создании Организации Объединенных Наций. Советский Союз стал разрабатывать различные варианты получения возможно большего числа голосов в этой организации. Одним из вариантов являлось представительство в ООН советских союзных республик в статусе суверенных государств. Однако универсальные принципы международных отношений и международного права не признавали суверенными государства, не имеющие собственных министерств иностранных дел. Поэтому Верховный Совет СССР по представлению Совнаркома СССР и Политбюро ЦК ВКП(б) в феврале 1944 г. принял закон о предоставлении союзным республикам полномочий в области внешних связей и восстановлении в них народных комиссариатов иностранных дел. 17 февраля Москва обязала все союзные республики объявить свои кандидатуры на пост республиканского наркома иностранных дел и срочно командировать их в ЦК ВКП(б)¹. Чтобы обеспечить дипломатическими кадрами новообразованные республиканские наркоматы, Политбюро ЦК ВКП(б) еще до их создания, 29 февраля 1944 г., приняло постановление «Об организации при НКВД СССР курсов для дипломатических работников». В другом постановлении Политбюро, принятом в тот же день, содержалось указание направить слушателей в Высшую дипломатическую школу при Наркомате иностранных дел СССР. В связи с этими постановлениями 29 февраля секретарь ЦК ВКП(б) Г. М. Маленков срочно телеграфировал руко-

водству Азербайджана. В телеграмме сообщалось, что на дипломатических курсах и в Высшей дипломатической школе для Азербайджана выделено по 5 мест. Требовалось срочно отобрать из среды коммунистов и комсомольцев будущие дипломатические кадры и направить на курсы и в дипшколу. 2–3 марта 1944 г. состоялось бюро ЦК КП(б) Азербайджана, на котором Т. Кулиеву, П. Чеплакову, С. Кафарзаде, Т. Якубову и С. Емельянову поручили подобрать пять членов партии, имеющих трехлетний опыт руководящей работы в партийных и государственных органах республиканского и областного уровня, для отправки на шестимесячные курсы, а также пять коммунистов и комсомольцев на места слушателей Высшей дипломатической школы и до 10 марта представить все кандидатуры на утверждение бюро².

После телеграммы Маленкова в адрес секретаря ЦК АзКП(б) Солтана Кафарзаде пришла телеграмма заместителя начальника управления по кадрам ЦК ВКП(б) Н. Н. Шаталина, содержавшая перечень требований к слушателям Высшей дипломатической школы. Он писал, что слушателей следует отбирать среди 22–23-летних кандидатов мужского пола, имеющих высшее гуманитарное образование. Шаталин сообщал, что обучение на западном отделении Высшей дипломатической школы длится два года, а на восточном отделении – три года. Отобранные кандидаты должны быть командированы в НКВД СССР до 1 апреля 1944 г.³ В начале марта заместитель наркома иностранных дел СССР М. И. Алиев позвонил другому секретарю ЦК АзКП(б) П. Ф. Чеплакову и напомнил об условиях отбора в Высшую дипломатическую школу и на шестимесячные курсы. Возрастной лимит для дипломатических курсов не превышал 42 лет⁴. Решением бюро ЦК АзКП(б) от 30 марта 1944 г. на шестимесячные курсы были направлены: зам. председателя Госплана при Совнаркоме Азербайджанской ССР Д. М. Гаибов, зам. председателя исполкома Бакинского совета депутатов трудящихся А. А. Ализаде, зам. зав. отделом пропаганды и агитации Бакинского горкома АзКП(б) Г. Б. Абдуллаев, секретарь ЦК ЛКСМ Азербайджана Т. А. Аллахвердиев и первый секретарь Губинского райкома АзКП(б) М. А. Оруджев⁵. З. Ю. Гусейнзаде, М. А. Казиев, Ю. А. Багиров, А. М. Агаев и Э. Б. Шюкюрзаде в качестве слушателей отправились в Высшую дипломатическую школу при НКВД СССР⁶.

На основании закона Верховного Совета СССР об образовании народных комиссариатов иностранных дел союзно-республиканского уровня на сессии Верховного Совета Азербайджанской ССР 8 мая 1944 г. был принят закон о создании НКВД Азербайджанской ССР, по которому сделаны некоторые дополнения в отдельных статьях Конституции Азербайджанской ССР. В добавленной статье 16

было записано: «Азербайджанская Советская Социалистическая Республика имеет право налаживать непосредственные связи с зарубежными государствами, заключать с ними договора, осуществлять обмен дипломатических и консульских представителей». В дополнении к статье 19 Конституции Азербайджанская ССР получила право налаживать отношения с зарубежными странами. В дополнении к статье 33 отмечалось право республики посылать и отзывать дипломатические представительства в зарубежные страны, принимать верительные и отпусковые грамоты аккредитованных в республике дипломатов. Однако дополнение к статье 46 регламентировало самостоятельность внешнеполитических действий Азербайджанской ССР рамками общих правил, определенных центральными органами СССР⁷.

Вслед за образованием НКВД Азербайджанской ССР началась работа по формированию структуры и подбору кадров. Для руководства всей работой по распоряжению председателя Совнаркома Азербайджанской ССР Теймура Кулиева с 12 марта 1944 г. временно назначили заместителем наркома иностранных дел Азербайджанской ССР Агасамеда Абдулгусейн-оглы Ализаде⁸. В мае 1944 г. управление кадров ЦК ВКП(б) направило руководству Азербайджана письмо, в котором предлагалось командировать 4 слушателей на курсы шифровальщиков при НКВД СССР. Подписавшие письмо начальник 10-го отдела НКВД Ф. Рыжих и начальник управления кадров М. Силин изложили требования к слушателям: возраст 20–30 лет, членство в партии, кандидатский стаж либо членство в ВЛКСМ, абсолютное здоровье, отсутствие физических изъянов, пол – мужской. Будущим слушателям полагалось иметь полное среднее образование, хорошо знать русский язык, историю и географию. Рекомендовалось отдавать приоритет уже имеющим опыт шифровальной работы. Указывалось, что кандидаты должны быть женаты, но иметь не более двух детей. В письме говорилось, что успешно окончившие курсы будут работать в НКВД СССР, республиканских наркоматах иностранных дел и шифровальщиками при зарубежных дипломатических представительствах⁹. В соответствии с этим заданием 22 мая на курсы шифровальщиков были рекомендованы и утверждены на бюро ЦК АзКП(б) кандидатуры И. Н. Садыхова, Дж. И. Гафарова, Г. П. Джафарова и И. А. Керимова, а их документы отправлены в Москву через представителя НКВД СССР в Азербайджане Берестова¹⁰. НКВД СССР утвердил троих кандидатов, за исключением Джафарова¹¹.

В мае 1944 г. к Багирову обратился и генерал-майор Н. Н. Биязи – начальник Военного института иностранных языков при Наркомате обороны СССР. Он писал, что, выполняя задание генштаба советской

армии, ввиду требований военного времени институт обязан срочно подготовить военных переводчиков со знанием фарси. Учитывая эту потребность, он и просил Багирова в кратчайшие сроки отобрать 15–20 парней, проживающих в Губинском районе и по происхождению татов, имеющих способности к языку фарси. Отобранные должны быть в возрасте 18–25 лет, партийцами или комсомольцами, хорошо знающими родной (т. е. татский) и русский языки, а главное – пройти самую тщательную проверку. После окончания учебы они получат военный чин и вольются в ряды Красной армии. Молодежи, прошедшей отбор, надлежит прибыть в Москву до 1 июня 1944 г.¹²

Бюро ЦК АзКП(б) обсудило это письмо 26 мая 1944 г. Солтану Кафарзаде, Газанфару Мамедову и заместителю наркома иностранных дел Рагимову поручили срочно отобрать 15–20 юношей из среды татского населения селений Балаханы, Сураханы и Маштаги и обеспечить их отбытие в Военный институт иностранных языков¹³. 12 юношей, отвечавших требованиям: А. А.-В. Салманов, Ш. А. Алиев, А. Г. Аббасов, Ф. Б. Ахмедов, А. А. Абдуллаев, Ю. М. Алиев, А. М. Багишов, Н. Г. Зейналов, Ч. М. Исмаилов, А. М. Исрафилов, Ш. З. Рагимов и О. А. Сафаров – были отобраны, срочно подготовленные документы отправлены в Москву, и вышеперечисленных молодых людей приняли на курсы переводчиков с фарси¹⁴.

По представлению бюро ЦК АзКП(б) и в соответствии с законом о Народном комиссариате иностранных дел Азербайджанской ССР Президиум Верховного Совета назначил 2 сентября 1944 г. наркомом иностранных дел Азербайджанской ССР Махмуда Исмаилова¹⁵. Махмуд Алиев родился в Баку в 1908 г. В 1931 г. окончил лечебный факультет Азгосмединститута по специальности врач-невропатолог. С 1931 по 1936 г. работал врачом в различных районах и в погранотряде Закавказского политуправления, в 1936–1937 гг. учился в аспирантуре мединститута, по завершении которой в 1937–1943 гг. возглавлял управление науки и образования Наркомата здравоохранения, затем Бакинский городской отдел здравоохранения, а в 1938–1943 гг. – Азгосмединститут. В июле–ноябре 1943 г. он руководил в ЦК АзКП(б) отделом высших учебных заведений и школ. Осенью 1943 г. его вызвали в Москву и по представлению Политбюро ЦК ВКП(б) с 22 ноября назначили заместителем Молотова в НКВД СССР. В этой должности он проработал до 3 сентября 1944 г.¹⁶ Находясь на высоком посту в НКВД, он получил и дипломатический ранг чрезвычайного и полномочного посла. Проработав на руководящем посту почти год, М. Алиев после создания НКВД Азербайджанской ССР был в сентябре 1944 г. переведен в Баку, где и занял пост наркома иностранных дел¹⁷.

Решением Совнаркома республики новому наркомату предоставили трехэтажное здание бывшего клуба им. Али Байрамова по адресу: ул. Полухина (ныне ул. М. Мухтарова), 6. Из бюджета выделили средства на ремонт здания¹⁸. М. Алиев возглавил наркомат, и началось формирование его аппарата. В течение октября 1944 г. приступили к работе почти все заведующие отделами и другие должностные лица наркомата. 2 ноября М. Алиев подписал приказ № 1, согласно которому Д. М. Гаибов с 15 октября назначался заведующим политическим отделом НКВД Азербайджанской ССР, М. А. Оруджев – заведующим протоколно-консульским отделом, Т. А. Аллахвердиев – с 1 октября заведующим секретно-шифровальным отделом, М. М. Эфендиев – заведующим отделом кадров. М. А. Казиев с 15 октября стал помощником наркома, Г. Р. Агаев – с 1 октября заместителем заведующего секретно-шифровальным отделом, Г. З. Гасанов – помощником заведующего политическим отделом, Г. Б. Абдуллаев – с 15 октября ответственным референтом политического отдела, А. Н. Асирян – с 1 октября старшим референтом политотдела, А. Г. Бабаев – главным бухгалтером наркомата¹⁹. 3 ноября бюро ЦК АзКП(б) утвердило А. Ализаде заместителем наркома иностранных дел, а лиц, перечисленных в приказе М. Алиева от 2 ноября, в соответствующих должностях. Оно обратилось к Политбюро ЦК ВКП(б) с просьбой об утверждении А. Ализаде в должности заместителя наркома иностранных дел Азербайджанской ССР²⁰. Все высокопоставленные сотрудники НКВД Азербайджанской ССР на основании решения СНК СССР освобождались от военной мобилизации и получили бронь²¹. Личные дела утвержденных на руководящие дипломатические должности (Д. Гаибова, М. Казиева, М. Оруджева, Т. Аллахвердиева и М. Эфендиева) и характеристики на них, подписанные М. Алиевым, были отправлены заместителю наркома иностранных дел СССР В. Деканозову, при этом Алиев просил НКВД СССР утвердить должностные назначения вышеперечисленных дипломатов²². В декабре 1944 г. Исмаила Садыхова, завершившего обучение на специальных курсах при 10-м отделе НКВД СССР в Москве, по прибытии в Баку назначили старшим референтом секретно-шифровального отдела нового наркомата²³. 1 декабря 1944 г. окончили соответствующие курсы в НКВД СССР Джалал Гафаров и Ильяс Керимов. Они заняли должности референтов секретно-шифровального отдела²⁴. С конца 1944 г. стал формироваться и технический персонал НКВД Азербайджана. 15 ноября того же года М. Алиев приказом назначил секретарем секретариата наркомата С. А. Худиеву. Постепенно все 14 вакансий технического персонала наркомата были заполнены²⁵.

По указанию из Москвы М. Алиев 9 ноября издал новый приказ, связанный с изучением иностранных языков. Всем сотрудникам наркомата предписывалось в течение 2–3 лет выучить один западный, один восточный язык и сдать экзамены по ним. На курсах, организованных наркоматом, заместителю наркома А. Ализаде, Д. Гайбову, М. Эфендиеву, М. Казиеву надлежало за 2–3 года выучить английский и фарси, М. Оруджеву – французский и фарси, Т. Аллахвердиеву – английский и арабский, Г. Гасанову, Г. Агаеву, Г. Абдуллаеву, А. Асияну – французский и турецкий языки на должном уровне²⁶.

На эти курсы иностранных языков были привлечены сильнейшие специалисты из высших и других учебных заведений, при наркомате организовали специальную учебную группу. Возглавила ее ведущая кафедрой английского языка Азербайджанского государственного университета и Педагогического университета Р. Гаибова. В группу входили Е. Речицкая, Я. Йозеф, А. Ахундов, А. Мдивани и Г. Погосов²⁷.

Как только руководство НКВД в полном составе приступило к работе, М. Алиев составил характеристики на каждого из них и направил в НКВД СССР. Вместе с тем он просил присвоить его сотрудникам дипломатические ранги: А. Ализаде и Д. Гайбову – советника I ранга; М. Казиеву, М. Эфендиеву, Т. Аллахвердиеву и М. Оруджеву – советника II ранга; Г. Абдуллаеву и Г. Гасанову – первого секретаря I класса; Г. Агаеву – первого секретаря II класса²⁸. Решением СНК СССР от 28 мая 1943 г. для дипломатических работников НКВД, посольств и советских миссий за рубежом была установлена форма одежды. Решением СНК от 16 сентября 1944 г. за подписью Молотова эту форму ввели и для дипработников НКВД союзных республик²⁹. Ради обеспечения формой сотрудников азербайджанского наркомата М. Алиев письменно обратился к директору швейной фабрики Гаджиеву³⁰.

Для секретно-шифровального отдела новообразованного наркомата В. Г. Деканозов дал секретные инструкции, принятые ранее. В первую очередь, это была инструкция о хранении и учете оружия в управлениях и организациях, принятая 3 декабря 1942 г. В ней указывалось, что наблюдаются серьезные упущения в учете оружия, отправленного в Пехлеви, Тегеран, Кульджу, Урумчи, Карашар, Анкару, Кызыл, Алтан-Булак и другие места. Предписывалось, чтобы каждая единица оружия прошла паспортизацию в секретном отделе; руководству комиссариата вменялось в обязанность лично контролировать хранение оружия в секретных отделах; запрещалась переброска оружия из одной статьи в другую и передача его

транзитным курьером без ведома секретно-шифровального отдела; скопившееся на местах негодное и неисправное оружие подлежало отправке в секретный отдел НКВД³¹. В тот же день Деканозов прислал еще одну инструкцию: изданный им 31 августа 1944 г. приказ о повышении зарплаты сотрудников секретно-шифровального отдела с 25 сентября стал применяться и в отношении их коллег в республиках. Согласно распоряжению СНК сотрудникам секретного отдела, проработавшим в этой должности от 1 до 3 лет, полагалась надбавка в 10 %, от 3 до 6 лет – 20 %, более 6 лет – 30 %³². От другого заместителя наркома иностранных дел СССР, А. Я. Вышинского, поступила инструкция о сохранении секретности дипломатической переписки. В частности, секретно-шифровальному отделу велели составлять секретную дипломатическую переписку не более чем в двух экземплярах и на тонкой бумаге³³. Вся деятельность секретно-шифровального отдела согласовывалась с НКВД СССР. Даже план размещения этого отдела в здании наркомата, особенно план комнаты шифровальщиков, фотографии интерьера, изготовленные заведующим отделом Т. Аллахвердиевым, отправили начальнику секретной части НКВД СССР М. Томпакову³⁴.

Таким образом, осенью 1944 г. НКВД Азербайджанской ССР начал свою деятельность. А первым дипломатическим шагом наркомата стала протокольная встреча и проводы лидера французского Движения Сопротивления, генерала Шарля де Голля, который через Азербайджан направлялся в Москву. Все расходы этого вояжа покрыл НКВД СССР³⁵.

Чтобы ознакомить руководящий состав НКВД Азербайджана с политическими процессами, проходящими в странах Ближнего и Среднего Востока, НКВД СССР 29 декабря 1944 г. переслал в Баку многочисленные документы, в том числе отчеты советских послов в Иране, Турции, Афганистане, Египте и других арабских странах, информацию, характеристики на отдельных государственных деятелей и членов правительства, копии подготовленных в 1930–1940-е гг. в Москве справок о вышеупомянутых странах, обзоры иранской и турецкой прессы, составленные в посольствах, и т. п. Там оказалась очень интересная информация о президенте Турции Исмете Иненю, премьер-министре Шюкрю Сараджоглу, министре иностранных дел Хасане Сака, шахе Ирана Мохаммеде Резе Пехлеви, о шахе Афганистана и других лицах. Ввиду их политического и дипломатического значения часть этих документов до сих пор хранится в закрытых фондах Архива внешней политики Российской Федерации. Среди них: «Краткая памятная записка по Ирану», «Справка о пере-

говорах и переписке с иранцами по поводу уточнения прохождения линии государственной границы между СССР и Ираном», «Справка о прохождении линии госграницы между Россией, а затем СССР и Ираном за период с 1732 года до настоящего времени», справки по премьерам и членам иранских кабинетов в 1940-е гг., подготовленные советским посольством в Тегеране, справки о политических партиях и органах печати, существующих в Иране, обзор иранской печати начиная с 1944 г., справки о курдских лидерах в Иране, справка о британском после в Тегеране Булларде и другие секретные документы³⁶. Что касается Турции, то стоит упомянуть «Справку о существующих и действующих политических договорах и соглашениях между СССР и Турцией по состоянию на 1 января 1944 г.», «Справку о существующих экономических (торговых), пограничных, транспортных и прочих договорах и соглашениях, действующих между СССР и Турцией на 1 апреля 1944 г.», «Справку по неразрешенным вопросам между СССР и Турцией по состоянию на 15 апреля 1944 г.», справку по вопросу о проливах на конференции в Монтрё, подготовленную в НКВД СССР в 1943 г., биографии всех государственных деятелей, дипломатов, высоких военных чинов Турции, справки о турецкой прессе и обзор турецкой прессы начиная с 1944 г., справки о турецких писателях и журналистах, придерживающихся левых взглядов, и многое другое³⁷. Кроме того, был сделан заказ на поставку изданных в Москве и Ленинграде книг справочного характера по странам Ближнего и Среднего Востока, синхронистическую таблицу перевода исторических дат с лунного календаря на григорианский, составленную сотрудниками ленинградского музея «Эрмитаж», учебники по международному праву и другие материалы для использования в политическом отделе³⁸.

Для создания научно-технической и информационной базы наркомата М. Алиев в 1944 г. выписал основные печатные органы зарубежных стран и книги по истории дипломатии, в том числе: английские «Таймс», «Дейли уоркер», «Экономист», «Бюллетень международных новостей», издания парламента Великобритании «Палата лордов», «Палата общин», журнал «Великобритания и Восток», египетскую газету «Аль-Ахрам», издающийся в Дамаске журнал «Сирия и Восток», издающуюся в Палестине газету «Фелестин пост», иранские газеты «Эттелаат», еженедельник «Эттелаат», «Иран», «Рахбар», «Журналь де Тееран», еженедельник «Меужелле», турецкие газеты «Джумхурийет», «Тан», «Улус», «Ватан», «Йени сабах», журналы «Анкара», «Чинаралты», из Соединенных Штатов газету «Нью-Йорк таймс», «Азия и Америка», «Форин афферс», «Лайф»,

«Американский международный юридический журнал» и т. п. Чтобы обогатить библиотеку наркомата иностранной литературой, М. Алиев отправил в Москву обширный список необходимой литературы. Например, перечень требуемых книг, изданных в Англии, составляет 74 наименования, а в США – 63. Среди английских: «Краткая история международных отношений, 1920–1939», «Британская энциклопедия», «Сборник дипломатических документов Англии», шеститомная «История Парижской мирной конференции», «Средний Восток в 1940–1942 годах», «Европа в XIX веке» Э. Липсона, «Современный Иран» Л. Элвел-Саттона, «Турция» Б. Вардина, «Последняя надежда Гитлера» Э. Филлипа, «Оксфордский военный атлас» Дж. Стембриджа и др. Что же касается американских изданий, то в список вошли: сборник «Развитие внешней политики Соединенных Штатов», включающий обращения и письма президента Рузвельта, «История внешней политики Америки, 1776–1940» Латане (Дж. Холидея), «Пятьдесят лет войны на Балканах и дипломатия» К. Сфорцы, тридцатитомная «Американская энциклопедия», «Внешняя политика Соединенных Штатов Америки» У. Липмана, «Османская Турция и арабы, 1511–1574» Стриплинга, четырехтомная «Восточная цивилизация» Груссе, книга Дж. Кнудсона «История Лиги Наций» и другие интересные издания. В целом, список заказанных газет, журналов и книг составил 30 страниц³⁹.

Наряду с закупкой иностранной литературы определились и правила ее использования. В середине января 1945 г. нарком Алиев подписал приказ № 3, поручая заведующему секретно-шифровальным отделом Т. Аллахвердиеву принимать все иностранные газеты и журналы, подвергать их цензуре, ставить на учет и передавать в библиотеку. Что же касается иностранных книг, то в приказе отмечалось, что эти издания считаются совершенно секретными, а потому должны вручаться лично библиотекарю Сулейманову и пользоваться ими могут лишь те лица, которые имеют допуск к секретным документам. Во втором пункте приказа Сулейманову поручалось выдавать сотрудникам наркомата и другим лицам запрещенную литературу только с разрешения зав. секретно-шифровальным отделом Аллахвердиева. Самим сотрудникам наркомата запрещалось выносить из здания литературу с грифом «совершенно секретно»⁴⁰.

Таким образом, с конца 1944 г. новообразованный НКВД Азербайджанской ССР малым составом начал активную деятельность, и ожидалось, что во внешней политике СССР на Ближнем Востоке, особенно в отношениях с Ираном и Турцией, этот наркомат еще сыграет важную роль.

§ 2. Советские претензии к Турции

Тегеранская встреча «большой тройки» показала, что Советский Союз более подготовлен к перестройке системы послевоенного мира, чем его союзники. Еще 26 января 1942 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о создании «Комиссии по послевоенным проектам государственного устройства стран Европы, Азии и других частей мира» во главе с наркомом иностранных дел Молотовым⁴¹. Комиссия состояла из трех рабочих групп. Группа под руководством В. Г. Деканозова и Я. З. Сурица занималась вопросами Ближнего и Среднего Востока. Осенью 1943 г. все группы завершили подготовку советских предложений по послевоенному переустройству мира. В обобщенном виде эти предложения были представлены на Тегеранской конференции⁴².

Первоначально Рузвельт считал целесообразным проведение конференции в Анкаре, но Сталин не согласился. Еще 25 октября американский президент писал Сталину, что стоит подумать над проведением встречи в Анкаре, которая расположена на нейтральной территории. Такая мысль понравится туркам, они будут радушными хозяевами. Но советское руководство в это время уже строило различные планы с целью наказать турок⁴³.

3 августа 1943 г. заместитель наркома иностранных дел М. М. Литвинов представил Молотову свои предложения по составу и структуре Комиссии по подготовке вопросов мирной конференции. Комиссия должна была состоять из семи человек. По отдельным вопросам предлагалась помощь консультантов, получающих специальные поручения⁴⁴. 9 сентября Литвинов направил Сталину и Молотову список вопросов, которыми намерена заняться комиссия, и определил круг проблем, подлежащих изучению. В разделе XIX, п. 2 отмечено, что «Италия должна сохранить свои прежние границы, за исключением Додеканезских островов, на которые вновь будут притязать и Греция, и Турция». По всей Восточной Европе и на Балканах без исключения предусматривалось создание новых правительств, а вопросы, связанные с Турцией, были отнесены к разделу нейтральных стран. Тем не менее, в круг изучаемых комиссией вопросов включены Босфор и Дарданеллы⁴⁵.

А в январе 1944 г. заместитель наркома иностранных дел И. М. Майский представил Молотову документ, отражающий интересы СССР относительно послевоенных границ, под названием «О желательных основах будущего мира». В документе предполагалось на близкой к Турции территории Румынии построить военную базу и обеспечить себе торговый путь, «свободный и удобный», через территорию Ирана к Персидскому заливу. Предлагалось заклю-

чить договоры о взаимопомощи со всеми балканскими странами, а с Грецией – трехсторонний англо-советско-греческий пакт о взаимопомощи. Что касается Турции, то ставилась задача воспрепятствовать ее усилению. Считалось целесообразным посредством советско-болгарского и советско-румынского пактов отдалить Турцию от балканских дел. Естественно, ее место предстояло занять Советскому Союзу. Предусматривалось усиление советского влияния на Иран путем целого ряда экономических, культурных и политических мероприятий. Укрепление советского влияния на Ближнем Востоке входило в число приоритетных направлений политики СССР⁴⁶.

Ужесточение политики СССР относительно Турции с весны 1944 г. происходило на фоне формирования НКВД советских республик Южного Кавказа. Оно проявилось в подготовке НКВД СССР ряда документов, отражающих спорные моменты в отношениях двух стран. Эти документы были пересланы НКВД южнокавказских республик, в том числе и в Азербайджан. Первый из них – подготовленная 25 января 1944 г. заведующим ближневосточным отделом А. Федосовым «Справка о существующих и действующих политических договорах и соглашениях между СССР и Турцией по состоянию на 1 января 1944 года». В этой справке отнюдь не случайно дается подробный анализ Московского договора о дружбе и братстве, заключенного между РСФСР и Турцией 16 марта 1921 г., в котором затрагивались некоторые определяющие моменты касательно Азербайджана и других кавказских республик. Советский Союз готовился чуть погодя подвергнуть ревизии некоторые статьи Московского договора, особенно первое приложение, регулирующее границы Турции с республиками Южного Кавказа. В справке большое место отведено и Карсскому договору от 13 октября 1921 г. По тому, как анализировался этот договор, ясно, что советские эксперты искали юридические основания для денонсации кавказскими республиками Карсского договора. Отмечается, что в обоих договорах не указан срок их действия. Также указано, что по сравнению с этими договорами турецко-украинский договор от 21 января 1922 г. и особенно его пятая статья (о реках, впадающих в Черное море) более конкретизированы⁴⁷. В справке А. Федосова привлекает внимание договор между Турцией и СССР, подписанный 17 декабря 1925 г. в Париже. Рекомендуются вынести на повторное обсуждение вторую статью и дополнительные протоколы ввиду изменений, произошедших в ходе мировой войны, и предлагается методика отношения СССР к этим изменениям. Кроме вышеуказанных договоров, речь идет и о протоколах от 17 декабря 1929 г., 7 марта 1931 г., 30 октября 1931 г., 7 ноября 1935 г., а также «джентльменском соглашении», заключенном в Москве между ту-

рецким послом и Наркоматом иностранных дел. Полный текст этой справки, вобравшей в себя всю юридическую и политическую панораму договоров и документов о взаимоотношениях СССР и Турции, передан в Баку в конце 1944 г.⁴⁸

Еще один секретный документ, подготовленный 3 апреля 1944 г. НКВД СССР и с грифом «совершенно секретно» присланный в Азербайджан, представляет собой справку о существующих экономических (торговых), пограничных и прочих договорах и соглашениях, действующих между СССР и Турцией на 1 апреля 1944 г. По сути, возвращение к этим договорам, изучение их и оповещение союзных республик Южного Кавказа было вызвано желанием провести ревизию советско-турецких отношений. В торгово-экономической части справки представлены Протокол о реализации кредита от 1934 г., Договор о торговле и мореплавании от 1937 г.; в разделе о пограничных соглашениях – Генеральный протокол смешанной пограничной комиссии по проведению государственной границы и установке пограничных знаков от 1926 г., Конвенция о водопользовании на пограничных реках, речках и ручьях от 1927 г., Конвенция о порядке рассмотрения и разрешения пограничных инцидентов и конфликтов от 1937 г.; в разделе транспорта и связи – Почтово-телеграфная конвенция от 1922 г., Железнодорожная конвенция от 1922 г., обмен нотами между полпредством СССР и МИД Турции по вопросу о категориях посещений военными судами одной страны портов другой страны от 1930 г.; в разделе правовых соглашений – соглашения между полпредством СССР и МИД Турции о недопущении секвестра имущества советских граждан в Турции от 1928 г., обмен нотами между НКВД и турецким посольством в Москве по вопросу о выдаче наследства по легализованным консульским доверенностям от 1936 г.⁴⁹ Отдельные статьи этих договоров, соглашений и протоколов касались непосредственно Азербайджанской ССР и ее граждан.

Еще более показателен документ, подготовленный 23 апреля и озаглавленный «Справка по неразрешенным вопросам между СССР и Турцией по состоянию на 15 апреля 1944 года». Справка составлена и. о. заведующего ближневосточным отделом А. Федосовым и ответственным референтом В. Корневым, занимает 21 страницу, а примечательна тем, что после каждого «неразрешенного» вопроса дается рекомендация Наркоминдела. Впрочем, все рекомендации однотипны: использовать описанный инцидент в целях давления на Турцию⁵⁰. Немного погодя они сыграли роль прелюдии к советским претензиям к Турции. Документ, совершенно секретный по своему характеру, в копии поступил в НКВД Азербайджанской ССР.

После изгнания немецких оккупантов из Крыма, в мае 1944 г., без всякой необходимости началась депортация коренного тюркского населения Крыма, и на фоне ухудшения отношений с Турцией это носило характер чистки черноморского побережья от возможной «пятой колонны». Разрешение на осуществление депортации было дано 2 апреля 1944 г. В связи с этим нарком внутренних дел Берия направил Сталину 10 мая 1944 г. трехстраничный доклад следующего содержания: «Комиссариаты внутренних дел и государственной безопасности провели операцию в Крыму с целью выявления и ликвидации вражеской агентуры, врагов народа, сообщников германо-фашистских оккупантов и других антисоветских элементов. По положению на 7 мая 5 381 человек арестован. Реквизировано незаконно хранящихся 5 995 винтовок, 337 пулеметов, 250 автоматов, 31 миномет, множество гранат и патронов. До 1944 года более 20 тысяч татар дезертировали, предав Родину, и перешли на службу к немцам». Далее Берия писал, что фашисты с помощью прибывших из Германии белогвардейцев-мусульман создали во всех татарских районах Крыма разведывательную сеть организации «Татарский национальный комитет». Эта организация вместе с германской полицией отправила на работы в Германию 50 тысяч советских граждан, организовала сбор средств в пользу немецкой армии, устраивала травлю нетатарского населения и активно участвовала в различных провокациях. Исходя из преступных действий крымских татар против советского народа и нецелесообразности их дальнейшего проживания в пограничных районах Советского Союза, Наркомат внутренних дел представил Сталину на рассмотрение решение Госкомитета обороны о выселении всех татар из Крыма.

Берия рекомендовал использовать крымских татар в сельском хозяйстве – колхозах и совхозах, в промышленности и на стройках на территории Узбекской ССР, указывая: «Вопрос расселения татар в Узбекистане уже согласован с секретарем ЦК Узбекской КП(б) товарищем Юсуповым [Усман Юсупов в 1937–1950 гг. работал в должности первого секретаря ЦК КП(б) Узбекистана. – Дж. Г.]. По первичным данным, в Крыму сейчас проживает 140–160 тысяч татарского населения. Выселение начнется 20–21 мая и завершится 1 июня. В связи с этим в ГКО представлен проект решения. Прошу сообщить Ваше мнение»⁵¹.

Через день после обращения Берии, 11 мая, вышел приказ ГКО за подписью Сталина о депортации крымских тюрков. Операцию провели опережающими темпами. Уже 20 мая заместитель наркома внутренних дел И. А. Серов и первый заместитель наркома госбезопасности Б. З. Кобулов рапортовали Берии о завершении всех ме-

роприятий в Крыму. 4 июля Берия доложил Сталину о завершении Крымской операции. Всего из Крыма, писал он, выслано 225 009 чел., из них 183 155 татар, 12 422 болгар, 15 040 греков, остальные – представители других национальностей. В соответствии с решением Госкомитета обороны от 21 мая 1944 г. 151 604 татарина переселены в Узбекскую ССР, 31 551 татарин нашли пристанище в различных областях Российской Федерации⁵². С конца XIX в. и до депортации 1944 г. в этнодемографии крымских тюрков наблюдается интересная картина. В 1922 г. в Симферополе был издан «Статистико-экономический атлас Крыма», в котором указывалось, что в 1897 г. в Крыму проживали 186 212 тюрков, а в 1921 г. – 186 715. А в материалах депортации 1944 г. их численность указана в количестве 183 155 чел. Это значит, что за 50 последних лет число тюрков в Крыму убывало⁵³. Завершив депортацию татар, Политбюро ЦК ВКП(б) решением от 30 июня 1945 г. переименовало Крымскую Автономную Советскую Социалистическую Республику в Крымскую область в составе РСФСР. Показательно, что решение это в прессе не публиковалось⁵⁴.

На фоне обострения отношений с Турцией изгнание самого крупного из тюркских народов СССР по этническому признаку служило для азербайджанцев сигналом о наступлении беспокойного периода, возникновении политической ситуации, полной подозрительности и недоверия. В переписке с союзниками Сталин не скрывал своей неприязни к Турции. На встрече с турецким руководством в Адане в январе 1943 г. Черчилль пытался смягчить напряженность в советско-турецких отношениях, но тщетно⁵⁵. Британский премьер в Адане и весь последующий период демонстрировал симпатию к туркам. Он отправил Сталину краткое резюме своего обращения к президенту Турции Исмету Иненю, в котором писал: «Я не был в Турции с 1909 года, когда имел встречи со многими смелыми людьми, закладывавшими основы современной Турции. Дружеские отношения между Великобританией и Турцией имеют древнюю историю. Прошедшая война нанесла этой истории страшные раны. Германские интриги вкупе с английскими и турецкими ошибками привели к тому, что мы оказались по разные стороны фронта. Мы были достойными противниками, но это в прошлом. Мы и наши американские союзники готовы приложить все усилия, чтобы быть вместе и двигаться по пути мирного строительства...»⁵⁶ Но подобное благодушие Черчилля не устраивало Сталина. В феврале 1944 г. советский лидер писал Черчиллю, что Турция связана с Советским Союзом договором о дружбе и нейтралитете, а с Британией договором о взаимопомощи в борьбе с агрессором, вместе с тем за три дня до нападения на СССР она заклю-

чила договор о дружбе с Германией. Непонятно, иронизировал он, как Турция представляет себе выполнение своих обязательств перед СССР, Великобританией и Германией⁵⁷. 15 июля 1944 г. в секретном письме Черчиллю Сталин настаивал на бессмысленности переговоров с Турцией. При этом он ссылался на отказы турецкого правительства принять предложения союзников в ноябре–декабре 1943 г. и в мае–июне 1944 г. объявить войну Германии. Сталин отмечал, что в отношении Германии Турция занимает неопределенную позицию и потому не стоит давить на нее, пусть принимает решение на свое усмотрение. Естественно, это означает, что, отказавшись от войны с Германией, Турция потеряет все права на что-то претендовать при послевоенном урегулировании⁵⁸. Становится ясно, что очистка побережья Черного моря от тюркского населения весной 1944 г. имела прямую связь с грядущими намерениями Сталина насчет Турции. Чуть позже, в ноябре 1944 г., та же участь постигла турок-месхетинцев, проживавших на приграничной с Турцией территории Грузинской ССР, а также их многочисленных соседей-азербайджанцев, и это создало для Азербайджанской ССР дополнительные проблемы. 24 июля 1944 г. Берия докладывал Сталину: «В приграничных районах Грузинской ССР с Турцией живет турецкое население. Значительная часть этого населения, связанная с жителями приграничных районов Турции родственными отношениями, занималась контрабандой, проявляла эмиграционные настроения и служила для турецких разведывательных органов источником вербовки шпионских элементов и насаждения бандитских групп». Для укрепления государственных границ Берия предлагал 86 тыс. турок, курдов и хемшилов переселить в Казахстан, Узбекистан и Киргизию, взамен переселить в Грузию 7 тыс. малоземельных крестьян⁵⁹. На основании этого доклада 49 тыс. чел. подверглись выселению из Грузинской ССР в Казахстан, 30 тыс. чел. – в Узбекистан, 16 тыс. чел. – в Киргизию⁶⁰.

По решению ГКО с 20 сентября 1944 г. из приграничных с Турцией районов Грузинской ССР – Адигенского, Ахалцихского, Ахалкалакского, Аспиндзского, Богдановского и Аджарии – 69 869 чел. (15 568 семей) были переселены в Среднюю Азию, в том числе 13 434 семьи (59 780 чел.) турок, 1 830 семей (8 627 чел.) курдов, 304 семьи (1 462 чел.) хемшилов⁶¹. В докладной записке от 28 ноября на имя Сталина, Молотова и Маленкова о завершении операции по высылке месхетинских турок сообщалось, что подготовка и проведение операции осуществлены в период с 20 сентября по 15 ноября. Количество сосланных составило 91 095 чел. Из них 79 201 чел. – турки-месхетинцы. После уточнения сведений о репрессированных народах эти цифры возросли. Выяснилось, что за годы войны из Грузинской ССР

депортировали 24 тыс. азербайджанцев: 11 тыс. – в Узбекистан, около 10 тыс. – в Казахстан и примерно 3 тыс. – в Киргизию⁶². Согласно подготовленной в 1946 г. информации 3-го Управления НКГБ СССР, в годы войны депортации подверглись 400 478 чеченцев и ингушей, 60 139 карачаевцев, 32 817 балкарцев, 81 673 калмыка, 193 959 крымских татар, болгар и греков, 774 178 немцев (часть из них выселена), 84 402 турка, курда, хемшила (из Грузинской ССР), всего изгнанных граждан СССР насчитывалось до 2 млн чел.⁶³

Новые победы советской армии на фронтах в начале 1944 г. сопровождались усилением давления СССР на Турцию. Работа советских спецорганов и разведки теперь приняла характер сбора материалов, способствующих наращиванию нажима на южного соседа. В республиках Южного Кавказа, в том числе и Азербайджанской ССР, активизировалась антитурецкая агитационная кампания. После коренного перелома в ходе войны органы безопасности Азербайджанской ССР расширили деятельность по сбору системной информации об азербайджанской эмиграции в Турции, о политическом и военном положении в восточных областях.

Взятые в плен на фронте высокопоставленные немецкие офицеры делали заявления о том, что в 1942–1943 гг. Турция вынашивала планы нападения на СССР. Так, пленный генерал-фельдмаршал Фридрих Паулюс рассказал советским органам, что в декабре 1941 г. существовал план переброски немецкой армии из Северной Африки через Турцию на советский фронт и якобы турецкое правительство обещало свою помощь. По его показаниям, армия Роммеля должна была участвовать в оккупации Кавказа. Другой военнопленный генерал-лейтенант Винценц Мюллер вспомнил заявление Гитлера на совещании в Полтаве в середине 1942 г., что, как только немецкая армия появится на Кавказе, он постарается привлечь Турцию в ряды своих союзников и что наступление на Кавказ преследует цель захватить источники нефти, а также втянуть Турцию в войну на стороне Германии. Полковник Рихард фон Вердер из 11-й армии фон Манштейна на допросе показал, что после захвата Крыма в июле 1942 г. туда прибыла внушительная делегация ответственных турецкого МИД и влиятельных представителей прессы во главе с директором управления печати кабинета Шюкрю Сараджоглу. По словам Вердера, прибывшие турки изучали возможность создания в Крыму независимого татарского государства⁶⁴. Фельдмаршал Паулюс и Винценц Мюллер даже раскрыли точную дату нападения Турции на СССР. Они подписали документ, удостоверяющий их заявление, будто после завершения всех приготовлений правительство Исмета Иненю намеревалось напасть на СССР 17 октября 1942 г.⁶⁵

Бывший полковник Рихард фон Вердер пошел еще дальше, утверждая, что Анкара требовала в случае вступления в войну присоединить к Турции приграничные районы СССР, особенно Армению. Он подробно описал приезд в Крым турецкой делегации в июле 1942 г. и подтвердил намерение Турции вступить в войну в случае захвата Кавказа германской армией⁶⁶.

По мере продвижения войск вермахта к Кавказу немецкая разведка приступила к сбору разведанных по Ирану. Секретный агент германской разведки Франц Майер наладил сбор материалов о военном и внутривосточном положении Ирана, советских и английских войсках, строительстве дорог и укреплений, возможности ведения радиопропаганды и других вопросах. Добытую информацию он передавал в ставку Гитлера через японского посла в Тегеране Итикаву⁶⁷.

Летом 1944 г. разведуправление Закавказского фронта, штаб которого располагался в Тбилиси, подготовило детальные карты размещения турецких армий в районах Стамбула, Измира, Анкары, Эрзурума, Синопа, Хатая, Восточной Анатолии, проливов и Западной Анатолии. Карты такого типа обычно готовились накануне наступления на вероятного противника. Карта дислокации турецких вооруженных сил, состоявшая из 8 частей, была утверждена 15 мая начальником штаба Закавказского фронта генерал-лейтенантом Ивановым и послана начальником разведки Закавказского фронта полковником Горшковым 6 июня 1944 г. специальной почтой первому секретарю ЦК АзКП(б) Багирову⁶⁸. В то же время генштаб советской армии составил спецкарту расселения курдских племенных объединений на территориях Ирана, Ирака и Армении по границам Турции. В левом углу этой карты указаны названия 42 племен, имена их главарей и численность каждого племени. Сбор сведений и подготовка подобной карты советским генштабом, изображение восточных провинций Турции в окружении воинственных племен выдавали скрытые намерения Советов в отношении Турции⁶⁹. Эту секретную карту генштаба также специальной военной почтой доставили руководству Азербайджанской ССР. После образования НКВД Азербайджана в 1944 г. в Баку поступила и копия секретной инструкции по курдскому вопросу, разработанной В. М. Молотовым для советских дипломатических служб в странах Ближнего Востока⁷⁰.

Вместе со всеми отмеченными бумагами в конце 1944 г. в Баку прислали и очень важные переписку и справки НКВД СССР по вопросу о политико-юридическом статусе турецких проливов. Наркомат иностранных дел Азербайджана получил документы по истории и современному состоянию вопроса, составленные советскими экспертами с целью ревизии режима проливов. Присылка этих справок и

секретных документов в республики Южного Кавказа, в том числе в Азербайджан, имела целью подготовить республиканские наркоматы иностранных дел к ожидаемым переменам. С осени 1944 г. отправной точкой советской политики в отношении Турции служил пересмотр Конвенции Монтрё по режиму проливов. Данная тема подробно обсуждалась Сталиным и Черчиллем во время визита британского премьера в Москву в октябре 1944 г. Следует учесть, что советская делегация работала над этим вопросом еще накануне Тегеранской конференции. 26 ноября 1943 г. сотрудники Наркомата иностранных дел Адамов, Гармаш и Кобляков написали 12-страничную справку «Вопрос о проливах на конференции в Монтрё» на основании имеющихся в Москве архивных документов. Один экземпляр справки выслали в Азербайджан. В ней были отражены принципы, защищаемые Советской Россией на Лозаннской конференции, процесс подготовки к конференции в Монтрё и позиция Советского Союза на том этапе, обширная переписка с МИД Турции по согласованию советских предложений, начало и ход конференции в Монтрё, противостояние с британскими делегатами, текст договора по режиму проливов и, наконец, факты нарушений договора и их анализ⁷¹. Содержание справки указывало на то, что Советский Союз ищет пути ревизовать Конвенцию Монтрё. Направление документа в Баку и другие кавказские столицы входило в план Москвы по привлечению их к этому процессу. Позднее стало ясно, что в целом ряде документов, подготовленных советскими экспертами по вопросу о проливах, предусматривалось голосование прибрежных государств, а приобщение кавказских республик к решению судьбы турецких проливов могло увеличить число желательных для СССР голосов. Первые попытки в этом направлении делались еще в Лозанне⁷².

После Первой мировой войны юридическую сторону проблемы проливов решала Лозаннская конференция. Россия тогда настаивала на закрытии проливов для военных кораблей всех стран кроме Турции. По ее проекту, только в особых случаях, по специальному декрету турецкого правительства, отдельные малые военные корабли могли проходить по проливам в обоих направлениях, но при условии отсутствия у них военной цели. В военное же время для всех кроме турок проливы надлежало закрывать. И, наконец, Турция должна была получить право военного укрепления проливов, чтобы иметь возможность контролировать соблюдение конвенции и взять на себя эти обязательства перед всеми ее участниками. Отстаивание данных принципов в Лозанне показывало, что Россию заботят не столько интересы Турции, сколько обеспечение собственной безопасности. Хотя при таком режиме она сама теряла возможность выйти за пределы

Черного моря, но, вместе с тем, получала гарантированную защиту от неожиданных визитов непрошенных гостей⁷³. Советская Россия даже подумывала оказать давление на Анкару и заставить ее в Лозанне поддерживать этот проект. Г. В. Чичерин писал Л. М. Карахану в Москву: «Надо указать в Ангоре, что, если турецкое правительство будет против нас, мы найдем другие способы самозащиты»⁷⁴. Однако давление не принесло результатов. Турки в Лозанне пошли на уступки англичанам, и в основу соглашения лег английский проект, базировавшийся на двух принципах: «свободы проливов» и «демилитаризации зоны проливов».

Отказ Турции поддержать советские предложения в Лозанне объяснялся, с одной стороны, тем, что она была не в состоянии единолично осуществлять контроль над проливами. С другой стороны, Турция стремилась к международному признанию своей независимости и добилась того, что Лозаннская конференция признала ее восстановленные национальные границы. Лозаннский мирный договор положил конец вмешательству иностранных государств во внутренние дела Турции. Поэтому, несмотря на ряд уступок в вопросе о проливах, он может расцениваться как победа турецкой дипломатии. Блокирование с Россией в вопросе о проливах, несомненно, могло привести к международной изоляции Турции и плачевным результатам. Теперь, осенью 1944 г., «антисоветский» демарш Турции в Лозанне во всех советских проектах ставился во главу угла.

В справке НКВД СССР, присланной в Баку, давался обширный анализ Конвенции Монтрё, регулирующей режим проливов. Конференция, начавшая свою работу 22 июня 1936 г., после целого месяца бурных обсуждений завершилась 20 июля 1936 г. подписанием Конвенции о режиме проливов. Конвенцию, состоящую из 5 разделов, 29 статей, 4 приложений и 1 протокола, подписали представители Турции, СССР, Болгарии, Румынии, Великобритании, Франции, Японии, Греции и Югославии. Все участники подтвердили, что режим черноморских проливов строится «в рамках безопасности Турции и безопасности в Черном море прибрежных государств». Конвенция была заключена на 20 лет. За два года до окончания этого срока любое из подписавших ее государств могло потребовать прекращения ее действия⁷⁵. Созданная на Лозаннской конференции международная комиссия ликвидировалась, и функция трактовки нового договора передавалась Турции. Таким образом, в Монтрё Турция вернула все, потерянное в Лозанне.

В октябре 1944 г. состоялась встреча советского и британского руководства, после которой Комиссия по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства под руководством Литвинова подгото-

вила большой документ «О перспективах и возможной базе советско-британского сотрудничества». Вопрос о проливах, говорилось там, потерял прежнюю остроту, но сохраняет актуальность. Нынешнее положение вещей устраивает Британию, но не Советский Союз. Рассмотрение этого вопроса неизбежно, и вряд ли Англия будет против. СССР должен вести процесс пересмотра конвенции в выгодном для себя направлении и по возможности передать контроль над проливами в руки черноморских стран. Нет никаких оснований думать, что Англия тут не согласится с СССР⁷⁶. Таким образом, в документе Литвинова исторически обосновывалась необходимость пересмотра в интересах СССР Конвенции Монтрё, а также предлагалось заключить с Англией «джентльменское соглашение» о разделе «сфер безопасности в Европе и на Балканах» и включить Турцию в советскую «сферу влияния». В конце документа отмечалось, что отдельно будут обоснованы предложения по достижению взаимного согласия относительно пересмотра Конвенции Монтрё. НКВД СССР выражал уверенность в послевоенном англо-советском сотрудничестве в Иране, Афганистане и, возможно, в Китае. В экземпляре, который читал Молотов, есть заметки, демонстрирующие его интерес к тому разделу, где говорится о «сферах влияния».

Второй материал, подготовленный комиссией Литвинова, озаглавлен «К вопросу о проливах» и является дополнением к заметкам об основах сотрудничества с Англией. Он анонсировался в третьем пункте заключительной части предыдущей большой справки. В тот же день, 15 ноября 1944 г., четырехстраничный документ, содержащий пожелания и предложения СССР по вопросу о проливах, был отправлен Сталину, Молотову, Деканозову, Майскому, Сурицу, С. А. Лозовскому и Д. З. Мануильскому. В его основу легли ранее подготовленные исторические справки. В целом, документ посвящался лишению Турции исключительного права пропускать корабли через проливы. Указывалось, что конвенция теряет силу в 1956 г. и до тех пор без согласования с Турцией ставить вопрос о выгодных для СССР изменениях нельзя. Но Литвинов отмечал, что, опуская ряд формальностей и с учетом сильного изменения ситуации под влиянием войны, стало возможным ставить на обсуждение вопрос о Конвенции Монтрё. При этом он ссылаясь на необходимость вывести Японию из числа участников конвенции, а также на то, что в нескольких статьях конвенции упоминается Лига Наций, которая уже прекратила свою деятельность. Турция, считал Литвинов, будет сопротивляться пересмотру конвенции, поэтому требуется предварительное согласование с большинством участников, а главное с Англией, и в обстановке сотрудничества можно будет пересмотреть

соглашение заново⁷⁷. Комиссия Литвинова рекомендовала советскому руководству отказаться от принципа интернационализации контроля, существовавшего в период между Лозанной и Монтрё. Однако вполне приемлемым назывался контроль черноморских держав при условии достаточного укрепления советского влияния в Румынии и Болгарии. В таком случае СССР имел бы в контрольной комиссии три четверти, а если включить в комиссию Украину и Грузию, то и пять шестых голосов⁷⁸. В Наркомате иностранных дел СССР шла напряженная работа по изменению Конвенции по проливам и ликвидации особых прав Турции на Босфор и Дарданеллы. 17 ноября 1944 г. Сталину, Молотову, Деканозову, Лозовскому и другим представили новую, двухстраничную справку «К вопросу о проливах»⁷⁹.

Таким образом, начиная с весны 1944 г. советско-турецкие отношения вступили в стадию неуклонного обострения. Накануне Крымской конференции Советский Союз разрабатывал различные варианты действий, чтобы положить конец единоличному контролю Турции над ее территориальными водами – черноморскими проливами. Но это был лишь первый этап советских требований к Турции. Впереди Анкару ожидали советские территориальные претензии к восточным вилайетам.

§ 3. Перелом в ходе Второй мировой войны и возобновление работы в Иранском Азербайджане

Освобождение советских земель от фашистов и выход Красной армии к границам европейских государств разожгли экспансионистские аппетиты СССР. Идея подобраться к энергетическим ресурсам Ирана и стран Ближнего Востока вновь стала притягательной. С начала 1944 г. постепенно менялась и политика Советов относительно Южного Азербайджана. Одним из зримых моментов активизации СССР в Иране оказалась отставка пассивного посла К. А. Михайлова по состоянию здоровья в мае 1944 г. Решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 24 мая 1944 г. должность посла Советского Союза в Иране занял М. А. Максимов⁸⁰. Существенным фактором для СССР явилась и политика союзников – США и Великобритании – на Ближнем и Среднем Востоке, их подготовка к реализации своих национальных интересов в этих регионах после окончания войны.

Консул Соединенных Штатов в Тебризе Ричард Форд в октябре 1943 г. представил в Государственный департамент обширный 35-страничный меморандум о социальном, политическом и экономическом положении Иранского Азербайджана. Он пояснял, что в

Азербайджане нет общепринятых печатных органов, а потому меморандум составлен на основе личных наблюдений консула и информации отдельных людей. Первый раздел документа посвящен расовой особенностью Азербайджана. Здесь указано, что «большинство родившихся в Азербайджане людей, независимо от расы, считают себя азербайджанцами»⁸¹. Р. Форд отмечает, что проживающие в Азербайджане тюрки отличаются от турок-османов, но корни у них общие и на одном из этапов истории они были единым народом. Кроме того, пишет он, в Азербайджане проживают армяне и ассирийцы, племена курдов и «20 тысяч прекрасных грузин». Все они говорят на своих языках, но «общим языком общения является тюркский диалект»⁸². Второй раздел меморандума называется «Основная особенность населения», а третий раздел озаглавлен «Религиозные верования народа»: Азербайджан в нем изображается родиной шиизма. По словам Форда, Азербайджан нес на себе тяжесть религиозных войн, веками длившихся между Ираном и Османской империей «Благодаря либерализации тюркской идеи, – добавляет он, – можно сказать, что бывшая напряженность спала, и теперь Азербайджан, расположенный как буфер между бывшими врагами, озабочен более курдскими мародерами, чем турецкой опасностью»⁸³. Такое отношение к азербайджанцам курдов Форд объяснял приверженностью последних к суннизму. Уделив большое внимание религии азербайджанцев, консул пришел к выводу, что «азербайджанцы верят в единственно святое божество по имени Аллах, и если молла не является его пророком, во всяком случае повсеместно представляется его символом»⁸⁴.

Четвертый раздел меморандума, озаглавленный «Экономическое положение Азербайджана», может считаться наиболее подробно разработанной частью. Здесь приводится обширная информация об экономической жизни Азербайджана, его промышленности и сельском хозяйстве, сельской жизни, городских центрах, образе жизни людей, о здравоохранении и санитарии, условиях труда, образовании и вопросах культуры. Как и многие другие, Ричард Форд считает Азербайджан зерновой кладовой Ирана и отмечает способность Советов влиять на экономическую жизнь этой страны. По его мнению, влияние осуществляется опосредованно, через либеральные группы, действующие от имени «иранского народа». В документе отмечено, что, по местным сведениям, 90 % населения Азербайджана не имеет образования. Форд пишет о безрадостном состоянии тебризской прессы, которая представлена газетой «Шахин», выходящей раз в две недели на двух листах. Что же касается культурной жизни в провинции, то, по словам Форда, в некоторых больших городах до

слуха доносятся звуки музыки, но нет ни театров, ни кино, если не считать нескольких обшарпанных кинотеатров, где на старом оборудовании крутят старые фильмы. Литературных кружков и обществ, по его информации, в Азербайджане также не существовало. Были лишь чайные дома, где люди собирались, чтобы обсудить вопросы местной политики⁸⁵.

Пятый раздел меморандума озаглавлен «Политические позиции Азербайджана», и в первой же фразе говорится: «Азербайджанский народ любит политику... и политика входит в круг общественных интересов населения, она является темой от 99 до 100 процентов всех обсуждений слухов, циркулирующих на базаре и в чайных домах». На момент составления меморандума население Азербайджана волновал вопрос о разделе Азербайджана на две части, между третьим и четвертым останами. Форд отмечал недовольство местного населения. В качестве примера консул приводил выдержки из газеты «Шахин» от 17 сентября 1943 г., писавшей: «Азербайджан неделим. В чем же смысл деления на третий и четвертый останы. Это Азербайджан! Постыдную политику Пехлеви надо остановить. Все мы знаем, что старый шах не доверял Азербайджану. Азербайджан, в особенности его свободолюбивая душа – героический город Тебриз, – в любой момент мог создать для него хлопоты и затруднения. Поэтому целью шаха было максимально ослабить этот край и спокойно осуществлять свою диктатуру... Он хотел уничтожить этот центр свободы, унижить Азербайджан и свести на нет его значимость. Чтобы обезопасить свой престол, династия Пехлеви, придя к власти, решительно ослабила столицу Азербайджана, вынудив ее жителей бежать отсюда, Тебриз опустился до уровня деревни»⁸⁶. Сравнивая различные мнения и ссылаясь на суждения некоторых политических кругов, Форд заключал, что раздел Азербайджана – самая хорошая, самая безопасная административная политика: «Люди чувствуют, что сильный единый Азербайджан всегда, особенно после войны, будет представлять угрозу целостности Ирана... Как член национальной семьи Азербайджан, несомненно, был самовлюбленной, эгоистичной провинцией»⁸⁷. По мнению Форда, «во всяком случае, эта провинция, в смысле обеспечения потребности страны в пшенице, имела большие возможности помочь другим провинциям Ирана и до сих пор это делает»⁸⁸.

В меморандуме уделено место и отношению к Советскому Союзу и советским войскам в Иране. Американский консул отмечал, что на фоне размещенных по всей провинции советских войск трудно определить характер отношения местного населения к Советскому Союзу. Форд полагал, что за последние 50 лет влияние могучего северного соседа на Северный Иран было столь велико, что у мест-

ного населения уже сформировался психологический иммунитет. В настоящий момент, добавил Форд, он не слышал от населения и не встречал в прессе заявлений, осуждающих советский народ или армию: «Напротив, в немногочисленных публикациях прессы и выступлениях ораторов содержится хвала в адрес советской власти. Такой подход есть проявление осторожности нормальных времен плюс современного страха. Конечно же эти высказывания неискренни»⁸⁹. Свои наблюдения политического плана Форд обобщает следующим образом: «В настоящее время действительно в Азербайджане кроется загадка. С одной стороны, неизвестна дата вывода советских войск, с другой стороны, единокровная с ней советская республика стоит на границе Иранского Азербайджана, и из Азербайджанской Советской Социалистической Республики с населением провинции Азербайджан говорят на одном языке, и с обеих сторон границы живут тюрки. История обеих сторон переживала синхронно взлеты и падения. Селения похожи друг на друга, люди одинаково едят и одеваются, одинаково работают и даже думают... Наконец, громадная тень советской армии, временно нависшая над Азербайджаном, придает этому вопросу особое звучание»⁹⁰. Три многочисленные группы, размещенные в этой провинции: иранские подданные, совсем недавно выдворенные из Советского Союза и хорошо знакомые с советской идеологией, армяне, недовольные иранскими мусульманами, и прибывшие в Иран после советизации кавказские мусульмане – могли бы, по мнению Форда, превратиться в инструмент советской политики в провинции и на днях в Тебризе даже образовали общество друзей Советского Союза. После войны, полагал Форд, советская опасность неизбежна, и перед мощью России Иран сейчас похож на мышь, беспечно резвящуюся в лапах кота. Есть одна лишь надежда на спасение – союзники, в том числе сила и возможности Соединенных Штатов⁹¹. Форд считал, что США в будущем могли бы стать единственным арбитром в Иране; ни союзники вместе, ни Великобритания и Россия по отдельности эти функции выполнять не сумеют, только США⁹². Как видим, обеспокоенность советских спецслужб и дипломатов усилением позиций Великобритании и США имела под собой почву.

В свою очередь, начиная с середины 1943 г. иранские власти пытались укрепить свои вооруженные силы и жандармерию в Азербайджане. Советская военная разведка выявила, что размещенная в Азербайджане 3-я Северо-Западная дивизия состояла из 7-й Тебризской, 8-й Урмийской, 9-й Ардебильской бригад. В 3-й дивизии к концу 1943 г. служили 123 унтер-офицера, 4 170 офицеров и рядовых, всего 4 293 чел. Из вооружения она располагала 3 546 вин-

товками системы «Брно», 189 пулеметами «Брно», 6 горными 77-мм пушками, 4 пушками «Бофорс» и 6 танками. В декабре 1943 г. по программе, подготовленной американскими военными, в 3-й дивизии организовали шестимесячные военные курсы. В начале 1944 г. численность войск в Азербайджане достигла 5 200 чел.⁹³ Вначале дивизию возглавлял бригадный генерал Хосровани, а с 1944 г. командование принял бригадный генерал А. Дерахшани. Он был родом из Урмии и одно время занимал должность генерал-губернатора 4-го остана.

Победы советской армии на фронте, усиление международного авторитета СССР не могли не оказать влияния на настроения в Южном Азербайджане. НКВД СССР направил в Баку документ, из которого видно, как один из крупнейших фабрикантов и купцов Тебриза Хойи Рагимзаде оценивает международное положение: «Обстановка складывается так, что мы должны сотрудничать с русскими. В противном случае они найдут какого-либо Тито или человека наподобие нашего амбала и с его помощью отберут все наше имущество. События в Югославии и польский вопрос показали, что Англия и Америка бессильны что-либо предпринять против России»⁹⁴.

О ходе событий в Южном Азербайджане в целом вице-консул в Тебризе С. Марченко 5 июня 1944 г. прислал заместителю наркома иностранных дел СССР С. И. Кавтарадзе обширный отчет на 84 страницах⁹⁵. В связи с изменением ситуации на международной арене и в Иране Москва по предложению руководства Советского Азербайджана вновь сочла возможным вернуться к азербайджанской проблеме. 6 марта 1944 г. на своем заседании правительство СССР обсудило вопрос «О мероприятиях по усилению культурной и экономической помощи населению Южного Азербайджана». В решениях по этому вопросу было сказано:

«1. Учитывая, что преобладающее большинство населения Южного Азербайджана и, в частности, его крупных городов, в которых расположены части Красной Армии, являются азербайджанцами, целесообразно иметь в составе политработников, находящихся в контакте с местным населением, а также среди комендантов гарнизонов, работников по тылу – военнослужащих-азербайджанцев.

2. По тем же соображениям организовать при воинских частях издание армейской газеты на азербайджанском языке (не менее трех раз в неделю) с распространением ее среди гражданского населения.

3. Желательно заменить уполномоченных торговых представителей в Тебризе, Ардебиле и др. городах Южного Азербайджана работниками-азербайджанцами. То же самое касается и работников финансовых органов, советских банков в Тебризе.

4. Желательно также иметь работников-азербайджанцев в наших дипломатических органах в качестве консулов и секретарей консульств. Особенно же важно в Тебризе и Маку.

5. Целесообразно иметь работников из азербайджанцев по 1–2 человека на руководящей работе в аппаратах советского торгпредства и посольства в Тегеране.

6. С целью издания различной политической и художественной литературы для распространения среди населения, а также для издания выдающихся произведений крупнейших писателей и поэтов Южного Азербайджана создать в Тебризе специальное издательство под названием “Тебриз” с хорошо оборудованной типографией. Издательству предоставить право принимать заказы и от местного населения.

7. В мае–июне 1944 года организовать гастрольную поездку Азербайджанского государственного драматического театра им. Азизбекова в г. Тебриз и одну концертную бригаду для гастролей по другим городам Южного Азербайджана.

8. В Тебризе организовать школу типа десятилетки с азербайджанским языком обучения, причем иранский язык и литературу проходить там, как предмет. Установить бесплатное обучение: педагогический состав укомплектовать из числа азербайджанских советских учителей.

9. При указанной школе открыть библиотеку-читальню, разрешая доступ туда, кроме учащихся, и остальному местному населению.

10. Для оказания практической помощи крестьянству в деле обработки земли и садоводства создать показательную агротехническую станцию (в районе Тебриза).

11. С целью предоставления работы хотя бы небольшой части безработных города Тебриза организовать трикотажно-чулочную фабрику»⁹⁶.

Это решение СНК СССР дало старт широкомасштабным действиям в Иранском Азербайджане. В начале марта для работы в советских хозяйственных и военных структурах азербайджанцам – офицерам и политработникам – было выделено 33 места, а в торгпредстве – 11 мест. В телеграмме Совнаркома Багирову говорится: «Прошу дать указание подобрать соответствующие кандидатуры и направить их в Москву для оформления»⁹⁷. Бюро ЦК КП(б) Азербайджана 20 марта 1944 г. утвердило для работы в советских дипучреждениях кандидатуры 14 азербайджанцев и направило их в ЦК ВКП(б). В кратчайшие сроки они получили распределение: заместитель секретаря ЦК АзКП(б) Ахад Якубов – советником в советское посольство в Тегеране, секретарь Дербендского горкома партии Али

Алиев – первым секретарем посольства, начальник Саатлинского районного отдела госбезопасности Джабраил Ашумов – третьим секретарем посольства, третий секретарь ЦК АзКП(б) Гасан Гасанов – вице-консулом в тебризское генконсульство, заместитель секретаря ЦК АзКП(б) по легкой промышленности Мирза Мамедов – секретарем генконсульства, начальник 1-го отдела Наркомата госбезопасности Мустафа Мустафаев – вице-консулом в Маку, второй секретарь ЦК комсомола Азербайджана Багир Сеидзаде – секретарем консульства в Маку, начальник Кубинского районного отдела госбезопасности Паша Алекберов – секретарем вице-консульства в Урмии, заместитель секретаря Бакинского горкома партии Бандалы Мехтиев – секретарем вице-консульства в Ардебиле, начальник следственного отдела Наркомата госбезопасности Шамил Назарли – вице-консулом в генконсульстве в Реште, заместитель секретаря ЦК АзКП(б) Мамед Шарифов – консулом в Горгане, ответственный работник Наркомата внутренних дел Зейнал Гезалов – секретарем консульства в Казвине, начальник особого управления Наркомата внутренних дел Сейфулла Сулейманов – секретарем консульства в Бендершахе, секретарь парт-организации Наркомата внутренних дел Ахад Багирзаде – директором Дома культуры при советском посольстве⁹⁸. Лица, прошедшие бюро ЦК, 4 апреля 1944 г. отправились в Москву и в течение месяца изучали диппереписку по Ирану, справки, подготовленные советским посольством, познакомились с сотрудниками наркомата, а также с новоназначенным в Тегеран советским послом Максимовым. Получивших дипназначение азербайджанских представителей принял Молотов, который подчеркнул важность и ответственность затеваемого Советским Союзом в Иране, и в первую очередь в Южном Азербайджане. Новые азербайджанские представители, объяснил Молотов, должны хорошо изучить обстановку в Иране и начать работу среди местного населения. Он отметил необходимость тесных связей с НКВД и выполнения всех его директив⁹⁹. Молотов рекомендовал: «Вникайте в каждую мелочь, ведите непосредственно черновую работу в деле усиления нашего влияния среди населения»¹⁰⁰. Констатируя активизацию советской политики в Иранском Азербайджане, американский историк Брюс Кунихолм утверждал, что, «скорее всего, у Советского Союза в начале 1944 г. не было четкого плана действий для реализации своих целей. Запуганное Красной армией, местное население не могло отказаться от сотрудничества»¹⁰¹.

Получившие назначение в НКВД СССР лица, а также большая группа хозяйственников, работников культуры и полиграфистов весной 1944 г. составили новый десант из Советского Азербайджана. Первым шагом командированных в Тебриз стал выпуск газеты на

туркском языке «За Родину», выдаваемой за армейскую газету. Руководитель этой работы Алигасан Шахгельдиев в телеграмме на имя Багирова докладывал: «Десятого апреля выпустили первый номер газеты “За Родину” тиражом 4 тысячи экземпляров, которые разошлись в течение трех часов. Наши читатели встретили выход первого номера с большой радостью. Следующий номер выпускаем двенадцатого увеличенным тиражом»¹⁰². Только для организации газеты «За Родину» из Баку прислали 27 типографских работников: Алигасана Шахгельдиева, Джафар-Хандана Гаджиева, Исрафила Назарова, Гулама Мамедли, Гылмана Мусаева, Энвера Мамедханлы, Мамеда Рагима, Казыма Казымзаде, Мелика Меликзаде и др. Организация новых групп этого культурного десанта служила предметом особой заботы для руководства Советского Азербайджана. В апреле на утверждение Маленкова были направлены списки будущих работников Тебризской агротехнической станции во главе с Имамом Мустафаевым, чулочно-трикотажной фабрики во главе с Гусейном Бабаевым, типографии «Тебриз» во главе с Гусейном Шарифовым, преподавателей Тебризской средней школы во главе с Джебраилом Алескеровым.

В целях усиления влияния на Южный Азербайджан Политбюро ЦК ВКП(б) 6 марта 1944 г. приняло решение создать в Баку Духовное управление мусульман Кавказа¹⁰³. Бюро ЦК АзКП(б) 20 марта обсудило этот вопрос и срочно приступило к практическим шагам в данном направлении¹⁰⁴. Наконец, для общего руководства всеми азербайджанскими работниками в Южном Азербайджане по предложению Багирова и с согласия Москвы в Иран был командирован Гасан Мамед-оглы Гасанов¹⁰⁵, который вместе с секретарем ЦК АзКП(б) по идеологии Газанфаром Мамедовым представил Багирову план предстоящих мероприятий и распределения работ. Из этого документа следует, что партийное руководство в Тебризе и окрестных районах поручалось Г. Гасанову, М. Мамедову и А. Шахгельдиеву, а в Казвине – А. Атакишиеву, регулирование спецопераций в Тебризе и окрестностях – А. Якубову, А. Алиеву, руководство в Ардебиле – Б. Мехтиеву, выполнение спецпоручений в Горгане – М. Шарифову, ответственность за военные, посольские и консульские дела возлагалась на Г. Гасанова, А. Якубова и А. Атакишиева¹⁰⁶. 5 мая НКВД СССР утвердил Г. Гасанова в должности вице-консула в советском консульстве в Тебризе. Гасанов 11 мая выехал в Иран и уже через два дня приступил к своим обязанностям. В середине мая остальные сотрудники, получившие дипломатические должности, прибыли в Тебриз и разошлись по местам назначения¹⁰⁷. В плане работ, подготовленном в ЦК АзКП(б), предписывалось для привлечения азерб-

байджанского населения первоочередное внимание уделять религии и религиозным деятелям: «не потому, что они станут опорой советского правительства, а потому, что посредством священнослужителей можно добиться большего».

Командированным велели не делать различий между бедными и богатыми, а всех привлекать на сторону Советов. Предполагалось так организовать работу, чтобы средние и мелкие предприниматели чувствовали, что и при советской власти они останутся на своих местах. К политическим партиям следовало относиться с осторожностью. Особенно рекомендовалось дистанцироваться от тех лиц, которые, называя себя старыми большевиками, настаивали на установлении советской власти. Советские спецслужбы сообщали, что большинство этих людей являются диверсантами иностранных разведок. Поэтому давался совет вести себя так, будто и мысли нет насаждать здесь советскую власть. Просто советские граждане желают оказать дружескую помощь соседям, усилить их экономику и торговлю, открыть различные предприятия и т. д. Главная задача советских посланцев заключалась в том, чтобы пробудить чувство национального самосознания у азербайджанцев, показать, что они не одиноки, что по ту сторону границы живут их братья, и живут в несколько раз лучше, чем они. Для этого планировалось использовать театр, концертные бригады, газеты, издательство, кино, школу, дома культуры в Тегеране и Тебризе, библиотеки и т. д. Вмешиваться в политические и государственные интриги не рекомендовалось: «Этим пусть занимается посол, он получил соответствующее указание... В наших газетах следует возвышать истинных патриотов, культурных людей, любящих свой народ, таких, как Бирия». Работающим в Азербайджане надлежало быть скромными в быту, так как спецслужбы сообщали, что за советскими работниками пристально следят английские, американские, турецкие, иранские шпионы. В то же время от советских сотрудников требовалась осведомленность об истории, экономике региона, мельчайших нюансах местного уклада жизни, «чтобы, когда решится азербайджанский вопрос, знать, с чего начинать». В случае решения о воссоединении существующий алфавит волей-неволей на некоторое время пришлось бы сохранить, поэтому советских работников обязывали несколько часов в день уделять изучению языка и письменности фарси. Даже внешний вид советских служащих не должен был давать англичанам или американцам повода усомниться, что перед ними консулы, а не партработники: «Ни внешне, ни действиями консулы не должны вызывать подозрений»¹⁰⁸.

Руководство Советского Азербайджана внимательно отслеживало процессы, происходившие в Южном Азербайджане. В марте 1944 г.

завершились выборы в парламент 14-го созыва, начавшиеся 8 августа 1943 г. Не только союзники, но и Германия хотела провести верных себе людей в меджлис и надеялась купить себе мандаты за любые деньги. За два месяца до выборов шеф Управления имперской безопасности (СС) Эрнст Кальтенбруннер писал министру иностранных дел фон Риббентропу, что на выборах в иранский меджлис у большевиков больше шансов, чем у англичан. Он добавил, что народ Ирана очень уважает Германию и поэтому шансы Берлина высоки, но рекомендовал не уповать на это «уважение», а скупать депутатские места за 400 тыс. туменов в Тегеране и за 600 тыс. туменов в других местах Ирана. При этом Кальтенбруннер считал, что такая сумма – ничто по сравнению с затратами на врагов. Националистические круги Ирана с нетерпением ожидают вмешательства Германии, отмечал он, прося сообщить о возможности для германского МИД выделить на эти цели миллион туменов¹⁰⁹.

На смену правительству Сохейли, сформированному еще в феврале 1943 г., пришло правительство Мохаммеда Саеда Марагеи (март–ноябрь 1944 г.)¹¹⁰. Мохаммед Саед и по очереди возглавлявшие вслед за ним правительство Мортеза-Коли Баят (Сахам ос-Султан) и Ибрагим (Эбрахим) Хакими были азербайджанцами. Еще в молодые годы Мохаммед Саед работал в дипломатической сфере, с 1918 г. был консулом в Баку, а в 1930-е гг. возглавлял представительство Ирана в Москве¹¹¹. Примерно в то же время германские органы безопасности обсуждали возможность формирования эмигрантского правительства под названием «свободное иранское правительство». В связи с этим 3 октября 1943 г. состоялась встреча фон Шуленбурга с иранскими оппозиционерами¹¹². Стороны договорились, что «свободное иранское правительство» возглавит дивизионный генерал Мохаммед Хусейн-хан Айрумлу и он же будет исполнять обязанности министра иностранных дел. В составе кабинета пост министра внутренних дел займет Аббас-хан Аламир, пост военного министра достанется генералу Шейбани, далее должности распределялись следующим образом: министр финансов – Бурсуг Омид Мухбир Хумаюн, министр образования и культуры – принц Салар Салтане, министр сельского хозяйства – Салех-хан Логман, министр печати и пропаганды – Абдулла-хан Хосрови, министр путей – Фарид ос-Султан Садри, министр национальных меньшинств – Саркис Араратян, зам. министра здравоохранения – Реза Нуриан, пост дипломатического представителя в Германии займет фон Гранмайех (его отец, фельдмаршал Мирза Реза-хан, был послом Ирана в Берлине), пост руководителя зарубежной организации «Свободный Иран» – Хусейн-хан Дадгар¹¹³. Имена остальных высокопоставленных лиц будут объявлены позже.

Выборы в иранский меджлис 14-го созыва способствовали активизации деятельности партий и обществ в Азербайджане. Шла борьба за 21 депутатское место от Азербайджана. Деятельность партии Туде при советской поддержке заметно оживилась, и это выразилось в создании заново ее Тебризского областного комитета в середине 1944 г. 17 человек, в том числе Садыг Падеган, Ахмед Исфагани, Джафар Кавиан, Мохаммед Бирия, Давид Геворкян, Миргасым Чешмазар, Казым Хашимния, Салим Хашими, Таги Агнам и другие, были избраны членами этого комитета. Более половины избранных так или иначе имели связь с Советским Азербайджаном. М. Нунакарани, М. Мазлуми, Г. Шамси, Б. Адалети, З. Оджагнавин, Б. Абизаде вошли в Ардебильский комитет партии Туде; Насроллахан Егани, Рагим Егани, Мир Сатда, Мустафа Гасан и другие – в Хойский комитет¹¹⁴. Арташес Ованесян, Али Амир Хизи, Азад Ватан и другие принимали деятельное участие в создании отделения партии Туде в Азербайджане. Но все равно без советской помощи и без блоков с другими партиями Туде не была способна продвинуть своих кандидатов ни в Азербайджане, ни в других частях Ирана.

Выборы в 14-й меджлис Ирана в Азербайджане проходили в сложной обстановке. Их результаты в Хое, Маку, Сараве, Миане, Ахаре получились неблагоприятными для Туде. Во время выборов британский посол в Иране Буллард вместе с иранским послом в Лондоне Сеидом Хасаном Тагизаде посетили Азербайджан, где советовали доверенным и авторитетным людям поддерживать кандидатов Тегерана. Но благодаря тайной помощи советских военных, политических, дипломатических органов Туде добилась определенных успехов на выборах в Тебризе. В информации советских спецслужб по поводу выборов отмечалось: «Наиболее успешно проходят выборы в Тебризе. Из числа заранее намеченного и поддерживаемого нами блока в числе 7 кандидатов – 5 имеют полные шансы на избрание. От результатов выборов в Тебризе в основном зависит оценка нашего влияния в Южном Азербайджане». Азербайджанские органы безопасности перехватили письмо крупного сарабского помещика Фармана Фармаиана, который из Тегерана советовал родственникам в Тебризе: «...Либо провалить поддерживаемых русскими кандидатов и обеспечить избрание желательных нам лиц, либо в случае невозможности этого во что бы то ни стало нужно спровоцировать выборы и добиться их приостановления». Бывший генерал-губернатор Тебриза Фахим-уль-Мульк писал своему знакомому помещику Лигвани: «...Я слышал, что русские твою кандидатуру больше не поддерживают. Ты этому должен радоваться, ибо в тысячу раз лучше не быть членом парламента, чем избираться при поддержке русских. Я дал установку

Азуди [уполномоченный правительства по выборам], который или провалит навязанных нам русскими кандидатов, или, если не получится, затянет выборы до открытия нового парламента. Есть надежда на то, что парламента отменит выборы в Азербайджане. Лучше не иметь депутатов в парламенте от Азербайджана, чем иметь депутатов, избранных так позорно. Примите все меры для провала навязанных нам кандидатов». По сведениям спецслужб, английский консул об успехах Народной партии в Тебризе выразился так: «Успехи выборов в пользу кандидатов Народной партии в Тебризе говорят о том, что русские пользуются большим влиянием среди городского населения. От результатов выборов в деревне зависит дальнейшая судьба Иранского Азербайджана»¹¹⁵.

Представители иранских властных структур в Южном Азербайджане хорошо понимали, что продолжение их деятельности здесь целиком зависит от Советов. Поэтому они, особенно استاندار (губернатор) Дадвар, мэр Тебриза Керим Ровшани, обещали советским дипломатам поддерживать просоветских кандидатов¹¹⁶. Но под давлением Тегерана они помогали проанглийским кандидатам. В результате на выборах в Южном Азербайджане победили Фарман Фармаиан (Сараб-Миане), Хойи Имами (Хой-Маку), Хусейн Ашраф Садиги (Урмия, за обещание защищать Советы в меджлисе), Сейф Гази (Махабад, один из тех, кто посетил Баку в 1941 г.), Бахадури (Ахар), Фатали Ипекчиан (Тебриз, до 1928 г. проживал в Баку, Тбилиси, Москве), Мирджафар (Сеид Джафар) Пишевари (Тебриз), Абдул Хасан Садиги (Тебриз), Амир Нусрат Искендери (Тебриз, по происхождению шемахинец), Абуль-Гасан Сиккат оль-Ислам (Тебриз, обещал Советам защищать их в меджлисе), Аскер Панахи (Тебриз), Юсиф Муштахиди (Тебриз), Али Аскер Сартибзаде (Тебриз), Искендер Мокаддам, Муса Фатуги (Марага), Мехти Адл (Мешкиншехр), Шейх Ленкорани (Ардебиль, противник Сеида Зия-ад-Дина и англичан), Ардешир (Арташес) Ованесян (как представитель армян от Народной партии) и другие. Таким образом, среди избранных депутатов 8 чел. были согласны сотрудничать с Советами, трое лояльно относились к СССР, два депутата открыто своих симпатий не выражали. Избранный от Тебриза Пишевари 16 мая встретился с вице-консулом Г. Гасановым и обсудил с ним результаты выборов. Пишевари отмечал, что некоторые депутаты, избранные в меджлис с помощью Советов и обещавшие за это помогать им, добившись цели, откажутся от своих слов. Так, иранские дашнаки поддерживали на выборах кандидатов от Туде. Имея обширную информацию о политическом и социально-экономическом положении в Южном Азербайджане, Пишевари намеревался бороться в

иранском меджлисе за интересы азербайджанского народа¹¹⁷. Однако одним из первых шагов иранского меджлиса 14-го созыва, открывшегося 26 февраля 1944 г., стало скандальное июньское заседание, когда Пишевари, получившего 16 тыс. голосов тебризских избирателей, и Шейха Ленкорани, с большим преимуществом победившего в Ардебиле, лишили депутатских мандатов¹¹⁸. Об этом происшествии в меджлисе, который доктор Мосаддык метко окрестил «логовом разбойников», сам С. Дж. Пишевари пишет так: «Я знал, что не смогу ужиться с захватчиками депутатских кресел, и чувствовал, что эти разбойники не оставят меня в покое. Поэтому, пока не поздно, я воспользовался возможностью высказаться. Я перечислил нужды делегировавших меня в меджлис 16 тысяч азербайджанцев, меня слушали внимательно в тишине, подтверждая услышанное. Но враги прикрывались показным сочувствием, черным покрывалом скрывая свое предательство. Как только представился случай, они сказали: “Этот азербайджанец не может сидеть спокойно, его надо удалить отсюда”, – и с подлостью, свойственной лисам, лишили меня мандата»¹¹⁹.

17 мая 1944 г. Г. Гасанов и С. Марченко в Тебризе встретились с американским консулом Эблингом и английским консулом Реппом. Темой обсуждений служили события в мире и в Иране, в первую очередь вести с фронтов и успехи союзников. Здесь же Репп сообщил о готовящейся поездке в Урмию и Миандоб и отметил, что курды, создающие беспорядки в этом секторе, считаются только с советскими представителями. В конце беседы Репп сказал, что привез передвижную киноустановку и намерен устроить показ кинокартин. А так как Тебриз входил в советскую зону оккупации, то Репп просил у Марченко разрешения на демонстрацию фильмов. Советский консул обещал разобраться в этом вопросе и дать скорый ответ¹²⁰. 21 мая Марченко и Гасанов встретились с турецким консулом в Тебризе Кургут-беом. Этот пожилой дипломат почти 8 лет проработал в СССР. В ходе беседы Кургут-бей согласился, что Советский Союз не хочет силой навязывать свою идеологию другим государствам и не пытается изменить там существующую систему. Турецкий консул даже отметил, что СССР стоит за то, чтобы каждый народ сам решал свою судьбу. Советские дипломаты заподозрили, что опытный турок провоцирует их на откровенность, а потому благоразумно промолчали. Турецкий консул, узнав, что Гасанов азербайджанец, всю остальную часть беседы вел по-азербайджански¹²¹.

Деятельность не только британских и американских консульств, но и турецкого консульства оставалась под бдительным контролем советских спецслужб. Все связи турецкого консульства в Тебризе, в том числе с государственными структурами, с местным населе-

нием и дипломатическими представителями, находились в центре внимания. Например, в июне 1944 г. в советское консульство поступила информация о том, что турецкий военный атташе прибыл из Тегерана в Тебриз и нанес визиты во все дипломатические представительства, кроме советского консульства. В своих речах атташе делал заявления, будто русские намерены присоединить Иранский Азербайджан к Советскому Союзу¹²². Тебризский резидент азербайджанской разведки Н. Кулиев добыл эту информацию, которая немедленно ушла в НКВД СССР, а вице-консул Гасанов сообщил об этом М. А. Багирову.

В последних числах мая Г. Гасанов, А. Багирзаде и М. Мамедов отправились в Тегеран, чтобы познакомиться с сотрудниками советского посольства и обсудить с ними ситуацию в Южном Азербайджане. 27 мая у них состоялась встреча с советским послом М. Максимовым, его заместителем А. Якубовым, советником С. Сычевым, торгпредом В. Мигуновым и другими. Там же, воспользовавшись наличием телефонной связи «ВЧ», они позвонили в Баку и переговорили с Багировым, которому сообщили, что между присланными из Баку некоторыми политработниками и посольством с торгпредством сложились не самые хорошие отношения. Действительно, в ряде мест наблюдались попытки советских военных чинов мешать работе политработников из Баку. Поэтому Багиров поручил Гасанову стараться найти общий язык с сотрудниками посольства и торгпредства ради выполнения поставленной задачи. И посол Максимов обещал помочь товарищам из Баку при открытии Дома культуры в Тебризе, при решении их бытовых проблем и т. п. С. Сычев подробно обрисовал политическую ситуацию в Иране и расстановку политических партий. 29 мая делегация выехала из Тегерана. По пути завернули в Казвин, где состоялась встреча с главнокомандующим советской армией в Иране Советниковым, а также с генералами Атакишиевым, Гайдуковым, Ярмошкевичем, Шафранским, Амирджановым и с командированным в Казвин заместителем председателя СНК Азербайджанской ССР Азиз-агой Азизбековым, который, кстати, заявил Гасану Гасанову, что в Баку недовольны деятельностью газеты «За Родину» и рекомендовали в скором времени улучшить ее работу. 1 июня Гасанов и сопровождавшие его лица на самолете «Дуглас» вылетели в Тебриз¹²³.

Претворяя в жизнь решения Совнаркома СССР от 6 марта, Мирджафар Багиров и Теймур Кулиев вели с Москвой многостороннюю переписку. 19 мая 1944 г. советское правительство разрешило открыть в Тебризе Дом культуры в качестве филиала Всесоюзного общества культурных связей (ВОКС). Организацию работы по-

ручили Деканозову и руководству Азербайджана. Багиров в письме председателю ВОКС Кеменову просил ускорить открытие Дома культуры. Заместитель наркома связи СССР Никула писал заместителю председателя Совнаркома Азербайджана А. Азизбекову, что выделил для этого три радиоприемника, десять репродукторов, пять телефонов, два патефона и т. п. Ввиду отсутствия новой мебели и кресел Багиров распорядился выдать 400 кресел из Дома культуры нефтяников в Баку, а еще 200 – из других бакинских клубов¹²⁴. А. Багирзаде специально был командирован из Тебриза в Баку, чтобы сопровождать мебель и оборудование для Дома культуры.

Для создания образцовой агротехнической станции на основании письма Имама Мустафаева и распоряжения Теймура Кулиева Совнарком Азербайджана выделил 15 тракторов, 5 машин, оборудование для лаборатории, инвентарь для столовой на 50 человек и т. д. Одновременно Багиров и Кулиев обратились в Совнарком СССР с просьбой разрешить открыть подобную станцию и в Маранде. В справке на имя Теймура Кулиева указывалось, что для типографии «Тебриз» отправлены типографские машины, мебель, две пишущие машинки, масляные краски, 15 железных печек, 400 литров бензина ежемесячно – всего на сумму 652 210 рублей¹²⁵. В мае 1944 г. Кулиев обратился к Молотову с предложением открыть в Тегеране, Тебризе, Реште аптеки на хозрасчете. Однако 24 июля 1944 г. управляющий делами СНК СССР Я. Е. Чадаев письменно запретил это.

12 апреля член военсовета генерал-майор А. Г. Руссов писал Багирову, что в Казвине приняла серьезный характер проблема питьевой воды. Местные власти обратились к американцам, у которых есть буровая установка, но трубы просят у русских. Срочная доставка 2 буровых установок и 700 метров труб позволила бы обойтись без американцев за две недели¹²⁶. Несмотря на сопротивление городских властей, жители Казвина стали просить русских пробурить для них несколько артезианских колодцев¹²⁷. По указанию Багирова 11 мая в Казвин привезли две буровые установки марки «Франкс», необходимое количество труб и бригаду буровиков в количестве 33 чел. В кратчайшие сроки 4 колодца обеспечили население водой. Городская общественность Казвина прислала Багирову благодарственное письмо.

Все политработники, командированные из Советского Азербайджана, мечтали об открытии в Тебризе школы на азербайджанском языке. Наконец, 24 июня 1944 г. Молотов подписал постановление № 13421, в котором предписывалось: разрешить Наркомату иностранных дел в 1944/1945 учебном году открыть школу с обучением на азербайджанском языке для детей советских сотрудников и местных азербайджанцев; утвердить штат преподавателей, админи-

стративно-хозяйственных работников в 36 чел. и установить для них месячный фонд заработной платы в 28 979 у. е. в иностранной валюте и 4 094 советских рубля. НКВД получил разрешение выделить для новой школы автомобиль¹²⁸. 18 августа 1944 г. в Тебриз прибыл назначенный директором школы Дж. Алескеров. Он и привез постановление СНК. Открытие в Тебризе школы с преподаванием на азербайджанском языке вызвало большой интерес у населения. До 20 сентября заявления о приеме в эту школу подали 812 учеников, в том числе 595 азербайджанцев, 64 армянина, 11 русских, а также дети других национальностей¹²⁹. Желающих было так много, что с 20 сентября пришлось прекратить прием заявлений. Кроме того, 31 выпускник средних школ заявил о желании продолжать учебу в Баку.

А вот правительственные круги Ирана открытие этой школы встревожило. Начальник управления образования 3-го остана Салими в советском генконсульстве встретился с директором школы Джебраилом Алескеровым и сказал: «В прошлом к нам обращались представители армянского народа с просьбой организовать для них армянскую национальную школу. В ответ на этот вопрос иранские власти разрешили одному бизнесмену открыть для армянских детей три школы с преподаванием языка фарси. Армянский язык проходили в неделю два часа и платили за обучение 100 риалов в месяц с каждого ученика. В этом году армяне организовали специальную армянскую школу с охватом 700–800 детей с преподаванием на армянском языке. В результате из трех частных фарсидских школ армянские дети перешли в армянскую школу. Хозяин этих трех школ потерпел убытки»¹³⁰. Алескеров сообщал Багирову, что господин Салими привел этот пример как предупреждение, чтобы советская школа не мешала иранским школам, и что Салими прекрасно осведомлен об отношении населения и интеллигенции к новой школе и обеспокоен массовым переходом школьников из иранских школ в нее¹³¹.

17 ноября 1944 г. состоялось торжественное открытие советской средней школы в Тебризе. В церемонии участвовали остандар Азербайджана Дадвар, начальник городского управления Илхами, директор школы Алескеров, советский генеральный консул Матвеев, молодой поэт Мохаммед Бирия и др. В своих речах они расценили открытие школы как проявление советской политики гуманизма¹³².

Создание азербайджанской школы в Тебризе стало важным шагом, придавшим практический смысл национально-освободительным устремлениям азербайджанских тюрков. В информации из Тебриза говорилось: «Многочисленные факты подтверждают, что население Иранского Азербайджана стремится к своей многовековой мечте – освободиться от гнета персов. Азербайджанцы из Северного

Ирана тоскуют по своим кровным братьям. Чувства национального единства выливаются в свободомыслие, стремление получить образование на родном языке, воспитать детей в традициях любви к Родине и народу. Во главе антифашистов Ардебилля стоит молодой патриот, талантливый поэт Балаш Азероглу. Недавно были опубликованы отрывки из его поэмы "Через всю историю". Передовая часть интеллигенции высказывает свои мысли не на фарси, а на понятном народу азербайджанском языке. Население любит своих братьев, живущих в Советском Азербайджане»¹³³.

Весной и летом 1944 г. из Советского Азербайджана в Южный было направлено более 620 специалистов разного профиля. Багиров в своем обширном докладе Сталину «О ряде вопросов по положению в Южном Азербайджане» писал: «Выполняя Ваше указание об усилении влияния Советского Союза в Южном Азербайджане, мы в последнее время осуществили ряд мероприятий. 245 человек из партийных, советских и военных кадров республики направлены нами в Южный Азербайджан. Из них 13 человек трудятся на дипломатической работе, 10 человек в торговых учреждениях, 150 человек в гарнизонных комендатурах и военных частях, остальные в хозяйственной, транспортной, образовательной сферах. Для работы по линии Комиссариата внешней торговли, здравоохранения, железной дороги и в других советских и хозяйственных органах мобилизованы еще 375 человек, которые прибудут в Южный Азербайджан на днях. Командированные в Азербайджан, все без исключения, азербайджанцы»¹³⁴.

Сотрудники газеты «За Родину» первыми добрались до Тебриза. Поэтому А. Шахгельдиев прислал свои отчеты Багирову уже 6 и 18 мая 1944 г. Он докладывал, что газета, кроме Тебриза, распространяется в Урмии, Хое, Маранде, Миане, Зенджане, Казвине, Сарабе и других городах. Газета командировала в эти города Джафара Хандана и Гулама Мамедли. По поводу привлечения в газету местных журналистов Шахгельдиев сообщал, что Мохаммед Бирия держит с ним связь, делится планами на будущее. Бирия день и ночь работает над листками «Литературная страничка» и «Кулак», а также просит передать его горячую благодарность Багирову за отеческую заботу об Азербайджане¹³⁵.

17 мая 1944 г. в редакции газеты «За Родину» состоялась встреча с редактором тегеранской газеты «Ажир» Мирджафаром Сендом Джафаром Пишевари, приехавшим в Тебриз за своим депутатским мандатом. Встреча длилась четыре часа. Пишевари рассказал коллективу редакции о действиях союзников в Иране, особенно о деструктивной деятельности англофила Сеида Зия-ад-Дина. В беседе была

затронута тема усиления Тебризского отделения Народной партии Ирана за счет азербайджанских кадров. В то время Тебризское отделение Туде возглавлял избранный от Урмии депутат Арташес Ованесян. Нельзя, жаловался по этому поводу Багиров Сталину, оставаться безучастным к тому, что в Южном Азербайджане Народную партию, состоящую в основном из азербайджанцев, возглавляет армянин¹³⁶. А Сеид Зия-ад-Дин умело использовал этот факт. В своей знаменитой декларации он писал: «Мусульманский мир не потерпит, чтобы колыбель Шамседина Тебризи [известный средневековый тебризский поэт. – Дж. Г.] была подчинена страстям и власти армянина Арташеса»¹³⁷.

Меджлис 14-го созыва отказался признать мандат Пишевари, поэтому советские представители рекомендовали тебризской организации Народной партии провести митинг с требованием к Тегерану признать его мандат. Но руководители Туде сослались на то, что Пишевари не является членом их партии. Они открыто выказали незаинтересованность в мандате Пишевари¹³⁸. Здесь явно чувствуется рука Ованесяна, который с ревностью относился к советскому патронажу над Пишевари и поэтому мобилизовал партийные ресурсы против него. Корни их конфликта уходили в 1930-е гг., когда оба сидели в тюрьме «Касри Каджар». Позднее, в обширном отчете о положении в Южном Азербайджане и Народной партии, Ованесян прямо заявил о своей вражде с Пишевари¹³⁹.

Полную информацию об успехах газеты «За Родину», о работе с интеллигенцией Иранского Азербайджана Багиров получил от вызванного на несколько дней в Баку Джафара Хандана. Письма Шахгельдиева также обсуждались в ЦК КП(б) Азербайджана. Редакции рекомендовали соблюдать предельную осторожность, чтобы не дать иранским властям повода закрыть газету. Опубликованные в ней статья «Фатали-хан» и стихотворение «Что я принесу» уже вызвали негативный отклик генерал-губернатора. Нескрываемые связи с Бирией, постоянное посещение им редакции, его открытая агитация против иранских органов власти были признаны политической ошибкой. Шахгельдиеву указали, что «таких ценных работников, как поэт Бирия, следует использовать крайне осторожно, нельзя его разминивать»¹⁴⁰. В специальной инструкции по использованию Бирии говорилось: «Ради большой политики будущего он для нас очень ценен... Бирия живет в Тебризе и имеет широкий круг общения. Несомненно, что в этот круг затесались и провокаторы, выполняющие задания различных политических групп. Надо, умно и осторожно выведя его из этого круга, без усталости воспитывать в требуемом направлении»¹⁴¹.

Секретаря ЦК компартии Азербайджана по идеологии Газанфара Мамедова обязали решить, переговорив с начальником политуправления Закавказского фронта генералом Сорокиным, технические, бытовые, социальные проблемы сотрудников газеты «За Родину», а Шахгельдиева регулярно вызывать в Баку для инструктажа. Надзор за выполнением плана мероприятий поручили секретарю ЦК А. Ализаде.

Гасан Гасанов, направленный в Иранский Азербайджан для общего руководства всеми политработниками, в июне 1944 г. в трех письмах рассказал Багирову о возникающих трудностях. После обсуждения этих писем в ЦК Багиров написал Гасанову, что не стоит вмешиваться в ход партконференции и дела Народной партии. Достаточно отслеживать ее деятельность, изучать состав партии и ее отношения с населением. А на фабриках и заводах рабочие через свои профсоюзы сами разберутся. Вмешательство в эти дела должно быть обдуманным и осторожным. Инструкции по поводу Бирии, продолжал он, переданы через А. Шахгельдиева, их следует выполнять. Что касается лиц, направляемых на работу в Иран по подложным документам, и их проблем с пограничниками, то это вина не пограничников, которые хорошо несут службу, а тех военных органов, которые плохо организуют свою работу. Этот вопрос будет поставлен перед командованием Закфронта. Главврачом Тебризской больницы назначена Г. З. Кулиева. Вопрос изучения русского языка должен решаться через организацию кружков при тебризском Доме культуры. Вопросом учебы в вузах Советского Азербайджана надлежит заниматься Наркомату иностранных дел СССР. Распространение азербайджанской культуры и ее влияния может оказаться полезным в будущем для службы разведки. Вопрос использования вод Аракса для полива земель нижней Мугани могут решить соответствующие органы СССР и Ирана. Пусть иранское правительство официально обратится к советскому правительству. Вопрос открытия больницы в Ардебиле будет рассмотрен во вторую очередь, после Тебриза и Решта¹⁴².

В связи с назначением главного врача и формированием медперсонала тебризской больницы сложилась конфликтная ситуация. Узнав о намерении Советов открыть больницу в Тебризе, руководство Армении срочно назначило туда Сурена Мелик-Исраеляна (главврачом) и еще 35 чел. ереванского медперсонала. Когда в середине июня С. Мелик-Исраелян явился в Тебриз, ему объяснили, что документы медперсонала уже утверждены в Баку¹⁴³. Кандидатуру Мелик-Исраеляна отстаивал главврач советской больницы в Тегеране Борьян, но тщетно. 3 сентября 1944 г. больница в Тебризе от-

крылась, и на торжествах присутствовали сотрудники советского консульства и Борьян¹⁴⁴.

В целом, советские дипломатические и военные учреждения в Иране предпочитали сотрудничать с местными или пришлыми армянами. Например, советский торгпред в Тебризе для обеспечения советской армии продовольствием предпочел услуги армянских купцов, которые скупали продукты у местных жителей за гроши и перепродавали Советам по ценам выше рыночных. Другой пример: в мае 1944 г. в Тебриз прибыл представитель организации «Международная книга» Миронов, который с порога заявил, что будет продавать советские книги через магазин Мкртычяна. К счастью, советский вице-консул посоветовал ему открыть собственный магазин, обещая, что консульство поможет с оборудованием: это позволит торгпредству сэкономить на аренде¹⁴⁵.

14 июня 1944 г. советник советского посольства Ахад Якубов срочно выехал в Маку в связи с курдскими погромами в азербайджанских деревнях Хоя, Маку Шапура, Шарафхана. 28 июня и Гасанов отправился в Урмию. Перед отъездом в Маку он обсудил участвовавшие столкновения азербайджанцев и курдов с генералом Глинским и советским командованием, дислоцированным в Тебризе. Туда же прибыл из Махабада глава местных курдов Мохаммед Гази, который заявил в советском консульстве, что разбойные нападения на азербайджанцев совершают не местные курды, а прибывшее из Ирака и хорошо вооруженное курдское племя хаштари. В ходе беседы Мохаммед Гази выразил и политические пожелания курдов. В регионе, указал он, проживают 7 млн курдов, из них 2 млн – в Иране, 2 млн – в Ираке, 3 млн – в Турции. И если англичане в иракском парламенте выделили курдам 9 мест, то в Иране у них нет никаких политических прав. Гази заявил советским сотрудникам, что курды требуют автономии в пределах Ирана¹⁴⁶. В связи с возникшей в Маку ситуацией шефа жандармов Азербайджана Фирудина Фара 19 июня пригласили в советское консульство в Тебризе и поставили перед ним задачу прекратить акции курдских разбойничьих отрядов. Шеф жандармов признал, что курды не слушают распоряжений иранских властей. Тогда по предложению Г. Гасанова было решено разоружить курдов путем вмешательства советских армейских частей¹⁴⁷.

Однако советские военные и дипломатические службы также оказались не без греха в своих действиях в отношении курдов. 4 июля Якубов сообщал Багирову из Маку, что до сих пор консульские и военные учреждения неверно подходили к курдскому вопросу. Указания Молотова – быть предельно осторожными – не выполняются, поэтому курдские погромы и убийства людей вызывают раз-

дражение и недоверие к Советам. Якубов предупреждал, что посол СССР, уже давно работающий в Иране, не желая признавать своих прошлых ошибок, отказывается принимать должные меры, и выразил намерение при личной встрече передать Багирову некую информацию, которую он не хотел доверять бумаге. Поэтому, писал он, надо будет через Деканозова добиться командировки в Баку на 3–4 дня, якобы с целью навестить семью¹⁴⁸. По поводу курдского вопроса Ахад Якубов информировал и НКВД СССР. В связи с изменением курса в отношении Южного Азербайджана на посту советского посла в Тегеране А. А. Смирнова сменил М. А. Максимов.

28 июня Г. Гасанов отправился в Урмию. Этот вояж был продиктован необходимостью пресечь курдские грабежи. Весной и летом 1944 г. поступили сведения, что к этим погромам приложили руку иранские власти. Было перехвачено письмо командира 3-й пехотной дивизии генерала Джавади начальнику генштаба иранской армии, которое военная разведка переправила Багирову. Генерал Джавади писал: «Оружие 3-й, 4-й и 15-й дивизий попало в руки курдов, и, кроме того, из Тегерана нелегальным образом привозят оружие и продают курдам... Разоружение курдов сейчас не только невозможно, но и нецелесообразно. Лучшим средством в данный момент является воспрепятствование объединению курдов»¹⁴⁹.

Гасанов посетил в западной зоне Урмию, Шабустар, Шапур, Ушну и Хой, беседовал с местными жителями. Выяснилось, что курдские банды обосновались в долине Ганлы-Дере, между Шабустаром и Шапуrom. Шеф жандармов заявил, что курды увели почти 700 голов крупного рогатого скота, а иранские органы власти не в силах им помешать. В таком случае Гасанов считал возможным использование частей советской армии, но командование не проявляло к этому интереса. В своем дневнике Гасанов писал: «Беда в том, что некоторые наши командиры воинских частей неправильно понимают наше невмешательство во внутренние дела Ирана. Они заявляют, что курдские грабежи это внутреннее дело Ирана и мы не должны вмешиваться в это дело. Это означало: курды, грабьте азербайджанское население, и это пройдет безнаказанно. Когда курды сделали первые налеты и убедились, что никто им не препятствует, тогда они еще больше усилили свой грабеж. Те, которые еще не успели угнать скот, тоже готовились к грабежам. Все это вызывало массовое недовольство азербайджанского населения»¹⁵⁰. 29–30 июня и 5 июля Г. Гасанов вместе с С. Марченко посетил главарей некоторых курдских племен и призвал их прекратить грабежи и вернуть награбленное. В противном случае он пригрозил вмешательством советских войск, арестом главарей племен и передачей их в руки иранского правосудия. Вместе

с генералом Глинским, прибывшим в Урмию 3 июля, Гасанов провел ряд совещаний в целях восстановления порядка в регионе¹⁵¹. В целом, выезды в регион советника советского посольства А. Якубова и тебризского вице-консула Г. Гасанова стали заметным вкладом в вопрос прекращения курдских налетов на азербайджанские села.

Тебризский вице-консул Гасанов, ознакомившись с положением в Западном Азербайджане, подготовил обширные доклады для Молотова, в советское посольство и Багирову. Интересно, что доклад Багирову отличался по тексту от других сообщений. Гасанов писал Багирову, что в его экземпляре отчета есть информация, которую он не хотел бы передавать в Москву и Тегеран¹⁵². Какие же моменты Гасанов не желал доводить до сведения Молотова и советского посольства в Тегеране? Об этом он рассказывает Багирову 12 июля в документе под грифом «совершенно секретно». Доклад Молотову состоял из описания общего положения в курдских районах Ирана и отношений между курдами и азербайджанцами. Гасанов сообщал, что советская опека над курдами вызывает сильное недовольство англичан и турок: поступали сведения о частых переговорах офицеров английской разведки с вождями курдских племен, о подстрекательской роли англичан и иранских властей в организации погромов. Он, в частности, писал: «...Выступления курдов против азербайджанцев проходили на глазах губернатора г. Резайе доктора Марзбана, против которого 7 июля выступило население, публично избило его, а также начальника жандармерии капитана Авшара... Жандармский начальник города Хой Теймури при распределении угнанного курдами скота потребовал дать ему больше голов скота, заявив, что должен выделить долю и командирам Красной Армии». Гасанов уверял Молотова, что «такими провокациями иранские власти пытаются увеличить количество войск и жандармерии в Азербайджане и прекратить растущий интерес к Советскому Союзу»¹⁵³.

А в докладе лично Багирову Гасанов, описывая реальное положение в Азербайджане, подчеркивал серьезное недовольство населения иранскими властями и отмечал, что население возлагает большие надежды на Советский Азербайджан. Население фактически гибнет, писал он. В деревнях царит ужасающая нищета. На одежде крестьян столько заплат, что невозможно определить, из какого материала она сшита. Практически все голы и босы. Мертвых зачастую хоронят без савана. Трудно представить себе более страшную картину запустения, чем азербайджанская деревня. Многие спрашивают, когда же закончатся эти адские муки. Во время встреч в западных районах ему, Гасанову, открыто говорили: «Наш народ вымирает, исчезает. Приходите, возьмите нас под свое покровительство».

Гасанов также сообщал о встречах с главами курдских племен. Некоторые из них – Готаз-бек, Рашид-бек, Нуру-бек, Зеро-бек – лично знали Багирова и заявляли, что Багиров обещал им после войны решить курдский вопрос и что они верят только ему. «Мы – ваши люди, не отделяйте нас от себя. Если не верите словам, испытайте на деле», – говорили курды. Действительно, от вступления советской армии в Иран курды только выиграли. При Реза-шахе непокорные главари курдских племен были сосланы на юг и в другие отдаленные места Ирана. В 1941 г. сосланные и арестованные курды вернулись на свои земли. Гасанов в своем докладе предлагал вне зависимости от целей СССР в Иране укреплять авторитет Азербайджана среди курдов. 30–40 курдских детей, обучающихся в Баку, могли, по его мнению, в будущем оказаться весьма полезны¹⁵⁴.

Мнения Гасана Гасанова и советских военных вкупе с дипломатами по курдскому вопросу не совпадали. Гасанов считал, что посол Максимов и высокие военные чины не вполне понимают суть курдского вопроса. У советского правительства, полагал он, должна быть четкая линия поведения в курдском вопросе. Ему была чужда фраза «курдский вопрос нас не касается», и он считал, что грабежи и дестабилизация ситуации в Северном Иране наносят вред имиджу Советского Союза, ответственного за безопасность жителей этого региона. Гасанов советовал не отдалять курдов от СССР, но, вместе с тем, и не заигрывать с ними: «За нашим отношением к курдам следят курды Турции и Ирака, поэтому оно должно быть нормальное, мы должны расположить к себе курдов»¹⁵⁵. Он просил Багирова об аудиенции, чтобы обсудить этот вопрос тет-а-тет. Однако спустя сутки произошли новые курдские грабежи, и Гасанову пришлось вернуться в Маку. 14 июля ему вместе с командиром дивизии Рыжовым в долине Готур-Дереси удалось заставить главарей курдских племен дать письменное заверение, что весь украденный скот будет возвращен азербайджанцам. После проведения еще нескольких подобных встреч Гасан Гасанов 19 июля вернулся в Тебриз¹⁵⁶.

Для обсуждения создавшегося в Иране и Южном Азербайджане положения, и особенно обострения курдского вопроса, дипломаты из Северного Азербайджана – Гасанов, Сеидзаде, Гаджибеков, генеральный консул Матвеев 7–8 августа были приглашены на конференцию в Тегеран. Основным вопросом повестки дня конференции являлся курдский вопрос, по которому 7 августа подробно выступили Матвеев и Гасанов. На следующий день делали доклады: советник посольства Сычев – о политических партиях в Иране; секретарь посольства Рассадин – о пропагандистской работе; советник Авалов – о составлении отчетов; консул в Тегеране Емельянов – о выдаче про-

пусков в советскую зону иностранцам; Горячев – о профсоюзной работе; Авалов – о составлении характеристики на политических деятелей Ирана. Итог выступлениям подвел посол М. Максимов, который огласил высокую оценку, данную НКВД СССР работе советских дипломатов, особенно по курдскому вопросу. Посол особо отметил докладную записку Г. Гасанова. После конференции Максимов в беседе с Гасановым похвалил работу и других азербайджанцев – сотрудников посольства А. Алиева и М. Шарифова, а заодно обсудил ситуацию в Тебризе¹⁵⁷. Во всех обсуждениях, связанных с Южным Азербайджаном, будь то в Москве или в Баку, большое значение придавалось усилению пропаганды среди местного населения.

С лета 1944 г. Советы усилили внимание к прессе как противовесу большому количеству английских газет и журналов, выходящих в Тегеране. Советское посольство просило Багирова оказать помощь в организации в Тегеране издательского дела. С помощью переводчиков и полиграфистов, присланных из Советского Азербайджана, советское посольство начало выпускать газету «Дуст-е Иран» («Друг Ирана») и журнал Общества ирано-советских культурных связей «Пийш-е ноу» («Новый вестник»), первый номер которого вышел 30 августа 1944 г. Ответственным секретарем журнала был Саед Нафиси.

О практических мерах по осуществлению советской политики в Южном Азербайджане весной и летом 1944 г. Багиров составил большой 21-страничный отчет, отправленный в Кремль 14 сентября. В отчете на первом месте шла речь о деятельности газеты «За Родину», ее широкой популярности в массах, умении собрать вокруг себя местную интеллигенцию. Например, один из учителей тебризской средней школы писал: «Я купил и с большим волнением прочел первый номер газеты. Если бы за один номер этой газеты пришлось заплатить все мое состояние, я бы, не задумываясь, отдал. Надеюсь, что газета “За Родину”, как яркая звезда, осветит тебризские горизонты»¹⁵⁸.

В этом отчете Сталину Багиров с особой гордостью называл имена южноазербайджанских поэтов Бири и Балаша Азероглу. Одной из серьезных проблем, поднятых в отчете, являлось использование исламской религии для усиления советского влияния в Иранском Азербайджане. После образования Духовного управления мусульман Кавказа в Баку был проведен первый съезд духовенства и верующих Закавказья. Принятое этим съездом обращение к мусульманам всего мира, отпечатанное в 5 тыс. экземпляров на азербайджанском и фарси, отправили в Тебриз. В «Обращении к братьям-мусульманам» говорилось: «Братья-мусульмане! Палач Гитлер и его подручный Муссолини преследуют цель овладеть священными исламски-

ми землями – Аравией и Египтом. Сотни тысяч мусульман в Ливии погибли от рук Муссолини. Три года назад этот бесстыдник даже мечтал стать нашим халифом... Как можем мы, священнослужители Азербайджана и всего Советского Союза, долго терпеть действия фашистов, уничтоживших сотни тысяч людей, и не объявить джихад. Гитлер, Муссолини и их сателлиты распространяют слухи, будто советское правительство оказывает давление на ислам. Большой лжи и клеветы на Земле еще не было... Мы – мусульмане Советского Союза – объединившись, объявляем джихад фашизму. День мести настал. В Священном писании сказано, что напавший на другого вскоре должен получить по заслугам. Мы, правоверные мусульмане Советского Союза, обращаемся к мусульманам всего мира: не жалейте германских и итальянских фашистов. Убивайте их повсюду. Это священный долг»¹⁵⁹. Это обращение съезда кавказских мусульман получило большой отклик в Южном Азербайджане. Глава Духовного управления шейх-уль-ислам Ахунд-Ага Ализаде имел личные контакты с религиозными деятелями Южного Азербайджана еще со времен совместной учебы в Багдадском духовном университете и в Высшем религиозном университете в Наджафе.

Багиров в своем докладе перечислил и высоко оценил все принятые шаги: организацию радиопередач, открытие в Тебризе больницы, Дома культуры, чулочно-трикотажной фабрики, средней школы, обеспечение жителей Казвина питьевой водой, начало строительства автомобильной дороги Баку–Астара–Казвин. По его мнению, это, несомненно, усилило доверие иранцев к Советскому Союзу, а среди азербайджанцев пробудило чувство национального достоинства. Большую роль сыграло направление в Иранский Азербайджан работников из Советского Азербайджана, знающих язык, бытовые и национальные особенности местного населения. Багиров писал Сталину, что высокопоставленные иранские чиновники и правительство остерегаются укрепления авторитета Советов и предпринимают меры по нейтрализации достигнутого ценой немалых усилий. Ряд бесспорных фактов подтверждает, что это поощряется и направляется англичанами¹⁶⁰.

В докладе Багирова Сталину отмечалась и работа англичан на юге Каспия и среди курдов, последствием которой стали набеги на азербайджанские поселения. В результате нападения курдских вооруженных отрядов в апреле 1944 г. были полностью разорены деревни Мейланлы, Тазакенд, Гызылсулу, Гараагач, Арыхлы, Дерекенд и другие, убиты три крестьянина и два ребенка, угнаны 6 000 голов мелкого рогатого и 700 голов крупного рогатого скота. Багиров писал Сталину, что уже длительное время курды на глазах у советского ко-

мандования грабят азербайджанское население. Военные же ничего не предпринимают, ограничиваясь лишь предупреждениями. В конце доклада Багиров предлагал: всеми средствами добиться признания меджлисом мандатов депутатов, избранных от Азербайджана; в ближайшее время добиться объединения профсоюзов, отдалить от их руководства враждебно настроенных лидеров и усилить в профсоюзах советское влияние; укрепить руководство партии Хизбе-Туде за счет влиятельных азербайджанцев, провести ряд мероприятий в этом направлении; принять решительные меры для ликвидации враждебных провокационных элементов, выступающих в Южном Азербайджане по указке иранских властей; указать командованию советской армией и дипломатическим работникам в Азербайджане, что в отношении главарей курдских племен, грабящих азербайджанцев, следует занять жесткую позицию; добиться нормальных взаимоотношений между азербайджанцами и курдами; способствовать поднятию престижа советских гарнизонов, одновременно предотвращать всякого рода акции иранских властей, затрагивающие советские интересы; расширять разведработу и с этой целью использовать влиятельную часть населения; очень осторожно наращивать работу среди крестьянства¹⁶¹.

Со сменой советской политики в отношении Ирана усилился интерес органов разведки к его политической жизни, военному строительству. Военная разведка подготовила 15 июля 1944 г. обширную справку «О вооруженных силах Ирана». Здесь нашла отражение информация о генштабе, военных округах, военных училищах, личном составе, районах расположения, военно-воздушных силах и даже о боевом духе. Составленная разведкой Закавказья 20 сентября 1944 г. справка-доклад «Генералитет и офицерский корпус иранской армии» имела объем в 236 страниц. Этот доклад подготовили начальник штаба Закавказья генерал-майор Иванов и заместитель начальника управления разведки подполковник Горшков. В справке указывалась численность состава иранской армии в 123 тыс. чел., в том числе 9 тыс. офицеров. По разведанным, в иранской армии состояли: военный министр, два его заместителя, два корпусных генерала, 17 дивизионных генералов, 34 бригадных генерала, 338 полковников, 239 подполковников, 320 майоров, 1 470 капитанов, 1 960 старших лейтенантов, 870 младших лейтенантов¹⁶². Все это обилие информации в первую очередь говорит о растущем интересе Советского Союза к Ирану. Советской разведке было известно все о членах военного совета: не только их адреса, но и планы их квартир и поместий¹⁶³.

В октябре 1944 г. советские спецслужбы собрали досье на всех высокопоставленных лиц госаппарата Ирана со сведениями об их политической ориентации и отношении к СССР. По этому вопросу

они подготовили справку на 219 страницах¹⁶⁴. Сведения об иранских офицерах были представлены начальнику генштаба Красной армии генералу А. И. Антонову.

В декабре 1944 г. на имя начальника Главного политуправления Красной армии генерал-полковника А. С. Щербакова поступила докладная записка «Об усилении работы среди местного населения в Иране» за подписью командующего Закавказьем генерала армии Тюленева, секретаря ЦК КП(б) Азербайджана Багирова, члена военсовета генерал-майора Ефимова и начальника политуправления Закавказья генерал-майора Емельянова, в которой говорилось: «За три с лишним года пребывания советских войск в Иране нами проделана значительная работа в деле поднятия политического самосознания широких слоев населения Ирана, в особенности Южного Азербайджана... Парторганизация Азербайджана лишь за 1944 год направила в политорганы советских войск, военные комендатуры, советские торговые и транспортные учреждения и организации в Иране до 800 человек, которые проводят большую работу среди местного населения. Несмотря на то, что работа ведется в значительных масштабах, она еще не приобрела желательного размаха и глубины, поэтому для усиления и улучшения нашей пропаганды в Иране считаем необходимым: реорганизовать газету “Друг Ирана” с тиражом в 15 тысяч экземпляров; пользующуюся у населения успехом газету “За Родину” сделать 4-полосной, а тираж довести до 15 тысяч экземпляров; решить вопрос об издании иллюстрированного журнала для Ирана в нескольких параллельных изданиях со сменным фарсидским, азербайджанским, армянским, арабским и курдским текстами; в целях завоевания популярности и авторитета в различных слоях иранского общества предложить редакциям подконтрольных газет увеличить число статей иранских авторов; усилить эффективность радиоузлов в городах Иранского Азербайджана и увеличить их штаты; разрешить седьмому отделу Политуправления Закавказского фронта открыть в Тегеране информационно-переводческий центр; поручить политорганам советской армии начать изучение фарсидского и местного языка; по линии Всесоюзного Общества культурных связей открыть в Иране курсы русского языка; открыть “народные больницы” для бесплатного обслуживания малоимущих, обеспечить эти больницы военврачами, лекарствами и медоборудованием; для обеспечения пропагандистских работ выделить иностранную валюту на сумму сто тысяч рублей и т. д.»¹⁶⁵

Для расширения культурных связей Азербайджана с Ираном Багиров считал важным создание азербайджанского Общества культурных связей. 1 ноября 1944 г. он доложил Маленкову, что в

результате проведенных мероприятий в среде иранской интеллигенции возник большой интерес к достижениям Азербайджанской ССР в области науки, искусства и литературы. «Чтобы лучше ознакомить зарубежную общественность с нашими достижениями и для централизации всех мероприятий в этой области, – продолжал он, – считаем создание Общества культурных связей Азербайджана с зарубежными странами вопросом назревшим и целесообразным. Считающий так же товарищ Кеменов просит выдвинуть достойную кандидатуру на пост председателя Общества. Центральный Комитет Коммунистической партии Азербайджана просит принять решение о создании Азербайджанского Общества Культурных Связей с зарубежными странами и утвердить на пост председателя Общества члена партии с 1940 года, дважды лауреата Сталинской премии, поэта и литератора Векилова Самеда Вургун Юсиф-оглы»¹⁶⁶. На эту телеграмму Багирова Москва 27 ноября 1944 г. ответила согласием открыть Азербайджанско-Иранское общество культурных связей для усиления культурного и научного влияния Советского Азербайджана на Южный Азербайджан, а широко известный в Советском Союзе поэт Самед Вургун по рекомендации азербайджанского руководства возглавил это общество.

Таким образом, к концу 1944 г. завершился целый ряд политических, экономических, военных, дипломатических и культурных мероприятий организационного характера с целью придать действенность политическим процессам в Южном Азербайджане. Впереди два Азербайджана по обе стороны Аракса ждали большие испытания.

Глава IV

НЕФТЯНЫЕ ИНТЕРЕСЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ И СОЮЗНИКИ

К середине 1944 г. в близком конце войны не оставалось сомнений. Италия вышла из войны. Германию выбили из Северной Америки, с Ближнего и Среднего Востока, с территории СССР. Союзники уже обдумывали перспективы послевоенного мира. Тем не менее во взаимоотношениях между ними накопилось предостаточно противоречий. Судьбы стран, оккупированных Германией и сотрудничавших с ней, попытки СССР закрепиться в Восточной Европе и Южном Азербайджане, нестабильность ситуации в регионах Дальнего Востока и Тихоокеанского бассейна служили темой открытых и тайных переговоров. Начиналась эпоха борьбы за мировые топливно-энергетические ресурсы. Постепенно союзники превращались в противников. С середины 1944 г. борьба за нефть являлась определяющим фактором в формировании политики относительно Ближнего Востока. США и Англия, руководствуясь концепцией недопущения Советского Союза к ближневосточным и иранским нефтяным месторождениям, в то же время испытывали серьезные трения в отношениях между собой. Еще в начале 1920-х гг. президент США Уоррен Гардинг отмечал, что, пока Америка была занята изучением мира, общественных отношений и права, Англия прибрала к рукам все источники нефти. А это богатство составляет основу мирового господства¹. Естественно, стратегической задачей для Соединенных Штатов стало овладение нефтяными запасами Ближнего Востока, и в первую очередь иранской нефтью². В русле этой стратегии в июле–августе 1944 г. в Вашингтоне состоялась англо-американская конференция, посвященная нефтяному вопросу. В результате 8 августа Великобритания и США заключили особое соглашение о совместной деятельности в нефтяной политике³.

В течение 10 дней обсуждались вопросы, связанные с иранской нефтью. Еще в конце 1943 г. представитель американского концерна «Стандарт вакуум ойл компани» Драйпер прибыл в Тегеран и

вел переговоры с министром торговли и промышленности генералом Шафеи по поводу получения нефтяной концессии в Иранском Белуджистане. В связи с этими переговорами временный поверенный в делах США в Тегеране Ричард Форд от имени посольства 2 февраля 1944 г. обратился к генералу Шафеи, 11 февраля – к Мохаммеду Саеду, 19 февраля – к премьер-министру Сохейли, чтобы они в вопросе концессии поддержали Драйпера. В апреле 1944 г. в Тегеране появился американец Брейтон, назначенный заместителем Милспо по Южному Ирану. Официально ему надлежало находиться в Кермане и контролировать финансовые дела южноиранских провинций. Но на самом деле Брейтон являлся представителем компании «Синклер», заинтересованной в белуджистанской нефти. Летом 1944 г. в Тегеран приехал другой представитель этой компании – Вильсон. В тот период переговоры вели также посланцы компании «Америкен истерн Ко» Ваграм Френдян и Кемпел. С прибытием в Иран в начале июля представителя правительства США, специалиста по нефтяным вопросам полковника Левела дело приняло новый оборот. 12 июля он объявил всем компаниям, заинтересованным в иранской нефти, что отныне все переговоры о нефтяной концессии будут вестись от имени американского правительства. 20 июля иранское правительство пригласило в качестве экспертов по нефти сына бывшего президента США Гувера и Куртиса. Начиная с июля 1944 г. руководство страны приступило к секретным переговорам с американским правительством и компаниями США⁴. Но им только казалось, что все проходит в обстановке абсолютной секретности. Советский Союз был осведомлен об всем. Материалы о переговорах американцев по нефтяному вопросу советский торговый представитель Мигунов тайно передал Багирову⁵.

Активизация США в Иране побудила Советы предпринять ответные действенные шаги. С середины 1944 г. советские дипломатические, военные и специальные учреждения были привлечены к борьбе за нефть. Иранская нефть в отношениях союзников постепенно превращалась в горючую смесь. Особенно, когда стало известно, что в 1943 г. англичане на юге Ирана добыли более 10 млн тонн нефти, это служило главной темой обсуждений в советском руководстве⁶. Командующий советскими войсками в Иране Д. Т. Козлов докладывал руководству СССР, что нефтяная промышленность Ирана целиком находится в руках британцев и все нефтяные запасы страны отданы англичанам в концессию на 60 лет. Козлов отмечал, что обнаружены более 100 месторождений нефти и не все они эксплуатируются: «Нефть есть всюду, в том числе и на севере»⁷. Еще в июне 1943 г. советский посол в Тегеране Смирнов обратился к Багирову с прось-

бой прислать несколько нефтяников-геологов для разведки нефтяных запасов на севере Ирана. По указанию Багирова главного геолога геологоразведывательного управления Азнефти А. Н. Корнеева и сотрудника этого управления И. Г. Гасанова под видом военных инженеров направили 2 июля в Тегеран. Первичные исследования показали, что нефтегазовые запасы в Иранском Азербайджане, Гиляне, Мазендеране, Астарабате, Северном Хорасане отнюдь не уступают запасам подконтрольных англичанам районов Южного Ирана. Результаты геологоразведки обсуждались в посольстве. В обсуждении принял участие заведующий отделом Ближнего Востока НКВД СССР И. В. Садчиков. Последний сообщил, что результаты обсуждения будут доложены руководству наркомата и наверняка будут даны соответствующие указания по расширению геологоразведочных работ⁸. Торговому представителю СССР в Тегеране Мигунову тотчас дали поручение обеспечить геологическую группу автомобилем. Позже Москва приняла решение о выделении финансовых средств для поисковых работ.

В феврале 1944 г. геологическая группа обнаружила в 20 км к югу от границы СССР, близ советского районного центра Ордубад, а также в Горгане, Таш-Абаде, Семинане большие запасы нефти, а на Рештской равнине – запасы газа⁹. Работа геологической группы по сбору информации об энергоресурсах в Южном Азербайджане и на южном побережье Каспийского моря заложила стратегическую основу нефтяной политики СССР в Иране. Начиная с весны 1944 г. последовательное командирование советских работников в Южный Азербайджан в действительности представляло собой составную часть большой нефтяной политики Москвы. Однако ни посланцам Советского Азербайджана, ни открывшему в себе национальное самосознание местному населению не была ясна истинная цель этих действий и настоящая цена такой политики. 16 августа 1944 г. Берия направил Сталину и наркому иностранных дел Молотову, за своей подписью, крайне важный для понимания послевоенных целей СССР в Иране аналитический доклад Совнаркома, касавшийся вопросов мировых запасов и добычи нефти, нефтяной политики Англии и США и содержащий соответствующие выводы относительно советских действий. В нем отмечалось наличие англо-американских противоречий в борьбе за нефтяные месторождения Ирана и в то же время обращалось внимание на стремление двух стран к совместным действиям «в отношении любой третьей страны». Имелся в виду СССР. Берия предлагал «энергично взяться за переговоры с Ираном о получении концессии в Северном Иране». При этом он подчеркивал, что «англичане, а возможно, и американцы ведут скры-

тую работу по противодействию передаче нефтяных месторождений Северного Ирана для эксплуатации Советским Союзом». Кроме того, он высказывал пожелание об участии СССР в англо-американских переговорах о нефти «для защиты интересов СССР в сфере международных нефтяных дел»¹⁰.

Подконтрольная советским представителям пресса Тегерана с середины 1944 г. начала отмечать, что Соединенные Штаты в Иране интересуют не только нефтяной вопрос, но и транспортный сектор, являющийся важным условием транзита международных грузов в СССР. Еще в 1942 г. Великобритания уступила США право перевозить грузы через территорию Ирана в СССР. Под контроль США перешли порты, автомобильные и железные дороги, ведущие с юга в Тегеран. В 1944 г. американцы пытались взять под контроль также каспийские порты и дороги, ведущие в Тебриз. К осени 1944 г. численность американских войск в Тегеране, Хамадане, Хорремабаде, Ахвазе, Абадане, Казвине и других местах составляла 50 тыс. солдат и офицеров. На параде американских войск 1 августа 1944 г. лично присутствовал шах. Вместе с женой и свитой он посетил американский военный лагерь в Амирабаде¹¹. По информации спецслужб Советского Азербайджана, военное присутствие США на Ближнем Востоке преследовало цель в случае приближения германских войск к бакинским нефтепромыслам немедленно оккупировать Закавказье, и в первую очередь Апшеронский полуостров¹².

К концу 1944 г. число американских советников приблизилось к 100. Для работы в сфере просвещения были приглашены еще 60. Основная цель всей этой армии советников заключалась в противостоянии влиянию Советского Союза¹³. Журнал «Ньюсуик» писал: «Соединенные Штаты Америки твердо отстаивают независимость Ирана, вопреки России и Великобритании, занимающимся интригами относительно сфер влияния. Декларация об Иране является победой точки зрения США. Эта декларация устранила опасность того, что Россия может потребовать прямого выхода к Персидскому заливу»¹⁴. Советник при военном министерстве генерал-майор Ридли велел руководителям полиции и жандармерии: «В Тебризе выделить большое количество пшеницы для армии, давая понять, что “все равно пшеницу заберут русские”»¹⁵.

В течение 1944 г. американцы пытались перетянуть молодого шаха на свою сторону. Летом Мохаммед Реза на американском самолете совершил вояж из Тегерана в Абадан, где шаху продемонстрировали мастерские, собирающие самолеты для СССР. Американцы пообещали шаху передать после войны Ирану все построенные ими мастерские, причалы и прочие сооружения. Американский корре-

спондент «Ассошиэйтед пресс» Герман в июле посетил шаха и взял у него интервью, сопровождаемое комплиментами его величеству. Целью таких публикаций была подготовка к намечавшемуся в сентябре 1944 г. визиту Мохаммеда Резы в Вашингтон. Однако от вояжа пришлось отказаться по причине смерти его отца в Йоханнесбурге¹⁶.

Осенью 1944 г. советское правительство также намеревалось получить нефтяную концессию в Северном Иране. Даже не заручившись согласием иранского правительства, к отбытию в Тегеран готовилась советская экономическая комиссия. Уже были подготовлены проекты секретного протокола, а также концессионного договора. В справке «Нефтяная промышленность Ирана» указывалось, что в Ираке, Саудовской Аравии и Бахрейне в год добываются 5 млн тонн нефти, а в Иране – 16 млн тонн¹⁷. При этом вся нефтяная промышленность целиком находилась под контролем британских компаний. Нефтеперерабатывающие заводы в Абадане и Керманшахе зависели от английского капитала¹⁸. Заведующему отделом Ближнего Востока Наркомата иностранных дел И. В. Садчикову поручили провести сравнительный анализ конкурентоспособности «Советско-иранской нефтяной компании» с «Англо-иранской нефтяной компанией». В написанной Садчиковым справке за основу брались довоенные показатели «Англо-иранской компании». В представленной 8 сентября информации отмечалось: англичане добыли в Иране за 1938 г. 10 195 тыс. тонн нефти. Из полученных от продажи этой нефти 6 109 477 фунтов стерлингов 3 307 479 фунтов отчислено в пользу иранского правительства. В случае образования «Совираннефти», в соответствии с проектом договора, в Северном Иране условно ожидалась добыча 10 195 тыс. тонн нефти, и от полученного дохода в 11 418 000 американских долларов предполагалось передать иранскому правительству 3 933 905 фунтов стерлингов. По этим расчетам выходило, что советская нефтяная концессия на 18–19 % выгоднее для иранского правительства. В конце справки, правда, указывалось, что расчеты носят условный характер¹⁹.

Летом 1944 г. тема нефти стала главной в иранской прессе. Газета «Дамаванд» писала: «Беспорядки в Тебризе связаны с нефтяным вопросом. В Иранском Азербайджане в областях Мосул и Каркук имеются богатые нефтяные залежи. Идея пантюркизма и идея единого курдского государства тесно связаны с этими нефтеносными районами. Поэтому СССР, США, Британия и Турция имеют свой интерес в азербайджанском вопросе. Корни возникших в прошлом армянского, айсорского, курдского вопросов также следует искать в нефтяной проблеме. Если бы не побуждения нефтяных компаний, очевидно, турки Азербайджана не выдвигали бы никаких требований»²⁰.

Тегеранская газета «Фарда» сообщала о таком изобилии нефти в Азербайджане, что в некоторых местах она выходит на поверхность земли. Газета приводила слова экономиста с мировой известностью: «...Если у государства есть черное золото, то думать о желтом золоте уже нет необходимости»²¹. Газета «Иран-е ма» писала, что из числа студентов Высшей нефтяной школы в Абадане отобраны 12 иранцев для обучения в Лондоне²². Тегеранская «Дария» в номере от 17 июля опубликовала большую статью о желании Советского Союза получить концессию на северную нефть. Для проведения консультаций по поводу нефти в Тегеран одновременно были вызваны посол в Лондоне Тагизаде, посол в Москве Меджид Ахи, посол в Каире Джам. Среди населения ходили слухи, будто послов вызвали для формирования нового правительства.

Интересующие Советы нефтеносные месторождения Кевир-Хуриана Насреддин-шах некогда подарил одному иранцу. Позже иранец продал эти земли некоему грузину по имени Хоштария, являвшемуся российским подданным. Когда Хоштария захотел продать эту территорию англо-американской нефтяной компании за 400 тыс. фунтов стерлингов, русское правительство заявило протест²³. В советское время между действующим здесь акционерным обществом «Кевир-Хуриан лимитед» и Ираном заключались договоры 8 июля 1928 г., 7 октября 1929 г., 29 августа 1932 г.²⁴ Обеспокоенность Советов была вызвана тем, что еще в 1921 г. иранский меджлис вынес решение из 5 пунктов о передаче концессии на северную нефть компании «Стандард ойл». Чтобы отменить это решение, СССР предстояло приложить немало усилий в Иране. Активность американских компаний с 1944 г., появление в иранской печати сообщений о возможной передаче концессии на северную нефть англичанам еще сильнее встревожили Москву²⁵. По мнению профессора В. М. Зубока, «стратегические планы Сталина в Иране были связаны не только с иранской нефтью, им также двигало желание держать западные державы, в особенности США, подальше от советских границ»²⁶.

10 сентября 1944 г. в Тегеран прибыла советская государственная комиссия в составе заместителя наркома иностранных дел СССР С. Кавтарадзе (председатель), Н. Байбакова, П. Кумыкина (члены комиссии), Н. Гейдарова, Е. Дмитриева, М. Карасева, И. Конрадова (эксперты). 11 сентября премьер-министр Саед принял комиссию на своей вилле близ Тегерана. В приветственной речи Саед говорил о взаимной дружбе правительства шахиншаха с СССР, глубоком удовлетворении от визита Кавтарадзе. В ответном слове глава советской делегации поблагодарил хозяина и отметил большую роль Ирана в деле обеспечения Советского Союза оружием и военными поставка-

ми. Он заявил, что установившаяся между двумя странами настоящая дружба может служить прочной базой для дальнейшего развития политических, экономических и культурных связей. Кавтарадзе также подчеркнул необходимость своевременного вывода войск союзников в соответствии с трехсторонним договором для поднятия престижа иранского правительства внутри страны²⁷. В ходе переговоров советская сторона объявила, что целью советской комиссии является ознакомление с нефтяными месторождениями на севере Ирана и подписание договора о предоставлении концессии объединению «Советско-иранская нефть». Премьер-министр обещал помочь всеми возможными средствами²⁸. 16 сентября Кавтарадзе в сопровождении советского посла Максимова отправился во дворец Саадабад на прием к шаху²⁹. С 17 по 23 сентября комиссия в полном составе в сопровождении советника посольства Ахада Якубова посетила Северный Иран. Здесь представители Советов ознакомились с результатами нефтеразведки в Семнани, Мазендеране, Гиляне, Горгане, побывали у грязевого вулкана, разузнали про нефтяные запасы в Туркменской степи. Затем Гейдаров и Дмитриев в течение нескольких дней осматривали окрестности Ардебилля, Тебриза, Урмии и Миане, а другие вернулись в Тегеран. Комиссия пришла к выводу, что первоочередные работы следует начать в Мазендеране. Район Сари-Шахи, наиболее богатый нефтью, расположен в 40 км к югу от побережья Каспия, что благоприятствует вывозу нефти. Вторым перспективным районом считался Горган. Бурение в Семнани, заключали эксперты, будет сопряжено с рядом сложностей. Работы в Гиляне и Азербайджане предлагалось ограничить геологической разведкой³⁰.

25 сентября премьер-министру Саеду была вручена нота советского правительства с предложением о сдаче в концессию разведки и разработки нефтяных месторождений Северного Ирана с включением провинций Семнан, Горган, Мазендеран, Гилян и Азербайджан. Нефтяное требование Советов вызвало живой интерес тегеранской прессы. На первом этапе переговоров газеты положительно расценивали идею передачи концессии иностранцам. Газета писала: «...Если подходить к этому вопросу с точки зрения международной политики, то следует сделать вывод, что поскольку мы отдали концессию на южную нефть Англии, то, вне сомнения, мы не можем обделить своего другого соседа. Нет никаких причин отказывать северному соседу, а также и Америке»³¹. Предложенный иранскому правительству советской экономической комиссией, в состав которой входили представители Азербайджана, «Концессионный договор» состоял из 22 пунктов, и в нем указывалось: «Правительство предоставляет объединению “Совираннефть” в пределах Ирана исключительное

право транспортировать нефть и другие указанные продукты, которые могут как продаваться в Иране, так и вывозиться за его пределы. Территория концессии означает... территорию, обозначенную на карте, подписанной обеими сторонами и приложенной к настоящему договору в качестве его неотъемлемой части». Договор подписывался на 60 лет и не мог быть аннулирован ранее чем через 40 лет. Иранское правительство не имело права аннулировать его в одностороннем порядке, его статьи не подлежали изменению каким-либо законом или актом, принятым позднее. В случае возникновения конфликтной ситуации вопрос решался в комиссии, включающей по два члена от каждой стороны. Договор должен был вступить в силу после принятия его меджлисом и подписания шахом³². Вместе с договором иранскому правительству вручили «Конфиденциальный протокол между правительством СССР и правительством Ирана по вопросу об акционерном обществе «Кевир-Хуриан лимитед»», гласивший, что с подписанием данного протокола ранее заключенные соглашения от 8 июля 1928 г., 7 октября 1929 г., 28 августа 1932 г. теряют силу. Правительство СССР и правительство Ирана признавали необходимым ликвидировать акционерное общество «Кевир-Хуриан лимитед» в порядке, предусмотренном уставом общества. Этот конфиденциальный протокол вступал в силу после одобрения меджлисом концессионного договора³³. Третий документ представлял собой протокол о намерениях, состоящий из четырех пунктов. Он предусматривал создание в Москве «Совираннефти», призванной в течение 60 лет способствовать развитию производительных сил на севере Ирана³⁴. Премьер Мохаммед Саед обещал, что иранское правительство будет защищать концессионный договор и он проведет договор через меджлис³⁵.

С целью налаживания связей с иранским правительством, известными политическими деятелями и депутатами меджлиса советское посольство провело мероприятия. В последние дни сентября Кавтарадзе встретился с шахом. Редактор газеты «Эттелаат» Масуди взял интервью у Кавтарадзе, который заявил: «Я прибыл в Иран как глава комиссии, изучающей состояние общества «Кевир-Хуриан» и природные ресурсы Северного Ирана. Эта работа начата еще в Москве и завершена с помощью известных геологов, прибывших сюда. Советская экономическая комиссия побывала в интересующих нас местах и ознакомилась с рядом географических, технических и экономических показателей. Результаты работы я доложил своему правительству. Советское правительство дало полномочия возглавляемой мною делегации сделать иранскому правительству предложение о предоставлении СССР концессии на нефтеразведку и добычу.

Советское правительство считает, что если объединить природные ресурсы Северного Ирана, труд иранских рабочих и инженеров и могучую советскую технику, то выиграют обе стороны, будет заложена промышленная основа Северного Ирана... По этому поводу я два раза беседовал с его величеством шахом и несколько раз с господином премьер-министром. Я надеюсь, что окажется возможным заложить фундамент этого обоюдывыгодного дела»³⁶.

Но с первых дней октября газеты, близкие к правительственным кругам, стали выступать против передачи концессии Советскому Союзу. «Вазифа» в номере от 3 октября писала, что правительство не вправе давать концессии в военное время и при наличии в стране иностранных войск³⁷. 4 октября в той же газете появилось обращение к Мохаммеду Саеду и кабинету министров с призывом отложить вопрос о концессии до завершения военных операций. В статье «Не упускайте из рук нашу нефть» газета «Ахтар» объявила предательством передачу нефтяной концессии иностранному государству в период войны. Она писала, что даже в случае, если меджлис утвердит концессию, народ Ирана будет считать ее незаконной: «Наш многострадальный народ будет вправе взять в собственные руки свои природные богатства... Иранская нефть принадлежит иранскому народу»³⁸. А газета «Растахиз» («Возрождение») 27 сентября опубликовала статью, прямо противоположную напечатанной двумя днями раньше. Напоминая, что в связи с нефтяной концессией правительство попало в безвыходное положение, газета считала, что в предвидении более благоприятных времен правительству стоит воздержаться от раздачи концессий. Когда на повестке дня стоит вопрос передачи Америке южной нефти, а России – северной, народ имеет право требовать от правительства не подписывать договоры с закрытыми глазами: «Мы не должны принимать решений, пока великие державы не прояснят своей политики, и позволять, чтобы наша страна вновь превратилась в арену международного противостояния»³⁹.

Хотя прошло достаточно времени после передачи иранскому правительству советских предложений, премьер Саед всячески тормозил решение Ирана⁴⁰. Наконец, 2 октября Саед вынес нефтяной вопрос на закрытое обсуждение правительства. Затем он заявил, что кабинет не принял никакого решения. Однако правительство постановило, что вопрос о нефтяной концессии должен быть отложен до окончания войны⁴¹. Премьер просто не хотел объявлять это решение, пока советская правительственная комиссия находилась в Тегеране. Но никто не знал, когда же она собирается обратно в Москву, поэтому 5 октября прошло закрытое заседание министров и депутатов меджлиса по вопросу о концессии, о результатах которого официаль-

но не сообщалось. По другим каналам стало известно, что обсуждение прошло в неблагоприятной для Советского Союза атмосфере. 9 октября состоялось еще одно заседание меджлиса, на котором Саед выступил с длинным заявлением, выражавшим отрицательное отношение правительства к советским предложениям.

Ввиду того, что официального ответа на свои предложения советская комиссия так и не получила, она потребовала личной встречи с Саедом. 11 октября Кавтарадзе, Байбаков и Кумыкин были приняты им и на прямой вопрос, поставленный в категоричной форме, получили вынужденное признание премьера, что подобное поведение иранского правительства есть не что иное, как отказ Советскому Союзу в концессии в связи с желанием Ирана отложить решение по ней до окончания войны⁴². Руководители «Азнефти», подготовившие для Багирова отчет о результатах поездки в Тегеран, отмечали: «В отношениях с правительственной комиссией Советского Союза премьер-министр Саед вел недостойную и нечестную игру, на словах предлагая всемерную поддержку, а на деле проваливая наши предложения»⁴³.

23 октября Кавтарадзе заявил шаху Мохаммеду Резе о невозможности дальнейшего сотрудничества с правительством Саеда, но выяснилось, что шах поддерживает позицию премьера в этом вопросе. По мнению советских делегатов, на поведение правительства оказывали влияние англичане. Английские агенты распускали слухи, будто целью советского правительства является не получение концессии на нефть, а отчуждение северных провинций. Поэтому они советовали давать концессии не правительству (например, советскому), а частным фирмам (например, английским, американским)⁴⁴. По сведениям советских спецслужб, 90 из 112 депутатов меджлиса и 9 из 11 членов кабинета министров придерживались английской ориентации. Стало известно также, что заведующая отделом прессы английского посольства мисс Лимптон приглашала к себе некоторых редакторов газет и инструктировала их. Газета «Иран-е ма» в номере от 11 октября опубликовала большую статью «Саед и проблема северной нефти Ирана», за что главного редактора пригласили на специальную беседу. Газеты «Сетаре», «Бахтар», «Кушеш», «Дад», «Рахбар» и другие посвятили северной нефтяной концессии материалы в последней декаде октября. Редактор газеты «Сетаре» во время встречи с премьер-министром спросил, знал ли Саед заранее о приезде советской правительственной комиссии, на что премьер ответил, что не был предварительно оповещен⁴⁵. Глава правительства пытался заверить прессу и общественность страны, будто отказ в предоставлении концессии СССР не испортит советско-иранских отношений. Пока пре-

мьер-министр успокаивал себя и страну, советская правительственная комиссия, еще будучи в Тегеране, начала подбор кандидатов на его место. Такой кандидат нашелся сам собой. Кавам ос-Султан уже в ходе переговоров тайно встретился с членом комиссии, заместителем наркома нефтяной промышленности СССР Н. К. Байбаковым и сообщил, что Саед их обманывает и нефти не даст. Ахмед Кавам заверил, что если он станет премьером, то осуществит все предложения Советского Союза⁴⁶.

Теперь уже известно, что Ахмед Кавам и раньше имел контакты с советскими дипломатическими органами. Когда внедренные на дипломатические должности в Иране азербайджанские политработники в апреле–мае 1944 г. проходили практику в Москве, советский посол в Тегеране сообщил им, что бывший премьер Ахмед Кавам лоялен Советскому Союзу и, «если мы поможем ему прийти к власти, он усилит наше влияние на Иран»⁴⁷. Известный историк Аббас Милани правильно пишет, что начиная с 1942 г. «Кавам преодолел британские и советские возражения и стал их любимым кандидатом на пост премьер-министра»⁴⁸.

Спустя месяц после начала безрезультатных переговоров члены комиссии 25 октября вернулись в Москву. Н. К. Байбакову этот вояж, тем не менее, принес пользу: через несколько дней в возрасте 33 лет он был назначен наркомом нефтяной промышленности СССР. А вот Саеду выступление против советской концессии обошлось дорого. Через две недели после отъезда советской делегации Саед вручил шаху прошение об отставке. Но Каваму пришлось ждать до января 1946 г.

Получив из Тегерана сообщение о решении иранского правительства, Молотов 24 октября 1944 г. принял посла Ирана Меджида Ахи. Он открыто сказал послу, что советское правительство воспринимает решение иранского правительства как отговорку, за которой, по неизвестной причине, стоит нежелание принять советское предложение о концессии. После подобного заявления Молотова работа советской экономической миссии в Тегеране стала бессмысленной. Поэтому Кавтарадзе получил указание срочно покинуть Иран и вернуться в Москву. 25 октября вся делегация была уже в Москве⁴⁹. Великобритания и США, очень внимательно следившие за ходом переговоров, с целью приободрить Иран 1 и 2 ноября вручили советскому правительству ноту протеста, в которой указывалось, что попытки получить концессию на иранскую нефть являются вмешательством во внутренние дела Ирана и противоречат декабрьской 1943 г. Декларации трех государств. В ответной ноте американцам и англичанам Молотов заявил, что подобное отношение союзников к

советско-иранским переговорам и к нефтяному вопросу в целом советское правительство считает неприемлемым. Он подчеркнул, что положительное решение вопроса о нефтяной концессии улучшило бы отношения между СССР и Ираном, а также представляло бы форму важной экономической помощи Ирану⁵⁰. По мнению советской стороны, предлагаемый СССР концессионный договор надежно обеспечивал бы суверенитет Ирана⁵¹.

Советская комиссия еще не покинула Тегеран, а советским военным, дипломатическим и специальным учреждениям уже дали команду способствовать падению кабинета Саеда. Премьер подвергся бойкоту, все переговоры велись с отдельными министрами и заместителями Саеда. Вывоз сельхозпродуктов из районов Северного Ирана, являющегося основной аграрной базой страны, поставили под контроль; сразу же задержали 150 вагонов продуктов для Тегерана. Подачу вагонов под грузы, не имеющие военного значения, ограничили. Прервалась телеграфная связь Тегерана с северными провинциями. Это повлекло за собой панику среди купцов и в правительственных кругах. Перед самым отъездом комиссии один из мотомеханизированных советских полков в полном вооружении проследовал по улицам Тегерана. Намерение иранского правительства увеличить свои гарнизоны в северных провинциях и Курдистане было пресечено. Запрещалось всякое передвижение иранских войск на севере страны. Иранскому правительству предъявили требование выдать пять арестованных мусаватистов и дашнаков. Состоялось совещание консулов городов Южного Азербайджана, Гиляна и других городов. Они получили указания об организации демонстраций, отправки телеграмм и писем от населения с выражением недоверия правительству⁵². По мнению американцев, пошли в ход традиционные советские методы давления: «просеивание людей через сито, усиление просоветских сил или местных коммунистических партий, обман общественного мнения, создание обстановки недовольства и безразличия, манипуляция путем подкупа, запугивание групп и отдельных личностей, экономическое давление, регулярно лживая пропаганда и вообще использование слабости страны, большинство лидеров которой нечистоплотны и непатриотичны»⁵³. Инструкции, данные советским органам в Иране, чтобы свалить правительство Мохаммеда Саеда, в целом соответствовали всему перечисленному выше главой американской миссии Артуром Милспо.

В день выезда советской делегации из Тегерана, 25 октября, в Тебризе начались митинг и демонстрация против правительства Саеда. Начиная с середины октября сотрудники советского консульства в Тебризе и политработники, прибывшие из Баку, вели работу

не только среди широких масс, но и среди отдельных богатых людей, даже иранских чиновников, работавших в Южном Азербайджане. Советские органы инструктировали и глав курдских племен. Представители деловых кругов Тебриза в разговорах с советскими работниками открыто говорили, что Ирану не хватит сил самостоятельно добывать северную нефть и ее нужно отдать Советскому Союзу как ближайшему соседу, премьер Мохаммед Саед в этом вопросе допустил ошибку. Например, фармандар Мехабда Нейсари 19 октября заявил Г. Гасанову, что если СССР будет дана концессия, то можно будет обеспечить работой 10 тысяч безработных, а на полученную прибыль благоустроить города, построить больницы и открыть школы⁵⁴. Даже известный как антисоветчик крупный землевладелец из Миане, депутат меджлиса от Азербайджана Фарман Фармаиан 21 октября явился в советское консульство в Тебризе, чтобы заверить вице-консула Гасанова, что в день принятия решения меджлисом его не было в Тегеране и отказ выдать концессию его лично сильно удивил. Фармаиан добавил, что поддерживает тесные связи с членами советского посольства Максимовым, Якубовым, Аваловым и другими, в меджлисе сидит рядом с азербайджанскими депутатами, защищает права Пишевари и Ленкорани на признание их мандатов. Насчет Сеида Зия-ад-Дина он сказал, что голова у того пустая и он из себя ничего не представляет, а советские люди преувеличивают его роль. Гасанов отмечал, что Фармаиан боится за свое имение в Азербайджане и поэтому делает вид, будто хорошо относится к Советам, а на самом деле он ярый реакционер⁵⁵.

Но среди тех, кто обращался в советское консульство, а также к политработникам из Советского Азербайджана, были и люди, искренне разделявшие идею национальной независимости. В качестве примера можно привести одного из зажиточных граждан Мараги, долгое время занимавшего государственные должности, – Мирзу Раби Кабири. В беседе с Гасановым 13 ноября 1944 г. он сообщил о намерении послать шаху от имени народа телеграмму с ультиматумом: «в течение 10 дней удовлетворить все требования азербайджанского народа, иначе народ будет управлять Азербайджаном самостоятельно»⁵⁶. Во время встречи с Гасановым 18 ноября Кабири, касаясь нефтяного вопроса, сказал, что состоятельные люди, приславшие телеграммы из Азербайджана, просто пускают пыль в глаза, и подчеркнул необходимость требования независимости Азербайджана. Он заявил: «Даже те помещики, которые подписали телеграмму с нами о борьбе, до конца не будут идти. Они бросают пыль в глаза. Поэтому он, Кабири, хочет связаться с руководителями тебризского обкома Народной партии и поставить вопрос о поднятии на борьбу за разрешение коренного

вопроса – получение самостоятельности для Азербайджана – широких слоев народных масс»⁵⁷. А в разговоре 25 ноября Кабири окончательно остановился на мысли, что «надо в Азербайджане создать свое правительство»⁵⁸. О своих встречах и беседах с Мирзой Раби Кабири Г. Гасанов подробно информировал Баку.

Действительно, заявления Кабири о фальшивости телеграмм, направленных в Тегеран, были справедливы. Чтобы не превратиться в мишень советских учреждений в столь опасное время, каждый старался выглядеть другом Советов и, телеграфируя в Тегеран, ругал правительство Саеда за отказ выдать нефтяную концессию и требовал его отставки. Даже один из видных религиозных деятелей Тебриза Сиккат-оль-Ислам отправил телеграмму протеста шаху и в меджлис, а заверенную на почте копию этой телеграммы прислал в советское консульство через своего сына Мусу⁵⁹. Копии подобных телеграмм со всех концов Южного Азербайджана передавались в советские дипломатические учреждения. По указанию советского консульства в Тебризе остандар Дадвар активно участвовал в организации этих телеграмм и массовых митингов. Именно с его помощью массовые митинги под руководством «Фронта свободы» ежедневно проходили в Тебризе с 26 по 30 октября. 27 октября в саду Гюлюстан и на площади у Ала-Гапы число участников митинга достигло 12 тыс. чел. 30 октября в антисаедовском митинге в Тебризе участвовало более 40 тыс. чел. Ситуация осложнилась настолько, что командующий иранской армией в Азербайджане генерал Хосровани дал команду стрелять по демонстрантам. Один демонстрант был убит, трое ранены. 31 октября на похороны погибшего собрались 50 тыс. тебризцев, здесь перед ними выступил брат Саттархана (лидера Конституционной революции 1905–1911 гг. в Иране) Гаджи Азим-хан.

29 октября на митинг в Тегеране пришли 40 тыс. чел., в Резайе – 3 тыс. чел., в Мешхеде – 6 тыс. чел., 1 ноября в Ардебиле – 6 тыс. чел., в Сарабе – 6 тыс. чел., в Казвине – 3 тыс. чел. У митингующих откуда-то появилось большое количество портретов Сталина. В течение пяти дней по всему Азербайджану митинговало 70 тыс. чел. От имени митингующих шаху отправлялись телеграммы с требованием привлечь к ответственности Саеда и его министров, изгнать из страны Сеида Зия-ад-Дина. Выступивший на митинге в Тебризе Бирия заявил, что, если центральное правительство не удовлетворит требование народа, в Азербайджане найдется немало достойных людей, способных возглавить правительство, независимое от Тегерана. Телеграмма с таким содержанием была послана в Тегеран.

В своей справке на имя Багирова вице-консул в Тебризе Гасанов сообщал, что митинги протеста в Азербайджане проходят при активном участии советских сотрудников⁶⁰. Интенсивную организационную работу вела и местная ячейка Народной партии. Со дня начала нефтяного кризиса Гасанов практически ежедневно давал руководящие указания по организации митингов Садыгу Падегану, Мирзе Али Шабустари, Мохаммеду Бирии и другим местным руководителям Туде⁶¹.

В консульском округе Маку антиправительственные митинги также организовывали советские учреждения. Вице-консул Мустафа Мустафаев, секретарь консульства Багир Сеидзаде различными путями способствовали проведению митингов в Маку, Хое, Урмии. Об этих выступлениях против правительства Саеда Мустафаев и Сеидзаде информировали Наркомат иностранных дел. Позднее в отправленном Багирову 15 января 1945 г. «Политико-экономическом отчете по консульскому округу Маку за 1944 год» 18-й раздел был озаглавлен «Кампания против кабинета Саеда». В телеграмме, отправленной шаху, митингующие в Маку требовали: 1) подвергнуть суду Саеда и его подручных за их антинародную политику; 2) выслать из страны Сеида Зия-ад-Дина за его враждебную Ирану деятельность; 3) сформировать новый кабинет, который будет вести политику в интересах иранского народа, укреплять дружбу иранского и советского народов, положительно решит вопрос о предоставлении СССР нефтяной концессии. По мнению В. Зубока, «Сталин решил использовать население Южного Азербайджана (северо-западной части Ирана) для достижения этой цели»⁶². 1 ноября даже ханы Теймури и Баят-Маку писали в советское консульство, что, в знак протеста против вражеской политики Саеда и желая продемонстрировать солидарность с СССР, перечислили в фонд Красной армии 250 тыс. риалов. Эту информацию опубликовали «Дусте-Иран», «Эттелаат», «Иран-е ма»⁶³.

По распоряжению советского консульства в Тебризе и руководителя азербайджанских политработников в Иране Г. Гасанова, наряду с дипломатическими работниками, организацией митингов занимались и военные коменданты. Комендант Тебриза Маниев, комендант Хоя Джебраилов, комендант Миандоба Алиев, комендант Резайе Сафаров, комендант Маранда Ахмедов, комендант Миане Магеррамов, комендант Джульфы Гусейнов, комендант Шапура Годжаев и другие регулярно и активно участвовали в организации митингов. Но не это придавало истинную массовость этим митингам, а тяга к независимости и недовольство правительственными кругами Ирана. Характерной чертой выступлений в октябре–ноябре

стала политическая активность крестьянства. Бывший мэр Мараги Кабири при встрече с вице-консулом Тебриза сказал, что крестьянство, составляющее большинство населения Азербайджана, готово защищать любое предложение Советского Союза. Если речь пойдет об обособлении Азербайджана и превращении его под патронажем Советского Союза в самостоятельное государство, то азербайджанские крестьяне от души будут отстаивать это намерение. И предложение об объединении Северного и Южного Азербайджана также будет благосклонно принято большинством населения Азербайджана⁶⁴.

Волна протеста против Саеда, охватившая Азербайджан, стала тревожить не только иранские правительственные круги, но и англичан, которых пугала перспектива обособления Азербайджана или присоединения его к Советскому Азербайджану. Они пытались через своих людей выяснить, насколько реальна такая идея, а также вывести мнение советских сотрудников по этому поводу. Для выяснения общественного мнения англичане иногда распускали ложные слухи. Например, британский консул Уолл в одной из бесед с остандаром Дадваром сообщил, что русские посылают главарей курдских племен в Баку. Это не соответствовало действительности. С лета 1944 г. отношение Советского Союза к курдам стало меняться. Вице-консул в Маку 21 ноября 1944 г. докладывал в Наркомат иностранных дел СССР: «Курды, как известно, к участию в проводимых нами мероприятиях не были привлечены, так как они, в большинстве, в силу своего разбойничье-бандитского уклада жизни и неавторитетности как среди населения, так и в правительственных кругах не могли бы оказать какое-либо влияние или давление на ход этих политических событий. И в действительности ни при каких обстоятельствах при помощи курдов мы не добились бы таких успешных результатов, какие мы имели, опираясь на основное местное население»⁶⁵.

Игнорирование интересов Азербайджана, его языка и культуры, бесправие, голод и нищета обострили противоречия между регионом и центром. Это создало благоприятные условия для советской пропаганды. Митинги, прошедшие в Тебризе 6–7 ноября в честь 27-й годовщины Октябрьской революции, стали последним мощным ударом по правительству Саеда. 7 ноября в Тебризе на митинг пришли 30 тыс. чел. 9 ноября Саед вручил шаху прошение об отставке, и его кабинет пал⁶⁶. Но волна митингов не улеглась. Теперь народ требовал предания Саеда суду, формирования дружественного Советам кабинета и изгнания Сеида Зия-ад-Дина из страны. По мнению известного историка Фахреддина Азими, Саед подал прошение об отставке главным образом под давлением советского правительства⁶⁷.

Советские органы добились отставки Мохаммеда Саеда, но отнюдь не обрели уверенности в получении концессии от нового правительства. По информации Г. Гасанова, на всякий случай советские учреждения готовили волну новых митингов⁶⁸. В новых текстах телеграмм, составлявшихся в советских консульствах, содержалось требование сформировать новое правительство из лиц, дружелюбно настроенных к северному соседу. По указанию советского посольства вице-консул Гасанов и резидент азербайджанских органов безопасности в Южном Азербайджане, второй вице-консул Н. Кулиев встретились с остандаром Дадваром и рекомендовали ему послать шаху и в меджлис телеграмму с требованием образовать новое правительство, благорасположенное к «ближнему соседу» – СССР. Дадвар попросил Кулиева для ускорения создания правительства демократического направления и усиления борьбы с Сеидом Зия-ад-Дином переговорить и с другими авторитетными жителями города⁶⁹. 25 ноября Дадвар сообщил в советское консульство, что от имени азербайджанских землевладельцев и тебризских купцов в Тегеран отправлена телеграмма с требованием изгнания Сеида Зия-ад-Дина и привлечения к суду Саеда и членов его кабинета⁷⁰.

Процесс формирования нового кабинета длился две недели. 17 ноября разведка донесла Багирову, что ожидается формирование кабинета Ахмеда Кавама. Он уже встречался с английским и советским послами. А один из кандидатов на пост министра иностранных дел, нынешний посол в Москве Меджид Ахи, вызван в Тегеран⁷¹. Однако 20 ноября на закрытом заседании меджлиса на пост премьер-министра была выдвинута кандидатура Мортеза-Коли Баята. 25 ноября Баят объявил состав кабинета⁷². С разрешения шаха меджлис на заседаниях 27–28 ноября утвердил новое правительство. Таким образом, 57-летний Мортеза-Коли Баят (Сахам ос-Султан) стал премьер-министром, Раис Мохсен – министром иностранных дел, Мустафа Адл – министром юстиции, Малек Сеид – министром здравоохранения, Ибрагим Зенд – военным министром, Аманулла Ардален – министром финансов, Сорури – министром внутренних дел, Хидаят – министром промышленности и торговли, Надир Мирза Араста – министром почт и телеграфа, Садах Иса – министром просвещения, Насролла Энтезам – министром путей сообщения, Фахим-уль-Мульк и Али Акбер Сияси – министрами без портфелей⁷³.

Состав нового правительства не оправдывал надежд Советского Союза. По информации спецслужб, большинство членов кабинета были друзьями Сеида Зия-ад-Дина и сторонниками Британии. Премьер-министр обладал большими земельными владениями и принадлежал к аристократии из Маку. Являлся бессменным заместите-

лем председателя меджлиса в течение нескольких созывов. В 1943 г. в правительстве Сохейли занимал пост министра финансов, в кабинете Саеда – министра без портфеля. Верный сторонник Реза-шаха, после событий 1941 г. он создал партию Эттихаде Милли («Национальное единство»), но партия не стала массовой. Как утверждал норвежский историк Одд Арне Вестад, «при поддержке англичан молодому шаху удалось назначить ряд консервативных премьеров на ближайшие два года, а политическая инициатива в Национальном собрании – меджлисе постепенно перешла к либерал-националистам, таким, как Ахмед Кавам и Мохаммед Мосаддык»⁷⁴.

Правительство не имело в меджлисе достаточно прочных позиций: из 100 депутатов меджлиса 45 проголосовали против, 5 воздержались, 50 поддержали Баята. Вопрос о «северной нефти», ставший причиной правительственного кризиса, пока не был снят с повестки. С другой стороны, 2 декабря, то есть уже спустя пять дней с момента формирования правительства, меджлис принял закон, запрещающий ведение переговоров о нефтяных концессиях. В законе говорилось: ни премьер, ни министры и их заместители не имеют права вести переговоры о нефти ни в официальной, ни в неофициальной форме, ни с соседними, ни с не соседними странами, ни с иностранными компаниями⁷⁵. Нарушившие этот запрет подлежали тюремному заключению на срок от 3 до 8 лет и до конца жизни лишались права занимать высокие государственные должности. По сведениям советских органов, автором закона о концессиях являлся доктор Мосаддык. Проект закона обсуждался в очень узком кругу, состоявшем из министра двора Али Хусейна, доктора Мохаммеда Мосаддыка, Сеида Зия-ад-Дина и Саеда, и, хотя закон был принят абсолютным большинством голосов, 10 депутатов в знак протеста демонстративно покинули зал⁷⁶. При утверждении состава кабинета в меджлисе Баят выступил с правительственной программой, предполагавшей укрепление связей с дружественными и союзными странами, обеспечение безопасности в государстве на основе исполнения законов, повышение уровня жизни, здравоохранения, образования, принятие меджлисом закона о труде, проведение реформ в структуре госаппарата и избирательной системе, подготовку условий для постепенного перехода экономики страны с военных нужд на гражданские и т. п. Нефтяной вопрос, сваливший кабинет Саеда, не затрагивался вообще.

В новом кабинете министров преимущественно завладели политические круги, близкие к англичанам, и это беспокоило не только советское руководство, но и подконтрольную ему Народную партию Ирана. Центральный комитет этой партии направил целый ряд своих руководящих работников, в том числе и А. Ованесяна, в Азербайджан

с целью изучения обстановки и возможности поднять восстание против правительства. В Тебризе Ованесян заверил Г. Гасанова, что план народного восстания против иранского режима будет согласован с Москвой. Гасанов спросил его, во имя чего тудеисты хотят поднять восстание. Ованесян ответил, что «во имя освобождения Ирана от социального и колониального гнета». На это вице-консул заметил, что международная обстановка сейчас для восстания неблагоприятна и союзники выступят против. Он рекомендовал, чтобы Народная партия направила ярость народа против Саеда и на привлечение к ответственности предателей, изгнание их из страны. Бороться следует за включение в правительство прогрессивно мыслящих людей: это подготовит почву для победы народной революции. Для достижения данных целей из Москвы в адрес советского консульства в Тебризе секретно поступила финансовая помощь⁷⁷. Одновременно А. Ованесян посещал отдельных состоятельных людей и под давлением забирал у них средства «на народное восстание». На 1 декабря 1944 г. в Тебризе Народная партия и профсоюзы готовили большой митинг. Среди населения ходили слухи, что в этот день произойдет государственный переворот и партия Туде под покровительством Советов, «захватив власть, отделит Азербайджан от Ирана»⁷⁸. Городские богачи уже подумывали покинуть город. Действительно, 1 декабря состоялся грандиозный митинг с участием 50 тыс. чел. С пламенными речами выступили Шахин Агазаде, Амир Хизи, Катиби, Арташес Ованесян, Бирия и представители из районов. От имени митингующих были направлены телеграммы шаху, меджлису и в тегеранские газеты. Народ требовал создать демократическое правительство, улучшить положение трудящихся, создать энджумены (выборные органы самоуправления) и т. д. Избранная комиссия из 12 чел. намеревалась связаться с генерал-губернатором и добиваться разрешения приступить к выборам энджуменов в аялатах и вилайетах. В случае отказа комиссия грозила провести выборы самостоятельно, без учета мнения иранских правительственных органов. 6 декабря генконсул Матвеев и вице-консул Гасанов обсудили с А. Ованесяном сложившуюся в Иране и Южном Азербайджане ситуацию. Ованесян заявил, что большинство членов меджлиса, даже националист Мохаммед Мосаддык, продались иностранцам и предали интересы своего народа⁷⁹.

Неудача миссии Кавтарадзе резко изменила советскую политику в отношении Ирана. Советский посол в Тегеране уже получил конкретные указания на этот счет. В соответствии с ними он 8 декабря срочно вызвал к себе тебризских вице-консулов Г. Гасанова и Н. Кулиева. На следующий день состоялась их подробная беседа с послом Максимовым, который интересовался результатами митингов и

демонстраций, прошедших осенью 1944 г., и перспективами Южного Азербайджана. Посол хотел знать: сколько людей конкретно может вывести на улицы Народная партия и кто играет руководящую роль в развитии национально-освободительного и демократического движения? Какие слои населения Азербайджана знакомы с нефтяным предложением Советского Союза и кто поддерживает это предложение? Как возникла искра идеи сепаратизма, кто поддерживает предложение Кабири и других? Как местная администрация относится к советскому предложению по нефти? На эти вопросы представители Советского Азербайджана ответили, что Народная партия может собрать на митинги в Тебризе от 20 до 50 тыс. чел. Несмотря на малочисленность, руководящую роль в движении играет рабочий класс. С советскими предложениями знакомы почти все слои населения Азербайджана и согласны с ними, но есть среди помещиков и буржуа люди, которые одобряют решение иранского правительства. Гасанов и Кулиев заверили, что идея сепаратизма возникла совершенно стихийно, без чужой подсказки. При обсуждении этого вопроса Гасанов сказал: «Доведенный до отчаяния азербайджанский народ требует свободы и независимости. Когда Бирия на митинге заявил, что если иранское правительство не удовлетворит наших требований, то тогда народ сам поднимется и возьмет управление Азербайджаном в свои руки, участники митинга встретили это предложение единодушным одобрением. Кабири сам помещик, и он заявляет, что крестьяне тоже поддерживают это предложение. Что касается местных органов власти, то они двуличны: Дадвар на словах одобряет наше предложение и посылает телеграмму от имени знати в меджлис и шаху. А что у него на душе – трудно знать. Отдельные работники орданарства искренне поддерживают советские предложения»⁸⁰. После подобных расспросов Максимов 11 декабря вновь встретился с вице-консулами и дал им поручения. Например, всеми способами стараться укрепить местные организации Народной партии, как по организационной, так и по пропагандистской линии. Создать работу профсоюзов, завоевать авторитет среди рабочих, мастеров и мелких кустарей. На митинги и демонстрации привлекать еще больше рабочих. За счет более подготовленных людей укрепить руководство Народной партии и профсоюзов. Посол велел начать кампанию по улучшению состояния здравоохранения, образования, промышленности и сельского хозяйства, в соответствии с иранской конституцией вести борьбу за создание энджуменов, расширить работу среди шахсеванов и курдов⁸¹. Кроме того, советник Ахад Якубов ознакомил Гасанова и Кулиева с секретными инструкциями из Москвы. Неконкретный характер указаний Максимова явно смутил посланцев Советского Азербайджана,

поскольку они ожидали конкретных заданий посла в сфере усиления национально-освободительного движения.

Советская сторона связывала отказ в предоставлении концессии с воздействием Сеида Зия-ад-Дина и его сторонников на правительство. 13 декабря в газете советского посольства «Дуст-е Иран» появилась публикация «О беседе с товарищем Кавтарадзе», в которой от имени Кавтарадзе заявлялось: «Принятый меджлисом закон о запрещении переговоров по концессиям ошибочен. Эта ошибка – результат давления таких врагов советско-иранской дружбы, как Саед и Сеид Зия-ад-Дин. В то же время закон, запрещающий переговоры о концессиях, не учитывает реального положения дел в сфере концессий. Советское правительство считает, что меджлис должен пересмотреть свое решение и исправить свою ошибку»⁸². Подобное же заявление сделал ТАСС, и по московскому радио Кавтарадзе подтвердил вышесказанное. Другие советские лидеры придерживались того же мнения. Например, К. Е. Ворошилов отмечал, что сделанное в сентябре 1944 г. советское предложение подтверждало уважение СССР к независимости, суверенитету и территориальной целостности Ирана и могло бы открыть дорогу к широкому сотрудничеству. Трансформация протестного движения в Азербайджане в выступления против Сеида Зия-ад-Дина, объявление его врагом народа переполнило чашу его терпения. 18 декабря депутат от Йезда, бывший премьер-министр Сеид Зия-ад-Дин Табатабаи выступил с большим заявлением по поводу всех обвинений. В заявлении указывалось: «Выступления Кавтарадзе, приехавшего в Иран с добрыми намерениями, а уехавшего с ошибочным мнением, заставляют меня прояснить некоторые вопросы. Решение меджлиса о запрете переговоров по нефти Кавтарадзе воспринял как происки Сеида Зия-ад-Дина и Саеда, а это большая ошибка, крупное политическое заблуждение и оскорбление в адрес меджлиса»⁸³.

В советских средствах информации промелькнула мысль, будто нефтяной вопрос – это мелочь. Основной вопрос заключен в необходимости защитить СССР от грядущей опасности с территории Северного Ирана. Чтобы уберечь южные границы Советского Союза, северные районы Ирана считались «зоной безопасности». Сеид Зия-ад-Дин заявил, что эти опасения беспочвенны. Уже 200 лет Иран не представляет угрозы для России. Во времена российской революции самодержавие в лице генерала Деникина угрожало Ирану, поэтому пришлось заключить договор с Англией (имеется в виду англо-иранский договор 1919 г.). Как только опасность миновала, договор был расторгнут. «Я лично послал в Москву телеграмму, – говорил он, – и пригласил посла, встретил первого советского посла госпо-

дина Ротштейна в Тегеране и принял его... О чудеса истории! Я, который 24 года тому назад старался установить взаимопонимание с Советским Союзом, сегодня в результате недопонимания советских представителей являюсь, к сожалению, свидетелем нежелательных для хороших отношений между нашими странами событий»⁸⁴.

Сеид Зия-ад-Дин сравнивал советскую идею о «заповедной зоне» с германской идеей о «жизненном пространстве»: «Если сегодня будет принят принцип, что северные районы Ирана должны считаться заповедной зоной советских границ, то завтра Тегеран и Исфахан будут считаться заповедной зоной северных районов, а послезавтра Фарс и Керман – заповедной зоной Тегерана и Исфахана, и вследствие этого иранец сможет свободно дышать только в безводных и безжизненных пустынях Аравийского полуострова, если его туда пустят»⁸⁵. Он считал, что царская Россия более уважительно относилась к Ирану, чем советское правительство. В годы Первой мировой войны из сотысячной армии генерала Баратова, тридцати тысяч солдат английского генерала Айронсайда ни один не оказался в Тегеране. Несмотря на все ошибки, иранские правительства того времени сумели обеспечить безопасность своей столицы. Зия-ад-Дин писал: «Сегодня, начиная от ворот Тегерана, во всех северных провинциях Ирана представители Красной армии контролируют путешественников, а в некоторых местах, ссылаясь на то, что эти места оккупированы, даже не разрешают иранцам путешествовать по своей земле. Правительство Ирана не может по своему усмотрению послать в некоторые места войска для обеспечения безопасности и должно предварительно получить на это согласие посольства или командующих советскими войсками. Для командирования финансовых чиновников в Азербайджан, Хорасан и Гилян нужно сначала спросить разрешения и пропуска из Москвы»⁸⁶.

Идеи, вытекающие из заявления замнаркома иностранных дел СССР Кавтарадзе, стали рабочей программой партии Туде. Иранским политическим кругам уже было известно, что все требования Туде, отраженные в прессе и в листовках, готовятся в советском посольстве. Заявление Кавтарадзе и пропаганду его тезисов через советские органы Зия-ад-Дин считал поправлением приличий и проявлением неуважения к правительству Саеда Марагеи. По мнению Советов, главной причиной срыва переговоров было неуважение премьера Саеда к СССР. Зия-ад-Дин писал: «Действительно ли Саед допустил что-либо, нарушающее нормы приличия? Саед Марагеи не является выходцем из Йезда или Кермана, он получил воспитание не в Исфахане и не в Ширазе, он не министр из Палестины. Он человек чести, азербайджанец из Мараги. Азербайджан уже четыре века приносит в жертву свою молодежь в борьбе за независимость Ирана.

Аллаху было угодно, чтобы в столь тревожные дни государственными делами Ирана управлял азербайджанец. Это тот самый Саед Марагеи, который 30 лет прожил в России, 7 лет работал в посольстве Ирана в Москве, 3 года был министром иностранных дел и премьер-министром. Если бы этот азербайджанец не был приобщен к нормам международной вежливости, то не поднялся бы так высоко. Все его прошлое, решительная позиция при заключении трехстороннего договора, искренняя поддержка ирано-советских отношений не дают оснований сомневаться в его благовоспитанности. Только его азербайджанская кровь не позволила дать письменные либо устные заветы, противоречащие интересам Ирана. Неуважение и преступление Саеда заключены в том, что он представляет слабое государство. Если брать за основу отношения сильного и слабого, то, конечно, слабый должен из вежливости сдаться. Но Саед был гордым. Его гордость опиралась на обещания Ленина, подпись Черчилля, заявление Сталина. Туман заявлений Рузвельта, Сталина, Черчилля все еще витает над Тегераном. Если бы всего этого не было, Саед, конечно, уступил бы и теперь Москва не называла бы его фашистом». По мнению Зия-ад-Дина, «Саед мог бы остаться в правительстве, т. к. меджлис ему доверял и знал, как фабриковались телеграммы в Тегеран»: «Но страна, обладавшая телеграфным агентством и армией в Иране и правительственной газетой "Известия", на весь мир трубящими о наличии в Иране фашистского движения, сделала это невозможным. Саед понял, что продолжающееся пребывание его в правительстве может обернуться для Ирана непредвиденными последствиями. Поэтому и подал в отставку». Наконец, касаясь заявления Кавтарадзе, Зия-ад-Дин сказал: «Никто из иностранцев не компетентен оценивать утверждение меджлисом закона как ошибку. Только меджлис имеет полномочия принимать любые решения. Заявление, что меджлис принял закон под давлением Саеда, Сеида Зия-ад-Дина и их сторонников, является результатом ошибок, промахов и угроз Ирану со стороны советских представителей. Причем напоминаю, что это решение остается в силе до тех пор, пока иностранные войска находятся в Иране». Далее он писал: «Я с полной уверенностью и искренностью заявляю, что если бы советские представители вели разумную политику, а газеты, известные своими связями с советским посольством, а также агентство ТАСС и московское радио не оскорбляли бы все святыни Ирана, то они не столкнулись бы с таким ходом событий»⁸⁷. Выступая против заявления Кавтарадзе, Зия-ад-Дин отмечал: «Советники господина Кавтарадзе должны бы знать, что не называемая ими южная нефтяная концессия уже действовала и 26 февраля 1921 года, когда подписывался советско-иранский договор, и когда

Рузвельт–Сталин–Черчилль в Тегеране делали свое заявление». На предложения меджлису отменить свое ошибочное решение он отвечал: «Меджлис не ошибся и не должен менять свое решение... Пусть лучше 24 года назад созданным в Гиляне смешанным правительством [имеется в виду Гилянская Советская Республика. – Дж. Г.] нас не пугают... Не пугают опасностью революции и расколом Мазендерана»⁸⁸.

Разоблачительные заявления Сеида Зия-ад-Дина не остались без ответа. 26 января 1945 г. в газете «Правда» под авторством некоего И. Волина вышла статья «Провокатор Сеид Зия-ад-Дин без маски». В статье Зия-ад-Дин назван чертом и провокатором. Вся она была посвящена опровержению его декларации, но аргументы приводились недостаточно убедительные. Газета писала: «Деяния Сеида Зия-ад-Дина вошли черной страницей в историю Ирана. Он известен тем, что совершил переворот 21 февраля 1921 года, положивший начало кровавому подавлению национально-демократического движения в стране и установлению 20-летней эпохи диктатуры Реза-хана. В правительстве, созданном после переворота, сам Сеид Зия занял пост премьера, а Реза-хан – военного министра. Однако два диктатора не уживались, и Сеид Зия бежал из Ирана. После долгих приготовлений 29 сентября 1943 года Сеида Зия-ад-Дина торжественно привозят в Иран и в течение двух дней избирают в меджлис депутатом от города Йезда»⁸⁹. Советы испытывали серьезную озабоченность по поводу отношений Сеида Зия-ад-Дина с Западом. В решающий момент США и Англия могли его защитить. Подконтрольная Сеиду Зия-ад-Дину газета «Раад» сообщила, что президент США Ф. Рузвельт прислал письмо в поддержку антисоветской политики Саеда Марагеи. А газета «Кешвар» предупредила, что споры из-за нефтяной концессии могут развалить союз СССР, США и Англии, подменив его капиталистическим блоком против СССР⁹⁰. По этому вопросу «Правда» писала, что Сеид Зия-ад-Дин разжигает страсти в стане союзников. Советских лидеров разозлило его предложение о переносе столицы Ирана подальше от СССР. Третий секретарь советского посольства в Тегеране А. Качалов писал Кавтарадзе, что секретным путем получил информацию о планах Сеида Зия-ад-Дина от одного иранца⁹¹.

В связи с создавшимся положением руководитель политработников из Советского Азербайджана Гасан Гасанов 13 февраля 1945 г. направил Багирову 67-страничную справку «О Южном Азербайджане». В конце справки он перечислял вопросы, требующие скорейшего разрешения в Южном Азербайджане, и просил внести ясность в политику Советов. Он писал: «Посланные из Советского Азербайджана работники проделали большую работу. Однако, проведя ряд мероприятий в Иране, они не знают, какие конечные цели

преследует этим наше правительство. Это затрудняет развертывание их работы в полном объеме. Нашим руководящим работникам в Иране должно быть четко и ясно сказано, что мы должны оказать помощь азербайджанскому населению в деле освобождения его от фарсидского ига, так как иранское государство находится в состоянии упадка, накануне полного развала, и правительство его не в состоянии отстаивать свою самостоятельность и независимость». Гасанов сообщал, что, несмотря на террор и жесточайшее преследование всяких проявлений национальных чувств у азербайджанцев, идея выделения Азербайджана в самостоятельное государство глубоко жива и не оставляет азербайджанский народ. Но инициатива должна исходить именно от посланцев из Северного Азербайджана: «Мы кровно в этом заинтересованы, ибо освобождение народов Южного Азербайджана избавит наших собратьев от окончательной гибели и откроет большие перспективы для развития всего азербайджанского народа. Мы считаем, что настоящий момент международной обстановки является наиболее удобным для осуществления этой важнейшей исторической задачи. Освобождение азербайджанского народа в Иране должно быть приурочено к моменту окончательного разгрома гитлеровской Германии».

Неизвестно какими путями, но англичане узнали об этих выводах Гасана Гасанова. И даже пришли к заключению и сообщили английскому консулу в Тебризе, что в Южном Азербайджане на май 1945 г. намечен переворот. Консул, в свою очередь, докладывал в посольство о назревающей опасности, а с другой стороны, убеждал близкие к англичанам круги в реальности советской угрозы. Наблюдавший это Гасанов писал, что не доверяет союзникам и в этом вопросе нельзя полагаться на дипломатические переговоры. Англичане никогда не согласятся на отделение Азербайджана и превращение его в демократическое независимое государство. В его справке отмечалось: «Освобождение Азербайджана и установление в нем подлинно демократического строя или присоединение его к Советскому Азербайджану должно быть осуществлено через народные восстания, и союзники должны быть поставлены перед совершившимся фактом». Гасанов признавал, что у советского посольства в Тегеране очень ограниченные возможности, ибо посол должен всегда поддерживать хорошие взаимоотношения с центральной властью: «Поскольку интересы Тегерана противоречат интересам Южного Азербайджана и любое наше решительное мероприятие приводит в ярость центральные иранские власти, – это усложняет взаимоотношения с посольством, и поэтому посол не всегда доволен нашими мероприятиями. Для практического руководства всей работой в

Южном Азербайджане необходимо иметь в Тебризе руководящую группу товарищей, которые были бы тесно связаны с посланными сюда работниками и получали бы указания непосредственно из Баку. Для того, чтобы эти товарищи могли свободно приезжать в Баку для информирования и получения необходимых указаний, было бы целесообразно числить их на военной службе. С этой целью желательно было бы резиденцию Атакишиева перевести из Казвина в Тебриз, одного товарища иметь в должности заместителя командира корпуса и одного – в должности заместителя начальника политотдела корпуса». В справке указывалось, что в Южном Азербайджане имеются хорошо подготовленные, честные, преданные народному делу работники как в руководстве Народной партии и профсоюзах, так и в отдельных государственных учреждениях, на которых можно опираться в пропагандистской деятельности. Но их мало: «Поэтому желательно добиться переброски из Тегерана в Тебриз ряда демократически настроенных работников-азербайджанцев: Пишевари Мирджафара – редактора газеты “Ажир”, Шейлявара – редактора газеты, учителя Малека и других. В нужный момент придется перебросить некоторых руководящих работников из Советского Азербайджана».

В декабре 1944 г., когда Гасан Гасанов был в Тегеране, посол Максимов намекнул ему, что есть якобы указание проводить работу в направлении установления в Иранском Азербайджане буржуазно-демократического строя. При этом ставку нужно делать на азербайджанских депутатов меджлиса. Но Гасанов считал, что движение под таким лозунгом в Азербайджане будет совершенно непопулярным. Крестьянство не удастся вовлечь в борьбу за освобождение Азербайджана, пока не решен земельный вопрос. Расчет на помощь депутатов меджлиса также нереален, так как большинство из них являются крупными помещиками, капиталистами, имеющими свои капиталы и земельные участки не только в Азербайджане, но и в других провинциях Ирана. Понятно, что они не захотят возглавить движение, цель которого выделить Азербайджан в самостоятельное государство. Гасанов отмечал, что «самый популярный лозунг в Южном Азербайджане в настоящее время – это освобождение азербайджанцев от ига фарсов, установление демократического строя и разрешение земельного вопроса»⁹². Наконец, в справке рекомендовалось делать ставку на Народную партию, которая является самой массовой организацией в Азербайджане, опирающейся на рабочих, крестьян, ремесленников и интеллигенцию. Для усиления работы Народной партии и укрепления ее руководства Гасанов советовал оказывать ей материальную помощь в размере 10 тыс. туманов ежемесячно.

После правительственного кризиса в Тегеране политические круги страны сделали ряд шагов для улучшения отношений с Советским Союзом. Посол Ирана в СССР Меджид Ахи, находясь в Тегеране в январе 1945 г., посетил советского посла и заявил, что Мохаммед Саед допустил серьезную ошибку в отношениях с Советским Союзом и, невзирая на все его оправдания, переговоры были проведены не на должном уровне. Ахи заверил, что по возвращении в Москву приложит все усилия для организации новых переговоров по нефтяной проблеме и постарается найти некую взаимоприемлемую форму. Сообщая об этой встрече в Москву, посол Максимов предположил, что визит Ахи к нему санкционировало иранское правительство, однако в беседе ни одна из сторон не раскрыла карты полностью. Советский посол также предположил, что своим визитом накануне возвращения в СССР Ахи дал понять, что иранское правительство сохраняет надежды на дальнейшие переговоры о нефти именно через него⁹³.

Действительно, по возвращении в Москву Меджид Ахи 26 февраля 1945 г. был принят наркомом иностранных дел Молотовым, которому заявил, что «имеет поручение правительства урегулировать вопрос о получении Советским Союзом нефти в Северном Иране», но «после принятия меджлисом закона о непредоставлении нефтяных концессий во время войны разрешить их СССР невозможно». Тем не менее, осторожно заметил посол, есть обходные пути, например создание смешанного советско-иранского общества по разведке и добыче нефти в Северном Иране. Однако Молотов категорично ответил, что «советское правительство имеет только одно предложение, а именно, предложение о концессии в Северном Иране, так как только такое решение обеспечивает права и интересы Союза...»⁹⁴

Столь резкая постановка вопроса Молотовым взволновала министра иностранных дел Ирана Насролла Энтезама, и он передал в американское посольство в Тегеране содержание беседы Меджида Ахи с наркомом иностранных дел СССР⁹⁵. Плохо знавшие регион американцы ошибочно полагали, что Советский Союз, планировавший захват богатых северных областей Ирана, хочет прервать любые связи между Турцией, Советским Азербайджаном и Туркестаном. По имеющейся у них информации, к этому решению он пришел уже в те дни, когда Германия стала создавать тюркские легионы⁹⁶.

Таким образом, созданные в марте 1944 г. в отдельных союзных республиках наркоматы иностранных дел расширили возможности Советского Союза в послевоенном мире, позволили усилить давление на соседние страны, в том числе Турцию и Иран, закрепить их в международных организациях. Этот политический шаг делался с

дальним прицелом. Как известно, с момента образования СССР в 1922 г. вошедшие в Союз отдельные республики делегировали часть своих прав, особенно во внешней политике и вопросах обороны, союзному государству. Теперь же, весной 1944 г., произошел возврат этих прав союзным республикам. Но расценивать данный жест следует не как демократизацию СССР, расширение прав его субъектов, не как результат изменений в национальной политике, а как реакцию на изменения в международной жизни и желание эффективно использовать эти изменения ради военных, политических и стратегических амбиций СССР. В советской прессе он преподносился как усиление суверенитета союзных республик, как возможность налаживать прямые связи с зарубежными странами, как прогрессивный акт, исходящий из национальных интересов, хозяйственных и культурных потребностей⁹⁷. Но все подобные комментарии носили декларативный характер. На самом деле предусматривалось гораздо более широкое использование этого решения – чтобы получить возможно большее представительство в создающейся Организации Объединенных Наций, обеспечить участие Украины и Грузии в работе Комиссии причерноморских государств по контролю над проливами, участие Армении и Грузии в претензиях к Турции, Азербайджана – к Ирану, Украины и Белоруссии – к Польше, прибалтийских республик – к Германии. Планировалось даже использовать Узбекистан, Казахстан и Киргизию в будущих территориальных претензиях СССР к Китаю по поводу Восточного Туркестана. Именно с такой целью все происходящие в приграничных государствах политические процессы были включены в сферу интересов Советского Союза, но из всего комплекса намеченных планов только вопрос изменения режима проливов принял характер открытого противостояния союзников. Втайне строились планы отнять у Турции право единоличного или же совместного контроля. Накануне и в ходе Крымской конференции подобная деятельность приняла интенсивный характер. С конца 1944 г. главной стратегической целью Советов стали вопрос нефти в Северном Иране и вопрос Южного Азербайджана. Тегерану предстояли тяжелые испытания.

Глава V

БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО СОЮЗА НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

§ 1. Расширение сферы деятельности Наркомата иностранных дел Азербайджана

В первые дни 1945 г. Наркомат иностранных дел Азербайджана еще более расширил организационную и дипломатическую деятельность, начатую в конце 1944 г., приняв действенные меры по укреплению кадровой базы наркомата, стремясь привести важнейшие законы и юридические акты союзного государства по внешней политике, дипломатической и консульской службе в соответствие с жизнедеятельностью Советского Азербайджана. В январе 1945 г. Махмуд Алиев обратился к заместителю наркома иностранных дел СССР В. Г. Деканозову с просьбой утвердить на должности нижеперечисленных лиц, документы которых давно лежат в Москве, в центральном аппарате: Давуда Гаибова – заведующим политическим отделом НКИД республики; Мамеда-Эмина Казиева – помощником наркома; Мамедтаги Оруджева – заведующим протокольно-консульским отделом; Тофига Аллахвердиева – заведующим секретно-шифровальным отделом; Мамеда Эфендиева – заведующим отделом кадров¹. Все названные лица с осени 1944 г. уже работали на руководящих постах НКИД Азербайджанской ССР, но по закону их кандидатуры подлежали утверждению в Москве. После утверждения руководящего состава НКИД дипломатические работники получили бронь в соответствии с решениями № 180, 205 и 239 комиссии при СНК СССР. Этот список в начале 1945 г. был передан в республиканский военкомат².

По примеру 1944 г., в 1945 г. также практиковалась профессиональная и языковая подготовка новых кадров, заместитель наркома иностранных дел Агасамед Ализаде в марте 1945 г. уведомил начальника Управления кадров НКИД СССР М. А. Силина, что языковая

подготовка руководящего состава наркомата продолжается успешно и по окончании двухгодичных курсов западных языков (английский и французский) слушатели будут сдавать экзамены в июне–ноябре 1946 г., а завершившие трехгодичные курсы будут экзаменоваться в июне–ноябре 1947 г.³ Письменные образцы экзаменационных работ по иностранному языку, перечень требований к соискателю ежеквартально присылались из отдела кадров НКВД СССР⁴. Занятия проходили под серьезным контролем по два академических часа три раза в неделю, в конце каждого месяца старший преподаватель делал в журнале записи о ходе занятий и уровне успеваемости. Чтобы придать занятиям интенсивный характер, Ализаде просил НКВД СССР прислать в республику 12 экземпляров пособия по иностранному языку под редакцией Алабеевой⁵. Наркомат сообщил, что на курсах иностранных языков занимаются 15 чел. Из них 7 руководящих работников изучают западные языки индивидуально, остальные 8 чел. поделены на две группы⁶. Кроме того, 6 марта 1945 г. Силин написал М. Алиеву, что руководство НКВД СССР для укрепления кадровой базы НКВД Азербайджанской ССР по плану приема в Высшую дипломатическую школу на 1945 г. выделило для Азербайджана два места. Он напоминал, что кандидатуры рекомендуемых должны быть утверждены в ЦК АзКП(б) и их документы следует выслать в Москву до 1 апреля⁷. В соответствии с этой инструкцией НКВД Азербайджанской ССР выдвинул кандидатуры Камала Талыбзаде и Сеида Багирова. После утверждения в ЦК АзКП(б) документы кандидатов были отправлены в Москву⁸.

Чтобы дать дипломатическим работникам высшее специальное образование, по указанию Молотова с лета 1945 г. при Высшей дипломатической школе было учреждено заочное отделение и Н. В. Тарасенко назначен заместителем директора ВДШ В. М. Хвостова по заочному отделению. Наркоматам союзных республик рекомендовали создавать соответствующие условия для обучающихся заочно⁹. Исполняя приказ Молотова, Хвостов и Тарасенко направили письмо Махмуду Алиеву, в котором предлагалось рекомендовать слушателей на заочное отделение ВДШ¹⁰.

Некоторые сотрудники наркомата старались завершить свои научные работы, начатые ранее. В середине 1945 г. помощник наркома М.-Э. Казиев продолжал работать над темой «Борьба бакинского пролетариата в годы реакции», начальник отдела кадров М. Эфендиев завершил кандидатскую диссертацию «Российско-иранские дипломатические отношения в 1805–1813 годах», а Г. Гасанов работал над диссертацией о внешней политике Азербайджана¹¹. Одному из первых сотрудников наркомата Гаси Абдуллаеву даже разрешили

для завершения научной работы до 13 марта 1945 г. приходиться на работу во второй половине дня. По линии наркомата его командировали в Москву, но, закончив там научные изыскания, Абдуллаев решил уйти с дипломатической службы¹². 28 июля 1945 г. он подал в отставку и перешел на работу в аппарат ЦК АзКП(б). Учитывая полученное им хорошее дипломатическое образование, Силин обратился к Багирову и Махмуду Алиеву с просьбой оставить Абдуллаева в НКИД Азербайджанской ССР, однако, проработав немного в партийных органах, тот ушел в науку¹³. В результате была подготовлена диссертация, и Абдуллаев стал признанным специалистом по истории Азербайджана эпохи ханств. Его перу принадлежат интересные монографии «Из истории северо-восточного Азербайджана (60–80-е годы XVIII века)», «Азербайджан в XVIII веке и его взаимоотношения с Россией»¹⁴.

Главным направлением деятельности НКИД АзССР были вопросы, связанные с Ираном. Поэтому наркомат, со своим малым научным потенциалом, в апреле 1945 г. подготовил обширный документ с анализом «Сборника дипломатических документов, касающихся событий в Персии», изданного еще в 1911–1913 гг. в Санкт-Петербурге. Семь выпусков этого сборника документов охватывали события в Иране, особенно Южном Азербайджане, в период с конца 1906 г. по декабрь 1911 г. 15-страничный текст, подписанный М. Алиевым, посвящен революционным событиям 1906–1911 гг., и много места в нем уделено национально-освободительному движению в Южном Азербайджане. Саттархан здесь характеризуется как вождь азербайджанского народа, поднявшегося на борьбу за свою независимость. В заметках наркома подчеркивается лидирующая роль азербайджанцев в движении за конституцию, Тебриз называется центром революции, выделяется тот факт, что 27 апреля 1911 г. из российского посольства в Тегеране в Петербург пришло тревожное сообщение об упорных слухах насчет готовящегося отделения Азербайджана от Ирана. На основании информации русских дипломатов Тебриз и Южный Азербайджан в целом расцениваются как самая беспокойная область Ирана, и объясняется это особым этническим составом и географическими условиями. Отмечается: «Революционеры из Южного Азербайджана в ходе иранской революции боролись за независимость своей страны и за объединение Азербайджана»¹⁵. В ходе революции под руководством Саттархана в Тебризе образовались энджумены, которые в документе представлены как основные органы власти в Азербайджане. 24 ноября 1908 г. русский дипломат Сабинин отправил телеграмму в Петербург. Ссылаясь на нее, нарком пишет, что «ни шах, ни тегеранское правительство энджумены не призна-

ют; только в Азербайджане они представляют органы власти». Он указывает, что в период революции именно в Азербайджане широкий характер приобрело национально-освободительное движение и поэтому «в меджлисе азербайджанские депутаты играли большую роль». Учитывая это обстоятельство, центральное правительство целиком сконцентрировало свою деятельность на Азербайджане и было вынуждено обратиться к империалистическим государствам за помощью в борьбе с революционным движением там¹⁶. В «Сборнике дипломатических документов, касающихся событий в Персии» большое место отведено дипломатической переписке, изучив которую Махмуд Алиев пришел к выводу: «В период иранской революции 1906–1911 годов население Южного Азербайджана требовало вернуть свою государственную независимость и в борьбе за суверенитет Азербайджана выступило как единая сила. Возглавил это народное движение неггибаемый лидер Саттархан»¹⁷. Его резюме перекликалось с событиями 1945 г. в Южном Азербайджане.

Вторая часть заметок М. Алиева озаглавлена «Саттархан – как вождь восставшего за свою независимость азербайджанского народа». Чтобы обосновать эту сентенцию, он ссылается на многочисленные письма русских дипломатов и военнослужащих, содержавшие информацию о Саттархане. Например, в информации, составленной в сентябре 1909 г. в Ардебильском консульском округе, сказано: «Саттархан, которого называют национальный полководец, 6 сентября прибыл в Ардебиль. По Ардебилю он ходил в окружении встречавших его членов энджумена, политических деятелей и громадного скопления простых граждан. Саттархан пытался воодушевить и успокоить собравшихся, обещал в скором времени навести порядок, обуздать бандитов». Многочисленные выдержки из писем русских дипломатов, приведенные в заметках М. Алиева, доказывают намерение Саттархана создать независимое государство с центром в Тебризе¹⁸. Например, один из дипломатов, некто Пахитонов, 30 мая 1908 г. послал в Петербург телеграмму, в которой отметил, что на территории, подконтрольной Саттархану, царит порядок: «На его бланках и официальных документах стояла подпись “Айалати Джелалия Азербайджан”, что означало “Высшее Азербайджанское Правительство”. В последние дни в Тебризе создан Комитет “Меджлиси-гейба” (тайный совет)». Проанализировав эти документы, М. Алиев писал: «Опираясь на народные массы, Саттархан строит свою власть и поддерживает тесную связь с Северным Азербайджаном». По информации русских дипломатов, слава Саттархана в Южном Азербайджане распространилась повсеместно, его портреты продавали в магазинах. По словам Алиева, в

своей прогрессивной борьбе Саттархан опирался на трудовой народ Кавказа и в первую очередь на «всестороннюю помощь и поддержку Закавказской большевистской организации, руководимой товарищем Сталиным»¹⁹. Свои заметки к семитомнику, изданному 35 лет назад, нарком иностранных дел Азербайджанской ССР 7 апреля 1945 г. отправил в НКВД СССР. Этот шаг имел целью убедить Москву в существовании глубоких исторических корней планируемого движения за независимость Южного Азербайджана. Продолжая отстаивать эту идею, 23 июня 1945 г. Алиев вместе с вице-президентом АН Азербайджанской ССР Гейдаром Гусейновым подготовил и отослал в НКВД СССР «Справку о Северном и Южном Азербайджане», где особо подчеркивалось, что для Южного Азербайджана настала пора независимости, с новыми ссылками на письменные заверения русских дипломатов, работавших в Иране в начале XX в.²⁰

Чтобы ускорить процессы, начавшиеся в Южном Азербайджане, НКВД Азербайджана активно включился в пропагандистские работы, запланированные всесоюзными органами в Иране. После того как было дано указание начать организацию национального движения в Южном Азербайджане, часть работ по пропаганде осуществлялась НКВД Азербайджанской ССР. В этих делах Махмуд Алиев пользовался полным доверием центра, т. к. он сам в 1943–1944 гг. работал заместителем наркома иностранных дел СССР²¹. Летом 1945 г. Кавтарадзе писал Алиеву, что Молотов считает необходимой публикацию отдельных книг по советским республикам (Азербайджан, Узбекистан, Таджикистан, а также Туркменистан и Армения). Эти книги должны быть рассчитаны на широкий круг иранских читателей и отражать политические, экономические и культурные успехи, а также высокий уровень материального достатка граждан. В них «необходимо осветить права и обязанности советского гражданина, вопросы советской семьи и быта, государственную заботу о матерях и детях в СССР и т. д. Следует особо остановиться и на положении религии. Само собой разумеется, что основные положения книги должны подтверждаться цифровыми и фактическими материалами, а также хорошо подобранными фотоиллюстрациями». Кавтарадзе рекомендовал готовый русскоязычный текст книги и иллюстрированные материалы в двух экземплярах послать в НКВД СССР. По его информации, сообщал он, после проверки текста книгу напечатают в одной из иранских типографий на фарси²². Объем каждой книги должен был составить 5–8 п. л., издать ее предполагалось тиражом 1 500–2 000 экземпляров, в твердом переплете, на качественной бумаге и с фотоиллюстрациями²³. Вскоре М. Алиев доложил Багирову, что НКВД республики уже провел определенную

работу по сбору материалов и к середине октября 1945 г. текст книги будет отправлен в Москву²⁴. Кроме того, НКВД Азербайджана планировал выпустить еще одну большую книгу об Азербайджанской ССР на азербайджанском языке для распространения среди населения Южного Азербайджана. По этому поводу нарком Алиев в августе 1945 г. письменно обратился в НКВД СССР, откуда пришло согласие на выпуск такого издания объемом 8–10 п. л. на азербайджанском языке²⁵.

С целью расширения массово-пропагандистской работы среди населения Южного Азербайджана следовало посылать туда различную литературу на азербайджанском языке. Еще 29 марта 1945 г. Махмуд Алиев отправил запрос председателю правления Всесоюзного общества культурных связей В. С. Кеменову. В ответ поступило указание Гусейну Шарифову – новоназначенному представителю ВОКСа по Ирану – увеличить квоту книг на азербайджанском языке, поставляемых в Южный Азербайджан. В середине января 1945 г. Шарифов был командирован в Тебриз²⁶.

Учитывая объективные трудности в этом деле, возникающие в Москве, Кеменов просил организацию поставок книг в Иранский Азербайджан проводить через НКВД Азербайджанской ССР из Баку. Что касается подготовки нот азербайджанских песен, дублирования фильмов на азербайджанский язык, а также организации визитов азербайджанских ученых, писателей и артистов в Тебриз, то и. о. зав. отделом Среднего Востока НКВД СССР С. П. Сычев сообщал Алиеву, что в ближайшее время ноты будут готовы и дипломатической почтой отправлены в Тебриз. Кроме того, уже 4 фильма дублированы на азербайджанский язык и готовы к отправке, а в будущем количество фильмов будет увеличено. Вопрос же поездок ученых и интеллигенции должен быть согласован с секретарем ЦК АзКП(б) Багировым²⁷.

В связи с тем, что при выполнении плана намеченных мероприятий резко возросло число пересекающих границу граждан, Азербайджану пришлось на основе юридических актов центральных органов СССР подготовить ряд нормативных актов, регулирующих зарубежные командировки и поездки. Консульский отдел разработал, а Махмуд Алиев 6 марта 1945 г. завизировал «Правила для граждан Азербайджанской ССР, командированных за рубеж», состоящие из 35 пунктов. Там указывалось, что перед отправкой за границу граждане республики должны явиться в консульский отдел НКВД, сдать партийные и профсоюзные документы на хранение в специальные органы, не брать с собой лишних справок, удостоверений и т. п. документов. Четвертый пункт правил гласил, что отбывающие в ко-

мандировку граждане должны быть аккуратны, чисто одеты, в костюме и при галстук, носить на голове не кепку, а шляпу. В следующем пункте правил содержалось предписание командированным по пути следования и в пункте прибытия строго следить за своей речью, не болтать на политические темы, не распространяться на темы жизни и быта граждан СССР и Азербайджанской ССР. Строго запрещалось говорить на темы оборонного и вообще военного характера, о вопросах внешней политики, деятельности НКВД, государственной безопасности. Командированному рекомендовалось избегать случайных знакомств, никому не давать адреса и телефона. В правилах отмечалось, что в пути не нужно бесконтрольно оставлять в купе вагона деньги, документы и паспорта; следует отказываться от предложения чужих людей отобедать, а тем более от выпивки, сигарет, совместного фотографирования, особенно в приграничных районах. В последующих пунктах правил давались наставления, как вести себя на таможне, в гостинице или специально предоставленном доме, как выполнять командировочное задание. В число совершенно запрещенных действий входили: посещение подозрительных баров, кафе и ресторанов, чтение антисоветской литературы, просмотр кинофильмов, спектаклей, выставок антисоветского характера, употребление спиртного, за исключением официальных мероприятий, общение с гражданами из других стран, ночные прогулки с неизвестными лицами и т. д. В случае неприятных инцидентов, нападений и оскорблений давалась рекомендация немедленно обратиться в советское консульство или дипломатическое учреждение²⁸.

Протокольный отдел НКВД Азербайджанской ССР в апреле 1945 г. подготовил еще один документ, озаглавленный «Правила регистрации иностранных дипломатических представительств, их сотрудников и приравненных к ним лиц». Нарком иностранных дел Махмуд Алиев и нарком внутренних дел Миртеймур Якубов визировали этот документ, в котором указывалось, что все дипломатические представительства зарубежных стран, аккредитованные при правительстве Азербайджанской ССР, дипломаты, их жены и незамужние дочери, достигшие 18 лет, должны быть включены в список дипломатического корпуса и получить дипломатическую карточку. Эта карточка позволяла им проживать на территории Азербайджанской ССР без регистрации в органах милиции, протокольный отдел не ставил штамп в их паспортах. В случае окончания срока пребывания в Азербайджане или перехода на другую работу дипломатическую карточку надлежало сдать в протокольный отдел НКВД. В соответствии с правилами главы дипломатических миссий, аккредитованных в Азербайджанской ССР, прибывшие в Азербайджан члены

правительств зарубежных стран, главы зарубежных делегаций, независимо от места проживания в республике, освобождались от получения регистрационного документа и органами милиции на учет не ставились, в протокольном отделе НКИД в их паспорта записи не вносились. Если иностранный гражданин – член дипломатического представительства – или член его семьи поступали на работу в СССР и проживали вне посольства или дипломатической миссии, то они на общих основаниях получали разрешение на проживание и становились на учет в соответствующих органах. Если гражданин Азербайджана работал в иностранном посольстве и проживал на территории посольства, то ему следовало получить в протокольном отделе форму 4 и встать на учет в органах милиции. В случае проживания вне посольства такой сотрудник подчинялся общим правилам паспортного режима. Протокольный отдел НКИД обязан был в течение одного дня со дня приезда в Баку выдать паспорта сотрудникам посольств и миссий. По новым правилам, аккредитованные в Азербайджане дипломатические миссии обязывались два раза в год (1 января и 1 июля) представлять в протокольный отдел НКИД полный список своих зарубежных и местных сотрудников. Случившиеся между этими датами изменения в составе дипломатического корпуса отражались в новых списках. Протокольный отдел переправлял эти списки вместе с информацией о дипломатических карточках, выданных главам посольств и миссий, а также паспортные данные, фотографии дипломатов и сведения о них в НКГБ и НКВД. В этих же наркоматах ставились на учет новые лица, нанятые на работу в миссии²⁹.

Примерно такие же правила наркомы Алиев и Якубов утвердили 13 апреля 1945 г. для сотрудников консульских учреждений на территории Азербайджанской ССР. В отличие от первого документа, кроме того, что консульские учреждения дважды в год (1 января и 1 июля) подавали списки своих сотрудников, они еще и ежемесячно первого числа сообщали в протокольный отдел о любых изменениях в личном составе³⁰. Выработка и утверждение нормативно-правовых документов по прибывающим в Азербайджанскую ССР дипломатическим представительствам и убывающим в командировку за границу гражданам Азербайджана придали оперативный характер деятельности НКИД Азербайджанской ССР и его протоколно-консульского отдела. В июне 1945 г. НКИД предложил, чтобы НКИД СССР дал указание начальникам пограничных войск округов информировать НКИД союзных республик о пограничных конфликтах, связанных с нарушением советской границы пограничниками и жителями соседних государств, об инцидентах при распределении пограничных вод,

а также о случаях массовых заболеваний скота и о появлении эпидемий в пограничных районах соседних государств³¹.

В 1945 г. НКВД Азербайджанской ССР организовал церемонии встреч и проводов ряда делегаций из некоторых зарубежных стран, а также видных политических деятелей. Самым важным среди них был визит в Баку британской парламентской группы в феврале 1945 г. По поручению Верховного Совета Азербайджанской ССР подготовку церемонии встречи по протокольным правилам взял на себя НКВД. Соответственно протокольный отдел разработал программу визита британской делегации, куда входили церемония встречи гостей и их проводы, программа намеченных встреч с официальными лицами и общественностью. Руководство НКВД одобрило эту программу. Гости из Британии неотлучно сопровождали сотрудники наркомата, а также руководящий состав республики³².

В мае 1945 г. в Азербайджан с визитом на 14 дней прибыла делегация иранского Общества культурных связей с СССР. Программу визита составил протокольный отдел НКВД. В состав делегации входили представители интеллигенции, члены иранского меджлиса, известные ученые, поэты, врачи, учителя, писатели, купцы. Вся делегация была приглашена для участия в мероприятиях, посвященных 25-летию установления советской власти в Азербайджане. Гостям показали музеи, театральные спектакли, провели встречи в учебных заведениях, на промышленных предприятиях, в культурных центрах, организовали выезд в Кировабад (Гянджу), где гости из Ирана посетили колхозы и совхозы³³. Цель этих посещений заключалась в том, чтобы ознакомить визитеров с достижениями Азербайджана за годы советской власти в области политики, экономики, культуры и на примере Азербайджана показать преимущества советской общественной системы. Приезд иранской делегации совпал с днями победы над фашистской Германией. 12 мая торжественно отправили телеграмму маршалу Сталину от имени всей делегации, в которой говорилось: «Иранская делегация, присутствующая в Баку на празднике 25-годовщины Азербайджанской Советской Социалистической республики, выражает свою радость по случаю разгрома фашизма и окончательной победы дела свободы, которая под знаменем Красной Армии становится достоянием народов всего мира, и обращается с приветом к народам Советского Союза и их героическому великому вождю»³⁴. Телеграмму подписали Мохаммедали Саффат, Саед Нафиси, Сеид Джафар (Мирджафар) Пишевари, Садагани, Гаджи Мохаммед Нахчывани, Табатабаи, Хусейн Голголаби, Хусейн Джовдат, Хусейн Харири, Дибадж, Гулухан Борчалы, Хусейнгулу Катиби, Махмуд Тураби, Мехти Адл, Садр Гази, Мохаммед Бирия и другие³⁵.

Кроме упомянутых делегаций, весной и летом 1945 г. отдельные политические деятели, дипломаты и высокопоставленные военные посещали Баку или проезжали через Азербайджан. Например, 13 января 1945 г. генерал Жорж Катру – участник французского Сопротивления в годы войны, новоназначенный посол Франции в Советском Союзе – добирался в Москву через Баку в сопровождении сотрудников НКВД Азербайджанской ССР. А в марте 1945 г. находившийся в Лондоне глава эмигрантского правительства Чехословакии Эдвард Бенеш ехал через Баку на запланированные переговоры со Сталиным. В этой поездке Бенеша и сопровождавших его лиц: премьер-министра Зденека Фирлингера, министра иностранных дел Яна Масарика, встречали в Баку и провожали в Москву сотрудники службы протокола НКВД Азербайджанской ССР³⁶.

Обо всех переговорах и своих наблюдениях во время этих визитов сотрудники службы протокола давали подробные отчеты не только руководству НКВД, но и руководству государственных и правительственных органов. На основе этих отчетов готовились подробные справки о пребывании иностранных делегаций и отдельных политических деятелей в Азербайджане для НКВД СССР. Вместе с тем главной линией деятельности НКВД Азербайджана было активное участие в реализации советской политики относительно Южного Азербайджана и Ирана в целом.

§ 2. Активизация политики Москвы в отношении Ирана и Турции

Первые дни 1945 г. ознаменовались усилением областной организации Народной партии Ирана. В это время главная задача, стоявшая перед НКВД Азербайджанской ССР и всеми военными, политическими и дипломатическими работниками, командированными в Иран из Советского Азербайджана, заключалась в обеспечении массовости азербайджанской организации партии Туде. В начале 1945 г. советское посольство из Тегерана отправило информацию Молотову, Микояну, Берии, Маленкову и Щербакову, в которой отмечалось, что Тебризская областная организация Народной партии Ирана насчитывает 9 500 членов, и это больше, чем в Тегеранской городской организации³⁷. 11 января 1945 г. в Тебризе состоялась первая провинциальная конференция тудеистов. Соответствующие органы Советского Азербайджана были серьезно заинтересованы в хорошей организации местного отделения Народной партии. До Тебризской конференции Туде работа ее центральных и областных отделений не

устраивала советские учреждения в Иране. Гасан Гасанов в обширном докладе «О Южном Азербайджане» отмечал, что Народная партия в организационном плане пока слаба и не обладает достаточно политически подготовленными руководящими кадрами, нет и кадров пропагандистов для работы среди широких масс, нет даже печатного органа³⁸. В целом, сформированная в конце 1941 г. Народная партия задыхалась в интригах. В Южном Азербайджане планировались большие дела, а советские спецслужбы в секретной переписке называли старых иранских большевиков шпионами западных держав, предпочитая не подпускать их близко. В первое время особым доверием пользовались Абдулсamed Камбахш и Арташес Ованесян, работавший под партийным псевдонимом Сартибпур. Оба имели связи с Москвой. В информации, подготовленной наркомом государственной безопасности Азербайджанской ССР Емельяновым, об Ованесяне сказано, что он в 1924 г. вступил в Иранскую коммунистическую партию, в 1926 г. был направлен на учебу в Московский коммунистический университет трудящихся Востока, после возвращения в Иран в 1930 г. арестован. Далее отмечалось, что в ноябре 1941 г. Ованесян вышел на свободу и его избрали в руководящий состав партии Туде. Емельянов пишет: «Арташес Ованесян в 1944 году с нашей помощью стал депутатом иранского меджлиса... В его деятельности, в мероприятиях, проведенных от имени ЦК Народной партии, наблюдаются провокации левацкого характера»³⁹. Серьезная заинтересованность спецслужб Азербайджана старыми большевиками объяснялась грядущими планами. В августе 1944 г. на I съезде Народной партии в руководящие органы были избраны Реза Радманеш, Ираджд Искендери, Нураддин Аламути, Мохаммед Бахрами, Парвин Генобади, Арташес Ованесян, Эхсан Табари, Абдулсamed Камбахш, Али Амир Хизи, Муртаза Язди, Нираддин Киянури, Зия Аламути, доктор Кешаверз, Баграти и др. Сформированное после съезда Политбюро ЦК НПИ в составе Искендери, Бахрами, Аламути, Ованесяна и Хизи опасалось усиления провинциальной азербайджанской организации партии⁴⁰. Но, не сумев преодолеть сильное противостояние советских органов, они попытались под своим руководством усилить Азербайджанскую областную организацию Туде. Касательно Южного Азербайджана между руководством Туде и советскими учреждениями в Иране существовали постепенно углубляющиеся противоречия. Линия Советского Союза, направленная с конца 1944 г. на усиление азербайджанской организации Народной партии, вызывала у лидеров Туде опасения насчет возможности раскола Ирана. В январе 1945 г. в Тебризе состоялась Азербайджанская областная конференция Туде, идею ее проведения выдвинули советские органы. Мероприятие про-

шло под непосредственным контролем руководителя командированных из Баку в Южный Азербайджан политработников Г. Гасанова и генерального консула СССР в Тебризе Ф. Матвеева, который послал в НКВД СССР и Багирову детальный отчет о принятых на конференции решениях⁴¹. В отчете все подробно описано. Из разных городов и поселков Азербайджана прибыло 148 депутатов. Первое заседание конференции открылось утром 11 января. Гаджи Мирза Али Шабустари, Садыг Падеган, Ахмед Исфагани, Нурулла Егани, Миргасым Чешмазар были избраны председателями конференции, Али Амир Хизи, Мохаммед Бирия, Халил Малеки стали почетными председателями, еще пять человек – секретарями конференции⁴². Выступивший первым Амир Хизи заявил, что ЦК партии Туде возлагает большие надежды на Азербайджан в борьбе против незаконных действий иранского правительства. С отчетным докладом о семи месяцах деятельности областного комитета партии, избранного в июле 1944 г., выступил председатель комитета С. Падеган⁴³. В докладе и выступлениях прозвучало немало критики. В резолюции конференции подчеркивалось, что городская и сельская организации должны сближаться и активизировать работу в профсоюзных организациях, в партиейках на фабриках и заводах, среди солдат иранской армии. Также в резолюции отмечалось, что следует усилить борьбу с силами реакции и самодурством помещиков. Конкретно в резолюции сказано, что, раз центральные иранские органы власти не могут справиться с самоуправством помещиков, «мы сами будем наказывать помещиков, допускающих насилие над членами Народной партии». Доклад председателя областного комитета ясно свидетельствует о недовольстве азербайджанской фракции Центральным комитетом партии Туде. В справке «О положении в Южном Азербайджане» говорилось, что в руководстве Туде, сидящем в Тегеране и в ЦК, есть ставленники англичан, которые не только не заинтересованы в коренных изменениях в Южном Азербайджане, но и не понимают национальных особенностей азербайджанского народа. На конференции прозвучало, что по сравнению с летом 1944 г. в Азербайджане резко увеличилось число членов партии. По информации советских органов Азербайджана, в азербайджанской организации Народной партии на начало 1945 г. насчитывалось 43 716 членов, из них 4 812 рабочих, 31 948 крестьян, 2 619 ремесленников и интеллигентов⁴⁴. Конференция избрала тайным голосованием областной комитет из 25 чел., президиум из 7 чел. и ревизионную комиссию из 7 чел.⁴⁵ Больше всех голосов набрал Бирия – 124, за ним Амир Хизи – 122, Чешмазар – 121, Падеган – 118, Егани – 115, Геворкян – 114, Шабустари – 106, Гулам Яхья – 92 и пр. После конференции Гасан Гасанов посетил Ардебиль, Мешкиншехр,

Сараб, Астару, Хой, Миандаб, Миане и др., встречался с представителями общественности, обсудил сложившееся положение, дал указания и рекомендации. В ходе обсуждений указывалось, что азербайджанцы составляют более $\frac{1}{3}$ населения всего Ирана, т. е. более 6 млн чел, но обучать своих детей на родном языке они не могут – и это горько⁴⁶.

Ознакомившись с отчетом Ф. Матвеева о результатах конференции, а также протоколом областной конференции НПИ, Багиров сделал пометки на документах различными цветными карандашами. Затем рекомендовал изучить ряд вопросов, связанных с лицами, имена которых всплыли на конференции⁴⁷. Деятельность по обновлению Туде, начатая на Азербайджанской областной конференции при непосредственном участии политработников из Баку и советских дипломатов, завершилась образованием в августе–сентябре 1945 г. Азербайджанской демократической партии. Для усиления партийной работы в Южном Азербайджане и расширения культурно-массовых мероприятий ЦК АзКП(б) в январе 1945 г. провел заседание бюро, которое приняло ряд постановлений. К группе политработников, направленных в Южный Азербайджан в 1944 г., дополнительно примкнули Мамед Шарифли, Салам Саламзаде и Садахлы, командированные в тебризский Дом культуры.

19 января 1945 г. ЦК ВКП(б) принял решение разрешить юношам из Южного Азербайджана приехать в Советский Азербайджан для получения высшего образования. По указанию Багирова еще в ноябре 1944 г. СНК Азербайджанской ССР, наркоматы иностранных дел, финансов, торговли, просвещения, ректоры медицинского института, Азербайджанского государственного университета, АЗИИ, а также руководство Бакгорисполкома приступили к всестороннему изучению этой проблемы. В результате пришли к выводу: мечта молодежи получить образование на азербайджанском языке в Советском Азербайджане может быть исполнена. Послу Максимову в Тегеран сообщили, что в Азербайджанском медицинском институте для обучения по специальностям лечебная, педиатрия, санитария и фармакология, а в Азербайджанском индустриальном институте для обучения по специальностям инженерная, экономика, геологоразведочная, архитектурно-строительная, в Азербайджанском государственном университете на юридическом факультете готовы принять студентов из Южного Азербайджана, как только Москва даст соответствующее разрешение. Что касается армянской молодежи, желающей учиться в Советском Союзе, то НКВД Азербайджана предложил Максимову решить этот вопрос через НКВД СССР и направить их учиться в вузы Армянской ССР.

Было признано целесообразным, чтобы студенты из Тебриза сперва изучили кириллицу и русский язык на годичных курсах при Азербайджанском государственном университете, а затем уже занимались по избранной специальности. Комиссия сообщила вице-консулу в Тебриз, что в Баку готовы принять 39 юношей из Южного Азербайджана и двух дочерей остандара Дадвара. Наркому торговли дано указание наладить обеспечение продуктами студентов из Южного Азербайджана с учетом национальной кухни⁴⁸. Бюро ЦК АзКП(б) возложило ответственность за выполнение постановления ЦК ВКП(б) на секретаря ЦК С. Кафарзаде, наркома иностранных дел Махмуда Алиева, заместителя председателя СНК А. Азизбекова, наркома просвещения М. Ибрагимова, наркома государственной безопасности С. Емельянова и зав. отделом высшего образования и школ ЦК АзКП(б) Мусу Алиева⁴⁹.

В марте 1945 г. бюро ЦК АзКП(б) командировало в Москву Г. Гасанова для уяснения противоречивых инструкций из НКВД СССР и решения ряда вопросов, связанных со строительством советской школы и Дома культуры в Тебризе. Гасан Гасанов еще в конце января был отозван из Тебриза и теперь числился секретарем ЦК⁵⁰. Ему поручили обсудить эти вопросы с зам. наркома Кавтарадзе. Не дожидаясь разрешения Москвы, 40 студентов из Тебриза прибыли в Баку, и бюро ЦК АзКП(б) пришлось принимать особое решение, по которому студенты обеспечивались жильем, четырехразовым питанием, включая 700 г хлеба ежедневно, одеждой и обувью, стипендией и т. д. Для девушек из Южного Азербайджана в женском общежитии АзИИ выделили отдельные комнаты. Для проживания юношей предлагались разные места, и в конце концов им дали 18 комнат в гостинице «Шарг», находившейся близко от места учебы, устроив для них отдельный вход. Кроме всего прочего, удобно расположенная гостиница позволяла держать гостей под наблюдением. Багиров письменной резолюцией одобрил подготовительные мероприятия⁵¹. Заместитель председателя СНК А. Азизбеков получил указание выделить для нужд студентов из Южного Азербайджана автомобиль. Соответствующим организациям надлежало заняться идейно-политическим воспитанием новоприбывших⁵². Дальнейший ход событий показал, что часть студентов из Южного Азербайджана оказалась вынуждена навечно связать свою судьбу с Советским Азербайджаном.

К началу 1945/1946 учебного года в тебризской средней школе с образованием на азербайджанском языке возникли проблемы, и для их срочного разрешения нарком иностранных дел Махмуд Алиев, заместитель председателя СНК Наджафкулы Аллахвердиев, нарком просвещения Мирза Ибрагимов, заведующий отделом высше-

го образования и школ ЦК АзКП(б) Муса Алиев совместно составили план мероприятий. Летом 1945 г. директор школы Джебраил Алескеров обратился к Багирову с просьбой решить неотложные вопросы. Багиров, в свою очередь, перепоручил это дело М. Якубову, С. Емельянову, Махмуду Алиеву, Мусе Алиеву и Р. Рзе. Требовалось наладить процесс обучения на азербайджанском языке в советской школе, а также выступить с предложениями по открытию подобных школ в других городах Южного Азербайджана. Багиров писал: «...видимо, ни работники Наркомвнудела, ни ВОКС, ни другие организации не поняли и не понимают смысла наших обращений и просьб, когда мы говорим, что надо увеличить контингент, надо открыть еще школу, надо открыть интернат при тебризской школе, чтобы привлекать людей из других районов Азербайджана»⁵³. Беспокойство Багирова объяснялось тем, что в январе 1945 г. советский посол Максимов выступил против идеи расширения сети советских школ в Иране. Он считал, что хватит уже имеющихся трех школ – в Тегеране, Тебризе и Пехлеви. По предположению посла, средняя школа в Тебризе могла стать базовой для Иранского Азербайджана, а школа в Пехлеви – для Гиляна. Посол писал, что незачем устраивать новые школы в этих краях. Он настаивал, что открытие новых школ, а также организация интернатов при имеющихся школах обойдутся дорого. В интернате, полагал посол, на каждых 20 учеников необходимо по одному воспитателю. И если будет выделено 200 тыс. риалов, то достаточно одного интерната в Тегеране. Предложения Максимова М. А. Силин 31 января 1945 г. передал заместителю начальника Управления кадров при ЦК ВКП(б) Е. Е. Андрееву⁵⁴. Учитывая все это, Багиров старался объяснить союзным органам, как важно расширить сеть советских школ в Южном Азербайджане и превратить среднюю школу в Тебризе в образцовый очаг просвещения. По указанию Багирова по письму Дж. Алескерова была проведена организационная работа, результаты которой Муса Алиев доложил Багирову в подробной справке. В частности: «По поводу ускорения присылки документов педагогов на выезд в гор. Тебриз, 6-го декабря [состоялся] телефонный разговор с заведующим отделом кадров НКВД СССР тов. Силиным и заведующим учебным отделом НКВД СССР тов. Поповкиным, которые обещали сделать все зависящее для форсирования оформления этих документов. Кроме того, по этому же вопросу Секретарем ЦК КП(б) Азербайджана тов. Кафарзаде на имя тов. Шаталина послана телеграмма»⁵⁵.

После всесторонних обсуждений нарком просвещения Мирза Ибрагимов отправил письмо директору школы в Тебризе Дж. Алескерову. В письме содержались разрешение на прием 200 но-

вых учеников в 1945/1946 учебном году, согласие на раздельное обучение девочек и мальчиков, сообщалось, что на днях прибудет достаточное количество учебников и пособий. А остальные вопросы рекомендовалось решать с генконсулом в Тебризе⁵⁶.

Кроме советской школы в Тебризе в центре внимания руководства Азербайджанской ССР находилось и расширение деятельности советского Дома культуры. Его директором был назначен Ахад Багирзаде, в штате состояли архитектор Гасан Меджидов, литературовед Джафар Джафаров, историк Мамед Шарифли, художники Амир Гаджиев и Казым Казымзаде, композиторы Джахангир Джахангиров и Гаджи Ханмамедов, режиссер Исмаил Эфендиев и др. Посланцы Советского Азербайджана выполняли большую работу, пропагандируя культуру своей страны. Дом культуры сгруппировал вокруг себя передовых представителей не только Тебриза, но и других городов Южного Азербайджана⁵⁷. Регулярно проводимые выставки демонстрировали достижения СССР и Азербайджанской ССР в области науки, культуры и искусства, пропагандировали победы советской армии на фронтах мировой войны. Состоялись встречи с литературоведом Мамедом Арифом Дадашзаде и поэтом Расулом Рзой. В августе 1945 г. Дом культуры организовал встречу с одним из первых академиков только что открывшейся Академии наук Азербайджанской ССР Мирзой Ибрагимовым. В январе 1945 г. при Доме культуры открылась библиотека, что стало важным событием в жизни города⁵⁸.

В январе 1945 г. руководство КП(б) Азербайджана приняло решение торжественно отметить 25-летие установления советской власти в Северном Азербайджане. 15 января советский посол Максимов в письме Багирову просил организовать доставку в Иран фотовыставки «25 лет Азербайджанской ССР», книг, брошюр, статей и очерков, кинофильмов и т. п., отражающих современное состояние народного хозяйства, развитие искусства и культуры, подготовку национальных кадров, участие Азербайджанской ССР в Великой Отечественной войне, роль женщин в жизни страны, отношение к религии и др.⁵⁹ Одобрив это начинание, Багиров дал указание НКВД и соответствующим органам подготовить план мероприятий. Комиссия в составе Самеда Вургуна, Сулеймана Рагимова, Я. М. Кирсанова и Гагема Антелепяна во главе с Махмудом Алиевым выступила с рядом предложений, на основании которых в феврале 1945 г. ЦК АзКП(б) и СНК АзССР постановили организовать выставку «25 лет Азербайджанской ССР». Для этого из бюджета было отпущено 120 тыс. рублей. Все подготовительные работы следовало завершить до 1 апреля 1945 г.⁶⁰ Одновременно бюро ЦК АзКП(б) по-

становило издать двухтомник стихов поэтов Южного Азербайджана, посвященных Сталину, Советскому Союзу, Красной армии, Великой Отечественной войне. Редактирование двухтомника поручили Самеду Вургуну, Сулейману Рагимову и Мирзе Ибрагимову. В него вошли стихи Бирии, Багира, Фитрета, Шейда, Алиярзаде, Мехди, Ашига Сеидгасана, Сабри, Али Туде и др. В то время отдельным изданием вышел сборник стихов Мохаммеда Бирии «Голос сердца»⁶¹. Эта книга, в сравнении с его предыдущей книгой «Башар», демонстрировала процесс политического и творческого развития поэта. Как правило, Бирия сочинял свои стихи только на азербайджанском языке. В начале 1945 г. у него как-то спросили, почему он не пишет на фарси, а предпочитает только азербайджанский. Бирия ответил, что это его родной язык и ему легко на нем говорить и писать⁶².

Весной 1945 г. 25-летие Советского Азербайджана превратилось в крупную политическую кампанию во всех городах Южного Азербайджана. Все мероприятия осуществлялись при посредстве Общества ирано-азербайджанских культурных связей. Организованные обществом праздничные мероприятия особенно подчеркивали достижения Советского Азербайджана в развитии национальной культуры⁶³. В информации с Юга отмечалось, что празднование 28 апреля проходило торжественно, с митингом и демонстрациями, с портретами Сталина, Багирова и шаха Мохаммеда Резы, которых избирали в почетный президиум. Например, в поздравительной телеграмме из Маку на имя Мирджафара Багирова, Теймура Кулиева и Мирбашира Гасымова говорилось: «Мы, люди, едины по происхождению и по крови. Исторические победы наших единокровных братьев наполняют наши сердца радостью и национальной гордостью. Мы разделяем с нашими азербайджанскими братьями пролитую кровь и проявленный героизм на полях сражений в борьбе с фашизмом, за свободу цивилизации»⁶⁴. Заведующий отделом Среднего Востока НКВД СССР Сычев переслал Махмуду Алиеву текст поздравительной телеграммы, принятой на митинге в Бендер-Шахе⁶⁵. В адресованной председателю Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР М. Гасымову и председателю СНК Азербайджанской ССР Т. Кулиеву телеграмме говорилось: «Мы, три тысячи жителей Бендер-Шаха, собрались на митинг в честь 25-летия Советского Азербайджана, просим Вас передать азербайджанскому народу наши пламенные поздравления. Азербайджанский народ идет путем, указанным гениями нашей эпохи – Лениным и Сталиным, добиваясь невиданных успехов во всех областях культуры, науки и народного хозяйства. Успехи братского азербайджанского народа наполняют наши сердца чувством гордости. Сегодня Азербайджан – одна из культурных стран мира. Когда

мы видим его сыновей под знаменем великого маршала Сталина, в рядах Красной Армии, спасающей всю цивилизацию и демократию от гитлеровских чудовищ, мы полны гордости»⁶⁶. Следует отметить, что поздравительная телеграмма от имени общественности Бендер-Шаха явно составлена в советском консульстве.

В связи с юбилейными торжествами в Баку из Ирана и Южного Азербайджана была приглашена большая делегация, в состав которой вошли Мохаммед Бирия, Сеид Джафар Пишевари, Балаш Азероглу, доктор Оранги, Мохаммед Расули, Гаджи Алекбер Садагяни, Саед Нафиси, Малек-ош-Шоара Бахар, Гаджи Мохаммед Нахчывани, Хусейнгулу Катиби, Махмуд Тураби, Али Фитрат, Хусейн Харири, Исмаил Дибадж, Гулухан Борчалы, Хусейн Джовдат, Хусейн Голголаби, Ахмед Табатабаи, доктор Мюртазави, депутаты меджлиса Мехти Адл, Садр Гази и другие⁶⁷. Информацию о приезде в Баку делегации иранской общественности передал ТАСС. От бдительного ока Тегерана не укрылось, что азербайджанское руководство особо ласково общалось с гостями из Тебриза⁶⁸. Но советские органы безопасности внимательно следили за визитерами из Ирана. 26 апреля 1945 г. Багиров собрал оперативное совещание по готовности к юбилейным торжествам. В протоколе совещания отмечено, что на банкете надо так рассадить гостей из Южного Азербайджана, чтобы по обе стороны от гостя сидели ответработники республики⁶⁹. 5 мая посланцы присутствовали на юбилейной сессии Верховного Совета Азербайджана. От имени делегации с поздравлением выступил Саед Нафиси. В рамках визита гости посетили Азербайджанский государственный университет, Академию наук, музеи Низами и Ширваншахов, различные медицинские учреждения и всюду с чувством глубокого сожаления говорили об отсталости Южного Азербайджана. Гости, прибывшие со всех концов Ирана, с интересом смотрели в азербайджанских театрах оперы Узеира Гаджибекова «Кёроглы», Муслима Магомаева «Шах Исмаил», Кара Караева и Джовдата Гаджиева «Ватан», драму Самеда Вургуня «Вагиф», музыкальную комедию Гаджибекова «Аршин мал алан», театрализованную постановку по роману Мамеда Саида Ордубади «Туманный Тебриз»⁷⁰. Состоялась также встреча Гасана Гасанова с Пишевари, на которой обсуждались пути развития демократического и национально-освободительного движения в Южном Азербайджане⁷¹. 15 мая делегация из Тебриза, а днем позже гости из Тегерана отправились домой. Полная впечатлений от визита в Советский Азербайджан, творческая интеллигенция Ирана и Азербайджана еще долго рассказывала на различных мероприятиях и на страницах печати о результатах этой поездки⁷².

Советские военные, политические и дипломатические органы внимательно отслеживали любые действия командированных в Южный Азербайджан. Из секретного письма Кавтарадзе Махмуду Алиеву от 11 января 1945 г. мы узнаем о результатах этой слежки. Письмо вынесли на обсуждение бюро ЦК АзКП(б). В нем шла речь об ошибках, допущенных заместителем секретаря ЦК Аннаги Бабаевым, назначенным руководителем концертной бригады, командированной в Иран. Генеральный консул Ф. Матвеев послал об этом подробный отчет в НКВД СССР⁷³. Осенью 1944 г. артисты Азербайджанского государственного театра оперы и балета им. Мирзы-Фатали Ахундова и Государственной филармонии в течение двух месяцев дали в Южном Азербайджане 87 концертов, в том числе 10 бесплатно. На концертах труппы в Тегеране, Тебризе, Казвине, Ардебиле, Маранде, Маку, Хое, Мараге, Намине, Реште, Пехлеви, Шахпуре, Урмии, Ушну и других городах присутствовали более 60 тыс. чел. Во всех городах, отмечалось в отчете, особенно в Тебризе, концерты вызвали большой интерес публики. Например, крупный фабрикант заявил, что уже четыре раза был на концерте и с удовольствием пошел бы еще. 90 % населения Иранского Азербайджана любят родную музыку. Фарсидскую музыку они не считают родной, не наслаждаются ею. В семье Джорабчы всегда слушают концерты по бакинскому радио, особенно женщины, и знают наперечет всех азербайджанских певцов⁷⁴. По просьбе тебризского остандара состоялся еще один дополнительный концерт, весь доход от которого пошел в фонд местного спортивного общества. Генеральный консул сообщил, что в Маку и Шахпуре по вине Аннаги Бабаева бесплатные билеты продавались за деньги, а платные билеты – по завышенной цене. По данным Матвеева, это вызвало недовольство населения. Приняв во внимание информацию тебризского генконсула и письмо из НКВД СССР, бюро ЦК АзКП(б) вынесло Бабаеву выговор за ошибки в политическом руководстве⁷⁵.

Для расширения фронта работ в Южном Азербайджане численность политических, дипломатических, культурных и хозяйственных работников из Советского Азербайджана довели до 1 000 чел. Тираж газеты «За Родину» перевалил за 10 тыс. экз. За короткое время арабским шрифтом напечатали 32 книги общим тиражом 368 тыс. экз. Эти книги распространили среди населения Южного Азербайджана. Впервые современ Саттархана интеллигенция Южного Азербайджана печатала книги и брошюры на родном тюркском языке. Несмотря на протесты бывшего премьера Мохаммеда Саеда, в Тебризе 460 детей с большим интересом посещали советскую школу. Росло число обращающихся в советские лечебные учреждения. За весь 1944 г. и пер-

вый квартал 1945 г. 63 956 граждан Южного Азербайджана получили медицинскую помощь от советских специалистов. Советские больницы в Тебризе и Реште пользовались популярностью среди местного населения⁷⁶.

Несмотря на эту грандиозную работу, советские органы все еще не решили, что же строить в Южном Азербайджане: независимое буржуазно-демократическое общество или автономию внутри Ирана. Несмотря на пожелания руководства Азербайджана, и особенно аргументированные обращения НКВД республики, подкрепленные политическими и историко-этнографическими справками, Москва все еще не сделала окончательного выбора. А местные жители не понимали половинчатых действий Советского Союза и очень беспокоились за свою судьбу. Они справедливо заявляли советским представителям: «Вы говорите, что надо бороться с реакцией, идите за нами. Мы делаем, как вы говорите, но взамен у нас отнимают земли, нас гонят с фабрики, закрывают предприятия, нас убивают и грозятся в будущем снова убивать»⁷⁷.

В свою очередь, иранские властные круги пытались укрепить свою расшатавшуюся опору в Южном Азербайджане. Министерство внутренних дел Ирана направило директивы губернаторам северных провинций, требуя привлекать к ответственности участников антиправительственных митингов и демонстраций и немедленно арестовать граждан, находящихся на государственной службе, но симпатизирующих Советам⁷⁸. В декабре 1944 г. министерство дало своим местным органам указание перестать ежедневно отчитываться перед военными комендантами, действующими в северных городах Ирана. Службе безопасности Азербайджанской ССР стало известно, что иранское правительство приняло секретное решение о борьбе с советским влиянием. Англичане обещали иранскому правительству, что организации и отдельные граждане, оказывающие сопротивление Советам, будут получать финансовую помощь. Спецслужбы Азербайджанской ССР перехватили инструкции из Тегерана, в которых северным вилайетам ставилась в вину их пассивность в борьбе с деструктивными действиями советских представителей. В приказе за подписью генерала Сейфи говорилось, что требования советских представителей об арестах и выселении носят характер вмешательства во внутренние дела и противоречат действующим законам. Следует отказываться от выполнения этих требований, а при их повторении обращаться к губернатору. В любом случае нужно ставить Сейфи в известность по телеграфу. Уклонение от исполнения этого приказа в какой-либо форме повлечет за собой наказание, а полицией-

ские начальники будут уволены с работы. Все полицейские должны пройти соответствующий инструктаж⁷⁹.

В соответствии с приказом из Тегерана многие чиновники в Южном Азербайджане, лояльно относившиеся к Советам, в том числе остандар Дадвар, начальник полиции Зияи, начальник городской управы Рахими, некоторые начальники отделений полиции и ряд других высокопоставленных чинов были уволены с работы. Жесткая линия поведения центрального правительства усилила на местах выступления против Народной партии. Крупнейший землевладелец из Урмии Али-ага Теймури отнял земельные наделы у крестьян, вступивших в Народную партию. 1 января 1945 г. в Урмии произошло покушение на председателя местного комитета Народной партии Азада Ватана. В Миане начальник жандармерии раздал помещикам ружья, чтобы те могли вооружить своих сторонников против тудеистов. В Ардебиле помещик Насрулла-хан Юрдчу в марте 1945 г. отнял партбилеты более чем у 80 крестьян – членов Народной партии. В апреле в Тебризе избили детей советских работников, в том числе генерального консула Матвеева, а несовершеннолетнюю дочь капитана Новикова изнасиловали. Багиров, серьезно обеспокоенный фактами физического насилия над членами Народной партии и советскими работниками, телеграфировал Сталину: «Подобные отвратительные факты, направленные на унижение наших представителей, не могли осуществиться реакционными элементами без участия иностранных разведок. Видимо, некоторые наши сотрудники консульства все еще этого не понимают»⁸⁰. Нарком государственной безопасности Азербайджанской ССР Емельянов 3 марта докладывал Багирову об активизации англичан в Южном Азербайджане. По его сведениям, англичане вели агитацию в Тебризе, уверяя, будто в ближайшие дни Южный Азербайджан будет отторгнут от Ирана и там будет образована независимая республика. Сотрудники госбезопасности, работавшие в Тебризе, информировали, что, по мнению директора Английского банка Миллера, переворот в Южном Азербайджане якобы состоится до мая 1945 г. Считая эту катастрофу неизбежной, Миллер в конце февраля обратился в Тегеран за разрешением ограничить операции своего банка. Англичане уговаривали состоятельных людей выехать из Южного Азербайджана, забрав свое добро. По сведениям органов безопасности, только за один день 19 февраля тебризский Английский банк перевел в различные банки юга Ирана 2 млн риалов⁸¹.

В марте 1945 г., особенно в дни праздника Новруз, в Тебризе состоялись массовые выступления против Советского Союза и Народной партии. На улицы вышли мелкие и средние купцы, вла-

дельцы фабрик, помещики и представители близких к ним социальных слоев, общей численностью до 2 тыс. чел. Чувствовалось, что за этими событиями стоят властные круги Ирана в лице мэра города Тебриз. Активно участвовала в мероприятии организация «Хагигат» («Правда»), созданная против партии Туде. Некоторые офицеры иранской армии, дислоцированной в Тебризе, выступили перед собравшимися с антисоветскими речами⁸².

В связи с событиями 21 марта Емельянов и Атакишиев доложили Багирову, что Тебризский областной комитет Народной партии не в состоянии должным образом отреагировать на случившееся. Реакционные силы тратят большие средства, подкупают людей, а простые члены Народной партии в поисках средств на пропитание разбрелись кто куда. Из-за отсутствия денег областной комитет партии не может печатать листовки и обращения к народу, не имеет возможности командировать верных людей для усиления работы на местах⁸³. В те дни была отправлена директива резиденту разведки Азербайджанской ССР, который действовал в Тебризе под псевдонимом «Чобан». Ему рекомендовалось для предотвращения подобных акций в будущем через генконсульство оказать давление на остандара⁸⁴. В инструкции указывалось: «Следует предупредить руководство области и города, что если они не будут серьезно реагировать на события, не будут пресекать провокаторов и не прекратят провокации, то Советская военная комендатура будет вынуждена восстановить порядок в городе». Резиденту велели взять под контроль деструктивные элементы и в случае получения сигнала о нарушениях непременно ставить в известность советское командование в Тебризе и руководящих работников азербайджанского Наркомата государственной безопасности, расквартированных в Казвине. Резиденту также надлежало довести это распоряжение до сведения военного совета командования корпуса в Тебризе, которое, в свою очередь, должно было усилить патрульную службу, пресечь повторение подобных акций и наказать нарушителей⁸⁵. 29 марта Багиров телеграммой сообщил Сталину о событиях в Тебризе: «В последнее время в Южном Азербайджане наблюдается активизация реакционных элементов, провоцируемых англичанами. Разнесся слух, будто при пособничестве советской стороны Народная партия готовит переворот в Южном Азербайджане. В результате купцы, владельцы фабрик и земель продают свое имущество, вывозят добро из страны, а деньги вкладывают в британские банки. Есть факты, что полиция и жандармерия вооружают верных себе людей. Штабы иранской армии в Тебризе и Реште раздали сотрудникам полиции штатскую одежду. В решающий момент они должны помочь органам власти. Дошло до

того, что деструктивные элементы, при поддержке частей иранской армии, выходят на провокационные демонстрации в Тебризе. Столь открытые антисоветские выступления не наблюдались даже в тяжелые дни 1941–1942 годов. В связи с создавшейся ситуацией ждем Ваших указаний»⁸⁶.

В то же время, руководство Советского Азербайджана благосклонно смотрело на любые выступления против органов власти, на протестную волну, в которой активную роль играли тебризская интеллигенция и деловые круги, целенаправленно выдвигавшие национальные требования, в частности предоставления Азербайджану политической автономии⁸⁷. В апреле 1945 г. Багиров составил план предстоящих мероприятий на ближайшее будущее, в котором предусматривались различные варианты событий. Первый вариант представлял собой объединение Южного Азербайджана с Советским Азербайджаном. Вторым вариантом предполагал образование независимой Народной Республики Южный Азербайджан. Третьим вариантом Багиров допускал образование в Южном Азербайджане независимой буржуазно-демократической системы. И, наконец, четвертый вариант заключался в предоставлении Азербайджану культурной автономии в составе иранского государства⁸⁸.

Весной 1945 г. обострились советско-турецкие отношения, и для НКВД Азербайджанской ССР открылось новое поле деятельности на Ближнем Востоке. Теперь вся информация по Турции, в том числе справки, которые готовило советское посольство в Анкаре, ранее поступавшая в НКВД СССР, регулярно направлялась в Баку⁸⁹. 19 марта 1945 г. Молотов объявил, что советско-турецкий договор о дружбе и нейтралитете от 17 декабря 1925 г. считается утратившим силу. С этого момента интенсивный характер приобрел поток секретных информационных материалов о Турции, ее политической жизни и политических деятелях. В тот же день Молотов принял посла Селима Сарпера и сказал ему, что высоко оценивает договор 1925 г., так много сделавший для развития дружбы обеих стран, однако в процессе Второй мировой войны произошли глубокие изменения, а договор уже не соответствует новым условиям и требуется его усовершенствовать⁹⁰. Молотов напомнил, что, когда заключался договор в 1925 г., у Советского Союза не было договора с Англией, подобно-го нынешнему, а с Соединенными Штатами и вовсе не существовало дипломатических отношений⁹¹.

Сразу после денонсации советско-турецкого договора от 1925 г. НКВД СССР разослал текст заявления Молотова во все республики Южного Кавказа, в том числе и в Баку. Турецкая сторона, всесторонне изучив это заявление, 4 апреля дала ответ, предложив СССР вы-

сказать конкретные пожелания и начать работу по подготовке нового договора. Турецкое правительство обещало внимательно и благо-склонно рассмотреть все предложения советской стороны и проявило готовность к сотрудничеству с учетом изменившихся условий⁹². Заявление Молотова от 19 марта о денонсации советско-турецкого договора стало неожиданностью для турецких политических кругов и турецкой печати. Как правило, действия с подобного типа договорами обставляются предварительными консультациями, а затем уже выносятся решения. На этот раз СССР с ходу, демонстративно отверг договор, который двадцать лет регулировал отношения двух стран, и это означало, что данные отношения вступили в сложную стадию развития, говорило о серьезности претензий СССР к Турции. Пока правительство не определилось со своей позицией, газетам разрешили опубликовать только официальное сообщение и печатать комментарии иностранных газет, помещенные в бюллетене Анатолийского агентства. Журналистам и редакторам газет строго-настрого запрещалось давать какие-либо собственные комментарии. Под большими заголовками выделялись статьи из иностранной прессы, где говорилось, что «Советский Союз этим актом старается начать пересмотр отношений с Турцией с пересмотра и изменения Конвенции о проливах». Все газеты также перепечатали статью из польской эмигрантской газеты «Дзенник Польски» о том, что Советский Союз возвращается к политике царской России в вопросе проливов. С. И. Кавтарадзе прислал Махмуду Алиеву обзор турецкой печати, где говорилось что самые известные журналисты – Фалих Рыфкы Атай, Ахмет Шюкряо Эмер, Ахмет Эмин Ялман, Гусейн Джахид Ялчын уже 5 апреля выехали в Сан-Франциско, а газеты «Улус», «Джумхурийет», «Йени Сабах», «Тасвир», «Вақыт», «Тан» в стиле ретро продолжали расхваливать прежние дружественные отношения, существовавшие за прошедшие 25 лет, и напоминали, как Советская Россия помогала Турции во время ее борьбы за независимость. Турки также утверждали, что и они в течение 25 лет «пунктуально выполняли свои обязательства в отношении СССР и старательно избегали любого шага, который мог бы поколебать советско-турецкую дружбу». Сотрудники советского посольства переводили эти статьи на русский язык и вместе с обзором турецкой прессы пересылали в Москву и Баку. Один из известных турецких газетчиков – Асым Ус – писал, что Турция «желала создать систему коллективной безопасности на Черном и Средиземном морях путем турецко-англо-французского соглашения, с одной стороны, и турецко-русского – с другой». «Если бы была осуществлена система безопасности, которую желала создать Турция, – уверял он, – то войска Гитлера не смогли бы спуститься на Балканы

и не осмелились бы напасть на СССР... Московское правительство свою безопасность искало в соглашении с Берлином». Вместе с тем Асым Ус доказывал, что Турция в годы войны выбрала правильную политику и это подтверждено советско-английской нотой, врученной туркам в 1942 г., в которой говорилось, что «политика нейтралитета Турции вызвала большую удовлетворенность союзников»⁹³. Что касается упомянутой в ноте Молотова «изменившейся обстановки», Фаик Феник в газете «Улус» показал, что в международной жизни изменилось не только положение Советского Союза, но и положение Турции, которая в 1925 г. конфликтовала с Англией из-за Мосула, а теперь является союзницей Англии с 1939 г.

Советское посольство, готовившее для Кавтарадзе и Алиева обзор турецкой прессы и высказываний турецкого политического бомонда по поводу денонсации договора, сообщало: «Отклики турецкой прессы на денонсирование советско-турецкого договора показывают, что турки дали инструкции печати представить своему и иностранному общественному мнению, что они всегда стремились к дружбе с СССР и в данный момент они готовы укрепить эту дружбу. Однако, поскольку Советский Союз поставил этот вопрос, то и конкретные предложения также должны исходить от него, а за турками должно остаться право судить, соответствуют ли советские предложения укреплению дружбы». Подводя итог своей аналитической работе, первый секретарь советского посольства писал: «Всю ответственность за будущее советско-турецких отношений турецкая пропаганда старается возложить в глазах общественного мнения на Советский Союз»⁹⁴.

Спустя ровно месяц со дня возникновения идеи ликвидации советско-турецкого договора от 1925 г., 19 апреля 1945 г., Сталин принял заместителя католикоса всех армян, архиепископа Геворга Чорекчяна. С одной стороны, это было связано с предстоящими выборами католикоса, с другой стороны, вызвано желанием придать практический характер требованиям армян и снабдить руководящими установками их антитурецкую пропаганду⁹⁵. Армянская христианская община с 1938 г. оставалась без главы и теперь с осени 1944 г. деятельно готовилась к выборам нового католикоса. 4 сентября того же года по представлению Наркомата государственной безопасности Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О разрешении собрания армяно-григорианской церкви», гласившее: «Разрешить созыв в начале 1945 года в Эчмиадзине Собора армяно-григорианской церкви с участием представителей заграничных епархий для выборов католикоса»⁹⁶. Выписки из этого решения получили Молотов, Маленков, Берия, Меркулов и ЦК КП(б) Армении. По представлению спецслужб Сталин принял будущего католикоса, который обра-

тился к нему с просьбами: восстановить Эчмиадзин, открыть духовные академии, вернуть Эчмиадзину библиотеку бывшей духовной академии, разрешить Эчмиадзину содержать типографию, вернуть ряд зданий, разрешить проезд в СССР ряду религиозных деятелей под ручательство католикоса, разрешить приглашать зарубежных епископов и глав епархий⁹⁷.

Сразу после приема Сталиным одного из религиозных лидеров армянской церкви Армянский национальный совет вручил участникам конференции ООН в Сан-Франциско меморандум «Дело армянского народа», где указывалось, что справедливое решение этого дела позволит армянским диаспорам вернуться в родные края⁹⁸. В меморандуме Армянский национальный совет рекомендует себя в качестве единственного представителя армянского народа, который включает все армянские гражданские, социальные, культурные, религиозные организации в США, «за исключением маленькой фашистской партии, известной как дашнакская». Описывается, как армяне вместе с союзниками выиграли Первую мировую войну. Но коварная Европа, обещавшая «определить границы свободной и независимой Армении», не добилась реализации Севрского договора: «Одно за другим обещания, так торжественно сделанные, были забыты или принесены в жертву эгоистическим интересам могущественных держав... Наша отчизна, на которой с незапамятных времен жили наши предки, составляет часть Турции, в то время как полтора миллиона армян вынуждены жить в качестве беженцев и эмигрантов во всех концах земли. Даже гора Арарат, гордость и слава нашего народа и наиболее выразительный символ его надежд и мечтаний, остается под властью турок. Армянские провинции Турции отделены от свободной и независимой Республики – Советской Армении, где положено блестящее начало оживлению и реконструкции жизни армянского народа... Настало время, чтобы Армения, находящаяся под властью Турции, была присоединена к существующей свободной и независимой Армении в границах Советского Союза и живущим за рубежом армянам было разрешено вернуться на родину». Из всех углов этого документа торчат «уши и хвост» советских спецслужб. Впоследствии сотрудник отдела Ближнего Востока НКВД СССР И. Цацулин перевел меморандум на русский язык и послал в НКВД Армянской ССР⁹⁹. Остается загадкой, зачем понадобилось посылать в Армению русский вариант армяноязычного документа?

Кроме Армянского национального совета был организован Армянский национальный комитет, который в апреле 1945 г. от имени дашнаков также распространил на конференции в Сан-Франциско меморандум под названием «Меморандум по армянско-

му вопросу». В отличие от первого документа, меморандум дашнаков предъявил территориальные требования не только к Турции, но и к Азербайджану. Здесь история «армянского вопроса» начиналась с XIX в. События на ближневосточном фронте Первой мировой войны целиком связывались с доблестью армян. Например, утверждалось, будто «крушение турецкого фронта в Палестине произошло благодаря тому, что турки послали все свои лучшие силы на Кавказский и Азербайджанский фронты, где они сражались с армянами... Русские армяне защищали Баку от турок». В документе подчеркивалась роль армян как «маленького союзника» великих держав. В ряду великих имен, посвятивших себя служению армянскому делу, названы Ллойд-Джордж, Жорж Клемансо, Вудро Вильсон. «Ленин и Сталин, – говорилось далее, – тоже признали безоговорочно право Армении на самоуправление и независимость. Это право было в дальнейшем подтверждено официальным декретом русского правительства от 30 декабря 1918 года и позже было признано первой конституцией Советской России». В завершение авторы меморандума возлагали большие надежды на то, что ООН обратит внимание на проблему армян и даст им возможность вернуться на родину. Этот документ также перевели на русский язык и переслали в Ереван¹⁰⁰. В справке, подготовленной в НКВД Армянской ССР, указывается, что до начала Второй мировой войны реакционные партии дашнаков, правые рамкаровцы и гнчакисты, борясь с советским строем, требовали отделения Советской Армении от СССР, но в годы войны часть организаций изменила свою пропаганду, покончила с открытым антисоветизмом, заняла лояльную позицию по отношению к Советскому Союзу и Советской Армении. В справке отмечено, что по вопросу армянских территорий эти партии также примкнули к требованию отнять земли у Турции и присоединить их к землям Советской Армении¹⁰¹. Но там не говорится, что в меморандуме Армянского национального комитета есть претензии не только на турецкие территории, но и на Нахичевань и Нагорный Карабах. Зато меморандум сильно заинтересовал НКВД и НКГБ Азербайджанской ССР, так как в нем затрагивались интересы советских республик Южного Кавказа. Следует отметить, что деятельность республиканских органов в этом направлении находилась в русле интересов соответствующих наркоматов СССР.

Сотрудник НКГБ Азербайджанской ССР, секретарь генконсульства в Тебризе К. Б. Арушанов в своей справке по линии Наркоминдела сообщал 9 апреля 1945 г., что в Иранском Азербайджане проживают 17 тыс. армян, из них 12 тыс. в Тебризском консульском округе. В справке говорилось, что большая часть армянского населения

благосклонно относится к СССР и Советской Армении и очень интересуется жизнью Советов. Каждый год отмечают установление советской власти в Армении и другие праздничные даты. Вместе с тем Арушанов обращал внимание и на антисоветскую пропаганду дашнаков, а по поводу предстоящих выборов католикоса всех армян писал, что дашнаки распускают слухи, будто советское правительство выберет католикосом своего человека, а иностранные представители приглашены для вида и в СССР ничего не смогут сделать¹⁰².

Вслед за меморандумами в адрес Сан-Францисской конференции в июне 1945 г. на выборы армянского католикоса прибыл и даже был принят Сталиным на правах старого друга настоятель Кентерберийского собора доктор Хьюлет Джонсон. Затем он посетил Советскую Армению и участвовал в выборах армянского католикоса. На этом церковном соборе поднимался и вопрос «возвращения армянских территорий». На организованной 24 июня пресс-конференции Джонсон заявил в Ереване следующее: «Я полностью и от всего сердца согласен с тем, что области, отторгнутые Турцией, должны быть как можно скорей возвращены Армении. Турция намеренно задерживала нормальное экономическое развитие отторгнутых областей, население которых до сих пор непропорционально мало, в то время как их законные обитатели рассеяны по всему свету»¹⁰³. Джонсон также охарактеризовал требования американских армян к конференции в Сан-Франциско как своевременные. Советское руководство с удовольствием воспользовалось выступлением Джонсона в поддержку «законности» своих требований. За это в Англии Джонсона прозвали «красным настоятелем».

В обоих документах, представленных на конференции в Сан-Франциско, речь шла о присоединении восточных вилайетов Турции к Армянской ССР и о «репатриации зарубежных армян на родину». Информация советского ТАСС, публикация статьи Д. Дамирчяна в газете «Советская Армения», где перечислялись территориальные претензии к Турции, и прочее существенно активизировали зарубежных армян. Органы государственной безопасности Азербайджана сообщали из Тебриза, что этот номер газеты «Советская Армения» тебризские армяне передают из рук в руки. Учитывая большой интерес к статье Дамирчяна, местная газета «Антифашист» перепечатала статью из «Советской Армении». Кроме того, в считанные часы разошлась статья, напечатанная в виде прокламации. Всю неделю местная армянская община обсуждала меморандумы, предъявленные в Сан-Франциско. По мнению тебризских армян, только официальное вмешательство Советского Союза могло решить армянский вопрос. Глава армянской церкви в Тебризе архиепископ Мелик-Тангян ска-

зал пастве: «Только благодаря Москве мы становимся свидетелями расширения наших границ и возвращения армян в Армению. Сейчас самое время. Через несколько десятков лет появится новое поколение армян, привыкшее к жизни за рубежом, и наше дело погибнет. Очень умная мысль – послать Сталину телеграмму. Он один старается для нас». Лидер тебризских дашнаков Г. Аджамян считал, что и документы в Сан-Франциско, и телеграмма Сталину от Эчмиадзинского собора согласованы с советским правительством. Аджамян также полагал, что все, связанное с армянским вопросом, есть результат советской политики¹⁰⁴. Армяне – члены партии Туде в Иране всем сердцем поддерживали эту идею. Член Народной партии Г. Ованесян объединял «армянский вопрос» с безопасностью бакинских нефтяных промыслов. Он говорил: «Безопасность бакинской нефтяной промышленности требует, чтобы границы отступили от Ленинакана. Возрождение сейчас “армянского вопроса” связано с этой необходимостью. Советское правительство сверх всякой меры заинтересовано в безопасности Баку»¹⁰⁵. Другой член Народной партии Л. Чухасизян (бывший член партии «Гнчак») утверждал, что меморандумы в Сан-Франциско, обращение Эчмиадзина в Москву, статьи Дамирчяна, Медхасяна в ереванских газетах, выступление английского священника в Армении – звенья одной цепи: нынешнее время очень выгодно для Москвы, чтобы решить все накопившиеся вопросы, в том числе и пограничные. Вскоре, говорил он, мы увидим, что нота Молотова о денонсации договора о дружбе с Турцией не случайна. По мнению тебризских армян, «если бы Москва была не согласна, заявление американских армян не увидело бы свет»¹⁰⁶.

Азербайджанские службы сообщали, что с весны 1945 г. иранские армяне планировали строительство «Великой Армении». С середины 1945 г. началось переселение армян в район озера Урмия. После присоединения восточных областей Турции к Армении в качестве первого шага армяне собирались потребовать автономию внутри Ирана. В июле 1945 г. стало известно, что для создания «Великой Армении» и «маленькой автономии» в подвалах армянской школы и армянской церкви Тебриза спрятаны оружие и боеприпасы. Самое интересное заключалось в том, что члены Народной партии, дашнаки и гнчакисты одинаково рассчитывали на это оружие. Активист Народной партии Давид Геворкян на следствии заявил, что еще в 1944 г. знал о существовании оружейного склада в подвале школы. Он скрыл этот факт, чтобы в нужный момент вооружить свою партию.

В справке, подготовленной Наркоматом государственной безопасности Азербайджанской ССР, указано, что склад оружия принадлежал дашнакам и они были готовы воспользоваться им в любое вре-

мя и в любом месте¹⁰⁷. Во время следствия глава армянской церкви в Тебризе Мелик-Тангян лично заявил советским органам безопасности, что всегда покровительствовал дашнакам и оружие в подвале церкви спрятал он сам. Органы безопасности Азербайджана уже знали о связях епископа Нерсеса Мелик-Тангяна еще в 1929 г.¹⁰⁸ Как видно, попытки создания «Великой Армении» за счет соседних советских республик, Турции и частично за счет Южного Азербайджана говорили о том, что отношения Советского Союза с Ираном и Турцией вступили в стадию обострения.

7 июня 1945 г. во время встречи в Москве с турецким послом Селимом Сарпером Молотов официально объявил о советских претензиях к Турции. Он сказал, что Турция в 1921 г. путем заключения Московского и Карсского договоров «прибрала к рукам» восточные вилайеты и теперь обязана их вернуть. Также Турция должна согласиться с советскими предложениями о совместном контроле над проливами Босфор и Дарданеллы и выделить Советскому Союзу территорию в районе проливов для строительства военно-морской базы¹⁰⁹. Посол Великобритании в Анкаре Морис Питерсон сообщил о ходе переговоров в Лондон и при этом отметил, что требование Молотова пересмотреть восточные границы Турции вступают в противоречие с созданием новой системы безопасности¹¹⁰. Примерно 10 дней спустя, 18 июня, между советским наркомом иностранных дел и турецким послом состоялась вторая встреча, и Молотов повторно настаивал на своих требованиях¹¹¹. По оценке британского МИД, заявления Молотова на двух встречах с турецким послом имели целью выведать образ мыслей противной стороны¹¹². В обоих случаях Молотов пытался связать советские территориальные требования к Турции с территориальными претензиями Армянской и Грузинской ССР. И по мере того, как требования Советского Союза наталкивались на сопротивление западных союзников, Москва все чаще выдавала свои действия за желания Еревана и Тбилиси. В середине августа 1945 г. НКВД СССР подготовил справку, из которой видно, что у Турции собирались отнять 26 тыс. кв. км территории, из которых 20,5 тыс. кв. км должно было отойти к Армении, а 5,5 тыс. кв. км – к Грузии. Таким образом, после завершения этой акции территория Советской Армении увеличилась бы на 80 %, а территория Советской Грузии на 8 %¹¹³.

Спустя несколько дней после переговоров с турецким послом, 22 июня, Политбюро ЦК ВКП(б) приняло секретное решение в поддержку движения сепаратистов в Восточном Туркестане (китайская провинция Синьцзян), где проживали в основном уйгуры. В соответствии с этим решением 2 500 офицеров, сержантов и солдат со-

ветской армии – уроженцев Центральной Азии – подлежали демобилизации. Под видом уйгуров им надлежало поселиться в Восточном Туркестане¹¹⁴.

Принимая подобные решения в июне–июле 1945 г., Москва определилась с политикой расширения вдоль границ Ближнего и Среднего Востока, а НКВД Азербайджанской ССР и в целом руководство республики стали играть активную роль в политике СССР в отношении Ирана и Турции, особенно в событиях в Южном Азербайджане. После победы над фашистской Германией политика закрепления Советов в Южном Азербайджане в стратегическом плане была призвана помочь в реализации советских претензий к Турции.

Глава VI

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

§ 1. Попытки третьего рейха организовать кавказских эмигрантов

С первых дней Второй мировой войны Кавказ занимал особое место в военно-политических и стратегических планах фашистской Германии. С началом советско-германского противостояния этот план для Берлина стал принимать реальные очертания. 18 декабря 1940 г. был утвержден план «Барбаросса», предусматривавший проведение молниеносной войны против Советского Союза, после капитуляции которого следовало перейти к управлению оккупированными территориями. 16 июля 1941 г. Гитлер провел совещание, где поставил задачи: завершить оккупацию советских территорий, организовать управление этими территориями, а также приступить к эксплуатации новоприобретенных районов. По плану «Ост» («Восток»), разработанному непосредственно Гитлером, территория Советского Азербайджана входила в Кавказский рейхскомисариат со столицей в Тифлисе, а город Баку определялся как часть «Германской империи». Американский историк Александр Даллин позднее на основании захваченных после войны архивных документов составил административную карту оккупированных советских земель. На этой карте территория Советского Азербайджана подверглась коррекции, например, Нахичеванская АССР включалась в состав Армении¹. Еще за два месяца до нападения Германии на Советский Союз Ольденбургский экономический штаб приступил к подготовке различных планов захвата и эксплуатации полезных ископаемых Азербайджана, и в первую очередь бакинской нефти. Фашистские лидеры провозгласили: «Мы свои планы реализуем за счет украинского сала и бакинской нефти»². В меморандуме, составленном 4 мая 1941 г. оперативным штабом вермахта, обосновывалась необходимость захвата бакинского нефтяного района. С этой целью

весной 1941 года при Ольденбургском штабе создали специальное управление «Вестфален». 27 марта 1941 г. было подписано специальное распоряжение, поручавшее добычу и перевозку бакинской нефти компаниям «Ост-оль» и «Континентале оль». По плану «Эдельвейс», утвержденному в июле 1942 г., завершение оккупации Баку намечалось 25 сентября 1942 г. План военных операций Германии предусматривал внезапный десант на Баку с северо-восточного направления, чтобы советские органы не успели уничтожить нефтяные скважины³. В соответствии с директивой № 32 германского генштаба от 11 июня 1941 г. немецким войскам предстояло двигаться на Ближний Восток через Кавказ⁴. Поэтому военные, политические, дипломатические и разведывательные органы Германии придавали большое значение захвату Кавказа и с этой целью намеревались использовать эмигрантов оттуда. Осенью 1942 г. стали поступать тревожные сведения о грозящей оккупации Баку, и ЦК ВКП(б) взял под контроль разборку нефтепровода Баку–Батум. Секретарь ЦК А. А. Андреев 15 сентября телеграфировал руководству Азербайджана и Грузии, чтобы каждые пять дней докладывали ему о ходе демонтажа нефтепровода⁵.

На первых порах фашистская Германия в своей разведдеятельности против СССР отдавала предпочтение армянским и грузинским эмигрантам. Особенно активно использовались члены армянских националистических партий для привлечения к разведработе проживающих в Германии и Австрии армян. Например, проживающего в Турции армянина Альфреда Мурадяна привлекли к разведработе в качестве секретного сотрудника 6-го Главного управления имперской безопасности (СД). Ему поручили вести работу среди жителей армянских колоний в Европе, а также устанавливать связи между дашнаками и официальными кругами Германии. К концу 1941 г. Мурадян уже тесно сотрудничал с Дро и дашнаками, налаживал отношения между ними и гестапо⁶. Выходец из Турции доктор Фрунджян работал в 4-м управлении гестапо, армянин из России Багдасарян – в армянском секторе Восточного министерства, Гранта Задаяна в качестве агента 6-го управления СД в Вене засылали со спецзаданиями в Болгарию и Иран. Армянин из Египта Эдвард Папазян также являлся сотрудником 6-го управления СД в Вене и вел работу среди армянских колонистов. Мадам Диярбекирян была агентом абвера (германская военная разведка и контрразведка) в Румынии и держала связь с дашнаками, особенно между Дро и СД. Грузинский эмигрант Дата Вачнадзе служил агентом германского Министерства иностранных дел. Вместе с дашнаком Аршаком Джамаляном они создали «Армяно-грузинский союз» для борьбы с Советским Союзом. Грузинские эмигранты Теймураз Багратион, Садатарашвили, князь Маглакелидзе

сотрудничали непосредственно с абвером, а профессор Ахметели – с 6-м управлением СД⁷. В показаниях Петера Камсаракана есть отдельный раздел о группе Нжде «Раса». Нжде, писал он, «отвергал и возможность урегулирования мирным путем армянского вопроса с Турцией. С другой стороны, он высказал мне свое большое восхищение действиями Гитлера, очень уважал и почитал Германию, прошлую и настоящую, ожидал от Германии нового передела мира и разрешения армянского вопроса. Он надеялся, что при помощи нацистской Германии удастся создать Армению, тесно связанную с ней»⁸. Камсаракан приступил к подобным беседам еще в 1940 г., когда его привлекли к работе в разведке. В апреле того года в Бухаресте он участвовал в обсуждениях вместе с лидерами дашнаков Саркисом Араратяном и Дро Канаяном. Дашнакские лидеры с большим интересом выразили согласие сотрудничать с германской разведкой и собирать информацию через свои комитеты в СССР, Центральной Америке и Англии. Араратян обещал при необходимости работать в прямом контакте с германскими представителями, действующими в этих странах. При этом в случае войны Германии с СССР нацисты должны были способствовать образованию независимой Армении, управляемой дашнаками. Пожелания дашнаков излагались в краткой записке, которая находилась у Араратяна. В ней говорилось также, что на востоке территория Армении должна быть расширена за счет Азербайджана, восточнее границ Нагорного Карабаха, а на севере за счет Грузии, путем присоединения Борчалинского уезда⁹. По информации Камсаракана, «после нападения Германии на Советский Союз, в августе 1941 года дашнакские лидеры Саркис Араратян, Дро Канаян и Ваган Папазян в Берлине, при участии представителя СД, официально оформили свое сотрудничество с абвером»¹⁰. Дашнакские лидеры считали, что Германия начала войну за справедливый передел мира и будет очень хорошо, если армяне через немцев добьются своего, т. е. при посредничестве Берлина решатся споры с турками¹¹. Начиная с середины 1941 г., после нападения гитлеровской Германии на СССР, Дро поступил на службу в немецко-фашистскую армию, был назначен руководителем немецкого разведывательного штаба «Дромедар» при «Абвергруппе 101». Немцы присвоили ему звание генерала. В 1942 г., в период оккупации немцами Северного Кавказа, Дро со своим штабом приезжал на Кубань и обосновался в Армавире, где занимался созданием дашнакских организаций, шпионских резидентур германской разведки из армянских антисоветских элементов, вербовкой добровольцев из армян в «национальный легион», заброской в советский тыл диверсионных и шпионских групп и т. д. Дро входил в состав созданного немцами «Армянского комитета» в

Берлине¹². «Дашнаки, – писал немецкий дипломат, – безоговорочно предоставляли себя в распоряжение немецкого правительства, и в первую очередь в распоряжение военных учреждений. Последние направили на Восток для контрразведывательной работы военного специалиста руководящего комитета генерала Дро. Насколько я могу оценить дело и как я слышал от пославшего его лица, лично генерал Дро, а также его организация оказались чрезвычайно полезными за линией русского фронта. Последние сообщения о том, что происходит в русском тылу, исходят в значительной части от него. Он и другой член комитета – Папазян – во время сегодняшнего посещения поставили передо мною волнующий их вопрос о том, что случится, если Турция будет втянута в войну. Они прежде всего боятся, что если Турция сразу же вступит в войну, то ее попытаются привлечь обещанием армянских областей в качестве компенсации. С точки зрения нашей военной политики я считаю неправильной отдачу армянских областей. Как нам, так и Турции следует приложить все силы к тому, чтобы создать буфер между собой и Россией, который будет действительным только в случае создания объединенных кавказских государств. Армения, в силу количества населения, интеллигенции, а также сношений, поддерживаемых ею со всеми странами мира, не может быть исключена из него. Заповедью для практической политики является умиротворение армян, которое немедленно увело бы их из-под советско-русского влияния. Армян следует опасаться столько же, насколько они могут быть ценными в качестве союзников»¹³.

Камсаракан отметил, что после поражения немцев под Сталинградом вновь был поднят вопрос об использовании армян в целях германской разведки¹⁴. В окружении Нжде находились сотрудничавшие с абвером и военной разведкой бакинский армянин Саркис Афанасьян, Шант, сын известного армянского писателя Левона Шанта, иракский армянин Бадал, армянин из России Хайк Ягдашьян, турецкий армянин Болоян и др. Осенью 1943 г. Нжде привел в Крым группу, подготовленную германской разведкой для засылки в Советскую Армению, но в связи с изменившейся обстановкой на советско-германском фронте этих армян вернули в Берлин¹⁵.

Осенью 1941 г. азербайджанские эмигранты, проживавшие в Турции, активизировались под влиянием начавшейся германо-советской войны и первых военных успехов Германии. В сентябре они обратились к правительству Турции за советом, как им действовать, на что Анкара ответила, что следует ожидать дальнейших событий¹⁶. В начале германо-советской войны, 5 августа 1941 г., посол Германии Франц фон Папен, ссылаясь на проверенные источники, составил для имперского МИД доклад, озаглавленный «Пантюркистское дви-

жение». В центре внимания автора доклада находился азербайджанский вопрос. «В связи с германскими успехами в России, – указывал фон Папен, – турецкие правительственные круги начинают все более интересоваться судьбой своих соотечественников, проживающих по ту сторону турецко-русской границы, особенно азербайджанских тюрок. В этих кругах наблюдается стремление вернуться к положению 1918 года и присоединить к себе эту область, особенно имеющие большое значение бакинские месторождения нефти»¹⁷.

Фон Папен сообщал, что для придания действенного характера этому процессу идет сбор информации от азербайджанских эмигрантов в Турции, а также привлекаются к сотрудничеству, в первую очередь, люди, проживающие от восточных границ Турции до Каспийского моря на территории Иранского Азербайджана. Посол перечислил членов одной из подобных групп: депутат от Стамбула Шюкря Йенибахча, по происхождению из татар, – глава группы, затем Нури-паша, командовавший в 1918 г. бакинским походом Исламской армии, профессор Стамбульского университета Заки Велиди Тоган, Джафар Сеидахмед Крымер, Ахмед Джафароглу, бывший дипломатический представитель кемалистской Турции в Азербайджане, затем посол в Кабуле Мемдух Шевкет Эсендал, Хусейн Хюсю Эмир Эркилет и др. По мнению фон Папена, в планы турецких правительственных кругов в отношении тюрок Поволжья, татар, туркмен и прочих, за исключением Азербайджана, входило играть роль «советчиков» для внешне независимых народов, объединенных в «восточно-тюркскую империю». В своем анализе фон Папен неоднократно упоминает, что тебризские и балканские тюрки единокровны, а возглавляет их движение лидер партии «Мусават» Мамед Эмин Расулзаде¹⁸. Фон Папен писал, что среди тюрок, проживающих в Советском Союзе, только азербайджанцы способны создать независимое государство, и добавлял: «Германия должна обратить особое внимание на образование по возможности сильного государства на юго-востоке, чтобы быть в любое время в состоянии этим окольным путем препятствовать намерениям русских. Украина в этом отношении менее пригодна. Украинцы являются славянами и в любое время, так же как Болгария и Сербия, могут вспомнить о своем общем прошлом с Россией. В отношении тюрок это исключено! На мое замечание, что иранское правительство также чрезвычайно заинтересовано азербайджанскими тюрками, мой источник заявил, что это является вполне понятным. В сегодняшнем Иране проживает одинаковое количество тюрок и персов. Сам шах происходит из тюркской семьи. Поэтому он очень легко мог бы одним росчерком пера сделать из своего ирано-арабского государства – государство со смешанным населением – если бы ему доказали

преимущество такого преобразования и если бы он видел, что сможет сохранить таким путем свою политическую независимость. Этим же объясняется роль, которую играет генерал-губернатор Тавриза в движении демократов»¹⁹.

Спустя примерно пять месяцев фон Папен отправил в имперский МИД другой документ под названием «К вопросу о Туране», содержащий его выкладки по поводу государственной структуры освобожденных от владычества Советской России тюркских народов. Касаясь дискуссий относительно Турции, он писал, что вокруг Заки Велиди Тогана собралась группа пантюркистов, отдающих приоритет федеративным принципам: «Они придерживаются федеративного принципа “автономный Азербайджан, автономный Туркестан, включая, возможно, Восточный Туркестан, федеративно связанные с Турцией”. Генералу Эркилету, напротив, представляется крупный союз тюркских народов со столицей в Баку. Особую роль играет еще Азербайджан, который пантюркисты считают собственно турецкой областью. Характерно, что еще при жизни Ататюрка в Турции много лет издавался журнал “Страна огней”, выражавший в Турции идею азербайджанской автономии»²⁰. Вместе с генералом Эркилетом интересные мысли о российских тюрках выдвигал и начальник военной школы Турции, генерал Али Фуат Эрден. Еще 14 июля 1941 г. посол фон Папен доносил в Берлин его идеи о создании независимого тюркского государства на территории Кавказа в местах обитания тюркских народов²¹.

В мае 1942 г., в связи с азербайджанской политикой Турции, фон Папен встретился с Мюрселом Баку-пашой, который в 1918 г. руководил операцией по освобождению Баку. Мюрсел-паша сказал, что в турецкой армии служат офицеры – выходцы с Кавказа, особенно из Азербайджана, знаниями которых можно воспользоваться в будущем. Затем Мюрсел-паша представил фон Папену меморандум, автором которого был заместитель М. Э. Расулзаде, один из руководителей азербайджанского национального движения в Турции Керим Одар²². Меморандум посвящался главным образом истории борьбы народов Кавказа против России. Там шла речь о событиях с XI в., под девизом «мой дом – моя родина, мой бог – свобода». В меморандуме перечислялись основные моменты борьбы за независимость Кавказа, описывались русские завоевания, а также положение кавказцев²³.

В отличие от России и Украины, на оккупированных территориях Кавказа и Средней Азии Германия планировала использовать местных влиятельных людей. Поэтому в германском плане «Новая Европа» Турции придавалось большое значение и считалось важным активизировать эмигрантские группы из Средней Азии и с

Кавказа. По мнению ряда лиц, ответственных за восточную политику Германии, чтобы обеспечить будущее тюрко-мусульманских народов, после их освобождения от России их молодежи следовало пройти обучение в университетах Германии и Турции. Официальные лица Германии полагали возможным после оккупации Кавказа Германией создание здесь правительства из местных кадров. На самом деле управлять этой территорией должны были немецкие советники. Именно с такой целью профессор Герхард фон Менде, представитель Министерства оккупированных восточных территорий, бригаденфюрер СС Циммерман и другие налаживали связи с эмигрантами. Ряд эмигрантов уверились, что Советы не намерены давать независимость тюркским народам. Их печальное возвращение из Берлина обеспокоило некоторые круги третьего рейха. Они уверяли: «Если русские в скором времени будут полностью разбиты, мы узнаем, что эти государства с их нерусским меньшинством ожидают от нас свободы и воссоздания. Мы не должны разочаровать их в этой надежде. Меньшинства нас также не разочаруют»²⁴. В Министерстве иностранных дел Германии главным экспертом по восточным и кавказским вопросам являлся бывший посол в СССР Фридрих Вернер фон дер Шуленбург. До Первой мировой войны он работал германским вице-консулом в Тифлисе, а в период образования национальных республик в 1918 г. возглавлял германскую дипломатическую миссию в Грузии. После начала советско-германской войны граф Шуленбург играл главную роль при выработке кавказской политики Германии. Шуленбург считал, что концептуальными вопросами освобожденных территорий, в том числе и кавказскими вопросами, должен заниматься МИД, а не Восточное министерство. Естественно, в этом его поддерживал министр иностранных дел Риббентроп. Принципиальное различие между МИД и Восточным министерством заключалось в подходах к вопросу управления Россией и ее административного деления. Розенберг настаивал на необходимости защищать независимость нерусских народов, а Риббентроп и Шуленбург не отрицали возможности вхождения национальных меньшинств в российское союзное государство. По мнению спецсоветника по туранизму в МИД Германии Хентига, предоставление освобожденному от Советов Крыму права на автономное управление облегчило бы Германии проведение ее политики в отношении других тюркских государств. Однако Восточное министерство Альфреда Розенберга не хотело ничего слышать ни о независимости Крыма, ни о праве кавказских республик на автономное управление²⁵. В другом документе, подготовленном МИД Германии, указывалось: Турция предполагает, что Кавказ, населенный в большинстве своем мусульманами и частично

тюрками, будет захвачен Германией и судьба народов Кавказа будет решаться в Берлине. Это не может не повлиять на судьбу тюрков к востоку от Каспия, в коих заинтересована Турция. Пока она не демонстрирует интереса к захвату территорий. Но ее нужно в этом заинтересовать. Можно, например, усилить роль Турции в революционном движении азербайджанцев на севере Ирана. В общем, речь должна идти о поисках сторонников идеи независимости Крыма, Кавказа, Русского Азербайджана и аналогично о создании хотя бы внешне независимых тюркских государств к востоку от Каспийского моря²⁶.

Официальные круги Турции относились к германскому плану туранизма очень осторожно. Осмотрительности требовали от Анкары и обязательства перед союзниками. Во время беседы с турецким послом в Берлине Хосровом Гереде Адольф Гитлер привлек его внимание к мусульманским землям России и тюркским народам. Но посол ответил, что Турция целиком занята развитием своих земель, а потому не намерена ни на шаг расширять территорию²⁷. Посол Германии в Анкаре фон Папен в апреле 1942 г. услышал от премьер-министра Сараджоглу, что в вопросе туранизма Турция не сможет официально поддержать Германию, однако отдельные лица, не занимающие официальных постов, могут строить отношения с германским правительством. Как результат этого неофициального разрешения можно расценить связи известного тураниста, генерала в отставке Эркилета и генерала Али Фуата Эрдена с советником МИД Германии Хентигом. Турецкий консул в Дамаске в августе 1942 г. сделал неосторожное заявление о том, что взгляды Турции прикованы к востоку и северо-востоку, к Азербайджану и тюркам Кавказа²⁸.

Однако Берлин прохладно встретил переговоры фон Папена с официальными лицами Анкары и эмигрантами о роли тюрко-мусульманских национальных меньшинств России. В сентябре 1942 г. из Берлина пришла инструкция послу проявлять сдержанность в этом вопросе. В Берлине считали, что переговоры посла Папена вкупе с военными операциями на Кавказе могут быть расценены как желание строить тесные отношения с Турцией и отрицательно сказаться на кавказских операциях вермахта и в целом на судьбе всего региона²⁹. В подготовленном для фон Папена, подписанном Риббентропом и представленном на утверждение Гитлера документе, озаглавленном «Лично послу», указано: «Как явствует из Ваших телеграмм от 26 и 28 августа, а также из Вашей докладной записки от 27 августа, в Ваших последних разговорах с турецкими государственными деятелями неоднократно затрагивалась тема турецкой заинтересованности в тюркских народах Кавказа, а также других советско-русских областей, и при этом обсуждалось также, каким образом Турция мог-

ла бы содействовать разрешению связанных с этим вопросов. Как г-н Нуман, так и г-н Сараджоглу использовали этот случай для того, чтобы подчеркнуть турецкую заинтересованность в этих вещах, и изъявили желание помочь нам в этих вопросах советами, доверительно или через какое-либо третье лицо, не дав каких-либо конкретных обещаний. А они выказывают готовность заявить турецкие желания и требования, одновременно снова настойчиво подчеркивая известный турецкий нейтралитет. Мы не заинтересованы вступать в настоящее время каким-либо образом в обсуждения этих вопросов с турецким правительством и тем самым заранее предопределять развитие этих вопросов. Мы не имеем также причин давать туркам какие-либо заверения или давать им также возможность заявлять нам свои желания и требования, которые имеют отношение к этим вопросам, т. к., очевидно, турецкие интересы в этих вещах не идут все же так далеко, чтобы Турция изменила свою общеполитическую позицию в нашем смысле в отношении воюющих государств»³⁰. Риббентроп инструктировал посла быть осторожным в вопросах туранизма, поскольку Германия не готова выполнять пожелания Турции до тех пор, пока турецкое правительство не изменит свое отношение к Германии³¹. Поэтому Риббентроп рекомендовал свернуть все разговоры на данную тему, а если турецкая сторона вновь вернется к вопросу о тюркских народах Советского Союза, демонстрировать чрезвычайную сдержанность. Риббентроп справедливо считал невысоким уровень интереса Турции к туранизму. Это подтверждает и рапорт британского посольства в Анкаре, подготовленный в июне 1942 г. для восточного департамента Форин-Офис. В нем указывалось, что туранизм распространен в Турции и его поборники желают того же в Иране и Советском Союзе, но действуют тайно, без помощи от правительства, однако при этом и правительство не использует в полной мере своих возможностей ликвидировать это движение³². Официально правительство, с одной стороны, демонстрирует приверженность нейтралитету, а с другой стороны, очень осторожно обращается с Советским Союзом, где живут тюркские народы. Даже считающийся умелым дипломатом посол в Берлине Хосров Герече 23 апреля 1942 г. на собрании в Турецком клубе заявил, имея в виду Советский Союз, что в ближайшее время будет повержен исторический враг Турции, за что и был отозван домой. Его место занял Сафвет Арикан³³.

В августе 1942 г. состоялась Московская конференция с участием Сталина, Черчилля и посла США Аверелла Гарримана. Стало известно предложение союзников об открытии второго фронта на Кавказе. Эта новость сразу усилила интерес к кавказской эмиграции, но и обеспокоила Турцию. Новый министр иностранных дел Турции

Нуман Менеменджиоглу в августе 1942 г. выразил эту обеспокоенность послу фон Папену. Министр справедливо полагал, что предложение союзников уже звучало неоднократно, но русские не допускают использование иностранных войск на своей территории. Поэтому Менеменджиоглу считал, что и на этот раз предложение союзников будет отклонено³⁴. Германия еще в августе 1941 г. предполагала, что Британия под прикрытием идеи второго фронта захочет проникнуть на Кавказ. Чтобы предотвратить это, Гитлер 22 августа обратился к шаху Ирана. Фюрер надеялся, что шах выступит против превращения своей территории в поле боя и не пропустит английские войска на Кавказ. Риббентроп поручил послу Эттелю довести эту мысль Гитлера до шаха³⁵.

Спецслужбы Советского Союза внимательно следили за пантюркистской деятельностью высокопоставленных офицеров турецкой армии, которые еще в 1918 г. участвовали в освобождении города Баку. Среди конфискованных в 1945 г. в Берлине документов МИД Германии нашлись материалы переговоров Нури-паши с сотрудниками МИД Германии от 14 сентября 1943 г.³⁶ По данным советских спецслужб, именно благодаря связям с Германией Нури-паше удалось наладить выпуск журналов «Чинаралты» и «Акбаба», ставших органами антисоветской пропаганды. Советские разведчики сообщали, что издание журнала «Чинаралты» предполагает сбор всех тюркских народов России под одним деревом³⁷. В этом журнале велась пропаганда от имени тюрков, проживающих на юге СССР, в первую очередь азербайджанских тюрков. В тот период пантюркизм казался очень привлекательным для борьбы с СССР, и центральной фигурой этого движения представлялся Нури-паша, который в 1918 г. вместе с фон Крессенштейном участвовал в походе на Баку. В августе 1941 г. Нури-паша отправился на ярмарку в Лейпциг, где с ним связался заместитель министра иностранных дел Германии Эрнст фон Вайцзеккер. Обсуждалась возможность восстания тюрков против СССР³⁸. Во время беседы с секретарем министерства Эрнстом Вёрманом Нури-паша заявил, что не знает положения на Кавказе, а потому может гарантировать выступление примерно ста тысяч восставших и готов помогать властям Германии лишь советом. Нури-паша считал важным образование независимого государства Туран, близкого по политической структуре к Турции и охватывающего территории Иранского и Советского Азербайджана, Дагестан, Крым, Татарстан, Поволжье и Урал. Когда Вёрман напомнил, что некогда представления Мустафы Кемаля Ататюрка о национальном государстве противоречили идее туранизма, Нури-паша сказал, что Ататюрк был против туранизма, боясь СССР, а после победы Германии над

Россией эта боязнь исчезнет. На вопрос Вёрмана, как относятся к этому турецкий народ и правительство, Нури-паша ответил, что в определенное время в Турции будет создано туранистское правительство. Он предложил на захваченных Германией тюркских землях обеспечить местное тюркское управление, из военнопленных тюрков создать легионы, которые после войны с СССР будут воевать за идеи туранизма. Нури-паша высказал также мысль о создании в Берлине пропагандистского центра, которым будут управлять он и его друзья³⁹. Несмотря на антирусскую ориентацию предполагаемой туранской империи, Вёрман опасался ее возникновения, он не считал возможным, чтобы бакинскими нефтяными промыслами и батумскими терминалами управляла Турция. Из всех предложений Нури-паши только идея создания легионов из тюркских военнопленных показалась ему соответствующей восточной и исламской политике Германии⁴⁰.

Процесс формирования национальных легионов начался с момента появления первых военнопленных на советско-германском фронте. Четыре дня спустя после нападения Германии на Советский Союз бывший представитель Бухарской Народной Республики в Берлине, а позже референт политуправления имперского МИД Алимджан Идрис составил обширную справку, озаглавленную «Российские тюрко-татары». В ней указывалось, что в России проживают 27–30 млн представителей тюркского народа, а также рекомендовалось использовать пленных тюрков в борьбе против большевизма⁴¹. Дополнительно к этой справке Алимджан Идрис приложил список сепаратистски настроенных тюрков, проживающих в Берлине, Париже, Бухаресте, Стамбуле и Анкаре. К ним он в первую очередь относил эмигрантов, объединенных в организацию «Прометей» и на деньги польских и французских евреев издававших журналы в Берлине, Стамбуле и Румынии. В этот круг избранных Алимджан Идрис включил «сторонника идеи независимости Азербайджана М. Э. Расулзаде», который вместе с Халилом Мюнши издавал журнал «Куртулуш», сторонника независимости Туркестана Мустафу Чокаева, сторонников идеи независимой Волжско-Уральской республики Аяза Исхаки и Рашида Рахмети, сторонника независимости Башкирии Заки Велиди Тогана и сторонника Крымской независимой республики Джафара Сеидахмеда⁴². По информации советских спецслужб, Заки Велиди в 1932–1939 гг. жил в Германии и вел научные изыскания в области восточных языков. В справке Наркомата государственной безопасности СССР указано, что в 1943 г. он совершал вояжи в Германию и Румынию, а также на оккупированные советские земли с целью организации туркестанских эмигрантов⁴³. Подобные

сведения были собраны и о крымско-татарском эмигранте Джафаре Сеидахмеде. Отмечались его возражения против переезда крымских татар из Румынии в Турцию, тесное сотрудничество с Германией, а также поездка в Берлин в 1942 г.⁴⁴ По распоряжению фон Хентига Алимджан Идрис подготовил брошюры «Кавказ» и «Туркестан» для МИД Германии.

§ 2. Создание национальных легионов

17 июля 1941 г. было создано Министерство оккупированных восточных территорий под началом Альфреда Розенберга. Гитлер подписал указ об образовании этого министерства, озаглавленный «О гражданском управлении оккупированных областей»; в состав министерства входили политическое, административное и экономическое управления. Политическое управление возглавил старый знакомый Розенберга Лейббрандт. Подразделялось управление на три сектора. Главным политическим сектором руководил Вильгельм Кинкель, а кавказским сектором – профессор Герхард фон Менде. Все связи с кавказскими и среднеазиатскими эмигрантами проходили именно через фон Менде⁴⁵. Розенбергу принадлежала идея создания национальных комитетов на базе бывших российских эмигрантских правительств в Европе. В день учреждения его министерства, 17 июля, представители эмигрантов, входивших в Совет Кавказской конфедерации: Александр Хатисян от Армении, Адем Алибеков от Азербайджана, Акакий Чхенкели от Грузии, Айтек Намиток от Северного Кавказа – присягнули на верность «великому германскому народу» и германским вооруженным силам в борьбе с Советским Союзом. В подписанном ими документе сказано: «Под давлением московских большевиков наши народы 20 лет назад потеряли свою политическую и национальную независимость. Уже 20 лет они страдают под гнетом этого жестокого режима... За прошедшие 20 лет мы никогда не прерывали материальной и моральной связи со своим народом. На должном уровне мы можем подтвердить, что являемся истинными выразителями чаяний и желаний нашего народа, которому чужд большевистский режим... Мы уверены в том, что наши народы окажут победоносной германской армии такой же горячий прием, какой оказали ей 23 года тому назад, и что они предложат ей свою помощь во всех областях, где они смогут оказаться полезными»⁴⁶. В августе 1941 г. при министерстве Розенберга были организованы комиссии по обследованию лагерей военнопленных, однако ряд высокопоставленных представителей военных кругов оказали серьез-

ное противодействие этой инициативе⁴⁷. Входившие в состав руководства Восточного министерства Отто фон Бройтигам и профессор Герхард фон Менде активно участвовали в деятельности комиссий. Фон Бройтигам хорошо знал Азербайджан и Кавказ. После заключения Рапалльского договора его назначили германским консулом в Баку и Тифлис⁴⁸. Для работы с азербайджанскими пленными привлекли Мамеда Тугая, с армянами – братьев Арутюнян, с грузинами – Тогонидзе, с северокавказцами – Алихана Кантемира. Работу комиссий курировал сотрудник СА Гейбель, и на первых порах эту структуру даже называли «комиссиями Гейбеля»⁴⁹. Первая группа азербайджанских «добровольцев» вступила в германскую армию в августе 1941 г. Служили они главным образом в разведке. Но эта акция не носила массового характера, немцы считали ее «испытательным сроком» и использовали «добровольцев» в качестве дешевой рабочей силы на особо опасных участках фронта. Царивший в лагерях для военнопленных массовый голод вынуждал людей искать спасения в рядах «добровольцев»⁵⁰.

Еще в апреле 1941 г. по инициативе Розенберга была разработана геополитическая концепция Кавказа под протекторатом Германии. В этом документе отмечалось, что Кавказ и его богатые нефтяные залежи особо значимы для Германии. Розенберг предлагал создать Кавказский рейхскомиссариат, состоящий из пяти генеральных комиссариатов и двух главных областей: Грузия, Азербайджан, Северный Кавказ, а также казачьи территории Кубани и Терека будут генеральными комиссариатами, в то время как Армения и Калмыкия получают более низкий статус главных областей. С его подачи Гитлер в 1941 г. назначил Арно Шикеданца рейхскомиссаром Кавказа⁵¹. Но, несмотря на это назначение, Розенберг считал, что сами немцы должны иметь в регионе минимальное количество чиновников, а власть на местах предоставить местному населению. За германской стороной сохранялось право арбитражного разрешения споров в случае возникновения таковых между местными народами⁵². В отношении будущего Кавказа мнения Гитлера и Розенберга совпадали: по военным, политическим и экономическим причинам Кавказ следовало навсегда освободить от власти России. Что касается эмигрантов, то Риббентроп и Розенберг опирались на различные группы и предпочитали сотрудничать с ними⁵³. В этом противоборстве победил Розенберг, и осуществление германской политики в отношении народов СССР поручили Восточному министерству. Имперское министерство иностранных дел в лице Шуленбурга оставило за собой право получать отчеты о проделанной работе.

24 ноября 1941 г. германский посол фон Папен переслал в Берлин обширный доклад руководства азербайджанских эмигрантов об освобождении Кавказа и его будущем политическом развитии. Под документом не стояла подпись его автора, но ясно, что это Хосров-бек Султанов, т. к. в тексте содержался намек на авторство «первого военного министра независимого Азербайджана и генерал-губернатора». В документе отмечалось, что начавшаяся германо-советская война пробудила надежды кавказских народов на освобождение от рабства. «Уже 20 лет, как мы – национальные автономисты Азербайджана, – говорилось там, – ищем пути выхода из этого тяжелого положения, созданного коммунизмом»⁵⁴. В докладе содержались заверения в том, что проживающие в Турции азербайджанские эмигранты готовы сотрудничать с германским командованием, а также выполнять любую работу внутри Турции. Речь в первую очередь шла об активизации азербайджанских сил в Турции. Султанов писал, что отделение Кавказа от России и восстановление его независимости будет лучшей гарантией безопасности Турции от северной угрозы, а такой гарантии турки и ожидают от германской армии: «Таким образом, жизненные интересы Турции диктуют ей сотрудничество с Германией, и это абсолютно соответствует желаниям азербайджанских патриотов-националистов»⁵⁵. В докладе сообщалось, что если в турецкой политике еще наблюдается неуверенность, то это идет от характера президента Турции, соблюдающего осторожность в делах, а с другой стороны, связано с сильнейшим давлением Англии. Но Султанов утверждал, что под влиянием внушительных побед германской армии уже появилась тенденция к сотрудничеству турецкого правительства с Берлином и в данном процессе заметна роль симпатии турецкой общественности к Азербайджану. Он писал: «Эти симпатии Азербайджан заслужил 20 лет назад, когда для спасения существования Турции он согласился потерять свою независимость, а также во время войны 1914–1918 годов бакинские благотворительные общества своей моральной и материальной поддержкой спасли от голода и армянских бандитов десятки тысяч жителей турецких областей, оккупированных Россией»⁵⁶. Далее он описывает, как после большевистской оккупации многие азербайджанцы нашли прибежище в Турции: теперь в долине реки Арпачай в 60 азербайджанских деревнях проживают 5 тыс. чел. азербайджанского населения, в районе Карса дислоцированы 300 партизан, а в турецкой армии служат 60 азербайджанских офицеров. Кроме того, он упомянул многочисленных азербайджанцев, черкесов и абхазцев, из которых можно создать достаточно большое военное формирование; в решающий момент Кавказской операции они сыграли бы важную роль. Султанов выражал уверенность, что

«падение Москвы и выход немцев к границам Кавказа станет решающим фактором в повороте турецкой политики к сотрудничеству с Германией по кавказскому вопросу»: «Признание нашего суверенитета, по нашему мнению, является важным условием сотрудничества с немцами. Независимый Кавказ, естественно, должен быть в зоне влияния Германии, по праву победителя, но Кавказ представлял бы собой в форме немецкой колонии крушение всех национальных надежд кавказских народов. Появился бы только новый господин, т. е. один враг вместо другого, второй несравненно лучше и культурнее, но все же господин. Свободолюбивый кавказский народ в продолжение всей его истории не подходил к роли слуги и всегда боролся за свою свободу... Мы уверены, что Германия признает нашу независимость. Мы же, со своей стороны, готовы немедленно приступить к работе в рамках настоящего доклада»⁵⁷.

Как видим, после капитуляции Франции и нападения Германии на СССР симпатии эмигрантов-азербайджанцев стали склоняться к Германии. Видный представитель эмиграции Исмаил Акбер отмечает, что «с возникновением германо-советской войны положение изменилось»: «Англия, Франция и другие страны автоматически стали союзниками СССР, атакованного Германией, а мы союзниками Германии, атаковавшей Советский Союз»⁵⁸.

Вопрос о создании боеспособных частей легионеров из представителей мусульманских народов Кавказа, Средней Азии и России обсуждался еще до начала войны с СССР. Весной 1938 г. адмирал Вильгельм Канарис поручил специалисту по восточному вопросу Теодору Оберлендеру подвергнуть анализу причины поражения белогвардейцев в России. В подготовленном Оберлендером отчете среди главных причин поражения указано, что белогвардейские правительства уделяли недостаточно внимания национальному вопросу. Тогда же Канарис представил этот аналитический документ руководству Германии, которое уже имело подобный опыт времен Первой мировой войны. Попавшие в плен мусульмане тогда содержались под Берлином в Вюнсдорфе, большом лагере для военнопленных. Как правило, здесь находились выходцы из колониальных владений России, Англии, Франции. Их обучали боевым действиям против своих метрополий. После прихода фашистов к власти эмигрантские организации в Германии постепенно попадали под контроль внешнеполитического отдела Национал-социалистической партии, а с 1 апреля 1939 г. при Верховном командовании Вооруженных сил Германии появилось подразделение «Вермахт-пропаганда». Накануне войны с СССР при Министерстве пропаганды возникла генеральная референтура по восточным территориям во главе с доктором Эберхардом Таубертом. В 1943 г. референтура превратилась

в восточный отдел. С начала войны вермахт, Министерство оккупированных восточных территорий и Главное управление СС были заинтересованы в формировании специальных частей из представителей Средней Азии и Кавказа. По плану, подготовленному ими, после оккупации СССР специальным батальонам из азербайджанцев предстояло служить на территории России, армянским батальонам – в Азербайджане, а калмыцким – в Узбекистане⁵⁹. Для ведения пропаганды в национальных республиках в Дрездене открылся специальный институт, в котором начали готовить кадры пропагандистов для работы в национальных комитетах Туркестана, Северного Кавказа, Крыма, Татарстана, Азербайджана, Грузии и Армении. Эта работа велась под руководством доктора медицины Райнера Ольцши. Не забыли также учредить при институте духовную школу для тюрков и мусульман. Главной задачей двух медресе, открытых в Гёттингене и Дрездене, являлась подготовка пропагандистов для оккупированных мусульманских районов. С целью пропаганды ислама и туранизма в Германию пригласили бывшего муфтия Иерусалима Гаджи Эмина аль-Хусейни⁶⁰. В этих медресе готовили духовенство для службы в мусульманских частях. Духовным воспитанием добровольцев в азербайджанских легионах занимались 116 мулл, из которых 17 считались ахундами⁶¹.

Накануне войны представители германских спецслужб уже налаживали связи в среде азербайджанской эмиграции. Для нанесения удара по Кавказу абвер расселил по каспийскому побережью Ирана своих диверсантов. Турецкий генерал Эркилет-паша также тратил немало сил на создание азербайджанских военных частей в составе вермахта. Когда в сентябре 1941 г. турецкие военные представители под его началом посетили южный участок Восточного фронта, Эркилет рекомендовал германскому командованию хорошо относиться к мусульманским военнопленным, особенно азербайджанцам⁶². Розенберг, со своей стороны, тоже дал определенные рекомендации Гитлеру: например, вместо того чтобы убивать столько людей, формировать из них легионы. Отметим, что начиная с 12 сентября 1941 г. наблюдается смягчение отношения СД к военнопленным, в том числе и азербайджанцам⁶³.

В первые годы войны советских военнопленных было так много, что их содержание превратилось для Германии в серьезную социальную и экономическую проблему. По сведениям Исмаила Акбера, азербайджанских пленных и перебежчиков насчитывалось 150 тыс. чел.⁶⁴ Американский историк Олаф Кароу пишет: «Одно время количество военнопленных в лагерях перевалило за миллион человек. Многие умерли, однако многие выжили, чтобы стать легионерами и воевать против России. Здесь были выходцы из всех пяти среднеази-

атских республик, из Азербайджана, Грузии и Армении, с Северного Кавказа, Волги, Урала и из Крыма»⁶⁵.

О юридической стороне создания легионов еще 3 октября 1941 г. Лауц писал в служебной записке германскому руководству⁶⁶. В ноябре вышло решение о создании тюрко-татарского и кавказского легионов. 17 декабря того же года оперативный штаб Вооруженных сил подготовил представление о целесообразности создания кавказских легионов из советских военнопленных. Одновременно считалось возможным одну часть военнопленных с Кавказа использовать в военном хозяйстве, а из другой части сформировать вооруженные группы для борьбы с партизанами⁶⁷. Учитывая эти реляции, Верховное командование вермахта 22 декабря 1941 г. внесло изменения в свое предыдущее решение по советским военнопленным и отправило новое решение в МИД. Смягчение стало проявляться с того момента, как намеченные Гитлером планы «молниеносной войны» потерпели в декабре 1941 г. тяжелое фиаско, что сломило сопротивление части военных кругов, возражавшей против идеи легионов. В результате «в начале 1942 года вопрос о создании легионов к началу 1942 года стал почти повседневной темой дискуссии в немецких кругах»⁶⁸. По новому плану, командованию сухопутных войск предписывалось приступить к формированию национальных легионов. Так, в Туркестанский легион вошли туркмены, узбеки, казахи, киргизы, каракалпаки и таджики; в Кавказский мусульманский легион – азербайджанцы, дагестанцы, ингуши, лезгины и чеченцы. Кроме того, надлежало создать грузинские и армянские легионы. Подбор военнослужащих поручили МИД и Министерству оккупированных восточных территорий. Прошедшие отбор надевали солдатскую и офицерскую форму германской армии, но с национальными опознавательными знаками⁶⁹. На рукаве у азербайджанских легионеров справа крепился знак, олицетворявший огнепоклонничество и зороастризм, затем от него отказались, заменив его эмблемой трехцветного знамени. Первое время запрещалось крепить на эмблеме символ пантюркизма – полумесяц и звезду, но в конце 1943 г. азербайджанские легионеры добились разрешения носить полное изображение своего национального флага⁷⁰.

16 января 1942 г. Министерство оккупированных восточных территорий издало приказ об освобождении пленных крымских татар. Управлению по общим делам Вооруженных сил поручили завершить освобождение крымских татар из плена до 15 марта 1942 г.⁷¹ В силу еще одного приказа азербайджанцы и другие военнопленные с Кавказа, Волги и из Средней Азии до отправки в лагеря содержались как военнопленные, но продуктивное обеспечение и условия их содер-

жания улучшились⁷². Первые легионерские отряды из добровольцев-эмигрантов появились в марте 1942 г. К тому времени в лагерях военнопленных находилось до 50 тыс. азербайджанцев, так как большая часть пленных уже погибла от голода и болезней. Германская армия приобретала в лице легионеров дешевых бойцов, а с другой стороны, записываясь в легионеры, азербайджанцы спасались от неминуемой смерти, которая ожидала их в лагерях⁷³. На востоке начал действовать созданный вермахтом батальон «Бергман» («Горец»). Одна рота этого кавказского специального батальона состояла из азербайджанцев. Немного погодя была укомплектована и вторая азербайджанская рота. А когда «Бергман» превратился в полк, на базе этих двух рот сформировали азербайджанский батальон, командование которым принял бывший полковник русской императорской армии, бывший командир полка Азербайджанской национальной армии Магомед Исрафилов (Исрафил-бей)⁷⁴. В состав полка входили и грузинские, и северокавказские батальоны. Командовал полком капитан Т. Оберлендер, а заместителем его служил хорошо знавший русский и азербайджанский языки фон Кутченбах. В 1941 г. в польском городе Едлина учредили Кавказский мусульманский легион, в который вошли представители Азербайджана, Северного Кавказа и других мусульманских народов. В марте 1942 г. этот легион превратился в Азербайджанский легион. Народы Дагестана выделились в отдельный Северокавказский легион. На первых порах командование Азербайджанского легиона составляли немцы. Командир легиона майор Ридель являлся специалистом по Японии, его имя даже встречается в книгах, посвященных Рихарду Зорге. Затем легионом командовал подполковник Бойме. За три года в Польше сформировали 8 азербайджанских батальонов и разместили их в Полтавской области Украины. Пост начальника штаба азербайджанских легионов занимал генерал-майор абвера Оскар фон Нидермайер, считавшийся одним из лучших знатоков России и мусульманского Востока⁷⁵. Однако Нидермайер выступал против распространения национальной идеи среди легионеров. Глава Азербайджанского межлиса национального единства майор Фаталибейли и руководитель Туркестанского комитета Вели Каюм-хан настояли на отстранении Нидермайера от командования 162-й дивизией, и эту должность получил генерал фон Хайгендорф. Фаталибейли в своем отчете характеризовал Хайгендорфа как друга азербайджанцев⁷⁶.

В феврале 1943 г. майор Глогер и майор Фаталибейли-Дудангинский командовали 804-м азербайджанским батальоном, который, отличившись в боях на Кубани, заслужил наименование «Лев». До того 806-й батальон удостоился наименования «Храбрец». В 1943 г.

оба батальона служили в Крыму. Для поднятия боевого духа азербайджанских легионеров им дали национальные названия. Кроме батальонов «Лев» и «Храбрец» были сформированы батальоны «Джавад-хан», «Неотступный» и «Бесстрашный». Пропагандой среди азербайджанских легионеров руководил Фуад Амирджан. Под его редакцией вышел в свет первый номер газеты «Азербайджан», но следующие номера редактировал выпускник Бакинского университета Меджид Мусазадэ (Карсалан). Газета не только писала о жизни легионеров, но и печатала материалы на национально-моральные темы. Например, 7 ноября 1943 г. она опубликовала интересную статью «Языковая проблема – национальная проблема», в которой отмечалось, что научный мир не признает ни язык, называемый азербайджанским, ни нацию, называемую азербайджанцами. По-настоящему в науке существуют термины «тюрк-азери» и «тюркский язык азери», последним обозначен язык общетюркской семьи, функционирующий в Азербайджане: «Так же, как разнятся братья, вскормленные единой матерью, так и между языками “тюрко-азери” и общетюркским существует малая разница. Эта незначительная разница, возникшая на почве политических, географических и хозяйственных различий, все еще не мешает нам понимать друг друга. Фонетика, морфология, синтаксис общетюркского языка, одним словом, грамматика и словарь “тюрко-азери” похожи как близнецы – это язык тюрков, проживающих в Азербайджане. Судьба этого языка естественно связана с судьбой народа. Рожденный вместе с народом, живущий вместе с ним и прошедший по дорогам борьбы за выживание – наш язык видел довольно горьких и черных дней... Некогда забитый арабско-фарсидским, теперь наш язык попал в плен к Кировым, Алешам и Сашам... Кто возносит чужой язык выше родного, сладкого, как сахар Кандагара? Никто, кроме русских детей!»⁷⁷ В том же номере газеты помещена статья «Переход через дороги: страна огней», в которой описываются природа и география Азербайджана. В номере от 21 ноября 1943 г. напечатаны статья по поводу 20-летия мюнхенских событий в ноябре 1923 г., речь Гитлера перед товарищами по партии, а также большой материал в связи с 20-летием Турецкой Республики⁷⁸. В последние дни 1943 г. газета «Азербайджан» выразила свое отношение к одному интересному назначению в НКВД СССР: Махмуд Алиев стал тогда заместителем Молотова. Газета писала: «Это новое “назначение” говорит о том, что в государственном руководстве СССР нет ни одного тюрка, и рассчитано на обман всех российских тюрков, а также на укрепление своей захватнической политики на Ближнем Востоке, особенно в Турции и Иране»⁷⁹. За исключением официальных сообщений, газета уделяла

мало внимания политическим темам. Органы власти Германии внимательно проверяли материалы газеты, не разрешая публиковать статьи о восстановлении независимости Азербайджана. Исмаил Акбер отмечал, что национал-социалистическая доктрина ограничивала право редакции и держала ее под строгой цензурой, особенно в первое время. «В 1943 году, – подчеркивал он, – в одном из номеров остро критиковалось отсутствие полумесяца и звезды на трехцветном национальном знамени, как символа независимости Азербайджана, за что редактор газеты подвергался неоднократным допросам, а автора статьи хотели посадить в концлагерь. Собственно говоря, вообще национальная интеллигенция была чужда национал-социалистической Германии»⁸⁰. В Берлине издавались газета «Атака», ежемесячный журнал «Национальное единение», в 162-й дивизии – еженедельный бюллетень «Наша борьба», во 2-м легионе, на русском языке, – газета «Свобода», а также в отдельных объединениях легионеров – печатная агитпродукция на азербайджанском языке⁸¹. Кроме газет, для легионеров были изданы десять книг и брошюр общим тиражом 300 тыс. экз., «Азербайджанско-немецкий словарь» тиражом 25 тыс. экз., а также листовки в 150 вариантах. Эти листовки распространялись в тылу советской армии и даже на территории Азербайджана. С конца 1943 г. германское радио каждый вечер с 20.15 до 20.30 передавало фронтовые сводки на азербайджанском языке. В радиоредакции работали 5 чел., передачи велись с радиостанции Кёнигвюстерхаузен⁸².

Один из азербайджанских легионов входил в 162-ю пехотную дивизию, которой командовал фон Хайгендорф. Эта дивизия целиком состояла из тюрков, и 180 тыс. тюрков находились в подчинении у воюющих на фронте соединений СС. Из-за неопределенности восточной политики Германии рядовых тюрков разбрасывали по различным фронтам. Одна часть воевала на Кавказе, другая служила в Северной Италии, часть легионеров «до последнего солдата» билась под Сталинградом, а часть оставалась под Берлином до особого распоряжения⁸³. В составе этой дивизии было шесть азербайджанских батальонов, на базе которых позднее сформировали 314-й азербайджанский полк. По окончании войны бойцов этого полка ждала плачевная судьба. Их сдали советским органам и по морю привезли в Одессу. В знак протеста религиозный деятель, служивший в полку, сжег себя на корабле. Многие, протестуя против их выдачи Советам, бросались в море. Оставшиеся в живых, осужденные на 20 лет каторги, распрощались с жизнью, восстанавливая угольные шахты Донецка⁸⁴.

Сколько же азербайджанцев воевало в рядах легионеров? Называют разные цифры. В докладе Исмаила Акбера на 1 октября 1944 г.

приводится цифра 37 913 чел. Из них 10 975 чел. числились в 11 самостоятельных пехотных батальонах, 927 чел. – в горно-стрелковом батальоне, 1 824 чел. – в составе 353-й германской дивизии, 2 990 чел. – в составе полка 162-й тюркской дивизии, 3 968 чел. – в тыловых батальонах легионеров, 4 809 чел. – в рабочих батальонах, 2 851 чел. – в составе Восточнотюркского соединения СС, 1 090 чел. – в составе Кавказского соединения СС и т. п. Если учесть и добровольцев, служивших в различных частях, в целом наберется 38 598 чел., среди которых 169 чел. достигли чина полковника, 3 721 чел. имели чины младших офицеров⁸⁵. Кроме того, есть информация, что в конце 1944 г. 11 тыс. азербайджанцев все еще оставались в лагерях для военнопленных, еще 275 чел. были возвращены в лагеря как «потерявшие доверие»⁸⁶. В докладе «О кавказских добровольческих соединениях в Германском Вермахте», подготовленном 25 марта 1945 г., отмечалось, что в легионах и пехотных батальонах азербайджанцев насчитывалось 13 600 чел., в строительных и снабженческих частях – 4 795 чел. Вдобавок в войсках СС, СД и люфтваффе служили 7 тыс. солдат и офицеров, часть из которых были азербайджанцами⁸⁷. А Фаталибейли сообщает, что на стороне Германии воевали 150 тыс. азербайджанцев⁸⁸. В азербайджанских добровольческих соединениях немецкий персонал составлял 14–15 %, все немцы находились на командных постах⁸⁹.

Когда германские войска приступили к Кавказской операции, штаб сухопутных войск вермахта подготовил специальную справку, в которой советские военные соединения на Кавказе названы «некачественной армией» как в материально-техническом отношении, так и в смысле боеспособности личного состава. В документе указывалось, что бойцы-кавказцы к советской власти относились если и не враждебно, то откровенно безразлично. 12 августа 1942 г. начальник штаба вермахта Ф. Гальдер, анализируя ситуацию на Кавказе, пришел к выводу, что «кавказская армия русских... идет к окончательному развалу»⁹⁰. По мнению германского командования, сложность военного положения, тяжелые бытовые условия в советских военных частях, влияние пропаганды третьего рейха будут способствовать массовой сдаче в плен советских солдат. Частично эта мысль оправдалась. В октябре–ноябре 1942 г. в боях за Нальчик попали в плен 16 тыс. советских солдат, большинство родом с Кавказа. Чтобы действовать на территории Кавказа, особенно для облегчения оккупации Южного Кавказа летом 1942 г., была создана группа «Зондерштаб Кавказ» во главе с грузинским эмигрантом М. Кедией. В ее работе участвовали: от имени азербайджанской эмиграции Адем Алибеков, от Северного Кавказа – Алихан Кантемир и Ахмед Наби Магома, от

Армении – Аршак Джамалян⁹¹. В конце 1942 г. «Зондерштаб Кавказ» подготовил для руководства Германии предложения по управлению Кавказом: создать под протекторатом Германии отдельно четыре кавказских государства и организовать устройство Азербайджана, Армении, Грузии и Северного Кавказа соответственно политической системе третьего рейха. Получив отказ, Кедия 7 ноября 1942 г. отправил властям рейха меморандум, в котором подчеркивал неизбежность поражения Германии в случае дальнейшего отказа Берлина признавать независимость восточных народов⁹². Наряду с «Зондерштабом», в августе 1942 г. Восточное министерство образовало «Кавказскую группу», в которую вошли азербайджанские, грузинские, армянские и северокавказские роты, по 150 чел. в каждой. Главная задача этой группы заключалась в исполнении на оккупированной территории полицейских и охранных функций⁹³.

По поводу будущности Кавказа между этими структурами существовал разброд мнений. В случае освобождения от советского ярма грузинский и армянский легионы не желали усиления Турции на Кавказе. Они считали мусульман, проживающих на территории их республик, нежелательным элементом, опасались повторения ситуации 1918 г. и приветствовали подчинение региона Германии. Идеи туранизма интересовали германский официоз, но Гитлер не собирался уступать бакинскую нефть никому и предпочитал германское управление на Кавказе. Если мы хотим владеть нефтью Кавказа, говорил он, то должны серьезно его контролировать⁹⁴.

Несмотря на различные предложения, прозвучавшие в переписке, Германия вынашивала собственные секретные планы. Посол фон Папен позднее писал в своих мемуарах, что в 1943 г. «два высокопоставленных нациста» прибыли в Анкару и представились гауляйтерами Азербайджана и Грузии, чем поставили его в нелегкое положение⁹⁵. Даже Черчилль 30 сентября 1942 г. совершенно секретно информировал Сталина, что уже назначен немецкий адмирал для ведения боевых операций на Каспии, а военно-морская база нацистов будет располагаться в Махачкале. Ввиду этой угрозы союзники изъявляли готовность послать, по просьбе Сталина, военно-воздушные силы на кавказский театр военных действий⁹⁶. 8 ноября Черчилль дополнительно сообщил, что немцы отказались от мысли создавать флот на Каспийском море⁹⁷. При этом в тот же день он предупреждал Сталина, что если Гитлер потеряет надежду захватить Баку, то постарается разбомбить город налетами с воздуха⁹⁸. Спустя день Сталин поблагодарил Черчилля за предупреждение и сообщил, что принял должные меры для прикрытия Баку⁹⁹.

Национальная рознь в советской армии, унижение кавказских, особенно мусульманских, народов вызывали серьезные нарекания. Советское руководство несколько смягчило ситуацию путем создания национальных дивизий, но командный состав этих дивизий все же оставался славянским, что означало недоверие к национальным меньшинствам. В сентябре 1942 г. возникла напряженность в советско-турецких отношениях, и 402-ю стрелковую дивизию сняли с турецкой границы. Формирование командного состава национальных дивизий только из знающих русский язык офицеров секретарь ЦК КП(б) Азербайджана Багиров считал «провокацией и нечистоплотностью». Младший и средний офицерский состав национальных дивизий через головы старших офицеров направлял Багирову письма, жалуясь на унижение национального достоинства азербайджанцев. Багиров, реагируя на эти жалобы, серьезно конфликтовал с фронтовым начальством. Именно руководитель партийной организации Азербайджана Мирджафар Багиров, глава парторганизации Дагестана Азиз Алиев и председатель Совета народных комиссаров Дагестана Абдурахман Даниялов первыми и одновременно последними среди руководителей с национальных окраин открыто и единодушно выступили против национальной розни в рядах Красной армии¹⁰⁰.

После поражения германских войск под Сталинградом участились случаи перехода азербайджанских легионеров на сторону советской армии. Германское командование жестоко наказывало за попытки совершить побег. Тем не менее в 1943 г. в Крыму 60 азербайджанских легионеров, уйдя из части, создали партизанский отряд им. Багирова. Подобные случаи происходили и в странах Западной Европы. Героический путь борьбы с фашизмом прошли, например, бывший легионер Мехти Гусейнзаде в партизанском движении Югославии, Мамед Багиров в Италии, Ахмедия Джебраилов, Нуру Абдулов, Мирзахан Мамедов, Гусейнрза Мамедов и другие во французском движении Сопротивления¹⁰¹. Когда произошел коренной перелом на советско-германском фронте, группа Розенберга, отдававшая приоритет нерусским народам на оккупированной территории, несколько укрепилась. Профессор фон Менде, профессор Ганс Кох, профессор Теодор Оберлендер, дипломат Отто Бройтигам и генерал Оскар фон Нидермайер были ведущими деятелями этой группы¹⁰². Генерал фон Нидермайер хорошо знал Ближний Восток. В годы Первой мировой войны он побывал в Турции и Иране, командовал германским экспедиционным корпусом, направленным в Афганистан, позднее, попав в плен, содержался на острове Наргин в Каспийском море, близ Баку.

Только после большевистской революции он получил свободу и вернулся на родину¹⁰³.

В годы Второй мировой войны центральной фигурой азербайджанской эмиграции являлся М. Э. Расулзаде. Поскольку Польшу в сентябре 1939 г. захватила нацистская Германия, он уехал во Францию, а когда весной 1940 г. вермахт оккупировал и Францию, перебрался в Швейцарию. Образованное 30 сентября 1939 г. польское правительство в изгнании и его председатель Владислав Сикорский, обосновавшись в Лондоне, пригласили Расулзаде в Великобританию, однако накануне нападения Германии на СССР он покинул Лондон и переехал в Бухарест, где жил до самого прихода советских войск¹⁰⁴. Власти Германии поначалу интересовались Расулзаде как лидером азербайджанской эмиграции. В мае 1941 г. ему из Берлина пришло предложение о сотрудничестве, и Расулзаде выдвинул ряд предварительных условий. Он считал, что военные части, сформированные из азербайджанских эмигрантов, должны проходить военную подготовку под руководством азербайджанских командиров и только после этого отправляться на фронт. По его мнению, Азербайджанскому национальному комитету следовало предоставить право освобождать азербайджанских военнопленных из лагерей, все проживающие в Германии азербайджанцы должны были объединяться в этом комитете и пользоваться правом на свободную печать. В случае, если немцы освободят Азербайджан, полагал он, эта страна должна получить свободу внутренней и внешней политической деятельности. Известный деятель азербайджанской эмиграции А. Атамалыбеков отмечает, что Гитлер отверг условия Расулзаде¹⁰⁵.

В августе 1941 г. посол фон Папен в докладе «Пантюркистское движение» писал, что Расулзаде «революционер старорусского склада, долгое время был в тесной дружбе со Сталиным»: «Их пути разошлись только тогда, когда Сталин примкнул к большевикам, в то время как М. Э. Расулзаде остался меньшевиком; был президентом независимой Азербайджанской Республики, после прихода большевиков был посажен в тюрьму, однако освобожден Сталиным, который доставил его в своем спецпоезде в Москву. Из Москвы Расулзаде отправился в Берлин и Варшаву. В Варшаве он примкнул к польскому движению “Прометей”, которое представляло собой не что иное, как филиал польского генштаба. Расулзаде жил на фонды генштаба (также называемые “фонд Пилсудского”), переведенные в Швейцарию. Это продолжалось и после крушения Польши в 1939 году. В 1940 году он был с политической миссией при Сикорском в Лондоне, в последнее время проживал вместе с другими польскими эмигрантами в Бухаресте. Оставив в стороне финансовую сторону, можно ска-

зять, что он является политическим деятелем крупного масштаба»¹⁰⁶. В отличие от некоторых других лидеров эмиграции, М. Э. Расулзаде предпочитал дистанцироваться от Германии. И это настолько бросалось в глаза, что советские спецслужбы считали его шпионом польским, турецким и даже японским, но ни слова не говорили о возможных связях с абвером¹⁰⁷. Подобная осторожность объяснялась большей информированностью Расулзаде о захватнических планах Германии. От источников в Анкаре и Берлине он знал, что в случае победы над СССР Германия не намерена восстанавливать независимость кавказских народов, в том числе и азербайджанцев¹⁰⁸. Но как лидер азербайджанских эмигрантов Расулзаде не остался без внимания германских официальных кругов. В апреле 1942 г. немцы пригласили его на съезд представителей кавказской эмиграции, организованный министерством Розенберга в гостинице «Адлон». От имени азербайджанцев к подготовке съезда привлекли Халила Мюнши. Кроме Расулзаде приглашения получили также Мирьягуб Мехтиев, Халил-бек Хасмамедов, Фуад Амирджан¹⁰⁹. В съезде приняли участие: от народов Северного Кавказа – Гейдар Баммат, Сеид Шамиль и Алихан Кантемир, от Грузии – Спиридон Кедия, Михаил Церетели, Лео Кереселидзе и Александр Манмелишвили, от Туркестана – Вели Каюм-хан и др. Накануне съезда лидеров эмиграции неофициально заверили, что Берлин признает независимость Кавказа¹¹⁰.

После съезда в «Адлоне» М. Э. Расулзаде согласился возглавить «Азербайджанский национальный комитет», созданный в конце 1942 г. Руководство из пяти человек, в основном старых эмигрантов, во главе с Расулзаде включилось в процесс формирования «национальных легионов» из военнопленных-азербайджанцев и спасло жизни тысячи земляков¹¹¹. О сути работы комитета Расулзаде писал: «Шел 1943 год. По приглашению фон Шуленбурга из германского МИД (позднее казненного в связи с покушением на Гитлера) я находился в Берлине. Был создан Азербайджанский национальный комитет; этот комитет приступил к работе по приобщению немцев к основам борьбы Азербайджана за национальные приоритеты»¹¹². Под руководством Расулзаде Азербайджанский национальный комитет руководствовался следующими задачами: «стоять на страже азербайджанских национальных интересов, спасти страну и бороться за ее независимость, стремиться к дружбе и добрососедству кавказских народов и тесно сотрудничать с Германией»¹¹³.

Но деятельность Расулзаде в Берлине длилась недолго. По ряду вопросов, особенно по вопросу признания независимости Азербайджана, Национальный комитет не нашел общего языка с правительственными кругами Германии. По этой причине организация

прекратила работу. 7 октября 1942 г., положив конец беспочвенным переговорам, Расулзаде вернулся в Бухарест. Его требования к Германии признать политическую независимость Азербайджана не были приемлемы для Берлина. Чтобы оставить его в Берлине, немцы предлагали ему место советника в Восточном министерстве или же учителя в одной из школ Дрездена, однако Расулзаде не согласился¹¹⁴. Центральное управление СС в 1943 г. вновь предложило ему сотрудничество. Обсуждения длились почти год, но безрезультатно. Выступления Расулзаде перед легионерами не удовлетворяли германское командование, ибо он призывал их не поднимать оружие на народы, восставшие на борьбу за свою свободу. В своих речах он отмечал, что «Германия, отнявшая самостоятельную и свободную государственную жизнь многих народов и покончившая с их государственной независимостью, никогда не даст независимость Азербайджану, находящемуся под коммунистической оккупацией»¹¹⁵. Именно после этого выступления в ноябре 1943 г. Расулзаде удалили из руководства Азербайджанского национального комитета за «неудовлетворительную работу» и возвратили в Бухарест. Сам Расулзаде пишет об этом так: «В 1942 и 1943 годах по приглашению МИД Германии я вместе с другими кавказскими политэмигрантами посетил Берлин, где столкнулся с двумя нюансами – отрицательным и положительным. Позиция гитлеровской Германии в отношении кавказского вопроса, подобно и другим национальным вопросам, была отрицательной. Напрасно ждать от Берлина признания основ нашей национальной борьбы. Теория “высшей расы” и ее применение в Польше, Украине и других завоеванных странах не оставляют даже малейшего места для надежды. Оставалось только осознать и порвать с правительством, не признающим наши права и борьбу за независимость. Так и сделали»¹¹⁶. Недовольство азербайджанских делегатов проявилось еще на съезде в «Адлоне». Их смущало то, что Розенберг хочет использовать эмигрантов как чиновников. Советник Русского комитета Восточного министерства Диттман писал ответственному работнику политотдела МИД Типпельскирху, что среди эмигрантов особенно азербайджанцы очень недовольны, т. к. не нашли в Германии себе дела по душе и хотят сразу вернуться в Турцию. Ему с трудом удалось их переубедить¹¹⁷.

До прихода советских войск в Румынию Расулзаде жил на средства, выделяемые послом Турции Субхи Танрывером. По информации советских спецслужб, Расулзаде в те дни «получал денежные субсидии от турецкого правительства через турецкого посла в Румынии»¹¹⁸. Когда советские войска вступили в пределы Восточной Европы, он покинул Румынию и переехал в Австрию, а оттуда в под-

контрольный союзникам Мюнхен. Здесь Расулзаде создал новую организацию «Азербайджанское демократическое единство», от имени которой выступил против возвращения азербайджанских военнопленных в Советский Союз. Хорошо зная характер Сталина, он понимал, какая трагедия ждет военнопленных в СССР¹¹⁹.

§ 3. Азербайджанский меджлис национального единства

После того как М. Э. Расулзаде покинул Берлин, Германия предпочла сотрудничество с другими известными лидерами эмиграции – Халил-беком Хасмамедовым, Аббас-беком Атамалыбековым, Фуадом Амирджаном, Абдурахманом Фаталибейли-Дудангинским и другими. В конце мая 1943 г. в берлинском пансионате «Виктория» прошло совещание под руководством Х. Хасмамедова при участии интеллигенции, легионеров. После бурных обсуждений совещание постановило: «В какие бы условия нас ни ставили национал-социалисты и каково бы ни было их отношение к нам, мы не имеем никакого морального права оставлять наших соотечественников на произвол судьбы. Нужно стремиться всячески защищать их честь, достоинство и жизнь»¹²⁰. Решили также добиваться сведения всех азербайджанских частей в единый организм во главе с национальным штабом и по мере возможности признания политических прав. С этой целью при Восточном министерстве был создан Азербайджанский штаб связи с правом представлять интересы азербайджанцев перед немецкими ведомствами. Совещание приняло решение собрать съезд, чтобы объединиться и продемонстрировать волю своего народа к независимости. Началась подготовка к съезду всех азербайджанцев, находившихся в Берлине.

На этом пути встретились серьезные препятствия. С ноября 1943 г. все руководство азербайджанскими легионерами перешло к Фаталибейли-Дудангинскому. Приняв командование над легионерами, он стал также центральной фигурой политических взаимоотношений между Германией и азербайджанской эмиграцией. 6 ноября 1943 г. в берлинской гостинице «Кайзерхоф» собрались 200 эмигрантов и представителей легионеров. Здесь открылся Азербайджанский национальный съезд. Созыв съезда трижды откладывался органами власти Германии. Управление вермахта по пропаганде («Вермахт-пропаганда») и высокопоставленные лица из Восточного министерства были против проведения съезда азербайджанцев. Генерал фон Нидермайер и его сподвижники саботировали данное мероприятие. Офицерские круги Германии требовали объявить Англию, США и

другие западные страны врагами азербайджанского народа, но лидеры эмиграции отвергли это требование¹²¹.

Съезд открыл бывший офицер Национальной армии Азербайджана Джахангир-бек Казымбеков. Он сказал, что борьба с большевизмом является священным долгом каждого народа и азербайджанцы счастливы выполнить этот долг. Затем предложил избрать президиум для управления съездом. Председателем президиума выбрали Аббас-бека Атамалыбекова. В своем выступлении он предложил избрать почетными делегатами съезда людей, имеющих неоспоримые заслуги в деле борьбы за независимость Азербайджана, – Мамеда Эмина Расулзаде, Халил-бека Хасмамедова, Мустафу-бека Векилли, Мирьягуба Мехтиева, Шафи-бека Рустамбейли, Адилхана Зиядхана, Абдулали-бека Амирджана. «Требование азербайджанцев жить независимо и свободно, – заявил он, – владеть своей родной землей – требование святое и неделимое... Азербайджанцы никогда не забывали и не забудут, что принадлежат к тюркской нации и тюркской крови. Поэтому родство и благожелательность связывают их с другими тюркскими народами. Среди них – народы Туркестана, Итиль-Урала и Крыма, которые, так же как и мы, в одинаковых условиях бьются за освобождение от большевистского ига. Мы от всего сердца желаем им успехов в этой борьбе»¹²². Далее съезд продолжил работу под председательством бывшего министра Азербайджанской Демократической Республики Халил-бека Хасмамедова. На съезд были приглашены некоторые высокие военные и гражданские чины, в том числе генерал-лейтенант Хельмих, обер-лейтенант Ридель, обер-лейтенант Бойм, старший муфтий Гаджи Эмин аль-Хусейни, представители Кавказа и Туркестана Ахмед Наби Магома (Северный Кавказ), Гиви Габлиани (Грузия), Аршак Джамалян (Армения), Вели Каюм-хан (Туркестан), Шафи Эльмас (Итиль-Урал) и другие. Они поздравили делегатов съезда от имени своих народов. Германские газеты писали, что наравне с государственными и армейскими чинами среди почетных гостей съезда находились старший муфтий, представители народов Кавказа, Итиль-Урала и Туркестана¹²³. С большой речью выступил майор Фаталибейли-Дудангинский. Начал он с краткого обзора истории Азербайджана с XII в. по 1918 г., более подробно останавливаясь на русской оккупации и борьбе просвещенных азербайджанцев против колониального ига. Вторая часть речи называлась «Независимое Азербайджанское государство в 1918–1920 гг.». О независимости, достигнутой 28 мая 1918 г., Фаталибейли-Дудангинский сказал следующее: «Этот день стал самым ярким в истории Азербайджана. В этот день азербайджанцы были самыми счастливыми людьми на земле. Высоко взметнулось национальное знамя Азербайджана, колыхав-

шееся в такт с волнами Каспия. Сыновья Азербайджана, не жалея своей жизни, жертвовали собой ради сегодняшнего дня»¹²⁴. Затем майор Фаталибейли рассказал о событиях, случившихся за 23 года большевистской власти. Он отметил: «Выпавшая на нашу долю ответственность состоит в том, чтобы стереть с наших граждан толстый, грязный, устаревший слой большевистского воспитания и вернуть им утерянный дух наших отцов и дедов. Кровь кавказцев осталась чистой и свежей. Большевикам не удалось отравить ее, и это не будет так легко. Им не удалось уничтожить наши национальные чувства, вечное стремление к свободе и независимости». Следующая часть речи носила название «Борьба немцев против большевизма и кавказские народы». Фаталибейли-Дудангинский заявил, что «борьба легионеров... принесет свободу и независимость Азербайджану и другим народам Кавказа, она высший и окончательный этап этой борьбы»¹²⁵. В своей речи он поднял вопрос взаимоотношений кавказских народов и кавказского единства, привел много интересных примеров из истории азербайджано-армянских, азербайджано-грузинских отношений, а также отношений Азербайджана с народами Северного Кавказа. Он оценил панисламизм как событие исторического прошлого и отметил, что к идеям панисламизма теперь обращаются лишь политические провокаторы и спекулянты. Но в противовес панисламизму Фаталибейли-Дудангинский в качестве прогрессивной идеологии представил пантуранизм, утверждая: «Пантуранизм сыграл свою положительную роль; он способствовал национальному самоуправлению и становлению основ национальной независимости, а также освобождению от химеры панисламизма. Пантуранизм в своем дальнейшем развитии отошел от расовой идеологии и перешел к национальной идеологии, т. е. к тюркизму. Тюркизм означает: охранять свою культуру, опираясь на собственные силы, продвигать свою политику независимо и бороться за создание своих национальных тюркских государств». В этой борьбе он видел место Азербайджана рядом и в союзе с Германией. «Для счастья нашего народа, – объявил Фаталибейли-Дудангинский, – Азербайджаном управляли и снова будут управлять азербайджанцы. Мы жили в семье кавказских народов и будем снова жить. Мы защищали священные границы гордого Кавказа и вновь будем... Мы, кавказцы, в свою очередь, создадим крепкий и независимый Кавказ, входящий в семью европейских народов, опирающуюся на дружбу с великим немецким народом». Главнейшую задачу Азербайджанского меджлиса национально-го единства он видел в уничтожении большевизма и восстановлении независимого азербайджанского государства, создании нового Азербайджана без большевиков и эксплуататоров, в дружбе со всеми

народами Кавказа и великой Германией. Чтобы построить этот новый Азербайджан, он считал необходимым:

«1. Обеспечить всем трудящимся право на свободный труд и возможность разбогатеть честным трудом.

2. Ликвидировать колхозы и раздать земли крестьянам.

3. Расширить сферу науки и создать возможности для свободного творчества работникам сфер науки, искусства, техники.

4. Учредить Азербайджанскую академию наук. Обеспечить населению получение бесплатного образования в начальных, средних и высших учебных заведениях. Обеспечить студентов государственной стипендией.

5. Восстановить национальную культуру, национальный язык и национальный алфавит, доведенные большевиками до безобразного состояния.

6. Обеспечить свободу печати, слова, религии, совести и творчества.

7. Обеспечить достаток инвалидам войны и инвалидам труда.

8. Преследовать по закону малейшие проявления эксплуатации.

9. Благоустроить города и деревни, построить курорты, дороги, электростанции, поднять уровень культуры, осуществить все мероприятия, способствующие росту благосостояния Азербайджана и в скором времени превратить Азербайджан в цветущий и счастливый край»¹²⁶.

Майор Фаталибейли не сомневался, что в новом Азербайджане будут запрещены убийства брата братом, т. е. гражданская война, недопустимы старые распри, забыты все обиды. Он говорил: «В новом Азербайджане не может быть антагонистических классов. Будет только единый трудящийся азербайджанский народ. К другим нациям, проживающим в Азербайджане, мы будем относиться со свойственным нам гостеприимством, достаточно будет, если они пожелают работать наравне с нами. Нельзя будет задевать национальную честь и национальные ценности других народов, проживающих в Азербайджане. Все кавказцы будут жить в новом Азербайджане, как в своем доме. Мы, азербайджанцы, хорошо знаем, что эти задачи можно выполнить, лишь имея несгибаемую волю и неустанным трудом. Мы уверены, что спасения Азербайджана и всего Кавказа в целом можно добиться объединенными усилиями народов Кавказа, с оружием в руках... Нет никаких сомнений в том, что все кавказцы исполнят свой священный долг, вместе с великой Германией до последней капли крови будут бороться с большевизмом – врагом человечества и выведут из большевистского болота гибнущие в нем народы Кавказа»¹²⁷.

В день открытия съезда Фаталибейли-Дудангинский от имени всех делегатов послал Гитлеру поздравительную телеграмму, в кото-

рой говорилось: «Азербайджанцы, борющиеся за свободу и независимость своей родины и всего Кавказа, уверены в победе немецкого оружия и установлении нового справедливого порядка. Все азербайджанцы до последнего вздоха будут выполнять свой почетный долг и оправдают Ваше высокое доверие»¹²⁸. В ответ пришла телеграмма от Мейснера, который от имени Гитлера поздравил Фаталибейли. Он писал, что фюрер поручил ему поблагодарить и сердечно поздравить легионеров и патриотов Азербайджана. Обер-лейтенант Ридель зачитал на съезде приветствие Гитлера¹²⁹. Кроме того, на съезде с большим докладом выступил командующий Азербайджанским легионом обер-лейтенант Бойм. «Азербайджанцы, – сказал он, – хорошо знают – борьба за родину и независимость может происходить не всегда близко, но и далеко от нее. Где бы ни воевал легионер – на востоке, на западе или на юге, и кто бы ни был перед ним – американцы или англичане, легионер знает, что перед ним стоит враг, не позволяющий ему вернуть родину и свободу. Я, как командующий Азербайджанским легионом, и немецкая делегация верим, что турки-азери, где бы они ни были, выполняют свой солдатский долг, как и на востоке, достойно»¹³⁰.

На съезде в прениях по докладу Фаталибейли-Дудангинского выступили известные азербайджанцы Фуад Амирджан, Мамедбек Исрафилов, Джахангир-бек Казымбеков и другие. В результате съезд принял резолюцию из пяти пунктов. В первом из них указывалось, что период АДР в 1918–1920 гг. – самый славный в истории Азербайджана. Во втором – что после апрельской оккупации 1920 г. азербайджанский народ и внутри страны, и за ее пределами 23 года боролся за восстановление независимости. В третьем пункте поминались погибшие в борьбе за свободу Азербайджана. В четвертом отмечалось, что Вторая мировая война создала дополнительные возможности для восстановления независимости и в этой борьбе необходимо быть рядом с Азербайджаном, исторически дружившим с великими тюркскими народами. В пятом говорилось, как важно Азербайджану сотрудничать с кавказскими и тюркскими народами. Съезд постановил, что пять пунктов резолюции берутся за основу и доклад майора Фаталибейли принимается как политическая линия азербайджанцев; до возвращения на родину для руководства национально-освободительным движением должны быть созданы Азербайджанский меджлис национального единства и его центральный исполнительный орган; представлять исполнительный орган будет Фаталибейли¹³¹.

Еще одна резолюция, принятая на съезде, посвящалась очищению азербайджанского алфавита от русского влияния. Был основан

Азербайджанский меджлис национального единства из 50 чел. В нем получили представительство все легионерские военные части и зарубежные эмигрантские организации азербайджанцев. В число членов меджлиса входили: Абдурахман Фаталибейли-Дудангинский, Аббас-бек Атамалыбеков, Джейхун-бек Гаджибейли, Вели Алекберов, Ислам Алиев, Джахангир-бек Казымбеков, Захидхан Хойский, Фуад Амирджан, Нуши-бек Зюльгадаров, Меджид Карсалан, Джамиль Искендерли, Гаджи Гаджинский, Мамед-бек Исрафилов, Энвер Казиев и другие¹³². М. Э. Расулзаде высоко оценил военную и политическую деятельность Фаталибейли-Дудангинского. Свою встречу с ним в Берлине он вспоминал так: «Я встретился с отзывчивым и понятливым солдатом. Он воспринял мою программу основ национальной войны. Национальный азербайджанский комитет не сумел этого объяснить нацистам. Гитлер заявил “не желаю никаких комитетов” и приказал учредить для связи между национальными легионами и армейским штабом ограниченные в своих возможностях “группы связи”. Во главе азербайджанской группы связи поставили покойного Фаталибейли. В таком случае оставалось только пожелать ему успехов и оставаться верным национальным основам, а также пообещать ему свою моральную поддержку»¹³³.

После учреждения Азербайджанского меджлиса национального единства в Париже и Варшаве открылись его филиалы. 24 января 1944 г. в Париже состоялась встреча проживающих там азербайджанцев с Фаталибейли-Дудангинским, который рассказал о деятельности азербайджанских легионеров. После него стали говорить эмигранты: о тяготах 25-летней эмиграции, об участии в освободительном движении, о возложении ныне этого бремени на азербайджанских солдат. Все говорили о мечте вернуться на родину и обещали помогать Азербайджанскому меджлису национального единства¹³⁴. Фаталибейли-Дудангинский, как председатель меджлиса, поздравил всех легионеров со второй годовщиной Азербайджанского легиона, образованного 29 февраля 1942 г. Он писал: «В связи со второй годовщиной героической борьбы с русским большевизмом – отнявшим свободу нашего народа и его счастье, нашим историческим врагом – от всего сердца поздравляю вас»¹³⁵. По поводу праздника Гитлер наградил Фаталибейли-Дудангинского самым высоким орденом, учрежденным для добровольцев. При вручении ордена в штабквартире германского верховного командования генерал группы армий «Восток» фон Хайгендорф сказал: «За героизм, проявленный в боях, а затем проявленные способности в борьбе за сплочение разрозненных сил азербайджанцев ради освобождения Родины от еврей-

ско-большевистских сил, фюрер немецкого народа Адольф Гитлер награждает Вас самым высоким орденом для добровольцев. От имени фюрера я вручаю Вам этот орден и от всей души поздравляю Вас с тем, что за столь краткий срок Вы заслужили его». В ответной речи Фаталибейли выразил благодарность немецкому народу и его фюреру за высокую оценку его трудов и пообещал: «Смею заверить, что ради освобождения нашей страны мы будем верны боевому братству с немецким народом»¹³⁶.

17 мая 1944 г. руководство Азербайджанского меджлиса национального единства встретилось в берлинском отеле «Эспланада» с рейхсминистром Альфредом Розенбергом. На этой встрече Фаталибейли-Дудангинский заявил: «Если мы узнаем, что вместо русских немцы будут хозяйничать в Азербайджане, мы с вами и шагу не ступим. Мы сражаемся только за независимость Азербайджана». На это Розенберг ответил, что «рейх должен сдержать свое слово». Непонятно, что он имел в виду, тем более что министр добавил: «Независимость – не милостыня, ее добывают борьбой и кровью»¹³⁷.

В июне 1944 г. Фаталибейли от имени Меджлиса национального единства подписал необычный приказ, запрещавший азербайджанцам в зарубежных странах вступать в брак с иностранками. В комментарии газеты «Азербайджан» пояснялось: «В нынешней доселе невиданной войне мы боремся за свободу Азербайджана и освобождение нашего народа. Мы мечтаем сохранить нашу тюркскую культуру, обычаи и традиции, чистоту нашей крови. Поэтому все силы мобилизованы на достижение этой святой цели, но, к сожалению, некоторые наши соотечественники в разгар этой борьбы вздумали жениться на иностранках и нарушают наши тюркские традиции. Учитывая это, от имени Азербайджанского меджлиса национального единства запрещаю всем тюркам-азери жениться на иностранках, не имеющих тюркских корней. Святая обязанность каждого азербайджанца беречь чистоту тюркской крови»¹³⁸. Идея туранизма к концу войны уже теряла притягательную силу. В Турции, например, туранизм держался до середины 1944 г. В то время Турция, почувствовав близкий конец Германии в войне, официально отказалась от туранизма. 19 мая 1944 г., на празднике молодежи и спорта, президент Исмет Иненю заявил: «Концепция туранизма вредит нам. Со времен национального освобождения у нас с Советами дружеские связи. Наша национальная политика не ищет приключений за рубежами страны. Туранисты – бесчестные авантюристы и сбивают с толку молодежь. Мы всеми силами будем отрицать идеи, несущие нам гибель»¹³⁹. Это выступление стало сигналом для преследования и арестов тура-

нистов со стороны государственных органов. В мае и июне 1944 г. в стране развернулись огульные гонения на туранистов. В июне студенты левых взглядов из Стамбульского университета стали распространять брошюру «Самая большая опасность». В ней критиковались движение пантюркистов и стоящие за их спиной зарубежные государства. Авторы брошюры считали, что целью туранистов является нарушение нейтралитета Турции и вовлечение ее в войну на стороне Германии. Заки Велиди Тоган, Мамед Эмин Расулзаде, Аяз Исхаки, Ахмед Джафароглу и другие представлялись в брошюре лидерами движения пантюркистов, чья деятельность наносит вред внешней политике Турции. Брошюру в короткий срок перевели на русский язык и опубликовали в газете «Правда», что вызвало большой скандал в турецком обществе, министр иностранных дел Нуман Менеменджиоглу даже был вынужден давать объяснения в Великом национальном собрании Турции¹⁴⁰. Расследование показало, что брошюру подготовили близкий к Советскому Союзу Зекерия Сертель и его супруга Сабиха Сертель¹⁴¹. В ходе мероприятий, развернувшихся в Турции, подверглись разгрому общества тюркистов, арестованных тюркистов, имевших в прошлом русское подданство, передали советским властям. Но даже в таких обстоятельствах советская газета «Известия» в июне 1944 г. сочла недостаточной борьбу турецкого правительства с туранистами. Статья, подписанная псевдонимом «Наблюдатель», не могла скрыть, что газета «Известия» является выразителем официальной позиции советского правительства. В ней жестко критикуется демонстрация пантюркистов в Анкаре, состоявшаяся 3 мая. Газета назвала этот акт протеста шествием фашистов-диверсантов в поддержку Германии. В статье охарактеризованы как фашистские выходящие в Турции журналы «Великий Восток», «Деврин», «Чинаралты», дается информация, будто книги Огуза Тюркана «На путях национализма» и Намика Оркуна «Всем тюркам мира» напечатаны на деньги немцев. В этой же статье газета «Известия» вместе с генералом Эркилетом обвиняла известных политиков Джелала Баяра и Реджепа Пекера в симпатиях к гитлеровской Германии. Автор статьи рекомендовал «вырвать с корнем» «скрытых агентов Гитлера в Турции», утверждая: «...широкие круги турецкой общественности приходят к выводу, что следует вести непримиримую борьбу с пантюркизмом, скрывающимся под синонимами “пантуранизма”, “пантюркизма” и “расизма”»¹⁴². В августе 1944 г. после прекращения отношений между Турцией и Германией туранизм официально попал под запрет, и на азербайджанских эмигрантов, составлявших большинство в этой волне, стало оказываться серьезное давление. В число 23 арестованных азербайджанцев входил

и профессор Ахмед Джафароглу. После того как в дело вмешался некогда служивший дипломатическим представителем Турции в Баку генеральный секретарь Народно-Республиканской партии Мемдух Шевкет Эсендал, удалось спасти сына великого просветителя Ахмеда Агаева – молодого адвоката Самеда Агаоглу и еще 17 чел. из списка российских тюрок¹⁴³.

В ходе Второй мировой войны Кавказский и Туркестанский легионы понесли большие потери. И на Восточном, и на Западном фронте легионеры теряли в боях до 70–80 % своего состава. Например, 805-й Азербайджанский батальон потерял 85 % личного состава, 806-й батальон – 70 %¹⁴⁴. Исмаил Акбер в своей 36-страничной справке, хранящейся в архиве Института Гувера, отмечает, что до 1 апреля 1945 г. части азербайджанских добровольцев потеряли на фронтах и в локальных боях с партизанами 13 100 чел., в том числе 2 810 убитыми, 7 350 – ранеными. 2 940 чел. пропали без вести¹⁴⁵. Эти потери давали национальным комитетам и легионерам моральное право выставлять свои национальные и политические требования. Так, руководители Кавказского штаба легионеров 28 августа 1944 г. обратились к Розенбергу с коллективным требованием, выставив следующие условия дальнейшего сотрудничества кавказцев с Германией: признание германским правительством независимости кавказских государств; признание воюющих на стороне Германии кавказских частей в качестве Кавказской освободительной армии; объявление четырех кавказских народов союзниками Германии; перекавалификацию Кавказского штаба в национальное представительство кавказских народов. В противном случае, заявляли они, штабы легионеров не несут ответственности ни перед кавказскими народами, ни перед Германией¹⁴⁶. Этот документ также подписал представитель Азербайджанского меджлиса национального единства.

Со дня своего образования Азербайджанскому меджлису национального единства пришлось, помимо Советского Союза, бороться также против генерала А. А. Власова и его Русской освободительной армии (РОА). Находясь под покровительством высших правительственных кругов Германии, РОА не хотела признавать национальные комитеты в качестве представителей своих народов, желая объединить всех добровольцев под русским флагом. Преследовалась цель противопоставить русский национализм режиму Сталина, перенести центр тяжести борьбы с большевизмом на плечи русских легионеров. В сентябре 1944 г. Власов в беседе с Гитлером стал отрицать идею независимости национальных меньшинств, заверив Гитлера, что после падения большевизма народы СССР вновь до-

бровольно объединятся с Россией. Поэтому в октябре 1944 г. Гитлер встретился с командующим кавказскими и туркестанскими добровольцами генералом Э. Кёстрингом и поднял вопрос о переподчинении добровольцев с Востока, в том числе и с Кавказа, Власову. Но тут возник конфликт между Кавказским штабом и генералом Власовым, не делавшим разницы между пределами Российской империи и СССР. Если в начале войны нерусские национальные комитеты, надеясь на скорое падение Москвы, поддерживали Смоленский манифест Власова, то в 1944 г. они не желали отступить от идеи независимости. 4 октября 1944 г. при участии шефа кавказского отдела Восточного министерства профессора фон Менде состоялось собеседование с Михаилом Кедией, Адемом Алибековым, Алиханом Кантемиром и Аршаком Джамаляном. На предложение вступить в создаваемый генералом Власовым Комитет освобождения народов России представители кавказских штабов связи ответили прямо: «В течение веков народы Кавказа ведут борьбу против России за свою независимость. В этом заключается коренное отличие их целей от целей, которые преследует генерал Власов, как представитель русского народа»¹⁴⁷. Фаталибейли-Дудангинский вместе с помощником председателя Комитета национального единства Туркестана Баймирзой Хаитом провели безрезультатные переговоры с ответственным сотрудником Восточного министерства генералом Бергером, который заявил, что отменить это решение невозможно¹⁴⁸. Тогда лидеры национальных комитетов через Альфреда Розенберга послали письма протеста рейхсканцлеру Мартину Борману и фельдмаршалу Вильгельму Кейтелю. В этих письмах говорилось, что кавказцы готовы сотрудничать с Власовым и его РОА в борьбе с большевизмом, но не собираются признавать его своим руководителем¹⁴⁹. Ни предложение Розенберга проводить каждые шесть месяцев ротацию руководства Комитета освобождения народов России, ни попытка шефа имперской безопасности Кальтенбруннера подчинить кавказские комитеты Власову результата не дали. Напротив, лидер Национального комитета Туркестана Вели Каюм-хан предложил представителям Украины и Белоруссии объединиться с кавказцами, что еще более укрепило позицию национальных меньшинств¹⁵⁰. И только после этого официальные лица Германии решились урегулировать отношения между Власовым и представителями национальных меньшинств СССР. Был учрежден Кавказский национальный совет как ведущая политическая организация кавказских народов. Членами совета стали Кедия, Алибеков, Кантемир и Джамалян, секретарем избрали Михаила Алшибаю. При этом со-

вете учредили еще и Кавказский высший совет для формирования Кавказской освободительной армии и урегулирования вопросов военного сотрудничества. Германское командование решило вывести кавказских легионеров с Восточного фронта и перевести в Данию, Северную Италию и другие безопасные места. Командующим Кавказской освободительной армией назначили бывшего офицера царской армии, участника Бакинской операции 1918 г., белогвардейского генерала Л. Ф. Бичерахова¹⁵¹. Но это вызвало протесты Азербайджанского меджлиса национального единства и других национальных организаций, которые заявили, что Бичерахов во время событий 1918 г. жестоко обращался с азербайджанским населением. Тогда же Бичерахов выступил в русском информационном бюллетене «Наш путь» со статьей «Открытое письмо эмиграции угнетаемых народов». А. Фаталибейли-Дудангинский ответил ему открытым письмом, в котором заявил, что ряд русских эмигрантских кругов распространяет в западных центрах измышления, будто освободительное движение нерусских народов не опирается на эти народы, а является выдумкой Гитлера и Розенберга. Вспоминая прошлые дела Бичерахова, Фаталибейли-Дудангинский писал, что сыны Азербайджана и Северного Кавказа с глубокой ненавистью вспоминают его деятельность: «Мы жизнью обязаны турецкому народу за то, что спаслись из рук вашего отряда. Уходя из Баку, вы не забыли прихватить и казну. Изгнанные из Баку, вы направились к Дербенту и в кровавом бою захватили Петровск. Убили дагестанскую депутацию. Затем пришли турки на помощь, разгромили ваш отряд, освободили Северный Кавказ»¹⁵².

Фаталибейли подчеркнул, что Бичерахову хорошо известны перипетии национально-освободительной борьбы азербайджанцев в 1918–1920 гг. и что большевизм будет свергнут при вмешательстве крупной зарубежной силы. После заключения в 1939 г. договора между Сталиным и Гитлером симпатии азербайджанского народа повернулись в сторону западных союзников: «Когда Сталин вместе с Гитлером делили Польшу, когда страны Прибалтики лишились независимости, когда громили Финляндию, мы с нетерпением ожидали, что Англия, Франция, Скандинавия и другие европейские страны объявят войну Советскому Союзу. Тогда мы были их естественными союзниками и против Сталина, и против Гитлера, но получилось наоборот. Патриотический долг связал западные страны с СССР, а нас с Германией»¹⁵³. В своем открытом письме Фаталибейли затронул интересные моменты создания национальных легионов. Гитлер рассчитывал закончить войну до зимы 1941 г., а потому не планировал создание легионов. Фаталибейли-Дудангинский откровенно писал:

«Национал-социалисты в начале 1942 года смотрели на легионеров как на дешевую вспомогательную силу. Одним из таких дешевых солдат был и я. Люди шли в легионеры, чтобы избежать смерти от голода и хотя бы в качестве дешевых солдат отомстить за себя. Если вы и другие руководители считаете это позором для национальной гордости, то должны были обратиться к военнопленным со следующим призывом: не ходите в легионы, и я иду в лагеря, чтобы умереть вместе с вами»¹⁵⁴.

Протесты нерусских народов, особенно кавказской эмиграции, наконец принесли плоды. 18 ноября 1944 г. образовалось Собрание народов, поработанных Россией, которое стало альтернативой Комитету освобождения народов России. В него вошли представители Украины, Белоруссии, Кавказа, Туркестана, Крыма и волжских татар. Сохраняя свободу действий в своих внутренних делах, эти представители создали соответствующую комиссию для координации связей с внешним миром. В тот же день за подписью всех руководителей новой организации было послано коллективное письмо Розенбергу, в котором выражался решительный протест по поводу действий сторонников Власова¹⁵⁵.

В начале 1945 г. поражение Германии уже ясно предугадывалось. В феврале этого года состоялась Ялтинская конференция, на которой союзники согласились с предложением Сталина передать СССР всех обнаруженных советских военнопленных, даже с применением силы в случае надобности. Это соглашение ставило под вопрос жизнь советских граждан, воевавших в добровольческих легионах. Предвидя угрозу, руководители кавказского, украинского и туркестанского комитетов в феврале 1945 г. в Женеве встретились с Алленом Даллесом и постарались ему объяснить, что после окончания войны служившие в легионах представители нерусских народов могут быть полезны западным странам. Даллес им сказал, что, если сотрудничавшие с Германией национальные комитеты будут признаны Берлином в качестве независимых эмигрантских правительств, это может обеспечить оказание им помощи. Вместе с тем 23 февраля 1945 г. Турция объявила войну Германии, что отрицательно сказалось на боеспособности тюркских частей войск легионеров. Поведение размещенной в Северной Италии 162-й пехотной дивизии побудило ее командира генерала Хайгендорфа с тревогой сообщать об антигерманских настроениях в частях. Было решено для поднятия боевого духа в дивизии командировать Фаталибейли-Дудангинского в Италию. 7 марта 1945 г. председатель Собрания народов, поработанных Россией, Михаил Кедия сообщил представителю Восточного министерства, генералу СС Бергеру, что командировка Фаталибейли-

Дудангинского в Северную Италию будет иметь смысл только в том случае, если Германия официально признает независимость кавказских народов¹⁵⁶.

На пороге своего поражения третий рейх принял такое решение. 17 марта 1945 г. Альфред Розенберг от имени германского правительства признал Азербайджанский меджлис национального единства в качестве временного правительства будущего независимого Азербайджана. Вместе с ним были признаны как национальные правительства и другие кавказские национальные комитеты, а 24 марта – Национальный комитет Туркестана¹⁵⁷. Фаталибейли высоко оценил этот акт. Он писал: «Не важно, что это произошло за полтора месяца или же за пять минут до развала империи. Главное в том, что это великое достижение азербайджанского народа добыто трудами и кровью сынов Азербайджана»¹⁵⁸. Майор Фаталибейли отмечал, что, подписывая этот акт, Альфред Розенберг признал ошибочность своей расовой теории, вечность и негасимость стремления тюрков и кавказцев к независимости¹⁵⁹.

8 мая 1945 г. фашистская Германия подписала акт капитуляции. Закончилась война в Европе. Начался тяжелый период в жизни азербайджанских легионеров, воевавших на стороне вермахта. В соответствии с решением Ялтинской конференции часть легионеров была возвращена на родину, другая часть с большим трудом размещена в Турции, третья рассеялась по странам Западной Европы. По примерным подсчетам, к моменту капитуляции Германии в руках западных союзников находилось 28 тыс. азербайджанских легионеров. Из них только 800 чел. смогли устроиться в западных странах, остальных союзники сдали советским военным властям¹⁶⁰. До подписания акта о капитуляции руководство Германии успело подготовить необходимые документы для глав национальных комитетов. Главу Азербайджанского национального комитета Фаталибейли-Дудангинского отправили в Египет, Алихан Кантемир и Кедия переправились в Швейцарию, Вели Каюм-хан предпочел остаться в Германии¹⁶¹. Судьба части военных и гражданских эмигрантов, приютившихся в Турции, также оказалась плачевна. В рапорте МИД Турции от 22 мая 1945 г. указывалось, что принадлежащие союзникам граждане должны быть им выданы. После обсуждения этого рапорта правительство 6 августа 1945 г. выдало 195 военных эмигрантов Советскому Союзу. Большинство из них составляли азербайджанцы. По поводу двух офицеров-азербайджанцев Энвера Казиева и Адама Гардашбейли, проживавших в Турции, но тоже попавших в этот список, в Великом национальном собрании Турции прошли бурные обсуждения¹⁶².

Жестокая судьба неласково обошлась с легионерами. Из нацистских лагерей они перекочевали в советские. Победа Советского Союза во Второй мировой войне создала массу проблем и для политэмигрантов. Некоторых из них советские спецслужбы насильно вывезли в СССР, где они стали жертвами сталинских репрессий. Другие вели скрытный образ жизни в странах Запада. Но с началом «холодной войны» они опять приступили к открытой политической борьбе против Советского Союза.

ГЛАВА VII СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИКА РАСШИРЕНИЯ ЮЖНЫХ РУБЕЖЕЙ

§ 1. Завершение войны в Европе и активизация советской политики в Иране

Война в Европе завершилась в мае 1945 г. Союзники победили. 8 мая английское, американское, советское радио объявили о безоговорочной капитуляции Германии. Эту победу с большой радостью встретили и в Азербайджане. Вместе с Советским Азербайджаном Победу праздновали во всех городах Южного Азербайджана. Иран праздновал завершение мировой войны в обстановке правительственного кризиса. Кабинет Мортеза-Коли Баята в апреле 1945 г. подал в отставку. Советы попытались воспользоваться правительственным кризисом и привести к власти Ахмеда Кавама. С этой целью состоялись секретные переговоры в различных политических кругах. Одновременно в марте–апреле 1945 г. Кавтарадзе подготовил два рапорта на имя Молотова по поводу помощи Каваму в его борьбе за власть. Но осуществить эти планы не удалось¹. После долгих обсуждений формирование нового кабинета поручили 76-летнему Ибрагиму Хаким-уль-Мульку (Хаками). 13 мая был объявлен состав нового кабинета². Хаками занял должности премьер-министра и министра внутренних дел. Вместе с Сеидом Хасаном Тагизаде он основал партию «Прогресс». Когда формировалось правительство, Тагизаде – посол Ирана в Лондоне – руководил иранской делегацией на конференции в Сан-Франциско. По сведениям советских спецслужб, Ибрагим Хаками питал проанглийские настроения и являлся членом тайной партии «Фракцион» с центром в Лондоне. Пост министра иностранных дел в новом кабинете занял Ануширван Сепакхоби. В тот же день, 13 мая, Хаками объявил в парламенте программу нового правительства. Эта программа, состоящая из 7 пунктов, в основном посвящалась укреплению дружественных отношений Ирана с союзниками, решению экономических, налоговых, бюджетных и т. п. задач.

В связи с формированием правительства во главе с Хаками заведующий ближневосточным отделом НКВД СССР Сычев писал Кавтарадзе, что этот кабинет комплектовался в период обострения борьбы между демократами и реакционерами, англофилами и сторонниками Советов, а также нейтральными слоями населения. В междоусобице демократы и народники, фракция «Азади», группа Мосаддыка выступали против Хаками. Они поддерживали более активного Кавама. В то же время, хотя в кабинет и попали несколько англофилов, в целом такой кабинет Англию не устраивал³.

Первым политическим шагом нового правительства стало вручение соответствующих нот советскому, британскому и американскому посольствам с уведомлением о необходимости вывода их войск из Ирана. В ноте министра иностранных дел Ануширвана Сепакхоби, врученной советскому послу М. А. Максимова 19 мая 1945 г., говорилось, что иранская сторона сердечно радуется окончанию войны, что иранское правительство считает своим долгом поздравить доблестную советскую армию, разбившую и заставившую капитулировать германские войска. А далее после заверений в дружественном отношении к Советскому Союзу иранское правительство доводило до сведения посла следующую просьбу: война в Европе официально завершена, и в результате отпала необходимость сохранения в Иране существующего положения, в этой связи иранская сторона полагает, что необходимости размещения советских войск на территории Ирана больше нет. Правительство Ирана просило вооруженные силы Советского Союза покинуть страну⁴. В ноте содержалась просьба к советскому посольству довести это до сведения правительства СССР и сообщить о согласии в МИД Ирана. Примерно такого же содержания ноты получили послы Великобритании и США. Тогда же, 23 мая, посол в Москве Меджид Ахи вручил текст ноты, полученной от министра иностранных дел Сепакхоби, заместителю руководителя НКВД СССР Кавтарадзе⁵.

Следует отметить, что иранское правительство, озабоченное развитием событий в Южном Азербайджане, находившемся под контролем советской армии, ставило вопрос о выводе иностранных войск из Ирана после совместного заявления союзников от 9 сентября 1943 г. По указанию тегеранского правительства посол Ирана в Москве 1 ноября 1943 г. вручил ноту соответствующего содержания советскому правительству. Но советская сторона 15 ноября ответила, что не видит резона вносить изменения в трехсторонний договор от 29 января 1942 г. 19 января 1945 г. Иран снова поднял этот вопрос, на что НКВД СССР слово в слово повторил текст ответной ноты от 15 ноября 1943 г. В феврале 1945 г. на Ялтинской конференции бри-

танский министр иностранных дел Энтони Иден также коснулся вопроса о выводе иностранных войск из Ирана. Он получил поддержку от своего американского коллеги, однако советская сторона отказалась обсуждать данную тему⁶. Несмотря на серьезное давление союзников, Молотов не стал подписывать с Энтони Иденом и Эдвардом Стеттиниусом декларацию о выводе иностранных войск из Ирана⁷.

К концу войны вопрос вывода иностранных войск из Ирана поднимался все чаще; естественно, что Советский Союз, чтобы закрепиться в Иране, особенно в Южном Азербайджане, и распространить здесь свое влияние, предпринял определенные шаги. Во всех планах Москвы в этом направлении Советский Азербайджан играл важную роль. Ввиду возникшего у СССР желания расширить свои границы в сторону соседей, верующим различных религиозных конфессий разрешили иметь свои организации с расчетом в будущем использовать их во внешнеполитической пропаганде. В первую очередь такое решение советского руководства преследовало цель создать у соседних народов впечатление, будто советское общество не является сплошь атеистическим. В предвидении крупных дел в Южном Азербайджане Политбюро ЦК ВКП(б) 6 марта 1944 г. по представлению наркома государственной безопасности СССР В. Н. Меркулова приняло решение о создании Духовного управления мусульман Северного и Южного Кавказа. Решение предусматривало, что Духовное управление мусульман Северного Кавказа (суннитов) будет расположено в г. Буйнакск Дагестанской АССР, а Духовное управление суннитов и шиитов Южного Кавказа – в городе Баку. Выписки из решения Политбюро были направлены Молотову, Маленкову, Меркулову, Багирову и Азизу Алиеву⁸. Вскоре в Баку состоялись выборы руководителя Духовного управления. Восьмым шейх-уль-исламом избрали Ахунд-Агу Ализаде, известного религиозного деятеля, который ранее уже избирался шейх-уль-исламом Азербайджанской Демократической Республики.

В марте 1944 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР подготовили план реализации постановления «О мероприятиях по усилению экономической и культурной помощи населению Южного Азербайджана», где отмечалось, что особое внимание следует уделять религии и духовенству как средству воздействия на население. В соответствии с этим планом в мае 1945 г. был организован вояж в Тегеран и города Южного Азербайджана председателя Духовного управления мусульман Южного Кавказа Ахунд-Аги Ализаде. Всей программой и организацией визита шейх-уль-ислама занимались НКВД и НКГБ Азербайджанской ССР⁹. О визите телеграфом заранее оповестили члена межлиса шейх-уль-ислама Мелаери, который распорядился,

чтобы представители властей Ирана достойно встретили Ахунд-Агу Ализаде и проводили его до Тегерана. В свете интересов Советского Азербайджана это был очень важный визит. Ахунд-Агу Ализаде еще раньше знали в Иране как авторитетного религиозного деятеля. О нем имели весьма высокое мнение иранские улемы, некогда вместе с ним получавшие духовное образование в Багдаде и Наджафе. С другой стороны, в середине 1944 г. в Иране широко распространялось его обращение к мусульманам всего мира. Некоторые иранские газеты даже напечатали это обращение, которое также зачитывалось в крупнейших мечетях Тегерана, Тебриза, Мешхеда и других городов¹⁰.

22 мая делегация в составе Ахунд-Абдул-Рахима Ахундзаде, Ахунд-Молла-Мюзаффара Мирзаджанзаде и сопровождающего их Али Самедова во главе с Ахунд-Агой Ализаде выехала спецпоездом по маршруту Баку–Джюльфа–Тебриз–Зенджан–Казвин–Тегеран. 23 мая в 19.00 делегация прибыла в Тебриз. Все духовенство Тебриза во главе с известным религиозным деятелем Абуль-Гасаном Сиккат-оль-Исламом, заместитель губернатора Никчу, высокопоставленные чиновники государственного аппарата, ханы, беки, купцы и интеллигенция участвовали в церемонии встречи гостей. Среди встречавших находились генконсул СССР в Тебризе Матвеев и секретарь консульства Р. Кулиев. Никчу выступил на вокзале с краткой речью. Он высоко оценил значение прибытия в Иран Ахунд-Аги Ализаде. В честь высокого гостя зарезали жертвенных животных. На центральной улице народ то и дело останавливал машину шейх-уль-ислама, чтобы радушно приветствовать его. Гости из Баку остановились в доме Сиккат-оль-Ислама – главы секты «Шейхи». Глава другой сильной секты «Мюташар» Гаджи-Мирза-Халил-Ага Мюджтахиди сильно обиделся на него. Он воспринял это как неуважение к своей секте и во всеуслышание обещал не посещать шейх-уль-ислама. Но советские органы приняли превентивные меры, и Мюджтахиди также посетил Ахунд-Агу Ализаде.

В доме Сиккат-оль-Ислама был устроен большой прием. Здесь же присутствовал вице-консул Ирака Доджейли. Различные газеты Тебриза и Тегерана, находившиеся под влиянием советских органов, уделили много внимания визиту шейх-уль-ислама в Иран. Газета «Иран-е ма» назвала его одной из известнейших личностей мусульманского мира и признала значимость приезда шейха в глазах иранского правительства¹¹. Газета «Эгдам» приветствовала Ахунд-Агу Ализаде от имени иранских мусульман и заверяла, что этот визит поможет укрепить веру в мусульманах Южного Кавказа. Франкоязычный «Журнал де Тееран» писал, что шейх-уль-ислам считается одним из авторитетных лиц Советского Союза.

Отмечалось, что делегация собирается посетить известные религиозные центры Ирана – Кум и Мешхед. Газета «За Родину» в те дни поместила большой портрет Ахунд-Аги Ализаде и статью о «расцвете» ислама в СССР¹². 26 мая издающаяся в Тебризе «Хавер-е ноу», высоко оценивая этот визит, писала: «Иранский народ от души приветствует господина шейх-уль-ислама и сопровождающих его лиц. Население, узнавшее в прошлую среду о приезде шейх-уль-ислама, с шести часов вечера собралось на вокзале. Все уважаемые люди во главе с губернатором и Сиккат-оль-Исламом вышли встречать дорогих гостей. В знак уважения шейх-уль-ислам вышел к народу. Десятки тысяч горожан выстроились вдоль дороги. В саду Гюлюстан собрался большой митинг»¹³. В том же номере газеты было опубликовано стихотворение Мохаммеда Бири, посвященное шейх-уль-исламу.

По просьбе духовенства и общественности, 27 мая Ахунд-Ага Ализаде выступил с речью в Тебризской мечети. До этого момента недружелюбно настроенные к Советам люди, особенно сторонники Сеида Зия-ад-Дина (Табатабаи), утверждали, что шейх-уль-ислам прислан в Иран вести пропаганду за Сталина и будет говорить по-русски. Но шейх-уль-ислам говорил по-азербайджански, и речь его по содержанию и уровню вызвала уважение у многих. В отчете советского посольства в стиле советской пропаганды отмечено, что слушатели говорили: «Очень жаль, что у нас нет таких деятелей, сильных и подготовленных, умеющих так красиво преподнести просвещение, науку и образование»¹⁴. Успешное выступление шейх-уль-ислама перед тысячной аудиторией в Тебризской мечети существенно ослабило действие контрпропаганды против него. О нем рассказывали, будто он вовсе не мулла, а агент, наряженный в религиозные одеяния, но Мирза-Халил-Ага Мюджтахиди твердо заявил, что все это ложь: они вместе учились в Наджафе, шейх – настоящий божий человек и в этом не может быть никаких сомнений¹⁵. 28 мая председатель Тебризской торговой палаты, один из известных богачей Азербайджана Садагяни в своем доме устроил большой прием в честь шейх-уль-ислама.

Приезд из Баку высокопоставленного религиозного деятеля после 25-летнего перерыва в тебризских дискуссиях воспринимался неоднозначно. Высланные в 1930-е гг. из Азербайджана в Иран хорошо помнили, как жестоко большевики преследовали религию. Пришедший приветствовать шейх-уль-ислама Ядулла-хан Аларлы, суммируя мнения помещиков, сказал: «Большевики собираются скоро поменять общественный строй в Иране. Поэтому прислали религиозных деятелей, чтобы наладить связь с иранским духовенством и тем самым, оказав сильное влияние на население, вместе с рабочим классом свалить наше правительство и установить свои порядки»¹⁶.

Зубной врач С. Шабустари так расценил визит Ахунд-Аги Ализаде: «Русские, видя, что другими способами не могут перетянуть иранцев на свою сторону, теперь используют религиозных деятелей»¹⁷.

Советы, с одной стороны, защищали партию Туде, а с другой стороны, отправили религиозных деятелей в Южный Азербайджан. Это, несомненно, вызывало недовольство националистических сил и служило причиной колебаний некоторых слоев. Заместитель начальника Управления просвещения Тебриза Саффат говорил: «Я никак не могу понять советскую политику в Иране. Мы видим, что они поддерживают Народную партию, и это дает нам право думать, что Советский Союз готовит переворот в Иране. С другой стороны, они посылают в Иран религиозных деятелей, хотя мероприятия духовенства и Народной партии противоречат друг другу. Можно сказать, что в Иране крупные духовные чины в то же время являются и крупными землевладельцами. Поэтому они борются против Народной партии. Советскому Союзу придется остановить свой выбор на одной из этих сил»¹⁸.

30 мая в канцелярии губернатора Тебриза был устроен прощальный прием в честь шейх-уль-ислама. В тот же день делегация отправилась в Миане. Здесь в двух километрах от въезда в город шейх-уль-ислама встретили: Сеид Шафи Табатабаи, духовный глава города Сеид Мир-Мехди, десять религиозных деятелей, шестьсот представителей горожан. Погостив в городе, делегация отправилась в Зенджан¹⁹. За день до этого состоялось обсуждение подготовки к приему гостей. Собрались руководство советского гарнизона, мэр города Реза Фахими, прокурор Шорухи, владелец более трехсот селений, помещик Султан Махмуд-хан Зульфугари. Неожиданно мэр обратился к военному начальству: «Скажите, пожалуйста, какой чин у шейх-уль-ислама и сопровождающих его лиц? Мне это нужно знать, чтобы подготовить соответствующую речь в его честь. Кто он – полковник или генерал?»²⁰ Реза Фахими быстро понял, что эти слова ему дорого обойдутся. Нарком государственной безопасности АзССР С. Ф. Емельянов сообщил в НКГБ СССР: «Когда шейх-уль-ислам появился в вестибюле вокзала, несколько тысяч человек преклонились перед ним. Многие бросились к нему, целовали его руки, ноги, подол и плакали от счастья. Среди плачущих был и мэр города Реза Фахими»²¹.

После церемонии встречи на вокзале шейх-уль-ислам на автомобиле Зульфугари отправился в дом мюджтахиды Сеид-Абульфаза Мусеви. Улицы города были полны людей, поэтому вокруг дома Мусеви стояли полицейские посты, но, как только автомобиль остановился, люди бросились к нему. Некоторые легли на землю, про-

ся, чтобы шейх своими благословенными ногами наступил на них. Мюдждахид Мусеви дал большой прием в честь гостя. 1 июня в мечети Зенджана шейх-уль-ислам прочел лекцию о двенадцати святых имамах. Слушали его внимательно, не сдерживая слез. Некий Абдул Ализаде, бывший руководитель зенджанской ячейки Народной партии, а ныне переводчик мэра, после лекции сказал: «До этого события мы не верили, что он действительно религиозный деятель. А теперь многие убедились, что шейх-уль-ислам действительно большой ученый. Раньше мы сомневались, что на Южном Кавказе есть муллы. А если и есть, то они муллы-безбожники. Теперь мы увидели обратное»²².

2 июня Ахунд-Ага Ализаде прибыл в Казвин. На вокзале гостей встречали мэр города Фагихзаде, начальник городской управы Гияс Низами, начальник отдела образования Гютве, председатель суда и руководитель общества дружбы Ирана и СССР Аджеми, начальник финансового управления Азери, директор банка Сопейки, шестеро землевладельцев (в том числе Рашфенди и Аламути), группа купцов (в том числе Абришеми и Моини), редактор газеты «Новруз» Новрузи, двадцать семь представителей духовенства – в общей сложности 400 чел. Советский консул в Казвине Чивилев и представители советских учреждений также были среди встречавших. Ахунд-Ага Ализаде два дня оставался в доме директора школы Моини. Не прекращался поток посетителей: известные религиозные деятели, имам Джума, председатель местного филиала партии Туде, представители властных структур – все хотели приветствовать почетного гостя. 3 июня шейха посетили генерал-майор Агасалим Атакишиев и консул Чивилев вместе с высокими чинами советской армии²³.

4 июня в Тегеране гостям из Баку устроили прием на высоком уровне. Депутаты меджлиса шейх-уль-ислам Мелаери, Фатали Ипекчиан, Садр Гази, Фирузабади, Фарман Фармаиан, Мехти Адл и другие лично явились на вокзал. Ахунд-Ага Ализаде и сопровождавшие его лица остановились в доме шейх-уль-ислама Мелаери. В течение нескольких дней тысячи людей, в том числе бывшие премьер-министры Мортеза-Коли Баят, Али Сохейли, Ибрагим Хакими, Кавам ос-Султан, новый глава правительства Мохсен Садр (Садр-уль-Ашраф), министры различных кабинетов, председатель меджлиса Табатабаи, члены меджлиса, ученые и преподаватели, тудеисты и деятели других политических организаций, журналисты отметились у него²⁴. 7 июня «Иран-е ма» и другие столичные газеты напечатали ответы шейх-уль-ислама на вопросы журналистов об отношении к религии в СССР²⁵. В тот же день Ахунд-Ага Ализаде в сопровождении шейх-уль-ислама Мелаери был принят шахом Мохаммедом Резой. Более часа длилась беседа с шахом, который интересовался

положением исламской религии в СССР, численностью мусульман на Кавказе и т. п.²⁶ Сам факт приема у шаха благоприятно повлиял на умы и сердца религиозного населения Ирана, столичная пресса ежедневно писала об этом. Газета «Дад» хвалила труд шейх-уль-ислама 30-летней давности, когда он перевел Коран на азербайджанский язык. Высокой оценки заслуживали и личные качества шейха, знание нескольких языков, воспитание двух сыновей-врачей, занятия наукой и просвещением²⁷. Корреспондент «Иран-е ма» писал: «Увидя шейх-уль-ислама, я понял, что это тот человек, о котором я мечтал. Под его красивой белоснежной чалмой скрывается глубокий ум, думающий о благе всего человечества, и здравый рассудок»²⁸. Ахунд-Ага Ализаде, считал корреспондент газеты «Мозаффар», «кроме высокой духовной должности, еще и крупный ученый»: «30 лет назад он перевел Коран на азербайджанский язык. Арабский и фарси он знает на уровне, достойном зависти»²⁹.

8 июня Ахунд-Ага Ализаде вместе с шейх-уль-исламом Мелаери отправился в Кум поклониться могиле Святой Масумы, затем состоялась встреча с известными религиозными деятелями этого важнейшего в Иране богословского центра. В ходе беседы шейх объяснил цель своего визита в Иран, обменялся мнениями по некоторым канонам ислама. Возвратившись в Тегеран 12 июня, он выступил с лекцией на богословском факультете Тегеранского университета. Премьер-министр Мохсен Садр, министр просвещения, духовенство высокого ранга, профессура, сотрудники советского посольства расположились среди слушателей. В тот же день Ахунд-Ага Ализаде встретился с известным религиозным деятелем Гаджи-Ага-Резой Рафии, который преподнес гостю в дар написанный им пятитомный комментарий к книге Рухуллы Беяи.

13 июня редактор газеты «Дад» Амиди Нури устроил большой прием в честь гостей из Баку, длившийся более пяти часов. Шейх-уль-ислам дал журналистам интервью, а затем выступил перед собравшимися. Вечером состоялось выступление шейха по тегеранскому радио. Он сказал: «Сейчас советское правительство дает всем образование, независимо от национальности и вероисповедания. Необразованных в деревнях можно пересчитать по пальцам. В Азербайджанской Республике функционируют институты и техникумы. У нас есть академики, такие, как Миркасумов, знаменитые профессора Эфендиев, Абдуллаев, Караев, Мамедалиев, местные кадры-специалисты высокого профиля»³⁰.

14 июня Ализаде и Мелаери поехали в Мешхед. Из аэропорта оба напрямиком направились к мавзолею имама Резы. Поклонившись могиле святого, гости поехали к знаменитому улему Кафай, в доме

которого в течение двух дней принимали посетителей, в том числе губернатора и бывшего премьер-министра Али Мансура. 17 июня Ахунд-Ага Ализаде и сопровождавшие его лица в Хорасане посетили мавзолей Абулгасыма Фирдоуси и осмотрели музей Мешхеда. 18 июня он вновь вернулся в Тегеран. Последующие пять дней прошли в том же напряженном ритме встреч и бесед. 23 июня азербайджанская делегация прибыла в Решт, где в доме Гаджи-Аги Гасана целый день принимала посетителей. 24 июня в честь дня рождения имама Али шейх-уль-ислам выступил с лекцией перед четырехтысячной аудиторией. По дороге домой в городе Пехлеви шейх гостил в доме имама Джумы Пишвази. В мечети Пехлеви он прочел лекцию перед тремя тысячами верующих. 26 июня грандиозный вояж, длившийся более месяца, завершился. Этот визит сыграл исключительную роль в деле пропаганды Советского Азербайджана в Иране, и особенно в Южном Азербайджане. Советник советского посольства в Тегеране Ахад Якубов в отчете на имя Кавтарадзе и Багирова писал следующее: «Своими глубокими знаниями шейх-уль-ислам Ахунд-Ага Ализаде произвел должное впечатление на общественность, духовенство и верующих Ирана. Его поездки по Ирану, поклонение святым местам в Куме и Мешхеде, работа в Тегеране стали тяжелым ударом по инсинуациям реакционных англофилов и зарубежных шпионов, извращающих роль религии в СССР. Его вояж оказался крайне полезным в деле налаживания очень нужных нам связей с религиозными деятелями из Ирана»³¹.

Советские учреждения в Иране внимательно следили за визитом шейх-уль-ислама. Во всех городах пребывания советские работники присутствовали на переговорах шейха с визитерами и отсылали в Баку и Москву подробные отчеты. Например, отчет наркома государственной безопасности Азербайджанской ССР С. Емельянова состоял из 22 страниц, а отчет А. Якубова из 14 страниц. Отдельные советские учреждения, работавшие в Иране, также докладывали в Баку о встречах шейх-уль-ислама. Якубов в своем отчете рекомендовал, чтобы прибывающие с Кавказа и, особенно, из Средней Азии религиозные деятели учитывали, что местное население здесь – шииты. Он предлагал в ответ на визит шейх-уль-ислама пригласить в Баку шейх-уль-ислама Мелаери. По мнению Якубова, доклад Ахунд-Аги Ализаде на арабском и фарси следовало передать по бакинскому радио. Он даже считал целесообразным открыть представительства Духовного управления мусульман Южного Кавказа при мечетях Тегерана, Кума, Мешхеда, Тебриза. Далее Якубов предлагал опубликовать отдельной книгой результаты визита азербайджанской делегации в Иран, тексты лекций, прочитанных в Тегеранском универ-

ситете и в других городах³². Издание подобной книги взял на себя редактор тегеранской газеты «Дад» Амиди Нури. В связи с этим советский посол Максимов просил Багирова прислать материалы на фарси о положении ислама на Кавказе, чтобы помочь Нури в работе над книгой. В ответ на это письмо Ахунд-Ага Ализаде написал пространную статью, озаглавленную «Правда о состоянии исламской религии в Советском Союзе»³³.

Политические цели, преследуемые поездкой азербайджанской религиозной делегации в Южный Азербайджан, были достигнуты. Накануне больших событий удалось показать населению Южного Азербайджана видимость высокого уровня религиозности Советского Азербайджана. Шейх-уль-исламу пришлось изгонять из сердец южных азербайджанцев страх перед «Обществом безбожников». В этом состояла его заслуга перед Южным Азербайджаном, вступающим в период великих потрясений.

§ 2. Советские планы присоединения Иранского Азербайджана

В июне 1945 г. положение в Южном Азербайджане заметно осложнилось. В Иране углублялся новый правительственный кризис: правительство Ибрагима Хакими подало в отставку, а новый премьер, 70-летний Мохсен Садр (Садр-уль-Ашраф), никак не мог получить вотум доверия меджлиса³⁴. Оппозиционное меньшинство меджлиса и Народная партия не поддерживали кандидатуру Садра, считая его реакционером. Несмотря на старания сторонников Сеида Зия-ад-Дина и оппозиционного большинства, процесс получения вотума доверия продлился два месяца. Мохсен Садр во времена Реза-шаха был министром юстиции. Это он юридически обосновал передачу Реза-шаху Мазендеранской равнины. Он вел следствие по делу участников революционного движения в начале века. Не без стараний Садра многих из них казнили. В присутствии шаха, во время приема, представитель оппозиции меньшинства доктор Мохаммед Мосаддык открыто заявил, что фракция, возглавляемая Садром в меджлисе, саботирует работу правительства, способствует частой его смене, поэтому он от имени своих единомышленников просит шаха приказать Садру уйти в отставку³⁵.

Многочисленные обращения Багирова в Кремль и Махмуда Алиева в НКВД СССР весной 1945 г. наконец возымели действие. Некоторые западные исследователи справедливо пишут, что переписка Багирова с Москвой показывает важную роль официального

Баку в иранской политике Сталина³⁶. Спустя месяц после победы над Германией, 10 июня, председатель Совнаркома Сталин подписал секретное постановление «Об организации советских промышленных предприятий в Северном Иране», в котором шла речь о создании филиалов промышленных предприятий Советского Азербайджана в Тебризе и других городах. Совнарком распорядился открыть в Южном Азербайджане сахарный завод – филиал Бакинской карамельной фабрики; обувную фабрику в Тебризе – филиал Бакинской обувной фабрики с годовой производительностью в 100 тыс. пар обуви; прядильно-ткацкую фабрику – филиал Бакинского текстильного комбината; трикотажно-чулочную фабрику – филиал Азербайджанского трикотажного комбината; шелкомотальную фабрику – филиал Шекинского шелкокомбината. Строительство этих предприятий, обеспечение их инженерно-техническим персоналом и квалифицированной рабочей силой, а также руководящими кадрами возлагалось на соответствующие наркоматы. Поставку оборудования и материалов следовало закончить до 1 октября 1945 г.

Руководителей Наркомзема Азербайджанской ССР (Сафгара Джафарова) и Наркомпищепрома Азербайджанской ССР (Адамяна) обязали командировать в Иранский Азербайджан двух-трех специалистов для выяснения существующей сырьевой базы для сахарного завода и условий для расширения посевных площадей сахарной свеклы. Председателю СНК Азербайджанской ССР Теймуру Кулиеву поручили направить в Иран своих представителей с заданием получить земельные участки, необходимые для строительства планируемых объектов. Союзным наркоматам надлежало составить проекты и сметы на эти предприятия и представить их на утверждение в Наркомфин СССР не позднее 1 августа 1945 г. Наркомпищепром СССР должен был в месячный срок определить мощность сахарного завода и представить свои соображения в СНК СССР, глава Наркомфина СССР Зверев – обеспечить финансирование строительства и производственной деятельности упомянутых предприятий в пределах утвержденных смет. Председателю Госплана СССР Н. А. Вознесенскому предписывалось предусмотреть выделение в III и IV кварталах 1945 г. по заявкам Совнаркома Азербайджанской ССР материалов и оборудования, необходимых для строительства и монтажных работ.

НКВД Азербайджанской ССР было позволено по согласованию с НКГБ и ЦК КП(б) Азербайджана выдавать разрешения на выезд лицам, командируемым в Иран по делам организации и деятельности создаваемых предприятий. Наконец, руководство организацией, строительством и производственной деятельностью этих предприятий

возлагалось на председателя СНК Азербайджанской ССР Теймура Кулиева³⁷. Постановление Совнаркома СССР от 10 июня предвещало в ближайшем будущем объединение Иранского Азербайджана с Советским Азербайджаном. Таким образом, «в июне 1945 г. политика Советского Союза в отношении Ирана вступила в новую и более агрессивную фазу»³⁸.

За несколько дней до принятия этого решения СНК, 6 июня, в отделе международной информации ЦК ВКП(б) состоялось широкое обсуждение положения в Иране, включая и Южный Азербайджан. По данному вопросу выступил ответственный работник ЦК Козлов. Он отметил, что Иран – как источник топлива – имеет большое значение не только для военно-морских, но и для военно-воздушных и сухопутных сил. Козлов напомнил, что нефтяная промышленность Ирана находится в руках англичан, а в последнее время и американцы проявляют интерес к этой стране. Укрепляясь в Иране, отметил докладчик, Англия обеспечивает безопасность Британской империи, при этом активизация реакционных сил в соседней стране создает серьезную опасность для нефтяного района СССР. Козлов подчеркнул, что «в Иране нефть есть повсюду, в том числе и на севере». Советский Союз мог бы сыграть важную роль в добыче северной нефти³⁹. Анализируя расстановку политических сил в Иране, Козлов сообщил, что профсоюзы Ирана объединяют 150 тыс. чел., но самой массовой политорганизацией является Народная партия, имеющая 20 тыс. членов⁴⁰. В докладе Козлова уделялось внимание и национальному вопросу. Он указал, что в национальном отношении для Ирана характерна пестрая палитра. Персы в своей стране обладают сравнительным большинством и составляют примерно 55 % всего населения. За ними следуют различные тюркские народы – 35 %, затем различные племенные объединения: курды, бахтияры, кашкайцы, все вместе – 10 %. Армяне, айсоры и другие народности составляют малый процент населения. Между тюрками и персами существует если и не вражда, то, во всяком случае, серьезные противоречия⁴¹.

Международный отдел ВЦСПС представил справку, в которой 5-миллионное население Иранского Азербайджана сравнивалось с такими европейскими странами, как Ирландия и Болгария⁴². После этих обсуждений советская политика в Южном Азербайджане приняла официальный характер, ее отправной точкой стало именно противостояние двух крупнейших народов страны, противоречия между которыми углублялись с каждым днем. Нет сомнений, что в этом углублении определенную роль играла и советская пропаганда. Наркомату иностранных дел СССР и ЦК КП(б) Азербайджана уже поручили выработать предложение по разрешению азербайджан-

ского вопроса. 11 июня 1945 г. проект постановления ЦК ВКП(б) об инициировании в Южном Азербайджане и других северных областях Ирана движения за отделение от Ирана был направлен на рассмотрение Молотову, Багирову и Кавтарадзе⁴³, а после первичного рассмотрения и другим советским руководителям.

Одновременно Государственный комитет обороны СССР поручил Наркомату иностранных дел СССР, руководству Советского Азербайджана, Наркомнефти СССР и ответственным работникам «Азнефти» срочно представить предложения по организации геологической разведки нефтяных залежей на севере Ирана⁴⁴. Основываясь на полученных предложениях, 21 июня Сталин подписал постановление ГКО № 9168 «О геологоразведочных работах на нефть в Северном Иране»⁴⁵. В этом документе под грифом «совершенно секретно» постановлялось: «Организовать в составе объединения “Азнефть” Наркомнефти гидрогеологическое управление, возложив на него организацию геологической разведки нефтяных месторождений в Северном Иране». Для проведения разведочных работ в Северном Иране руководителей Наркомнефти СССР Н. К. Байбакова и «Азнефти» С. А. Везирова обязали укомплектовать из числа работников нефтяной промышленности необходимое число буровых и разведочных бригад и направить их к месту работы в качестве гидрогеологического отряда, созданного при штабе советских войск в Иране (г. Казвин)⁴⁶.

По замыслу Госкомитета обороны, бригады нефтяников, выдавая себя за гидрогеологов, должны были проводить бурение, геосъемку местности и геофизическую разведку. Для глубокого бурения требовалось 10 станков, в том числе 3 стационарных в Шахи, Бендер-Шахе, Миане, 4 стационарных в Шахи, Болгарчае, Хое; 3 передвижных бурильных агрегата в Бендер-Шахе, Баболсаре, Пехлеви. Для проведения глубинной геосъемки снарядили большую экспедицию из 10 геологических партий в Горганскую степь, Ашраф, Шахи, Амол, Хоррамабад, Болгарчай, Джульфу, Зенджан, Тебриз и Ардебиль. Для геофизической разведки еще одна экспедиция работала от границ Туркмении до азербайджанских границ в Горганской степи, Мазендеране и Рештской долине. Байбакову и Везирову дали задание до 1 сентября 1945 г. доставить необходимую технику в указанные места, чтобы буровые и разведывательные работы начались в сентябре. Наркому нефтяной промышленности велели до 1 августа отправить рабочие бригады в Казвин, оборудование привезти в Иран в течение августа.

Наркому внешней торговли СССР А. И. Микояну надлежало выделить в июне–июле 1945 г. из импортных поступлений 15 тракторов-

тягачей и 120 грузовых автомашин. Командующему Закавказским фронтом генералу Тюленеву поручили предоставить гидрогеологическому отряду необходимые служебные и жилые помещения в Казвине и других городах, а также обеспечить безопасность буровиков. Наркомфин СССР был обязан выделить в III и IV кварталах 1945 г. объединению «Азнефть» 8 млн рублей, в том числе 2 400 тыс. рублей в пересчете на иранские риалы⁴⁷; НКВД Азербайджанской ССР – в срочном порядке подготовить командировочные, путевые и пограничные документы всем выезжающим по нефтяным делам в Иран. Начальником гидрогеологического управления назначили В. Мелик-Пашаева, начальником гидрогеологического отряда при штабе советских войск в Иране – Н. Гейдарова, а его заместителем – А. Корнеева. Надзор за комплектованием отряда рабочей силой, инженерно-техническими работниками, оборудованием и материалами возлагался на Байбакова и Везирова. В последнем 11-м пункте постановления Госкомитета обороны записано: «Обязать секретаря ЦК КП(б) Азербайджана т. Багирова оказывать гидрогеологическому управлению объединения «Азнефть» всемерную помощь и осуществлять наблюдение за геологоразведочными работами на нефть в Северном Иране»⁴⁸. В результате геологоразведочных мероприятий подтвердилось наличие больших нефтяных и газовых запасов в Горганской степи, Мазендеране и на Рештской равнине. В отчете, подготовленном для Багирова, указывалось: «Внешние нефтепроявления по этому обширному району пока не известны. Однако работы отряда установили в этом районе развитие тех же пород, которые слагают турецкие, иранские и южноиранские нефтяные месторождения. Территория Иранского Азербайджана нуждается в большом и разнообразном объеме предварительных геологических исследований для выявления участков, заслуживающих практического интереса и детальной разведки»⁴⁹.

Одним из факторов, вызвавших спешку советского правительства, стало начало топогеологических изысканий, производимых англичанами с апреля 1945 г. в районах севернее и северо-восточнее Тегерана. Официально было объявлено, что работы ведутся в 16 км восточнее горы Демавенд в бассейне рек Лар и Джаджаруд с целью обеспечения Тегерана водой. К поисковым работам здесь приступила якобы приглашенная иранским правительством еще в октябре 1944 г. английская фирма «Александр Гибб и К^о». С помощью расквартированной здесь британской авиации фирма уточняла геологическую карту севернее Тегерана, а также вела буровые работы четырьмя установками. Руководил процессом крупнейший английский геолог, вице-президент Королевского общества, бывший директор депар-

тамента геологических изысканий Великобритании Эдуард Бэйли. Однако советская разведка доносила, что аэрофотосъемки района Тегерана и топографические работы не имеют никакого отношения к фирме «Александр Гибб». Участие в исследованиях в долинах рек Лар и Джаджаруд подразделений британской армии и привлечение к этим работам столь крупного геолога, как Бэйли, говорит о том, что интересы англичан выходят за рамки использования водных ресурсов упомянутых рек. Советская военная разведка считала, что англичане используют изыскания полезных ископаемых в горах севернее и северо-восточнее Тегерана как предлог для проникновения к южному побережью Каспийского моря, богатому нефтью⁵⁰.

В свою очередь, американские и британские дипломатические круги в Тегеране внимательно отслеживали нефтяные интересы СССР в Иране. В марте 1945 г. посольство США в Тегеране докладывало в Вашингтон, что министр иностранных дел Ирана Насролла Энтезам обеспокоен результатами февральских переговоров, состоявшихся в Москве между послом Меджидом Ахи и Молотовым, который пригрозил, что запрет меджлиса на выдачу концессий обернется против самого Ирана⁵¹. Некий источник в Иране, еще со времен Коминтерна главный информатор ЦК ВКП(б), 19 февраля сообщил, что отказ меджлиса связан с активизацией англофилов в Иране. По информации доверенного источника Москвы, меджлис превратился в послушное орудие англичан, и посредством именно этого орудия Англия удерживала первую линию обороны против советских нефтяных интересов – отказ в выдаче концессий⁵². В январе 1945 г. британский посол Ридер Буллард подготовил большой доклад «Советская политика в Иране», посвященный итогам визита Кавтарадзе в Тегеран осенью 1944 г. и отправленный в Форин-Офис. Копию этого доклада первый секретарь посольства США в Тегеране Ричард Форд доставил госсекретарю США. В докладе отмечалось, что СССР не обойдет молчанием отрицательное отношение британского правительства к советско-иранским переговорам по нефти и также никогда не закроет глаза на раздуваемые Британией слухи, будто передача нефтяной концессии отрицательно скажется на суверенитете Ирана⁵³. Доклад сэра Булларда, анализ решения ГКО от 21 июня 1945 г. и очередность вытекающих из этого решения практических шагов позволяют сделать вывод, что в конце Второй мировой войны нефтяной вопрос превратился в решающий фактор внешней политики СССР в Южном Азербайджане и в целом в Иране. Известный историк В. М. Зубок отмечает, что «борьба за нефть и политическое влияние в Иране между СССР, Великобританией и США вступила в решающий этап»⁵⁴. По мнению Фернанды Шейд-Рейн – автора интересных исследова-

ний по этому вопросу: «Сталин хорошо знал, что советские войска должны покинуть Иран спустя шесть месяцев после войны. И если он хочет сохранить Северный Иран под своим влиянием, Москва в ближайшие дни должна перейти к активным действиям: или добыть нефтяную концессию, или добиться образования дружественного правительства в Азербайджане, или реализовать обе эти задачи»⁵⁵. Известный на Западе исследователь сталинской политики Джеффри Робертс настаивает, что в то время Москва для получения нефтяной концессии считала необходимым давить на Тегеран и находившуюся под контролем советской армии северную часть Ирана – присоединить Южный Азербайджан к Северному Азербайджану на почве национализма. Это совпадало с нефтяными интересами Кремля⁵⁶.

В разгар нефтяной политики и усиления сепаратизма в Южном Азербайджане НКВД Азербайджанской ССР и новосозданная Академия наук Азербайджанской ССР получили задание срочно подготовить обширную справку о Северном и Южном Азербайджане. Такая справка была совместно составлена и 23 июня за подписью Махмуда Алиева и Гейдара Гусейнова отправлена в НКВД СССР. Справка напечатана на 21 странице, и в ней содержатся доказательства того, что в Северном и Южном Азербайджане живет единый народ, с единой культурой и историческим наследием, с единой моралью, бытом, языком, самосознанием, фольклором и т. п.⁵⁷

В справке отмечается, что предки азербайджанцев, населяющих северную и южную части Азербайджана, оставили след в истории под именем мидийцев⁵⁸. После того как Александр Македонский разгромил государство Ахеменидов, античные историки стали писать о возникновении государства Атропатена. По их мнению, название этой страны по-древнеперсидски звучало как Адербиган, а со времен арабского завоевания страна стала называться Азербайджан, а ее население – азербайджанцы⁵⁹. Далее анализируется процесс вхождения азербайджанского народа в состав различных государств: называются Ширваншахи, Карагоюнлу, Акгоюнлу, а в XVI в. государство Сефевидов. «Во времени шаха Аббаса I (начало XVII века), – говорится в справке, – государство Сефевидов изменило свой политический характер: на первое место в государстве выдвигаются иранские группы феодалов, которые до этого играли подчиненную роль в государстве. С этого времени Сефевидское государство из азербайджанского превращается в иранское, в котором власть сосредотачивается в руках иранских феодалов. В это время Азербайджан уже представлял собой провинцию Ирана, управляемую подчиненными иранскому шаху бегляр-беками»⁶⁰. При этом следует отметить, что к тому времени в Азербайджане еще не было написано фундаментальных

трудов о государстве Сефевидов, а потому в справке допущены определенные ошибки.

Затем в справке Махмуда Алиева и Гейдара Гусейнова повествуется об ослаблении центральной власти в Иране и образовании ханств на севере и юге Азербайджана, их борьбе за независимость. Повествуя о независимости азербайджанских ханств, авторы справки ссылаются на книгу «Описание областей Адребижанских в Персии и их политического состояния, сделанное пребывающим при его величестве царе Карталинском и Кахетинском Ираклии Темуразовиче полковником и кавалером Бурнашевым в Тифлисе в 1786 году» (издано в Курске в 1793 г.). Бурнашев в этой книге перечисляет азербайджанские владения и их владельцев, в том числе упоминает Шушу и ее владельца Ибрагим-хана, Эривань и ее владельца Мохаммед-хана, Нахичевань, управляемую Джафаргулу-ханом. Авторы справки совершенно справедливо считали отчет Бурнашева Екатерине II важным уже потому, что Баку, Куба, Шамахи, Гянджа, Карабах, Карадаг, Тебриз и другие земли суммарно называются страной Азербайджан, и даже, по мнению Бурнашева, часть этой страны, находящаяся под властью Ирана, отличается от Ирана и не принадлежит к коренным его областям⁶¹. Большое внимание в справке уделяется Гюлистанскому и Туркманчайскому договорам, по условиям которых Дербенд, Баку, Куба, Шамахи, Шеки, Гянджа, Карабах, Талыш, Нахичевань и Эриванское ханство, Илусуйское султанство, земли Джара перешли в подданство России. В документе записано: «Границей, установленной по Туркманчайскому договору, Азербайджан был разделен на две части – северная часть его вошла в состав Российской империи, южная часть осталась за Ираном»⁶². На деле главная цель этого совместного документа НКИД Азербайджанской ССР и Академии наук Азербайджанской ССР заключалась в том, чтобы в свете исторических документов высветить для Москвы мысль о разделе единого Азербайджана на две части. Подготовка такой подробной справки обусловливалась именно появлением вопроса Южного Азербайджана в повестке дня.

Часть справки посвящена судьбе Северного Азербайджана в составе Российской империи, его экономической жизни и национально-культурному развитию. После российско-иранских войн на Южном Кавказе произошли события, оказавшие влияние на смену форм административного управления; русские революционеры-демократы повлияли на культурную жизнь Азербайджана, и в результате выросло поколение просветителей в лице Аббас-Кули-аги Бакиханова, Мирзы-Фатали Ахундова, Гасан-бека Зардаби, Джалила Мамедкулизаде. В справке проводится мысль, что в целом влияние

России отразилось на возрождении национальной жизни и литературы. Большая часть справки говорит о Южном Азербайджане и его судьбе в составе Ирана, о бесславных результатах социально-политического и культурного пути. Делается упор на социально-политическую и экономическую отсталость Южного Азербайджана, особенно на фоне Северного Азербайджана. Языком М.-Ф. Ахундова и героев его книги «Три письма индийского принца Кемаль-од-Доуле к персидскому принцу Джелал-од-Доуле» авторы справки подчеркивают резкий контраст между Северным и Южным Азербайджаном. Они указывают, что революционные события 1906–1911 гг. и движение шейха Мохаммеда Хиябани начались в Тебризе именно по причине беспросветной нищеты населения и феодальной сути шахского режима. В справке так и написано: «Движение Саттархана – вождя народно-освободительной борьбы трудящихся Южного Азербайджана – носило национально-освободительный характер»⁶³.

В последней части справки освещается современное состояние Южного Азербайджана: «Положение осложнилось иотягчено тем, что шахское правительство, возглавляемое представителями из династии Пехлеви, особенно усиленно стало проводить в южной части Азербайджана политику фарсизации. Современное шахское правительство категорически запретило преподавание в и без того малочисленных школах родного для учащихся азербайджанского языка. Более того, учащимся запрещается разговаривать в школе на своем родном языке»⁶⁴. Алиев и Гусейнов, тем не менее, дают оптимистичный прогноз: население Южного Азербайджана с надеждой смотрит на своих северных братьев, «творящих новую светлую и радостную жизнь под солнцем сталинской Конституции», и считает, что удобный час для его освобождения настал.

Тяжелое социально-политическое состояние азербайджанского населения под национальным гнетом шахской реакции отмечено в целом ряде документов, подготовленных в Москве. В информации от сотрудника отдела Среднего Востока НКВД СССР Шпедько указывается, что Южный Азербайджан является самой богатой областью Ирана. Здесь проживают азербайджанцы, составляющие четвертую часть населения Ирана, сохранившие свою национальную культуру, язык и традиции. Но иранские правящие круги веками отрицают национальное своеобразие азербайджанцев и держат их в бесправном положении. Политика национального подавления, практикуемая во времена Реза-шаха, не была отменена и после развала его деспотического режима. В Иранском Азербайджане не обращают внимания на экономику, торговлю, просвещение и здравоохранение. В азербай-

джанские учреждения назначают самых жестоких чиновников, полицейских и жандармов, всеми средствами мучают народ⁶⁵.

В июне 1945 г. НКВД Азербайджанской ССР подготовил вторую справку, озаглавленную «К вопросу о разделе Азербайджана по Туркманчайскому договору» и отправленную в Москву за подписью Махмуда Алиева. В документе говорилось: «Русско-иранская война 1826–1828 гг. закончилась заключением Туркманчайского договора 10 февраля 1828 года. Этот явно несправедливый, навязанный азербайджанскому народу царизмом и шахским Ираном договор искусственно, вопреки интересам и исторической действительности, расчленяет Азербайджан на две части, устанавливает искусственную преграду между единым азербайджанским народом. С тех пор начинается трагедия азербайджанского народа, выразившаяся в том, что северная часть Азербайджана, вошедшая в состав Русского государства, под влиянием русской культуры, передовой культуры XIX–XX столетий, развивается, прогрессирует, в то время как почти четырехмиллионное население южного Азербайджана, преимущественно азербайджанцы, будучи под игом отсталого патриархально-феодального шахского Ирана, экономически и культурно отстает, переживает состояние голода и нищеты, подвергается постоянному национальному угнетению. Таким образом, река Аракс по Туркманчайскому договору ставшая границей между Ираном и Россией, искусственно разъединила единый азербайджанский народ, вопреки интересам и чаяниям его, и положила начало трагедии азербайджанского народа, продолжающейся по настоящее время»⁶⁶. В конце документа указывалось, что «ближайшей задачей освобожденных от всякого гнета азербайджанцев северного Азербайджана является – помочь своим единокровным братьям освободиться от иранской тирании, получить суверенитет и национальную свободу и воссоединиться с единокровными братьями»⁶⁷.

Для обоснования своих мыслей Махмуд Алиев ссылается на работу Сталина «Марксизм и национально-колониальный вопрос», где содержатся и такие рассуждения вождя: «Есть Украина в составе СССР. Но есть и другая Украина в составе других государств. Есть Белоруссия в составе СССР. Но есть и другая Белоруссия в составе других государств. Думаете ли вы, что вопрос об украинском и белорусском языках может быть разрешен вне учета этих своеобразных условий? Возьмите, далее, национальности СССР, расположенные по южной его границе, от Азербайджана до Казахстана и Бурято-Монголии. Все они находятся в том же положении, что и Украина и Белоруссия. Понятно, что и тут придется принять во внимание своеобразие условий развития этих национальностей. Не ясно ли, что все

эти и подобные им вопросы, связанные с проблемой национальных культур и национальных языков, не могут быть разрешены в рамках одного государства, в рамках СССР?»⁶⁸ Нарком иностранных дел Алиев, опираясь на теоретические выкладки Сталина, подкреплявшие практику присоединения Западной Украины и Западной Белоруссии к союзным советским республикам, делал вывод о необходимости присоединения Южного Азербайджана к Советскому Азербайджану.

В конце июня 1945 г. НКВД Азербайджана подготовил и отправил в Москву документы по определению границ Южного Азербайджана. При определении границ отправной точкой служил этнографический фактор. Вместе с тем в разное время в этом административном секторе Ирана произошли изменения, которые также принимались во внимание. В справке «Границы Азербайджана» эти границы в первую очередь исследованы в административном секторе времен Самсама ос-Султана и Реза-шаха, затем учтены пограничные изменения после разделения Ирана на вилайеты⁶⁹. Самые реальные цифры по территории и границам, а также населению Азербайджана указаны в докторской диссертации П. В. Милоградова «Борьба народов Ирана за независимость и демократию (1941–1948 гг.)». Диссертация была защищена в Москве в 1949 г. В ней сказано, что территория Иранского Азербайджана составляет 170 250 кв. км, население – 4,5 млн чел. По Милоградову, территория и население Южного Азербайджана размещены в Иране компактно и отвечают всем постулатам учения Сталина: главным для народа является единство языка, территории, культуры и экономической жизни. Этим требованиям удовлетворял Иранский Азербайджан⁷⁰. Милоградов отмечал, что азербайджанский язык – самостоятельный разговорный язык азербайджанского народа и по письменным особенностям не имеет ничего общего с фарси, ни по структуре, ни по лексике. Это не диалект персидского языка. Это исторически сформировавшийся язык азербайджанского народа, и азербайджанцы именно на нем говорят, пишут и читают⁷¹.

Высказывания Милоградова не были особой новостью. Еще в 1887–1888 гг. английский востоковед Эдвард Браун, исходивший пешком весь Иран и Тебриз, писал: «Азербайджан, расположенный на северо-западе страны и составляющий часть Персидской империи, имеет совершенно другой язык, не сильно отличающийся от языка османских турок. Азербайджанцы говорят на особом тюркском диалекте. Если высшие слои населения азербайджанских городов и сел еще понимают и говорят на фарси, то этот язык для них иностранный, приобретенный в процессе обучения или путешествий... Спускаясь к югу от Казвина к Тегерану, чувствуешь превалирование персидского

языка над тюркским. Но даже южнее столицы, в священном Куме, все же понимают тюркский язык»⁷².

В диссертации Милоградова одним из примечательных моментов является определение азербайджанцев как самостоятельного народа. Он отмечает: «В этом вопросе наличие Советского Азербайджана имеет большое политическое и психологическое влияние на иранских азербайджанцев. Независимо от желания правящих кругов Ирана уничтожить южных азербайджанцев как народ, пока существует Северный Азербайджан, это сделать невозможно. Они пытаются лишить иранских азербайджанцев всех особенностей, присущих независимому народу. Но в Советском Азербайджане народ развивается и крепнет. Иранские азербайджанцы отделены от советских азербайджанцев государственной границей, но они видят и чувствуют, что в условиях советского государства азербайджанцы добились блестящих успехов во всех областях жизни. В исторически, социально и политически сложившихся условиях Советский Азербайджан служит для азербайджанского народа опорой его существования и идейным вдохновителем»⁷³. Конечно, не все соглашались с такой постановкой вопроса. В круг несогласных входили, наряду с известными политиками Ирана, также и руководители Народной партии. Осенью 1945 г. член ЦК НПИ и член меджлиса от партии Туде Арташес Ованесян отправил в Москву обширный доклад «Крупный поворот в партии и связанная с этим опасность», в котором отмечал, что в «Хавер-е ноу», газете Азербайджанского областного комитета Народной партии, всюду стали писать «азербайджанская нация», тогда как вернее писать «азербайджанский народ»: «Когда пишут “азербайджанская нация”, это равносильно тому, что азербайджанцы одна нация, а остальное население Ирана другая нация»⁷⁴.

После двух важных решений советского руководства, которое воспринимало население Южного Азербайджана как совершенно отличное от персов, в Тебризе стала подниматься волна протеста против центрального правительства. На этих массовых мероприятиях, организованных Народной партией и профсоюзами, люди требовали демократических свобод и национального равенства. В конце июня 1945 г. в Тебризе состоялся общегородской митинг, на который собрались 30 тыс. чел. Толпа выкрикивала лозунги «Азербайджан требует свободы и процветания», «Слава нашему родному языку». Массовость митинга объясняется тем, что в ряды протестующих влилось общество «Фронт свободы», до тех пор колебавшееся в вопросах прав азербайджанцев⁷⁵.

Таким образом, постановление ГКО от 21 июня 1945 г. и развернувшаяся практическая деятельность по его реализации являются

очевидным свидетельством того, что нефтяной вопрос превратился в главный фактор политики СССР в Южном Азербайджане и всей политики в целом в отношении Ирана. Борьба за нефть в Иране стала определяющей для СССР с июля 1945 г. В начале этого месяца секретаря ЦК КП(б) Азербайджана Багирова вызвали в Москву. 6 июля Политбюро ЦК ВКП(б) после тщательного изучения вопроса приняло секретное постановление «О мероприятиях по организации сепаратистского движения в Южном Азербайджане и других провинциях Северного Ирана», в котором признавалось целесообразным начать подготовительную работу по образованию в составе иранского государства национально-автономной Азербайджанской области с широкими правами⁷⁶. Постановление предусматривало развертывание сепаратистского движения также в Гилянкой, Мазендеранкой, Горганской и Хорасанской провинциях. В целях руководства сепаратистским движением предполагалось создать демократическую партию под названием «Азербайджанская демократическая партия» путем соответствующего преобразования Азербайджанского филиала Народной партии Ирана и вовлечь в нее сторонников сепаратизма из всех слоев населения. Третий пункт постановления предписывал провести среди курдов Северного Ирана работу по вовлечению их в сепаратистское движение за образование национальной автономной курдской области⁷⁷. Советское руководство опасалось активизации англичан среди курдов и поэтому старалось держать под контролем ареал проживания курдов с центром в Мехабате. Тегеранское правительство, ссылаясь на намерение сохранить порядок в Иранском Курдистане, хотело ввести туда войска, но советское командование воспротивилось этому. 8 августа 1945 г. иранский посол Меджид Ахи, встретившись с Кавтарадзе, попытался добиться такого разрешения, но тоже получил отказ. На вопрос Кавтарадзе, что же так беспокоит власти в Курдистане, Меджид Ахи ответил, что это дело рук англичан, и уточнил: «Англичане хотят поднять курдов на восстание, чтобы создать “Курдское государство”. Таким образом они пытаются вбить английский клин между Турцией, Ираком и другими арабскими странами и создать на Ближнем и Среднем Востоке условия, выгодные для себя»⁷⁸. В четвертом пункте решения Политбюро давалось указание для руководства сепаратистским движением создать в Тебризе группу ответственных работников, обязав ее контактировать в своей деятельности с генеральным консульством СССР в Тебризе. Общее руководство этой группой возлагалось на М. Багирова и А. Якубова. Пятым пунктом постановления от 6 июля ЦК КП(б) Азербайджана (Багирову и Ибрагимову) поручалось развернуть подготовительную работу по проведению в Южном Азербайджане выборов в иранский

меджлис 15-го созыва, обеспечив избрание депутатов – сторонников сепаратистского движения, которые должны предложить следующую программу: а) наделение крестьян землей за счет государственных и крупных помещичьих земель и предоставление крестьянам долгосрочного дешевого кредита; б) ликвидация безработицы путем восстановления и расширения работ на предприятиях, а также путем развертывания дорожного строительства и других общественных работ; в) благоустройство городов и снабжение населения водой; г) подъем здравоохранения; д) использование не менее 50 % государственных налогов на местные нужды; е) равноправие национальных меньшинств и племен: открытие школ и издание газет и книг на азербайджанском, армянском и айсорском языках; ведение суда и делопроизводства в местных учреждениях на родном языке; создание провинциальной администрации, в том числе жандармерии и полиции, из местных национальных кадров; образование областных уездных и городских энджуменов (органов местного самоуправления); ж) всестороннее развитие советско-иранских отношений⁷⁹. В шестом пункте постановления предусматривалось для самозащиты просоветски настроенных лиц, активистов сепаратистского движения, демократических и партийных организаций создать боевые группы, обеспечив их оружием иностранного образца. За выполнение этого пункта отвечали Булганин и Багиров. Следующие пять пунктов посвящались культурно-массовым вопросам, в частности усилению культурно-пропагандистской работы в Южном Азербайджане. Было решено создать Общество культурных связей Азербайджанской ССР с Ираном, учредить в Тебризе «Общество друзей Советского Азербайджана» с филиалами во всех районах Южного Азербайджана и Гиляна. ЦК КП(б) Азербайджана надлежало организовать издание в Баку иллюстрированного журнала для распространения в Иране и еще трех новых газет. Объединение издательств и полиграфии СССР (П. Юдин) получило задание создать типографскую базу для Демократической партии и предоставить в распоряжение ЦК АзКП(б) три печатные машины. Наркому внешней торговли А. И. Микояну следовало обеспечить качественной бумагой готовящийся к изданию в Баку иллюстрированный журнал и три газеты в Южном Азербайджане общим тиражом 30 тыс. экз.

Постановление Политбюро секретно предписывало НКВД Азербайджанской ССР под наблюдением Багирова выдавать разрешения на выезд в Иран и на обратный въезд из Ирана лицам, командированным по делам, связанным с проведением в жизнь перечисленных мероприятий. И, наконец, указывалось, что для финансирования сепаратистского движения в Южном Азербайджане и для

участия в выборах в иранский меджлис 15-го созыва при ЦК КП(б) Азербайджана создается специальный фонд в размере 1 млн инвалютных рублей (6 086 427 риалов и 35 динаров). Отдельные пункты постановления Политбюро были срочно переданы Молотову, Берии, Булганину, Микояну, Юдину, Крутикову и Звереву, полный текст в зашифрованном виде послан Багирову⁸⁰. В соответствии с этим решением Багиров распорядился перевести на специальный счет № 24011 1 млн рублей. Директор Азербайджанской конторы Госбанка СССР М. М. Петров 17 июля писал ему: «Выдача валюты будет производиться мною только по Вашим письменным распоряжениям или по распоряжениям лица, которое будет Вами на это уполномочено. Все операции по этому счету будут проводиться в совершенно секретном порядке»⁸¹.

Спустя три дня после принятия этого знакового документа (9 июля) в газете «Правда» была опубликована статья Владимирова «Усиление деятельности реакционных элементов в Иране», которая отвечала идеям постановления от 6 июля и служила своеобразной идеологической подготовкой его реализации. Публикация получила громкий резонанс в Иране. Тегеранские «Набард», «Зафар», «Рахбар», «Дад», «Фарман», «Ажир» перевели ее на фарси. Близкие к правительству газеты обвинили «Правду» во вмешательстве во внутренние дела Ирана, а Владимирова в том, что он единственной демократической организацией в стране считает Народную партию. Такого рода публикации иранской прессы работавшие там азербайджанцы собирали и переправляли Багирову. Например, газета «Раад-е эмруз», орган партии «Ираде-и милли», писала: «Советское правительство не вполне довольно внутренним строем Ирана. Если бы иранские газеты начали критиковать общественный строй СССР, это вызвало бы недовольство Советского Союза. Поэтому иранский народ может по праву жаловаться на “Правду”, которая подвергла критике иранское правительство. А “Правда” отражает позицию и политику советского правительства»⁸². А. Аннагиев, направленный в Иран в качестве политработника, информировал Багирова, что некоторые газеты усматривают в статье Владимирова первое официальное заявление Советов на ноту иранского правительства об отводе советских войск из Ирана. Оппозиционные же и просоветские газеты считали статью Владимирова справедливой. Причиной подобной публикации они называли полное лукавства отношение к Советскому Союзу иранского правительства и антисоветское, провокационное выступление Сеида Зия-ад-Дина.

Газета «Ажир», редактором которой был Пишевари, заявила: «Советские круги недовольны положением дел в Иране. Они сомнева-

ются в лояльности, искренности нынешних иранских руководителей. «Правда» была права, назвав Садра одним из видных реакционеров Ирана, принимавших активное участие в антисоветских проявлениях. Назначение его на пост премьер-министра противоречит дружественным отношениям между Ираном и СССР. Недовольство советских кругов внутривосточным положением Ирана вполне справедливо. После отставки Сохейли иранское правительство не предпринимало ни малейшего шага в сторону расширения и укрепления взаимопонимания с СССР». Влиятельная газета «Кейхан» также оправдывала все положения статьи Владимирова, в частности, подчеркивала, что фраза «выборы в Иране в 1943–1944 годах были далеко не демократичными» еще мягко характеризует действительность: ««Правда» должна была сказать, что группа предателей и воров забрала в свои руки все права народа»⁸³.

Статья в газете «Правда» и секретные слухи, приходящие из Азербайджана, серьезно беспокоили политические круги Ирана. 17 июля 1945 г. министр иностранных дел Ирана Сепяхбоди встретился с послом Максимовым и обсудил с ним положение в Иранском Азербайджане. Он пожаловался на то, что власть стремительно слабеет. «От того, что эти выступления носят антиправительственный характер, правительство намерено отправить в Азербайджан такого губернатора, который мог бы успокоить общественное мнение», – сказал Сепяхбоди. Максимов, как и раньше, назвал кандидатуру Дадвара, которого благодаря его положительным качествам необходимо послать губернатором в Азербайджан. Но Сепяхбоди ответил, что в меджлисе слишком многие депутаты выступают против Дадвара и правительству трудно будет послать именно его. А Максимов продолжал настаивать на своем, заявляя, что этот вопрос важен и принципиален для СССР⁸⁴.

Статья в центральном советском издании взбудоражила правительственные круги Ирана. Срочно было созвано заседание меджлиса с целью положить конец правительственному кризису. Председатель меджлиса Табатабаи объяснил депутатам сложность ситуации и необходимость голосовать за Садр-уль-Ашрафа. Кроме фракции Народной партии, все остальные отдали голоса в пользу правительства Садра, и правительство получило, наконец, вотум доверия парламента. Мохаммед Реза-шах принял у себя премьера Садра и его министров и обсудил с ними положение в стране. Одним из первых шагов нового кабинета стало укрепление правительственных органов в Азербайджане. Антисоветски настроенного Мохташами назначили мэром Тебриза. Таким образом правительство хотело объединить все

центростремительные силы в Азербайджане и ослабить антитегеранское движение⁸⁵.

В то время как центральное иранское правительство предпринимало практические шаги по укреплению своих позиций в Тебризе, в Баку обсуждался план мероприятий по реализации планов относительно Южного Азербайджана и северных провинций Ирана. В середине июля Багиров направил секретарю ЦК ВКП(б) Маленкову одну за другой две телеграммы. В первой, от 14 июля, он просил для расширения работ в Иранском Азербайджане назначить генконсулом в Тебризе первого секретаря советского посольства в Тегеране Али Алиева: «В бытность мою в Москве товарищ Силин ставил вопрос о замене нашего генерального консула в Тебризе Матвеева, как слабого и не обеспечивающего работу. Он назвал несколько фамилий, в том числе фамилию первого секретаря нашего посольства в Тегеране Алиева, кандидатура которого, безусловно, подходящая»⁸⁶.

В следующей телеграмме Багиров просил Маленкова командировать в Баку на короткий срок начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александрова. Он писал: «Известные решения Политбюро, ГКО и СНК по Южному Азербайджану ставят перед Советским Азербайджаном важные задачи. Для реализации этих задач Азербайджанская партийная организация подготовила план мероприятий»⁸⁷. Багиров хотел, чтобы Александров как представитель Москвы участвовал в обсуждении этого плана. План первоочередных мероприятий под грифом «строго секретно» включал образование Азербайджанской демократической партии, обеспечение выборов депутатов в меджлис 15-го созыва, создание «Общества друзей Советского Азербайджана», организацию энджуменов, печатных органов и пр. В документе на первом месте стояло: «Организовать немедленно доставку в Баку Пишевари и Камбахша для переговоров. В зависимости от результатов переговоров иметь в виду доставку в Баку и председателя областного комитета Народной партии Азербайджана Падегана»⁸⁸. В месячный срок требовалось подобрать для создания оргкомитетов в центре и на местах кандидатуры из авторитетных демократических лиц как из числа интеллигенции, так и из среднего купечества, мелких и средних помещиков, духовенства, состоящих в различных партиях, и вовлечь их в оргкомитеты АДП. В первую очередь создать оргкомитет намечалось в Тебризе, чтобы через существующую демократическую печать – «Хавер-е ноу», «Ажир», «Джевдет» – и на листовках опубликовать воззвание об организации Азербайджанской демократической партии.

Планировалось, что с распространением возвания инициативные группы на местах выступят в печати с поддержкой этого замысла и

образуют комитеты АДП на базе наиболее активных организаций Народной партии и других демократических организаций и элементов. Решено было не допускать механического переименования организаций Народной партии в комитеты АДП и рекомендовать Тебризскому областному комитету одобрить воззвание АДП и принять самостоятельное решение о роспуске организаций Народной партии. Только после этого бывшие народники могли стать членами АДП.

Вслед за организацией оргкомитета АДП в Тебризе прежде всего намечалось создать местные комитеты партии в городах Ардебиль, Резайе, Хой, Миане, Зенджан, Марага, Маранд, Маку, Казвин, Решт, Пехлеви, Сары, Шахи, Горган, Мешхед. За это же время предполагалось организовать составление программы и устава АДП и открыть печатный орган в Тебризе под названием «Азербайджанын сеси» («Голос Азербайджана») ⁸⁹. Мотивом всех этих мероприятий называлось стремление «сделать АДП объединителем всех национальных и революционных традиций Азербайджана и выразителем национальных интересов» ⁹⁰. По подготовленному в Баку плану, развитие сепаратизма в Иранском Азербайджане должно было идти под девизом борьбы за предоставление этой провинции автономии. Общество «Друзей Советского Азербайджана» решили организовать с помощью иранцев, приглашенных в Баку на празднование 25-летия образования Азербайджанской ССР, а также задействовать советского консула, военного коменданта и работников гарнизонов в Южном Азербайджане. Чтобы привлечь в это общество широкие круги населения, следовало использовать прессу, в которой будут преподноситься достижения Советского Азербайджана в народном хозяйстве, в области науки, культуры и искусства, а также публиковаться статьи об историческом единстве азербайджанского народа, разделенного на две страны ⁹¹.

В конце июля в этом направлении был сделан первый шаг. ЦК КП(б) Азербайджана принял решение начиная с августа издавать общественно-литературный иллюстрированный журнал «Азербайджан» для распространения в Иранском Азербайджане. Поэта Расула Рзу назначили ответственным редактором, Мехти Гусейна – его заместителем, Самеда Вургуна, Мирзу Ибрагимова, Ахада Якубова, Гасана Гасанова, Рзу Кулиева – членами редколлегии. До 1 января 1946 г. журналу выделили бюджет в 276 тыс. рублей. Директору «Азернешра» А. Султанову поручили обеспечить своевременный и качественный выпуск журнала. Распространять журнал предполагалось через редакцию газеты «Ветен йолунда» («За Родину») ⁹². Первый номер журнала «Азербайджан» увидел свет

в августе. В нем были опубликованы произведения Самеда Вургуня, Мирзы Ибрагимова, Джафара Джабарлы, Малек-ош-Шоары Бахара, Мохаммеда Бирии, Балаша Азероглу, Медине Алекберзаде, Нигяра Рафибейли, Сулеймана Рустама, Али-аги Вахида, Ильяса Эфендиева, Расула Рзы, Аваза Садыга, а также очень интересная статья Гейдара Гусейнова «Из истории развития научной мысли в Азербайджане»⁹³. В 1945 г. вышло 5 номеров этого журнала, в 1946 г. – 12, причем в сравнении с первым номером в журнале все более усиливалась политическая направленность. В третьем номере ответственный редактор Расул Рза в статье «Национальное сознание и национальная гордость» писал: «Национальное самосознание означает умение понять таланты и способность своего народа, видеть его пользу и вред, осознать всю самоотверженность движения по пути общенационального счастья и процветания. Живущие в Иранском Азербайджане ученые, писатели и революционеры сыграли большую роль в развитии национального самосознания азербайджанского народа, в его борьбе за свободу и независимость». В журнале печатались такие известные писатели, как Мамед Саид Ордубади, Фирудин Ибрагими, Исмаил Гусейнов, Гамид Араслы, Мамедали Аббаси, Джафар Хандан, Нусратолла Джаханшахлы, Гулам Мамедли.

В целом издававшийся в 1945–1946 гг. журнал «Азербайджан» оказался одним из самых интересных и значительных национальных изданий, выходивших в Азербайджане за все годы советской власти. Во-первых, в каждом его номере делался акцент на единство Южного и Северного Азербайджана в общественной, культурной, литературной сферах. Во-вторых, выходивший для Южного Азербайджана журнал мог избегать канонов жесткой большевистской идеологии и поднимал коренные проблемы народа, связанные с его национальными интересами, судьбой и историей. Концепция единой Родины, единого народа чувствовалась в каждом выпуске «Азербайджана». В журнале были напечатаны очень примечательные статьи – «Национальный герой Саттархан», «Шах Исмаил Хатаи – основатель государства Сефевидов», «Видный демократ Иранского Азербайджана шейх Мохаммед Хиябани», «Об альманахе “Азербайджан”, изданном сорок лет назад», «Шамседдин Тебризи и его научные воззрения», «Хатиб Тебризи и его произведения», «Мирза Мохаммед Багир Халхали», «Гаджи Мехти Шукухи» и другие. Не удивительно в связи с этим, что, как только азербайджанская эпопея в Иране в декабре 1946 г. завершилась неудачей, журнал «Азербайджан» немедленно прекратил существование. Он стал первым цельным проявлением художественной, национальной и духовной жизни разделенного надвое народа.

По сей день его номера поражают своей научной глубиной, художественной палитрой, неповторимым своеобразием культуры.

В июле 1945 г. Самед Вургун и Сулейман Рагимов были командированы в Москву для решения некоторых технических проблем, в частности обеспечения бумагой. Багиров в письмах в ЦК ВКП(б), Совнарком, директору российского Госиздата ссылался на решение ЦК партии о создании полиграфической базы в Южном Азербайджане и просил срочно выделить три плоскочечатных машины, 29 тонн газетной бумаги ежеквартально, 4,5 тонны журнальной бумаги, 1 200 листов обложки, 1 200 листов литографической бумаги и т. п.⁹⁴ Вургун и Рагимов добились выделения и отправки в Баку требуемого оборудования и бумаги. В ответ на письмо Багирова Булганину Главное политическое управление Красной армии направило в Иранский Азербайджан 30 радиоприемников, 15 радиодинамо, 100 репродукторов, 500 патефонов и другую технику. В то же время генштабу поручили послать в Иранский Азербайджан автокиноустановки со штатом обслуживания⁹⁵.

В июле 1945 г. по возвращении из Москвы Багиров тайно собрал в Баку ряд влиятельных лиц Южного Азербайджана – члена ЦК Народной партии Ирана, депутата иранского меджлиса Абдулсамеда Камбахша, председателя Тебризского окружного комитета Народной партии Садыга Падегана, писателя и публициста Шабустари, редактора газеты «Ажир» Сеида Джафара (Мирджафара) Пишевари. Было принято решение поручить временное руководство новосоздающейся Азербайджанской демократической партией Сеиду Джафару Пишевари, а также временно перенести центр демократического движения из Иранского Азербайджана в Баку⁹⁶. О результатах встречи в Баку Багиров писал Сталину: «После личной беседы с ними на первое время руководство новой Азербайджанской демократической партией поручено видному и пользующемуся большим авторитетом среди демократически настроенных кругов деятелю, редактору тегеранской газеты “Ажир” Пишевари Мирджафару»⁹⁷. Пишевари являлся опытным политиком и журналистом. Видимо, на выбор повлияло и личное знакомство Пишевари со Сталиным еще со времен движения Дженгели⁹⁸. Однако интересно, что сразу после этого решения, в сентябре 1945 г., один из руководителей Туде А. Ованесян написал в Москву донос на созданных в Баку деятелей-азербайджанцев, особенно на Пишевари и Шабустари. Ованесян характеризовал Пишевари как провокатора со времен гилянских событий 1920 г. вплоть до выборов в иранский меджлис 14-го созыва, особенно в годы отсидки в тюрьме, и писал, что в Азербайджане нет серьезных политиков. Кроме того, некоторые из них очень опасны. Находясь в тюрьме или ссылке,

лишенные свободы за свою борьбу, честные люди работой приближают победу, и тогда появляются различные жулики, чтобы получить материальную выгоду⁹⁹. О Гаджи Мирзе Али Шабустари он сообщил в Москву, что в мае 1945 г. после посещения Баку Шабустари якобы говорил среди своих близких, будто у Гитлера гораздо лучше, чем в Советском Азербайджане¹⁰⁰. Однако информация Ованесяна не получила подтверждения в материалах московской комиссии. Багиров знал о провокационной деятельности Арташеса Ованесяна, и этим объясняется его неприязнь к лидеру тудеистов и регулярное доведение до сведения Москвы новых разоблачительных материалов, накопленных органами безопасности Азербайджана.

О бакинских переговорах Багиров доложил также ответственным за выполнение решения Политбюро от 6 июля кремлевским руководителям – Молотову, Берии, Маленкову. В его отчете отмечалось: «Пишевари уроженец Южного Азербайджана, бывший член Коммунистической партии, долгое время занимал ответственные партийно-советские посты в Советском Азербайджане. В 1927 году Коминтерном переброшен на работу в Иран, где правительством Реза-шаха был арестован и в течение 10 лет просидел в тюрьме, освобожден в 1941 году после прихода советских войск в Иран. Два его родных брата живут в Советском Союзе. Один из них служит в Красной Армии, капитан медицинской службы»¹⁰¹. Видимо, этот факт, наряду с другими качествами, сыграл определенную роль при выборе Пишевари среди прибывших из Тебриза и Тегерана кандидатов.

В соответствии с решением Политбюро ЦК ВКП(б) о Южном Азербайджане от 6 июля 1945 г. для расширения работ и оперативной помощи местным работникам в Тебризе и других городах в августе месяце в Баку создали «тройку» в составе Мирзы Ибрагимова, Гасана Гасанова и генерала Агасалима Атакишиева. «Тройка» должна была в сентябре переехать в свою резиденцию в Тебризе. Формально члены «тройки» числились на службе в советской армии¹⁰². Наряду с началом работы «бакинской тройки», советский посол в Тегеране М. А. Максимов пригласил в посольство руководящий состав ЦК Народной партии и инструктировал его. Он сказал, что отныне Советский Союз будет вмешиваться во все дела Ирана и без советского участия в этой стране ничего не будет происходить, а больше ни у кого такого права нет. Участвовавший в этой встрече секретарь посольства А. Алиев позднее объяснил руководству Туде, что «это не есть слова самого посла, а есть мнение Москвы»¹⁰³.

Сотрудники в Иранском Азербайджане получили указание ни часу не медлить с преобразованием партии Туде в АДП. Советскому резиденту в Тебризе под псевдонимом «Чобан» была послана шиф-

рограмма с указанием убрать все возможные препятствия советским инициативам на территории расположения советских войск, особенно в Тебризском генерал-губернаторстве. Рекомендовалось привлечь на сторону Советов прогрессивное духовенство, помещиков, купечество, интеллигенцию. В телеграмме указывалось: «Не допускайте никаких представителей со стороны ЦК Народной партии до опубликования всех мероприятий. Одновременно через наши организации в Тегеране сделайте все, чтобы после опубликования всех мероприятий ЦК Народной партии полностью поддержал проводимые вами мероприятия в Южном Азербайджане и Северном Иране, в частности создание Азербайджанской демократической партии»¹⁰⁴. Предписывалось также доложить текст телеграммы Якубову, Емельянову, Матвееву, Атакишиеву и члену военсовета 4-й армии генерал-майору Руссову, информировать товарищей Мирзу Мамедова, Багира Сеидзаде, Ахада Багирзаде, Рзу Кулиева, Гусейна Шарифова и других, которые должны помогать в реализации этих мероприятий.

Неожиданный поток указаний явился неприятным сюрпризом для находящихся в Иране высокопоставленных военных и сотрудников органов безопасности. Особенно для военных, которые после окончания войны в Европе с нетерпением ожидали возвращения домой, в СССР. Вместе с тем идея создания АДП встретила сильное сопротивление со стороны членов партии Туде, да и ЦК Народной партии старался помешать этому процессу. На бакинской встрече было решено, что Пишевари, Шабустари и Падеган в целях собственной безопасности не должны покидать Тебриз. Однако Падеган решил уладить возникшие разногласия с ЦК партии Туде и отправился в Тегеран. Слабая организация работы в Южном Азербайджане, сопротивление Народной партии вывели Багирова из себя. В телеграмме на имя Емельянова, Гасанова, Ибрагимова Багиров настаивал: «Видимо, Ахад Якубов, Агасалим Атакишиев, генерал Руссов и Нурмамед Кулиев не понимают, что дорог каждый час и надо действовать быстро. Нет сомнений, что ЦК Народной партии будет сопротивляться нашим требованиям. Они будут нарочно инициировать конфликты, противоречия, чтобы отвести людей от нас. Об этом надо напомнить вышеназванным товарищам и потребовать от них: 1. срочно вернуть Падегана из Тегерана в Тебриз живым и здоровым; 2. никто из избранных нами руководителей не должен отправляться в Тегеран, независимо от того, кто их вызывает (нет гарантий, что их там не уничтожат); 3. все руководящие работники нового движения должны охраняться; 4. возможно скорее направить из Тебриза для переговоров в Ардебиль, Хой, Урмию, Марагу, Пехлеви, Решт, по возможности и в другие города и районы побольше наших людей; 5.

организационные работы и документация по созданию новой партии должны быть ускорены; 6. ускорить выпуск новых газет; 7. вы сами, т. е. Гасан Гасанов, Мирза Ибрагимов и Степан Емельянов, должны ускорить подготовку порученных вам мероприятий»¹⁰⁵.

С августа 1945 г. по Ирану ходили слухи, что в связи с образованием АДП Советский Союз перестанет помогать Иранской народной партии и «русские ликвидируют Народную партию». По мнению руководства Туде, если бы Советский Союз, взяв под защиту Демократическую партию, оставил Туде на произвол судьбы, уверенные в этом враги уничтожили бы последнюю. Поэтому лидеры Туде всеми силами старались помешать образованию АДП. Они пустили ложный слух, будто образование второй партии в Южном Азербайджане повлечет за собой развал Ирана. Арташес Ованесян отмечал, что, когда появляется новая партия, не общеиранская, в этом уже находят сепаратизм¹⁰⁶. Только серьезное вмешательство советского посольства, а в некоторых случаях даже угрозы сломили сопротивление Народной партии. Посол Максимов писал в НКВД СССР, что ему известны факты враждебного отношения Арташеса Ованесяна к образованию АДП и, несмотря на официальные предупреждения, тот ведет открыто провокационную работу и чернит сотрудников новой партии. Ованесян, отмечал посол, обвиняет руководство посольства в помощи новой партии и развале Народной партии. К тому же он шантажирует тем, что через голову посольства имеет прямую связь с Москвой (в Москве его поддерживал ответственный работник ЦК ВКП(б) Козлов). Далее Максимов сообщал: «Ованесян подбивал членов ЦК выступить с открытым заявлением против Азербайджанской демократической партии, и только вмешательство посольства предотвратило это выступление. Мы рекомендовали тов. Козлову предложить Ованесяну прекратить свою подрывную работу в ЦК, и если он этого не сделает, то мы обсудим мероприятия по его изоляции»¹⁰⁷.

Июльские события в Иране пристрасно отслеживались дипломатическими и военными кругами Великобритании и США. Английское генконсульство и американское консульство в Тебризе заметно усилили свою деятельность. Несомненно, англичане узнали о секретных приготовлениях русских¹⁰⁸. Поэтому они неоднократно обсуждали со своими правящими кругами ситуацию в Азербайджане. Политики в Британии и США предполагали, что может быть образовано самостоятельное государство или же объединены Иранский Азербайджан с Советским Азербайджаном. Еще в январе 1945 г. посольство США и особенно служившие в иранской жандармерии офицеры во главе с полковником Норманом Шварцкопфом собирали информацию о

случаях вмешательства со стороны советской армии и дипломатов во внутренние дела Ирана. Примером тому могут служить сообщения Шварцкопфа из подконтрольного Советам иранского города Шахи¹⁰⁹. Или же в июле–августе 1945 г. сотрудники американского консульства в Тебризе, Мараге и других городах следили за деятельностью советских гарнизонов и собирали сведения о людях, арестованных советскими комендантами¹¹⁰. Даже в пограничном с Советским Азербайджаном городе Астара американские дипломатические службы держали в поле зрения все указания полицейскому и жандармскому управлениям со стороны советских представителей¹¹¹.

Чтобы помешать советским планам, остановились на идее вывода всех войск союзников из Ирана как выхода из создавшегося положения. 1 июня 1945 г. министр иностранных дел Великобритании Иден поделился со своим заместителем Кадоганом мыслью, что пришла пора «вывести русских из Ирана»¹¹². Еще во время Ялтинской конференции премьер-министр Англии Черчилль и министр иностранных дел Иден выступили с этой инициативой¹¹³. Но Советский Союз отнесся к ней отрицательно. 24 мая в служебной записке на имя Молотова Кавтарадзе объяснял, что преждевременный вывод войск из Ирана не отвечает интересам СССР. Он считал, что подобная идея, разрабатываемая англофилами, повлечет за собой ослабление советского влияния и сведет на нет все начинания Советов в Иране. Поэтому Кавтарадзе предлагал до обеспечения советских интересов, особенно до получения нефтяной концессии, в крайнем случае образования совместного общества, тормозить вывод войск из Ирана¹¹⁴. 31 мая посол Англии Арчибальд Керр получил указание обратиться в НКВД СССР с запросом о выводе войск из Ирана. 14 июня посол США Аверелл Гарриман также обратился в НКВД с подобным предложением. Но советское правительство в обоих случаях отмолчалось¹¹⁵.

21 июля делегация Великобритании представила на Потсдамскую конференцию «Меморандум о выводе войск союзников из Ирана», в котором говорилось: «Правительство его величества и советское правительство держат свои войска в Иране на основании англо-советско-иранского договора от 29 января 1942 года, согласно статье 5 которого эти войска должны быть выведены из Ирана не позднее шести месяцев после прекращения всех военных действий между союзными государствами и Германией с ее соучастниками. Правительство его величества предложило советскому правительству, чтобы союзные вооруженные силы были выведены из Ирана до истечения окончательного срока договора *pari-passu* (равными переходами) и поэтапно»¹¹⁶.

Правительство Великобритании предлагало на первом этапе вывести войска из столицы Ирана. На втором этапе – оставить английские войска в Абадане и южных нефтяных районах, а советские в северо-восточном и северо-западном Иране. На третьем этапе – вывести из Ирана абсолютно все войска. Во время Ялтинской конференции, которая завершилась в феврале 1945 г., союзники рассчитывали, несмотря на сопротивление Молотова, что Советский Союз выполнит принятое на конференции обязательство вывести войска за шесть месяцев после войны, так как за три года, начиная с 1942 г., между союзниками по этому вопросу не существовало серьезных разногласий. Но с лета 1945 г. на севере Ирана возникло движение сепаратистов, и картина резко изменилась¹¹⁷.

21 июля по инициативе Британии иранский вопрос был внесен в повестку дня Потсдамской конференции. Президент Трумэн объявил о готовности вывести свои войска из Ирана. В ответ Сталин согласился, что, «во всяком случае, Тегеран можно освободить». Подводя итог, британский премьер предложил «немедленно вывести войска из Тегерана, а последующие этапы эвакуации войск обсудить на сентябрьской сессии Совета министров иностранных дел»¹¹⁸. По поводу потсдамских обсуждений еще до окончания конференции сотрудник британского посольства в Москве Фрэнк Робертс обратился к Деканозову. Он напомнил, что о решениях Потсдамской конференции, особенно о выводе соответствующих войск из Ирана, следует оповестить советского посла в Тегеране. Британскому послу уже даны указания¹¹⁹. В целом, Потсдамская конференция прошла на фоне новых советских претензий. Подспудно назревавшие накануне и в ходе конференции советские требования затем вышли на поверхность. К претензиям в Восточной Европе и на Дальнем Востоке добавились территориальные требования к Турции, желание совместно контролировать проливы, а также намерение не уходить из Ирана¹²⁰.

Через день после завершения Потсдамской конференции министр двора Хусейн Ала встретился с послом Максимовым. Они обсудили ряд вопросов, связанных с деятельностью правительства. В конце беседы Ала осторожно поинтересовался, нет ли какой-либо информации о выводе войск союзников из Ирана. Максимов ответил, что новостей нет¹²¹. 8 августа посол Меджид Ахи спросил у Кавтарадзе, что слышно о выводе войск из Ирана. Кавтарадзе рассказал об известном решении Потсдамской конференции. В своем дневнике он записал, что Ахи не казался заинтересованным и не задавал вопросов. Такую пассивность посла Кавтарадзе объяснял тем, что Ахи и сам не был уверен, чем обернется для Ирана вывод войск¹²². На самом деле, в отличие от весны 1945 г., летом Тегеран уже потерял на-

дежду на досрочный вывод войск союзников. Теперь все лето проходило в ожидании вестей о выводе иностранных войск в назначенное время¹²³.

После обращения британского посольства 8 августа заместитель наркома иностранных дел Кавтарадзе подготовил справку, отражающую мнение Советского Союза по поводу вывода войск союзников из Ирана. В ней отмечалось, что вывод войск может способствовать усилению сил реакции, развалу демократических организаций и ослаблению позиций СССР в Иране. Уход советских войск, полагал Кавтарадзе, затормозит работы по нефтебурению в Северном Иране и поставит под угрозу срыва выполнение принятых решений по расширению движения за автономию. По его мнению, надлежало употребить все силы, чтобы затормозить вывод советских войск¹²⁴. «При этом следует считать, – писал Кавтарадзе, – что наша отрицательная позиция по данному вопросу и оставление союзных войск в Иране до окончания войны с Японией сильно ударили бы по престижу англичан в Иране и заставили бы иранские правящие круги больше считаться с нами, поскольку их расчеты на англичан в этом вопросе оказались бы несостоятельными»¹²⁵. Попытки Советов задержать свои войска в Иране были, в первую очередь, обусловлены начатыми Москвой работами в Южном Азербайджане, а также нефтяными интересами СССР.

Получив справку Кавтарадзе, советское руководство в переписке с союзниками всеми способами пыталось уклониться от разговоров о выводе войск. Отвечая на письмо британского посла Арчибалда Керра от 10 августа 1945 г. о необходимости скорейшего вывода союзных войск из столицы Ирана и соответствующих инструкций советскому послу, В. М. Молотов 17 августа сообщал: «9 августа советский посол в Иране информировал иранское правительство относительно решения Берлинской конференции глав трех союзных держав о немедленном выводе союзных войск из Тегерана. Что же касается вопроса о деталях отвода указанных войск, то необходимые указания советским военным командованием будут даны в ближайшее время»¹²⁶.

На фоне осложнения событий в Азербайджане и давления союзников С. И. Кавтарадзе предлагал в качестве выхода из сложившейся ситуации сослаться на пятую статью англо-советско-иранского договора 1942 г.: «Согласно статье 5 англо-советско-иранского договора от 1942 года, союзные войска должны быть выведены из Ирана не позднее шести месяцев после прекращения военных действий против Германии и ее соучастников путем заключения мира. Поэтому мы имеем формальное основание настаивать на том, чтобы наши войска

оставались в Иране до заключения мирных договоров с Германией и Японией. В крайнем случае мы должны настаивать на оставлении наших войск в Иране еще в течение шести месяцев после капитуляции Японии»¹²⁷. За это время Советский Союз должен был ускорить реализацию партийно-правительственных решений, принятых в Москве в июне–июле 1945 г. Багиров без устали напоминал, что «дорога каждая минута». Ход событий ясно показывал, что обострение отношений между союзниками с лета 1945 г. связано с Ираном, а конкретно с азербайджанским вопросом. Как только война в Европе закончилась, азербайджанский кризис сразу же послужил одним из главных факторов начала и углубления «холодной войны»¹²⁸. Лично президент США Трумэн считал, что азербайджанский кризис стал открытым проявлением агрессивных намерений Москвы против соседних стран, в том числе Ирана. Анализируя действия Сталина в Азербайджане и Восточной Европе, Трумэн пришел к выводу, что в вопросе выполнения международных обязательств Кремлю больше доверять нельзя¹²⁹. Именно в такой напряженной обстановке советское руководство настойчиво продолжало гнуть свою линию и интенсивно осуществлять свою политику в Южном Азербайджане. В эти горячие августовские дни советника советского посольства в Тегеране Ахада Якубова командировали в Тебриз. Почувствовав серьезность момента, правительство Ирана инструктировало своего посла Меджида Ахи в целях нормализации взаимоотношений выяснить намерения Советского Союза. В связи с этим американский историк Альфред Рибер писал: «В августе 1945 г. посол СССР Максимов четко обозначил дилемму. Пытаясь заручиться поддержкой как минимум шестидесяти депутатов меджлиса, чтобы укрепить ирано-советские отношения, он чувствовал «безысходность от неопределенности, которая создавала помеху во внутренней политике для широких масс». Политические партии не знали что делать и погрязли в «состоянии идеологической растерянности». Широкие массы населения были недовольны правительством, но прогрессивные круги не могли воспользоваться этим из-за страха перед полным восстановлением режима Реза-шаха. Но Максимов также отметил, что слабость центральной власти, облюбованной англичанами, стимулирует сепаратистские тенденции среди племен южной части страны, где англичане имели концессии на добычу нефти»¹³⁰.

30 августа 1945 г. заместитель наркома иностранных дел А. Я. Вышинский принял иранского посла в Москве Ахи, который сообщил, что «иранское правительство поручило ему предпринять все, что он сочтет нужным, чтобы выяснить причины возникшего охлаждения и найти средства улучшить отношения с СССР». Вышинский ответил,

что необходимо взаимное понимание интересов сторон. Если этого нет, всякие разговоры о хороших отношениях – одни слова. Ахи напомнил, что «при правительстве Баята он делал предложение тов. Молотову об организации смешанной советско-иранской нефтяной компании, но, к сожалению, это предложение принято не было. Между тем вести переговоры о концессии иранское правительство не может, так как принят закон, запрещающий передачу концессий иностранцам». Законы создаются людьми, возразил Вышинский, и, следовательно, наличие тех или иных законов не может служить препятствием для удовлетворения правомерных интересов Советского Союза, тем более когда «аналогичные интересы других государств не натываются на препятствия в виде законов». Тогда Ахи намекнул, что если СССР не будет настаивать на слове «концессия», то можно договориться на таком содержании соглашения, которое должно удовлетворить СССР. Вышинский ответил, что предложения СССР в свое время были ясно изложены иранскому правительству и слово теперь за иранской стороной¹³¹. Это последнее обсуждение накануне завершения Второй мировой войны. Ситуация в Южном Азербайджане день за днем обострялась, и под прессом нефтяных требований СССР Иран оказался в безвыходном положении.

2 сентября 1945 г. Япония капитулировала. Вторая мировая война закончилась. На следующий день, 3 сентября, по всем городам Южного Азербайджана распространили обращения, в которых объявлялось о создании Азербайджанской демократической партии, ее целях и задачах. Таким образом, процесс активизации советской политики в Южном Азербайджане, начавшийся с весны 1944 г., получил эффективный характер, а НКВД Азербайджанской ССР стал играть активную роль в «Тебризской эпопее» – первом акте «холодной войны».

Глава VIII

НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ИРАНСКОГО АЗЕРБАЙДЖАНА В ПОЛИТИКЕ КРЕМЛЯ

§ 1. Решение Азербайджанского народного конгресса

Под влиянием событий 12 ноября Тегеран находился в глубоком смятении, а Тебриз готовился к открытию Народного конгресса. В ночь с 19 на 20 ноября бакинская и тебризская «тройки» обсуждали повестку дня открывающегося утром конгресса. Было решено, что возглавить Национальный комитет после его избрания на конгрессе должен Гаджи Мирза Али Шабустари, а Низам-од-Доуле Рафии и Зейналабдин Гиями станут его заместителями¹.

20 ноября в 10 часов утра в здании театра «Шири Хуршуд» начал работу Азербайджанский народный конгресс. В его работе участвовали 646 делегатов, 37 гостей и представителей прессы. Перевалы засыпало снегом, поэтому делегаты от Ардебилля и Сараба не успели к открытию конгресса². Практически все слои населения Иранского Азербайджана были представлены на этом собрании. Зал украшали портреты Саттархана, Багирхана, шейха Мохаммеда Хиябани, Хейдар-хана Амуоглу. Первыми на сцену вышли брат Саттархана, старый демократ Гаджи Азим-хан, и председатель Демократической партии Мирджафар Пишевари. Гаджи Азим-хан, как самый старший из участников демократического движения начала века, открыл первое заседание Азербайджанского народного конгресса. По предложению Чавуши был избран президиум конгресса из 17 чел., в который вошли Пишевари, Рафии, Шабустари, Джавид, Бирия, Гиями, Гаджи Азим-хан, Саед Диван, шейх Муса Кейвани, Джовдат, Джамал-хан Теймури, Висуг, Мир-Муса Бисминджи, Гаджи-Мустафа Давуди, Дилмагани, Муккарам Тураби и Зияди. Секретарями конгресса стали Фирудин Ибрагими, Ахмеди, Миррагим Вилаи и Аташ Баят-Маку. После речей Пишевари и Бирии с поздравлениями выступили многочисленные ораторы из всех провинций Ирана. Все они настаивали, что пришла пора для провозглашения Южно-Азербайджанской автономии. Конгресс приветствовали от имени азербайджанского ду-

ховенства шейх Муса, от имени помещиков заместитель председателя ЦК АДП Рафии, от имени профсоюзов Бирия, от имени женщин Азербайджана Сугра Гадири.

Первое заседание всенародного собрания прошло с небывалым подъемом. После трехчасового перерыва состоялось второе заседание под председательством Шабустари. С докладом «О текущем положении» выступил Пишевари. Его речь содержала подробный и глубокий анализ современной ситуации в Иране, и в частности в Азербайджане. Анализируя действия реакции, установившейся в Иране после Первой мировой войны, Пишевари заявил: «Тегеранские реакционеры вели особую политику в отношении Азербайджана. Они нарушили единство азербайджанской территории, распределив ее между несколькими останами. Они старались ликвидировать родной язык азербайджанцев и подвергали их при этом бесчисленным издевательствам и пыткам»³. Далее, остановившись на законных требованиях азербайджанского народа, он сказал: «Мы создадим национальное правительство в Азербайджане, мы добьемся для народа условий нормальной жизни. Нашу программу мы объявим для всенародного обсуждения, все, что будет одобрено, – проведем в жизнь, а что будет отвергнуто – вычеркнем из нашей программы». Сущность идеи национальной автономии Пишевари объяснял так: «Мы добьемся автономии для Азербайджана и будем стремиться не прибегать к оружию и силе, и, когда мы завоюем автономию для Азербайджана, мы приступим к его благоустройству, восстановим его разрушенные города и села, откроем школы и высшие учебные заведения. Азербайджанское национальное правительство справедливо разрешит споры между крестьянами и землевладельцами, мы будем примером для всего Ирана. Мы против кровопролития, но, если на нас нападут, мы будем защищаться, так же как сегодня азербайджанский крестьянин борется с грабителями, мародерами». За несколько минут до окончания доклада Пишевари в зале потух свет. Это дало повод для заключительной реплики Пишевари: «Пусть все знают, что, сколько бы нас ни держали во тьме, мы найдем свою дорогу, ибо она освещена огнем наших сердец»⁴. Докладом председателя ЦК АДП завершился первый день работы Народного конгресса, а Пишевари отправился к советским представителям и подробно рассказал о ней «бакинской тройке». Заодно обсудили проекты постановлений на завтра. Представители Советского Азербайджана, учитывая, что события вступают в решающую стадию своего развития, еще раз предупредили Пишевари о необходимости держаться избранной линии демократического движения до конца. Отступление или чрезмерная смелость равносильны смерти. Тем временем для непосредственного

контроля за процессом в Тебриз тайно приехал нарком внутренних дел Азербайджанской ССР Миртеймур Якубов. На встрече с «бакинской тройкой» он сказал, что в целом ЦК АзКП(б) доволен ходом работ в Иранском Азербайджане. Он также рекомендовал «бакинской тройке» соблюдать строгую конспирацию и свою связь с АДП ничем не проявлять. Якубов подчеркнул недопустимость любых конфликтов и столкновений в Иранском Азербайджане⁵.

21 ноября, на третьем заседании, которое проходило под председательством Рафии, начались прения по докладу Пишевари. Выступили 20 человек, и все они поддержали главные идеи доклада. Ораторы возмущались дезинформацией, запускаемой лондонским радио и зарубежной прессой. Председательствующий на последнем заседании Пишевари сообщил конгрессу, что тегеранское правительство, вместо того чтобы прислушаться к голосу азербайджанского народа, обратилось к иностранным государствам, чтобы они оказали ему помощь в разрешении азербайджанского вопроса. «Наше собрание, – сказал он, – должно заявить, что азербайджанский вопрос должен решаться здесь, в Тебризе. Судьбой Азербайджана не могут распоряжаться в Лондоне или в Турции. Наша судьба может решаться только в самом Азербайджане, только на нашем Народном собрании»⁶.

Некоторые делегаты предлагали, чтобы Народный конгресс объявил себя учредительным собранием. Они в своих выступлениях отметили, что данный конгресс ничем не отличается от учредительного съезда, что делегаты представляют пятимиллионное население Азербайджана. Поэтому можно объявить Народный конгресс учредительным съездом и, разработав основы национальной автономии, решить вопрос о выборах в милли-меджлис⁷. Делегаты одобрили предложение. В комиссию по подготовке резолюций были избраны Пишевари, Шабустари, Гиями, Падеган и Ибрагими. На четвертом своем заседании Народный конгресс единогласно принял «Постановление учредительного съезда», «Декларацию к иранскому шаху, меджлису и иранскому правительству», «Обращение к народу», «Положение о выборах в национальный парламент» (милли-меджлис)⁸.

Конгресс избрал Национальный комитет из 39 чел., которому делегировал все полномочия до окончания выборов в милли-меджлис и создания национального правительства. В Национальный комитет вошли Пишевари, Рафии, Гиями, Шабустари, Джавид, Бирия, Илхами и другие известные деятели⁹. 21 ноября состоялось заседание Национального комитета, избравшее президиум в составе: Шабустари – председатель, Рафии, Бирия, Илхами – заместители. На заседании утвердили состав избирательной комиссии в количе-

стве 19 чел. под председательством Гиями и приняли решение о проведении выборов в азербайджанский парламент. В отличие от иранского меджлиса, для достижения большей демократичности число избирательных пунктов увеличили. В различных городах образовали самостоятельные избирательные округа. Срок проведения выборов сократили до 5 дней. Впервые в Иране женщины получили право голоса. К выборам допускались граждане, достигшие 20 лет и живущие в Азербайджане. Граждане от 27 до 80 лет, умеющие говорить и писать на азербайджанском языке, получили право быть избранными. В общем, предусматривалось, что Азербайджанский национальный меджлис будет состоять из 100 депутатов, избранных путем независимого, тайного и пропорционального голосования¹⁰.

В течение двух дней по окончании работы конгресса его решения и резолюции, декларации и обращения были обнародованы в прессе. По докладу Пишевари «О текущем положении» конгресс принял резолюцию из 14 пунктов, гласившую: «В то время, когда самоотверженными усилиями великих демократических стран навеки сокрушены силы тирании, насилия и расизма и когда для всех народов оказалось возможным добиться самоуправления и права распоряжаться своей судьбой, азербайджанский народ, выступая как единая нация, хочет собственными силами добиться своих исторических законных прав. Желая предупредить всякую попытку заведомо неправильного истолкования его истинных целей, азербайджанский народ провозглашает, что, становясь хозяином своей судьбы, он не имеет намерения отделиться от Ирана и считает своим долгом сохранить братские связи с другими народами Ирана»¹¹. Далее в резолюции отмечалось, что, будучи верен принципам конституции, азербайджанский народ для ведения внутренних дел и в целях обеспечения национальной автономии расширяет структуру областных энджуменов, преобразуя ее в Национальный меджлис, и, ни в коей мере не нарушая целостность и независимость Ирана, создает свое национальное правительство. Без политической, экономической, финансовой и культурной автономии, говорилось в резолюции, не может быть национальной автономии. Поэтому необходимо создание национального правительства, и от чиновников требуется, чтобы они выполняли решения и указания Национального комитета, избранного Учредительным собранием. В случае отказа выполнять указания правительства чиновники будут изгнаны из государственных органов.

Конгресс поручал Национальному комитету обеспечить во всех государственных и национальных школах обязательное обучение на азербайджанском языке и принять серьезные меры против реакционных выступлений и предательских действий всех, кто станет чинить

препятствия выполнению этой национальной задачи. Конгресс не намерен распускать полицейские, жандармские и армейские организации, гласила резолюция, однако, если со стороны их руководителей последуют враждебные акты, Национальному комитету предоставляется право принять самые решительные меры для пресечения таких актов¹².

Один из важнейших документов Народного конгресса – «Декларация», опубликованная 23 ноября в газете «Азербайджан» и адресованная шаху Мохаммеду Резе, председателю иранского меджлиса Мохаммеду Садыху Табатабаи, премьеру Ибрагиму Хакими. Она аккумулировала в себе все требования азербайджанского народа о национальной автономии Азербайджана¹³. По поводу этого документа 22 ноября из Баку М. Якубову пришла телеграмма с инструкцией вручить текст «Декларации» не только шаху, председателю меджлиса и главе правительства, но и представителям пяти иностранных государств в Иране. По указанию Сталина в тот же день текст был срочно доставлен в консульства США, Великобритании, СССР в Тебризе и в другие дипломатические учреждения¹⁴. При вручении документа английский консул спросил: «А зачем вам энджумен, не хотите ли вы отделиться от Ирана?» Члены Национального комитета отвечали, что у них нет такой мысли. Консул принял документ, хоть и без всякого энтузиазма, но заявил, что в связи с нынешними событиями у него нет возможности переслать декларацию в посольство в Тегеране, однако раз он ее принял, то непременно доставит по адресу¹⁵. Американский консул также задавал вопросы, насколько происходящее соответствует конституции Ирана, участвовали ли в работе конгресса люди, не являющиеся членами АДП. Ему ответили, что в конгрессе участвовали представители всех слоев населения, независимо от партийной принадлежности¹⁶.

В 4 часа утра 23 ноября генерал Атакишиев разбудил Мирзу Ибрагимову и Гасана Гасанова и сообщил им, что из Баку по телефону пришел приказ не передавать текст «Декларации» иностранным посольствам. Это указание запоздало, так как текст документа уже был передан консульствам в Тебризе. Тем не менее «бакинская тройка» поспешила в типографию и исключила из текста «Декларации» упоминание об иностранных государствах¹⁷. Вот как выглядели требования азербайджанского народа к иранскому правительству:

«1. Азербайджанский народ обладает своими национальными особенностями, языком, обычаями и правами, обусловленными историческим развитием этого народа. Эти особенности дают ему право, не нарушая независимости и целостности Ирана, считать себя, подобно

всем другим нациям мира, свободным и правомочным определить свою судьбу на основе принципа Атлантической хартии.

2. Имея в виду культурную, экономическую и политическую связь азербайджанского народа с прочими областями и губерниями Ирана, а также заслуги этого народа в создании нынешнего иранского государства, Народное собрание [Народный конгресс] осуществлением своего законного права на национальную автономию ни в какой степени не стремится к сепаратизму, к нарушению территориальной целостности Ирана.

3. Азербайджанский народ является решительным сторонником демократического строя, узаконенного Конституцией Ирана. Подобно всем областям и губерниям Ирана, азербайджанская нация также пошлет своих представителей в иранский меджлис и будет участвовать в уплате справедливых налогов.

4. Азербайджанский народ официально во всеуслышание объявляет, что наравне с другими жизнеспособными нациями мира он имеет право на создание своего национального правительства и способен, сохраняя независимость и целостность Ирана, управлять своими внутренними делами при помощи национального демократического правительства.

5. Азербайджанский народ, вложивший много труда и принеший большие жертвы во имя свободы и демократии, выражает желание учредить свое автономное правительство на подлинно демократической основе. Поэтому он хочет избрать на основе одобренного Народным собранием положения о выборах свой Национальный меджлис, с тем чтобы собственное национальное правительство Азербайджана было образовано из числа депутатов этого меджлиса и несло ответственность перед ним.

6. Для азербайджанского народа особенное значение имеет его родной национальный язык. Навязывание чужого языка послужило причиной отставания азербайджанского народа от каравана общечеловеческой культуры и прогресса и закрыло пути для национального просвещения. Для устранения этой исторической несправедливости и создания всех необходимых для развития Азербайджана условий Народное собрание поручает Национальному комитету в ближайшее время ввести азербайджанский язык во всех государственных учреждениях и начать обучение на этом языке во всех учебных заведениях.

7. Народное собрание в составе 700 депутатов по воле азербайджанской нации и на основе требований, скрепленных личными подписями 150 тысяч человек, объявляет себя учредительным собранием и избирает для управления внутренними делами Азербайджана Национальный комитет в составе 39 человек, которому предоставляет право принять все меры, необходимые для проведения в жизнь на-

циональных требований народа, вести переговоры с правомочными органами и одновременно организовать выборы в Азербайджанский национальный меджлис, а также в общеиранский меджлис»¹⁸.

Обращаясь к иранскому правительству и великим демократическим державам мира, Народный конгресс заявил, что для осуществления этих требований будет пользоваться исключительно средствами пропаганды и агитации и не допустит внутренних распрей и пролития братской крови. Но если центральное правительство попытается попать законные права азербайджанского народа силой оружия, насилия и репрессий, азербайджанский народ будет вынужден любой ценой защитить свое право и продолжать борьбу за свою национальную автономию, пока останется жив хоть один азербайджанец. Документ завершался словами: «Мы преисполнены желанием довести до сведения всего демократического мира, что существует на земле нация, которая исполнена решимости всеми силами защищать свои права, что в одном из уголков Азии эта нация подняла знамя демократии во имя своего освобождения»¹⁹.

Вечером 23 ноября Миртеймур Якубов, забрав с собой принятые конгрессом документы и их переводы, выехал в Баку. Члены «бакинской тройки» попросили его поспособствовать через ЦК АзКП(б) скорейшей доставке оружия для отрядов феодалов, а также воздействовать на советского торгпреда в Тегеране, чтобы тот наращивал торговые связи с Тебризом. И еще они просили, чтобы из Баку пришли четкие указания, в каком направлении развиваться национально-освободительному движению в Иранском Азербайджане, так как 3 декабря завершатся выборы в Азербайджанский национальный меджлис, а примерно 5–7 декабря депутаты соберутся в Тебризе и объявят об автономии Азербайджана. Необходимо будет создать государственные органы управления, в противном случае все затеянное будет походить на детские игры²⁰.

Вернувшийся в Баку Якубов организовал перевод на русский язык текста декларации и других документов Народного конгресса и отправил их кремлевской четверке – Сталину, Молотову, Берии и Маленкову. В целом, с момента открытия конгресса Багиров и Масленников регулярно держали Кремль и НКВД СССР в курсе событий, иногда посылая руководству телеграммы по несколько раз в день²¹. Американский историк Зубок по этому поводу пишет следующее: «Первый секретарь компартии советской республики Азербайджан Мирджафар Багиров неоднократно призывал Сталина воспользоваться военной обстановкой и присутствием советских войск в Иране для “объединения” советских и иранских азербайджанцев»²². Ознакомившись с документами и материалами, прибывшими

из Тебриза и Баку, начальник управления НКВД СССР М. А. Силин дал указание исполняющему обязанности посла Ахаду Якубову не передавать в тегеранскую прессу декларацию и другие материалы²³. Следом пришла телеграмма из Баку, в которой М. Ибрагимову и Г. Гасанову сообщалось, что обращенный к шаху документ написан в неприемлемо жестком тоне и его нужно отредактировать. Но было уже поздно: документ доставили по адресам. В той же телеграмме рекомендовалось не начинать работу Национального комитета. А это, в свою очередь, означало остановку уже объявленных выборов. Такая нерешительность могла повлечь за собой развал АДП и крах широко развернувшегося движения. Поэтому Мирза Ибрагимов поехал в штаб корпуса советских войск в Тебризе и по армейской спецсвязи связался с Багировым. В частности, он настаивал, что процесс выборов в милли-меджлис ни в коем случае останавливать нельзя²⁴. Багиров согласился с ним и, созвонившись со Сталиным, получил разрешение на публикацию документов в тегеранских газетах. Только после этого Ахаду Якубову пришло указание из Москвы публиковать полный текст декларации.

После завершения работы конгресса в Тебризе воцарилась напряженная атмосфера: 21 ноября состоялись выборы в Национальный комитет, и в области установилось двоевластие. Даже участник «движения 21-го Азера» и исследователь Миргасым Чешмазар в опубликованной в 1991 г. статье назвал Национальный комитет «временным революционным правительством»²⁵. Никто не знал, что произойдет завтра. Брат Саттархана Гаджи Азим-хан выдвинул инициативу собрать 25 ноября в доме известного религиозного деятеля Сикката оль-Ислама видных граждан Тебриза и обсудить положение в Азербайджане. Руководство АДП и лично Пишевари приглашались на эту встречу, но последний отказался, и было решено, что от партии достаточно будет участия четырех человек. Пусть они узнают, что нужно видным гражданам города, но должны объявить собравшимся, что не имеют полномочий решать принципиальные вопросы. От партии участвовали Шабустари, Рафии, доктор Джавид и Бирия. Открывший встречу Сиккат оль-Ислам от имени собравшихся заявил, что все хотят решения азербайджанского вопроса мирным путем. Он предложил послать в Тегеран делегацию из видных горожан и членов АДП. Но еще более важным Сиккат оль-Ислам считал разоружение отрядов федаинов. Представители АДП на встрече заявили, что они также за мирное решение вопроса, но хотят, чтобы переговоры с иранским правительством проходили не в Тегеране, а в Тебризе. Что касается разоружения федаинов, то это партии не под силу, а сами федаины вряд ли сложат оружие, пока Азербайджан

не получил автономию²⁶. Докладывая Сталину о результатах этой встречи, М. А. Багиров и И. И. Масленников отметили, что командир иранской дивизии в Тебризе заявил о необходимости вооружить видных граждан города на случай ожидаемого нападения демократов. Дерахшани сказал, что раз русские вооружают народ и помогают партии демократов, то в борьбе против них стоит опереться на помощь Англии и Америки²⁷.

Как только события в Иранском Азербайджане приняли серьезный оборот, советских руководителей стала особо заботить проблема контроля над Пишевари и его соратниками. По ряду вопросов он имел собственное мнение, и оно далеко не всегда соответствовало позиции руководителей СССР. Советские спецслужбы располагали информацией, что Пишевари считает политически бесперспективной идею азербайджанской национальной автономии в составе Ирана. Он мечтал о создании Азербайджанской народно-демократической республики под эгидой СССР, по типу Монголии, с дальнейшим воссоединением всего Азербайджана. Впрочем, историк Фернандо Шейд-Рейн из Йельского университета полагает, что и «главным интересом Багирова в Иране была не нефть, а объединение Азербайджана под советским управлением»²⁸. Директор Центра исследований «холодной войны» при Лондонской школе экономических и политических наук Одд Арне Вестад, продолжая эту мысль, приходит к выводу: «Азербайджанский националист Багиров, возможно, надеялся на объединение Советского и Иранского Азербайджана, но Сталин, видимо, при помощи советского давления и поддерживая раскол Ирана, хотел перетянуть буржуазию страны на сторону Москвы, склоняя к нефтяному соглашению, и загнать Иран в сферу советского влияния»²⁹. По мнению профессора Свентоховски, ряд западных авторов и мемуаристов в южноазербайджанском вопросе высказывают, ради интриги, спорные суждения о роли Мирджафара Багирова. Они утверждают, будто под прикрытием московских интересов в Иране Багиров как доверенный сатрап с неограниченными возможностями сыграл решающую роль в возбуждении движения за автономию³⁰. Свентоховски справедливо отмечает: «Нет сомнений, что Багиров на южных границах использовал свое влияние, но в определенных Москвой пределах»³¹.

Для усиления контроля над азербайджанским народным лидером Пишевари Москва разрешила его сыну Дариушу Джавадзаде учиться в Баку. Заместитель председателя СНК Азербайджанской ССР А. М. Азизбеков, нарком внутренних дел М. М. Якубов и нарком госбезопасности С. Ф. Емельянов получили соответствующие распоряжения. Так как Дариуш был несовершеннолетним, его решили

поселить в семье дяди – капитана медицинской службы Мирхалила Джавадзаде, проживающего в Баку. Дяде выделили трехкомнатную квартиру площадью 63 кв. м с мебелью. Одна из комнат предназначалась для сына Пишевари. Кроме того, ему полагалась продуктовая карточка высшей категории, и его прикрепили к магазину № 9, где отоваривались высокопоставленные государственные служащие³².

23 ноября Национальный комитет издал указ о начале выборов в Азербайджанский национальный меджлис 27 ноября и завершении их в пятидневный срок. Открытие первого заседания парламента планировалось на 5 или 6 декабря, за несколько дней до священного месяца Мухаррам. Необходимые документы и прикрепленных лиц направили по участкам. Всюду были созданы окружные избиркомы, объявлены имена кандидатов в депутаты. Однако из Москвы пришло указание приостановить выборы. Оно ввергло в ступор руководство АДП и «бакинскую тройку». М. Ибрагимов связался с Багировым и попросил его срочно вмешаться. Понимая, что это обстоятельство нанесет большой урон зарождающемуся движению, Багиров немедленно связался с Москвой и сумел отстоять свое мнение: «Приостановление выборов сильно ударит по престижу партии. Считая неудобным приостановить выборы, я дал им согласие, но предупредил, чтобы работу парламента не начинали до получения Вашего указания»³³.

До начала выборов феодалы, все еще называемые в советских документах партизанами, добивались немалых успехов. 17 ноября они очистили от правительственных войск, жандармов и полиции Намин, 23-го – Зенджан, 26-го – Герми, 27-го – Астару и Билясувар³⁴. Весь Тебриз попал под контроль Демократической партии. Правительственные силы в городах и селах Азербайджана, как правило, сопротивления не оказывали. Многие, боясь феодалов, бежали, бросив оружие, другие сдавались с оружием, сопротивляющихся разоружали. В отчете Кремлю Багиров писал: «На деятельности партизан отражаются начавшаяся холодная погода и снегопад. Партизаны нуждаются в теплой одежде и деньгах. Вынуждены материально кое-чем их поддержать»³⁵. Во второй телеграмме, отправленной Багировым и Масленниковым 21 ноября, говорится: «Партизаны начали практику посылки предложений жандармским постам сложить оружие и разойтись по домам. В некоторых местах эта практика приносит успех. Они перекрыли дороги, по которым передвигаются иранская армия в Азербайджане и свежие силы, присланные из Тегерана»³⁶. Телеграмма от 22 ноября сообщает: «Наши пограничники доносят, что генерал-губернатор города Ардебиль оставил город и выехал в сторону Тегерана. Ардебиль окружен партизанами. Среди офицерского состава Ардебильского гарнизона царит паника»³⁷.

Английский консул в Тебризе Уолл пожаловался генералу Дерахшани на отсутствие возможности своевременно посылать информацию о положении в Азербайджане в посольство в Тегеране, из-за чего лондонское радио, используя его информацию, передает неточные сведения об Азербайджане. Консул выразил мнение, что иранские власти реально ничего против вооруженного народа сделать не смогут, и посоветовал генералу обратиться за помощью в советское консульство. Поскольку, мол, эти события происходят в зоне советского присутствия, то русские и ответственны за порядок там. Дерахшани заметил, что к Уоллу хотят обратиться за помощью видные представители Тебриза, но Уолл отсоветовал это делать, заявив, что ничем помочь им не может³⁸.

20 ноября иранский посол в Лондоне Сеид Хасан Тагизаде также посетил министра иностранных дел Великобритании Эрнеста Бевина. На пресс-конференции по поводу этой встречи Тагизаде заявил: «Мы не имеем возможности свободно передвигать войска в своей стране»³⁹. 21 ноября агентство Рейтер сообщило, что Бевин выступил в палате общин английского парламента и сообщил о намерении начать постепенный вывод английских войск из Ирана. В то же время, отвечая на вопросы депутатов по поводу ситуации в Иранском Азербайджане, он отметил, что некая политическая группа на севере активизировалась с целью получить автономию. Эта группа выступила с оружием в руках. Однако присутствие советских войск в данном районе создает для иранского правительства трудности в борьбе с повстанцами⁴⁰. 20 ноября состоялась встреча иранского посла в Вашингтоне Хусейна Алы с госсекретарем Джеймсом Бирнсом. Во время беседы посол объяснил причины азербайджанских событий наличием в Иране иностранных войск, открытостью кавказских границ и отсутствием должного пограничного контроля. Он добавил, что иранская сторона надеется на серьезные меры союзников, а также на то, что и Москва пожелает положить конец беспорядкам. Посол дал понять, что США могут оказать должное влияние на Москву. Иранский вопрос, таким образом, превратился в пробный камень для выяснения намерений сторон по выполнению международных обязательств. Однако во время переговоров Дж. Бирнс отметил, что, «пока не получена информация от посольства США в Тегеране об иранских событиях, он не может принять какое-либо решение»⁴¹.

После встречи с госсекретарем Хусейн Ала 28 ноября обратился в Государственный департамент с просьбой к США поддержать кандидатуру Ирана в число сменяемых членов Совета Безопасности ООН⁴². Это обращение было сделано в предвидении возможного обсуждения иранского вопроса в СБ ООН. На следующий день, 29 но-

ября, Ала вручил президенту Гарри Трумэну свои верительные грамоты и весьма откровенно сказал: «В этой критической ситуации я откровенно прошу Вас, господин президент, продолжать отстаивать права Ирана... Только Ваша страна может спасти нас, потому что Вы всегда защищали нравственные идеалы и принципы, и Ваши руки чисты»⁴³.

После начала азербайджанских событий иранский посол в Москве Меджид Ахи также запросил прием к Молотову. В ходе беседы Молотов заверил посла, что Советский Союз с уважением будет относиться к суверенным правам и независимости Ирана. Внимательно отслеживающий процессы в Тебризе американский консул Эблинг в беседе с Дерахшани также заявил, что в иранской конституции не предусмотрены требования, выставляемые Демократической партией. И если Азербайджан, не считаясь с конституцией, желает добиться своих национальных прав, то это нужно осуществить путем переговоров с Тегераном, а не путем насилия. Эблинг заметил, что после детального изучения положения в Азербайджане он свое мнение сообщит в Вашингтон. 24 ноября по радиации иранской дивизии на имя Эблинга из американского посольства поступила телеграмма, в которой говорилось, что событиями в Азербайджане очень интересуется американская общественность и поэтому посольство срочно требует информацию о положении в Тебризе⁴⁴.

В день начала выборов в Азербайджане военный атташе американского посольства майор Гарвер на самолете «Б-25-У» прилетел в Тебриз, а его заместитель капитан Гагарин на автомобиле прибыл в Казвин. По указанию Молотова советский консул в Тегеране Качалов выдал им пропуск. Гарвер встретился с генерал-лейтенантом Глинским и обсудил с ним общие вопросы. Кроме того, военный атташе повидался с генералом Дерахшани, начальником штаба дивизии Варахрамом и начальником жандармерии Хумаюном. В беседах с ними его интересовали в основном три вопроса: «1. Откуда партизаны получают оружие и правда ли, что их вооружают русские? 2. Какая связь между ЦК Демократической партии и партизанским движением? 3. Правда ли, что 10 тысяч переодетых советских граждан, направленных из СССР, примкнули к партизанам?» Информация, полученная Гарвером, оказалась маловразумительной. Во-первых, ему сказали, что слухи о вооружении партизан русскими есть, но доказательств нет. Во-вторых, что газета «Азербайджан» сочувственно относится к партизанскому движению, но фактов, свидетельствующих о связи ЦК АДП с партизанами, нет. На третий вопрос Дерахшани ответил, что его аппаратом подобных слухов не зафиксировано. Американского атташе интересовало, почему демократы

для осуществления своих задач прибегают к вооруженному столкновению, а не ведут переговоры с Тегераном. У официальных лиц в Тебризе не было ответа⁴⁵. Багиров в своем отчете Сталину связывал повышенный интерес англо-американцев к партизанскому движению и источнику их вооружения с подготовкой какой-то крупной провокации против Советского Союза.

После майора Гарвера и капитан Гагарин тоже приехал из Казвина в Тебриз и имел беседу с армянским епископом Мелик-Тангяном, интересовался у него развернувшимся демократическим движением и положением в Азербайджане. Гагарин также выспрашивал епископа, откуда крестьяне получают оружие, нападут ли русские на Турцию и какую работу в этом направлении русские ведут. Особо интересовался, поедут ли армяне в Карс, Ардаган, Ван, Сарыкамыш, если эти области будут возвращены Советской Армении⁴⁶. Решение советского правительства разрешить зарубежным армянам переселиться в Советский Союз вызвало шумную реакцию в Тебризе. Армяне провели митинги и выразили свою благодарность маршалу Сталину.

После Гагарина с епископом Мелик-Тангяном встречался секретарь американского консульства в Тебризе М. Априк, который объяснил свой визит тем, что «американцы приезжали специально для изучения положения в Азербайджане, так как американское правительство требует точной, правильной и убедительной информации о событиях в Азербайджане, не доверяясь в этом иранцам и циркулирующим в Тегеране слухам»: «Априк заявил, что в самом Тегеране повсюду вопят, что якобы демократы в Азербайджане арестовали всех купцов и помещиков и это стало, главным образом, причиной приезда американцев в Тебриз. Однако при проверке на месте оказалось, что все это ложные слухи. В ближайшее время ожидается приезд в Тебриз также и самого американского посла»⁴⁷. Весьма вероятно, что приказ Москвы приостановить назначенные на 27 ноября выборы в Национальный меджлис был вызван проявлением повышенного интереса со стороны США и Англии.

§ 2. Начало борьбы за автономию в Северном Иране

Последнюю декаду ноября Тегеран провел в большой тревоге. Азербайджанские события напугали членов меджлиса. 21 ноября газета «Бахтар» опубликовала телеграмму генерала Дерахшани из Тебриза, в которой говорилось, что, если до вечера не прибудет дополнительная помощь, он отказывается отвечать за порядок в Азербайджане⁴⁸. В эти дни депутаты собирались в парламенте и,

не дожидаясь официальных заседаний, обсуждали ситуацию в Азербайджане и действия правительства. Ряд депутатов критиковали ужесточившуюся политику руководства страны и предлагали решать азербайджанский вопрос мирным путем. 18 ноября доктор Шафак Резазаде отметил, что некоторых из основателей АДП он знает лично и считает патриотами, которые не будут выступать против своей страны. «Однако других я не знаю, – добавил он, – непонятно, откуда они появились и чего хотят. Эти песни, которые они поют, направлены против интересов страны»⁴⁹. Он соглашался с тем, что из-за ряда проблем азербайджанцы недовольны правительством, но, по его мнению, эти проблемы существуют и в других районах. Борьба с имеющимися недостатками не должна наносить ущерб интересам страны. Доктор Шафак подчеркнул тесную связь азербайджанского вопроса с советско-иранскими отношениями, в частности, он сказал: «Мы должны поддерживать дружественные отношения с Советской Россией, сотрудничать в политической, экономической, культурной областях. Уже несколько месяцев в Иране нет советского посла, многие вопросы остались нерешенными. Может быть, есть необходимость послать в Россию делегацию во главе с премьер-министром... Почему мы стремимся трактовать это по-другому? Ведь сейчас Бенеш из Чехословакии, де Голль из Франции едут в Москву решать свои проблемы»⁵⁰. Доктор Шафак участвовал в конференции в Сан-Франциско и осознал, насколько вырос авторитет СССР во всем послевоенном мире, поэтому он предлагал созвать закрытое заседание меджлиса и всесторонне обсудить отношения с СССР. Учитывая эти предложения, правительство Хакими хотело направить на переговоры в Москву делегацию из трех человек во главе с известным англофобом Кавамом ос-Султаном. На самом деле эта идея была выработана в американском посольстве и тайно подброшена правительству через иранских дипломатов. Если переговоры провалятся, полагали американские дипломаты, то ответственность за это падет на СССР⁵¹.

20 ноября депутат от Азербайджана, крупный землевладелец Фарман Фармаиан выступил в меджлисе с резкой критикой политики правительства Садра и антидемократической деятельности Сеида Зия-ад-Дина и поддержал ряд справедливых требований Азербайджана. Он отметил, что с 1941 г. ни одно правительство не уделяло внимания этому региону. Во времена премьерства Садра Фармаиан не раз поднимал данный вопрос, но безрезультатно. К примеру, только с 19 ноября нынешнего года между Тебризом и Тегераном установлена беспроволочная связь. Повернувшись к Зия-ад-Дину, Фармаиан разразился тирадой: «Почему вы придираетесь к

советским представителям? Зачем вы вмешиваетесь в это, клеветаете? Почему говорите такие вещи? Вы губите страну». Реплика Зия-ад-Дина: «Вам это не выгодно», – совсем вывела Фармаиана из себя. Он съязвил: «Не знаю, кому это не выгодно – мне или тому человеку, у которого один чемодан и он вечно кочует» (намек на то, что Сеид Зия-ад-Дин долгое время жил за рубежом в изгнании)⁵². Далее, продолжая свою речь, он настаивал, что у правительства должна быть ясная и дальновидная политика: «Нельзя народ запугивать армией, у армии свои функции. Во всем мире функции армии отличаются от функций полиции и жандармерии. Нельзя ей поручать решение проблем, волнующих народ. Если речь идет о нашем доме, то мы все должны объединиться и не допустить раскола в своей среде». Фармаиан намекал на начавшуюся в тегеранских газетах кампанию против депутатов из Азербайджана. Газета «Бахтар», в частности, распространила сообщение, будто у некоего арестованного человека, прибывшего в Тегеран из Тебриза, в кармане найдены письма к Ипекчиану и Фармаиану. В те дни тегеранская пресса была полна статей и информации об Азербайджане. Ахад Якубов аккуратно собирал всё. 25 ноября он переслал публикации Махмуду Алиеву, а 31 декабря представил подробный обзор прессы в более полном объеме⁵³.

По требованию депутатов выступил премьер-министр Хакими. Он сообщил, что в последнее время в отдельных населенных пунктах 3-го и 4-го останов произошли нежелательные события. Эти события несовместимы с патриотизмом, который можно было бы ожидать от братьев-азербайджанцев. Правительство не позволит никому и нигде предъявлять свои требования к нему и меджлису в ультимативной форме. Авантюристы пытаются запятнать честь страны. Они должны быть наказаны. Опираясь на парламент, правительство предпримет необходимые меры для восстановления безопасности страны. Он, Хакими, уверен, что в нынешней обстановке они вновь протянут руку ему – другу и брату⁵⁴. 24 ноября заместитель министра иностранных дел Хумаюн, 25 ноября министр внутренних дел Фахими выступили в иранском меджлисе, информируя депутатов о событиях в Азербайджане. В правительственных кругах большие надежды возлагали на назначение бывшего премьера Мортеза-Коли Баята губернатором Азербайджана, но этот опытный политик, несмотря даже на согласие советских учреждений, не спешил вылетать в Азербайджан, ожидая, «когда над Азербайджаном прояснится»⁵⁵.

В иранских политических кругах, в информационных средствах Великобритании и Америки, а также в тегеранской прессе усиливались нападки на Советский Союз. Поэтому главные государственные и партийные органы – «Известия» и «Правда» – были вынуждены

ответить на эти выступления. Московская газета «Известия» 20 ноября 1945 г. напечатала статью, в которой говорилось, что, как известно, население Иранского Азербайджана до последнего времени было лишено школ, книг и прессы на родном языке. Выступающая с этими требованиями Демократическая партия добилась заметных успехов. А лондонское радио, распространяя клевету о «восстании сепаратистов» и «русских грузовиках», попросту пытается отвлечь внимание общественности от действий англичан в Палестине, Египте и Индонезии. Оно извращает демократический, законный характер движения в Азербайджане⁵⁶. В последнюю декаду ноября в каждом номере «Правды» и «Известий» публиковалась информация о репрессиях, которым подвергаются азербайджанцы на севере Ирана.

Опасаясь, что азербайджанский вопрос выходит за рамки допустимого, премьер-министр Ибрагим Хакими пригласил Ахада Якубова на встречу, которая и состоялась 27 ноября. В ходе беседы премьер настаивал, чтобы иранские войска были допущены на север страны, обещая взамен целиком подчинить свою политику интересам Советского Союза⁵⁷. Получив отрицательный ответ, Хакими заявил, что ему не остается ничего другого, как уйти в отставку.

22 и 23 ноября посол США в Москве Гарриман вручил Молотову две ноты с требованием вывести войска из Ирана до 1 января 1946 г.⁵⁸ 25 ноября британский посол в Москве Арчибальд Керр вручил Молотову ноту с напоминанием, что следует уважать суверенитет Ирана, а 26 ноября последовала нота о беспокойстве по поводу положения правительства Хакими в Иране. Впрочем, обе ноты остались без серьезных последствий. Советская сторона ответила нотами – 29 ноября в Вашингтон, 30 ноября в Лондон, 1 декабря в Тегеран, где, признавая сложность ситуации в Иране и начавшееся там национально-демократическое движение, отмечала, что тем более нельзя впускать иранскую армию на север страны⁵⁹. Молотов писал послу США Гарриману по этому поводу: «Уважаемый г-н Посол. В связи с Вашим письмом от 24 ноября, в котором было изложено сообщение правительства США по иранскому вопросу, я имею сообщить Вам следующее. Сделанное в этом сообщении заявление о вооруженном восстании в Северном Иране, по имеющимся у советского правительства сведениям, не соответствует действительности. События, имевшие место в последние дни в Северном Иране, не только не являются вооруженным восстанием, но и не направлены против шахиншахского правительства Ирана. Теперь, когда опубликована декларация Народного собрания Северного Ирана, видно, что здесь дело идет о пожеланиях относительно обеспечения демократического правительства азербайджанского населения Северного Ирана, стремяще-

гося к национальной автономии в пределах иранского государства и имеющего свой особый язык, отличный от персидского языка. Из содержания указанной декларации Народного собрания, состоявшегося в Тавризе 20–21 ноября, видно также, что это Народное собрание обратилось с выражением своих пожеланий к шаху, меджлису и правительству Ирана, опираясь при этом на иранскую конституцию. Имевшиеся же в связи с последними событиями нежелательные инциденты в отдельных пунктах Северного Ирана вызваны были реакционными элементами, противящимися предоставлению национальных прав населению Северного Ирана, хотя в этих пожеланиях местного населения нет чего-либо необычного для демократического государства»⁶⁰. В этом письме, как и во всех других, Молотов отрицает причастность СССР к событиям в Северном Иране, настаивая, что это внутреннее дело Ирана. 1 декабря, ознакомившись с нотой Молотова, премьер Хакими сказал американскому послу, что Россия не признает свое вмешательство во внутренние дела Ирана, словно «советские органы в Иране действуют самостоятельно, без ведома и разрешения советского правительства»⁶¹. По поводу ноты Советского Союза иранский посол в Вашингтоне Хусейн Ала 29 ноября дал пресс-конференцию и заявил, что азербайджанские события напрямую связаны с советским вмешательством. Соединенные Штаты с Ираном, отметил он, связывают истинные узы дружбы, и только США могут принести спокойствие и процветание в Среднюю Азию – самый чувствительный пункт мировой коммуникации⁶². Внешнеполитическое ведомство СССР расценило такое заявление посла как дальнейшее нагнетание напряженности в международных отношениях.

После начала выборов в Национальный меджлис в Тебриз 28 ноября прибыл новоназначенный генерал-губернатор Мортеза-Коли Баят в сопровождении пяти чиновников высокого ранга. Нарком госбезопасности Азербайджанской ССР Емельянов писал Багирову: «Среди этих пяти человек имеется одно наше доверенное лицо»⁶³. Однако приезд губернатора не повлиял на ход выборов. Наличие отрядов федаинов заставило отступить противников автономии. Они не смели даже вести агитацию против процесса выборов. В день приезда Баята в Тебриз Мирза Ибрагимов выехал в Баку, чтобы информировать Багирова о состоянии национально-демократического процесса в Иранском Азербайджане.

30 ноября Баят встретился тет-а-тет с доверенным человеком Советов. Он хотел начать переговоры с руководителями Демократической партии, выяснить их цели и намерения и возможность достижения с ними компромисса. О результатах переговоров Баят собирался доложить лично шаху и правительству. Новый генерал-гу-

бернатор возмущался действиями правительств Саеда и Садра – виновников обострения взаимоотношений с СССР, обвинял премьер-министра Хаками в том, что он ввел в свой кабинет противников СССР – Абдулхусейна Хажира, Халила Фахими и других. По утверждению Баята, шах и авторитетные правительственные круги, в том числе и сам Баят, считали, что создавшуюся в Иране напряженную обстановку можно изменить только путем коренного улучшения взаимоотношений с СССР⁶⁴.

1 декабря Баят посетил генконсульство СССР и встретился с генеральным консулом Красных. Он заявил, что имеет полномочия от правительства вступить в переговоры непосредственно с руководством Азербайджанской демократической партии и на месте разрешить вопросы, поднятые демократами, – самостоятельно или путем личных переговоров с правительством, так как и оно намерено пойти на значительные уступки. Баят сказал, что через мэра Ровшани пригласил Пишевари на встречу, и попросил советского консула поспособствовать этой встрече. Однако Красных дипломатично отказался от посредничества. В конце беседы Баят вновь подчеркнул, что обладает широкими полномочиями для установления порядка в Азербайджане и улучшения советско-иранских отношений⁶⁵.

3 декабря в Тебризе, в доме влиятельного горожанина Сираджа Амира Зека-од-Доуле состоялась встреча Пишевари с Баятом. После нее Пишевари пришел к Гасанову и Атакишиеву, чтобы пересказать суть беседы. Ее краткое содержание немедленно передали Багирову, а тот письменно сообщил Сталину и другим советским руководителям следующее: «Ввиду некоторого интереса беседы Баята с Пишевари передаем из Тебриза телеграфную справку без особых изменений: Беседа проходила около двух часов. После взаимного приветствия и разговора на общие темы Баят обратился к Пишевари с просьбой рассказать о требованиях демократов Азербайджана к иранскому правительству. Пишевари подробно разъяснил Баяту основные требования азербайджанского народа, выраженные в Декларации и решениях учредительного съезда представителей народа, опубликованных в печати. Баят сообщил, что он уполномочен решить все вопросы, а в случае затруднений вопрос можно решить и в Тегеране. Когда Пишевари выдвинул требования политического, культурного и экономического плана, связанные с автономией Азербайджана, Баят ответил, что в принципе он согласен с требованиями народа, но желал бы, чтобы демократы при решении подобных вопросов придерживались более мирных путей и не углубляли противоречия. Далее Баят отметил, что решение проблемы тюркского языка и образования энджуменов не представляет затруднений. Эти вопросы он сам легко решит. Но во-

прос автономии ему не ясен и противоречит Конституции. Пишевари дал понять, что народ Азербайджана твердо стоит на своем требовании автономии и не пойдет на уступки. Если правительство будет по-прежнему угрожать силой, народ до последнего будет отстаивать свои права. Он сказал дословно следующее: «Мы хотим, чтобы вопрос автономии решился мирным путем, и если вы думаете иначе, то нет другого выхода, как только перебить весь азербайджанский народ. Лично я не вижу другого выхода для вас». В связи с этим Пишевари сообщил о новом происшествии в Тебризе со 2 на 3 декабря, когда солдаты иранской армии из пулеметов расстреляли группу граждан, идущих в мечеть исполнять священный ритуал в месяц Мухаррам. Баят пытался уверить Пишевари, что подобные приказы идут не из центра, и всеми силами старался придать встрече дружественный характер. Во время беседы Баят и Довлетшахи как бы в шутку затронули вопрос о возможном присоединении к Азербайджанской ССР. Пишевари в приличествующей форме отвел эти намеки»⁶⁶.

Баят убеждал Пишевари, что создание Азербайджанского национального меджлиса Конституцией Ирана не предусмотрено и потому является незаконным. Пишевари ответил, что иранская конституция уже давно нарушена, ибо в ней записано, что шахом Ирана может быть только человек из династии Каджаров. Реза вычеркнул слово «Каджаров» и написал вместо него слово «Пехлеви» и ряд других пунктов. Конституция создана народом, и он может написать новую конституцию, в которую включит пункт об автономном управлении Азербайджана. Затем Баят поинтересовался следующими вопросами: 1) кому будут подчиняться государственные учреждения в Азербайджане; 2) какие будут взаимоотношения между азербайджанским парламентом и иранским меджлисом. На все вопросы он получил соответствующие ответы⁶⁷.

Советские представители в Тебризе считали, что Баят «мирным» и «дружественным» расположением пытается усыпить бдительность лидеров демократов, ослабить движение и, главное, выиграть время. Прощаясь с Пишевари, губернатор выразил надежду на повторную встречу и официальные переговоры. Советские консультанты посоветовали Пишевари согласиться на новую встречу, но твердо стоять на требованиях Демократической партии и Народного конгресса.

Выборы в Тебризе закончились 3 декабря, в других районах чуть позже. Пишевари, Бирия, их соратники Гиями, Падеган, доктор Джавид, Рафии, Шабустари, Илхами, Никчу, Ипекчиан, Машинчи, Азими, набрав большинство голосов, были избраны в Азербайджанский национальный меджлис⁶⁸. Впервые на избирательные пункты явились женщины. Только в Тебризе голосовали 3 172 жен-

щины⁶⁹. Для освещения выборов, и в целом всех процессов, происходящих в Южном Азербайджане, 3 декабря в Тебриз приехал корреспондент ТАСС Медведев. «Бакинская тройка» договорилась с ним ежедневно готовить репортажи для Москвы. Именно с этой даты начинаются регулярные репортажи корреспондентов ТАСС из центра событий о национальном движении Южного Азербайджана, их работа длилась до конца 1946 г.⁷⁰ Результаты выборов в Азербайджанский национальный меджлис ТАСС распространил по всему миру. Эта информация показала, что население Иранского Азербайджана уже чувствует себя самостоятельной нацией и выказывает волю к национальной автономии и строительству национального государства. Наблюдавший за ходом выборов Г. Гасанов по дороге в Марагу проехал 8 постов федаинов, возглавляемых Кабири, и нашел всюду идеальный порядок. 1 декабря в советской комендатуре Мараги его встретили Нусрат Багиров, Арутюнов, Кошгарлы и Гусейнов. Причем выяснилось, что между Нусратом Багировым и Арутюновым назрел конфликт. В беседе с Гасановым Арутюнов пожаловался, что они не выполнили план по убийству реакционных элементов. Виноватым он считал Н. Багирова. Гасанов пишет: «Такое заявление т. Арутюнова мне очень не понравилось. Я заметил, что напрасно тов. Арутюнов об этом беспокоится. Если дела АДП идут хорошо и нет людей, мешающих мероприятиям партии, то никого и не надо убивать»⁷¹. Гасанов предупредил Багирова и Арутюнова о необходимости работать дружно, сократить число постов федаинов и поддерживать спокойствие в городе, а также соблюдать конспирацию в отношениях местного комитета АДП и отрядов федаинов. Из разных мест приходила информация, что местные комитеты АДП вмешиваются в дела федаинов, легализуя свои отношения с ними. 2 декабря местным комитетам АДП спустили инструкцию избегать подобных акций. Например, федаины убили в Маранде Сартипа и двух его малолетних сыновей. Это обстоятельство произвело неприятное впечатление на массы. Или же в Миане федаины задержали машину с маслом, которая шла в Тегеран. Масло конфисковали, но выдали расписку, написав ее латинскими буквами и поставив дату по советскому календарю. Этот документ выдал связь федаинов с русскими. Подобные проблемы побудили «бакинскую тройку» обсудить с генералом Глинским обязанности советских гарнизонов в Иранском Азербайджане. Советские военные и политические органы пришли к согласию: гарнизоном следует соблюдать принцип невмешательства во внутренние дела Ирана, но при этом не позволять реакционным силам мешать национально-освободительному движению⁷².

В ходе выборов случались и казусы. Например, 29 ноября Пишевари, не посоветовавшись с другими руководителями АДП и членами Национального комитета, дал указание председателю избирательной комиссии по Тебризскому округу не регистрировать армянских кандидатов Бабкена и Давида. Сотрудники советского консульства и члены «бакинской тройки», срочно собравшись, попросили этих армян добровольно снять свои кандидатуры, а после, дескать, армяне выберут двух других кандидатов. Своим непредсказуемым поступком Пишевари поставил советских представителей в неловкое положение и получил взыскание⁷³.

Несмотря на все трудности, по всей провинции выборы прошли в обстановке политической активности. Депутатами Азербайджанского национального меджлиса стали: от Ардебилля Гасан Джовдат, Мамед Джалили, Гаджи Таги Вагабзаде и Меджид-хан Хосрови, от Астары Замани, от Намина Гудси, от Билясувара Нусрат-бек Шахин, от Мешкина доктор Рафизаде, от Герми Нунакарани. Все города и села Азербайджана получили представительство в Национальном меджлисе, и в целом из 100 депутатских мест 95 уже были заняты. Председатель Демократической партии Пишевари в своем обращении к членам партии по поводу выборов в меджлис сказал: «Национальный парламент – наша совесть, и мы не допустим, чтобы ее запятнали. Пусть будет избран не член Демократической партии, это не имеет значения, лишь бы он был избран честно, на демократических началах. Не связывайте ни в коей мере руки народа! Будьте уверены, что путь ваш правилен и цель ваша священна! Пусть народ убедится в том, что вы честно служите ему, что вы настоящие слуги народа»⁷⁴.

Оставалось получить из Москвы разрешение на открытие первой сессии Азербайджанского национального меджлиса. С этой целью Багиров направил 2 декабря кремлевской четверке (Сталин, Молотов, Берия, Маленков) проект повестки сессии. «Бакинская тройка» и лидеры демократов предлагали открыть сессию 10 декабря⁷⁵. Обсуждению на сессии подлежали следующие вопросы:

1. Выборы председателя и его заместителей.
2. Утверждение состава кабинета министров.
3. Образование постоянных комиссий при меджлисе.
4. Обсуждение и утверждение правительственной программы.

ЦК АДП и Народный конгресс предполагали поручить формирование правительства Пишевари. Кабинет должен был состоять из 10 министров. Систему губернаторства решили заменить соответствующими министерствами. Демократы считали, что если в Азербайджан не будут введены иранские войска, то они и сами спра-

вятся с имеющимися там полицией и жандармерией. Через три дня из Москвы пришел ответ: «Баку, товарищам Багирову и Масленникову. В ответ на Вашу телефонограмму № 339 от 2 декабря сообщаю, что с предложениями Национального собрания [Народного конгресса] и Центрального комитета Демократической партии можно согласиться. Молотов. 5.XII.45. Время 02.55»⁷⁶.

В тот же день из Баку поступило указание, чтобы Пишевари во время второй встречи с Баятом крепко стоял на требовании автономии Азербайджана. Ответственные работники в Тебризе поняли, что Советский Союз твердо защищает национально-освободительное и демократическое движение в Иранском Азербайджане. 6 декабря вечером Мирза Ибрагимов вернулся в Тебриз и сообщил, что в Баку очень довольны работой «тройки» и просят продолжать дела в этом направлении. Но в Баку также считали, что в ряде вопросов необходимо ожидать согласия Москвы. Наконец, 7 декабря из Баку прислали инструкцию созвать Азербайджанский национальный меджлис и сформировать кабинет министров Иранского Азербайджана. Указывалось, что, несмотря на позицию правительства Ирана, правительство Азербайджана должно начать осуществлять шаги, предусмотренные в программе АДП. Это известие вызвало ликование лидеров демократического движения и командированных из Советского Азербайджана. Они поняли, что согласие Москвы получено. Г. Гасанов отметил в своем дневнике: «Это означает, что народ Азербайджана сам будет решать свои вопросы, предпринимать меры по развитию экономики и культуры. С этого дня наступает новый период в жизни азербайджанского народа. Для народа открываются большие перспективы в развитии своей экономики и культуры. Сейчас основная наша задача заключается в том, чтобы составить такой кабинет министров, который мог бы довести до конца начатое большое народное дело»⁷⁷. Вдохновленный этой информацией Пишевари в те кризисные дни писал: «Мы должны добиться справедливости собственной силой. Мы не повторим ошибок покойного Хиябани. Наш ответ предателям: только смерть. Народ не боится жертв в борьбе за свои права. Народ, не готовый приносить жертвы, не достоин свободной жизни»⁷⁸.

В 10 часов утра 8 декабря в доме тебризского аристократа Сираджа Амира Зека-од-Доуле состоялась вторая официальная встреча между Баятом и Хасаном Довлетшахи с одной стороны и Сеидом Джафаром Пишевари, Гаджи Мирзой Али Шабустари, Мохаммедом Бирией с другой стороны. Бурные обсуждения длились полтора часа. Баят хотел отвлечь азербайджанских демократов от вопроса об автономии, утверждая, что все вопросы могут решаться в рамках провин-

циальных энджуменов и нет необходимости объявлять автономию. Пишевари объяснил, что требование автономии включает в себя наличие в Азербайджане своего меджлиса и своего правительства. При этом внешняя политика останется в ведении правительства Ирана, а это означает, что Азербайджан остается в границах иранского государства. Что же касается сути слова «автономия», то «Азербайджан представляет себе автономию как Соединенные Штаты Америки или кантоны Швейцарии»⁷⁹. Пишевари отметил, что это решение Народного конгресса и они от него не отступят.

В конце переговоров Баят попросил переслать ему декларацию и другие документы, принятые Народным конгрессом: весьма возможно, что он отправится в Тегеран, и эти документы помогут ему при переговорах с шахом. Пишевари решительно заявил, что требования азербайджанского народа ясно изложены в опубликованной декларации. Эти требования полностью должны быть удовлетворены шахом и меджлисом. Независимо от их решения, уже избранный Азербайджанский меджлис на днях начнет свою работу. Бирия и Шабустари поддержали Пишевари по вопросу об автономии. Баят их перебил: «Вы не сможете существовать автономно»⁸⁰.

По поводу этих переговоров Пишевари писал: «Господин Баят, признавая наше право и отмечая правильность наших взглядов и принципов, не мог говорить об этом открыто. Он хотел словоблудием выхолостить нашу идею национальной автономии. Его слова были в разладе с его совестью. Ограниченный в возможностях, он напоминал связанного по рукам и ногам человека, судорожно дергающегося на месте, ведущего длительные споры из-за пустяков, пытаясь убить время. Наконец, наша делегация сумела довести до него реальное положение дел, способность нашей нации добиться своих прав и до последнего бороться за эти права. В заключение мы заявили: “На днях откроется милли-меджлис, и будет образовано официальное правительство, которое будет решать внутренние проблемы Азербайджана, не отделяясь от Ирана. Тегеран был своевременно извещен, однако он выбрал путь проволочек. И это очень глупая, недалновидная политика. Если центральное правительство сейчас отвергнет протянутую нами руку, мы больше не повторим этот жест доброй воли, и это будет самым большим предательством центрального правительства”»⁸¹. Багиров докладывал Сталину и другим советским руководителям: «Вторая встреча с Баятом еще раз подтвердила, что он, действуя по заданию иранского правительства, путем бесконечных переговоров старается затянуть разрешение основного и главного вопроса автономии Азербайджана, видимо, имея в виду перенесение вопроса об

Азербайджане на разрешение иностранных правительств. Учитывая это, нами даны указания:

1. Заседание первой сессии меджлиса больше не откладывать и провести его 12 декабря.

2. От дальнейших встреч с Баятом, до окончания работы 1-й сессии меджлиса, воздержаться»⁸².

По окончании встречи с Баятом, вечером того же дня «бакинская тройка» (Гасан Гасанов, Мирза Ибрагимов, Агасалим Атакишиев) и «тебризская тройка» (Пишевари, Шабустари, Бирия) обсудили организационные вопросы открытия Азербайджанского национального меджлиса, выборов его руководящего состава, утверждения состава правительства. Председателем собрания выдвинули Шабустари, но он заявил, что не хочет занимать официальных постов, однако в качестве рядового члена будет помогать партии. Бакинские представители и Пишевари продолжали настаивать и уговорили его. Затем Бирия предложил кандидатуру Пишевари на пост председателя кабинета министров. Когда спросили мнение Шабустари, он заявил, что в целом не возражает, но у Пишевари есть ряд недостатков, которые он должен исправить. Например, он груб в общении с товарищами и не умеет себя сдерживать. Услышав такое, Пишевари вспылил: «Я не буду работать председателем Совета министров. Я могу быть только редактором газеты “Азербайджан”. Товарищи не ценят мой труд. Если я бываю груб, то только ради работы»⁸³. С большим трудом бакинским товарищам удалось его успокоить. Затем перешли к поименному подбору руководящего состава меджлиса, правительства, правоохранительных органов. Чтобы ослабить сопротивление иранской армии на территории Азербайджана, советская разведка усилила работу среди офицерского состава. 10 декабря резидент органов безопасности Нурмамед Кулиев сообщил «бакинской тройке», что если после формирования кабинета Пишевари он призовет к себе Дерахшани и прикажет подчиниться новому правительству, то Дерахшани не откажется⁸⁴.

События в Азербайджане уже превратились в объект обсуждений в среде политических кругов великих держав и средств информации. Особенно это касалось неспособности иранского правительства послать в Азербайджан новые войска. Начальник генштаба генерал Хасан Арфа предложил отправить в Хамадан войска, расквартированные близ Казвина, чтобы обмануть общественное мнение. Посол США в Тегеране Уоллес Мюррей в секретном донесении от 8 декабря на имя госсекретаря писал: «Я сожалею о подобных действиях Ирана. Это свидетельствует о том, что они соглашаются с запретом Советского Союза нападать на Тебриз. Вчера в беседе с полковни-

ком Бейкером Арфа высказал очень пессимистические мысли по поводу сложившейся ситуации. Он заявил, что Тегеран уже находится на северной границе Ирана и с помощью русских руками “демократов” будет прерван поток продуктов в столицу. Арфа также заявил, что для отражения внезапного наступления “демократов” на Тегеран генеральный штаб 24 часа в сутки находится в состоянии боевой готовности»⁸⁵. Учитывая все это, американское посольство направило в Тебриз своего пресс-секретаря Кайлера Янга, который 9 декабря встретился с Пишевари. В процессе беседы Янг интересовался проблемой азербайджанской автономии, партизанским движением, структурой Демократической партии, ее классовым и национальным составом, документами Народного конгресса, отношением Демократической партии к вооруженным партизанам, источниками их вооружения и т. п. Особенно много вопросов он задавал об участии советских эмиссаров в организации национального движения. Багиров в донесении на имя кремлевских руководителей отмечал, что Пишевари дал обоснованные ответы на все вопросы. В частности, на вопрос американца: «Ведь декларация противоречит Конституции Ирана», – он ответил, что конституция есть выражение законных требований и прав народа, а у азербайджанского народа имеются исторические права и справедливые требования, такие же, какие были в свое время у американского народа, добившегося своих законных демократических прав. Американскому народу на его пути к демократии не помешала действовавшая тогда конституция. Азербайджанский народ рассчитывает на сочувствие демократических народов мира и надеется также на поддержку американского народа, который должен лучше понять народ Азербайджана и поддержать его справедливые желания. В конце американец заявил, что разделяет мнение Пишевари и согласен с его доводами. Но Янг просил Пишевари дать ему слово, что об этом не будет напечатано в газете «Азербайджан» до тех пор, пока он не вернется в Тегеран для доклада своему послу⁸⁶. До 12 декабря Янг продолжал свои разведнаблюдения и беседовал с представителями различных слоев населения Тебриза.

Почувствовав серьезность ситуации, Великобритания через своего посла в Москве 8 декабря предложила наркому иностранных дел СССР Молотову обсудить вопрос эвакуации советских и английских войск из Ирана. Письмо британского посла основывалось на соглашении, достигнутом между Молотовым и министром иностранных дел Британии Эрнстом Бевином в Лондоне, а также письме, направленном Молотовым Бевину еще 20 сентября. Приехавшие в Иран английские журналисты в сопровождении пресс-секретаря британского посольства посетили премьер-министра Ибрагима Хакими. 10 де-

кабря газета «Эттелаат» опубликовала обширный репортаж об этой встрече. Английские журналисты спросили, где же выход из сложившейся ситуации, на что премьер ответил: «Война уже давно окончена. Нет никакой необходимости для пребывания войск союзников в Иране. Если три великие державы выведут свои войска из Ирана, тогда правительство получит необходимую свободу действий, проведет в стране реформы и обеспечит спокойствие. Тогда иранское правительство докажет Советскому Союзу и всему миру, что оно готово строить дружеские отношения с СССР». Британские журналисты также поинтересовались, не желает ли премьер обратиться с просьбой о направлении в Иран специальной комиссии для изучения положения дел на месте. Премьер ответил, что надеется на разрешение конфликта путем переговоров с Советским Союзом. В то же время он отметил, что приветствует любые проявления внимания к этой проблеме со стороны Организации Объединенных Наций. В конце Хакими выразил уверенность, что великие державы с уважением относятся к подписанному 29 января 1942 г. трехстороннему договору, объявленной 1 декабря 1943 г. Тегеранской декларации и провозглашенным в них суверенным правам Ирана⁸⁷.

Британский историк, автор интересных трудов о советской внешней политике времен Второй мировой войны и послевоенного периода Джеффри Робертс справедливо пишет, что, опираясь на помощь Америки и Англии и вынося азербайджанский кризис на обсуждение в ООН, Иран добивался все большей интернационализации проблемы⁸⁸.

Накануне встречи министров иностранных дел посол Ирана в Вашингтоне Хусейн Ала, получив соответствующие инструкции из Тегерана, просил государственного секретаря Джеймса Бирнса о том, чтобы на Московской встрече союзники подняли вопросы, связанные с Ираном, особенно вопрос о немедленном выводе иностранных войск из Ирана и предоставлении Ирану полной свободы самоуправления. Он писал: «Это позволит нам восстановить порядок в стране и пресечь действия иммигрантов [имеются в виду иммигранты из СССР. – Дж. Г.] и неизвестных лиц, убивающих государственных чиновников и разрушающих государственные учреждения в Азербайджане. Если состояние паралича будет продолжаться и мы будем и впредь встречать препоны на своем пути, то силы безопасности в Иранском Азербайджане и в северных областях будут резко ослаблены и попадут под влияние масс и деструктивных сил»⁸⁹. Вопрос досрочного вывода иностранных войск из Ирана был поднят также в ноте США Советскому Союзу от 29 ноября. Москва не приняла предложение США «вывести все войска союзников из Ирана до 1 янва-

ря»⁹⁰. В тот же день Ала сделал заявление для прессы. Он выразил надежду, что конференция трех министров не превратится во второй Мюнхен и суверенитет Ирана во что бы то ни стало будет обеспечен⁹¹. В те дни во всей дипломатической переписке выражение «суверенитет Ирана» означало «гибель азербайджанского движения».

Несмотря на оказанное давление, Москва не соглашалась на досрочный вывод войск из Ирана. От имени советского правительства в Государственный департамент была послана ответная нота, в которой отмечалось, что в досрочном выводе иностранных войск из Ирана нет острой необходимости. Что же касается обеспокоенности США по поводу кризиса в Южном Азербайджане, то в советской ноте отмечалось: «После опубликования Декларации Всенародного Меджлиса Северного Ирана стало очевидным, что обеспечение демократических прав азербайджанского населения, проживающего на севере Ирана, завоевание им автономии в составе Иранского государства (в сфере самоуправления и употребления национального языка) является проблемой национального волеизъявления азербайджанского народа»⁹². Так почему же Советский Союз не спешил вывести свои войска из Ирана, невзирая на давление союзников? Нет сомнений, что здесь кроются стратегические интересы Кремля и самый очевидный из них – желание получить нефтяную концессию. Для этого следовало сохранить возможность давить на правительство Ирана, иметь влияние на надвигающиеся выборы в иранский меджлис и, наконец, иметь возможность защищать национально-освободительное движение на севере Ирана. В целом, профессор В. О. Печатнов объясняет активизацию СССР в Северном Иране после окончания войны желанием Москвы превратить эту страну в зону советского влияния. Советское руководство рассматривало это как законную «долю» от вложенного СССР в мировую войну⁹³. Российская исследовательница Н. И. Егорова придерживается мнения, что активность Советского Союза на севере Ирана обусловлена проживающими здесь этническими азербайджанцами и их борьбой за независимость. Она справедливо считает, что «это движение в северных провинциях имело собственные исторические корни»: «В Иранском Азербайджане с компактным большинством азербайджанцев их неоднократные выступления подавлялись местными ханами и представлявшей центральную власть жандармерией»⁹⁴.

Пресс-секретарь американского посольства Янг спустя пять дней вернулся из Тебриза в Тегеран. 12 декабря посол Мюррей направил собирающемуся в Москву госсекретарю Джеймсу Бирнсу отчет Янга о проведенных им в Тебризе переговорах. В телеграмме посла сказано: «Сегодня ожидается захват Тебриза “демократами”. Вали

Азербайджана Баят и командующий иранскими войсками в Тебризе генерал Алекбер Дерахшани заявили Янгу, что они не в силах защитить город и ограничатся обороной дома вали и военных казарм. В Тебризе будет проведено первое заседание “Азербайджанского меджлиса” и будет избран кабинет из 10 министров, и все они, кроме министров обороны и иностранных дел, будут обладателями портфеля по примеру иранского правительства... Собрания демократов в Тебризе охраняются людьми, одетыми в форму советских солдат. Янг лично видел, как иранские военные части, желающие покинуть Тебриз, не были пропущены через дорожный пост, контролируемый русскими. Кроме того, он ознакомился с официальным военным рапортом, только что полученным из Ардебиля. В рапорте говорится, что расположенные там советские войска перекрыли путь и вернули обратно армейскую машину, спешащую на помощь подвергнутому нападению жандармскому участку. Советское командование запретило иранскому командованию передислоцировать свои войска. Все населенные пункты Азербайджана, за исключением Резайе, де-факто контролируются демократами. Иранские государственные чиновники заявили Янгу, что они уже ничего не контролируют. Государственные чиновники заявили, что последние действия демократов оказались гораздо более активными, чем ожидалось»⁹⁵.

В самый разгар событий, 10 декабря, Ахад Якубов, исполнявший обязанности временного поверенного в делах, в обстановке секретности встретился с известным политиком Кавамом ос-Султаном, который рассказал, что один человек, близкий к английскому посольству, ссылаясь на источник внутри посольства, передал ему, что там считают, будто с приходом к власти Кавама позиции Британии в Иране ослабнут. Тот же человек посоветовал ему постараться встретиться с английским послом, чтобы смягчить отношение к себе. Вместе с тем Кавам сообщил, что 9 декабря премьер-министр пригласил его, Мотамон-уль-Мулька, Али Мансура, Мосташар-од-Доуле и Малек-ош-Шоару Бахара (Бахар-уль-Мулька) для всестороннего обсуждения азербайджанского вопроса. Во время этого совещания Кавам заявил Хакими, что считает ошибочной отправку войск в Азербайджан. А также отметил, что после прихода к власти намерен распустить парламент, который не способен стабилизировать ситуацию в стране. К тому же Кавам подчеркнул, что шансы его растут с каждым днем⁹⁶. В тот же день Ахад Якубов встретился с высокопоставленным сотрудником МИД Ирана Хамидом Сайяхом, который подтвердил высокие шансы Кавама прийти к власти. Он даже заявил, что все честные политики Ирана считают приход Кавама к власти необходимостью, но английский посол Буллард активно про-

тив его кандидатуры и через своих близких людей агитирует против Кавама⁹⁷. Оба собеседника, конечно же, пытались дезинформировать Якубова, так как в иранских общественных кругах Кавам расценивался именно как ставленник англичан. В данном случае он пытался заполучить также эффективную помощь Советского Союза, выставляя себя жертвой Британии.

В тот же день состоялась встреча Ахада Якубова с послом США в Тегеране Мюрреем, который сказал, что число оставшихся в Иране американских военнослужащих не превышает 2 500 чел. и что до конца декабря все они, за исключением младших офицеров, во главе с генералом Ридли покинут Иран. Кроме того, Мюррей сообщил, что бывший сотрудник посольства господин Майнор несколько дней назад изъявил желание поехать в Тебриз. По словам посла, Майнор должен был подготовить доклад для Государственного департамента⁹⁸.

Англичане также сильно интересовались положением в Иранском Азербайджане. В ночь на 12 декабря по дороге в Марагу, недалеко от Тебриза, партизаны задержали следовавшего на автомобиле английского консула в Тебризе Уолла. Очевидно, что под предлогом поездки в Марагу он хотел разведать ситуацию вокруг Тебриза. На предложение вернуться в Тебриз Уолл ответил отказом и настаивал на встрече с начальником партизанского отряда. Всю дорогу до местечка Уску Уолл через своего переводчика выпытывал, откуда у партизан оружие, много ли партизан. Он заявил: «Тегеран не даст автономии Азербайджану... У вас нет денег, вы не сможете существовать»⁹⁹. Начальник партизанского отряда немедленно освободил Уолла, который ночью отправился в Мехабад.

§ 3. Роль Советского Азербайджана в победе АДП

К 11 декабря почти вся территория Азербайджана находилась под контролем АДП. Федаины заняли Марагу, Сараб, Бостанабад, Маранд и Софиан. Тебриз был окружен, всякая связь с расквартированными там войсками прервана. Завершились последние подготовительные мероприятия к открытию сессии милли-меджлиса и формированию национального правительства. «Бакинская тройка» отправила Багирову подробный отчет о положении в городе, об уровне подготовки к завтрашнему мероприятию, последний вариант правительственной программы, предложения Пишевари и Шабустари образовать парламентские комиссии по бюджету и народному законотворчеству и т. п.¹⁰⁰ 11 декабря по прямому проводу из Баку пришли уточненные и согласованные с Москвой последние рекомен-

дации. Вообще за последние два дня накануне открытия меджлиса между Тебризом, Баку и Москвой непрерывно шел поток телеграмм с последними дополнениями и исправлениями в окончательный вариант правительственной программы¹⁰¹. Дополнения касались в первую очередь проблем охраны частной собственности государством, свободы совести каждого, недопустимости преследования граждан за религиозные убеждения, охраны новым правительством инициатив отдельных граждан в сфере развития промышленности и сельского хозяйства, сохранения Азербайджана в границах Ирана и выполнения всех законных требований иранского правительства¹⁰².

Мирджафар Багиров дал указание не создавать никаких комиссий, кроме ранее согласованных. В то же время он рекомендовал не допускать беспорядков в Тебризе во время заседаний меджлиса: «Надо постараться, чтобы заседания меджлиса и сам процесс перехода власти в руки нового азербайджанского правительства по возможности прошли бескровно». 11 декабря Багиров доложил в Москву о полной готовности к открытию милли-меджлиса¹⁰³.

Накануне открытия сессии Азербайджанского национального меджлиса и в ходе выполнения секретного постановления ЦК ВКП(б) от 6 июля 1945 г. «О мероприятиях по организации сепаратистского движения в Южном Азербайджане и других областях на севере Ирана» член «бакинской тройки» в Тебризе Мирза Ибрагимов, нарком внутренних дел АзССР Миртеймур Якубов, нарком госбезопасности АзССР С. Ф. Емельянов представили Багирову свои предложения по поводу дальнейшего развертывания событий. Документ начинался словами: «Направляем проект предложений о главной задаче второго этапа национально-освободительного движения в Иранском Азербайджане, подготовленный по Вашему поручению». Программа действий, выработанная в процессе дискуссий между ответственными работниками из Советского Азербайджана и лидерами АДП, включала открытие 12 декабря первой сессии Азербайджанского национального меджлиса и формирование кабинета правительства автономного Азербайджана. В период с 15 по 20 декабря предусматривалось подчинение реакционных чиновников новому азербайджанскому правительству, и на этом планировалось завершение первого этапа национально-освободительного движения в Азербайджане. В документе указывалось, что лидеры ЦК АДП и руководители Национального комитета озабочены дальнейшим ходом автономистского движения в Иранском Азербайджане и тем, какую форму оно может принять. В результате анализа первого этапа национально-освободительного движения делалось заключение, что даже в случае, если шах и иранское правительство официально при-

знают автономию Азербайджана, вывод советских войск за пределы Северного Ирана может в корне изменить ситуацию. По мнению лидеров АДП, любое правительство в Иране, воспользовавшись выводом советских войск, могло силой оружия ликвидировать автономию Азербайджана. Руководители из Советского Азербайджана соглашались с мнением демократов. Они объясняли позицию официального Ирана тем, что правительственные круги, общественно-политические силы этой страны заражены великодержавным фарсидским шовинизмом. В предложениях, направленных Багирову, говорилось: «По их [руководителей демократов. – Дж. Г.] твердому убеждению, единственной гарантией защиты национальных прав азербайджанцев, живущих в Иранском Азербайджане, может быть создание самостоятельного народно-демократического государства типа Монгольской Народной Республики». Поэтому развитие самих событий и твердолобая позиция реакционного тегеранского правительства по отношению к требованиям азербайджанского народа неизбежно приведут к созданию самостоятельного народно-демократического правительства в Иранском Азербайджане. «С целью ликвидации исторической несправедливости и удовлетворения вековой мечты и чаяния азербайджанского народа, – писали авторы документа, – мы считаем правильными предложения Национального комитета и ЦК Азербайджанской демократической партии о главной задаче второго этапа национально-освободительной борьбы в Иранском Азербайджане – создании государственного типа Монгольской Народной Республики»¹⁰⁴. Однако советское руководство в вопросе Иранского Азербайджана было готово идти еще дальше. В случае получения автономии для Иранского Азербайджана, связанного этническими узами с Советским Азербайджаном, существенно вырос бы авторитет СССР в Иране и на всем Среднем Востоке. Тем не менее советская дипломатия, при всей националистической волне в Баку и Тебризе, видела Иранский Азербайджан лишь как часть СССР¹⁰⁵. Развитие азербайджанских событий примерно в таком направлении предполагали и политические, и военные круги Ирана. Начальник генерального штаба генерал Хасан Арфа в опубликованных за рубежом мемуарах пишет: «Начался процесс отделения этого региона от Ирана и присоединения к Советскому Азербайджану»¹⁰⁶.

Наконец, после серьезной подготовки и согласований с советским политическим руководством 12 декабря 1945 г. (21-го числа месяца Азера 1324 года хиджры) в 10 часов утра в тебризском кинотеатре «Дидабан» открылась первая сессия Азербайджанского национального меджлиса. Таким образом, важнейшее событие в истории и судьбе азербайджанского народа – день 21-го Азера – стало достоянием

истории. В сообщении Азербайджанского телеграфного агентства из Тебриза в Баку отмечалось: «Памятные даты бывают в биографии каждого человека, их много в истории каждого народа и государства. Для пяти миллионов азербайджанцев, живущих в Северном Иране, навсегда будет памятен день 21 Азера (12 декабря)»¹⁰⁷. Еще до начала сессии советским представителям доложили, что в городе идет перестрелка. Помощник коменданта сообщил, что отряды федаинов хотят войти в город, но жандармы их не пускают, отсюда и стрельба. В такой день, когда Баку требовал полной тишины, перестрелка в Тебризе серьезно обеспокоила посланцев Советского Азербайджана. По их плану, федаины должны были ждать сигнала и войти в Тебриз только по необходимости¹⁰⁸.

В первой сессии участвовали 76 из 95 депутатов, избранных со всех уголков Азербайджана. Заседание открыл старейший депутат, крупный помещик Низам-од-Доуле Рафии. В работе меджлиса принимали участие представители ряда дипломатических и государственных учреждений, известные купцы, руководство Тебризского филиала Общества культурной связи СССР и Ирана. Луиза Л'Эстранж-Фосетт пишет, что из высокопоставленных дипломатов только советский генконсул принял приглашение демократов и присутствовал на церемонии открытия меджлиса¹⁰⁹. После избрания временного президиума меджлис постатейно обсудил внутренний устав и состав правительства. Ряд депутатов требовали создать министерство иностранных дел, но Пишевари объяснил, что Азербайджан, хотя добился автономии, остается в составе иранского государства, а потому в создании министерства иностранных дел нет необходимости. Большинством голосов меджлис отверг идею создания министерства иностранных дел. Затем он тайным голосованием избрал постоянный президиум в составе: Мирза Али Шабустари (председатель милли-меджлиса), Садыг Падеган, Низам-од-Доуле Рафии и Гасан Джовдат (заместители председателя)¹¹⁰. Шабустари, в соответствии со статьей 33 устава меджлиса, предложил поручить формирование правительства Азербайджана лидеру Демократической партии Пишевари, получившему большинство голосов на выборах.

Во время заседания явились два представителя от жандармерии города Тебриза с ответом на ультиматум о разоружении, предъявленный Жандармскому управлению партизанами. Они заявили, что жандармерия приняла условия ультиматума партизан. Парламент поручил двум депутатам – Гуламу Яхье Данешиану и Вилаи – официально оформить сдачу Жандармским управлением оружия. На этом утреннее заседание завершилось. Собравшиеся у кинотеатра «Дидабан» жители Тебриза встретили депутатов аплодисментами¹¹¹.

Вызванный 7 декабря из Миане в Тебриз Гулам Яхья Данешиан в своих воспоминаниях пишет: «Пишевари предложил переговоры с шефом жандармов вести Гуламу Яхье и Миррагиму Вилаи. Все согласились с ним. Когда мы отправились на заседание, то встретились во дворе с Бабкиным [советский офицер. – Дж. Г.]. Он сказал: машина готова, могу отвезти, куда хотите. Мы сказали, куда мы едем, но не советовали ему ехать с нами. Он не отставал. Поехали в Жандармское управление. Вернее будет сказать – он нас отвез»¹¹².

12 декабря члены «бакинской тройки» вместе с генералом Руссовым – членом военного совета советской армии в Тебризе – собрались на квартире Атакишиева, чтобы обсудить текущие события. Они в общих чертах составили примерный план работы правительства и решили вечером обсудить этот план вместе с Пишевари. Также договорились, что если генерал Дерахшани сложит оружие и решит вернуться в Тегеран, то ему надо разрешить. Разведка во главе с советским резидентом в Тебризе Н. Кулиевым тайно согласовала с Дерахшани этот вопрос. Во время совещания на квартире Атакишиева генконсул Красных сообщил «бакинской тройке», что Баят через Ровшани просил ему передать: во избежание кровопролития Баят приказал армии, полиции и жандармерии не оказывать сопротивления отрядам фedaинов. Немного погодя Баят прислал советскому консулу известие, что хочет вернуться в Тегеран и просит обеспечить ему вылет. Перед вечерним заседанием меджлиса Пишевари присоединился к «бакинской тройке», и состоялось последнее уточнение состава правительства. Пишевари рассказал, что от имени правительства послал к Баяту и Дерахшани представителя с предложением подчиниться национальному правительству. Баят ответил, что у него лично нет к национальному правительству никаких претензий и завтра он вылетает в Тегеран. А Дерахшани заявил, что до сих пор не выступал против АДП. Напротив, он дал приказ солдатам не сопротивляться отрядам фedaинов. Теперь же он просит, чтобы Пишевари завтра принял его. Пишевари уведомил «бакинскую тройку», что дал согласие на встречу¹¹³.

Основным вопросом вечернего заседания 12 декабря являлось формирование азербайджанского национального правительства¹¹⁴. По представлению Пишевари кабинет министров был утвержден в следующем составе: Сеид Джафар Пишевари – премьер-министр, Саламулла Джавид – министр внутренних дел, Гуламрза Илхами – министр финансов, Рза Расули – министр экономики и торговли, Джафар Кавиан – министр ополчения, Хасан Оранги – министр здравоохранения, Мирза Раби Кабири – министр почт и телеграфа, Юсиф Азима – министр юстиции, Джавид Мехташ – министр

сельского хозяйства, Мохаммед Бирия – министр просвещения¹¹⁵. На этом же заседании Зейналабдина Гиями утвердили председателем Верховного суда, а Фирудина Ибрагими – прокурором Азербайджана¹¹⁶. Окончив формирование кабинета, Пишевари представил программу правительства.

В правительственной программе, состоявшей из 19 пунктов, всемирно провозглашалась автономия Азербайджана, не нарушающая территориальную целостность Ирана; особо отмечалось, что азербайджанское правительство строится на демократических основах. Правительство, говорилось там, при создании национального бюджета и финансовых запасов соблюдает интересы страны, для охраны и обеспечения автономии Азербайджана считает необходимым создание народной армии на базе действующих ныне отрядов. Перед правительством стоят две задачи, связанные с народным образованием. Первая из них – применять азербайджанский язык в качестве государственного языка во всех школах, а вторая – ликвидировать безграмотность путем привлечения в обязательном порядке, бесплатно к процессу обучения всех детей школьного возраста. Для обеспечения населения промтоварами правительство планировало открыть новые предприятия, упорядочить работу фабрик и заводов, развивать торговлю и т. п. Оно собиралось навести порядок в работе всех средств связи, ставило в качестве неотложной задачи ремонт шоссежных дорог. Приоритетной объявлялась задача принятия новых законов, направленных на ликвидацию противоречий между крестьянами и помещиками и обеспечение интересов обоих классов. В правительственной программе предусматривались: ликвидация безработицы, создание юридической базы трудового законодательства, признание частной собственности в жизни страны, защита личной инициативы, направленной на развитие экономики, обеспечение бесплатной медицинской помощи, свободы совести и вероисповедания, равенства всех наций, живущих рядом с азербайджанцами в Азербайджане. Указывалось, что национальное правительство Иранского Азербайджана признает центральное иранское правительство и обещает участвовать во всех мероприятиях центрального правительства, не противоречащих автономии Азербайджана, Декларации Народного конгресса, решениям милли-меджлиса¹¹⁷.

Немедленно после объявления правительственной программы начался процесс строительства местных органов власти. С этой целью правительство провело тайные, свободные, всеобщие и равные выборы в органы самоуправления местного значения¹¹⁸. Это было важным событием в формировании органов власти на местах. Американский юрист Уильям Дуглас, подвергнув анализу программу национально-

го правительства, писал, что программа Пишевари по содержанию социалистическая¹¹⁹. Профессор Свентоховски в связи с вопросом строительства национального правительства Азербайджана сравнивает это важное событие с тем, что произошло ранее к северу от границы: «Главное различие между этими структурами в том, что 1918 год характерен переходом Баку от автономии к независимости, а 1945 год стал годом перехода Тебриза от автономии под власть СССР»¹²⁰.

Едва образовалось азербайджанское демократическое правительство, Баят в тот же вечер встретился с американским консулом и обсудил с ним сложившееся положение. 13 декабря было получено сообщение, что Баят срочно готовится к выезду в Тегеран. По этому поводу он обратился к Красных за содействием в предоставлении ему самолета через «Интурист». Генконсул Красных отдал такое распоряжение. Мэр Ровшани от имени Баята также просил, во избежание отдельных эксцессов, грабежей и беспорядков в городе, не отказать в помощи Красной армии. Красных ответил положительно. По этому поводу Багиров писал Сталину: «Считаем ответ Красных неудачным и дали нашим военным товарищам вновь указание не вмешиваться в происходящие дела, тем более что порядок в городе обеспечен самими демократами»¹²¹.

После образования национального правительства пребывание вали Баята в Тебризе стало бессмысленным. По мнению Пишевари, оно не стыковалось с милли-меджлисом, национальным правительством, национальной автономией: «Поэтому было принято решение направить к Баяту официальную делегацию с требованием покинуть пределы Азербайджана. В свою очередь, Баят, не имея никакой опоры и помощи, не считал возможным сопротивляться, а потому заявил о своей согласии»¹²². 13 декабря, после 16-дневного пребывания в Азербайджане, Баят вместе с 6 журналистами из тегеранских газет покинул Тебриз¹²³. До аэродрома его провожали Пишевари и секретарь советского консульства. По пути машину остановили фedaины, но, увидев Пишевари, освободили дорогу¹²⁴. По этому поводу Пишевари вспоминал: «Чтобы подчеркнуть разумную непредвзятость наших отношений, мы проводили его до аэродрома. Там я лично заявил ему, что при условии принятия Тегераном наших условий мы готовы в любой момент начать переговоры с тегеранским правительством. Я перечислил ему весь вред, который могут нанести попытки правительства восстановить статус-кво в Азербайджане»¹²⁵.

После отъезда Баята члены национального правительства заняли дворец вали и начали свою работу. Первым шагом национального правительства стало разоружение иранской армии в Тебризе. Для окончательного решения проблемы Дерахшани попросил время до

9.00 13 декабря, но к установленному сроку не явился в правительственную резиденцию. А назначенных им для переговоров людей Пишевари не принял. К 12.00 его лично вызвал к себе Пишевари. На требование Пишевари принять предложение правительства о подчинении дивизии и сдаче оружия Дерахшани попросил дать ему возможность подумать полтора часа. Пишевари согласился. По истечении срока Дерахшани вновь не явился, а по телефону просил дать еще сутки на обдумывание. Пишевари категорически отказался, заявив, что федаины получили приказ взять в окружение военный городок и захватить казармы штурмом. Такой поворот событий серьезно обеспокоил «бакинскую тройку». Мирза Ибрагимов сказал, что Дерахшани, очевидно, испытывает силы федаинов, и если убедится, что они слабы, то откажется выполнять указания Пишевари. В то же время, видя приближение угрозы, Дерахшани обратился к командиру советского корпуса генерал-лейтенанту Глинскому с письмом, в котором известил его, что город окружен многочисленными вооруженными людьми. В случае атаки с их стороны дивизия будет обороняться. Для обсуждения этого сложного положения «бакинская тройка» вместе с генералом Руссовым и начальником штаба тебризского корпуса генералом Лобовым срочно собрались в кабинете генерала Глинского. Вместе они решили, что отряды федаинов должны штурмом взять казармы и разоружить иранских солдат. Генерал Лобов подготовил план операции федаинов, по которому надлежало атаковать казармы с четырех сторон. На вечернем заседании миллимеджлиса Пишевари доложил о сложившейся ситуации и попросил, чтобы депутаты поддержали все действия его правительства по ликвидации иранского гарнизона в Тебризе. Меджлис единогласно поддержал правительство¹²⁶. К командованию 4-й армии обратились с просьбой: для успешного разоружения дивизии выделить в помощь командирам партизанских отрядов четырех хороших инструкторов и переводчиков. Однако командующий Бакинским военным округом генерал армии И. И. Масленников запретил делать это. В его приказе отмечалось: «Никаких инструкторов не выделять. Глинскому совершенно в происходящие события не вмешиваться, заниматься руководством боевой подготовкой корпуса, в соответствии с моими личными указаниями. Атакишиев располагает всеми другими возможностями, и ни в коем случае без моего разрешения ни одного солдата и ни одного офицера ему не давать»¹²⁷. Заместителю наркома государственной безопасности Азербайджанской ССР генералу А. Атакишиеву велели не переходить к активной деятельности против гарнизона Дерахшани, а блокировать гарнизон, лишив его воды

и продовольствия. В таком случае, полагали советники, солдаты сами сложат оружие.

Дерахшани не смог договориться с Тегераном. В телеграфном сообщении на имя премьера Хакими он указал, что если к 9 часам вечера 13 декабря гарнизон не сдастся, то демократы при поддержке советских войск атакуют иранские военные части. Хакими поручил военному министру генералу Риязи вместе с начальником генштаба Арфой подготовить приказ о сдаче дивизии. После долгих обсуждений премьер-министр сам подписал «позорный» приказ и направил его Дерахшани¹²⁸. Но было уже поздно! За два часа до отправки приказа Дерахшани сдался. В самый кульминационный момент событий вице-консул, а по совместительству и резидент спецслужб в Тебризе Нурмамед Кулиев сообщил «бакинской тройке», что его люди уговорили Дерахшани и он в 20.00 придет на прием к Пишевари¹²⁹. И действительно, в 8 часов вечера 13 декабря Дерахшани по телефону попросился на прием к Пишевари, который принял его в присутствии Шабустари, Джавида, Бирии и других. Дерахшани заявил о своей согласии подчиниться вместе с тебризским гарнизоном. Однако он отказался дать соответствующий приказ командирам бригад в Резайе и Ардебиле, ссылаясь на подчинение этих бригад непосредственно Тегерану. Дерахшани также передал желание группы офицеров уехать в Тегеран и просил дать им гарантии безопасности. Такая гарантия была дана. Пишевари и Дерахшани подписали документ о подчинении иранской дивизии в Азербайджане национальному правительству и ее разоружении¹³⁰. В семи пунктах документа отмечалось: «Войска тебризского гарнизона полностью подчиняются национальному правительству Азербайджана; немедленно слагают свое оружие в склад под охрану партизан; без разрешения национального правительства войска не выходят из своих казарм; офицерам, не желающим продолжать службу в Тебризе, будет разрешен выезд в Тегеран; офицерам и солдатам, остающимся служить, оружие будет возвращено после принятия присяги»¹³¹. Членам нового правительства Илхами и Джавиду поручили направиться в казармы, переговорить с офицерами и принять от них оружие. После подписания документа Дерахшани заявил, что больше не хочет возвращаться в дивизию, и просил Пишевари разрешить ему переночевать в помещении национального правительства. Ему предоставили ночлег в доме председателя Азербайджанского меджлиса Шабустари.

Для приема оружия в казармы послали членов азербайджанского правительства – министра внутренних дел Саламуллу Джавида и министра финансов Гуламрзу Илхами. В ту ночь Гасан Гасанов записал в

дневнике: «В эту ночь до трех часов мы не ложились спать. В три часа ночи к нам пришел Пишевари, который сообщил, что по мере сдачи винтовок солдат отпускают из казарм по домам. Отряды федаинов охраняют казармы. После этого мы успокоились и легли спать»¹³². Как только в Баку отправили текст соглашения между Пишевари и Дерахшани, пришло распоряжение от Багирова не вооружать солдат дивизии, пока не будет произведено полное разоружение иранских гарнизонов, и в первую очередь бригад в городах Ардебиле и Резайе. Солдат и офицеров дивизии, желающих разойтись по домам, не задерживать, чем облегчить положение с продовольственным снабжением и материальным обеспечением. Если генерал Дерахшани в деле разоружения дивизии вел себя честно и опасается репрессий со стороны иранского правительства, то поддержать его и оказать ему помощь¹³³.

Утром 14 декабря партизанские отряды, окружавшие Тебриз, организованно вошли в город. С 8 до 11 часов партизаны устроили беспорядочную пальбу, под шумок случились факты грабежа, но правительство вскоре взяло ситуацию под контроль. Ибрагимов, Гасанов, Атакишиев, Пишевари, Падеган и доктор Джавид срочно собрались в штабе «бакинской тройки» и обсудили возникшую в городе проблему. Решили вывести федаинов из города, заплатив им немного денег, а также ускорить в уездах и вилайетах назначения фармандаров и бахшдаров. Премьер-министр Пишевари объявил, что все учреждения и предприятия целиком находятся в руках национального правительства. На этом завершилась осуществленная под военной, политической, дипломатической опекой и при активном участии СССР, в первую очередь Советского Азербайджана, первая стадия национально-освободительного движения в Южном Азербайджане – процесс завоевания власти.

После тебризских событий сдача иранской бригады в Ардебиле не заставила себя долго ждать. 14 декабря отряды федаинов под руководством Мохаммеда Ванда взяли Мешкиншехр, чуть позже ардебильская бригада сложила оружие. Немного сложнее оказалась ситуация в Резайе. По указанию Баку Гасанов и Ибрагимов на машине, а генерал Руссов по приказу Масленникова на военном самолете отправились туда. Бакинские представители по дороге в Маранд, Хой и Шапур всюду видели, как при помощи федаинов демократы мирным путем берут власть. В этих городах командиры партизанских отрядов и руководители местных комитетов АДП получили необходимые инструкции. Но в Резайе командир иранской бригады Зангене с помощью местной реакции, используя тяжелую военную технику, вытеснил федаинов из города. Военная техника заполонила улицы, было

введено военное положение. 17 декабря представители Советского Азербайджана добрались до Резайе. Здесь генерал Руссов и командир советской дивизии генерал Слепов рассказали им о тяжелом положении в городе. Руссов сказал, что по указанию из Баку они с генералом Слеповым вызвали к себе Зангене и потребовали положить конец убийствам безоружных людей в городе, а если он так рвется в бой, то пусть выйдет за пределы города, туда, где расположились партизаны. После этого предупреждения Зангене отдал своим солдатам распоряжение прекратить нападения на мирных граждан¹³⁴.

Вечером 17 декабря генерал Руссов вместе с Атакишиевым и привлеченным офицером комендатуры Ахмедовым составили план боевой операции по ликвидации иранской бригады. По этому плану наступление должно было начаться в ночь с 18 на 19 декабря, но выяснилось, что из Маранда и Хоя в Резайе прибыли 700 фedaинов и ждут приказа. Из Тебриза прислали оружие и боеприпасы. Узнав об этом, Зангене попросил аудиенции у русских генералов. На переговорах с генералом Слеповым он просил дать ему 48 часов на переговоры с Тегераном, а партизанам пока не атаковать казармы. Генерал Слепов заявил, что никаких гарантий дать не может, так как русские никакого отношения к фedaинам не имеют. Оказавшись в безвыходном положении, Зангене 18 декабря подписал договор о сдаче, которую принял командированный в Резайе министр юстиции Юсиф Азима. В этом соглашении содержались те же пункты, что и в документе, подписанном между Пишевари и Дерахшани в Тебризе. Затем Азима пошел в генерал-губернаторство, чтобы принять учреждения. По настоянию Руссова выделили 400 фedaинов, чтобы они окружили казармы и обеспечили охрану важнейших объектов в городе. Выполняя условия соглашения, в 8 часов утра 19 декабря солдаты сложили оружие. Таким образом, власть в Резайе перешла в руки местного комитета АДП. 21 декабря с утра представители Советского Азербайджана выехали в Мехабад¹³⁵.

Вечером в Мехабаде они остановились в доме Мохаммеда Гази. Он информировал гостей о ситуации в городе и отметил, что уже избран Курдский энджумен из 39 чел. и создана народная армия в составе 400 бойцов. Желających записаться в армию много, но на всех не хватает оружия. Гости сообщили, что привезли оружие для курдов. Далее Гази заявил, что авторитет Курдской демократической партии с каждым днем растет и почти все главари курдов вступили в ряды КДП. В свою очередь, гости говорили о необходимости урегулировать сулдузский вопрос. Они рекомендовали, чтобы в Сулдузе курды вступали в КДП, а азербайджанцы в АДП. Гази с этим согласился и сказал: «Курды без его ведома в Нагаде – центре Сулдуза – водру-

зили курдское знамя. Советский комендант Бибин правильно поступил, что вмешался в это дело и не разрешил поднять курдский флаг». Далее Гази сообщил, что мехабадские органы власти получили письмо из Тебриза, в котором говорится, что необходимо продолжать работы по организации власти. Многие курды считают это ущемлением автономности курдов. Оценивая ситуацию, Гази, по словам Гасанова, сказал: «Курды не должны волноваться, так как их главный советник (намек на нас) знает, как курдам поступать. Если он сочтет нужным, войдем в Азербайджан, если сочтет нужным быть нам самостоятельными, то так и будем поступать». Советские представители отметили, что письма из Тебриза – это какое-то недоразумение, ибо внутренними делами курдов должен руководить сам Национальный комитет. Курды получают свою автономию, но они должны жить в мире и дружбе с азербайджанцами¹³⁶. По общему согласию Мохаммед Гази послал пять курдов представлять Курдскую демократическую партию в Азербайджанском национальном меджлисе, но курдские делегаты вскоре поняли, что им нет резона долго сидеть там, и вернулись в Мехабад¹³⁷.

22 декабря Гасанов и Атакишиев переехали из Мехабата в Миандообад, где в комендатуре встретили Намазалиева. Тот сообщил, что в Миандообаде разоружение иранской армии прошло мирным путем и в этом деле большая заслуга принадлежит местной организации АДП и ее руководителю Гулу хану Борчалы. Вечером того же дня посланцы Советского Азербайджана возвратились в Тебриз.

14 декабря на закрытом заседании иранского меджлиса был заслушан азербайджанский вопрос. С сообщением о положении дел выступил вернувшийся из Тебриза Баят. Он рассказал обо всем, чему стал свидетелем в течение 16 дней, но отметил, что азербайджанцы видят свое счастье под флагом «Шири Хуршуд». У них нет намерений отделяться от Ирана. В качестве примера он привел отсутствие в национальном правительстве портфелей министра иностранных дел и военного министра. Баят рассказал о своих встречах с доктором Джавидом и Илхами, а также описал, как Пишевари провожал его на аэродром. По поводу тебризского гарнизона Баят отметил, что гарнизон не был в состоянии оказывать сопротивление или контролировать положение в Азербайджане. Он считал, что гарнизону не оставалось другого пути, кроме как сдаться. В меджлисе прошел слух, что у демократов 70-тысячная армия. Депутаты, выступавшие с пламенными речами, были сильно возбуждены этой информацией¹³⁸.

15 декабря выходящая в Тегеране газета «Дария» посвятила специальный номер азербайджанским событиям. В этом номере подробно описывались блокада Тебриза демократами, встреча Баята в Тебризе с генеральным консулом, разоружение полиции и жандармов отрядами федаинов, захват правительственных зданий, а также подтверждалось, что между правительственными войсками и вооруженными силами демократов не произошло никаких столкновений¹³⁹. 17 декабря газета «Фарман» опубликовала интервью с командующим иранской дивизией в Азербайджане, генералом Дерахшани. На вопрос журналиста, осуществлялось ли разоружение с разрешения правительства или по его личному приказу, генерал ответил, что главным образом по его приказу, так как кровопролитие стало бы трагедией для Азербайджана. Дерахшани рассказал, что в демократическом движении участвуют представители всех слоев населения, а после капитуляции он и его офицеры не испытывали никакого давления, напротив, с солдатами и офицерами обходились очень вежливо¹⁴⁰. В тот же день газета «Иран-е ма» по материалам газеты «Азербайджан» выпустила специальный номер с информацией о составе азербайджанского правительства, о договоре, подписанном Пишевари и Дерахшани, и о других документах¹⁴¹. Но близкие к правительству газеты называли азербайджанские события «бунтом», а его участников не иначе как предателями. По мнению газеты «Эттелаат», цель партии демократов заключалась в отделении Азербайджана от Ирана¹⁴². После образования Азербайджанского национального правительства советские дипломаты столкнулись с серьезными обвинениями в поддержке сепаратизма в Азербайджане. Эти обвинения звучали как со стороны правительственных структур, так и со стороны дипломатического корпуса, аккредитованного в Тегеране. Советские дипломаты в ответ пытались уверить своих критиков, что СССР не имеет никакого отношения к движению в Азербайджане. Фернанда Шейд-Рейн пишет, что Советский Союз пытался крайне конспиративно провести этот процесс и мало кто был осведомлен о фактическом участии Москвы в азербайджанских событиях¹⁴³. Она справедливо замечает: «В отношениях с Ираном Сталин, не рискуя портить отношения с западными союзниками, но чтобы захватить возможно больше, решил воспользоваться азербайджанским национализмом как козырной картой в традиционной демонстрации силы»¹⁴⁴.

Таким образом, решения Азербайджанского народного конгресса принесли реальные плоды. 12 декабря национальное правительство приступило к работе, и в короткий срок, к 20 декабря, вся территория Азербайджана перешла под контроль АДП. Начатый в сентябре

1945 г. при политической поддержке Советского Союза и при деятельном участии Азербайджанской ССР первый этап расширяющегося национально-освободительного движения успешно подошел к концу. Мир переживал психологический шок от событий в Иране, а автономия Азербайджана делала первые робкие шаги. Впереди Тебриз и Баку ожидали большие испытания.

Глава IX

УГЛУБЛЕНИЕ КРИЗИСА ПО ЮЖНЫМ ГРАНИЦАМ СССР: ПЕРВЫЕ ПРИЗНАКИ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

§ 1. Возникновение территориальных претензий между южнокавказскими советскими республиками

События в Иранском Азербайджане и вероятность его присоединения к Советскому Азербайджану, а также территориальные требования к Турции, с каждым днем кажущиеся все более реальными, подвигли руководство Грузии и Армении использовать эту ситуацию в свою пользу. Осенью 1945 г. руководство Армении вновь реанимировало вопрос о репатриации армян, проживающих за рубежом. В письме от 27 октября 1945 г. первый секретарь ЦК КП(б) Армении Г. А. Арутинов писал Сталину, что в последнее время среди зарубежных армян растут патриотические настроения и это позволяет расширить влияние Советского Союза в армянских колониях. Решение проблемы во многом будет зависеть от работы с общественными и религиозными объединениями за рубежом, которые сейчас находятся в сфере влияния враждебных СССР организаций¹. В начале ноября 1945 г. Арутинов повторно обратился к Сталину и Маленкову за окончательным решением вопроса о репатриации. К письму прилагался и подготовленный в Ереване проект решения СНК СССР о разрешении репатриации зарубежных армян².

Взяв за основу эти обращения, Политбюро ЦК ВКП(б) 21 ноября 1945 года вынесло постановление: одобрить предложения ЦК КП Армении по возвращению зарубежных армян на родину, в Советскую Армению, утвердить проект резолюции СНК СССР по этому вопросу³. В тот же день СНК СССР принял решение о репатриации армян в Советскую Армению. Немедленно стали предприниматься некоторые практические шаги. Шесть дней спустя после секретного решения Политбюро католикос всех армян Геворг VI обратился к главам СССР, США и Великобритании с требованием способствовать присоединению к Советской Армении земель, насильственно отторгнутых

Турцией. В соответствии с постановлением Политбюро от 21 ноября СНК СССР принял решение «О мероприятиях по вопросу возвращения зарубежных армян в Советскую Армению». Подготовленный совместно с НКВД СССР и состоявший из 6 пунктов проект был утвержден 22 февраля в Политбюро ЦК ВКП(б). По нему, НКВД Армении поручалось оказать помощь армянам, переселяющимся из Болгарии, Греции, Ирана, Ливана, Румынии и Сирии. НКВД СССР совместно с армянским комитетом помощи переселенцам должны были составить списки армян и одновременно пропагандировать идею возвращения в Советскую Армению. Во исполнение решения о мероприятиях по вопросу репатриации НКВД Армении разрешилось направить по два представителя в вышеперечисленные страны. Представительствам в США, Франции, Египте, Турции и Ираке дали команду подготовиться к составлению списка армян, желающих переехать в Советскую Армению и принять советское гражданство, при этом особое внимание среди репатриантов уделить трудоспособным армянам и их семьям.

28 декабря 1945 г. американский консул в Бейруте со ссылкой на советское консульство сообщил госсекретарю, что здесь уже начались подготовительные работы к репатриации. Переселение бедных армян в Советскую Армению никак не регистрируется, а регистрация средних классов начнется по указанию Москвы. Что касается богатых армян, то их возвращение на родину не планируется, но им будет предложено финансово поддержать своих братьев, которым «посчастливилось» уезжать⁴. На следующий день такое же сообщение пришло в Госдепартамент от американского консула в Дамаске Уильяма Портера. Официально, писал он, «здесь еще не началась регистрация армян, некоторое время назад мой советский коллега заявил, что они ни в Дамаске, ни в других городах Сирии не ведут работу среди армян». Советский временный поверенный в делах добавил, что турки должны возместить потери армян, погибших после Первой мировой войны. С этой точки зрения восточные вилайеты Турции имеют для СССР второстепенное значение, он реально заинтересован только в проливах. Некоторые группы армян надеются получить регистрацию на поездку в Советскую Армению. Это желание не объясняется каким-либо давлением на них – в Сирии к ним относятся хорошо. Они убеждены, что на своей родине их детей ожидает лучшее будущее⁵.

Решение Советов о репатриации взбудоражило и иракских армян. 21 декабря в Багдаде на собрании армян в церкви выступил аташе советского посольства Сафаров, который сообщил, что советское правительство разрешило армянам, проживающим за рубежом,

въезд в Советскую Армению и другие места СССР. Это произойдет в ближайшем будущем. Атташе также сказал, что для регистрации иракских армян время еще не пришло. По сообщению временного поверенного в делах США, в Ираке жили примерно 14 тыс. армян, и 3 тыс. из них ютились в хибарах. Поэтому обеспечить переезд 5–6 тыс. армян для Советов не составит труда⁶. Подобная информация приходила не только из восточных стран, но и стран Запада, где проживала компактно армянская диаспора. Например, из американского посольства в Париже писали в Вашингтон, что в декабре 1945 г. некоторые коммерческие организации поощряли армян к переезду в Советскую Армению, может, и удастся кого-то туда послать. Однако нет никаких признаков ожидаемой крупной миграции. По информации посольства, во Франции проживают 75 тыс. армян, большая часть из них занимается мелкой торговлей и различным ремеслом⁷.

Чтобы придать процессу репатриации реальный характер, в декабре 1945 г. при СНК Армянской ССР был учрежден Комитет по переселению и размещению армян, проживающих за рубежом. Президентом комитета назначили Бабкена Адвазаряна, вице-президентами – Хайказа Марчяна и Мартироса Сарьяна, членами комитета стали Саак Карапетян и Арташес Меликатамян. 25 декабря комитет разослал зарубежным армянам поощрительные письма. В них говорилось: «Учитывая сильное желание зарубежных армян вернуться на родину, после вмешательства правительства Армении, правительство СССР 21 ноября разрешило всем армянам, проживающим за рубежом, иммигрировать в Советскую Армению. Одновременно правительство СССР разрешило иммигрантам строить собственные дома. По решению правительства, вся утварь, привезенная армянами в Советскую Армению, освобождается от таможенной пошлины»⁸. Создание Комитета по репатриации и его письма в страны Ближнего Востока, а также распространенные из Армении различные инструкции для армянских национальных советов аккуратно собирались и переправлялись в Вашингтон американским дипломатом Гордоном Маттисоном, работавшим в Бейруте.

Принятием решения о репатриации армян Сталин хотел продемонстрировать западным союзникам и всему миру твердость своей позиции в вопросе территориальных требований к Турции, а также утвердить в общественном сознании тезис, что для расселения репатриированных армян как раз и нужны земли, затребованные у Турции. Пропаганда советских спецорганов строилась на том, что территория Армянской ССР недостаточна, чтобы вместить всех желающих приехать армян.

Политические круги, дипломатические учреждения США и Великобритании пристально следили за ходом событий вокруг советских требований к Турции. Западная печать еще с лета 1945 г. намекала, что территориальные претензии армян к Турции инспирированы руководством Советского Союза. 24 июля 1945 г. газета «Таймс» предсказала, что вопрос о пересмотре режима проливов повлечет за собой требование вернуть Советскому Союзу Карс и Ардаган. Газета «Нью-Йорк таймс» от 8 августа 1945 г. писала, что «в течение последних месяцев на всем Ближнем Востоке Россия поощряет усиление армянской националистической агитации». 9 декабря 1945 г. агентство Рейтер сообщило: «Одним из основных факторов положения в Турции является армянская агитация, которая направлена на объединение северо-восточных провинций Турции с Советской Арменией... Турки склонны рассматривать эту агитацию как форму давления, призванную принудить Турцию согласиться с советскими предложениями, которые, как сообщалось, были представлены в устной форме, в том числе о создании баз в зоне проливов, об уступке северо-восточных провинций Турции Карс и Ардаган и об изменении внутреннего режима Турции». Оценивая данную информацию агентства, НКВД Армянской ССР писал: «По-видимому, корреспондент разделяет точку зрения турок на этот вопрос»⁹.

Турецкий посол в Тегеране, наблюдавший процессы в Иранском Азербайджане, еще в июне направил в Анкару телеграммы, в которых предупреждал о возможности влияния этих событий на Турцию. В первой телеграмме сообщалось, что советские правительственные органы пытаются поднять восстание в Северном Иране и, если это произойдет, Советы помешают иранскому правительству восстановить порядок. Через несколько дней во второй телеграмме он утверждал, что если восстание действительно произойдет, то оно может быть расценено как подготовительное мероприятие по присоединению восточнотурецких провинций к Армении. Сотрудники турецкого МИД считали, что осенью 1945 г. стало сбываться предсказанное в этих телеграммах развитие событий, и видели в происходящем войну нервов, а может, и нечто с далеко идущими последствиями¹⁰.

С осени 1945 г. территориальные претензии Южного Кавказа, в лице Армении и Грузии, приняли неприкрытый характер, а потому американское посольство в Москве старалось держать процесс под контролем. В первые дни октября 1945 г. сотрудник американского посольства Давид Ситкин, ссылаясь на необходимость добраться из Анкары в Москву, вылетел 1 октября самолетом из столицы Турции в Эрзурум, затем 4 октября поездом выехал в Карс, 6 октября автомобилем в Ленинакан, 8 октября поездом добрался до Тбилиси,

оттуда 10 октября самолетом прилетел в Москву. Ситкин подготовил отчет о дорожных впечатлениях с турецко-армянской границы. И этот отчет 20 октября американский посол Гарриман из Москвы переслал госсекретарю Бирнсу. Пересекая границу, пишет Ситкин, он сказал советскому офицеру, что едет из Карса, а тот уточнил, что это «армянский город». В Ленинакане и Тбилиси Ситкин разговаривал с несколькими патриотически настроенными армянами, которые в один голос заявили, что Турецкая Армения должна быть «возвращена» Советской Армении. В своем отчете Ситкин отмечал, что по сравнению с Москвой и Одессой в Ленинакане гораздо больше размещено войск¹¹. В конце октября по маршруту, проложенному Ситкиным, проследовали сотрудники американского посольства в Москве Кларк Драбек и Маргарет Рейнолдс. Выехав из Анкары, они 27 октября прибыли в Эрзурум, через день оказались в Карсе, в тот же день приехали в Ленинакан, а 2 ноября из Тбилиси отправились в Москву. В отчете о своем вояже они отметили, что станция Ленинакан переполнена войсками, а по железной дороге между Москвой и Тбилиси в южном направлении движутся платформы с «машинами и танками»¹². В конце 1945 г., когда стало ясно, что требуемые у Турции земли отнять не удастся, по настоянию Москвы, первые лица Азербайджана и Армении обратились к Сталину с предложением обеспечить армянских репатриантов домами и приусадебными участками за счет 130 тыс. азербайджанцев, переселенных из Армении в Азербайджан¹³.

С осени 1945 г. политические круги Турции и особенно турецкая пресса внимательно следили за развитием событий в Иранском Азербайджане. 16 сентября 1945 г. в газете «Танин» Джахид Ялчын опубликовал большую статью, озаглавленную «Азербайджанский вопрос». В статье с симпатией описывалось начало национального движения в Азербайджане, но указывалось, что это движение управляется из Москвы. Ялчын писал: «Если бы движение за независимость Азербайджана началось после вывода иностранных войск из Ирана, мы бы соответственно и относились к нему как к местному движению, оценивали это как внутреннее дело Ирана. Но пока в Иране ощутимы русское давление и русские интриги, мы не можем рассматривать азербайджанский вопрос в отрыве от них». Ялчын объяснял азербайджанские события нежеланием русских уходить из Ирана, предрекая: «Русские обещают Азербайджану свободу и независимость. Не довольствуясь обещаниями, они дают оружие и деньги. Они хотят, чтобы азербайджанцы поднялись на борьбу с иранцами. Пока Азербайджан спокоен, пока он связан с Ираном, с точки зрения международной оторвать Азербайджан от Ирана и присоединить его

к себе будет очень трудно и даже невозможно. Но как только поднимется азербайджанское национальное движение, поднимется знамя свободы и независимости, большевики – враги независимости и национализма – немедленно под знаменем защиты демократии и свободы вмешаются в решение азербайджанского вопроса. После этого будет достаточно одного шага, чтобы иранские азербайджанцы объединились с русскими азербайджанцами. Сейчас только одна часть Азербайджана находится под игом большевиков, а завтра весь объединенный Азербайджан будет приговорен к смерти». Если азербайджанцы хотят свободы и независимости, считал Ялчын, они должны это требовать от своего правительства после вывода русских войск. Надо договориться с правительством. Всякие шаги, сделанные в противоположном направлении, им не помогут, но принесут несчастья. Турки опасались, что если русские не выйдут из Ирана и не откажутся от аннексии Иранского Азербайджана, то не откажутся и от мыслей о Карсе и Ардагане. Конечно, основания для беспокойства имелись. Долгие годы работавший в руководящих партийных органах Карен Брутенц в своих мемуарах «Тридцать лет на Старой площади» замечает: «Сталин, имевший планы “наказать” Турцию за ее явно благосклонное отношение – если не сотрудничество – к фашистской Германии в первые годы ее войны против Советского Союза, очевидно, намеревался исправить учиненную несправедливость. В будущем “освобожденные” от Турции армянские территории, где намечалось создать два обкома партии, были даже уже назначены секретари. Например, секретарем Карсского обкома был утвержден секретарь ЦК КП Армении Кочинян»¹⁴.

Опубликованное 2 декабря решение СНК СССР о репатриации зарубежных армян добавило Турции неприятностей. Стало известно, что в 1946–1949 гг. запланирован приезд в Советскую Армению 360 тыс. армян из более чем десяти стран мира. Хотя в решении СНК говорилось о переселении в Советскую Армению, но все понимали, что речь идет о землях Восточной Турции, которых она скоро лишится. В декабре 1945 г., в дни проведения Московского совещания министров иностранных дел союзных держав, организации армянской диаспоры обратились к ним с просьбой отнять у Турции Карс, Ардаган и Артвин, чтобы передать их Советской Армении. Примечательно, что текст всех писем, присланных в Потсдам, на совещания министров иностранных дел в Лондон и в Москву, одинаков. Но письма, адресованные маршалу Сталину, отличались тем, что содержали просьбу расширить пределы Советской Армении, дабы вместить армян-репатриантов. Осенью 1945 г. еще никто не мог предвидеть, что претензии Армении и Грузии к Турции перекинутся и на Азербайджанскую

ССР, а всю тяжесть сталинского плана репатриации армян испытают на себе азербайджанцы, проживающие в Азербайджане и Армении.

Ощущая мощную поддержку Москвы в вопросе отторжения турецких территорий, руководство обеих союзных республик вознамерилось под шумок предъявить территориальные требования и к тюркоязычному Советскому Азербайджану. Территориальные притязания одних союзных республик к другой внутри единого государства были пока редким явлением надвигающейся «холодной войны». Если письма с территориальными требованиями к Турции посылались Сталину и Молотову, то в ноябре 1945 г. сперва грузинский лидер, за ним и армянский направили свои претензии Сталину и Маленкову. Первый секретарь ЦК КП(б) Грузии К. Н. Чарквиани сообщал Сталину, что Белоканский (Балакенский), Закатальский и Кахский районы Азербайджана когда-то имели преобладающее грузинское население и поэтому должны быть присоединены к Грузии¹⁵. Агитаторы из числа грузинских ученых, а также представители грузинских официальных учреждений – культпросветработники, служители православных храмов – направлялись в эти районы и смущали народ рассказами, как в XVII в. грузин-фарейданов насильно переселили в Иран, а опустевшие земли заняло мусульманское население. Как только эти сведения достигли органов безопасности Азербайджанской ССР, они провели расследование, и выяснилось, что еще в 1944 г. Наркомат просвещения Грузии послал в указанные местности учителей-грузин, которые развернули целенаправленную антиазербайджанскую агитацию и вдохновляли население на кампанию борьбы за вывод Гахского района из состава Азербайджанской ССР и присоединение к Грузии¹⁶. Видимо, грузины имели слишком сильную поддержку в центре, поскольку подобные поползновения не только не удалось остановить, но, напротив, Грузия получила возможность направлять грузинских преподавателей в малочисленные грузинские школы Кахского, Белоканского и Закатальского районов и при этом открывать новые школы.

28 ноября секретарь ЦК ВКП(б) Маленков переслал Багирову для ознакомления письмо армянского лидера Г. А. Арутинова, который писал: «Нагорно-Карабахская автономная область, примыкающая к территории Армении, с 1923 года входит в состав Азербайджанской ССР. Население этой области является в основном армянским. Из 153 тысяч населения 137 тысяч является армянским. Сельское хозяйство Нагорного Карабаха является аналогичным с горной частью Армении. Вхождение Нагорного Карабаха в состав Армении намного больше способствовало бы развитию его и улучшил бы руководство хозяйством. Массово-культурное и политическое обслуживание насе-

ления на родном языке усилилось бы при руководстве со стороны республиканских органов Армении. Вхождение Нагорно-Карабахской области в Армению дало бы возможность местным кадрам продолжать высшее образование на родном языке в вузах Армении. С другой стороны, Армянская ССР могла бы получить пополнение кадров из Нагорно-Карабахской области. Исходя из этого и желания населения Нагорного Карабаха, Центральный Комитет и Совнарком Армении вносят на рассмотрение ЦК ВКП(б) и Союзного Правительства вопрос о включении в состав Армянской ССР Нагорно-Карабахской области Азербайджанской ССР в качестве Карабахской области. При положительном решении этого вопроса ЦК и Совнарком Армении войдут в правительство с предложением о восстановлении бывшего центра Карабаха г. Шуши, разрушенного перед установлением Советской власти»¹⁷. Маленков попросил Багирова высказать свое мнение по данному вопросу.

Для ответа на эти письма Багиров дал указание соответствующим структурам и научным учреждениям республики собрать необходимый материал по затронутым в письмах проблемам. В кратчайшие сроки были собраны большое количество материала о принадлежности нагорной и низменной части Карабаха к Азербайджану, об изменениях в демографии и причинах этих изменений, различные статистические выкладки, переписка по поводу предоставления Нагорному Карабаху статуса автономной области, протоколы обсуждения этой проблемы в союзных и республиканских органах и т. п.

Например, в справке о границах и населении бывшего Карабахского ханства указывалось, что это ханство располагалось между Курой и Араксом и граничило с севера по реке Кюрекчай с Гянджинским ханством, по реке Гекчай с Шекинским ханством, с востока вдоль реки Кура с Шемахинским ханством, по Муганской степи с Карадагским, с юго-запада с Нахичеванским, с запада с Эриванским ханствами. В XVIII в. население Карабахского ханства насчитывало 130 тыс. чел.¹⁸ И если изначально абсолютное большинство здесь составляли тюрки, то собранные справки показывали, что после колонизации этого края Россией в демографии нагорной части Карабаха стали происходить изменения. О динамике позднейших изменений в национально-этническом составе Карабаха можно судить по составленному в 1823 г. «Описанию Карабахской провинции...», считающемуся достоверным источником, так как здесь дана численность семей и фамилии глав семей в Шуше и во всех деревнях. Русский исследователь Н. И. Шавров еще в 1911 г. отметил факт переселения в 1828–1830 гг. около 40 тыс. армян из Ирана и 84,6 тыс. армян из Турции в Елизаветпольскую и Эриванскую губернии, где армянского

населения практически не было. Шавров писал, что из проживающих в Закавказье 1,3 млн армян более миллиона – пришлые¹⁹.

В течение следующих ста лет русской колонизации в национально-этническом составе Карабаха произошли еще более серьезные изменения, которые нашли ясное отражение в собранных документах²⁰. Среди этих документов особенно важное значение имели материалы, добытые в Центральном государственном архиве Красной армии, в которых были отмечены азербайджано-армянская и азербайджано-грузинская границы²¹. Привлекает внимание статья А. И. Микояна «Армянский империализм», написанная в 1919 г. Микоян утверждал: «Факт наличия армянского империализма является для армянского народа удивительным и комичным, даже трагикомичным, во всяком случае выделяется своей специфичностью, реакционным характером и содержанием. Ныне Армения фактически занимает территорию Эриванской губернии, мусульманское население которой чуть меньше армянского. Но это единственная территория, где армяне живут сравнительно компактно и составляют большинство населения. В результате реакционно-шовинистической политики армянского правительства мусульмане, составляющие две пятых всего населения, не только отстранены от каких-либо форм участия во власти и управлении страной, но и наряду с иностранцами попали в бесправное положение»²².

После двух подготовительных мероприятий, в самый разгар событий в Иранском Азербайджане, 10 декабря 1945 г. Багиров направил Маленкову обширный ответ на все претензии Армении и Грузии. Он писал: «В ответ на Вашу телеграмму по поводу предложения секретаря ЦК КП(б) Армении товарища Арутинова о включении в состав Армянской ССР Нагорно-Карабахской автономной области сообщаю: территория Нагорно-Карабахской автономной области с давних пор входила в состав Карабахского ханства, центром которого с 1747 г. был город Панахабад, построенный, как крепость, Панахханом Карабахским. В 1826 г. Карабах был присоединен к царской России. Впоследствии территория нынешней Нагорно-Карабахской автономной области вошла в состав Шушинского, Джеванширского, Каргинского и Кубатлинского уездов Елизаветпольской губернии. В период господства мусаватистов в Азербайджане и дашнаков в Армении в 1918–1920 гг. на территории всего Карабаха мусаватским правительством было организовано Карабахское генерал-губернаторство с центром в г. Шуше (быв. Панахабад). В результате меж-национальной резни, организованной мусаватистами и дашнаками, Шуша, как и многие другие города Азербайджана и Армении, была разрушена и превращена в развалины. После установления в 1920 г.

советской власти в Азербайджане на первое время руководство хозяйственно-политической жизнью всего Карабаха осуществлялось единым Областным ревкомом. В 1923 г. встал вопрос о присоединении нагорной части Карабаха, населенной преимущественно армянами, к Армянской ССР. Но ввиду того, что эта территория не имела общей границы с Армянской ССР и отделялась от нее Кубатлинским, Лачинским, Кельбаджарским и Дастафюрским районами, населенными исключительно азербайджанцами, на основе указания партийных органов, декретом Азербайджанского Центрального Исполнительного Комитета от 7 июля 1923 г. была создана Нагорно-Карабахская автономная область с центром в местечке Ханкенды, ныне город Степанакерт. Таким образом, территориально Нагорно-Карабахская автономная область к Армянской ССР никогда не примыкала и не примыкает»²³. После исторического экскурса в прошлое Багиров перешел к разоблачению инсинуаций Арутинова по поводу современного состояния НКАО: ее хозяйственной, экономической, культурной и политической жизни. Багиров отметил, что 20,5 % студентов высших учебных заведений составляют армяне, большинство которых выходцы из НКАО. Армяне из Карабаха занимают руководящие посты в партийной, советской и хозяйственной структурах республики. Он однозначно подчеркнул, что нагорная часть Карабаха никогда не входила в состав Армении. Но, понимая, что этот вопрос инициирован высшим партийным руководством, Багиров согласился с передачей НКАО Армении, однако поставил следующие условия: «Одновременно считаем необходимым довести до сведения ЦК ВКП(б), что при рассмотрении вопроса о включении НКАО в состав Армянской ССР должен быть рассмотрен и вопрос о включении в состав Азербайджанской ССР Азизбековского, Вединского и Карабагларского районов Армянской ССР, примыкающих к Азербайджанской республике и населенных преимущественно азербайджанцами. Учитывая исключительную культурную и экономическую отсталость этих районов, передача их Азербайджану даст возможность улучшить материально-бытовые условия и культурно-политическое обслуживание населения». В чем Багиров абсолютно категоричен, так это в вопросе передачи армянам Шушинского района: «Город Шуша с момента своего основания стал не только административно-политическим и культурным центром Карабаха, но и сыграл исключительную роль в борьбе азербайджанского народа против персидских захватчиков за свою независимость. В Шуше был убит азербайджанцами один из кровожаднейших завоевателей, палач закавказских народов персидский царь Ага Мамед Шах-Каджар. В этом городе формировалась богатейшая музыкальная культура азербай-

джанского народа, и с ним связаны имена крупных политических и культурных деятелей: Ибрагим-хана, Вагифа, Натаван и других»²⁴. Карен Брутенц, долгое время занимавший ответственные посты в ЦК КПСС, в 1998 г. издал свои мемуары, в которых описывает этот вопрос в несколько ином ракурсе: «Существует версия, официально пока не подтвержденная, о том, что в 1946 году вопрос о Карабахе был поставлен секретарем ЦК КП Армении Арутиновым, и Берия, которому Сталин поручил “разобраться”, вкупе с Багировым предложил комбинированную сделку: Карабах – Армении, Дагестан – Азербайджану, а заодно Сочи – Грузии»²⁵. Как видим, эта версия сильно отличается от документально подтвержденной исторической правды.

Во второй части письма Багиров отвечает на претензии грузинского руководства и напоминает о территориальных претензиях Азербайджана к Грузии и РСФСР: «Товарищи из Грузии ставят вопрос о включении в состав Грузинской ССР Белоканского, Закавказского и Кахского районов Азербайджанской ССР. Несмотря на то, что в указанных районах проживает 9 000 грузин-ингилоцев, из общего количества населения в 79 000 человек, мы не против рассмотрения этого вопроса, но с тем, чтобы одновременно рассмотреть вопрос о включении в состав Азербайджанской ССР Борчалинского района Грузинской ССР, населенного почти исключительно азербайджанцами и примыкающего непосредственно к Азербайджанской ССР. И, наконец, мы просим рассмотреть вопрос о включении в состав Азербайджанской ССР примыкающей к ней территории Дербентского и Касумкендского районов Дагестанской АССР, в прошлом являвшихся частью Азербайджана и входивших в состав Бакинской губернии. Население этих районов в основном состоит из азербайджанцев, причем больше половины его, занимающееся скотоводством, 9 месяцев в году проводит на территории Азербайджана»²⁶. В конце письма Багиров предложил для рассмотрения всех поднятых вопросов создать комиссию при ЦК ВКП(б) и ввести в ее состав по одному представителю от каждой заинтересованной республики.

Возникновение этого вопроса именно после окончания Второй мировой войны, осенью 1945 г., проф. Эльдар Исмаилов связывает с национальным движением в Южном Азербайджане с перспективой объединения Северного и Южного Азербайджана и как результат – существенного роста территории Азербайджанской ССР, а главное – с верой в высших эшелонах советского руководства, что все это реально²⁷. Советский Союз вышел из Второй мировой войны настолько мощным, что в кремлевских кабинетах никто не сомневался в скорейшей реализации начертанных ими планов. Развернувшаяся меж-

ду Турцией и Арменией «борьба нервов» за затребованные у Турции земли, а также борьба за передел границ на Южном Кавказе за счет азербайджанских земель стала следствием глубокой уверенности советского руководства и лидеров советских республик Южного Кавказа, что все претензии к Ирану и Турции будут в ближайшее время удовлетворены. После грандиозной военной победы все предвкушали первую маленькую победу в «холодной войне», от которой Советы отделяли какие-то несколько шагов, и эту эйфорию трудно было обуздать. Работавший в те дни в должности секретаря ЦК компартии Азербайджана Миргасан Сеидов вспоминал: «В один из осенних дней 1945 года в приемной Сталина Багирову встретились два члена Политбюро – армянин Анастас Микоян и грузин Лаврентий Берия. Они оба уверяли, что вопрос с Южным Азербайджаном уже решен и скоро территория Азербайджанской ССР значительно расширится. Возможно, в шутку, а может, и всерьез, оба выразили надежду, что, возможно, теперь Багиров будет более щедрым и согласится передать Нагорный Карабах Армении, а несколько районов на севере республики (Балакен, Закатала и др.) – Грузии. Багиров уклончиво ответил, что думать об этом пока рано»²⁸. Таким образом, накануне декабрьской встречи трех министров иностранных дел 1945 г. в Москве к первому акту «холодной войны» – советским требованиям к Ирану и Турции – прибавилась и «война нервов» между южнокавказскими республиками.

§ 2. Усиление международного интереса к Советскому Азербайджану

Во второй половине 1945 г. деятельность НКВД Азербайджанской ССР значительно расширилась. Во внешней политике Советского Союза и его дипломатической деятельности роль национальных республик, в том числе и роль внешнеполитического учреждения Советского Азербайджана, неизмеримо возросла. В этот период возник вопрос Южного Азербайджана и прозвучала идея объединения двух Азербайджанов, что немедленно привлекло к Северному Азербайджану внимание зарубежных государств, особенно союзников.

По завершении Второй мировой войны, с одной стороны, в стране развернулось мирное строительство. Эти процессы актуализировали развитие материально-технической базы внешнеполитического учреждения республики. После образования наркомата ему по наследству перешло все имущество представительства НКВД

СССР в Азербайджане. Заместитель наркома В. Г. Деканозов 14 августа 1945 г. телеграммой уведомил представителя НКВД СССР в Азербайджане, что весь инвентарь, состоящий на балансе, должен быть передан НКВД Азербайджанской ССР. Это указание Деканозова было продублировано 29 октября 1945 г. письмом валютно-финансового управления НКВД СССР²⁹. Увеличение количества зарубежных гостей побудило республиканские власти отремонтировать приемную наркомата и обставить ее дорогой мебелью. За счет инвентарной базы бывшего представительства улучшились условия работы сотрудников и в целом укрепилась материально-техническая база наркомата. Чтобы расширить фронт работ в 1946 г., НКВД СССР выделил республиканскому наркомату 520 тыс. рублей дополнительных ассигнований³⁰.

В середине октября 1945 г. по указанию НКВД СССР республиканский наркомат завершил работу над книгой «Советский Азербайджан», собрал обширный иллюстративный фотоматериал. Эту книгу объемом 8 печатных листов подготовили сотрудники наркомата с привлечением и помощью некоторых авторов. Она содержала краткую информацию об истории борьбы азербайджанского народа за свою независимость, о территории и населении Азербайджана, природных богатствах, промышленности, сельском хозяйстве, государственном строительстве, о правах и обязанностях граждан, семейно-бытовых отношениях, религии, культуре и просвещении, здравоохранении, литературе и искусстве. Последняя глава книги посвящалась жизни республики в годы Великой Отечественной войны. По указанию НКВД СССР книгу собирались напечатать во Всесоюзном обществе культурных связей с зарубежными странами, и с этой целью нарком Махмуд Алиев письменно обратился к заместителю председателя общества Караганову, сообщая, что книга готова к печати³¹.

Как правило, все проблемы, возникающие перед наркоматом, решались через союзный наркомат в Москве. Поэтому 20 декабря 1945 г. Махмуд Алиев обратился в НКВД СССР по поводу юридической базы режима внутренних территориальных вод, особых зон на водах, рыболовства, безопасности государственной границы на Каспийском море. 14 января 1946 г. заведующий отделом Среднего Востока С. И. Сычев писал ему, что вопросы территориальных вод регулируются статьей 11 договора от 26 февраля 1921 г. между Советской Россией и Ираном, а вопросы торгового судоходства и мореплавания – статьями 12–15 договора от 25 марта 1940 г. между СССР и Ираном. Что касается рыболовства, то Сычев отмечал, что этот вопрос регулируется договором от 1 октября 1927 г. между СССР

и Ираном. Вопросы же охраны государственных границ регулируются советско-иранским договором от 20 февраля 1926 г. и обменом нот пограничных комиссариатов от 14 августа 1927 г. Сычев рекомендовал некоторые вопросы по поводу территориальных вод уточнить в генштабе Наркомата военно-морского флота СССР³². Командование Каспийского флота 8 декабря 1945 г. обратилось к наркому Махмуду Алиеву по поводу юридического статуса Каспийского моря. Чтобы уяснить этот вопрос, Алиев 20 декабря 1945 г. написал в юридический отдел НКВД СССР. Заместитель заведующего отделом С. Т. Базаров ответил, что запрос переадресован начальнику юридического отдела Наркомата военно-морского флота СССР Палилову. Он обещал, что материалы, интересующие НКВД Азербайджанской ССР, будут переданы командованию Каспийского флота³³. В конечном итоге требуемые материалы с сопроводительным письмом М. Алиева были последнему доставлены³⁴.

Сфера деятельности наркомата постоянно расширялась. С конца 1945 г. начальники пограничных округов НКВД Азербайджанской ССР стали докладывать М. Алиеву обо всех нарушениях вдоль границы между Ираном и СССР. Из этих докладов следует, что 28 декабря 44-й пограничный отряд арестовал трех нарушителей с иранской стороны, 29 декабря пограничный отряд в Гектепе – двух нарушителей, в тот же день пограничный отряд в Ленкорани перехватил пять человек. Всех нарушителей возвратили в Иран³⁵. 29 декабря в Джебраильском районе были задержаны два гражданина Ирана, 30 декабря в Ленкоранском районе – один нарушитель, а в Гектепе шесть человек нарушили государственную границу³⁶.

Со второй половины 1945 г. приобрели интенсивный характер визиты зарубежных представителей в Азербайджан. Как правило, встреча гостей в Баку, их сопровождение и все протокольные мероприятия осуществлялись Наркоматом иностранных дел. 4 августа 1945 г. с двухдневным визитом Баку посетил вице-президент Национального совета американо-советской дружбы Эдвин Смит. Во время визита его сопровождали ответственные работники ВОКСа Кондрашов и Арнаутова. На вокзале гостей встретил заведующий протокольным отделом НКВД Азербайджанской ССР М. Оруджев. Ему же пришлось отвечать на многочисленные вопросы Смита, которого интересовало все: история Азербайджана, его территория и население, границы Азербайджана, в какие административные границы бывшей Российской империи входил Азербайджан, по какому принципу ныне республика разделена на административные единицы и т. п. 4 августа Смит побывал в только что учрежденной Академии наук Азербайджана и Наркомате просвещения. В первую

очередь его интересовали развитие культурных связей между народами СССР и Америки, а также структура и принципы деятельности Академии наук. Мирасадулла Миркасимов удовлетворил любопытство гостя, рассказав, что академия объединяет 2 научно-исследовательских учреждения и подразделяется на отделения: геология, химия и нефть; физико-технические науки и нефть; биология и сельскохозяйственные науки; отделение общественных наук. На вопрос Смита о наличии полезных ископаемых ответили Миркасимов и ученый секретарь академии Мирали Кашкай. Они рассказали, что кроме нефти в Азербайджане для нужд народного хозяйства разработаны железные рудники, добываются редкоземельные металлы и другие полезные ископаемые, а также существуют залежи минералов. Смит попросил, чтобы в научный комитет при Национальном совете американо-советской дружбы регулярно присылались отчеты о научных и культурных достижениях Азербайджана. Он сказал: «Мы осведомлены об Армянской и Грузинской советских республиках, но об Азербайджане, можно сказать, у нас ничего нет, и наш народ, задающий вопросы о жизни, прогрессе и развитии народов Советского Союза, ничего не знает о вашей республике, кроме существования Баку, известного на Кавказе и во всем мире своей нефтью»³⁷.

После посещения Академии Смит имел беседу с заместителем наркома просвещения Алекберовым и высказался за создание комитета по просвещению при Национальном совете американо-советской дружбы. Он попросил наладить тесную связь между наркоматом и этим комитетом, в адрес которого пересылать изданные в республике учебники, журналы и другие публикации. Алекберов пообещал систематически присылать информацию и периодические публикации, чтобы продолжать сотрудничество в этом направлении. 5 августа Смит посетил музей литературы им. Низами, где очень интересовался творчеством великого мыслителя. М. Оруджев подробно рассказал, что Низами родился в Гяндже, жил и творил в этом городе. Прогуливаясь по Баку, Смит обращал особое внимание на новые здания, построенные за последние 25 лет, парки и площади. Эта информация была нужна для того, чтобы сравнить жизнь народа за годы советской власти с предыдущим периодом. 5 августа вечером Смит и сопровождающие его лица в Азгосфилармонии смотрели концертную программу ансамбля народной песни и пляски. 6 августа перед отлетом в Москву Смит сердечно поблагодарил руководство республики за оказанное гостеприимство³⁸. По результатам поездки в различные города Советского Союза Эдвин Смит дал интервью корреспонденту ТАСС. Он сказал: «Целью моей поездки было наладить культурные связи между США и Советским Союзом. Я хотел

посетить Баку, как столицу одной из советских республик. До сих пор в моем представлении Баку был гигантским нефтяным центром. Я и не думал, что это такой современный и культурный город». Смит заверил, что его переговоры в Баку внесут вклад в развитие научных и культурных связей между народами Америки и Азербайджана и американцы получают более полную информацию о культуре, литературе и искусстве Азербайджана. Вместе с тем он добавил, что американцы также заинтересованы в том, чтобы азербайджанцы ознакомились с лучшими традициями американской культуры. В завершение интервью Смит выразил надежду, что СССР и США, сыгравшие большую роль в победе над фашизмом, теперь продемонстрируют единство в более важном вопросе сохранения мира и будут способствовать культурному сближению своих народов³⁹.

Спустя примерно месяц, 9 сентября 1945 г., в Баку прибыли два американских конгрессмена – Френсис Болтон и Карл Мундт. Их сопровождали секретарь конгресса Ланхам Коннер, представитель госдепа Эдгар Сноу, корреспондент газеты «Ивнинг пост» Райнграг и два лейтенанта, Грегори и Маглид. В аэропорту гостей встретили председатель Бакинского горисполкома Козлов и заведующий протокольным отделом НКВД Оруджев. 10 сентября члены Конгресса США и сопровождавшие их лица совершили ознакомительную прогулку по городу. Любовались морем из Нагорного парка. Гости интересовало все: с какого времени перестроилась бакинская нефтяная промышленность; чем различаются способы добычи нефти раньше и теперь; скорость наращивания нефтяной промышленности в годы Первой и Второй мировых войн; какой процент ныне действующих скважин пробурен за годы советской власти и т. п. Болтону и Мундту рассказали, что бакинская нефтяная промышленность перестроена в 1927–1928 гг., при царском режиме в 1912–1913 гг. в Баку добывали нефть старым способом – конусообразными ведрами, а сейчас ее выкачивают насосами и компрессорами. По вопросу развития нефтяной промышленности конгрессменам сообщили, что в сравнении с 1914 г. добыча нефти увеличилась в три раза, а производство бензина в 80 раз. Затем Болтон и Мундт поинтересовались основной продукцией сельского хозяйства и какой центральный республиканский орган непосредственно руководит этой отраслью. Им объяснили, что главной сельхозпродукцией в Азербайджане считается хлопок, но наряду с ним широко распространены зерновые и субтропические плоды. Дальнейшие расспросы конгрессменов были связаны с социальными, научными и культурными сторонами жизни страны. Например, их интересовало: к какой другой культуре тяготеет культура Азербайджана; количество учеников в школах респу-

блики; сколько школ открыто за годы советской власти; какие вузы есть в Азербайджане; сколько подготовлено специалистов из местного населения; проявляют ли азербайджанские девушки интерес к образованию; каковы жилищные условия работников нефтяной промышленности; какие очаги культуры функционируют в республике; кому принадлежат театры и кинотеатры в Азербайджане, и приносят ли они прибыль; каково положение детей в семье, где работают оба родителя и т. п. На вопрос об ориентации азербайджанской культуры гостям ответили, что существует тяга к мировой культуре, но в первую очередь к русской. Последний вопрос гостей касался НКИД Азербайджанской ССР, они хотели знать, когда наркомат начал свою работу и есть ли у него отдельное здание. Им сказали, что НКИД начал функционировать недавно и занимает одно из лучших зданий в городе. Американские конгрессмены задали 17 вопросов, составленных таким образом, что ответы на них позволяли судить о положении в республике в целом⁴⁰. Два дня конгрессмены знакомились с жизнью Баку, а затем отправились в Тегеран.

Спустя неделю из Америки приехала более представительная делегация. 15 сентября из Москвы в Баку прибыли конгрессмены Уильям Колмер, Клиффорд Кейс, Орвилл Зиммерман, Джесси Уолкотт, Джей Ли Фебр, Сидней Симпсон, Чарльз Уолвертон и Джордж Хоуэлл. В поездке их сопровождали: директор комитета по экономической политике и планированию в послевоенный период Филс, заместитель председателя бюро военного производства, профессор Гарварда Эллиот, сотрудник Государственного департамента по внешним связям Джеймс Феррис и два офицера вооруженных сил США. Программу визита подготовили сотрудники НКИД Азербайджанской ССР, протокольный отдел сопровождал американских законодателей на всех мероприятиях. 16 сентября состоялся прием в честь гостей, и глава делегации Уильям Колмер указал: «Никогда еще мысли и чаяния народов мира не были прикованы к трем великим союзным государствам». Он подчеркнул, что в борьбе с агрессором союзники понесли большие жертвы и добились блестящей победы над черными силами. Колмер указал: «Большое значение нынешнего момента заключено в том, что в годы войны был подведен крепкий фундамент под сотрудничество народов СССР и США. Этот фактор работает и в мирные дни. И если это боевое братство привело противника к краху, то и дальнейшее его продолжение станет гарантом свободы и сердечной дружбы, подтверждая, что жертвы были не напрасны»⁴¹. Вслед за Колмером на приеме выступил Джей Ли Фебр. Он сказал: «Мы склоняем головы перед генералиссимусом Сталиным, с которым сердечно беседовали два дня назад. Мы это де-

лаем потому, что если бы руководимая им Красная армия не расчитала дорогу к победе над нашим общим врагом – фашизмом, то народы Америки и Европы испытали бы немало несчастий»⁴². К их словам присоединился профессор из Гарварда: «Перед отъездом из Москвы нас принял самый гениальный человек современности, его имя – Сталин. Мы были очарованы этой встречей безмерно, чрезвычайно благодарны советскому правительству и Сталину за хлебосольство и гостеприимство. Генералиссимус Сталин продемонстрировал нам радушие, которое окрыляет нашу веру в укрепление американо-советских отношений. Наши случайные встречи с советскими людьми и эта сегодня состоявшаяся встреча позволяют глубже почувствовать душевность американо-советской дружбы»⁴³. Конгрессмен Джесси Уолкотт в своем выступлении также отметил: «Новая эра должна создать новый мир. Этот лозунг, за который бились великие державы, должен стать реальностью. Поражение сил зла было общечеловеческой задачей. Это стало возможным только благодаря совместной деятельности и взаимному доверию Советского Союза, США и Великобритании. Это взаимное доверие есть основа строительства современного мира»⁴⁴. Выступавшие попросили председателя Бакгорисполкома Козлова и заведующего протокольным отделом НКИД Оруджева донести до руководства республики их сердечную благодарность за оказанное гостеприимство. За общей беседой гости задавали вопросы о бакинской нефтяной промышленности, о сельском хозяйстве и развитии культуры Азербайджана. После ознакомительной прогулки по Баку 17 сентября гости и сопровождающие их лица самолетом отправились в Тегеран.

Интересно, что в эти же дни в Баку гостил сенатор от штата Флорида Клайд Пеппер. По пути из Москвы в Америку он 16–17 сентября посетил Баку с намерением осмотреть город. Пеппер побывал в Нагорном парке, на центральных улицах, в Академии наук и музее им. Низами, в кинотеатре им. Низами, на железнодорожном вокзале Баку-Сабунчи и в некоторых домах культуры. После такой интенсивной прогулки сенатор отметил: «Окрестности Баку напомнили мне Калифорнию. Очень сожалею, что нет времени на более близкое знакомство со столицей Азербайджана и жизнью его жителей, но даже мимолетное знакомство позволяет мне говорить о культурном прогрессе». В тот же вечер Пеппер и сопровождавшие его сотрудники сенатского департамента внешней политики посмотрели в кинотеатре им. Низами фильм «Аршин мал алан». Получив заряд приятных эмоций от просмотра фильма, Пеппер заявил: «Мы видим действительно большой шаг в сторону цивилизации. Советская власть сделала немало для народов окраин царской империи»⁴⁵. 17 сентября сенатор

Пеппер отбыл в США, а сопровождавший его шеф протокольного отдела Оруджев составил подробный отчет на имя Махмуда Алиева.

В том же сентябре летящая в Москву через Баку делегация ученых из США, Великобритании, Мексики, Ирана, Индии и других стран на несколько дней остановилась в Азербайджане. По распоряжению азербайджанского правительства встреча делегации ученых, знакомство с городом, организация встреч в научных учреждениях республики и проводы гостей были поручены сотрудникам НКИД Азербайджана⁴⁶.

11 декабря 1945 г. в Баку приехал член британского парламента от партии лейбористов и корреспондент газеты «Манчестер гардиан» Морган Филипс Прайс. Его командировка длилась одну неделю. В Бакинском аэропорту гостя встретил представитель АОКСА А. Шахгельдиев и заведующий протокольным отделом НКИД М. Оруджев. За время пребывания в Баку Прайс посетил Академию наук, Государственную консерваторию, АЗИИ и Институт физиотерапии, музей им. Низами и Исторический музей, Нагорный парк, побывал в поселках им. Шаумяна, Монтиня и Разина, ознакомился с работой Дома культуры Ленинского района, осмотрел мечеть Тезепир, армянскую церковь, принял участие в культурной программе Азгосфилармонии, Оперного театра и кинотеатра им. Низами. В театре оперы и балета им. М.-Ф. Ахундова Прайс слушал оперы «Кёроглы», «Лейли и Меджнун», «Асли и Керем», а на киностудии «Азербайджанфильм» ему устроили показ нового фильма «Аршин мал алан»⁴⁷. По поводу визита Прайса М. Алиев отправил в НКИД СССР краткий отчет, в котором отметил, что Прайс проявлял особый интерес к истории Азербайджана, традициям и обычаям народа, анализировал и сравнивал развитие промышленности и сельского хозяйства до советской власти и после. «При знакомстве с музеями истории и имени Низами, – докладывал нарком, – Прайс продемонстрировал знакомство с происхождением языков народов Кавказа, историей возникновения государства Мидия и его завоеваний, а также историей борьбы против римских, иранских и других завоевателей. Прайс интересовался историей ирано-византийских войн, борьбой азербайджанцев против арабских завоеваний, историей развития торговли и ремесла в Азербайджане, особенностями развития культуры в древнем Азербайджане, а также влияния арабской и фарсидской культуры на азербайджанский язык и культуру. На все его вопросы подробно ответил научный сотрудник музея, кандидат филологических наук Гамид Араслы»⁴⁸. М. Оруджев в своем отчете об этом событии сообщал: «Прайс демонстрировал свои познания по целому ряду вопросов истории Азербайджана, таких, как объедини-

тельная политика государства Ширваншахов, образование государства Сефевидов, участие азербайджанцев в войнах против иранских и турецких завоевателей, появление русских войск в Азербайджане, история присоединения Азербайджана к России. Задавая вопросы и участвуя в обсуждениях ряда проблем, Прайс неоднократно заявлял, что он – востоковед и Восток всегда его интересовал и привлекает»⁴⁹. Прайс рассказал, что посещал Палестину, Египет, Сирию, Индию, Турцию, Иран и Ирак. 35 лет назад он побывал и на Кавказе, в частности в Баку, и сегодняшние изменения в культуре и быту бакинцев очевидны⁵⁰. Тем не менее Прайс с подозрением относился к советской власти. Оруджев писал: «Прогуливаясь по городу, Прайс своими действиями и репликами проявлял недружественность к нашему строю и успехам советских народов. Все, что он видел, считал показным. Например, товарищу Ниязи, дирижировавшему оперой “Кёроглы”, он задал вопрос: “Вы на каждое выступление надеваете фрак, или только сегодня?” А в музее им. Низами он спросил: “Музей всегда такой чистый, или специально к нашему приходу навели порядок?” Он цеплялся к каждой мелочи. Когда мы смотрели “Кёроглы”, он сказал, что сегодня публика одета лучше, чем на “Асли и Керем”. Или же после прослушивания опер “Лейли и Меджнун” и “Асли и Керем” он заявил, что азербайджанская музыка совершила прогресс, однако в некоторых фрагментах, например “Хейраты”, “Чахаргях” и “Курд-Шахназ”, осталось иранское влияние. Оперу “Лейли и Меджнун” он сравнил с шекспировской “Ромео и Джульеттой”, а к сюжету “Кёроглы” остался равнодушен. Очень интересуется картой Азербайджана и орфографией»⁵¹.

В беседах и дискуссиях Прайс уделял все внимание состоянию нефтяной промышленности. Многочисленные вопросы выявляли его интерес к объемам нефтедобычи до революции и в годы советской власти, удельному весу нефти в экономике Азербайджана, планированию в этой отрасли, заработной плате, централизованному управлению нефтяной промышленностью и т. п. М. Оруджев писал М. Алиеву: «Во время бесед в Академии наук и в обсуждениях с нами он задавал много вопросов о географии Азербайджана, о полезных ископаемых и минералах. Особенно его интересовали залежи нефти в Азербайджане. Несмотря на наши возражения, он настаивал, что в годы войны буровые работы в Баку были остановлены»⁵².

17 декабря Прайс вылетел в Тегеран. В аэропорту он сказал: «Я буду писать об Азербайджане, и писать много, но перед тем я хочу побывать в Иране, чтобы свои впечатления об Азербайджане и Баку сравнить с реалиями Ирана»⁵³. Действительно, вернувшись в Лондон, Прайс описал свои впечатления в «Манчестер гардиан» и

с анализом увиденного в Баку и Иранском Азербайджане выступил в Британском королевском обществе⁵⁴. В путевых заметках Прайса, посетившего оба Азербайджана, содержались интересные моменты⁵⁵. Он отметил, в частности, что «население Иранского Азербайджана по своему языку, религии и истории ничем не отличается от народа, проживающего в Северном Азербайджане». Он также писал, что за последние 35 лет Советский Азербайджан добился больших успехов, что в учреждениях и на производстве 75 % кадров составляют мусульмане-азербайджанцы⁵⁶. Прайс справедливо указывал, что экономическое и культурное развитие Советского Азербайджана обладает притягательной силой для Южного Азербайджана: крестьяне Иранского Азербайджана видят, что по ту сторону Аракса нет крупных феодалов, ведутся поливные работы, на полях работают трактора, крестьяне пожинают плоды своих трудов. Когда он пересек границу, добавляет Прайс, то «воочию увидел, как в Иране обрабатывают почву сохой и плугом». Вместе с тем, заявлял он, нельзя радоваться действиям русских на северо-западе Ирана, они нарушают дух и смысл заключенных с Ираном договоров. Правда, Прайс признавал: «В настоящее время в Иране сложилась опасная ситуация. Россия защищает в Иранском Азербайджане режим автономных реформаторов, а мы и американцы защищаем ярых реакционеров». Таким образом, Прайс часть ответственности за ситуацию в Иране возложил на правительства Англии и США и утверждал, что, защищая правительство Ирана, неспособное на реформы, нельзя спасти положение. Анализируя политику СССР, которая завершилась возникновением национального правительства в Иранском Азербайджане, он считал, что в азербайджанском вопросе эта политика рассчитана по международным правилам: «Нынешний ход событий позволяет думать, что русские дальновидно рассчитывают свои действия. Их политика в Иране, в дальнейшем, возможно, для получения уступок в других областях, является игрой с подергиванием британского льва за хвост и пощипыванием перьев американского орла. Несомненно, ситуация в Северном Иране им выгодна, и если мы не будем осторожны, то не англосаксы, а именно Россия будет выступать в роли защитницы реформ в обширном мусульманском мире Среднего Востока»⁵⁷. Самое интересное в статье заключалось в том, что азербайджанские события рассматривались как начало движения за реформы, в которых нуждались все страны Востока.

Из отчетов протокольного отдела НКВД Азербайджанской ССР видно, что во второй половине 1945 г. наблюдался наплыв глав правительств, дипломатов, высокопоставленных военных и членов парламентов зарубежных стран, которые через Азербайджан направля-

лись в Тегеран, Москву и другие столицы мира. Находясь в Баку, они в основном проявляли внимание к развитию нефтяной промышленности и сельского хозяйства, культурному строительству, зависимости Азербайджанской ССР от СССР. По информации НКВД Азербайджанской ССР, иностранцев очень интересовала независимость республиканского бюджета от союзного. Во время различных встреч они задавали местным руководителям множество вопросов, связанных с суверенитетом и независимостью⁵⁸. Осенью 1945 г. резко увеличилось число иностранных представителей, государственных чиновников, парламентариев и журналистов, посетивших Советский Азербайджан. В первую очередь это касается гостей из США. За короткое время с августа по сентябрь 1945 г. в СССР из США прибыло несколько представительных делегаций, что указывало на намерения этой страны мирно сотрудничать в послевоенном пространстве. При этом выбор именно Азербайджана в качестве объекта ознакомления свидетельствует о ее интересе к бакинской нефти. С другой стороны, он обуславливался и беспокойством, вызванным азербайджанскими событиями в Иране. Накануне больших событий американцы проверяли возможности Советского Азербайджана.

§ 3. Московское совещание министров иностранных дел

Правительственные круги Ирана надеялись, что в середине декабря на Московском совещании министров иностранных дел обязательно будет рассмотрен вопрос вывода союзных войск с территории страны. В этом они видели решение азербайджанского вопроса. 13 и 15 декабря союзным государствам была направлена нота иранского правительства, а через иранского посла в Москве передана информация о желании премьер-министра и министра иностранных дел Ирана посетить Москву⁵⁹. Однако ни в дни совещания, ни после премьер-министра Хакими и министра иностранных дел Ануширвана Сепакхоби в Советский Союз не пригласили. Тогда премьер Хакими 18 декабря выступил в иранском меджлисе, открыто говоря об азербайджанском кризисе и называя вещи своими именами. Он отметил, что за азербайджанскими событиями стоят Советы, поэтому, чтобы победить Пишевари и его партию, иранскому правительству надо быть сильным⁶⁰.

16 декабря госсекретарь США Джеймс Бернс, министр иностранных дел Великобритании Эрнст Бевин и нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов, представлявшие три союзные державы, открыли в Москве Совещание министров иностранных дел. На

следующий день вернулся из отпуска в Москву Сталин. В день открытия совещания газета «Известия», официальный государственный орган, опубликовала обширную информацию ТАСС, озаглавленную «Образование Национального Правительства Иранского Азербайджана». В тот же вечер московское радио сообщило об установлении народной власти в Южном Азербайджане. ТАСС сделал достоянием широкой гласности «Манифест Национального Правительства Иранского Азербайджана»⁶¹.

Британский посол в Тегеране Ридер Буллард и секретарь американского посла Джон Джернеган также были приглашены на Московское совещание. Причем Булларда не только включили в состав британской делегации, но и допустили за стол переговоров, в тесный круг избранных лиц⁶². Еще до начала совещания внешнеполитические ведомства трех стран активно изучали вопрос Иранского Азербайджана. Заведующий отделом НКВД СССР М. А. Силин 13 декабря представил Молотову обширную справку по событиям в Иранском Азербайджане и выводу войск союзников из Ирана. В ней указывалось, что предложения Англии и США внести в повестку дня вопрос о выводе войск из Ирана напрямую связаны с событиями в Иранском Азербайджане. Еще 26 ноября иранское правительство обратилось к Англии, США и СССР с предложением дать иранским войскам свободно передвигаться по стране, что позволит обеспечить спокойствие в Азербайджане, а 11 декабря премьер Хакими в интервью английским газетам также поднял вопрос о выводе иностранных войск из Ирана. По мнению Силина, Эрнст Бевин и Джеймс Бирнс, настаивая на выводе войск, намеревались аргументировать это стремлением тегеранского правительства разобраться с азербайджанскими событиями. Силин отмечал, что они будут требовать не только вывода войск из Ирана, но и ввода иранских войск в Азербайджан, и поднимут вопрос о создании международной комиссии по изучению положения в регионе. Поэтому кремлевский дипломат предлагал вывести этот вопрос за рамки повестки дня, а если союзники не согласятся, то добиться, в свою очередь, включения в повестку вопроса о выводе англо-американских войск из Китая и Греции. Он считал, что не следует брать на себя каких-либо обязательств по выводу войск. В письмах Гарриману от 29 ноября и Керру от 30 ноября уже отмечалось, что ввод иранских войск в Азербайджан вызовет нежелательный рост напряженности и вынудит СССР ввести туда дополнительные войска. Что же касается азербайджанских событий, то Силин предлагал «рекомендовать иранскому правительству внимательнее отнестись к национальным нуждам населения Иранского Азербайджана и разрешить этот вопрос мирным путем, без кровопролития, на основе

принципов демократии»⁶³. Напоминание Силина связано с тем, что за несколько дней до приезда в Москву министров иностранных дел США и Великобритании, 10 декабря, английский посол А. Керр повторно обратился к Молотову по поводу вывода иностранных войск из Ирана. В ответном письме от 13 декабря Молотов писал: «...этот вопрос можно будет обсудить в конце установленного срока, то есть, например, в феврале месяце, если это окажется необходимым. В настоящее же время я не вижу необходимости в обсуждении этого вопроса»⁶⁴. Учитывая серьезность проблемы и ожидаемое давление со стороны союзников, эксперты НКВД СССР подготовили ряд предложений для Молотова.

Главы иностранных ведомств США и Великобритании еще в период подготовки к Московской встрече получили много информации о событиях в Южном Азербайджане. Посол США в Иране Уоллес Мюррей за один день 13 декабря направил госсекретарю 4 донесения. В первом из них посол писал о политике Министерства иностранных дел Ирана в отношении Азербайджана: «Опираясь на поддержку Америки и Британии, иранское правительство собирается продолжать свою политику в Азербайджане. Мы же отметили, что для нас очень важно, чтобы после обсуждения вопроса в Москве политическая точка зрения Ирана не изменилась»⁶⁵. В следующем донесении Мюррей сообщил, что иранское правительство считает азербайджанские события незаконными. Отмечая, что азербайджанские события мешают осуществлению запланированных Хаками реформ, посол напомнил, что премьер отдает предпочтение переговорам. По его мнению, переговоры следует продолжать, хотя они пока безуспешны. Через иранского посла в Москве советскому правительству предложено начать переговоры на уровне министров иностранных дел⁶⁶. Наконец, в последнем донесении, отправленном вечером 13 декабря, американский посол информировал о своей встрече с Хаками: «Сегодня премьер сообщил мне, что на его предложение приехать в Москву и участвовать в переговорах советская сторона никак не отреагировала. Теперь, если он не получит специального приглашения для участия в Московском совещании, то откажется от идеи поездки. Премьер заявил, что даже если такое приглашение поступит, то он подумывает послать туда посла Меджида Ахи»⁶⁷. Далее Мюррей коснулся возвращения Баята из Тебриза: «Генерал-губернатор области Баят сегодня вечером прибыл из Тебриза в Тегеран и рассказал, что повстанцы вошли в Тебриз и захватили отделение Национального банка и полицейское управление, а также призвали командующего иранскими войсками Дерахшани сдаться. Баят заявил, что гарнизон

не способен защитить город. Несомненно, Баят настроен очень пессимистично, в противном случае он не покинул бы свой пост»⁶⁸.

В управлении ближневосточными и африканскими делами госдепа США также активно готовились к обсуждению в Москве иранского кризиса. По мнению его руководителя Хендерсона, именно США предстояло «взять на себя лидерство в дискуссии по Ирану», поскольку, в отличие от Англии и СССР, Соединенные Штаты трудно заподозрить в «эгоистических интересах» (подобная аргументация явно расходилась с реальностью). В меморандуме от 11 декабря Хендерсон рекомендовал Бирнсу дать понять Молотову и Бевину, что для США ситуация в Иране важна не как региональная проблема, а как «испытание способности постоянных членов Совета Безопасности сотрудничать друг с другом на основе уважения суверенитета малых государств – членов Объединенных Наций»⁶⁹. Американские эксперты за фасадом событий в Иранском Азербайджане видели стремление СССР убрать последние препятствия на его пути к теплым морям и приблизиться к колониям Англии, которые она уже не может уберечь⁷⁰. Поэтому, пока Советский Союз не продвинулся дальше Ирана и Турции, Хендерсон старался мобилизовать администрацию США на более решительные действия⁷¹. Накануне Московского совещания Хендерсон и Ачесон встретились с Хусейном Алой, который попросил поддержать кандидатуру Ирана в ряды сменяемых членов Совета Безопасности ООН. По его мнению, это позволило бы Тегерану непосредственно участвовать в обсуждении иранского вопроса в Совете Безопасности⁷². Но, несмотря на все это, американский исследователь В. М. Зубок пишет, что, в отличие от своего британского коллеги, госсекретарь США Бирнс на Московском совещании не составил тандем с англичанами и очень щепетильно относился к такой «тонкой теме», как «подстрекательство советскими властями сепаратизма в Иране» на фоне событий в Азербайджане⁷³. Посол Великобритании Ридер Уильям Буллард также 13 декабря направил в Форин-Офис «тревожные» донесения, схожие по содержанию с донесениями Мюррея. Еще летом 1945 г. Буллард считал, что положение Ирана безнадежно и напоминает положение, в которое попала Англия в 1800 г. Ирану будет трудно выйти из этого положения без помощи «руки» извне. Посол был уверен, что это должна быть «рука» Соединенных Штатов и единственной надеждой Ирана являются США⁷⁴. По его мнению, «все карты Азербайджана» находились в руках СССР⁷⁵.

Донесения, поступавшие в Вашингтон и Лондон позднее, свидетельствуют о том, что не только иранское правительство, но и сами посольства испытывали чувство безнадежности под влиянием разворачивающихся в Азербайджане событий. В этом смысле очень пока-

зательна телеграмма, посланная 15 декабря Мюрреем в Вашингтон и Бирнсу в Москву. Он с тревогой писал: «“Демократы” захватили контроль над всеми дорогами, деревнями и городами (включая Тебриз и Ардебиль). Они провели выборы, создали “парламент” и назначили “кабинет министров”. Иранскому правительству не хватило сил ни подавить восстание, ни вести с ними переговоры, ни договориться с СССР дипломатическим путем. Посланные четыре батальона расположились лагерем близ Казвина и не могут двигаться вперед. Силы безопасности, находящиеся в кризисном районе, или получили приказ Советов не оказывать сопротивления, или же настолько боятся Советов, что не вмешиваются в происходящее. Принципиальное требование восставших – создание независимого местного правительства, которое уступает центральному правительству только вопросы внешней политики и обороны. Несмотря на то, что среди “демократов” очень мало истинных коммунистов, нет сомнений, что они находятся под контролем Советов и придерживаются линии советской пропаганды. Несмотря на утверждения Советов, что они не участвуют в этом движении, нет сомнений, что именно они спланировали и организовали это восстание. В документах, предъявленных посольству Великобритании в Тегеране Министерством иностранных дел Ирана, показано, как советские вооруженные силы несколько раз вмешивались в работу сил безопасности Ирана. Восстановление авторитета центрального правительства перед советскими войсками кажется невозможным, и маловероятно, что это произойдет даже после отвода советских войск. В народе ходят слухи, что единственная надежда иранцев на помощь Америки. Создалось впечатление, что британцы не заинтересованы в этом вопросе и могут согласиться на разделение сфер влияния по опыту 1907 г. Единственная альтернатива заключается в доставлении американской помощи. Кроме того, иранцы уже намекают, что готовы на все. Премьер-министр и министр иностранных дел хотят поехать в Москву. Их локальные переговоры с СССР окончились безрезультатно. Им не осталось ничего другого, как раз за разом посылать ноты, уже опубликованные в печати. В этой сложной проблеме в пользу восставших говорит тот факт, что народ действительно недоволен центральным правительством. Даже сторонники правительства признают, что представители центрального правительства в провинции, наряду с коррупцией и взяточничеством, не заботятся о простых людях и защищают крупных земельных собственников. Если в скором времени это движение не будет взято под контроль, то такие же беспорядки произойдут и в других районах страны. Если вопрос не будет решен, мы можем ожидать вхождения северных областей в состав СССР»⁷⁶. В дополнение

к этой информации Джеймс Бирнс услышал по московскому радио, что демократы захватили почти сорок азербайджанских городов. Ознакомившись с докладами тегеранского и московского посольств, Бирнс с тревогой сообщил в Белый дом, что Советы хотят держать Южный Азербайджан под своим контролем. Газета «Нью-Йорк таймс» уже известила американскую общественность, что Иран потерял столицу Азербайджана Тебриз. Раздосадованный действиями СССР президент Гарри Трумэн свое написанное, но не отправленное Бирнсу письмо завершает угрожающей фразой: «Я устал нянчиться с Советами»⁷⁷.

Иранское правительство не теряло надежды, что на Московском совещании министров иностранных дел ситуация разрешится в его пользу. В своей ноте от 15 декабря, направленной в адрес США, Великобритании и СССР, оно попросило союзников срочно вывести свои войска с его территории. В ноте указывалось, что пребывание иностранных войск на территории Ирана не позволяет его силам безопасности свободно действовать и обеспечивать порядок⁷⁸. Из дипломатической переписки видно, что, пользуясь сложностью момента, США постепенно брали инициативу в свои руки, укрепляя Иран во мнении, что этот процесс связан с Советским Азербайджаном и в целом с Советским Союзом. Советские спецслужбы держали под контролем зарубежные консульства в Тебризе. Опираясь на их информацию, Багиров и Масленников сообщали Сталину и другим советским руководителям: «Секретарь американского консульства в Тебризе Мейва Априк в беседе заявил, что американские круги не против демократического движения в Азербайджане, но они якобы точно осведомлены об открытом вмешательстве в это дело русских»⁷⁹. Роберт Россоу, назначенный консулом США в Тебризе, десять лет спустя писал: «Генеральный консул Советов в Тебризе, Красных с голубыми петличками, был вдохновителем восстания. Он контролировал городскую комендатуру, которая более подчинялась политическому, чем военному руководству, и организовывал ее работу. Большинство восставших были эмигрантами из Северного Азербайджана, несколько месяцев назад прошедшими специальную подготовку и называвшимися демократами... Революция, конечно же, оказалась успешной, и в декабре 1945 г. было создано независимое от тегеранского правительства русское марионеточное "автономное азербайджанское правительство"... Лидером революции и премьер-министром нового правительства был Джафар Пишевари. Пятидесятилетний, маленького роста и с маленькими усами, этот человек был первым иранским коммунистом времен Первой мировой войны»⁸⁰.

Попытка приписать растущее национальное движение только козням коммунистов способствовала консолидации великих держав Запада. Хотя получающее помощь от Советского Союза азербайджанское национальное правительство объявило частную собственность неприкосновенной и тем самым в какой-то мере пыталось дистанцироваться от коммунистической идеологии. Выпячивание угрозы коммунизма в Южном Азербайджане использовалось американцами как способ удержать Иран под своим влиянием. Близкий к правительственным кругам журнал «Тайм» на обложке номера от 17 декабря поместил портрет Мохаммеда Резы-шаха с подписью: «Шах Ирана. Его влиятельные друзья желают его нефти». В журнале публиковалась большая статья об Иране и его молодом шахе. Указывалось, что Джафар Пишевари, прибывший из Баку, а также тебризские события представляют собой угрозу правлению шаха. Здесь же была напечатана карта с тайным политическим смыслом. На ней Южный Азербайджан охватывался серпом, рукоятка которого упиралась в Баку⁸¹. Тот же «Тайм» в последнем декабрьском номере объявил Человеком года политика, желающего «спасти» Иран от этого серпа: президентствующего менее 8 месяцев Трумэна. Его портрет на обложке журнала совмещался с изображением взрыва атомной бомбы⁸². В эти кризисные декабрьские дни руководитель средневосточного отдела Госдепартамента Гарольд Майнор, анализируя события, пришел к выводу: «Единственная надежда Ирана – Соединенные Штаты»⁸³. В ходе Московского совещания заместитель госсекретаря Дин Ачесон писал американскому послу в СССР Гарриману: «Иранский посол, позвонив в Государственный департамент, взволнованно и возмущенно сообщил, что его правительство, не желающее, чтобы и другие территории, оказавшиеся под советской оккупацией, разделили судьбу Азербайджана, надеется только на подконтрольные США районы»⁸⁴. И действительно, у американцев имелись определенные сведения о проникновении советской опасности и в другие северные провинции Ирана. Например, 22 декабря в Реште появилась резолюция, подписанная гилянцами – членами партии Туде. Она требовала установить в стране демократический режим, предать суду взяточников и казнокрадов из госаппарата, выделять 50 % собранных в провинции налогов на нужды самой провинции⁸⁵. Текст этой резолюции по телеграфу переслали шаху, меджлису и правительству. В тексте содержалась угроза: в течение 10 дней условия должны быть выполнены, иначе народ сам придет в движение. В американское консульство поступила информация, что идея организовать движение масс в Гиляне возникла еще месяц назад. Когда член ЦК Народной партии Реза Руст приехал в Тебриз, его надоуми-

ли Мирза Ибрагимов и Пишевари. Руководство Туде заявило, что не получало никаких указаний из советского посольства, но Ибрагимов их заверил: мол, пусть они начнут, а он добьется разрешения на движение в Гиляне⁸⁶. Телеграммы Козлова по данному поводу попали в отдел международной информации ЦК ВКП(б), затем Сталин передал их Молотову, а тот начальнику управления НКВД Силину, который переслал их Багирову с разъяснением позиции советского руководства. Информацию о распространении влияния Иранского Азербайджана на всю северную часть Ирана опубликовала французская газета «Монд» со ссылкой на агентство Рейтер. Объявление автономии Азербайджана в пределах Ирана, предсказывала газета, всколыхнет остальные северные области: «По некоторым признакам, движение восставших не ограничится Азербайджаном. Демократы открыто объявляют, что могут стать примером для других областей Ирана»⁸⁷. Действительно, вскоре посол в Тегеране Мюррей сообщил, что советский консул в Тебризе Красных и несколько его сотрудников, соответствующим образом проинструктированные, направлены в Мешхед, чтобы и в Хорасане организовать успешное демократическое движение на манер азербайджанского⁸⁸. Затем Ачесон передал Гарриману обеспокоенность иранского посла судьбой всего мира, поскольку «Азербайджан – первое звено той цепи событий, которая может охватить Турцию и другие страны Ближнего Востока». «Если не будут приняты действенные меры, – добавил он, – то ООН потеряет статус гаранта мира и справедливости во всем мире. Повторяются события в Маньчжурии, Эфиопии, Мюнхене. Азербайджан станет очагом третьей мировой войны»⁸⁹. Несомненно, эта телеграмма Гарриману на самом деле предназначалась для сведения Бирнса в Москве. Как нарочно, 20 декабря в газете «Известия» появилась статья «О наших законных требованиях к Турции», подписанная двумя грузинскими академиками, С. Н. Джанашией и Н. А. Бердзенишвили. Академики (до появления этой статьи в октябре 1945 г. принятые Сталиным на черноморском побережье в Мацесте, около Сочи) напоминали, что 13 октября 1921 г. советские республики Закавказья уступили Турции часть своей территории: южный сектор бывшего Батумского округа, Артвинский, Ардаганский, Олтинский, Карсский и Кагызманский округа, Сурмалинский уезд бывшей Эриванской губернии. Еще академики утверждали, что смогли бы обосновать претензии по поводу Пархальского, Торгомского, Испирского районов Юго-Западной Месхетии и поспорить насчет Лазистана⁹⁰. Таким образом, армянские претензии к Турции по поводу ее восточных провинций дополнились и грузинскими. Обнародование этих претензий в правительственных газетах «Известия» и «Красная звезда» свиде-

тельство о глубине проблемы. Вслед за требованием автономии для азербайджанцев появилась проблема грузин-фарейданов, переселенных шахом Аббасом I в окрестности Исфахана⁹¹. В то же время иранскому правительству было хорошо известно происходящее в соседней Турции, и пресса Ирана старалась воссоздать в полном объеме всю панораму проблем, существующих между Турцией и Советским Союзом⁹².

В день открытия Московского совещания посол в Иране Мюррей сообщил Бирнсу в Москву: «Русское посольство в Тегеране не разрешило руководителю средневосточного отдела Госдепартамента Г. Майнору и заместителю военного атташе американского посольства капитану Гагарину посетить Тебриз в период с 14 по 24 декабря. Они направлялись в Тебриз для восстановления связи с нашим консульством, находящимся в состоянии изоляции. Нам было запрещено посещать Тебриз, и причина не указана. Госсекретарь должен сообщить об этом Молотову. Если мы оставим эти действия без внимания, то Советы будут продолжать чинить препятствия работе нашего посольства»⁹³.

В первый день работы Московского совещания В. М. Молотов не позволил вынести на обсуждение иранский вопрос. Договорились обсудить его неофициально⁹⁴. 18 декабря британский министр иностранных дел Эрнст Бевин предложил Молотову обменяться мнениями по азербайджанскому вопросу. Он заявил, что британская общественность с интересом следит за политическими процессами в Иране. Молотов ему ответил, что Советский Союз не вмешивается в ход национально-освободительного движения в Азербайджане. Нарком пообещал, что СССР выполнит свои обязательства по Ирану, но его заверения показались британскому министру неубедительными⁹⁵. Молотов также подчеркнул, что это целиком внутреннее дело Ирана и, по его мнению, «происшедшее в Азербайджане есть естественный результат послевоенных условий». Что же касается вывода иностранных войск из Ирана, то этот вопрос уже обсуждался в Потсдаме и Лондоне и договоренность достигнута. Нет причин снова к нему возвращаться⁹⁶.

19 декабря председатель Совнаркома СССР Сталин принял Бирнса и Бевина. В ходе переговоров в ряду других проблем был затронут и азербайджанский вопрос. Сталин подтвердил высказывания Молотова, но добавил, что иранское правительство занимает враждебную позицию по отношению к СССР. Эта враждебность порождает опасность организации диверсий на нефтяных промыслах Баку. Глава советского государства старался уверить министров иностранных дел, что «один человек с коробкой спичек» может создать серьез-

ную угрозу для бакинских промыслов⁹⁷. Поэтому, дескать, Советский Союз продолжает держать свои войска в Иране. «Мы вас уверяем, – заявил Сталин, – что СССР не имеет к Ирану никаких территориальных или иных претензий, у нас нет намерений присоединить к себе часть его территории или покушаться на его суверенитет. Как только будет обеспечена безопасность бакинских нефтяных промыслов, советские войска покинут Иран и СССР не будет проявлять интереса к внутренним делам Ирана»⁹⁸. Известный американский ученый Джон Льюис Гаддис пишет, что союзники удивлялись, зачем Сталин затягивает оккупацию Северного Ирана до 1946 г. – начала работы СБ ООН – и ставит молодую всемирную организацию перед большим испытанием⁹⁹.

Госсекретарю США, желавшему выяснить, в какой мере Иран может представлять угрозу для Баку, посол Мюррей сообщил: «Заявления Советов, что “Иран создает угрозу бакинским нефтяным промыслам”, абсолютно беспочвенны, и очень трудно понять, почему Советы придают этому такое большое значение». Уже после Московского совещания Бевин, в свою очередь, объяснял Бирнсу, что опасения Сталина насчет подрывных действий «человека с коробкой спичек» со стороны Ирана могут привести к серьезным последствиям¹⁰⁰. Конечно, политика Сталина в отношении Южного Азербайджана и Северного Ирана содержала элементы соблюдения безопасности южных границ СССР. Эксплуатация Англией и США в будущем иранских нефтяных месторождений вблизи советских границ означала ущерб для государственных интересов СССР. Как видим, главной стратегической целью Сталина являлось не только обладание иранской нефтью, но и удерживание западных стран, особенно США, вдали от советских границ. В этом направлении для давления на Тегеран он решил использовать не только советские войска в Иране, но и лишенных возможности серьезно повлиять на ситуацию в стране антизападников-националистов, из которых еще во времена Коминтерна была сформирована марксистско-ленинская партия Тууде, а также дополнительно привлечь силы сепаратистов Северного Ирана. Как гоминьдановское правительство в Китае, зажатое им в тиски между местными коммунистами и сепаратистами Восточного Туркестана, так и иранское правительство Сталин собирался шантажировать подобным образом¹⁰¹. Поэтому в представлении советского руководителя Азербайджан рассматривался как «буферная зона», призванная обеспечить безопасность южных границ, а нефтяная концессия в Северном Иране – как важный элемент этой безопасности¹⁰². Российский ученый И. В. Гайдук пишет: «В ситуации, когда власть в Тегеране находилась в руках в основном антисоветски настроенных

и ориентировавшихся на Запад политиков, Кремль для достижения своих целей в соседней стране мог опираться преимущественно только на военное давление и подрывную деятельность»¹⁰³.

На четвертый день Московского совещания Иран направил протест в Москву, Лондон и Вашингтон, угрожая вынести азербайджанский вопрос на обсуждение ООН. После встречи со Сталиным Бирнс окончательно уверился, что азербайджанский вопрос приобретает все более трудноразрешимые черты и настала необходимость перенести его на уровень ООН. Но он не хотел, чтобы при международном обсуждении азербайджанцы выглядели правыми. Бирнс через Гарримана переслал Мюррею свои рекомендации иранскому правительству. Они заключались в следующем: «Прошу неофициально и секретно довести до сведения премьер-министра: рекомендуйте, чтобы иранское правительство в скорейшем времени пошло на уступки и удовлетворило требования, сформулированные азербайджанцами. Особенно считаю правильными введение преподавания на тюркском языке наравне с фарси и создание областных энджуменов в соответствии с Конституцией Ирана. Можете заявить, что изначально знали о стремлении иранского правительства идти именно таким путем и думаете, что непременно следует сделать шаги, не противоречащие суверенитету Ирана, но могущие уничтожить почву, порождающую взаимные обиды. Естественно, чтобы предотвратить обособление Азербайджана, такие шаги надо сделать. Объясните премьер-министру, что Вы не предлагаете ему соглашаться с созданием автономного правительства в Азербайджане. Подчеркните, что Ваши предложения направлены на то, чтобы в глазах ООН и мировой общественности Иран выглядел справедливым, а иранское правительство нельзя было бы заподозрить в том, что оно пытается отнять у населения его конституционные права»¹⁰⁴.

Когда посол Мюррей передавал иранскому премьеру рекомендации госсекретаря, Хакими, сам тюрк по происхождению, пытался убедить американцев, что азербайджанский народ никогда не считал азербайджанский своим национальным языком и этот язык был насильно навязан народу во времена монгольского нашествия. Он упорно утверждал, что азербайджанцы не участвуют в беспорядках, что два года назад в Азербайджане никто не знал лидера демократов, всю жизнь прожившего в Баку, и поэтому его сотрудники не могут представлять народ. Тем не менее премьер согласился принять предложения госсекретаря США. Вместе с тем он заявил американскому посольству в Тегеране, что его правительство ни при каких условиях не признает парламент и правительство Азербайджана, так как они не имеют юридических оснований и созданы иностранцами, незаконно

перебравшимися в Иран с Кавказа. Хаками отметил, что его правительство намерено силой оружия подавить восстание в Азербайджане, как только советские войска выйдут оттуда. Докладывая о ходе переговоров с иранским руководством, Мюррей писал: «Я повторно потропил и шаха, и премьера, чтобы они решили азербайджанскую проблему, пока не пролилась кровь. Я посоветовал создать из азербайджанцев, представленных в правительстве, комиссию и проинструктировать их для ведения переговоров с повстанцами»¹⁰⁵.

В политических кругах Ирана и столичной прессе часто муссировалась идея, будто азербайджанские события развязаны пришельцами с Кавказа. 24 декабря депутат от Народной партии Реза Радманеш выступил с опровержением этих поклепов. Он сказал, что не надо валить ответственность на соседей: «Азербайджанский вопрос – это внутреннее дело Ирана. Нет необходимости искать здесь отпечатки пальцев кавказцев. В Иранском Азербайджане нет кавказцев. Вся беда в том, что население Азербайджана оставалось без внимания»¹⁰⁶.

Несмотря на все старания Мюррея, советское посольство в Тегеране отказалось впускать в Тебриз вашингтонского спецпредставителя Майнора. 22 декабря Мюррей встретился с Якубовым и заявил, что еще 14-го числа Майнор должен был прибыть в Тебриз, но соответствующие советские органы не выдают ему пропуск. Посол также сказал, что Майнора в любой момент могут вызвать на Совещание министров иностранных дел в Москву и поэтому он должен обязательно побывать в Тебризе. Ахад Якубов постарался уверить Мюррея, что задержка Майнора связана с его, Якубова, болезнью, он, дескать, несколько дней не выходил на работу. Советский представитель обещал немедленно разобраться в этом деле¹⁰⁷.

23 декабря Сталин вновь принял Бирнса, а на следующий день и Бевина. В тот же день был дан прием в честь пока еще союзников. Бирнс во время второй встречи со Сталиным выразил обеспокоенность возможностью вынесения азербайджанского вопроса на январское заседание ООН и надежду на осуществление ряда мероприятий для предотвращения этого. В то же время госсекретарь напомнил о помощи Ирана Советскому Союзу в годы Великой Отечественной войны, а потому не согласился с мнением, что Иран враждебен СССР. Сталин ответил, что СССР не боится обсуждения этого вопроса в ООН, и если так случится, то пусть никто не беспокоится: «Мы не сделаем ничего плохого, от чего Вам было бы стыдно»¹⁰⁸. Сталин выразил удовлетворение выполнением Тегеранской декларации, но заметил, что доверия и чистосердечия заслуживало прошлое иранское правительство, а нынешнее заняло враждебную СССР позицию и побуждает население к антисоветским акциям. По мнению

Сталина, иранскому правительству следовало выполнять свои обязанности и отказаться от политики вражды к СССР. Британский профессор Джеффри Робертс пишет, что Сталин откладывал вывод советских войск из Ирана по двум причинам. Первая была связана с желанием Москвы заключить нефтяной контракт с Тегераном, а вторая – с движением местных националистов, которые под руководством коммунистов в 1945 г. загорелись желанием развивать отношения с земляками из Азербайджанской ССР, а также с появлением требования дать автономию азербайджанцам. Робертс добавляет, что защита этнической автономии и движения за независимость обещали Сталину возможность расширения советского политического влияния на Иран¹⁰⁹.

24 декабря Сталин принял министра иностранных дел Великобритании Эрнста Бевина, который после предварительных консультаций с Бирнсом представил Сталину проект создания совместной комиссии из представителей Великобритании, США, СССР для решения азербайджанского вопроса¹¹⁰. Британия предлагала рекомендовать правительству Ирана перестроить работу областных энджуменов и обеспечить изучение языков национальных меньшинств – тюркского, курдского и арабского. По мнению Бевина, совместная комиссия должна была проследить за ходом выборов в областные энджумены, одновременно разрабатывая вопрос отвода войск и практические рекомендации по его осуществлению. Британские политические круги пытались с помощью этого плана руками СССР передать фактически завоеванную автономию Азербайджана под контроль иранского правительства. Первоначально Сталин заявил о возможности реализации данного предложения. Британский проект передали для изучения в Наркомат иностранных дел. На закрытом заседании Московского совещания глава британской делегации предъявил документ «К вопросу о полномочиях трехсторонней комиссии по Ирану». Ни Бевин, ни Бирнс не хотели рассматривать азербайджанский вопрос как внутреннюю проблему. Поэтому проект британского министра иностранных дел в принципе отличался от плана, представленного послом Буллардом 20 декабря¹¹¹. Именно отсюда проистекали бурные дискуссии вокруг проекта Бевина. Советские представители предлагали заменить в нем фразу «комиссия должна заняться вопросом облегчения скорейшего вывода союзных войск» фразой «по возможности ускорить вывод войск союзников»¹¹². Но в условиях ежедневного обострения ситуации в Иранском Азербайджане подобная неопределенность не устраивала ни Бевина, ни Бирнса. На прямой вопрос Бевина Молотову: «Вы не согласны на то, чтобы установить срок вывода войск 2 марта?» – нарком так же прямо от-

ветил: «Мы на это не согласны». Молотов объяснял свою позицию трудностями зимнего периода и предложил оставить этот вопрос на усмотрение пока еще не созданной трехсторонней комиссии¹¹³.

26 декабря Бевин предложил принять все замечания СССР и подготовить соглашение о создании комиссии¹¹⁴. Такая активность Бевина, должно быть, свидетельствовала о стремлении лейбористского правительства учитывать мнение общественности, очень внимательно следящей за событиями в Иране. Определенное воздействие на британские политические круги и общественное мнение оказала декларация иранского посла в Лондоне Сеида Хасана Тагизаде, обнародованная им после начала Московского совещания. В декларации говорилось: «Последние сообщения, полученные из Ирана, носят до того важный характер, что каждый иранский подданный, как вообще и весь народ, вынужден через своих представителей довести до сведения мира свой голос, выразив чувство возмущения волнениями и сепаратистскими стремлениями в Иране... В Тройственном договоре и в Тегеранской декларации великие державы обязались уважать территориальную целостность и суверенные права иранского шахиншахского государства... Примером нарушения обязательств Тройственного договора являются всевозможные вмешательства одного из союзников во внутренние дела Ирана. Вмешательства достигли такого предела, что приводят к отделению одной из важных провинций Ирана – Азербайджана. Это нарушение обязательств не только является открытым попранием целостности Ирана и его суверенных прав, но иранцы имеют основание рассматривать его как нарушение обязательств, взятых согласно договору со стороны третьего участника пакта, а именно Великобритании, которая вместе с Советским Союзом обязалась, по отдельности и вместе, уважать эти принципы. Твердо веря в то, что Великобритания всегда будет строго уважать свои обязательства, иранцы возлагали и все еще возлагают большую надежду на то, что министры трех союзных держав в Москве достигнут согласия в деле обеспечения уважения к целостности и суверенным правам Ирана и что их великий сосед и союзник, Советский Союз, устранил все сомнения и подозрения путем пресечения вмешательства своих войск и представителей во внутренние дела Ирана. В связи с этим иранцы воздержались от резких жалоб, которые могли бы рассматриваться как мешающие работе конференции. Однако в настоящее время у общественного мнения возникло некоторое заблуждение в связи с изображением так называемого автономного движения в Азербайджане как совершившегося факта. События последних дней вызывают необходимость предупредить мировое общественное мнение о том, что узурпация мятежниками

административной власти в Азербайджане ни при каких обстоятельствах не может и не должна быть представлена как совершившийся факт»¹¹⁵. Несмотря на подобные декларации и серьезные демарши британского министра иностранных дел Бевина, в последний момент наркоминдел Молотов отказался продолжать обсуждение азербайджанского вопроса. Бевин неоднократно делал попытки вернуться к этому вопросу, но Молотов ссылаясь на его отсутствие в повестке дня совещания. В то же время он сообщил Бевину, что комиссия не может быть создана без соглашения с Ираном, к тому же Советский Союз в настоящий момент не намерен обсуждать такой вопрос с иранским правительством, питающим неприязнь к СССР¹¹⁶.

Следует учесть, что события в Иранском Азербайджане волновали правящие круги Британии не только с точки зрения общественного мнения. За кулисами этих событий стояли имперские интересы Соединенного Королевства, в некотором роде там даже смотрели на азербайджанские события как на судьбоносные для всей Британской империи. Политики ясно представляли, какие отрицательные последствия повлечет за собой «сталинский план отрыва Иранского Азербайджана от остальной части страны»: в первую очередь «снизится влияние в Иране британцев и американцев, которых сами же иранцы и пригласили, ослабнут возможности их экспансии в стране»¹¹⁷. Известный экономист Менкен 21 декабря 1945 г. написал в редакцию газеты «Таймс»: «Географическое и стратегическое положение Азербайджана очень важно для Англии. Вслед за “автономией” Иранского Азербайджана вскоре “естественно” последуют требования объединиться с Советским Азербайджаном. Это совершенно отдалит Турцию от Ирана. Контроль над жизненно важной дорогой от юга Арарата до Эрзурума откроет “заднюю дверь” в Турцию, выведет Россию к северо-восточным границам Ирака»¹¹⁸. Автономию Азербайджана британцы считали нежелательным примером, опасаясь, что следом придут в движение иранские курды и такие же требования прозвучат в Ираке и Турции. Переход нефтяных промыслов Мосула под контроль Советов, полагал Буллард, завершится крахом Ирака как государства и переходом его в руки русских. Можно сказать, что Советский Союз окажется в одном шаге от богатых нефтяных месторождений Кувейта, Саудовской Аравии и Бахрейна¹¹⁹. Подобные представления сыграли немалую роль в формировании жесткой позиции британских официальных кругов относительно автономии Азербайджана.

Британский министр Эрнст Бевин, недовольный безрезультатностью Московского совещания, 28 декабря написал Молотову следующее: «Я был весьма разочарован тем, что после дружественного

обмена мнениями между мной и генералиссимусом мы не смогли достичь окончательного соглашения в отношении рассмотрения иранского вопроса, и я уверен, что мое правительство будет разочаровано в равной степени... Я считаю, что было бы неправильным не информировать иранское правительство, и поэтому я даю сэру Р. Булларду указание ознакомить иранское правительство с ходом наших переговоров в Москве, а также с предложениями, которые должны были быть представлены иранскому правительству». Он добавил, что поставит в известность о содержании этого письма Бирнса, чтобы американцы могли дать соответствующее указание своему представителю в Тегеране¹²⁰.

Таким образом, Московское совещание министров иностранных дел, длившееся с 16 по 26 декабря, не приняло никаких документов по проблеме Южного Азербайджана¹²¹. Известный американский исследователь профессор Брюс Кунихолм пишет, что, услышав о безрезультатности Московского совещания, президент Соединенных Штатов Гарри Трумэн «не просто побагровел, а стал пунцовым»: «Он не проводил консультаций по ходу совещания, но в заключительном документе ожидал увидеть хотя бы намек на вывод советских войск из Ирана»¹²². Некоторые авторы даже считают, что в послевоенном мире Ирану предстояло не только обеспечивать США нефтью, но и стать на Ближнем Востоке буфером между СССР и США¹²³. По мнению Марка Гамильтона Лайтла, нефть служила определяющим фактором иранской политики США, и «если бы внешняя политика Соединенных Штатов не сумела обеспечить безграничные нефтяные потребности своей страны, то и функция мирового лидера была бы невыполнима»¹²⁴. Вследствие этого англо-американские союзники в последние месяцы 1945 г. предприняли усилия, с тем чтобы убедить Москву прекратить свою подрывную деятельность в Иране и выполнить условия договора 1942 г. о выводе войск. Однако советское руководство оставалось непреклонным перед лицом американских и британских дипломатических демаршей, отрицая свою причастность к событиям в Южном Азербайджане¹²⁵.

Безрезультатность Московского совещания породила определенные вопросы. Нынешние обсуждения по Ирану, писал посол США в Анкаре Эдвин Вильсон в Государственный департамент, напоминают события 1907 г., однако между ними есть большая разница – вероятность, что Азербайджан под лозунгом самоопределения будет проглочен Советским Союзом¹²⁶.

После Московского совещания иранское правительство стало интересоваться, есть ли изменения во внешней политике США, а следовательно, есть ли возможность инициировать азербайджанский

вопрос в ООН. Для уточнения ситуации посол Ирана в Вашингтоне обратился к директору управления Ближнего Востока и Африки Государственного департамента Джорджу Аллену. Посол хотел выяснить, изменилось ли отношение США к Ирану в результате проведенных госсекретарем Бирнсом в Москве переговоров. Аллен, определявший ближневосточную политику США, ответил, что для изменения этой политики нет серьезных оснований. Хусейн Ала выразил удовлетворение неизменностью позиции США и осведомился, заявят ли США открыто о поддержке Ирана в случае вынесения Ираном азербайджанского вопроса на Генеральную Ассамблею ООН. Аллен напомнил, что США два года поддерживают суверенитет Ирана, это ясно проявилось во время нефтяного спора в 1944 г., а также в нынешнем азербайджанском вопросе. Посол заверил Аллена, что в данном вопросе советы Америки и Англии будут полезны его стране¹²⁷.

После того как госсекретарь Бирнс вернулся из Москвы в Вашингтон, посол Хусейн Ала по телефону запросил у него информацию об обсуждении в Москве иранского вопроса. Он сказал, что официально не принято никаких решений, поэтому его правительство поручило ему как можно скорее узнать, что же произошло в Москве. Посол посетовал на то, что в его стране происходят столь важные события, а их обсуждение переносится с конференции на конференцию. Наличие иностранных войск в стране, жаловался он, пробуждает среди населения деструктивные помыслы, звучат антиправительственные призывы, особенно в местах расположения советских войск. Хусейн Ала напомнил, что все попытки иранского премьера выйти на прямые переговоры с Советским Союзом потерпели неудачу и, чтобы убедиться в успехе при выносе вопроса в Совет Безопасности ООН, правительство Ирана хочет быть уверено в поддержке США. Госсекретарь ответил, что их представитель в Иране Джернеган был в Москве и вместе с послом Мюрреем даст иранскому правительству инструкцию обо всех нюансах московских переговоров. Бирнс добавил, что такую же инструкцию Бевин дал британскому представителю в Иране. Затем госсекретарь следующим образом прокомментировал позицию Москвы по иранскому вопросу: «Советы подчеркивают, что не несут никакой ответственности за действия “демократических сил”, но, по их мнению, конституция страны хоть и дает на местах населению право в школах употреблять местные языки, а из местных налогов употреблять деньги на строительство дорог и т. п., но эти права не обеспечиваются. Они считают, что следует принять меры для наделения правами людей, чьи права растоптаны». Объяснив позицию Москвы, госсекретарь посоветовал

послу наладить связь с иранским правительством и, если это возможно, вернуться к первоначальным требованиям Азербайджанской демократической партии. Выполнение некоторых разумных требований азербайджанцев, полагал он, может улучшить положение иранского правительства. Несоблюдение же прав, данных конституцией народу, будет воспринято мировым общественным мнением как эксплуатация людей, а сейчас солидная часть мировой общественности очень чутко относится к этому вопросу. Поэтому госсекретарь рекомендовал найти возможное решение и только после этого выносить на международное обсуждение проблему обеспечения суверенитета Ирана¹²⁸. Но в целом Бирнс серьезно относился к доводам Хусейна Алы и хотел испытать эффективность молодой международной организации в разрешении конфликтных ситуаций¹²⁹. С этой целью советник Государственного департамента Гарри Ховард в меморандуме, подготовленном в середине декабря 1945 г., настаивал, чтобы американская делегация на Генеральной Ассамблее ООН при решении иранского вопроса действовала «в духе ООН» и при необходимости выделила время для рассмотрения вопроса в Совете Безопасности¹³⁰. Однако, так или иначе, Запад столкнулся с опасностью, когда «проверка пульса» могла привести к крушению ООН, к утрате веры в организацию. Поддержка Ирана в его жалобе грозила нанести ущерб единству великих держав и поставить под сомнение эффективность работы Совета Безопасности, основанной на принципе единогласия среди постоянных членов. Даже британское правительство инстинктивно своего посла Булларда, чтобы тот отговорил иранское правительство от идеи обратиться в ООН. Британский официоз считал, что обращение Ирана в ООН погубит идею Бевина о трехсторонней комиссии и спровоцирует отказ СССР участвовать в ее работе¹³¹.

Непринятие никаких решений по Ирану на Московском совещании министров иностранных дел привело иранские правящие круги в шоковое состояние. Московское совещание продемонстрировало крах политики премьер-министра Хаками, считавшего, что под давлением США и Великобритании СССР выведет из Ирана свои войска. Массированная атака прессы на Хаками увеличивала шансы Ахмеда Кавама прийти к власти. В конце кризисного декабря все газеты пришли к выводу, что преодолеть кризис в стране, провести настоящие реформы, коренным образом улучшить уровень взаимоотношений с Советским Союзом может только один государственный деятель – Кавам ос-Султан. В интервью корреспонденту английской газеты «Дейли телеграф» Кавам объяснил кризисное состояние Ирана ошибками, допущенными предыдущими правительствами, и

предрек, что если кризис завтра обострится, то причиной тому будет ошибочная политика нынешнего правительства. На вопрос корреспондента: «Как Вы думаете, не являются ли азербайджанские события результатом деятельности советского правительства?» – Кавам ответил: «Ошибочная политика центрального правительства и невнимание к законным требованиям населения провинции породили недовольство во всей стране. Очевидно, что будь народ доволен, то не было бы и почвы для волнений». И если советские представители морально поддерживают это движение, продолжал он, значит, они считают, будто оно происходит в русле общей стратегии союзников, поддерживающих демократию во всем мире. Корреспондент «Дейли телеграф», побуждая Кавама углубиться в проблему, спросил: «Как Вы думаете, раздача оружия и запрещение войскам двигаться на север могут быть расценены как моральная поддержка?» Кавам напомнил, что он лицо не ответственное и не ознакомлен ни с одним официальным рапортом, но все же заявил: «Я не знаю, насколько эти слухи верны, однако несомненно, что с 1320 года [хиджры] в дополнение к уже имеющемуся тайно у населения, в том числе и азербайджанцев, оружию прибавилось новое». Комментируя возможность отправки войск на север, Кавам дал несколько неожиданный для политических кругов Ирана ответ: «Если бы я был у власти, я бы до того, как послать войска, собрал бы делегацию из патриотов и свободолюбивых людей и послал бы их решить этот вопрос миром». Он отметил также, что является сторонником сбалансированной нейтральной внешней политики и что нынешнее обострение отношений с Советским Союзом – «результат ошибок правительства и нарушения баланса в международной политике»¹³². Полный текст интервью был опубликован 23 декабря в тегеранской газете «Раад-е эмруз».

Многим казалось привлекательным обещание Ахмеда Кавама решить азербайджанскую проблему мирным путем. Однако изначально между Пишевари и Советами существовали разногласия по поводу кандидатуры Кавама. Пишевари писал: «Мы всегда знали Кавама ос-Султана как человека реакционных взглядов, и поэтому причисление его к свободолюбивым силам, особенно к партии Туде, мы считаем проявлением коварства. Мы не могли забыть его реакционной роли в прошлом. Мы знали, что он коварно погубил одного из лучших сынов Азербайджана полковника Мохаммеда Таги-хана Песияна, отрубив ему голову и даже выбросив труп из могилы, он организовал окружение Саттархана в парке Атабека и способствовал его смерти, и, наконец, кровавые события 17 азера 1323 года вкупе с его принадлежностью к крупным землевладельцам всегда выдавали в нем ставленника реакционных кругов»¹³³.

30 декабря 1945 г. на открытом заседании меджлиса депутаты, ссылаясь на бездеятельность правительства Хакими перед лицом нынешних событий в Азербайджане и общего кризиса в стране, потребовали от правительства подать в отставку¹³⁴. Перефразируя Пишевари, можно сказать, что, когда «прогнанный» Хакими в последний раз находился на своем рабочем месте, он исполнял роль мостика, и достаточно было бы маленькой рокировки, чтобы на его месте появился Кавам ос-Султан или любой другой реакционер. Азербайджанские события обострили не только кризис в Иране, но и борьбу за власть в Тегеране.

§ 4. Иранский Азербайджан: между автономией и независимостью

Во второй половине декабря на всей территории Южного Азербайджана завершился процесс переподчинения государственных учреждений новому правительству. Началось строительство государственного аппарата, соответствующего программе, принятой Азербайджанским меджлисом. Движение за автономию наполнилось общенациональным содержанием. В политической жизни страны усилилась социальная активность народа. Эти процессы вывели на авансцену истории азербайджанцев, проживающих по обоим берегам реки Аракс. Постепенно расширяющееся национально-демократическое движение в Южном Азербайджане пользовалось опекой Советского Союза, тюркоязычное население области видело всестороннюю поддержку своих братьев с северного берега Аракса и чувствовало тепло их сердец¹³⁵.

Взяв власть в Иранском Азербайджане, национальное правительство выступило с обращением ко всему народу. Оно обещало обеспечить безопасность жизни и имущества граждан, исповедуя служение родине как высший принцип, приложить все усилия для установления в стране мира и спокойствия. Подчеркивалось, что все имущество, финансы и другие богатства, перешедшие в распоряжение правительства, будут использованы на благо развития страны. Иностранным дипломатическим представительствам обещали сохранение всех прав и привилегий. Национальное правительство брало на себя ответственность за безопасность граждан всех демократических стран, живущих в Азербайджане¹³⁶.

В связи с нарастанием международного скандала вокруг событий в Южном Азербайджане Багиров через наркома внутренних дел М. Якубова и наркома госбезопасности С. Емельянова передал

ответственным за Южный Азербайджан Атакишиеву, Ибрагимову, Гасанову и генералу Руссову инструкцию по соблюдению строгой конспирации. В ней указывалось: «Через военные и через гражданские организации из Иранского Азербайджана “Старшему” [М. А. Багирову. – Дж. Г.] поступила информация, что наши сотрудники, помогая местным товарищам, действуют слишком открыто. Товарищ “Старший” считает необходимым предупредить вас и ваших сотрудников, чтобы они не забывали, что находятся на чужой территории и должны соблюдать строгую конспирацию. Следует учесть, что за действиями каждого советского работника следят не только иранцы, но и англичане, американцы, турки и другие. Слишком открытое участие товарищей в делах Иранского Азербайджана, их советы и рекомендации Демократической партии, партизанским отрядам крайне нежелательны, а по многим моментам даже вредны. Товарищ “Старший” поручил нашим сотрудникам в работе с местными товарищами соблюдать осторожность и скрытность»¹³⁷.

В честь завершения процесса взятия власти народом национальное правительство устроило в Тебризе победный парад отрядов феодалов. За день до этого, 18 декабря, Пишевари выступил на собрании офицеров иранской пехотной дивизии, а 19 декабря в здании Тебризского городского театра состоялось собрание Азербайджанской народной армии. Выступивший на собрании заместитель министра народной армии Гулам Яхья Данешиан призвал партизан поддерживать образцовый порядок в Тебризе и в областях Азербайджана, с честью служить азербайджанской автономии. В честь победы демократического движения пришли поздравительные телеграммы из Тебриза, Салмаса, Мараги, Азершехра, Ахара и других мест, опубликованные в газете «Азербайджан»¹³⁸. Национальное правительство и его структуры были недоукомплектованы специалистами. Многие члены правительства не имели опыта управленческой работы и не совсем четко представляли себе векторы дальнейшего развития страны.

По причине неопытности национального правительства в Баку поступила просьба прислать хотя бы по одному неофициальному советнику в каждое министерство. Но на это требовалось разрешение Москвы. В письме на имя Сталина, Молотова, Берии и Маленкова от 19 декабря Багиров писал: «Национальное правительство Азербайджана приступило к практической деятельности. Учитывая, что члены правительства не имеют соответствующего опыта в государственной работе и нуждаются в советах и консультации, тебризские товарищи просят разрешения прикрепить к каждому министру неофициально по одному человеку из наших людей в виде советников. Наше мнение – согласиться с просьбой товарищей

из Тебриза. Людей для этого подберем. Просим Ваших указаний»¹³⁹. 24 декабря из Москвы пришел положительный ответ. Молотов сообщал Багирову: «Согласен с Вашим предложением о выделении наших людей в виде советников для помощи министрам национального правительства Иранского Азербайджана. Обратите внимание на состав командирруемых и на то, чтобы они соответственно держались по приезде на место, не афишируя своего советского гражданства»¹⁴⁰.

24 декабря для решения некоторых вопросов, связанных с демократами, одного из сотрудников Советского Азербайджана вызвали в Баку. Было решено, что поедет Гасанов. Поэтому он вместе с М. Ибрагимовым 25 декабря пришел на квартиру к больному Пишевари, чтобы выяснить, какого рода советники нужны. Пишевари ответил, что в Баку необходимо уладить следующие вопросы. Для сближения Советского и Иранского Азербайджана, обмена опытом необходимо из Баку в Тебриз командировать много людей, а также разрешить отсюда послать людей в Баку (пускай сроднятся). Возможно, англичане прекратят завоз в Азербайджан нефти и бензина. В этом случае необходимо увеличить завоз из Баку. По главной улице Тебриза будут проводить водопровод, для этого необходимы 20–25 км труб, а также специалисты-водопроводчики из Баку. Следует разрешить вопрос о деньгах: если иранское правительство запретит присылку в Тебриз денег, то национальное правительство будет вынуждено выпустить новые денежные знаки. Нужны несколько горных инженеров для изучения ископаемых богатств; затем, может быть, Советский Союз возьмет месторождения ископаемых в концессию¹⁴¹. Требовалось решить в Баку и ряд других вопросов политического, военного, экономического и культурного характера.

Работавшие в Тебризе Мирза Ибрагимов, Гасан Гасанов, Агасалим Атакишиев в письме на имя Багирова от 26 декабря сообщили, что вопрос усиления министерств специалистами из Северного Азербайджана обсужден с Пишевари. Договорились, что в министерство внутренних дел надо послать одного человека по линии организации работы полиции и одного по линии разведки. В министерстве финансов в качестве специалиста по экономике и финансам можно использовать находящегося в Тебризе тов. Мамедова. В министерстве народного ополчения нужна группа военных специалистов по различным родам служб, в министерстве земледелия требуется один агроном-организатор, в министерстве юстиции – один специалист по суду и прокуратуре, в министерстве торговли – один специалист по организации торговли и кооперации. Для работы в министерствах просвещения и здравоохранения решено использовать работников советской школы и больницы в Тебризе¹⁴². Спустя несколько дней

во втором письме на имя Багирова сообщалось, что целесообразно подобрать и командировать в распоряжение Национального правительства Азербайджана 10 квалифицированных педагогов-историков для подготовки кадров из местного актива. Реагируя на эти запросы, Багиров дал распоряжение секретарю ЦК КП(б) Азербайджана Кафарзаде и наркому госбезопасности Емельянову максимум в десятидневный срок подобрать соответствующей квалификации людей, всесторонне проверить их, провести собеседование, с тем чтобы не позднее 15 января они были в Тебризе и могли оказать необходимую помощь¹⁴³.

Милли-меджлис, прервавший заседания в связи с траурными днями месяца Мухаррам, с 21 декабря возобновил работу. В первый день он принял закон «Об организации Азербайджанской народной армии». По закону, граждане, достигшие 20-летнего возраста, должны были призываться в народное ополчение сроком на 1,5 года. В законе указывалось, что народное ополчение создано насущной потребностью азербайджанского народа, для его защиты и обеспечения свободы. Воины и офицеры народной армии пользуются всеми правами, наравне с гражданами страны. Чтобы обезопасить автономию Азербайджана от враждебных акций, меджлис решил создать военно-полевые суды на срок до трех месяцев¹⁴⁴. В тот же день по рекомендации представителей Советского Азербайджана премьер Пишевари, министр юстиции Азима и министр внутренних дел доктор Джавид выступили с инициативой амнистировать политзаключенных и других азербайджанцев, арестованных иранскими органами власти. Амнистия касалась также лиц, осужденных азербайджанскими судами, но отбывающих наказание в Тегеране и других тюрьмах страны¹⁴⁵.

23 декабря министр образования Мохаммед Бирия издал приказ № 1 о начале преподавания в азербайджанских школах на родном языке. Была учреждена специальная комиссия по подготовке учебников на азербайджанском языке. Комиссии поручили в течение месяца организовать издание на родном языке всех учебников с первого по четвертый классы. Девятый пункт приказа гласил: «Всем директорам национальных и государственных школ поручается вплоть до получения новых учебников использовать имеющиеся учебники, но обучение вести на азербайджанском языке»¹⁴⁶.

Однако советское руководство неоднозначно восприняло первые законы милли-меджлиса. На имя М. Ибрагимова по ВЧ через Казвин поступила информация: «По вопросу принятия меджлисом 21 декабря законов о создании регулярных частей народного ополчения и военно-полевого суда Хозяин [Сталин. – Дж. Г.] поручил передать Вам, чтобы эти законы в печати не публиковать. Впредь о подлежа-

щих принятию межжлисом подобных законах, а также каких-либо серьезных мероприятиях правительства необходимо предварительно согласовывать с нами»¹⁴⁷. В последнюю декаду декабря иранское правительство осознало безвыходность своего положения и по подсказке политических кругов США и Британии сделало несколько шагов навстречу переговорам с Азербайджаном, но это были всего лишь неофициальные поездки в Тебриз авторитетных азербайджанцев или некогда работавших в Азербайджане известных лиц. Посещение этими лицами Азербайджана без согласования с Тебризом разрешили советские учреждения в Тегеране. Пишевари на такие действия реагировал резко отрицательно. Посланцы Советского Азербайджана поддерживали его в этом вопросе.

23 декабря лидеры Южного Азербайджана – Пишевари, Шабустари, Падеган, доктор Джавид, Бирия – обратились к секретарю ЦК КП(б) Азербайджана Багирову с пространным письмом, выглядевшим, скорее, как отчет и содержащим перечень проделанной работы. В послании говорилось: «Пятимиллионный народ Южного Азербайджана, имеющий свой язык, свою литературу, является народом, имеющим достаточные кадры и способным управлять своей судьбой. Атлантическая хартия, подписанная великими демократическими государствами мира еще три года тому назад, дала право азербайджанскому народу на независимое существование. Мы считаем, что для защиты прав пяти миллионов азербайджанского народа необходимо, в соответствии с современной обстановкой, создать в Азербайджане независимое демократическое республиканское правительство. Поэтому, наряду с разрешением азербайджанскому народу воспользоваться своими законными правами на создание независимого национального государства, просим Вас оказать нам содействие и создать условия для осуществления сокровенной мечты нашего народа, состоящей в объединении в ближайшем будущем этих двух братских республик. При этом мы считаем необходимым отметить, что восточные и южные границы этой республики должны проходить от порта Энзели (Пехлеви), который включается в пределы границы, через Решт, Менджиль, Казвин, Хамадан, Керманшах до границ Ирака, т. е. население, проживающее в пределах указанной границы, состоит исключительно из азербайджанцев и курдов»¹⁴⁸.

Письмо было секретным, но вопрос отделения Азербайджана и образования независимого государства уже обсуждался на всех уровнях, в том числе и среди политических и дипломатических работников, прибывших из Советского Азербайджана. В Тебризе сотрудники-азербайджанцы советского консульства вместе с «бакинской тройкой» планировали следующие ходы национально-освободитель-

ного движения в Южном Азербайджане. Вице-консул Багир Сеидзаде предлагал отделить Азербайджан от Ирана и создать самостоятельную республику. Член национального правительства Мохаммедаги Кабири с ним соглашался¹⁴⁹. В разгар этих обсуждений, 23 декабря, Мирза Ибрагимов из Тебриза сообщал Багирову: «Пишевари хочет встретиться с Вами. Считаю, что в настоящее время встреча с группой местных товарищей была бы очень полезной»¹⁵⁰. Тщательно следящий за политическими процессами в Южном Азербайджане американский консул в Тебризе также информировал госсекретаря, что с каждым днем усиливается тенденция к отрыву Азербайджана от Ирана. «Первоначально, – писал он, – стремление Азербайджана к автономии не выходило за пределы Ирана. Но теперь они открыто заявляют, что в случае невыполнения их требований они объявят о полном суверенитете... Тегеранское правительство должно осознать опасность появления суверенного государства под названием Азербайджан и попадания его в лапы Советов. Вчера советский консул был очень счастлив, объявляя Тебриз “новой национальной столицей”»¹⁵¹.

С окончанием процесса захвата власти в середине декабря 1945 г. на повестку дня встали серьезные финансово-экономические проблемы. С одной стороны, требовалось платить жалование государственным чиновникам, с другой – обеспечить население товарами первой необходимости, поддерживать партизанские отряды, восстановить деятельность давно простаивающих заводов и фабрик, возродить торговлю. Еще до образования национального правительства тегеранское правительство через банковскую систему заблаговременно вывезло из Азербайджана крупные денежные суммы и ценные бумаги. В таких условиях было невозможно вести крупные торговые операции.

Из-за отсутствия денег у населения правительство не могло собрать налоги и, соответственно, выплачивать зарплату бюджетникам. Амбары были забиты товарами, предназначенными на экспорт, а Тегеран препятствовал поступлению в Азербайджан импортных товаров. Правительство предупредило бизнесменов, что в случае, если Тегеран не вернет Азербайджану долги, то даже 25 % налоговых поступлений, причитающиеся центру, останутся в Азербайджане¹⁵². После всестороннего анализа экономической ситуации Багиров в середине декабря писал наркому внутренних дел Якубову и наркому госбезопасности Емельянову: «Судя по всему, товарищи еще не занялись вопросами экономики, финансов, транспорта, сельского хозяйства, снабжения населения и т. д. и, видимо, соответствующих людей для этого еще не подобрали. Если так будет долго продолжаться, то

и иранское правительство, и, в особенности, англичане через беков, помещиков и других финансовых и торговых дельцов могут организовать полный хозяйственно-экономический паралич всей жизни Иранского Азербайджана, что более опасно, чем создание 8–10 даже крупных вооруженных банд. Гораздо труднее справиться с голодным населением, которое не находит на рынке хлеба и других съестных продуктов. Надо... главные силы направить на экономику, на финансы, на промышленность и сельское хозяйство. В этом отношении мало-мальски честного, добросовестного и знающего человека надо использовать. Было бы неплохо на первое время создавать комитеты купцов, торговцев для налаживания нормальной торговли как внутри Азербайджана, так и на выгодных условиях для Азербайджана с другими районами Ирана. Без денег они ничего не смогут сделать, без денег не смогут содержать аппарат, не смогут иметь жандармерию, полицию. Поэтому надо наладить налоговый аппарат, чтобы налоги взимались своевременно, чтобы в казначействе и в других финансовых органах не было воров, жуликов. Если правительство Ирана, или шах, или кто-либо из министров захотят связаться с членами правительства Азербайджана, не отказываться от переговоров. Исключительное внимание должны уделить охране границы с Ираком, в особенности с Турцией, потому что оттуда могут быть переброшены целыми группами всякие агитаторы, пропагандисты, диверсанты под видом сочувствующих, под видом “друзей”. Надо стараться, чтобы купечество, торговцы и другие деловые люди не уезжали бы из Азербайджана, не пугать их, а, наоборот, надо, чтобы они были инициаторами того, чтобы и деньги, и товары, и продукты привозились из других районов Ирана в Азербайджан. Во всем надо делать все, чтобы показать, что действительно автономия Азербайджана не только резко улучшает положение азербайджанцев, но что азербайджанцы еще более чутко и внимательно готовы сотрудничать и жить со всеми народами Ирана и другими народами»¹⁵³. А главное, настаивал Багиров, внутри национального движения руководство должно быть солидарно, едино во мнениях, демонстративно доверять друг другу.

Поднятые Багировым проблемы серьезно беспокоили и посланцев Советского Азербайджана. 25 декабря они собрались на совещание в генконсульстве СССР. Советский торговый представитель Зинин заявил, что сейчас он никакую торговлю не может вести, ни покупать, ни продавать не намерен. Сабзи и миндаль местные купцы вывозят в Тегеран и продают по дорогой цене. По этим ценам торгпредство покупать не может. Зинин заявил, что необходимо поручить национальному правительству не пропускать эти

товары из Азербайджана. Мирза Ибрагимов и Гасан Гасанов сказали, что это возможно, но в такое время нельзя сделать так, чтобы сабзи и миндаль покупали почти даром, это вызовет массовое недовольство: «Необходимо в Азербайджане, где народно-демократический строй победил, ввести справедливые доступные цены»¹⁵⁴. Правительство дало указание министерству торговли выявленные в амбарах и принадлежащие государству 6 тонн сахара, табака и другие товары продать, а вырученные деньги направить на покрытие расходов городского хозяйства. Приступили к пуску фабрик и заводов. Обратились к Министерству легкой промышленности Азербайджанской ССР. Для оживления деятельности Тебризского филиала Иранского банка были осуществлены мероприятия по линии Русско-иранского банка и советского торгпредства. Советский Азербайджан взял на себя обеспечение Южного Азербайджана нефтью и нефтепродуктами. Для решения проблем национального правительства со смазочными и горючими материалами Главнефтеснаб Азербайджанской ССР получил указание ежемесячно выделять Южному Азербайджану 1 000 тонн керосина, 150 тонн бензина, 350 тонн газойля, 300 тонн мазута и 25 тонн смазочных масел¹⁵⁵. Кроме того, М. Сарыджалинскому велели ускорить организацию ферм среди шахсеванских племен и населения Ардебильской области, учитывая интересы как демократического движения, так и торговли. На удовлетворение потребностей шахсеванов отпустили 400 тыс. метров материи и хлопка, 30 тыс. пар калош, 120 тонн сахара, 360 тонн керосина¹⁵⁶. Торговым организациям Советского Азербайджана поручили изыскать пути возможной скупки накопившихся в Южном Азербайджане товаров.

Декабрь месяц, оставивший глубокий след в судьбе и истории Южного Азербайджана, подходил к концу. Интересующиеся иранскими событиями с тревогой ожидали, чем все закончится. 29 декабря новоназначенный американский консул в Тебризе Роберт Россоу изъявил желание непосредственно от Пишевари услышать, чего хотят демократы. Сам факт этой встречи говорил о растущем международном внимании к событиям в Азербайджане. Лидер АДП четко заявил, что мечтает решить все вопросы мирным путем, но Тегеран грозит пустить в ход танки и пушки, а в таком случае азербайджанцы будут себя защищать¹⁵⁷. День спустя Багиров докладывал в Москву: «Нам кажется, что эта встреча американского консула преследовала двоякую цель: во-первых, выяснить, не собираются ли азербайджанские демократы пойти дальше в своих требованиях, т. е. ставить вопрос об отделении от Ирана, и, во-вторых, зондировать почву о возможных уступках со стороны демократов в некоторых своих первоначальных

требованиях. Мы посоветовали Пишевари, чтобы он при дальнейших разговорах с иностранными представителями твердо стоял на всех требованиях, которые изложены в опубликованных документах Национального собрания и меджлиса»¹⁵⁸.

Одновременно и Роберт Россоу послал обширный доклад о своей встрече госсекретарю Джеймсу Бирнсу, отмечая: «Сегодня утром премьер-министр провинции Азербайджан Пишевари сообщил мне о желании сохранить Азербайджан в составе Ирана, однако, не надеясь на центральное правительство, он вынужден сохранять отряды милиционеров. По его словам, имеются также небезосновательные опасения, что Иран оккупирует Азербайджан и ликвидирует проведенные реформы. Пишевари доказывает намерение Азербайджана остаться в составе Ирана тем, что в его правительстве нет должности министра иностранных дел. Вместе с тем он отметил, что Азербайджан стремится оградить свои права от воздействия центрального правительства. Добавил, что не верит в гарантии и реформы, обещанные шахом, так как шах молод и неопытен и способен поменять свое мнение за одну ночь. Однако Пишевари обещал, что будет участвовать во всех конституционных конвенциях, гарантирующих права регионов. Он неоднократно повторил, что двери для переговоров с центральным правительством всегда открыты: тегеранскому руководству самому решать, присылать или не присылать полномочного представителя для переговоров с ним... Затем он обещал быть открытым и перед каждой важной акцией советоваться со мной. В целом, Пишевари оставляет впечатление контактного и разумного человека, даже более, чем я ожидал, и поразил меня своей открытостью»¹⁵⁹. О советской политике в Южном Азербайджане Россоу писал: «СССР хочет расширить свое военное присутствие в Иране, ссылаясь на необходимость “защиты” Азербайджана и других провинций от агрессии деспотического Тегерана. Поэтому США должны способствовать национальной целостности Ирана, чтобы СССР или выполнял план эвакуации своих войск, или дезавуировал свои агрессивные намерения». Россоу рекомендовал, чтобы американское посольство предложило иранскому правительству все возможные альтернативные ходы и склонило его к переговорам с Азербайджаном: «В противном случае регион объявит о своей независимости и будет искать себе заступника»¹⁶⁰.

Для подробного отчета о новой ситуации, сложившейся в Южном Азербайджане после захвата власти, 26 декабря спецпоездом в Баку выехали: член «бакинской тройки» Гасан Гасанов, заместитель наркома государственной безопасности Азербайджанской ССР Эюб Керимов, главный резидент в Тебризе и вице-консул Нурмамед

Кулиев, секретарь ЦК АДП Садыг Падеган и другие. 28 декабря Багиров принял Гасанова и Падегана. Выслушав информацию о положении дел в Иранском Азербайджане, Багиров выразил удовлетворение работой «бакинской тройки» в Иране. Затем он поручил составить справку по всем вопросам и подробно рассказать, чего хотят демократы. Собрание длилось до 5 утра. 30 декабря все справки по всем направлениям были готовы. В них нашли отраженные вопросы: эквивалентной справедливой торговли СССР с демократами Иранского Азербайджана; завоза нефтепродуктов из Баку в Иранский Азербайджан; посылки из Баку к демократам советников; посылки квалифицированных партийных работников для помощи АДП в подготовке кадров; передачи оборудования трикотажной фабрики национальному правительству; посылки группы врачей и медикаментов в Иранский Азербайджан; отпуска труб для проведения водопровода в Тебриз; отправки в Иранский Азербайджан горных инженеров для изучения ископаемых богатств и т. п.¹⁶¹ В тот же вечер в здании ЦК Багиров провел обсуждение этих справок. Он хотел лично услышать из уст представителей Тебриза – чего же они хотят: автономии в пределах Ирана или быть независимой республикой? По этому вопросу выступили Садыг Падеган, Гасан Гасанов, Нурмамед Кулиев и другие. После долгих дискуссий пришли к решению, что было бы целесообразно провозгласить Азербайджан самостоятельной республикой. Но, по мнению Багирова, это следовало обосновать, чтобы получить благословение Москвы, а документ с обоснованием должно подписать руководство АДП. После окончания обсуждений Багиров вместе с секретарями ЦК вновь вернулся к этому вопросу и сказал Гасанову: «Надо больше дать самостоятельности демократам, чтобы сами решали свои вопросы и больше проявляли инициативы»¹⁶².

По результатам обсуждений Багиров 31 декабря через М. Якубова и С. Емельянова отправил лидерам АДП свои рекомендации, в которых отмечалось главное: «Что сделать практически? Они готовятся, и вы готовьтесь. Они готовятся проглотить вас, а вы готовьтесь к самозащите. Нужно наряду с этим готовить мировое общественное мнение к тому, что будем требовать – автономию или отделение. Поднять шум, что вооруженные силы готовят реакцию, что мы все проделки и планы их знаем, что до последней капли крови будем драться. Но прежде всего, раньше всего надеемся на демократические страны, на прогрессивное человечество. В то время, когда во всем мире идет речь о прогрессе, о демократии, оставлять средневековые порядки в Иранском Азербайджане нельзя. Кричать каждый день

через тегеранскую печать, что вас душат, грабят, убивают, и просить помощи мировой общественности»¹⁶³.

Вечером 31 декабря все прибывшие из Тебриза гости собрались в новой квартире Гасана Гасанова. Сюда же пришли Расул Рза, Джафар Джафаров и Энвер Мамедханов, хан Шушинский. Разговор о национально-освободительном движении в Иранском Азербайджане длился до 6 часов утра. После пяти лет Великой Отечественной войны Азербайджан впервые встречал новый год в мирной обстановке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование роли и места СССР в ближневосточной политике в период с 1939 по 1945 г. дало целый ряд важных результатов. В эти годы Советский Азербайджан был частью Советского Союза и имел долю в растущем международном влиянии СССР, т. к. еще в 1922 г. национальные республики перепоручили свои внешнеполитические права Москве. Так продолжалось до 1944 г., пока в советских республиках не были восстановлены народные комиссариаты иностранных дел, но исследования показали, что с началом Второй мировой войны азербайджанский вопрос вновь стал предметом международных обсуждений. Растущее значение нефти в мировой политике в 1939–1940 гг. вывело Баку в центр дипломатических переговоров союзных держав. Англичане и французы опасались, что азербайджанская нефть может попасть в руки фашистской Германии, и разрабатывали различные варианты бомбардировки бакинских нефтепромыслов. С этой целью создавались авиабазы в Сирии и на севере Ирака, начались военные приготовления. Научные исследования подтвердили, что весной 1940 г. капитуляция Франции избавила бакинские промыслы от воздушных налетов союзников. Это важное научное обобщение может быть расценено как новое направление в истории республиканской дипломатии.

Вступление СССР в мировую войну в июне 1941 г. ознаменовало начало нового этапа в судьбе Кавказского и Ближневосточного регионов. Исследования показали, что на этом новом этапе обеспечение безопасности нефтяной промышленности Азербайджана стало общей задачей союзников. В дипломатической и межгосударственной переписке глав государств, министров иностранных дел, командующих войсками, в донесениях разведорганов неоднократно признавалось значение бакинской нефти для победы над врагом. Те, кто некогда планировал бомбардировку промыслов, теперь искали пути обеспечения их безопасности. Во время войны нефть впервые стала не только экономическим и стратегическим материалом, но приобрела и политический смысл. В секретной переписке глав союзных государств, в документах военных экспертов неоднократно и высоко

оценивалась роль азербайджанской нефти в коренном переломе хода войны и обеспечении победы над фашизмом.

Союзники вынесли на своих плечах всю тяжесть Второй мировой войны, но между ними возникли и трения по причине борьбы за нефть. Эти трения проявились еще в период жестоких боев на фронте. Даже после окончания войны в Европе и Азии, наперекор международным договорам, Советский Союз пытался оставить в Иране свои войска, чтобы сохранить в безопасности бакинские нефтепромыслы. Мы считаем, что подтверждение этой идеи в истории международных отношений превращает Советский Азербайджан в субъект дипломатического противостояния. А это, в свою очередь, позволяет определить место Азербайджана при переходе от сотрудничества союзников в военное время к первому противостоянию в «холодной войне». В 1940-е гг. термин «дипломатия нефти» характеризовал своеобразное место Баку в международных отношениях.

Вступление советских и британских войск в Иран поставило на повестку дня вопрос Южного Азербайджана. Происшедшие в 1939–1940 гг. изменения границ в Восточной Европе и на Балканах дали повод ожидать подобного и в Южном Азербайджане. С этой целью в первые месяцы войны из Советского Азербайджана в Иран была послана тысяча политработников, сформированная из партийных, советских, хозяйственных, культурных работников и журналистов. Являя собой первый образец «народной дипломатии», эти люди служили посланцами за рубежом Советского Азербайджана, пока еще не имеющего своего внешнеполитического учреждения. 29 января 1942 г. правительства СССР, Великобритании и Ирана подписали трехсторонний договор о территориальной целостности Ирана, после чего первую группу политработников во главе с Азизом Алиевым отозвали из Ирана в связи со слабостью положения СССР на фронтах войны и взятыми им на себя международными обязательствами. Но как только в ходе Великой Отечественной войны произошел коренной перелом, советское руководство вновь вернулось к иранскому вопросу и решило укрепить свои позиции в Южном Азербайджане. Не случайно начиная с весны 1944 г. в Тебриз был командирован второй отряд политработников Советского Азербайджана, и многие из них уже имели официальные дипломатические ранги. Изучение деятельности политических, дипломатических, военных и культурных работников из Советского Азербайджана в Южном Азербайджане можно охарактеризовать как важные и интересные страницы истории Азербайджана XX в., его зарубежных связей и в целом истории его дипломатии.

В 1944 г. была восстановлена деятельность наркоматов иностранных дел советских республик. Подобный наркомат появился и в Азербайджанской ССР. Махмуд Алиев, работавший заместителем наркома иностранных дел СССР, занял пост республиканского наркома. Сам факт того, что на эту должность назначили человека, управлявшего внешней политикой такой большой страны, как СССР, возвысил Азербайджан в ряду советских республик и показал важность роли Азербайджана в реализации восточной политики СССР. Это превосходство выразилось в организационных возможностях республиканского НКВД, в подготовке дипломатических кадров, упорядочении протокольно-консульских работ и в первых дипломатических шагах в Южном Азербайджане. С учетом опыта работы Махмуда Алиева в НКВД СССР в некоторых вопросах внешних связей Азербайджан рассматривался в качестве регионального центра Южного Кавказа, но вместе с тем исследования показали, что наркоматы иностранных дел в союзных республиках были созданы не для расширения прав республик и усиления их независимости, а под давлением международных условий и политической конъюнктуры.

В мае 1945 г. война в Европе завершилась. Победа над Германией породила различные требования СССР в отношении соседних стран. В июне 1945 г. прозвучали его претензии на восточные вилайеты Турции, на совместное управление проливами Босфор и Дарданеллы, а также строительство военно-морской базы в проливах. Советская антитурецкая политика втянула в свою орбиту и советские республики Южного Кавказа, а советские политтехнологи сформировали в лице Турции первый образ врага эпохи «холодной войны». Начиная с лета 1945 г. территориальные требования СССР к Турции приобрели интенсивный характер и вызвали решение советского правительства о репатриации зарубежных армян в Советскую Армению. Основанные на региональных противоречиях, эти шаги привели к депортации коренного азербайджанского населения. Власти ссылались на необходимость обеспечения армян жильем и землей. Изучение политических и международных составляющих этих событий, закулисных интриг антитурецкой дипломатии Сталина дает ключ к пониманию некоторых важных аспектов политической истории Советского Союза.

Проведенные исследования позволили обнаружить, что с середины 1945 г. в Баку зачастили весьма солидные делегации из США, Великобритании и других западных стран. Их желание увидеть кроме Москвы и столицу одной из союзных республик, Азербайджанской ССР, говорило о высоком международном рейтинге республики. Здесь следует отметить два важных фактора. Первый из них – бакин-

ская нефть, имевшая исключительное значение как в годы войны, так и в послевоенном мире. Второй фактор связан с дипломатической борьбой вокруг проблемы Иранского Азербайджана. С одной стороны, эти визиты действительно объяснялись намерением познакомиться с Советским Азербайджаном, но, с другой стороны, – острым желанием предугадать перспективы бакинской нефти и Южного Азербайджана.

Сразу после поражения Германии, в июне–июле 1945 г., в городах Иранского Азербайджана открылись филиалы промышленных предприятий Советского Азербайджана, начались геологоразведочные работы на нефть на южных берегах Каспия, что, так же как организация сепаратистского движения, подтверждает стремление СССР к расширению в сторону теплых морей. Практически в то же время в СССР принимались решения о поддержке движения уйгуров в Восточном Туркестане (провинция Синьцзян, Китай), тоже свидетельствовавшие о серьезном намерении Москвы расширить южные границы. Принятые в середине 1945 г. секретные решения по Ирану, Турции и Восточному Туркестану стимулировали реализацию советской стратегии экспансии на Ближнем и Среднем Востоке, а советские республики вдоль границ активно участвовали в этом первом противостоянии «холодной войны». Советский Союз преследовал в Иране нефтяные, а в Южном Азербайджане территориальные интересы. Кремлевские лидеры были настроены решительно. К концу Второй мировой войны эти интересы превратились в главный вектор внешней политики СССР. В деле достижения обеих стратегических целей советской внешней политики активную роль играли руководство Азербайджана, республиканский НКВД и другие местные органы. В тот исторический момент политические и экономические интересы СССР в Иране совпали с национальными интересами азербайджанцев, проживающих по обе стороны Аракса. По окончании мировой войны Южный Азербайджан превратился в главную арену борьбы между Западом и Востоком, и тогда советская политика в Иране, Турции и Восточном Туркестане вступила в новую стадию.

В рамках иранской политики СССР начались события в Иранском Азербайджане, которые открыли перед республиканским НКВД широкое поле деятельности. Сотни северных азербайджанцев, командированных из Баку в Тегеран, различные города Иранского Азербайджана и в прикаспийские области, получили там большой политический, военный и дипломатический опыт, став участниками первого противостояния «холодной войны». Новая идея, что «холодная война», почти пятьдесят лет державшая мир в напряжении, зародилась в Иранском Азербайджане, может быть расценена как

важнейшая политическая констатация в современной исторической науке, и в этом историческом процессе Советский Союз сыграл свою роль. Осенью 1945 г. в Иранском Азербайджане произошли драматические события, превратившие азербайджанский вопрос в одну из острых проблем мировой политики. Впереди, на фоне углубления противостояния Запада и Востока, обоим Азербайджанам предстояли тяжелые испытания.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- ¹ Документы внешней политики СССР. Т. XXII: В 2 кн. М., 1992; Т. XXIII. Кн. 1. М., 1995; Т. XXIII. Кн. 2. М., 1998; Т. XXIV. М., 2000; Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б): Повестки дня заседаний. М., 2001. Т. II: 1930–1939; Т. III: 1940–1952; Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.): Сб. документов. М., 1984; Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). М., 1978; Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. документов. Т. I. Кн. 1 (ноябрь 1938 г. – декабрь 1940 г.). М., 1995; Сталинские депортации, 1928–1953 / под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева. М., 2005; Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004; Die Geheimakten des französischen Generalstabes: Sechstes Weißbuch der Deutschen Regierung / Auswärtiges Amt. Berlin, 1941. Faks.: Viöl, 1995; Documents diplomatiques français. Série Deuxième Guerre / sous la dir. d'A. Kaspi. Bruxelles, 2002.
- ² См. номера газет «Коммунист» и «Бакинский рабочий» за 1941–1945 гг. См. также: Мехтиев Г. Деятельность Коммунистической партии Азербайджана в годы Великой Отечественной войны. Баку, 1967.
- ³ Все номера изданной в Берлине газеты «Азербайджан» см.: http://zefys.staatsbibliothek-berlin.de/en/list/title/zdb/24322805/?no_cache=1
- ⁴ Caroe O. Soviet Empire. The Turks of Central Asia and Stalinism. New York, 1954; Dallin A. German Rule in Russia, 1941–1945. A Study of Occupation Policies. London; New York, 1957; Kreckler L. Deutschland und die Türkei im Zweiten Weltkrieg. Frankfurt, 1964; Jeloschek A., Richter F., Schütte E., Semler J. Freiwillige vom Kaukasus. Georgier, Armenier, Aserbaidshaner, Tschetschenen u. a. auf deutscher Seite. Der «Sonderverband Bergmann» und sein Gründer Theodor Oberländer. Graz; Stuttgart, 2003; Andican A. Cedidizm'den Bağımsızlığa Hariçte Türküstan Mücadelesi. İstanbul, 2003; Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа (1921–1945).

Тбилиси; Париж, 2012; Чуев С. Г. Кавказская карта Германии // Военно-исторический архив. 2004. № 1; Безугольный А. Ю. Кавказские национальные формирования в политических дискуссиях в период обороны Кавказа // Военно-исторический архив. 2004. № 10.

- ⁵ Azərbaycan tarixi. Yeddi cilddə. Yeddinci cild. Bakı, 2003; Mədətov Q. Azərbaycan Böyük Vətən müharibəsində (1941–1945-ci illər). Bakı, 1975; Bağırzadə Ə. Azərbaycan ziyahları Böyük Vətən müharibəsi illərində. Bakı, 1970; Əmrahov M. İkinci dünya müharibəsi, 1939–1945. Bakı, 2010; İsmayilov İ. Azərbaycanlıların II dünya müharibəsində iştirakı. Bakı, 2000; Musayev İ. Azərbaycanın xarici siyasəti. İkinci hissə: 1920–1991. Bakı, 2010; Rüstəmovatohidi S. Kominternin Şərq siyasəti və İran, 1919–1943. Bakı, 2002; Tağıyeva Ş., Rəhimli Ə., Bayramzadə S. Güney Azərbaycan. Bakı, 2000; Азербайджан в период войны 1941–1945 гг.: Сб. статей. Баку, 2008; Абасов М. Бакинская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Баку, 1990; Абасов М., Гритченко А., Зейналов Р. Азербайджан в годы Великой Отечественной войны. Баку, 1990; Алиев С. М. История Ирана. XX век. М., 2004; Киреев Н. Г. История Турции. XX век. М., 2007; Hoffmann L. Die Kaukasien 1942–1943: Das deutsche Heer und die Ostvölker der Sowjetunion. Freiburg, 1991; Swietochowski T. Russia and Azerbaijan. A Borderland in Transition. New York, 1995; Mühlen P., von zur. Gamalıhaç İle Kızılyıldız Arasında. Ankara, 1984; Bamberg J. H. The History of the British Petroleum Company. The Anglo-Iranian Years, 1928–1954. Cambridge, 1994; Glasneck J., Kircheisen I. Türkei und Afghanistan – Brennpunkte der Orientpolitik im Zweiten Weltkrieg. Berlin (Ost), 1968.
- ⁶ Наджафов В. Г. Пакт, изменивший ход истории. М., 2015; Гайдук И. В. ООН и Иранский кризис 1946 года // Новая и новейшая история. 2011. № 5; Чубарьян А. О. Канун трагедии: Сталин и международный кризис, сентябрь 1939 – июнь 1941 года. М., 2008; Мамулия Г., Абуталыбов Р. Страна огней. В борьбе за свободу и независимость: Политическая история азербайджанской эмиграции. Париж; Баку, 2014; Osborn P. R. Operation Pike. Britain Versus the Soviet Union, 1939–1941. Westport, Conn.; London, 1966; Önder Z. II. Dünya Savaşında Türk Dış Politikası. Ankara, 2010; Hasanlı C. Soğuk Savaşın ilk çatışması: İran Azərbaycanı. İstanbul, 2005; Idem. Tarafsızlıktan Soğuk Savaş: Türk-Sovyet İlişkileri, 1939–1953. Ankara, 2011; Kahle G. Das Kaukasusprojekt der Alliierten vom Jahre 1940. Opladen, 1973; Mamoulia G. Les Combats indépendantistes des Caucasiens entre URSS et puissances occidentales. Le cas de la Géorgie (1921–1945). Paris, 2009; Hasanli J. Der Kampf um das Erdöl im Nahen und Mittleren Osten // Stalins Wirtschaftspolitik an der sowjetischen Peripherie. Ein Überblick auf der Basis sowjetischer und osteuropäischer Quellen / hg. W. M. Iber, P. Ruggenthaler. Innsbruck; Wien; Bozen, 2011; Kuniholm B. R. The Origins of the Cold War in the Near East: Great Power Conflict and Diplomacy in Iran, Turkey, and Greece. Princeton, 1994; Blake K. The U. S. – Soviet Confrontation in Iran,

1945–1962. A Case and Annals of the Cold War. Lanham; Boulder; New York; Toronto; Plymouth, 2009.

- 7 Tağıyeva Ş., Rəhimli Ə., Bayramzadə S. Güney Azərbaycan; Həsənlі C. Güney Azərbaycanında Sovet-Amerika-İngiltərə qarşিদurması (1941–1946). Bakı, 2001; Rəhimli Ə. Mübarizə burulğanında keçən ömür: Seyid Cəfər Pişəvəri. Bakı, 2009; Сеидбекова Л. «Турецкий кризис» и великие державы в первые годы «холодной войны» (1945–1947): Автореф. Баку, 2012; Scheid Raine F. Stalin, Bagirov and Soviet Politics in Iran, 1939–1946: Ph. D. diss., Yale University, 2000; Idem. Stalin and the Creation of the Azerbaijan Democratic Party in Iran, 1945 // Cold War History. 2001. Vol. 2. No. 1; Idem. The Iranian Crisis of 1946 and the Origins of Cold War // Origins of the Cold War. An International History / ed. M. P. Leffler, D. S. Painter. 2nd ed. New York; London, 2005; Hasanli J. The «Turkish Crisis» of the Cold War Period and the South Caucasian Republic // The Caucasus and Globalization. 2008. Vol. 2. No. 4; 2009. Vol. 3. No. 1; Idem. Iranian Azerbaijan: The Epicenter of a Cold War // The Caucasus and Globalization. 2008. Vol. 2. No. 1–2; Hasanli J., Zubok V. La prima crisi della guerra fredda: Mosca e il petrolio iraniano (1943–1946) // Ventunesimo Secolo. 2007. № 13; Hasanli J. La «crisi turca» nella guerra fredda // Ventunesimo Secolo. 2009. № 19; Morozova I. Contemporary Azerbaijani Historiography on the Problem of «South Azerbaijan» after WWII // Iran and the Caucasus. Vol. 9. Leiden, 2005; Azimi F. Iran: The Crisis of Democracy. From the Exile of Reza Shah to the Fall of Musaddiq. London; New York, 2009; Rieber A. Stalin and the Struggle for Supremacy in Eurasia. Cambridge, 2015.
- 8 Həsənlі C. Güney Azərbaycanında Sovet-Amerika-İngiltərə qarşিদurması; Idem. SSRİ–Türkiyə: Soyuq müharibənin sınaq meydanı, 1939–1953. Bakı, 2005; Березин О. К. Неизученная кампания: Иран, август 1941 // Военно-исторический архив. 2004. № 8; Оришев А. Б. Политика нацистской Германии в Иране. СПб., 2005; Его же. Иранский узел: Схватка разведок, 1936–1945 гг. М., 2009; Юнгблюд В. Т., Чучкалов А. В. Политика США в Иране в годы Второй мировой войны. Киров, 2011; Егорова Н. И. «Иранский кризис» 1945–1946 гг.: По рассекреченным архивным материалам // Новая и новейшая история. 1994. № 3; Гасанлы Дж. СССР–Иран: Азербайджанский кризис и начало холодной войны, 1941–1946. М., 2006; Его же. СССР–Турция: От нейтралитета к холодной войне, 1939–1953 гг. М., 2008; Печатнов В. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. Документальные очерки. М., 2006; L'Estrange Fawcett L. Iran and the Cold War: The Azerbaijan Crisis of 1946. Cambridge, 1992; Hasanli J. At the Dawn of the Cold War: The Soviet-American Crisis over Iranian Azerbaijan, 1941–1946. Lanham; Boulder; New York; Toronto; Oxford, 2006; Idem. Stalin and Turkish Crisis of the Cold War, 1945–1953. Lanham; Boulder; New York; Toronto; Plymouth, 2011; Roberts G. Moscow's Cold War on the Periphery:

Soviet Policy in Greece, Iran, and Turkey, 1943–8 // *Journal of Contemporary History*. 2011. Vol. 46. No. 1.

- ⁹ General Qulam Yəhya. *Xatirələr*. Bakı, 2006; Novruzov İ. *Azərbaycan kartı. İran xatirələri*. Bakı, 1997; Гасанов Г. *Иранский дневник (1944–1946)*. Баку, 2007; Саед Марагеи М. *Хатерат-е сияси*. Тегеран, 1994 (фарси); Massigli R. *La Turquie devant la guerre: Mission à Ankara, 1939–1940*. Paris, 1964; *The Diary of Georgi Dimitrov, 1933–1949*. New Haven, CT, 2003; *Xaterat doctor Nüsətullah Cahanşahlu Afşar. Sərgözəşt. Mə və biganegan*. Berlin, 2001.

Глава I

- ¹ Подробнее см.: Наджафов В. Г. *Пакт, изменивший ход истории*. М., 2015. С. 186.
- ² См.: Чубарьян А. О. *Канун трагедии: Сталин и международный кризис, сентябрь 1939 – июнь 1941 года*. М., 2008. С. 34; Rieber A. *Stalin and the Struggle for Supremacy in Eurasia*. Cambridge, 2015. P. 198–199.
- ³ Подробнее см.: *Международный кризис 1939–1941 гг.: От советско-германских договоров 1939 года до нападения Германии на СССР*. М., 2006. С. 560; Rieber A. *Stalin and the Struggle for Supremacy in Eurasia*. P. 201.
- ⁴ Стенограмма переговоров Сталина и Молотова с Сараджоглу, 1 октября 1939 г.: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 388. Л. 21.
- ⁵ *Великая Отечественная война: Энциклопедия*. М., 2010. С. 9.
- ⁶ Стенограмма переговоров Сталина и Молотова с Сараджоглу, 1 октября 1939 г.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 388. Л. 20. Подробнее см.: Hasanli J. *Stalin and Turkish Crisis of the Cold War, 1945–1953*. Lanham; Boulder; New York; Toronto; Plymouth, 2011. P. 4–8.
- ⁷ *From Papen to Ribbentrop, August 24, 1939 // Documents on German Foreign Policy, 1918–1945 (DGFP). Series D. Vol. VII: The War Years*. Washington, 1956. P. 260.
- ⁸ *From Papen to Ribbentrop, September 1, 1939 // DGFP. Series D. Vol. VII*. P. 390.
- ⁹ *Ibid.* P. 391.
- ¹⁰ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 388. Л. 22.
- ¹¹ *Димитров Г. Дневник (9 март 1933 – 6 февруари 1949)*. София, 1997. С. 203; *The Diary of Georgi Dimitrov, 1933–1949*. New Haven, CT, 2003. P. 137; Westad O. A. *The Global Cold War. Third World Interventions and the Making of Our Times*. Cambridge, 2007. P. 59.
- ¹² *Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа (1921–1945)*. Тбилиси; Париж, 2012. С. 338.

- ¹³ См.: Rieber A. Stalin and the Struggle for Supremacy in Eurasia. P. 221.
- ¹⁴ См.: Мамулия Г., Абуталыбов Р. Страна огней. В борьбе за свободу и независимость: Политическая история азербайджанской эмиграции. Париж; Баку, 2014. С. 452.
- ¹⁵ Там же. С. 443–444.
- ¹⁶ M. Y. Mehtiev (président de la délégation) à Son Excellence Monsieur G. Bonnet, ministre des Affaires étrangères de la République Française, Paris, 12.09.1939: Ministère des Affaires Étrangères de France, Archives Diplomatique (AD–MAE). CPC, 1918–1940. Série Z (Europe). Dossier Russie (nationalités et régionalisme). Vol. 1093. F. 332.
- ¹⁷ M. Y. Mehtiev (président de la délégation) à Monsieur le Haut commissaire, Commissariat général à l'Information, Paris, 21.09.1939: Ibid. F. 341.
- ¹⁸ Le Commissaire général à l'Information à Son Excellence Monsieur Ed. Daladier, président du Conseil, ministre des Affaires Étrangères, de la Défense Nationale et de la Guerre. A. S. de la délégation nationale d'Azerbaïdjan, Paris, 07.12.1939: Ibid. F. 340.
- ¹⁹ Le président du Conseil, Ministre des Affaires Étrangères, à Monsieur le Commissaire général à l'Information. A. S. de la délégation nationale de l'Azerbaïdjan, Paris, 26.12.1939: Ibid. F. 342.
- ²⁰ См.: Lenczowski G. The Middle East in World Affairs. New York, 1962. P. 143.
- ²¹ Mamoulia G. Les Combats indépendantistes des Caucasiens entre URSS et puissances occidentales. Le cas de la Géorgie (1921–1945). Paris, 2009. P. 239.
- ²² Önder Z. II. Dünya Savaşında Türk Dış Politikası. Ankara, 2010. S. 50.
- ²³ Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 337.
- ²⁴ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. документов. Т. I. Кн. 1 (ноябрь 1938 г. – декабрь 1940 г.). М., 1995. С. 94–95.
- ²⁵ Султанов Ч. А. Нефть. Баку, 2000. С. 112.
- ²⁶ Подробнее см.: Mamoulia G. Les Combats indépendantistes des Caucasiens entre URSS et puissances occidentales. P. 239–271.
- ²⁷ Télégramme de Moscou № 1742, le 23 decembre 1939: AD–MAE. Deuxième guerre 1939–1945. Papiers 1940, papiers Rochat. D. № 36 (URSS). F. 93.
- ²⁸ Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 341.
- ²⁹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. I. Кн. 1. С. 349–351.
- ³⁰ Conditions et modalités d'une attaque contre les centres petroliers du Caucase, le 23 decembre 1939: AD–MAE. Deuxième guerre 1939–1945. Papiers 1940, papiers Rochat. D. № 36. F. 66.

- 31 Conditions et modalités d'une attaque contre les centres pétroliers du Caucase, le 23 décembre 1939: AD-MAE. Deuxième guerre 1939-1945. Papiers 1940, papiers Rochat. D. № 36. F. 70-74. Дополнительную информацию см.: Osborn P. R. Operation Pike. Britain Versus the Soviet Union, 1939-1941. Westport, Conn.; London, 1966. P. 30.
- 32 Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 346-347.
- 33 См.: Prométhée. 1940. 25 avril. P. 33-34: AD-MAE. CPC, 1918-1940. Série Z. Dossier Russie (nationalités et régionalisme). Vol. 659. F. 192-193.
- 34 Ambassadeur de la France à Londres Ch. Corbin. La Question du Caucase, le 9 mars 1940: Ibid. F. 192-193.
- 35 Dr. M. Y. Mehtiev (président de la délégation nationale d'Azerbaïdjan) à Son Excellence Monsieur E. Daladier, président du Conseil, ministre des Affaires étrangères. Paris, 26.01.1940: Ibid. Vol. 1093. F. 344-347.
- 36 A. Atamalibekoff. Mémoire aux Polonais, 25.01.1940: Archives d'Ali Mardan-bey Topchibachi (CERCEC, EHESS, Paris). Carton № 10/1. P. 1-3.
- 37 См.: Мамулия Г., Абуталыбов Р. Страна огней. С. 463-464.
- 38 Les peuples de la race turque de l'URSS, mars 1940: Archives d'Ali Mardan-bey Topchibachi. Carton № 10/2. P. 1-5.
- 39 Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. I. Кн. 1. С. 361-362. Дополнительную информацию см.: Önder Z. II. Dünya Savaşında Türk Dış Politikası. S. 51; Glasneck J., Kircheisen I. Türkei und Afghanistan – Brennpunkte der Orientpolitik im Zweiten Weltkrieg. Berlin (Ost), 1968. S. 53; Langer W. L., Gleason S. E. The Challenge to Isolation, 1937-1940. New York, 1952. P. 390; Beloff M. The Foreign Policy of Soviet Russia, 1929-1941. New York, 1952. P. 301.
- 40 Önder Z. II. Dünya Savaşında Türk Dış Politikası. S. 51.
- 41 Massigli R. La Turquie devant la guerre: Mission à Ankara, 1939-1940. Paris, 1964. P. 37.
- 42 См.: Мамулия Г., Абуталыбов Р. Страна огней. С. 475-476.
- 43 Bibliothèque de Documentation Internationale Contemporaine (BDIC). Microfilms des archives du gouvernement Géorgien. Mfm. 881. Bobine 127. Подробнее см.: Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 520-521.
- 44 Pacte de la Confédération du Caucase, le 28 mai 1940: AD-MAE. CPC, 1918-1940. Série Z. Dossier Russie (nationalités et régionalisme). Vol. 1093. F. 381-382.
- 45 Önder Z. II. Dünya Savaşında Türk Dış Politikası. S. 51.
- 46 Ibid. S. 52.
- 47 Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 374. См. также: Мамулия Г., Абуталыбов Р. Страна огней. С. 491.

- 48 Bakou, centre vital de la puissance soviétique. Comment le détruire, le 18 février 1940: AD-MAE. Deuxième guerre 1939–1945. Papiers 1940, papiers Rochat. D. № 36. F. 225–226.
- 49 Die Geheimakten des französischen Generalstabes: Sechstes Weißbuch der Deutschen Regierung / Auswärtiges Amt. Berlin, 1941. Faks.: Viöl, 1995. S. 205. Полный текст «Секретных документов французского Генерального штаба» см.: РГАСПИ. Ф. 1357. Оп. 3. Д. 163. Л. 1–198.
- 50 Kahle G. Das Kaukasusprojekt der Alliierten vom Jahre 1940. Opladen, 1973. S. 214.
- 51 Le Caucase et les événements actuels, mars 1940: Archives d'Ali Mardan-bey Topchibachi. Carton № 10/2. P. 1–4.
- 52 Önder Z. II. Dünya Savaşında Türk Dış Politikası. S. 52.
- 53 Die Geheimakten des französischen Generalstabes. S. 168.
- 54 Ibid. S. 68.
- 55 Ibid. S. 76.
- 56 Documents diplomatiques français. Série Deuxième Guerre / sous la dir. d'A. Kaspi. Bruxelles, 2002. Vol. 1. Doc. 122.
- 57 Osborn P. R. Operation Pike. P. 30.
- 58 Подробнее см.: Massigli R. Turquie devant la guerre.
- 59 Mamoulia G. Les Combats indépendantistes des Caucasiens entre URSS et puissances occidentals. P. 263.
- 60 Die Geheimakten des französischen Generalstabes. S. 229.
- 61 Osborn P. R. Operation Pike. P. 120.
- 62 Собственноручные показания военнопленного бывшей германской армии Камсаракана Петера, 21 октября 1948 г.: Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 201. Л. 195.
- 63 Там же. Л. 202–205.
- 64 Докладная записка работника МИД (Германии) Мельхерса, 22 февраля 1940 г.: Там же. Д. 97. Л. 219.
- 65 В дополнение к записке Мельхерса от 22 февраля 1940 г., 26 февраля 1940 г.: Там же. Л. 221.
- 66 Deutsches Nachrichtenbüro. 1940. 5. Juli. Ausgabe 711; Önder Z. II. Dünya Savaşında Türk Dış Politikası. S. 53.
- 67 Deutsches Nachrichtenbüro. 1940. 5. Juli. Ausgabe 710.
- 68 Deutsches Nachrichtenbüro. 1940. 6. Juli. Ausgabe 718; Armaoğlu F. İkinci Dünya Harbında Türkiye // Siyasal Bilgiler Fakültesi Dergisi. 1958. C. 12. № 2. S. 149.
- 69 См.: Önder Z. II. Dünya Savaşında Türk Dış Politikası. S. 330–337.

- 70 Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. I. Кн. 1. С. 383.
- 71 Die Geheimakten des französischen Generalstabes. S. 205–207; Kahle G. Das Kaukasusprojekt der Alliierten vom Jahre 1940. S. 213–214.
- 72 Оришев А. Б. Иранский узел: Схватка разведок, 1936–1945 гг. М., 2009. С. 100.
- 73 Die Geheimakten des französischen Generalstabes. S. 205–207; Kahle G. Das Kaukasusprojekt der Alliierten vom Jahre 1940. S. 215.
- 74 Международный кризис 1939–1941 гг. С. 403.
- 75 Deutsches Nachrichtenbüro. 1940. 8. Juli. Ausgabe 723.
- 76 Документы внешней политики СССР. Т. XXIII. Кн. 1. М., 1995. С. 126.
- 77 Там же. С. 127.
- 78 Там же. С. 50.
- 79 Deutsches Nachrichtenbüro. 1940. 8. Juli. Ausgabe 725.
- 80 Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. I. Кн. 1. С. 377–379.
- 81 См.: Buffotot P. Le projet de bombardement des pétroles soviétiques du Caucase en 1940 // *Revue historique des armées, revue commune aux trois armées TERRE–AIR–MER*. Vincennes, 1979. № 4. P. 96.
- 82 Documents diplomatiques français. Vol. 1. Doc. 273.
- 83 Die Geheimakten des französischen Generalstabes. S. 280.
- 84 Султанов Ч. А. Нефть. С. 113.
- 85 Подробнее см.: Bédarida F. La stratégie secrète de la drôle de guerre: Le Conseil Suprême Interallié, septembre 1939 – avril 1940. Paris, 1979.
- 86 Международный кризис 1939–1941 гг. С. 404–405.
- 87 См.: Мамулия Г., Абуталыбов Р. Страна огней. С. 491.
- 88 См.: Die Geheimakten des französischen Generalstabes.
- 89 См.: Ulus. 1940. 7 Temmuz.
- 90 Varutçu F. A. Siyasi Anılar, 1939–1954. İstanbul, 1977. S. 136.
- 91 Исмаил Акбер. Азербайджанские легионеры в борьбе за независимость во Второй мировой войне, 1951 г.: Hoover Institution Archives (HIA). Collection A. Dallin. Box 6. F. 6. P. 2–3.
- 92 *Azərbaycan tarixi. Yeddi cildə. Yeddinci cild*. Bakı, 2003. S. 12.

Глава II

- 1 Подробнее см.: Rieber A. *Stalin and the Struggle for Supremacy in Eurasia*. Cambridge, 2015. P. 201–217.

- 2 Решение Политбюро ЦК ВКП(б), 3 сентября 1939 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1013. Л. 67.
- 3 Решение Политбюро ЦК ВКП(б), 28 октября 1939 г.: Там же. Д. 1015. Л. 41.
- 4 Решение Политбюро ЦК ВКП(б), 21 августа 1940 г.: Там же. Д. 1026. Л. 86.
- 5 Поздравление Сталину от иранского посла в СССР М. Саеда, 7 мая 1939 г.: Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1351. Л. 1.
- 6 См.: Поздравление иранского посла по случаю 60-летия Сталина, 29 декабря 1939 г.: Там же. Д. 1354. Л. 152–154.
- 7 См.: Советско-иранский протокол по железнодорожному транспорту, август 1940 г.: Там же. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1277. Л. 98–101.
- 8 О происхождении линии государственной границы между Россией, а затем СССР и Ираном за период с 1723 г. до настоящего времени. НКВД СССР, 16 июля 1940 г.: Государственный архив Азербайджанской Республики (ГА АР). Ф. 28. Оп. 4. Д. 2. Л. 135.
- 9 Картотека промышленных предприятий и электростанций Северного Ирана, 1940: Там же. Д. 6а. Л. 1–206.
- 10 Военно-географическое описание Иранского Азербайджана, 1940: Там же. Оп. 71. Д. 212. Л. 5.
- 11 Техничко-экономический обзор по Южному Азербайджану, январь 1941 г.: Архив политических документов при Управлении делами Президента Азербайджанской Республики (АПД УДП АР). Ф. 1. Оп. 89. Д. 23. Л. 2–216.
- 12 Багиров М. Краткая справка о Южном Азербайджане, 5 марта 1941 г.: Там же. Д. 18. Л. 33.
- 13 Сталинские депортации, 1928–1953 / под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева. М., 2005. С. 99–101.
- 14 Решение Политбюро ЦК ВКП(б), 31 января 1938 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 22. Л. 114.
- 15 Решение Политбюро ЦК ВКП(б), 10 июля 1939 г.: Там же. Д. 25. Л. 104.
- 16 Резервные списки по должностям руководящих работников, партийных, госбезопасности, наркомвнудела и др. на заграникомандировку в Иран, 1941: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 33. Л. 1–269.
- 17 Решение Политбюро ЦК ВКП(б), 7 мая 1941 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1039. Л. 16.
- 18 Решение Политбюро ЦК ВКП(б), 13 мая 1941 г.: Там же. Оп. 116. Д. 88. Л. 2–3.
- 19 Решение Политбюро ЦК ВКП(б), 12 июня 1941 г.: Там же. Оп. 3. Д. 1040. Л. 69.

- 20 Письмо Кафтанова Сталину и Молотову, 17 июня 1941 г.: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 926. Л. 12.
- 21 Проект постановления СНК СССР «О подготовке кадров востоковедов», июнь 1941 г.: Там же. Л. 3–6.
- 22 Султанов Ч. А. Нефть. Баку, 2000. С. 185.
- 23 А. Жегалова. Характеристика на министра иностранных дел Шюкрю Сараджоглу, 16 июня 1942 г.: ГА АР. Ф. 28. Оп. 4. Д. 3. Л. 89.
- 24 Горьков Ю. Государственный комитет обороны постановляет (1941–1945). М., 2002. С. 230; Кавказ выстоял, Кавказ победил: Ветераны вспоминают. Тбилиси, 1973. С. 130–131.
- 25 Письмо М. А. Багирова с дополнением в КПК при ЦК КПСС, 1954: РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 7044 (Т. 6). Л. 58.
- 26 О секретаре Нахичеванского обкома АзКП(б), 5 сентября 1940 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 405. Д. 2284. Л. 29.
- 27 Соцков Л. Неизвестный сепаратизм: На службе СД и Абвера. Из секретных досье разведки. М., 2003. С. 13.
- 28 Письмо Черчилля Сталину, 21 сентября 1941 г.: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1102. Л. 54.
- 29 Ответное письмо Сталина Черчиллю, 3 октября 1941 г.: Там же. Л. 58.
- 30 Березин О. К. Неизученная кампания: Иран, август 1941 // Военно-исторический архив. 2004. № 8. С. 108–110.
- 31 Директива Военного совета Закавказского фронта в связи с вхождением советских войск в Иран, 29 августа 1941 г.: Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 209. Оп. 1093. Д. 27. Л. 251–251 об.
- 32 Малышев, Павлов, Ерофеев – Багирову. Докладная записка о результатах боевых операций, проведенных пограничными частями Азербайджанского округа по ликвидации пограничной охраны Ирана, 4 сентября 1941 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 3. Л. 36, 39.
- 33 Нота советского правительства иранскому правительству, 25 августа 1941 г.: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1217. Л. 42–43.
- 34 Там же. Л. 43.
- 35 Телеграмма Эттеля в МИД Германии, 25 августа 1941 г.: ГА РФ. Ф. Р-9401с. Оп. 2. Д. 95. Л. 160. См. также: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1217. Л. 35; Kuniholm B. R. The Origins of the Cold War in the Near East: Great Power Conflict and Diplomacy in Iran, Turkey, and Greece. Princeton, 1994. P. 140–141.
- 36 Информация Козлова о положении в Иране, 6 июня 1941 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 748. Л. 56.

- 37 Обзор иранской прессы, 25–26 августа 1941 г.: Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 94. Оп. 26. П. 69. Д. 30. Л. 205.
- 38 Телеграмма Эттеля в МИД Германии, 25 августа 1941 г.: ГА РФ. Ф. Р-9401с. Оп. 2. Д. 95. Л. 160–161.
- 39 Там же. Л. 161.
- 40 Заметка посланника Эттеля в МИД Германии, 20 июля 1942 г.: Там же. Д. 97. Л. 242.
- 41 Телеграмма Риббентропа фон Папену, 27 августа 1941 г.: Там же. Д. 95. Л. 162–163.
- 42 Телеграмма Ринтелена Эттелю, 2 сентября 1941 г.: Там же. Л. 168.
- 43 Запись беседы бывшего посла Германии Эттеля с зав. отделом МИД Ирана Насролла Энтезамом, 15 апреля 1942 г.: Там же. Д. 97. Л. 210.
- 44 Телеграмма Эттеля Риббентропу, 16 сентября 1941 г.: Там же. Д. 95. Л. 170.
- 45 Информация Главного Политуправления Закавказского фронта Рабоче-крестьянской Красной Армии о продвижении советских войск по Ирану, 26 августа 1941 г.: ЦАМО РФ. Ф. 209. Оп. 1113. Д. 9. Л. 8–9; Оришев А. Б. Политика нацистской Германии в Иране. СПб., 2005. С. 149.
- 46 Информация Главного Политуправления Закавказского фронта Рабоче-крестьянской Красной Армии о продвижении советских войск по Ирану, 26 августа 1941 г.: ЦАМО РФ. Ф. 209. Оп. 1113. Д. 9. Л. 10–12.
- 47 Об отношении населения Ирана к вводу советских войск. Из политдонесения Главного Политуправления Кавказского фронта Рабоче-крестьянской Красной Армии, 30 августа 1941 г.: Там же. Л. 21–22.
- 48 О митингах и демонстрациях местного населения на оккупированных территориях Ирана, 2 сентября 1941 г.: Там же. Л. 25–27.
- 49 Из политдонесения об антисоветской агитации на оккупированных территориях Ирана, 4 сентября 1941 г.: Там же. Л. 31.
- 50 Из политдонесения Главного Политуправления Закавказского фронта Рабоче-крестьянской Красной Армии об организации сопротивления Красной армии отдельными категориями населения Ирана, 8 сентября 1941 г.: Там же. Л. 35–36.
- 51 Оперативная директива штаба Закавказского фронта воинским частям и соединениям о продвижении на территории Ирана, 27 августа 1941 г.: Там же. Оп. 1089. Д. 4. Л. 6–8. См. также: Vəkilov S. M. Azərbaycan respublikası və İran: 40-ci illər (mədəni əlaqələr). Bakı, 1991. S. 25–26.
- 52 Лавринов С., Попов И. Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. М., 2005. С. 18.
- 53 См.: Vəkilov S. M. Azərbaycan respublikası və İran. S. 26. Подробнее о правительстве Форути см.: Azimi F. Iran: The Crisis of Democracy. From the Exile of Reza Shah to the Fall of Musaddiq. London; New-York, 2009. P. 35–50.

- ⁵⁴ Малышев, Павлов, Ерофеев – М. А. Багирову. Докладная записка о результатах боевых операций, проведенных пограничными частями Азербайджанского округа по ликвидации пограничной охраны Ирана, 4 сентября 1941 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 3. Л. 39.
- ⁵⁵ Начальник особого отдела НКВД СССР по Закавказскому военному округу Рухадзе – Багирову. Спец. сообщение, 13 сентября 1941 г.: Там же. Д. 2. Л. 19.
- ⁵⁶ Информация Козлова о положении в Иране, 6 июня 1945 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 748. Л. 82.
- ⁵⁷ См.: Митрохин Н. Комитет государственной безопасности в Иране (неопubl. рукопись), 1988 г.: Cold War International History Project, Woodrow Wilson International Center for Scholars, Washington D. C. С. 1.
- ⁵⁸ Письмо Рубена Маркарьяна Миртеймуру Ягубову, 28 августа 1941 г.: Архив Министерства национальной безопасности Азербайджанской Республики (АМНБ АР). Д. 120. Л. 12–23.
- ⁵⁹ Телеграмма Багирова Сталину, 26 августа 1941 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 1. Л. 1.
- ⁶⁰ Ответная телеграмма Сталина Багирову, 28 августа 1941 г.: Там же. Л. 2.
- ⁶¹ Нота СССР Ирану, 30 августа 1941 г.: ГА АР. Ф. 28. Оп. 4. Д. 4. Л. 88–89.
- ⁶² Ответная нота иранского правительства СССР, 1 сентября 1941 г.: Там же. Л. 90–93.
- ⁶³ Беседа Багирова с командированными в Иран товарищами, 12–14 сентября 1941 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 162. Д. 30. Л. 6.
- ⁶⁴ Телеграмма Сталина Багирову, 5 сентября 1941 г.: Там же. Оп. 89. Д. 10. Л. 26.
- ⁶⁵ Приказ командующего Закавказским фронтом генерал-лейтенанта Козлова о назначении Азиза Алиева членом военного совета 47-й армии, 16 сентября 1941 г.: Там же. Д. 10. Л. 32.
- ⁶⁶ Беседа Багирова с командированными в Иран товарищами, 12–25 сентября 1941 г.: Там же. Оп. 162. Д. 28. Л. 1.
- ⁶⁷ Там же. Л. 14–18.
- ⁶⁸ Там же. Л. 19.
- ⁶⁹ Беседа Багирова с командированными в Иран товарищами, 24 сентября 1941 г.: Там же. Д. 30. Л. 14.
- ⁷⁰ Письмо Тюленева Багирову и Чарквиани, март 1942 г.: Архив Президента Грузии (АПГ). Ф. 14. Оп. 16. Д. 168. Л. 108.
- ⁷¹ Собственноручные показания военнопленного бывшей германской армии Камсаракана Петера, 21 октября 1948 г.: ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 201. Л. 227.

- ⁷² Краткая памятная записка по Ирану. Политико-экономическое положение и наша работа в Иране. Подготовил советник посольства СССР в Иране С. Сычев, 29 сентября 1944 г.: ГА АР. Ф. 28. Оп. 4. Д. 2. Л. 55.
- ⁷³ Эти слова М. А. Сохейли взяты из телеграммы Багирова Меркулову и Деканозову, 26 января 1942 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 35. Л. 9.
- ⁷⁴ Подробнее см.: Milani A. *The Shah*. New York, 2012. P. 85–93.
- ⁷⁵ Оришев А. Б. Политика нацистской Германии в Иране. С. 156.
- ⁷⁶ Milani A. *The Shah*. P. 27.
- ⁷⁷ Ibid. P. 84–85, 146.
- ⁷⁸ Краткая памятная записка по Ирану, 29 сентября 1944 г.: ГА АР. Ф. 28. Оп. 4. Д. 17. Л. 1.
- ⁷⁹ Решение Политбюро ЦК ВКП(б) о направлении делегации в Иран, 27 марта 1939 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 25. Л. 2.
- ⁸⁰ Подробнее см.: Milani A. *The Shah*. P. 63–65.
- ⁸¹ Письмо Азиза Алиева из Тебриза Багирову, 27 сентября 1941 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 4. Л. 1.
- ⁸² См.: Vəkilov S. M. *Azərbaycan respublikası və İran*. S. 31.
- ⁸³ Шифрованная телеграмма Багирову из НКВД, 17 декабря 1941 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 1. Л. 17.
- ⁸⁴ Телеграмма Багирова Деканозову и Соболеву, 18 декабря 1941 г.: Там же. Л. 32–33.
- ⁸⁵ Список работников, командированных в Иран, 15 октября 1941 г.: Там же. Оп. 179. Д. 7. Л. 33–87.
- ⁸⁶ Письмо Алиева из Тебриза Багирову, 27 сентября 1941 г.: Там же. Оп. 89. Д. 4. Л. 1.
- ⁸⁷ Там же. Л. 3.
- ⁸⁸ Письмо Багирова Сталину, 20 декабря 1941 г.: Там же. Д. 1. Л. 18.
- ⁸⁹ Постановление ГКО № 631с, 4 сентября 1941 г.: РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 8. Л. 163.
- ⁹⁰ Письмо Алиева и начальника штаба 47-й армии Трифонова из Тебриза Багирову, 2 октября 1941 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 6. Л. 23. О взаимоотношениях Ирана и Германии в конце 1930-х – начале 1940-х гг. подробнее см.: Оришев А. Б. Политика нацистской Германии в Иране.
- ⁹¹ Оришев А. Б. Политика нацистской Германии в Иране. С. 159.
- ⁹² Справка об иранских шахсеванах, сентябрь 1941 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 6. Л. 16.

- ⁹³ Информация Сарыджалинского Алиеву о встрече с главами шахсеванских племен, 28 сентября 1941 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 6. Л. 79–81.
- ⁹⁴ Там же. Л. 80.
- ⁹⁵ Стенограмма беседы Багирова с главарями шахсеванских племен Ирана, ноябрь 1941 г.: Там же. Д. 10. Л. 8.
- ⁹⁶ Письмо руководителя командированных в Южный Азербайджан политработников Алиева Багирову, 24 октября 1941 г.: Там же. Д. 4. Л. 33–45.
- ⁹⁷ Там же. Л. 39.
- ⁹⁸ Там же. Л. 40.
- ⁹⁹ См.: Vəkilov C. M. *Azərbaycan respublikası və İran*. S. 32.
- ¹⁰⁰ Письмо Алиева Багирову, 24 октября 1941 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 4. Л. 41.
- ¹⁰¹ Там же. Л. 44.
- ¹⁰² Там же. Л. 33.
- ¹⁰³ Рапорт Антонова Багирову, 12 декабря 1942 г.: Там же. Д. 39. Л. 42.
- ¹⁰⁴ Письмо Багирова Сталину, 20 декабря 1941 г.: Там же. Д. 1. Л. 21.
- ¹⁰⁵ См.: Vəkilov C. M. *Azərbaycan respublikası və İran*. S. 30.
- ¹⁰⁶ Письмо Алиева Багирову, 19 ноября 1941 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 4. Л. 148.
- ¹⁰⁷ Обзор иранской прессы, 1941 г.: Там же. Д. 14. Л. 88–90.
- ¹⁰⁸ Там же. Л. 89.
- ¹⁰⁹ Письмо Багирова Алиеву, Амирасланову, Ибрагимову, Агаронову, 10 ноября 1941 г.: Там же. Д. 4. Л. 100.
- ¹¹⁰ Письмо Алиева Багирову, 19 ноября 1941 г.: Там же. Л. 148.
- ¹¹¹ Стенограмма встречи Багирова с делегацией из Тебриза, 26 ноября 1941 г.: Там же. Д. 10. Л. 9–11.
- ¹¹² Письмо Багирова Алиеву, Амирасланову, Ибрагимову, Агаронову, 10 ноября 1941 г.: Там же. Д. 4. Л. 90.
- ¹¹³ См.: Vəkilov C. M. *Azərbaycan respublikası və İran*. S. 38–39.
- ¹¹⁴ Письмо Багирова Алиеву, Амирасланову, Ибрагимову, Агаронову, 10 ноября 1941 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 4. Л. 91.
- ¹¹⁵ См.: Vəkilov C. M. *Azərbaycan respublikası və İran*. S. 40.
- ¹¹⁶ *Ibid.* S. 39.
- ¹¹⁷ Письмо Багирова Алиеву, Амирасланову, Ибрагимову, Агаронову, 10 ноября 1941 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 4. Л. 91–92.
- ¹¹⁸ Там же. Л. 93.
- ¹¹⁹ Там же.

- ¹²⁰ Стенограмма беседы Багирова с делегацией из Тебриза, 20 ноября 1941 г.: Там же. Д. 10. Л. 130.
- ¹²¹ Там же. Л. 137–138.
- ¹²² Письмо Багирова Сталину, 20 декабря 1941 г.: Там же. Д. 1. Л. 31.
- ¹²³ Там же. Л. 30.
- ¹²⁴ См.: Там же. Д. 40. Л. 28, 34.
- ¹²⁵ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б), 28 ноября 1941 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1042. Л. 79.
- ¹²⁶ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б), 27 октября 1941 г.: Там же. Л. 58.
- ¹²⁷ Телеграмма Деканозова Багирову, 17 января 1942 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 35. Л. 2.
- ¹²⁸ Там же. Л. 3.
- ¹²⁹ Краткий отчет советского посла в Тегеране о положении в Иране, 29 сентября 1944 г.: ГА АР. Ф. 28. Оп. 4. Д. 2. Л. 52.
- ¹³⁰ Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004. С. 537.
- ¹³¹ Шифровка Георгия Димитрова Сталину, Молотову, Берии и Маленкову, 9 декабря 1941 г.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 66. Л. 43. Дополнительную информацию см.: The Diary of Georgi Dimitrov, 1933–1949. New Haven, CT, 2003. P. 205; Rieber A. Stalin and the Struggle for Supremacy in Eurasia. P. 378–379.
- ¹³² См.: Çeşmazər M. Azərbaycan Demokrat Partiyasının yaranması və fəaliyyəti (Sənubi Azərbaycan 1945–1946-cı illərdə). Bakı, 1986. S. 21.
- ¹³³ Телеграмма Багирова Соболеву, 18 декабря 1941 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 1. Л. 33–34.
- ¹³⁴ Записи переговоров по прямому проводу Мегри–Баку, 17 января 1942 г.: Там же. Д. 42. Л. 99–100.
- ¹³⁵ Телеграмма Багирова Сталину, 7 января 1942 г.: Там же. Д. 35. Л. 36–37.
- ¹³⁶ Письмо Багирова Меркулову и Деканозову, январь 1942 г.: Там же. Д. 38. Л. 36–37.
- ¹³⁷ Подробнее см.: АМНБ АР. Д. 862. Т. 2. Л. 829–837.
- ¹³⁸ Письмо Багирова Алиеву, Маркарян, Амирасланову, Агаронову, Атакишиеву, январь 1942 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 38. Л. 3.
- ¹³⁹ Письмо Алиева Багирову, 28 января 1942 г.: Там же. Д. 40. Л. 28–35.
- ¹⁴⁰ Там же. Л. 36–37.
- ¹⁴¹ Там же. Л. 37–40.
- ¹⁴² Kuniholm B. R. The Origins of the Cold War in the Near East. P. 143.

- ¹⁴³ Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях / МИД СССР. М., 1946. С. 87.
- ¹⁴⁴ Поздравительная телеграмма Сталина Форуги, 2 февраля 1942 г.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 847. Л. 5.
- ¹⁴⁵ Поздравительная телеграмма Сталина Ахмеду Каваму, 29 января 1943 г.: Там же. Л. 11.
- ¹⁴⁶ Краткий отчет советского посла в Тегеране о положении в Иране, 29 сентября 1944 г.: ГА АР. Ф. 28. Оп. 4. Д. 2. Л. 47.
- ¹⁴⁷ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б), 25 апреля 1942 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 37. Л. 47–52.
- ¹⁴⁸ Шифрованная телеграмма Берии Багирову, 29 марта 1942 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 35. Л. 14–15.
- ¹⁴⁹ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б), 11 апреля 1942 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1043. Л. 111. См. также: Оришев А. Б. Иранский узел: Схватка разведок, 1936–1945 гг. М., 2009. С. 334.
- ¹⁵⁰ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б), 21 декабря 1942 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 114. Л. 22.
- ¹⁵¹ Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. С. 209.
- ¹⁵² Подробнее о правительстве Сохейли см.: Azimi F. Iran: The Crisis of Democgasy. P. 51–62.
- ¹⁵³ Краткий отчет советского посла в Тегеране о положении в Иране, 29 сентября 1944 г.: ГА АР. Ф. 28. Оп. 4. Д. 2. Л. 48–49.
- ¹⁵⁴ Подробнее о правительстве Кавама см.: Azimi F. Iran: The Crisis of Democgasy. P. 63–79.
- ¹⁵⁵ Заметки о встрече бывшего германского посла Эттеля с зав. отделом МИД Ирана Насроллою Энтезамом, 15 июля 1942 г.: ГА РФ. Ф. Р-940с. Оп. 2. Д. 97. Л. 206.
- ¹⁵⁶ Подробнее о политике США в Иране см.: Kuniholm V. R. The Origins of the Cold War in the Near East. P. 140–177.
- ¹⁵⁷ Краткий отчет советского посла в Тегеране о положении в Иране, 29 сентября 1944 г.: ГА АР. Ф. 28. Оп. 4. Д. 2. Л. 50.
- ¹⁵⁸ Телеграмма турецкого посланника в Тегеране в Анкару, 22 марта 1942 г.: ГА РФ. Ф. Р-9401с. Оп. 2. Д. 100. Л. 118–119.
- ¹⁵⁹ Папен. Политический отчет. Высказывания нового премьера Турции о тюркских меньшинствах и будущем России, 27 августа 1942 г.: Там же. Ф. П-9401с. Оп. 2. Д. 100. Л. 64.
- ¹⁶⁰ Об использовании иранской военной промышленности. Постановление ГКО № 2320сс, 18 сентября 1942 г.: РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 94. Л. 14.
- ¹⁶¹ Письмо Мейбуллы Амирасланова Багирову. О встрече с советским послом в Иране, 15 декабря 1942 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 38. Л. 53.

Глава III

- 1 Шифрованная телеграмма Шаталина по республикам, 17 февраля 1944 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 67. Л. 68.
- 2 Постановление Бюро ЦК АзКП(б) о направлении на курсы дипломатических работников при НКВД СССР, постановление Бюро ЦК АзКП(б) о направлении слушателей в Высшую дипломатическую школу при НКВД СССР, 2–3 марта 1944 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 29. Д. 12. Л. 103.
- 3 Телеграмма Шаталина С. Кафарзаде, 5 марта 1944 г.: Там же. Д. 321. Л. 30.
- 4 Информация П. Чеплакова С. Кафарзаде, 11 марта 1944 г.: Там же. Л. 31.
- 5 Письмо С. Кафарзаде начальнику управления кадров ЦК ВКП(б) Н. Шаталину, 30 марта 1944 г.: Там же. Л. 24.
- 6 Письмо Силину от заместителя директора Высшей дипломатической школы при НКВД СССР Леонова касательно азербайджанских слушателей, 11 апреля 1945 г.: ГА АР. Ф. 28. Оп. 4-с. Д. 7. Л. 25–26.
- 7 Закон Азербайджанской ССР об образовании союзно-республиканского НКВД, 8 марта 1944 г.: Там же. Оп. 6-с. Д. 1. Л. 1–2.
- 8 Распоряжение СНК Азербайджанской ССР о назначении А. А. Ализаде заместителем НКВД Азербайджанской ССР, 12 марта 1944 г.: Там же. Оп. 4-с. Д. 11. Л. 23.
- 9 Условия приема на курсы шифровальщиков НКВД СССР, 1944 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 29. Д. 321. Л. 5.
- 10 Кафарзаде – в управление кадров ЦК ВКП(б) тов. Струнникову, 22 мая 1944 г.: Там же. Л. 11.
- 11 Письмо Силина Кафарзаде, 8 августа 1944 г.: Там же. Л. 12.
- 12 Письмо генерал-майора Биязи Багирову, 15 мая 1944 г.: Там же. Л. 4.
- 13 Решение бюро ЦК АзКП(б), 26 мая 1944 г.: Там же. Л. 3.
- 14 О направленных для обучения в Военном институте иностранных языков Красной Армии, май 1944 г.: Там же. Л. 1–2.
- 15 Указ Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР о назначении Махмуда Алиева НКВД Азербайджанской ССР, 2 сентября 1944 г.: ГА АР. Ф. 2941. Оп. 7. Д. 190. Л. 217.
- 16 Очерки истории Министерства Иностранных Дел России. Т. 2: 1917–2002. М., 2002. С. 273.
- 17 См.: Личное дело М. И. Алиева: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 405. Д. 3167. Л. 1–33; С. Кафарзаде. Справка о М. И. Алиеве, 12 ноября 1943 г.: Там же. Оп. 28. Д. 218. Л. 1–2.
- 18 Распоряжения СНК Азербайджана № 2472, № 1510, 5–11 декабря 1944 г.: ГА АР. Ф. 411. Оп. 15-с. Д. 14. Л. 52–53.

- 19 Приказ № 1 по НКВД Азербайджанской ССР, 2 ноября 1944 г.: ГА АР. Ф. 28. Оп. 6-с. Д. 2. Л. 1–2.
- 20 Протокол № 398 бюро ЦК АзКП(б), 3–16 ноября 1944 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 29. Д. 33. Л. 16–17.
- 21 См. список получивших бронь сотрудников НКВД Азербайджанской ССР по решениям СНК СССР № 180, № 205, № 239: ГА АР. Ф. 28. Оп. 6-с. Д. 6. Л. 18.
- 22 Письмо Махмуда Алиева Деканозову, 24 января 1945 г.: Там же. Л. 7.
- 23 Краткий отчет о деятельности отдела кадров НКВД Азербайджанской ССР с ноября 1944 года по сентябрь 1945 года: Там же. Л. 104.
- 24 Список штатных сотрудников НКВД Азербайджанской ССР по информации на 10 июня 1945 года, 24 января 1945 г.: Там же. Оп. 4-с. Д. 8. Л. 62–63.
- 25 Там же. Л. 72–73.
- 26 Приказ № 4 по НКВД Азербайджанской ССР, 9 ноября 1944 г.: Там же. Оп. 6-с. Д. 2. Л. 5–7.
- 27 Список преподавателей на курсах иностранных языков при НКВД Азербайджанской ССР, 1944 г.: Там же. Оп. 4-с. Д. 8. Л. 54.
- 28 Характеристики, данные Махмудом Алиевым на А. Ализаде. Д. Гаибова, М. Казиева, М. Эфендиева, Т. Аллахвердиева, М. Оруджева, Г. Абдуллаева, Г. Гасанова и Г. Агаева, 1944 г.: Там же. Д. 1. Л. 60–68.
- 29 Постановление СНК СССР о форме одежды дипломатических работников НКВД союзных республик, 16 сентября 1944 г.: Там же. Л. 31.
- 30 Письмо Алиева Гаджиеву, 14 апреля 1945 г.: Там же. Оп. 6-с. Д. 6. Л. 28.
- 31 Секретное письмо Деканозова в секретно-шифровальный отдел НКВД Азербайджанской ССР, 4 ноября 1944 г.: Там же. Оп. 4-с. Д. 1. Л. 2.
- 32 Приказ по НКВД СССР, 25 сентября 1944 г.: Там же. Л. 6.
- 33 Инструкция Вышинского в секретно-шифровальный отдел НКВД Азербайджанской ССР, 1944 г.: Там же. Л. 4.
- 34 Письмо Аллахвердиева Томпакову, 3 мая 1945 г.: Там же. Д. 8. Л. 55.
- 35 Телеграмма Деканозова, 6 декабря 1944 г.: Там же. Д. 1. Л. 57.
- 36 См.: Журнал входящих документов за 1944 год. Секретно. Министерство иностранных дел Азербайджанской ССР: Там же. Д. 5. Л. 2–5.
- 37 Там же. Л. 5–8.
- 38 См.: Список вопросов по политотделу НКВД Азербайджана, требующих решения в Москве, 12 февраля 1945 г.: Там же. Оп. 6-с. Д. 6. Л. 13.
- 39 См.: Различная переписка 1944 года. НКВД Азербайджанской ССР, ноябрь–декабрь 1944 г.: Там же. Д. 1. Л. 113–142.
- 40 Приказ о правилах использования зарубежной литературы, поступающей в НКВД Азербайджанской ССР, 16 января 1945 г.: Там же. Д. 8. Л. 3.

- ⁴¹ См.: Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б): Повестки дня заседаний: Каталог. М., 2001. Т. III: 1940–1952. С. 241.
- ⁴² Подробнее о Тегеранской конференции см.: Roberts G. Stalin's Wars: From World War to Cold War, 1939–1953. New Haven, Conn., 2008. P. 180–191.
- ⁴³ Письмо Рузвельта Сталину, 25 октября 1943 г.: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1107. Л. 1031.
- ⁴⁴ Письмо Литвинова Молотову, 3 августа 1943 г.: АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 149а. Д. 1071. Л. 4–6.
- ⁴⁵ Письмо Литвинова Сталину и Молотову, 9 сентября 1943 г.: Там же. Л. 45–53.
- ⁴⁶ Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М., 2001. С. 16–17.
- ⁴⁷ Подробнее см.: From General George Moseley to the State Department. The Soviet Union and Turkey, 10.12.1945: National Archives and Records Administration of the USA (NARA). RG 59. Box 4010. NND 7600050. Doc. 761.67/12–1045. P. 1–3.
- ⁴⁸ А. Федосов. Справка о существующих и действующих политических договорах и соглашениях между СССР и Турцией по состоянию на 1 января 1944 года, 25 января 1944 г.: ГА АР. Ф. 28. Оп. 4. Д. 3. Л. 3–6.
- ⁴⁹ А. Федосов. Справка о существующих экономических, пограничных, транспортных и прочих договорах и соглашениях, действующих между СССР и Турцией на 1 апреля 1944 года, 3 октября 1944 г.: Там же. Л. 28–37.
- ⁵⁰ А. Федосов, В. Корнев. Справка по неразрешенным вопросам между СССР и Турцией по состоянию на 15 апреля 1944 года, 22 апреля 1944 г.: Там же. Л. 7–27.
- ⁵¹ The National Security Archive at the George Washington University (NSA). Doc. 3069. Подробнее о депортации крымских татар см.: Сталинские депортации, 1928–1953 / под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева. М., 2005. С. 491–521.
- ⁵² См.: Топтыгин А. Неизвестный Берия. М., 2002. С. 165.
- ⁵³ См.: Статистико-экономический атлас Крыма. Вып. 1. Симферополь, 1922. С. 9.
- ⁵⁴ О преобразовании Крымской АССР в Крымскую область в составе РСФСР (без опубликования указа в печати), 30 июня 1945 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1053. Л. 9.
- ⁵⁵ Об итогах встречи в Адане см.: Итоговые результаты англо-турецкой конференции, состоявшейся 30–31 января 1945 года в Адане, 24 февраля 1943 г.: Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1103. Л. 207–208.

- 56 Резюме Декларации премьер-министра для президента Исмета Иненю и участников конференции в Адане, 24 февраля 1943 г.: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1103. Л. 206.
- 57 Личное письмо Сталина Черчиллю, 12 февраля 1944 г.: Там же. Л. 195.
- 58 Личное письмо Сталина Черчиллю, 15 июля 1944 г.: Там же. Д. 1104. Л. 492–493.
- 59 Доклад Берии председателю ГКО Сталину, 24 июля 1944 г.: ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 66. Л. 19.
- 60 Решение ГКО о переселении турок, курдов и хемшилов из приграничных районов Грузинской ССР, 31 июля 1944 г.: Там же. Л. 20.
- 61 Письмо секретаря ЦК КП Грузии П. Кованова в ЦК КПСС, 1957 г.: АПГ. Ф. 14. Оп. 39. Д. 219. Л. 1.
- 62 Сталинские депортации. С. 538.
- 63 Топтыгин А. Неизвестный Берия. С. 167.
- 64 Информация Круглова на имя Сталина, Молотова, Берии и Жданова, 10 апреля 1947 г.: ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 169. Л. 136–139.
- 65 Обращение Фридриха фон Паулуса и Винченца Мюллера к советскому правительству, 29 марта 1947 г.: Там же. Л. 140.
- 66 Заявление полковника бывшей германской армии Рихарда фон Вердера правительству Советского Союза, 1 апреля 1947 г.: Там же. Л. 179.
- 67 Телеграмма германского посла в Токио Отта в МИД, 25 июня 1942 г.: Там же. Д. 97. Л. 224.
- 68 Горшков – М. А. Багирову. Дислокация турецкой армии по данным на 15 мая 1944, 6 июня 1944 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 154. Л. 1–8.
- 69 Там же. Л. 9.
- 70 См.: Список вопросов по политотделу НКВД Азербайджана, требующих решения в Москве, 12 февраля 1945 г.: ГА АР. Ф. 28. Оп. 6-с. Д. 6. Л. 13.
- 71 Адамов, Гармаш, Кобляков. Вопрос о проливах на конференции в Монтрё, 26 ноября 1943 г.: Там же. Оп. 4. Д. 4. Л. 1–12.
- 72 Подробнее см.: Mamoulia G. Les Combats indépendantistes des Caucasiens entre URSS et puissances occidentales. Le cas de la Géorgie (1921–1945). Paris, 2009. P. 69–75.
- 73 Адамов, Гармаш, Кобляков. Вопрос о проливах на конференции в Монтрё, 26 ноября 1943 г.: ГА АР. Ф. 28. Оп. 4. Д. 4. Л. 1.
- 74 Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М., 1999. С. 375.
- 75 Адамов, Гармаш, Кобляков. Вопрос о проливах на конференции в Монтрё, 26 ноября 1943 г.: ГА АР. Ф. 28. Оп. 4. Д. 4. Л. 10–11.
- 76 Справка Литвинова «О перспективах и возможной базе советско-британского сотрудничества», подготовленная для Сталина, Молотова, Деканозова, 15 ноября 1944 г.: АВР РФ. Ф. 06. Оп. 9. П. 69. Д. 1071. Л. 31–88.

- 77 М. Литвинов. К вопросу о проливах, 15 ноября 1944 г.: Там же. П. 14. Д. 143. Л. 62.
- 78 См.: From General George Moseley to the State Department. The Soviet Union and Turkey, 10.12.1945: NARA. RG 59. Box 4010. NND 7600050. Doc. 761.67/12-1045. P. 13.
- 79 М. Литвинов. К вопросу о проливах, 15 ноября 1944 г.: АВП РФ. Ф. 06. Оп. 9. П. 14. Д. 143. Л. 65–66.
- 80 Постановление Политбюро ЦК ВКП(б), 24 мая 1944 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1050. Л. 49.
- 81 Memorandum concerning the social and political economy of Azerbaijan, 02.10.1943: NARA. NND 802116. Doc. 891.00/2065/10-143. P. 3.
- 82 Ibid. P. 5.
- 83 Ibid. P. 9.
- 84 Ibid. P. 10.
- 85 Ibid. P. 10–21.
- 86 Ibid. P. 22–23.
- 87 Ibid. P. 24.
- 88 Ibid. P. 25.
- 89 Ibid. P. 29.
- 90 Ibid.
- 91 Ibid. P. 31–32.
- 92 Ibid. P. 34.
- 93 С. Марченко – С. Кавтарадзе и М. Максимову. Доклад о политико-экономическом положении в Тебризском генконсульском округе на 1943 год, 5 июня 1944 г.: ГА АР. Ф. 28. Оп. 4. Д. 19. Л. 65–66.
- 94 Там же. Л. 45.
- 95 См.: Там же. Л. 38–122.
- 96 Решение СНК СССР «О мероприятиях по усилению культурной и экономической помощи населению Южного Азербайджана», 6 марта 1944 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 84. Л. 1–5.
- 97 Телеграмма Микояна Багирову, 5 марта 1944 г.: Там же. Л. 11.
- 98 Решение бюро ЦК АзКП, 20 марта 1944 г.: Там же. Оп. 129. Д. 80. Л. 2–3.
- 99 См.: Гасанов Г. Иранский дневник (1944–1946). Баку, 2007. С. 18–19.
- 100 Обращение Ахада Багирзаде к Багирову, 22 октября 1946 г.: АПД УДП АР. Ф. 89. Оп. 220. Д. 49. Л. 45.
- 101 Kuniholm B. R. The Origins of the Cold War in the Near East: Great Power Conflict and Diplomacy in Iran, Turkey, and Greece. Princeton, 1994. P. 153.

- ¹⁰² Телеграмма Алигасана Шахгельдиева Багирову, 10 апреля 1944 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 84. Л. 54.
- ¹⁰³ Протокол № 42 заседания Политбюро ЦК ВКП(б), 6 марта 1944 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 37. Л. 114.
- ¹⁰⁴ Решение бюро ЦК АзКП(б), 20 марта 1944 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 129. Д. 80. Л. 3.
- ¹⁰⁵ См.: Гасанов Г. Иранский дневник. С. 18.
- ¹⁰⁶ План мероприятий политработников Советского Азербайджана, направленных в Южный Азербайджан, 1944 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 81. Л. 131.
- ¹⁰⁷ См.: Гасанов Г. Иранский дневник. С. 19–20.
- ¹⁰⁸ План мероприятий политработников Советского Азербайджана, направленных в Южный Азербайджан, 1944 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 81. Л. 132–136.
- ¹⁰⁹ Письмо Кальтенбруннера фон Риббентропу по поводу выборов в иранский меджлис, 28 июня 1943 г.: ГА РФ. Ф. 9401с. Оп. 2. Д. 97. Л. 135.
- ¹¹⁰ Подробнее о втором правительстве Сохейли см.: Azimi F. Iran: The Crisis of Democracy. From the Exile of Reza Shah to the Fall of Musaddiq. London; New-York, 2009. P. 80–95.
- ¹¹¹ Подробнее см.: Саед Марагеи М. Хатерат-е сияси. Техран, 1994 (фарси).
- ¹¹² Информация Берии и Круглова Сталину, 16 октября 1945 г.: ГА РФ. Ф. Р-9401с. Оп. 2. Д. 100. Л. 76–77.
- ¹¹³ Список членов правительства «Свободный Иран» (с краткими биографиями), 1943 г.: Там же. Л. 51–55.
- ¹¹⁴ Справка о политических партиях, организациях и общественных группах в Иране, 30 ноября 1944 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 85. Л. 1–7. Эта справка была подготовлена резидентом спецслужб Советского Азербайджана под кодовым именем «Бул».
- ¹¹⁵ Краткий политический обзор Южного Азербайджана, 1944 г.: Там же. Д. 73. Л. 73.
- ¹¹⁶ См.: Гасанов Г. Иранский дневник. С. 24–26.
- ¹¹⁷ Там же. С. 23.
- ¹¹⁸ Краткий политический обзор Южного Азербайджана, 1944 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 73. Л. 76–77.
- ¹¹⁹ Qızıl səhifələr. (Azərbaycan xalqının milli azadlıq yolunda mübarizə tarixindən). Təbriz, 1946. S. 31.
- ¹²⁰ Гасанов Г. Иранский дневник. С. 28.
- ¹²¹ Там же. С. 36–37.
- ¹²² Там же. С. 62.

- ¹²³ Там же. С. 40–44.
- ¹²⁴ Указание Багирова по доставке инвентаря для Дома культуры в Тебризе, 1944 г.: ГА АР. Ф. 411. Оп. 25. Д. 407. Л. 58.
- ¹²⁵ АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 169. Д. 129. Л. 4.
- ¹²⁶ Письмо генерала Руссова Багирову, 12 апреля 1944 г.: Там же. Оп. 189. Д. 101. Л. 58.
- ¹²⁷ Гасанов Г. Иранский дневник. С. 43.
- ¹²⁸ Постановление СНК СССР об открытии школы на азербайджанском языке в Тебризе, 24 июня 1944 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 79. Л. 7.
- ¹²⁹ Гасанов Г. Иранский дневник. С. 151.
- ¹³⁰ Письмо Алескерова Багирову, 5 октября 1944 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 79. Л. 30.
- ¹³¹ Там же.
- ¹³² См.: Гасанов Г. Иранский дневник. С. 232.
- ¹³³ АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 81. Л. 137–140.
- ¹³⁴ Письмо Багирова Сталину, 14 сентября 1944 г.: Там же. Д. 71. Л. 2.
- ¹³⁵ Там же. Оп. 80. Д. 71. Л. 31–32.
- ¹³⁶ Письмо Багирова Сталину, 14 сентября 1944 г.: Там же. Оп. 89. Д. 71. Л. 20.
- ¹³⁷ Декларация Сейида Зияеддина. ТАСС, 1 января 1945 г.: ГА АР. Ф. 28. Оп. 4. Д. 20. Л. 144.
- ¹³⁸ См.: Гасанов Г. Иранский дневник. С. 128.
- ¹³⁹ Подробнее см.: Письмо Арташеса Ованесяна в ЦК ВКП(б), сентябрь–октябрь 1945 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 819. Л. 35–84.
- ¹⁴⁰ ГА АР. Ф. 411. Оп. 25. Д. 407. Л. 7.
- ¹⁴¹ Там же. Л. 11–12.
- ¹⁴² АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 721. Л. 46–48, 55–56.
- ¹⁴³ См.: Гасанов Г. Иранский дневник. С. 55.
- ¹⁴⁴ Там же. С. 124.
- ¹⁴⁵ Там же. С. 34–35.
- ¹⁴⁶ Там же. С. 46.
- ¹⁴⁷ Там же. С. 59.
- ¹⁴⁸ Письмо Ахада Якубова Багирову, 4 июля 1944 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 72. Л. 72.
- ¹⁴⁹ Информация генерала Иванова Багирову, 15 августа 1944 г.: Там же. Д. 74. Л. 34.
- ¹⁵⁰ Гасанов Г. Иранский дневник. С. 70.
- ¹⁵¹ Там же. С. 67–84.

- ¹⁵² Доклад Гасана Гасанова Багирову, 12 сентября 1944 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 72. Л. 94.
- ¹⁵³ Доклад Гасана Гасанова Молотову, 9 июля 1944 г.: Там же. Л. 201–205.
- ¹⁵⁴ Доклад Гасана Гасанова Багирову, 12 сентября 1944 г.: Там же. Л. 95.
- ¹⁵⁵ Гасанов Г. Иранский дневник. С. 85.
- ¹⁵⁶ Там же. С. 87–89.
- ¹⁵⁷ Там же. С. 99–102.
- ¹⁵⁸ Письмо Багирова Сталину, 14 сентября 1944 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 71. Л. 3.
- ¹⁵⁹ Обращение Шейх-уль-Ислама Ахунд-Аги Ализаде к братьям-мусульманам, 1944 г.: Там же. Д. 63. Л. 36–38.
- ¹⁶⁰ Письмо Багирова Сталину, 14 сентября 1944 г.: Там же. Д. 71. Л. 5–14.
- ¹⁶¹ Там же. Л. 21–22.
- ¹⁶² О вооруженных силах Ирана, 15 июля 1944 г.: Там же. Д. 89. Л. 2.
- ¹⁶³ Там же. Д. 74. Л. 58.
- ¹⁶⁴ Справка-доклад о служащих государственного аппарата и антисоветской деструктивной деятельности их агентов, 1944 г.: Там же. Д. 101. Л. 1–219.
- ¹⁶⁵ Служебная записка на имя Щербакова «Об усилении работы среди местного населения», 1944 г.: Там же. Д. 71. Л. 23–27.
- ¹⁶⁶ Телеграмма Багирова Маленкову, 1 ноября 1944 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 500. Л. 31–32.

Глава IV

- ¹ Об активизации американских фирм вокруг иранской нефти. Письмо Мигунова Багирову, август 1944 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 77. Л. 180.
- ² Подробнее об американском интересе к иранской нефти см.: Kuniholm B. R. *The Origins of the Cold War in the Near East: Great Power Conflict and Diplomacy in Iran, Turkey, and Greece*. Princeton, 1980. P. 189–192.
- ³ См.: АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 37. Д. 461. Л. 16–28.
- ⁴ Деятельность американцев в Иране, 30 декабря 1944 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 73. Л. 169–170. Этот обширный материал на 18 страницах подготовлен сотрудником советских спецслужб, работавшим в Иране под псевдонимом «Форд».
- ⁵ Об активизации американских фирм вокруг иранской нефти. Письмо Мигунова Багирову, август 1944 г.: Там же. Д. 77. Л. 153–162.
- ⁶ Vamberg J. H. *The History of the British Petroleum Company. The Anglo-Iranian Years, 1928–1954*. Cambridge, 1994. P. 242–243.

- 7 Информация Козлова о положении в Иране, 6 июня 1945 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 748. Л. 58–59.
- 8 Справка о нефтяных запасах на севере Ирана, 24 февраля 1944 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 77. Л. 1, 16.
- 9 Там же. Л. 28–29.
- 10 О мировых запасах и добыче нефти. О нефтяной политике США. Доклад Берии, подготовленный для Сталина и Молотова, 16 августа 1944 г.: АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 37. Л. 14–18. Дополнительную информацию см.: Лавренев С., Попов И. Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. М., 2005. С. 24.
- 11 Деятельность американцев в Иране, 30 декабря 1944 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 73. Л. 158–164.
- 12 Там же. Л. 161.
- 13 О деятельности американцев в Иране подробнее см.: Memorandum on Recent American Diplomacy in Iran. By Dr. A. C. Millspaugh, 1948: NARA. RG 59. Box 3398. NND 7600050. Doc. 711.91/48. P. 1–32.
- 14 Деятельность американцев в Иране, 30 декабря 1944 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 73. Л. 166.
- 15 Там же.
- 16 Там же. Л. 174.
- 17 Справка о нефтяной промышленности Ирана, 1944 г.: Там же. Д. 77. Л. 50.
- 18 См.: Vamberg J. H. The History of the British Petroleum Company.
- 19 Справка о сравнительных доходах англо-иранской нефтяной компании и по советскому проекту концессии, 8 сентября 1944 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 77. Л. 61–66.
- 20 Дамаванд (фарси). 1944. 23 июля.
- 21 Фарда (фарси). 1944. 25 июля.
- 22 Иран-е ма (фарси). 1944. 17 июля.
- 23 Дария (фарси). 1944. 17 июля.
- 24 Конфиденциальный протокол между правительствами Ирана и СССР по акционерному обществу «Кевир-Хуриан лимитед», 1944 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 77. Л. 44.
- 25 О нефтяной политике Ирана см.: Алиев С. М. История Ирана. XX век. М., 2004. С. 210–214.
- 26 Зубок В. Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева. М., 2011. С. 73.
- 27 Эттелаат (фарси). 1944. 20 сент.
- 28 Служебная записка Дмитриева и Гейдарова Багирову о результатах поездки в Иран, 6 ноября 1944 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 77. Л. 66.

- ²⁹ Отношение тегеранской прессы к визиту советской правительственной делегации во главе с Кавтарадзе. 16 сентября – 7 октября 1944 года, 7 октября 1944 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 82. Л. 62. Дополнительную информацию см.: Kuniholm B. R. *The Origins of the Cold War in the Near East*. P. 195.
- ³⁰ Служебная записка Дмитриева и Гейдарова Багирову о результатах поездки в Иран, 6 ноября 1944 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 77. Л. 67.
- ³¹ Раствахиз (фарси). 1944. 26 сент.
- ³² Концессионный договор между правительством Ирана и Объединением «Советско-иранская нефть», 1944 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 77. Л. 30–43.
- ³³ Конфиденциальный протокол, 1944 г.: Там же. Л. 44–45.
- ³⁴ Протокол между правительством СССР и правительством Ирана, 1944 г.: Там же. Л. 46.
- ³⁵ R. Bullard. *Soviet Policy in Iran*, 12.01.1945: NARA. RG 59. Box 3398. NND 7600050. Doc. 761.91/1–1245.
- ³⁶ Эттелаат (фарси). 1944. 4 окт.
- ³⁷ Вазифа (фарси). 1944. 3 окт.
- ³⁸ Ахтар (фарси). 1944. 6 окт.
- ³⁹ Раствахиз (фарси). 1944. 27 сент.
- ⁴⁰ Подробнее о политике правительства Саеда Марагеи см.: Azimi F. *Iran: The Crisis of Democracy. From the Exile of Reza Shah to the Fall of Musaddiq*. London; New-York, 2009. P. 99–112.
- ⁴¹ Докладная записка о результатах поездки в Иран Дмитриева и Гейдарова Багирову, 6 ноября 1944 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 77. Л. 68.
- ⁴² Подробнее см.: Scheid Raine F. *The Iranian Crisis of 1946 and the Origins of Cold War // Origins of the Cold War. An International History* / ed. M. P. Leffler, D. S. Painter. 2nd ed. New York; London, 2005. P. 93–111. Эта статья Фернанды Шейд-Рейн написана на основе архивных документов и имеет важное значение для американской историографии. Вместе с тем и в первом (см.: Scheid Raine F. *Stalin and the Creation of the Azerbaijan Democratic Party in Iran, 1945 // Cold War History*. 2001. Vol. 2. No. 1), и во втором изданиях допущен ряд ошибок. Например, Якубов, представленный как заместитель наркома внутренних дел Азербайджанской ССР и советник советского консульства в Тебризе, на самом деле является братом наркома внутренних дел Миртеймура Якубова и временным поверенным в делах в Иране Ахадом Якубовым (см.: Scheid Raine F. *The Iranian Crisis of 1946 and the Origins of Cold War*. P. 98). Или же на следующей странице указанной статьи Ф. Шейд-Рейн пишет, что переговоры с руководителями азербайджанской организации партии Туде вел председатель

Совета народных комиссаров Азербайджанской ССР Теймур Кулиев, в то время как переговоры вел резидент Наркомата государственной безопасности Азербайджанской ССР в Иранском Азербайджане и вице-консул в Тебризе Нурмамед Кулиев (см.: Scheid Raine F. Stalin and the Creation of the Azerbaijan Democratic Party in Iran. P. 8).

- ⁴³ Дмитриев и Гейдаров – Багирову, 6 ноября 1944 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 77. Л. 68.
- ⁴⁴ Там же. Л. 69.
- ⁴⁵ Сетаре (фарси). 1944. 22 окт. Подробнее о переговорах Кавтарадзе в Тегеране см.: Azimi F. Iran: The Crisis of Democracy. P. 108–115.
- ⁴⁶ Дмитриев и Гейдаров – Багирову, 6 ноября 1944 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 77. Л. 70.
- ⁴⁷ Гасанов Г. Иранский дневник. С. 19.
- ⁴⁸ Milani A. The Shah. New York, 2012. P. 102.
- ⁴⁹ R. Bullard. Soviet Policy in Iran, 12.01.1945: NARA. RG 59. Box 3398. NND 7600050. Doc. 761.91/1–1245.
- ⁵⁰ Краткий обзор советско-иранских отношений (1917–1955). Архивное управление МИД СССР, июнь 1956 г.: Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 30. Д. 171. Л. 81–82.
- ⁵¹ R. Bullard. Soviet Policy in Iran, 12.01.1945: NARA. RG 59. Box 3398. NND 7600050. Doc. 761.91/1–1245.
- ⁵² Дмитриев и Гейдаров – Багирову, 6 ноября 1944 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 77. Л. 70.
- ⁵³ Memorandum on Recent American Diplomacy in Iran. By Dr. A. C. Millspaugh, 1948: NARA. RG 59. Box 3398. NND 7600050. Doc. 711.91/48. P. 3.
- ⁵⁴ Гасанов Г. Иранский дневник. С. 179–182.
- ⁵⁵ Там же. С. 187–188.
- ⁵⁶ Там же. С. 221.
- ⁵⁷ Там же. С. 233.
- ⁵⁸ Там же. С. 244.
- ⁵⁹ Там же. С. 193.
- ⁶⁰ Г. Гасанов. Справка о Южном Азербайджане, 13 февраля 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 108. Л. 69–73.
- ⁶¹ Гасанов Г. Иранский дневник. С. 199–214.
- ⁶² Зубок В. Неудавшаяся империя. С. 73.
- ⁶³ М. Мустафаев, Б. Сеидзаде – в НКВД СССР. Информационное письмо о Макинском консульском округе, 21 ноября 1944 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 92. Л. 2–121.
- ⁶⁴ Там же. Л. 65–66.

- ⁶⁵ М. Мустафаев, Б. Сеидзаде – в НКИД СССР. Информационное письмо о Макинском консульском округе, 21 ноября 1944 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 92. Л. 14–15.
- ⁶⁶ См.: Kuniholm B. R. The Origins of the Cold War in the Near East. P. 199–200.
- ⁶⁷ См.: Azimi F. Iran: The Crisis of Democracy. P. 110.
- ⁶⁸ Гасанов Г. Иранский дневник. С. 217.
- ⁶⁹ Там же. С. 222–223.
- ⁷⁰ Там же. С. 244.
- ⁷¹ Информационное сообщение № 01202 о внутреннем положении Ирана, 17 ноября 1944 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 74. Л. 71–72.
- ⁷² Подробнее о правительстве Баята см.: Azimi F. Iran: The Crisis of Democracy. P. 113–129.
- ⁷³ Информационное сообщение № 01241 о внутреннем положении Ирана, 29 ноября 1944 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 74. Л. 79–80. Подробнее о кабинете Баята см.: Azimi F. Iran: The Crisis of Democracy. P. 113–120; Kuniholm B. R. The Origins of the Cold War in the Near East. P. 200–201.
- ⁷⁴ Westad O. A. The Global Cold War. Third World Interventions and the Making of Our Times. Cambridge, 2007. P. 61.
- ⁷⁵ R. Bullard. Soviet Policy in Iran, 12.01.1945: NARA. RG 59. Box 3398. NND 7600050. Doc. 761.91/1–1245.
- ⁷⁶ ГА АР. Ф. 28. Оп. 4. Д. 17. Л. 16–17. Подробнее см.: Milani A. The Shah. P. 116–117.
- ⁷⁷ Гасанов Г. Иранский дневник. С. 228–230.
- ⁷⁸ Там же. С. 276.
- ⁷⁹ См.: Там же. С. 254–256.
- ⁸⁰ Там же. С. 257–258.
- ⁸¹ Там же. С. 259–260.
- ⁸² Дуст-е Иран (фарси). 1944. 13 дек.
- ⁸³ Раад (фарси). 1944. 20 дек.
- ⁸⁴ ГА АР. Ф. 28. Оп. 4. Д. 20. Л. 155.
- ⁸⁵ Раад (фарси). 1944. 20 дек.
- ⁸⁶ АПД УДП АР. Ф. 28. Оп. 4. Д. 20. Л. 155.
- ⁸⁷ Раад (фарси). 1944. 20 дек.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ Правда. 1945. 26 янв.
- ⁹⁰ ГА АР. Ф. 28. Оп. 4. Д. 20. Л. 179.
- ⁹¹ Информация Качалова Кавтарадзе, январь 1945 г.: АВП РФ. Ф. 094. Оп. 316. П. 351а. Д. 9. Л. 41–43.

- ⁹² Г. Гасанов. Справка о Южном Азербайджане, 12 февраля 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 108. Л. 82.
- ⁹³ Информация Максимова в НКВД СССР, январь 1945 г.: АВП РФ. Ф. 094. Оп. 316. П. 351а. Д. 7. Л. 44–46.
- ⁹⁴ Из дневника Молотова. Прием иранского посла Меджида Ахи, 26 февраля 1945 г.: Там же. Ф. 06. Оп. 7. П. 33. Д. 031. Л. 1–3.
- ⁹⁵ Telegram from Morris to Secretary of State, 06.03.1945: NARA. RG 59. Box 3398. NND 7600050. Doc. 761.91/3–645.
- ⁹⁶ From General George Moseley to the State Department. The Soviet Union and Turkey, 10.12.1945: Ibid. Doc. 761.67/12–1045. P. 14.
- ⁹⁷ Известия. 1944. 21 дек.

Глава V

- 1 Письмо Махмуда Алиева Деканозову, 24 января 1945 г.: ГА АР. Ф. 28с. Оп. 6с. Д. 6. Л. 7.
- 2 Список сотрудников НКВД Азербайджанской ССР, получивших бронь от призыва, 1945 г.: Там же. Л. 18.
- 3 Письмо Ализаде Силину, 5 марта 1945 г.: Там же. Л. 19.
- 4 Письмо зам. начальника Управления кадров НКВД СССР Поповкина Эфендиеву, 31 мая 1945 г.: Там же. Л. 40.
- 5 Информация о работе курсов иностранного языка для работников НКВД Азерб. ССР, 1945 г.: Там же. Оп. 4с. Д. 8. Л. 52–53.
- 6 Информация НКВД Азерб. ССР в Управление кадров НКВД СССР, 30 апреля 1945 г.: Там же. Оп. 6с. Д. 6. Л. 29.
- 7 Письмо Силина Алиеву, 6 марта 1945 г.: Там же. Л. 22.
- 8 Приказ № 31 по НКВД Азерб. ССР, 8 июня 1945 г.: Там же. Д. 8. Л. 33. Позднее Камал Талыбзаде стал действительным членом Академии наук Азербайджанской ССР по филологии.
- 9 Приказ по НКВД СССР, 21 августа 1945 г.: Там же. Д. 6. Л. 90.
- 10 Письмо Хвостова и Тарасенко Алиеву, ноябрь 1945 г.: Там же. Л. 89.
- 11 Краткий отчет о деятельности НКВД Азерб. ССР с ноября 1944 года по сентябрь 1945 года: Там же. Л. 97.
- 12 Письмо Алиева Кафарзаде, 23 мая 1945 г.: Там же. Оп. 8с. Д. 4. Л. 33–34.
- 13 Письмо Силина Багирову. Копия Алиеву, 24 августа 1945 г.: Там же. Оп. 4с. Д. 7. Л. 61.
- 14 Сумбатзаде А. С. Азербайджанская историография XIX–XX веков. Баку, 1987. С. 132, 197.
- 15 М. Алиев. Некоторые заметки о сборнике дипломатических документов, изданном в военной типографии в 1911–1913 годах в Санкт-Петербурге,

в 7 томах, посвященном иранским событиям с конца 1906 г. по декабрь 1911 г., 7 апреля 1945 г.: ГА АР. Ф. 28с. Оп. 4с. Д. 8. Л. 115.

¹⁶ Там же. Л. 117.

¹⁷ Там же. Л. 118.

¹⁸ Там же. Л. 119.

¹⁹ Там же. Л. 120–121.

²⁰ См.: М. Алиев. Справка о Северном и Южном Азербайджане, 23 июня 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 108. Л. 1–21.

²¹ Очерки истории Министерства Иностранных Дел России. Т. 2: 1917–2002. М., 2002. С. 273.

²² Письмо Кавтарадзе Алиеву, 7 августа 1945 г.: ГА АР. Ф. 28с. Оп. 4с. Д. 9. Л. 40.

²³ Письмо Силина Алиеву, 3 ноября 1945 г.: Там же. Д. 7. Л. 106.

²⁴ Письмо Алиева Багирову, 17 августа 1945 г.: Там же. Л. 69.

²⁵ Письмо Силина Алиеву, 13 сентября 1945 г.: Там же. Л. 68.

²⁶ Гасанов Г. Иранский дневник (1944–1946). Баку, 2007. С. 306.

²⁷ Письмо Сычева Алиеву, 10 мая 1945 г.: ГА АР. Ф. 28с. Оп. 4с. Д. 7. Л. 30–31.

²⁸ Правила для граждан Азербайджанской ССР, командированных за границу, 6 марта 1945 г.: Там же. Д. 14. Л. 9–13.

²⁹ Правила о порядке регистрации и прописки иностранных дипломатических представителей, их сотрудников и лиц, приравненных к ним, 11 апреля 1945 г.: Там же. Л. 15–18.

³⁰ Правила консульских представителей о порядке регистрации и прописки в Азербайджанской ССР их сотрудников и лиц, приравненных к ним, 13 апреля 1945 г.: Там же. Л. 20–21.

³¹ Письмо Кавтарадзе Алиеву, 18 июня 1945 г.: Там же. Д. 7. Л. 69.

³² Отчет о деятельности протокольно-консульского отдела НКВД Азербайджанской ССР за 1945 год: Там же. Д. 15. Л. 4–5.

³³ Там же. Л. 5–6.

³⁴ Телеграмма иранской делегации маршалу Сталину, 12 мая 1945 г.: Там же. Оп. 6с. Д. 4. Л. 40.

³⁵ Подробнее о визите делегации Ирана и Южного Азербайджана см.: Vəki-
lov S. M. Azərbaycan respublikası və İran: 40-ci illər (mədəni əlaqələr). Bakı,
1991. S. 62–65.

³⁶ Ibid. S. 5.

³⁷ Информация советского посольства о положении в Народной партии Ирана, 1945 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 818. Л. 202.

- 38 Г. Гасанов. Справка «О Южном Азербайджане», 13 февраля 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 108. Л. 69–73.
- 39 Справка Емельянова об Ованесяне, 1945 г.: Там же. Д. 95. Л. 69–70.
- 40 Информация Молотову, Микояну, Берии, Маленкову и Щербакову о положении в НПИ, 1945 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 818. Л. 208–209.
- 41 Отчет Матвеева в НКВД СССР. Копия Багирову, 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 94. Л. 1–61.
- 42 Там же. Л. 1–2.
- 43 См.: Там же. Д. 108. Л. 39.
- 44 Там же. Д. 94. Л. 13.
- 45 Г. Гасанов. О Южном Азербайджане, 13 февраля 1945 г.: Там же. Д. 108. Л. 39.
- 46 Гасанов Г. Иранский дневник. С. 307–313.
- 47 О лицах, избранных в руководящие органы НПИ, см.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 85. Л. 1–61.
- 48 Письмо вице-консулу в Тебриз, 1945 г.: Там же. Д. 91. Л. 193–194.
- 49 Решение бюро ЦК АзКП(б), 1945 г.: Там же. Оп. 220. Д. 48. Л. 161.
- 50 В конце января 1945 г. Г. Гасанов был зашифрованной телеграммой отозван из Тебриза в Баку. Немедленно выехав в столицу, 1 февраля Гасанов отчитался перед Багировым о проделанной в Тебризе работе. Багиров заверил его, что в ЦК ВКП(б) довольны его работой, но шурин Гасанова – Теймур Ниязов – попал в плен и перешел на сторону немцев. Москва решила, что сестра предателя и ее муж не могут оставаться за рубежом. Гасанов остался работать третьим секретарем ЦК и продолжал курировать дела в Южном Азербайджане. А когда фронт работ в Южном Азербайджане стал расширяться, то с конца сентября 1945 г. вместе с М. Ибрагимовым и А. Атакишиевым в составе «бакинской тройки» вновь вернулся в Тебриз. См.: Гасанов Г. Иранский дневник. С. 319–322.
- 51 Письмо Гасанова Багирову, 25 июля 1945 г.: ГА АР. Ф. 28. Оп. 4с. Д. 9. Л. 89.
- 52 Решение бюро ЦК АзКП(б), 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 220. Д. 48. Л. 6–7. Список студентов из Южного Азербайджана см.: Там же. Л. 11–12.
- 53 Письмо Багирова Якубову, Емельянову, Махмуду Алиеву, Мусе Алиеву, Рзе, 1945 г.: ГА АР. Ф. 28. Оп. 4с. Д. 9. Л. 84.
- 54 Письмо Силина Андрееву, 31 января 1945 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 766. Л. 15–15 об.
- 55 Справка, подготовленная Мусой Алиевым для Багирова, 1945 г.: ГА АР. Ф. 28. Оп. 4с. Д. 9. Л. 88.
- 56 Письмо Ибрагимова Алескеру, 1945 г.: Там же. Л. 86–87.
- 57 Подробнее см.: Vəkilov С. М. Azərbaycan respublikası və İran. S. 54–55.

- 58 См.: Vəkilov С. М. Azərbaycan respublikası və İran. S. 58–60.
- 59 Письмо Максимова Багирову, январь 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 91. Л. 1.
- 60 Постановление бюро ЦК АзКП(б) и СНК Азербайджанской ССР, февраль 1945 г.: Там же. Л. 5.
- 61 Решение бюро ЦК АзКП(б), 1945 г.: Там же. Оп. 206. Д. 2. Л. 27–28, 200.
- 62 Гасанов Г. Иранский дневник. С. 312.
- 63 Подробнее см.: Vəkilov С. М. Azərbaycan respublikası və İran. S. 53.
- 64 Поздравительная телеграмма Багирову, Кулиеву, Гасымову, апрель 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 92. Л. 229.
- 65 Письмо Сычева Алиеву, 8 мая 1945 г.: ГА АР. Ф. 28. Оп. 6с. Д. 4. Л. 42.
- 66 Телеграмма вице-консула Новикова Кавтарадзе, 2 мая 1945 г.: Там же. Л. 43.
- 67 Подробнее см.: Vəkilov С. М. Azərbaycan respublikası və İran. S. 62.
- 68 См.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 107. Л. 97.
- 69 Материалы оперативного совещания в ЦК АзКП(б), 26 апреля 1945 г.: Там же. Оп. 230. Д. 4. Л. 146.
- 70 См.: Vəkilov С. М. Azərbaycan respublikası və İran. S. 62–63.
- 71 Гасанов Г. Иранский дневник. С. 321.
- 72 См.: Vəkilov С. М. Azərbaycan respublikası və İran. S. 63–64.
- 73 Письмо Кавтарадзе Алиеву, 11 января 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 220. Д. 48. Л. 125.
- 74 Отчет Матвеева о гастролях Азербайджанской концертной бригады, 1945 г.: Там же. Л. 127.
- 75 Протокол заседания бюро ЦК АзКП(б), март 1945 г.: Там же. Л. 119.
- 76 Там же. Оп. 89. Д. 106. Л. 1.
- 77 Там же. Д. 107. Л. 102.
- 78 Там же. Л. 98.
- 79 Там же. Д. 95. Л. 5.
- 80 Телеграмма Багирова Сталину, апрель 1945 г.: Там же. Д. 90. Л. 3.
- 81 Справка Емельянова на имя Багирова об активизации англичан в Южном Азербайджане, 3 марта 1945 г.: Там же. Д. 95. Л. 7.
- 82 См.: Там же. Л. 89.
- 83 Информация Емельянова и Атакишиева Багирову, март 1945 г.: Там же. Л. 10.
- 84 После вступления советских войск в Северный Иран там были организованы до 40 резидентур и разведывательных пунктов органов безопас-

ности СССР. В этой сети работали 115 оперативников. Резидентуру в Тебризе возглавлял И. И. Агаянц, другие резидентуры – П. М. Журавлев и Н. П. Лысенко. Кроме того, с советской разведкой сотрудничали депутаты меджлиса, чиновники государственного аппарата, агенты иранской разведки, военнослужащие, главы племен – всего несколько сот человек. См.: KGB in Iran, 1988: Mitrokhin Collection, Woodrow Wilson Center for Scholars, Washington DC (рукопись). P. 1–2.

⁸⁵ Сообщение Емельянова и Атакишиева о положении в Южном Азербайджане, март 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 95. Л. 11–12.

⁸⁶ Телеграмма Багирова Сталину, 23 марта 1945 г.: Там же. Д. 90. Л. 1–2.

⁸⁷ Алиев С. М. История Ирана. XX век. М., 2004. С. 215.

⁸⁸ Проект предложений Мирджафара Багирова по Южному Азербайджану, апрель 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 104. Л. 93–103. См. также: Scheid Raine F. The Iranian Crisis of 1946 and the Origins of Cold War // *Origins of the Cold War. An International History* / ed. M. P. Leffler, D. S. Painter. 2nd ed. New York; London, 2005. P. 97; Roberts G. *Moscow's Cold War on the Periphery: Soviet Policy in Greece, Iran, and Turkey, 1943–8* // *Journal of Contemporary History*. 2011. Vol. 46. No. 1. P. 66.

⁸⁹ Подробнее см.: Deringil S. *Turkish Foreign Policy during the Second World War: An «Active» Neutrality*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989; Sever A. *Soğuk Savaş Kuşatmasında Türkiye, Batı ve Orta Doğu. 1945–1958*. İstanbul, 1997; Athanassopoulou E. *Turkey: Anglo-American Security Interests, 1945–1952*. London: Frank Cass, 1999; Mark E. *The Turkish War Scare* // *Origins of the Cold War*. P. 112–133; Roberts G. *Moscow's Cold War on the Periphery*. P. 70–80; Hasanli J. *Stalin and Turkish Crisis of the Cold War, 1945–1953*. Lanham; Boulder; New York; Toronto; Plymouth, 2011; Hasanlı C. *Tarafsızlıktan Soğuk Savaşa: Türk-Sovyet İlişkileri, 1939–1953*. Ankara, 2011; Hasanli J. *The «Turkish Crisis» of the Cold War Period and the South Caucasian Republic* // *The Caucasus and Globalization*. 2008. Vol. 2. No. 4. P. 114–127; 2009. Vol. 3. No. 1. P. 122–133; Гасанлы Дж. СССР–Турция: От нейтралитета к холодной войне, 1939–1953 гг. М., 2008; Кочкин Н. В. СССР, Англия, США и «Турецкий кризис» 1945–1947 гг. // *Новая и новейшая история*. 2003. № 3. С. 58–77; Егорова Н. И. Истоки советско-американского соперничества в Иране и Турции, 1944–1945 гг. // *Американский ежегодник*, 1997. М., 1997; Поцхверия Б. М. Советско-турецкие отношения и проблема проливов накануне, в годы Второй мировой войны и послевоенные десятилетия // *Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия)*. М., 1999.

⁹⁰ Заявление Молотова о денонсации советско-турецкого договора от 1925 года, 19 марта 1945 г.: АВП РФ. Ф. 132. Оп. 30. П. 109. Д. 7. Л. 1; *Turco-Soviet Relations, 1945: The National Archives (United Kingdom) (TNA)*. Public Records Office. FO 371/48774.

- ⁹¹ Hasanli J. *Stalin and Turkish Crisis of the Cold War, 1945–1953*. Lanham; Boulder; New York; Toronto; Plymouth, 2011. P. 45.
- ⁹² Ответ МИД Турции на заявление Молотова от 19 марта 1945 г., 19 марта 1945 г.: АВП РФ. Ф. 132. Оп. 30. П. 109. Д. 7. Л. 2–3.
- ⁹³ Кавтарадзе – Алиеву. Справка советского посольства в Анкаре с обзором турецкой печати, 12 апреля 1945 г.: ГА АР. Ф. 28. Оп. 4. Д. 22. Л. 103.
- ⁹⁴ Там же. Л. 105.
- ⁹⁵ Hasanli J. *Stalin and Turkish Crisis of the Cold War*. P. 71.
- ⁹⁶ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б), 4 сентября 1944 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 37. Л. 135.
- ⁹⁷ Беседа Сталина с заместителем католикоса всех армян Чорекчяном, 19 апреля 1945 г.: ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 94. Л. 61. О предложениях армянской церкви дополнительно см.: Письма католикоса всех армян Вазгена I Булганину, 12 мая 1956 г.: Государственный исторический архив Армянской Республики (ГИААР). Ф. 409. Оп. 1. Д. 5787. Л. 4–7.
- ⁹⁸ Hasanli J. *Stalin and Turkish Crisis of the Cold War*. P. 71.
- ⁹⁹ Меморандум «Дело армянского народа», представленный Армянским национальным советом конференции ООН в Сан-Франциско, 2 августа 1945 г.: Центральный государственный архив документов общественно-политических организаций Республики Армения (ЦГАДОПО РА). Ф. 1. Оп. 034. Д. 28. Л. 45–53.
- ¹⁰⁰ Меморандум по армянскому вопросу, 2 августа 1945 г.: Там же. Л. 54–64.
- ¹⁰¹ Меморандум Армянского национального комитета, апрель 1945 г.: Там же. Оп. 26. Д. 17. Л. 190–191.
- ¹⁰² К. Арушанов. Справка об армянской колонии в Тебризском консульском округе, 1945 г.: АМНБ АР. Д. 862. Т. I. Л. 59; Гасанлы Дж. СССР–Иран: Азербайджанский кризис и начало холодной войны, 1941–1946. М., 2006. С. 229.
- ¹⁰³ Hasanli J. *Stalin and Turkish Crisis of the Cold War*. P. 90; Хачатрян К. Армянский вопрос и репатриация армян в 1945–1949 // Вертикали истории (Тбилиси). 2003. № 5. С. 109–110.
- ¹⁰⁴ АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 95. Л. 176–178.
- ¹⁰⁵ Там же. Л. 178.
- ¹⁰⁶ Там же. Л. 179–180.
- ¹⁰⁷ Там же. Л. 183.
- ¹⁰⁸ Там же. Л. 184.
- ¹⁰⁹ См.: Из дневника Молотова. Прием турецкого посла Селима Сарпера, 7 июня 1945 г.: АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 2. Д. 31. Л. 1–11; *Turco-Soviet Relations, 1945*: TNA. Public Records Office. FO 371/48774; Hasanli J. *The*

«Turkish Crisis» of the Cold War Period and the South Caucasian Republic // The Caucasus and Globalization. 2008. Vol. 2. No. 4. P. 120–121.

- ¹¹⁰ From Peterson to Foreign Office, 14.06.1945: TNA. Public Records Office. FO 371/48774.
- ¹¹¹ См.: Из дневника Молотова. Прием посла Турецкой Республики Селима Сарпера, 18 июня 1945 г.: АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 2. Д. 31. Л. 30–37; Department of State. Memorandum of Conversation Acting Secretary Joseph Grew with British Charge John Balfour. Subject: Soviet-Turkish Relations, 18.06.1945: NARA. RG 59. Box 4010. NND 7600050. Doc. 761.67/6–1845. Дополнительную информацию см.: Hasanli J. Stalin and Turkish Crisis of the Cold War. P. 82–85.
- ¹¹² From Foreign Office to Washington, 05.07.1945: TNA. Public Records Office. FO 371/48774.
- ¹¹³ Справка НКВД СССР о советско-турецких отношениях, 18 августа 1945 г.: АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 47. Д. 762. Л. 15; Hasanli J. The «Turkish Crisis» of the Cold War Period and the South Caucasian Republic // The Caucasus and Globalization. 2008. Vol. 2. No. 4. P. 123–124; Hasanli J. La «crisi turca» nella guerra fredda // Ventunesimo Secolo. 2009. № 19. P. 154–155.
- ¹¹⁴ Секретное решение Политбюро ЦК ВКП(б) по Синьцзяну (Восточному Туркестану), 22 июня 1945 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 37. Л. 145. Подробнее см.: Hasanli J. Der Kampf um das Erdöl im Nahen und Mittleren Osten // Stalins Wirtschaftspolitik an der sowjetischen Peripherie. Ein Überblick auf der Basis sowjetischer und osteuropäischer Quellen / hg. W. M. Iber, P. Ruggenthaler. Innsbruck; Wien; Bozen, 2011. S. 322–326; Гасанлы Дж. Синьцзян в орбите советской политики: Сталин и мусульманское движение в Восточном Туркестане (1931–1949). М., 2015. С. 178–179.

Глава VI

- ¹ Известия. 1959. 24 июня.
- ² Musayev İ. Azərbaycanın xarici siyasəti. İkinci hissə: 1920–1991. Bakı, 2010. S. 351.
- ³ Ibid. S. 352–353.
- ⁴ Известия. 1959. 24 июня.
- ⁵ Телеграмма Андреева Чеплакову и Чарквиани, 15 сентября 1942 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 64. Л. 27–28.
- ⁶ Агентура германской разведки среди армянской и грузинской эмиграции. Показания бывшего военнопленного Петра Камсаракана, 10 января 1949 г.: ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 234. Л. 202–204.
- ⁷ Там же. Л. 204–220.

- 8 Агентура германской разведки среди армянской и грузинской эмиграции. Показания бывшего военнопленного Петра Камсаракана, 10 января 1949 г.: ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 234. Л. 211.
- 9 Собственноручные показания военнопленного бывшей германской армии Камсаракана Петера, 21 октября 1948 г.: Там же. Д. 201. Л. 204.
- 10 Информация Круглова Сталину, Молотову, Маленкову и Берии, 18 октября 1948 г.: Там же. Л. 185–186.
- 11 Собственноручные показания военнопленного бывшей германской армии Камсаракана Петера, 21 октября 1948 г.: Там же. Л. 198.
- 12 П. Фитин – Молотову. Справка на Канаян Драстамата Мартиросовича (Дро), 17 июля 1944 г.: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1090. Л. 134.
- 13 Служебная справка Отто фон Хентига в имперский МИД, 20 января 1942 г.: ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 25. Л. 393–394.
- 14 Агентура германской разведки среди армянской и грузинской эмиграции, 10 января 1949 г.: Там же. Д. 234. Л. 220.
- 15 Там же. Л. 223.
- 16 Телеграмма фон Папена в МИД Германии, 30 сентября 1941 г.: Там же. Д. 100. Л. 68.
- 17 Фон Папен. Пантюркистское движение, 5 августа 1941 г.: Там же. Д. 97. Л. 337.
- 18 Там же. Л. 338–339. Дополнительную информацию см.: Andican A. *Cedidizm'den Bağımsızlığa Hariçte Türküstan Mücadelesi*. İstanbul, 2003. S. 578; Deringil S. *Denge Oyunu: İkinci Dünya Savaşında Türkiye'nin Dış Politikası*. İstanbul, 1994. S. 167.
- 19 Фон Папен. Пантюркистское движение, 5 августа 1941 г.: ГА РФ. Ф. Р-9401с. Оп. 2. Д. 97. Л. 341.
- 20 Фон Папен. К вопросу о Туране, 5 января 1942 г.: Там же. Д. 95. Л. 345.
- 21 Deringil S. *Denge Oyunu*. S. 165.
- 22 Фон Папен. Об интересах Турции на Кавказе, 13 мая 1942 г.: ГА РФ. Ф. Р-9401с. Оп. 2. Д. 97. Л. 347.
- 23 Керим Одар. Значение Кавказа и положение кавказцев. Меморандум, 13 мая 1942 г.: Там же. Л. 348–354.
- 24 Гасанов Г. *Иранский дневник (1944–1946)*. Баку, 2007. С. 386.
- 25 Önder Z. *II. Dünya Savaşında Türk Dış Politikası*. Ankara, 2010. S. 181–182; Мамулия Г. *Борьба за свободу и независимость Кавказа (1921–1945)*. Тбилиси; Париж, 2012. С. 378–380.
- 26 Заметки для генерала Варлимонта, 23 января 1942 г.: ГА РФ. Ф. Р-9401с. Оп. 2. Д. 95. Л. 294–295.
- 27 *The Middle East in the War*. London, 1952. P. 449.

- 28 Önder Z. II. Dünya Savaşında Türk Dış Politikası. S. 183–184.
- 29 Westad O. A. The Global Cold War. Third World Interventions and the Making of Our Times. Cambridge, 2007. P. 61.
- 30 Инструкция Иоахима фон Риббентропа фон Папену. Лично послу, 12 сентября 1942 г.: ГА РФ. Ф. Р-9401с. Оп. 2. Д. 100. Л. 76. Дополнительную информацию см.: Türkiyedeki Alman Politikası 1941–1943. Alman Dış İşleri Dairesi Belgeleri. İstanbul, 1977. S. 81.
- 31 Önder Z. II. Dünya Savaşında Türk Dış Politikası. S. 184.
- 32 Deringil S. Denge Oyunu. S. 187.
- 33 Andican A. Ceditizm'den Bağımsızlığa Hariçte Türkistan Mücadelesi. S. 591.
- 34 Сообщение фон Папена в МИД Германии о встрече с Нуманом Менеменджиглу, 26 августа 1942 г.: ГА РФ. Ф. Р-9401с. Оп. 2. Д. 100. Л. 73.
- 35 Телеграмма Риббентропа Эттелю, 22 августа 1941 г.: Там же. Д. 95. Л. 159.
- 36 Сообщение Берии и Круглова Сталину, 16 октября 1945 г.: Там же. Д. 100. Л. 76.
- 37 Германская пропаганда в Турции, 15 июля 1944 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 9. Л. 23.
- 38 Выписка из письма фон Папена, 17 августа 1941 г.: ГА РФ. Ф. Р-9401с. Оп. 2. Д. 97. Л. 287–288.
- 39 Önder Z. II. Dünya Savaşında Türk Dış Politikası. S. 179–180; Andican A. Ceditizm'den Bağımsızlığa Hariçte Türkistan Mücadelesi. S. 510–511. Дополнительную информацию о переговорах Нуру-паши в Берлине см.: DGFP. Series D. Vol. VII. P. 571–575.
- 40 Önder Z. II. Dünya Savaşında Türk Dış Politikası. S. 181; Andican A. Ceditizm'den Bağımsızlığa Hariçte Türkistan Mücadelesi. S. 589.
- 41 Алимджан Идрис. Российские тюрко-татары, 25 июня 1941 г.: ГА РФ. Ф. Р-9401с. Оп. 2. Д. 97. Л. 374–379.
- 42 Алимджан Идрис. Дополнение, 25 июня 1941 г.: Там же. Л. 380.
- 43 П. Фитин – Молотову. Справка о Заки Валиди Тогане, 13 июля 1944 г.: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1090. Л. 147.
- 44 П. Фитин – Молотову. Справка о Джафаре Сеидахмеде, 15 июля 1944 г.: Там же. Л. 148–149.
- 45 Andican A. Ceditizm'den Bağımsızlığa Hariçte Türkistan Mücadelesi. S. 484.
- 46 Обращение Хатисяна, Алибекова, Чхенкели и Намитока в МИД Германии, 17 июля 1941 г.: ГА РФ. Ф. Р-9401с. Оп. 2. Д. 95. Л. 372–373.
- 47 См.: Исмаил Акбер. Азербайджанские легионеры в борьбе за независимость в годы Второй мировой войны, 1951 г.: НИА. Collection A. Dallin. Box 6. F. 6. P. 6.
- 48 Andican A. Ceditizm'den Bağımsızlığa Hariçte Türkistan Mücadelesi. S. 516.

- 49 Ibid. S. 495.
- 50 Исмаил Акбер. Азербайджанские легионеры в борьбе за независимость в годы Второй мировой войны, 1951 г.: НИА. Collection A. Dallin. Box 6. F. 6. P. 4.
- 51 Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 381–382.
- 52 Dallin A. *German Rule in Russia, 1941–1945. A Study of Occupation Policies.* London; New York, 1957. P. 230–231.
- 53 Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 386–387.
- 54 Руководитель азербайджанских турков об освобождении Кавказа, 24 ноября 1941 г.: ГА РФ. Ф. Р-9401с. Оп. 2. Д. 95. Л. 382.
- 55 Там же. Л. 383.
- 56 Там же. Л. 383–384.
- 57 Там же. Л. 385.
- 58 Исмаил Акбер. Азербайджанские легионеры в борьбе за независимость в годы Второй мировой войны, 1951 г.: НИА. Collection A. Dallin. Box 6. F. 6. P. 3.
- 59 Чуев С. Г. Кавказская карта Германии // Военно-исторический архив. 2004. № 1. С. 35–36.
- 60 Caroe O. *Soviet Empire. The Turks of Central Asia and Stalinism.* New York, 1954. P. 250.
- 61 Исмаил Акбер. Азербайджанские легионеры в борьбе за независимость в годы Второй мировой войны, 1951 г.: НИА. Collection A. Dallin. Box 6. F. 6. P. 19.
- 62 Чуев С. Г. Кавказская карта Германии. С. 38–39; Andican A. *Cedidizm'den Bağımsızlığa Hariçte Türkistan Mücadelesi.* S. 511.
- 63 Yaqublu N. *Azərbaycan legionerləri.* Bakı, 2005. S. 89.
- 64 Исмаил Акбер. Азербайджанские легионеры в борьбе за независимость в годы Второй мировой войны, 1951 г.: НИА. Collection A. Dallin. Box 6. F. 6. P. 3.
- 65 Caroe O. *Soviet Empire.* P. 246.
- 66 См.: Лауц. Служебная записка, 3 октября 1941 г.: ГА РФ. Ф. Р-9401с. Оп. 2. Д. 97. Л. 357–358.
- 67 См.: Крамарж – в оперативный штаб Вооруженных сил, 17 декабря 1941 г.: Там же. Л. 359.
- 68 Исмаил Акбер. Азербайджанские легионеры в борьбе за независимость в годы Второй мировой войны, 1951 г.: НИА. Collection A. Dallin. Box 6. F. 6. P. 7.
- 69 Крамарж. О создании добровольных соединений из советских военнопленных, 30 декабря 1941 г.: ГА РФ. Ф. Р-9401с. Оп. 2. Д. 97. Л. 360–361.

- ⁷⁰ Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 412–413.
- ⁷¹ Об освобождении советских военнопленных из крымских татар и улучшении их положения, 16 января 1942 г.: ГА РФ. Ф. Р-9401с. Оп. 2. Д. 97. Л. 363.
- ⁷² Об улучшении положения азербайджанцев и других военнопленных с Кавказа, Волги и из Средней Азии, 1942 г.: Там же. Л. 365.
- ⁷³ Исмаил Акбер. Азербайджанские легионеры в борьбе за независимость в годы Второй мировой войны, 1951 г.: НИА. Collection A. Dallin. Box 6. F. 6. P. 7–9.
- ⁷⁴ Абуталыбов Р. Свои среди чужих, чужие среди своих. М., 2007. С. 8.
- ⁷⁵ Чуев С. Г. Кавказская карта Германии. С. 40; Абуталыбов Р. Свои среди чужих, чужие среди своих. С. 7.
- ⁷⁶ Фаталибейли А. Отчет азербайджанскому народу о борьбе его сынов за независимость Родины в период Второй мировой войны // Азербайджан (Мюнхен). 1951. № 1. С. 19; П. Фитин – Молотову. Справка о Вели Каюмхане, 1944 г.: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1090. Л. 144.
- ⁷⁷ Azərbaycan. 1943. 7 noyabr.
- ⁷⁸ Azərbaycan. 1943. 21 noyabr.
- ⁷⁹ Azərbaycan. 1943. 19 dekabr.
- ⁸⁰ Исмаил Акбер. Азербайджанские легионеры в борьбе за независимость в годы Второй мировой войны, 1951 г.: НИА. Collection A. Dallin. Box 6. F. 6. P. 21.
- ⁸¹ Ibid. P. 21–22. Подробнее об эмигрантской и легионерской прессе см.: Yaqublu N. Azərbaycan legionerləri. S. 125–135.
- ⁸² Azərbaycan. 1943. 19 dekabr; Исмаил Акбер. Азербайджанские легионеры в борьбе за независимость в годы Второй мировой войны, 1951 г.: НИА. Collection A. Dallin. Box 6. F. 6. P. 22–23.
- ⁸³ Kreckler L. Deutschland und die Türkei im Zweiten Weltkrieg. Frankfurt, 1964. S. 220.
- ⁸⁴ Чуев С. Г. Кавказская карта Германии. С. 41–42.
- ⁸⁵ Исмаил Акбер. Азербайджанские легионеры в борьбе за независимость в годы Второй мировой войны, 1951 г.: НИА. Collection A. Dallin. Box 6. F. 6. P. 10–11.
- ⁸⁶ Ibid. P. 24.
- ⁸⁷ Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 539.
- ⁸⁸ Fətəlibəyli-Düdənginski Ə. General Bığərahova açıq məktub // Sabah. 1992. 15–30 may.

- ⁸⁹ Исмаил Акбер. Азербайджанские легионеры в борьбе за независимость в годы Второй мировой войны, 1951 г.: НИА. Collection A. Dallin. Box 6. F. 6. P. 12.
- ⁹⁰ Безугольный А. Ю. Кавказские национальные формирования в политических дискуссиях в период обороны Кавказа // Военно-исторический архив. 2004. № 10. С. 63.
- ⁹¹ Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 407.
- ⁹² Там же. С. 410.
- ⁹³ Там же. С. 410–411.
- ⁹⁴ Önder Z. II. Dünya Savaşında Türk Dış Politikası. S. 181.
- ⁹⁵ Papen F., von. Memoirs. London, 1952. P. 503.
- ⁹⁶ Письмо Черчилля Сталину, 30 сентября 1942 г.: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1102. Л. 136.
- ⁹⁷ Письмо Черчилля Сталину, 8 ноября 1942 г.: Там же. Л. 138.
- ⁹⁸ Там же. Л. 148.
- ⁹⁹ Письмо Сталина Черчиллю, 9 ноября 1942 г.: Там же. Л. 149.
- ¹⁰⁰ Безугольный А. Ю. Кавказские национальные формирования в политических дискуссиях в период обороны Кавказа. С. 71.
- ¹⁰¹ Абуталыбов Р. Свои среди чужих, чужие среди своих. С. 14–15.
- ¹⁰² Andican A. Ceditizm'den Bağımsızlığa Hariçte Türkistan Mücadelesi. S. 488.
- ¹⁰³ Ibid. S. 534.
- ¹⁰⁴ Балаев А. Мамед Эмин Расулзаде (1884–1955). М., 2009. С. 254.
- ¹⁰⁵ A. Alibekov. The Aserbaydzhani and the War. Interview: НИА. Collection A. Dallin. Box 6. P. 1.
- ¹⁰⁶ Фон Папен. Пантюристское движение, 5 августа 1941 г.: ГА РФ. Ф. Р-9401с. Оп. 2. Д. 95. Л. 337.
- ¹⁰⁷ П. Фитин – Молотову. Справка о М. Э. Расулзаде, 17 июля 1944 г.: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1090. Л. 142.
- ¹⁰⁸ Yaqublu N. Müsavat partiyasının tarixi. Bakı, 1997. S. 209; Абуталыбов Р. Свои среди чужих, чужие среди своих. С. 11.
- ¹⁰⁹ Andican A. Ceditizm'den Bağımsızlığa Hariçte Türkistan Mücadelesi. S. 518–519.
- ¹¹⁰ Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 395; Yaqublu N. Azərbaycan legionərləri. S. 96; Andican A. Ceditizm'den Bağımsızlığa Hariçte Türkistan Mücadelesi. S. 518–519; П. Фитин – Молотову. Справки на лидеров эмигрантов, 17 июля 1944 г.: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1090. Л. 122–149.
- ¹¹¹ П. Фитин – Молотову. Справка о М. Э. Расулзаде, 17 июля 1944 г.: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1090. Л. 142.

- ¹¹² Azərbaycan. 1954. № 9 (33). S. 11.
- ¹¹³ Kavkasya. 1952. № 9. S. 26.
- ¹¹⁴ Yaqublu N. Azərbaycan legionerləri. S. 99; Andican A. Cədidizm'dən Bağımsızlığa Hərçtə Türkıstan Mücadelesi. S. 521.
- ¹¹⁵ Балаев А. Мамед Эмин Расулзаде. С. 254.
- ¹¹⁶ Yaqublu N. Azərbaycan legionerləri. S. 99–100.
- ¹¹⁷ Andican A. Cədidizm'dən Bağımsızlığa Hərçtə Türkıstan Mücadelesi. S. 520–521.
- ¹¹⁸ П. Фитин – Молотову. Справка о М. Э. Расулзаде, 17 июля 1944 г.: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1090. Л. 143.
- ¹¹⁹ Daha detallı sm.: Yaqublu N. Məmməd Əmin Rəsulzadə. Bakı, 1991. S.229–231; Балаев А. Мамед Эмин Расулзаде. С. 258–259.
- ¹²⁰ Исмаил Акбер. Азербайджанские легионеры в борьбе за независимость в годы Второй мировой войны, 1951 г.: НИА. Collection A. Dallin. Box 6. F. 6. P. 25–26.
- ¹²¹ Fətəlibəyli-Düdənginski Ə. General Bıçeraxova açıq məktub // Sabah. 1992. 15–30 may; Исмаил Акбер. Азербайджанские легионеры в борьбе за независимость в годы Второй мировой войны, 1951 г.: НИА. Collection A. Dallin. Box 6. F. 6. P. 26–27.
- ¹²² Azərbaycan. 1943. 14 noyabr.
- ¹²³ Der Angriff. 1943. 9. November.
- ¹²⁴ Azərbaycan. 1943. 14 noyabr.
- ¹²⁵ Ibid.
- ¹²⁶ Ibid.
- ¹²⁷ Ibid.
- ¹²⁸ Azərbaycan. 1943. 7 noyabr.
- ¹²⁹ Ibid.
- ¹³⁰ Ibid.
- ¹³¹ Azərbaycan. 1943. 21 noyabr. Daha detallı eonatsionalnom съездесм.: Yaqublu N. Azərbaycan legionerləri. S. 111–125.
- ¹³² Абуталыбов Р. Свои среди чужих, чужие среди своих. С. 13.
- ¹³³ Rəsulzadə М. Ə. Azərbaycan davası. Bakı, 1998. S. 64.
- ¹³⁴ Azərbaycan. 1944. 5 fevral.
- ¹³⁵ Azərbaycan. 1944. 13 mart.
- ¹³⁶ Ibid.
- ¹³⁷ Исмаил Акбер. Азербайджанские легионеры в борьбе за независимость в годы Второй мировой войны, 1951 г.: НИА. Collection A. Dallin. Box 6. F. 6. P. 28–29.

- ¹³⁸ Azərbaycan. 1944. 12 iyun.
- ¹³⁹ Armaoğlu F. İkinci Dünya Harbinde Türkiye // Siyasal Bilgiler Fakültesi Dergisi. 1958. Cilt 12. No. 2. S. 172.
- ¹⁴⁰ Andican A. Cedidizm'den Bağımsızlığa Hariçte Türkistan Mücadelesi. S. 600–601.
- ¹⁴¹ В 1950 г. Сертели покинули Турцию и за границей присоединились к одной из коммунистических групп. Сабиха Сертель последние годы жизни провела в Баку и умерла в 1968 г. Ее могила находится в Аллее почетного захоронения.
- ¹⁴² Известия. 1944. 1 июня.
- ¹⁴³ Ağaoglu S. Babamın Arkadaşları. İstanbul, 1958. S. 116.
- ¹⁴⁴ Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 542.
- ¹⁴⁵ Исмаил Акбер. Азербайджанские легионеры в борьбе за независимость в годы Второй мировой войны, 1951 г.: НИА. Collection A. Dallin. Box 6. F. 6. P. 34.
- ¹⁴⁶ Kaukasische Verbindungsstäbe an Rosenberg, 28.08.1944: НИА. Collection A. Dallin. Box 6. F. 6.
- ¹⁴⁷ Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 431.
- ¹⁴⁸ Andican A. Cedidizm'den Bağımsızlığa Hariçte Türkistan Mücadelesi. S. 568.
- ¹⁴⁹ Thorwald J. Die Illusion. Rotarmisten in Hitlers Heeren. Zürich, 1974. S. 284.
- ¹⁵⁰ Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 432.
- ¹⁵¹ Jeloschek A., Richter F., Schütte E., Semler J. Freiwillige vom Kaukasus. Georgier, Armenier, Aserbaidshaner, Tschetschenen u. a. auf deutscher Seite. Der «Sonderverband Bergmann» und sein Gründer Theodor Oberländer. Graz; Stuttgart, 2003. S. 292.
- ¹⁵² Fətəlibəyli-Düdənginski Ə. General Biçeraxova açıq məktub // Sabah. 1992. 15–30 may.
- ¹⁵³ Ibid.
- ¹⁵⁴ Ibid.
- ¹⁵⁵ A. Schafi-Almag, A. Djamalian, A. Alibekoff, M. Kedia, A. Kantemir, E. Kirimal, Dr. Scharimli, A. Melnik, R. Astrowsi. An den Herrn Reichsminister für die besetzen Ostgebiete, Reichsleiter Alfred Rosenberg. Berlin, 18.11.1944: НИА. Collection A. Dallin. Box 6; Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 438–439.
- ¹⁵⁶ Das Kaukasische Komitee an Berger, über Arldt, 7.3.1945: НИА. Collection A. Dallin. Box 6.
- ¹⁵⁷ Hayit B. Sovyetler Birliğindeki Türklüğün ve İslamın bazı Meseleleri. İstanbul, 1987. S. 200.
- ¹⁵⁸ Абуталыбов Р. Свои среди чужих, чужие среди своих. С. 16.

- ¹⁵⁹ Fətəlibəyli-Düdənginski Ə. General Biçeraxova açıq məktub // Sabah. 1992. 15–30 may.
- ¹⁶⁰ Исмаил Акбер. Азербайджанские легионеры в борьбе за независимость в годы Второй мировой войны, 1951 г.: НИА. Collection A. Dallin. Box 6. F. 6. P. 35–36.
- ¹⁶¹ Andican A. Cedidizm'den Bağımsızlığa Həriçte Türkistan Mücadelesi. S. 569.
- ¹⁶² Türkiye Böyük Millet Meclisi Tutanak Dergisi. 1951. Cilt 9. Birleşim 101. S. 204–205.

Глава VII

- ¹ Рапорт Кавтарадзе Молотову, 21 марта 1945 г.: АВП РФ. Ф. 094. Оп. 31. П. 351а. Д. 3. Л. 29–30; Рапорт Кавтарадзе Сталину, 21 апреля 1945 г.: Там же. Л. 41–43.
- ² Подробнее о правительстве Хаками см.: Azimi F. Iran: The Crisis of Democracy. From the Exile of Reza Shah to the Fall of Musaddiq. London; New-York, 2009. P. 121–123.
- ³ Информация Сычева Кавтарадзе, 2 июня 1945 г.: АВП РФ. Ф. 094. Оп. 366. П. 3. Д. 357. Л. 8.
- ⁴ Письмо Сепახбоди Максимову, 19 мая 1945 г.: Там же. Ф. 0431. Оп. 1. П. 8. Д. 50. Л. 2–3; Hasanli J. At the Dawn of the Cold War: The Soviet-American Crisis over Iranian Azerbaijan, 1941–1946. Lanham; Boulder; New York; Toronto; Oxford, 2006. P. 62.
- ⁵ Нота иранского правительства правительству СССР, 23 мая 1945 г.: АВП РФ. Ф. 094. Оп. 31. П. 351а. Д. 6. Л. 18–19.
- ⁶ Краткий обзор советско-иранских отношений (1917–1955). Архивное Управление МИД СССР, июнь 1956 г.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 171. Л. 76.
- ⁷ Подробнее об этом см.: Юнгблюд В. Т., Чучкалов А. В. Политика США в Иране в годы Второй мировой войны. Киров, 2011. С. 164–174.
- ⁸ Решение Политбюро ЦК ВКП(б) о разрешении на создание Духовного управления мусульман Северного и Южного Кавказа, 6 марта 1945 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 37. Л. 114.
- ⁹ Отчет о визите шейх-уль-ислама Ахунд-Аги Ализаде в Иран, июнь 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 95. Л. 22–43. Подробнее см.: Həsənli C. Güney Azərbaycan: Tehran-Bakı-Moskva arasında (1939–1945). Bakı, 1998. S. 171–181.
- ¹⁰ Информация о том, что обращение Ахунд-Аги Ализаде зачитано в мечетях Ирана, 1944 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 91. Л. 83.
- ¹¹ Иран-е ма (фарси). 1945. 25 мая.
- ¹² Ветен йолунда (фарси). 1945. 25 мая.

- ¹³ Хавер-е ноу (фарси). 1945. 26 мая.
- ¹⁴ Отчет Ахада Якубова Кавтарадзе и Багирову о поездке шейх-уль-ислама Ахунд-Аги Ализаде в Иран, 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 91. Л. 85.
- ¹⁵ Отчет о поездке шейх-уль-ислама Ахунд-Аги Ализаде в Иран, 1945 г.: Там же. Д. 95. Л. 28.
- ¹⁶ Там же. Л. 30.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. Л. 32.
- ¹⁹ Там же. Л. 29.
- ²⁰ Там же. Л. 35.
- ²¹ Там же. Л. 36.
- ²² Там же. Л. 38.
- ²³ Там же. Л. 39–40.
- ²⁴ Отчет Ахада Якубова Кавтарадзе и Багирову о поездке шейх-уль-ислама Ахунд-Аги Ализаде в Иран, 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 91. Л. 88.
- ²⁵ Иран-е ма (фарси). 1945. 7 июня.
- ²⁶ Отчет Ахада Якубова Кавтарадзе и Багирову о поездке шейх-уль-ислама Ахунд-Аги Ализаде в Иран, 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 91. Л. 88.
- ²⁷ Дад (фарси). 1945. 5 июня.
- ²⁸ Иран-е ма (фарси). 1945. 7 июня.
- ²⁹ Мозаффар (фарси). 1945. 9 июня.
- ³⁰ АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 105. Л. 29–30.
- ³¹ Отчет Ахада Якубова Кавтарадзе и Багирову о поездке шейх-уль-ислама Ахунд-Аги Ализаде в Иран, 1945 г.: Там же. Д. 91. Л. 94.
- ³² Там же. Л. 95–96.
- ³³ Там же. Л. 113–115.
- ³⁴ Подробнее о правительстве Садра см.: Azimi F. Iran: The Crisis of Democracy. P. 124–134.
- ³⁵ Письмо Аннагиева Багирову, 22 мая 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 105. Л. 18.
- ³⁶ Scheid Raine F. Stalin and the Creation of the Azerbaijan Democratic Party in Iran, 1945 // Cold War History. 2001. Vol. 2. No. 1. P. 3.
- ³⁷ Решение СНК СССР «Об организации советских промышленных предприятий в Северном Иране», 10 июня 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 106. Л. 8–10. Дополнительную информацию см.: Hasanli J. At the Dawn of the Cold War. P. 63; Idem. Iranian Azerbaijan: The Epicenter of a Cold War // The Caucasus and Globalization. 2008. Vol. 2. No. 1–2. P. 10–11.

- ³⁸ Зубок В. Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева. М., 2011. С. 73.
- ³⁹ Отдел международной информации ЦК ВКП(б). Сообщение тов. Козлова о положении в Иране. Стенограмма, 6 июня 1945 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 748. Л. 56–60.
- ⁴⁰ Там же. Л. 70–71.
- ⁴¹ Там же. Л. 84.
- ⁴² К событиям в Иранском Азербайджане, 15 февраля 1946 г.: ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 861. Л. 12.
- ⁴³ Проект постановления ЦК ВКП(б) «Об инициировании в Южном Азербайджане и других областях движения сепаратистов», 11 июня 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 90. Л. 6–9.
- ⁴⁴ Подробнее о нефтяной политике СССР в Иране см.: Hasanli J., Zubok V. *La prima crisi della guerra fredda: Mosca e il petrolio iraniano (1943–1946)* // *Ventesimo Secolo*. 2007. Anno VI. № 13. P. 11–44; Hasanli J. *At the Dawn of the Cold War*. P. 44–60; Idem. *Der Kampf um das Erdöl im Nahen und Mittleren Osten* // *Stalins Wirtschaftspolitik an der sowjetischen Peripherie. Ein Überblick auf der Basis sowjetischer und osteuropäischer Quellen* / hg. W. M. Iber, P. Ruggenthaler. Innsbruck; Wien; Bozen, 2011. P. 300–304; Алиев С. М. *История Ирана. XX век*. М., 2004. С. 210–214.
- ⁴⁵ Scheid Raine F. *The Iranian Crisis of 1946 and the Origins of Cold War* // *Origins of the Cold War. An International History* / ed. M. P. Leffler, D. S. Painter. 2nd ed. New York; London, 2005. P. 98.
- ⁴⁶ Решение ГКО «О нефтяных геолого-разведывательных работах в Северном Иране», 21 июня 1945 г.: РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 507. Л. 144. Дополнительную информацию см.: Гасанлы Дж. *СССР–Иран: Азербайджанский кризис и начало холодной войны, 1941–1946*. М., 2006. С. 89–92.
- ⁴⁷ Решение ГКО «О нефтяных геолого-разведывательных работах в Северном Иране», 21 июня 1945 г.: РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 507. Л. 145.
- ⁴⁸ Там же. Л. 146–147.
- ⁴⁹ «О геолого-разведывательных нефтяных делах в Северном Иране», сентябрь 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 104. Л. 103–104.
- ⁵⁰ Там же. Д. 101. Л. 96–98.
- ⁵¹ Telegram from Leland B. Morris to the Secretary of State, 06.03.1945: NARA. RG 59. Box 3398. NND 7600050. Doc. 761.91/3–645.
- ⁵² Егорова Н. И. «Иранский кризис» 1945–1946 гг.: По рассекреченным архивным материалам // *Новая и новейшая история*. 1994. № 3. С. 28; Roberts G. *Moscow's Cold War on the Periphery: Soviet Policy in Greece, Iran, and Turkey, 1943–8* // *Journal of Contemporary History*. 2011. Vol. 46. No. 1. P. 66.

- ⁵³ From Richard Ford to the Secretary of State. Enclosing Copy of Statement Concerning Soviet Policy in Iran, 12.01.1945: NARA. RG 59. Box 3398. NND 7600050. Doc. 761.91/1–1245. Дополнительную информацию см.: Юнгблюд В. Т., Чучкалов А. В. Политика США в Иране в годы Второй мировой войны. С. 252–259.
- ⁵⁴ Зубок В. Неудавшаяся империя. С. 76.
- ⁵⁵ Scheid Raine F. The Iranian Crisis of 1946 and the Origins of Cold War. P. 96.
- ⁵⁶ Roberts G. Moscow's Cold War on the Periphery. P. 66.
- ⁵⁷ М. Алиев. Справка «О Северном и Южном Азербайджане», 23 июня 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 108. Л. 1–21.
- ⁵⁸ Вопрос привязки Азербайджана и азербайджанцев к Мидии был обусловлен концепцией Сталина, отрицавшей их тюркское происхождение. Спустя некоторое время на фоне антитурецкой свистопляски в СССР появилось немало научных трудов, настаивавших на родовой близости азербайджанцев и мидийцев.
- ⁵⁹ М. Алиев. Справка «О Северном и Южном Азербайджане», 23 июня 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 108. Л. 1–2.
- ⁶⁰ Там же. Л. 2–3.
- ⁶¹ Там же. Л. 6–7.
- ⁶² Там же. Л. 8.
- ⁶³ Там же. Л. 18.
- ⁶⁴ Там же. Л. 20.
- ⁶⁵ Информация сотрудника НКВД СССР Шпедько, 1946 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1111. Л. 25.
- ⁶⁶ «К вопросу о разделе Азербайджана по Туркманчайскому договору», июнь 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 108. Л. 94.
- ⁶⁷ Там же. Л. 102.
- ⁶⁸ Там же. Л. 102–103.
- ⁶⁹ См.: Границы Азербайджана, июнь 1945 г.: Там же. Л. 104–106.
- ⁷⁰ П. Милоградов. Борьба народов Ирана за независимость и демократию (1941–1948 гг.). Рукопись докторской диссертации, 1949 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1188. Л. 392–394.
- ⁷¹ Там же. Л. 392.
- ⁷² Browne E. G. A Year amongst the Persians. London, 1893. P. 46–47.
- ⁷³ П. Милоградов. Борьба народов Ирана за независимость и демократию (1941–1948 гг.). Рукопись докторской диссертации, 1949 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1188. Л. 398.

- ⁷⁴ А. Ованесян – в ЦК ВКП(б). «Крупный поворот в партии и опасность, вытекающая из этого», 22 сентября 1945 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 819. Л. 50.
- ⁷⁵ См.: Выписка из информации сотрудника НКВД СССР Шпедько, 1946 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1111. Л. 26.
- ⁷⁶ Scheid Raine F. The Iranian Crisis of 1946 and the Origins of Cold War History. P. 98; Hasanli J., Zubok V. La prima crisi della guerra fredda. P. 18–19; Гасанлы Дж. СССР–Иран. С. 92–94.
- ⁷⁷ Решение Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по организации сепаратистского движения в Южном Азербайджане и других провинциях Северного Ирана», 6 июля 1945 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 37. Л. 147.
- ⁷⁸ Из дневника Кавтарадзе. Прием иранского посла Меджида Ахи, 8 августа 1945 г.: АВП РФ. Ф. 094. Оп. 31. П. 351а. Д. 6. Л. 28.
- ⁷⁹ Решение Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по организации сепаратистского движения в Южном Азербайджане и других провинциях Северного Ирана», 6 июля 1945 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 37. Л. 147.
- ⁸⁰ Там же. Л. 147–148.
- ⁸¹ Письмо Петрова Багирову, 17 июля 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 107. Л. 59.
- ⁸² Письмо Аннагиева Багирову, 22 мая 1945 г.: Там же. Д. 105. Л. 12–13.
- ⁸³ Там же. Л. 15.
- ⁸⁴ Выписка из дневника Максимова. Прием министра иностранных дел Ирана Сепакхоби, 17 июля 1945 г.: АВП РФ. Ф. 094. Оп. 31. П. 351а. Д. 9. Л. 51–52.
- ⁸⁵ Правда. 1945. 19 авг.
- ⁸⁶ Телеграмма Багирова Маленкову, 14 июля 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 90. Л. 16.
- ⁸⁷ Там же. Л. 17.
- ⁸⁸ План мероприятий по реализации специальных заданий в Южном Азербайджане и Северном Иране, 14 июля 1945 г.: Там же. Л. 9.
- ⁸⁹ Там же. Л. 9–10.
- ⁹⁰ L'Estrange Fawcett L. Iran and the Cold War: The Azerbaijan Crisis of 1946. Cambridge, 1992. P. 5–6.
- ⁹¹ План мероприятий по реализации специальных заданий в Южном Азербайджане и Северном Иране, 14 июля 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 90. Л. 10.
- ⁹² «Об издании иллюстрированного журнала для распространения в Южном Азербайджане». Решение Бюро ЦК КП Азербайджана, 28 июля 1945 г.: Там же. Оп. 220. Д. 48. Л. 73–74.

- ⁹³ Azərbaycan. 1945. № 1. S. 2–57.
- ⁹⁴ Письмо Багирова в ЦК ВКП(б) Александрову, 24 июля 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 106. Л. 3–5.
- ⁹⁵ Письмо Веселова Багирову и Егорову, 11 августа 1945 г.: Там же. Л. 6.
- ⁹⁶ Гасанов Г. Иранский дневник (1944–1946). Баку, 2007. С. 321.
- ⁹⁷ Письмо Багирова Сталину, 6 сентября 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 90. Л. 19. О жизни и политической деятельности Сеида Джафара Пишевари, особенно о руководящей роли в «движении 21-го Азера» подробно см.: Çeşmazær M. S. C. Pişävärinin Azərbaycan Demokrat Partiyasının və Azərbaycan milli hökumətinin yaranması uğrunda mübarizədə rolu // Cənubi Azərbaycan tarixi məsələləri. Bakı, 1989; Çeşmazær M. Azərbaycan Demokrat Partiyasının yaranması və fəaliyyəti (Cənubi Azərbaycan 1945–1946-cı illərdə). Bakı, 1986; Rəhimli Ə. Mübarizə burulğanında keçən ömür: Seyid Cəfær Pişävəri. Bakı, 2009; Həsənli C. Güney Azərbaycan: Tehran-Bakı-Moskva arasında (1939–1945). Bakı, 1998; Idem. Soyuq müharibənin başladığı yer: Güney Azərbaycan (1945–1946). Bakı, 1999; Idem. Güney Azərbaycanda Sovet-Amerika-İngiltərə qarşılıqlı (1941–1946). Bakı, 2001; Idem. Soğuk Savaşın ilk çatışması: İran Azərbaycanı. İstanbul, 2005; Hasanli J. At the Dawn of the Cold War; Гасанлы Дж. СССР–Иран.
- ⁹⁸ Алиев С. М. История Ирана. С. 216. Подробнее см.: Баят К. Фа'алиятхайе комунисти дар доуре-йе Реза шах (1300–1310 / 1921–1931). Техран, 1370/1991. С. 111–171 (фарси); Раисния Р. Ахарин Сангар-е азади. Маджму-е магалат-е Мир Джафар-е Пишевари. Техран, 1377/1998 (фарси).
- ⁹⁹ А. Ованесян – в ЦК ВКП(б). «Крупный поворот в партии и опасность, вытекающая из этого», 22 сентября 1945: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 819. Л. 57–58.
- ¹⁰⁰ Там же. Л. 59.
- ¹⁰¹ Письмо Багирова Молотову, Берии и Маленкову, 23 ноября 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 90. Л. 67.
- ¹⁰² Гасанов Г. Иранский дневник. С. 321.
- ¹⁰³ А. Ованесян – в ЦК ВКП(б). «Крупный поворот в партии и опасность, вытекающая из этого», 22 сентября 1945: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 819. Л. 61.
- ¹⁰⁴ Инструкция бакинскому резиденту в Тебризе «Чобану», апрель 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 95. Л. 59. Исследования показали, что под псевдонимом «Чобан» в Тебризе действовал сотрудник НКГБ Азербайджанской ССР, вице-консул в Тебризе Нурмамед (Нуру) Кулиев.
- ¹⁰⁵ Письмо Багирова Емельянову, Гасанову и Ибрагимову, 17 августа 1945 г.: Там же. Д. 107. Л. 121.

- ¹⁰⁶ А. Ованесян – в ЦК ВКП(б). Продолжение письма от 5 октября 1945 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 819. Л. 73.
- ¹⁰⁷ Гасанлы Дж. СССР–Иран. С. 105–106. Дополнительную информацию см.: Gellately R. *Stalin's Curse: Battling for Communism in War and Cold War*. London, 2013. P. 152–153.
- ¹⁰⁸ О шпионской деятельности американских миссионеров см.: Юнгблюд В. Т., Чучкалов А. В. Политика США в Иране в годы Второй мировой войны. С. 92–93.
- ¹⁰⁹ From Embassy of the USA in Tehran to the Secretary of State. Reported Soviet Interference with Iranian Gendarmes at Shahi, 05.01.1945: NARA. RG 59. Box 3398. NND 7600050. Doc. 761.91/1–545.
- ¹¹⁰ The Decode of Cypher Received from Tabriz, 25.09.1945: Ibid. Doc. 761.91/9–2545.
- ¹¹¹ From American Embassy, Tehran. Confidential Report, 25.09.1945: Ibid.
- ¹¹² Егорова Н. И. «Иранский кризис» 1945–1946 гг. С. 30.
- ¹¹³ См.: Краткий обзор советско-иранских отношений (1917–1955). Архивное управление МИД СССР, июнь 1956 г.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 171. Л. 76.
- ¹¹⁴ Служебная справка Кавтарадзе Молотову, 24 мая 1945 г.: АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 33. Д. 466. Л. 11.
- ¹¹⁵ Егорова Н. И. «Иранский кризис» 1945–1946 гг. С. 31.
- ¹¹⁶ Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.): Сб. документов. М., 1984. С. 323–324.
- ¹¹⁷ Scheid Raine F. *Stalin and the Creation of the Azerbaijan Democratic Party in Iran*. P. 2.
- ¹¹⁸ Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании. С. 155–156.
- ¹¹⁹ Памятная записка Фрэнка Робертса Деканозову, 31 июля 1945 г.: АВП РФ. Ф. 0431. Оп. 1. П. 8. Д. 50. Л. 11; Gellately R. *Stalin's Curse*. P. 153.
- ¹²⁰ Печатнов В. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. Документальные очерки. М., 2006. С. 339.
- ¹²¹ Сообщение Максимова Молотову и Кавтарадзе, 3 августа 1945 г.: АВП РФ. Ф. 094. Оп. 31. П. 351а. Д. 8. Л. 68а – 68б.
- ¹²² Из дневника Кавтарадзе. Прием посла Ахи, 8 августа 1945 г.: Там же. Д. 6. Л. 28.
- ¹²³ Kuniholm B. R. *The Origins of the Cold War in the Near East: Great Power Conflict and Diplomacy in Iran, Turkey, and Greece*. Princeton, 1994. P. 271.
- ¹²⁴ С. Кавтарадзе. К вопросу о выводе советских войск из Ирана, 8 августа 1945 г.: АВП РФ. Ф. 0431. Оп. 1. П. 8. Д. 50. Л. 12.

- ¹²⁵ С. Кавтарадзе. К вопросу о выводе советских войск из Ирана, 8 августа 1945 г.: АВП РФ. Ф. 0431. Оп. 1. П. 8. Д. 50. Л. 13.
- ¹²⁶ Письмо Молотова Арчибальду Керру, 17 августа 1945 г.: Там же.
- ¹²⁷ Предложения Кавтарадзе Молотову по вопросу о выводе советских войск из Ирана, 17 августа 1945 г.: Там же. Л. 16.
- ¹²⁸ L'Estrange Fawcett L. *Iran and the Cold War*. P. 177.
- ¹²⁹ Mohammad Mosaddeq and the 1953 Coup in Iran / ed. M. J. Gasiorowski, M. Byrne. New York, 2004. P. 205.
- ¹³⁰ См.: Rieber A. *Stalin and the Struggle for Supremacy in Eurasia*. Cambridge, 2015. P. 381.
- ¹³¹ Из дневника Вышинского. Запись беседы с иранским послом в Москве М. Ахи, 30 августа 1945 г.: АВП РФ. Ф. 094. Оп. 31. П. 351а. Д. 6. Л. 31–32.

Глава VIII

- ¹ Гасанов Г. *Иранский дневник (1944–1946)*. Баку, 2007. С. 381.
- ² Телеграмма Багирова и Масленникова Сталину, Молотову, Берии и Маленкову, 21 ноября 1945 г.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 99. Л. 9; L'Estrange Fawcett L. *Iran and the Cold War: The Azerbaijan Crisis of 1946*. Cambridge, 1992. P. 35. Фернанда Шейд-Рейн ошибочно называет численность делегатов 546 чел. См.: Scheid Raine F. *The Iranian Crisis of 1946 and the Origins of Cold War // Origins of the Cold War. An International History* / ed. M. P. Leffler, D. S. Painter. 2nd ed. New York; London, 2005. P. 101. Некоторые азербайджанские авторы приводят цифру 724 чел. См.: Çeşməzər M. S. C. *Pişəvərinin Azərbaycan Demokrat Partiyasının və Azərbaycan milli hökumətinin yaranması uğrunda mübarizədə rolu // Cənubi Azərbaycan tarixi məsələləri*. Bakı, 1989. S. 38; Tağıyeva Ş., Rəhimli Ə., Bayramzadə S. *Güney Azərbaycan*. Bakı, 2000. S. 219. Однако численность делегатов Азербайджанского народного конгресса документально не подтверждена. Участник тех событий Г. Гасанов называет приблизительную цифру «до 700 человек». См.: Гасанов Г. *Иранский дневник*. С. 381.
- ³ Служебная записка Емельянова Багирову «О ходе реализации мероприятий по Иранскому Азербайджану», 20 декабря 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 97. Л. 171.
- ⁴ Там же. Л. 172.
- ⁵ Гасанов Г. *Иранский дневник*. С. 383.
- ⁶ Ибрагимов М., Гасанов Г., Атакишиев А. «Учредительное собрание Азербайджана», 27 ноября 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 96. Л. 159; Scheid Raine F. *The Iranian Crisis of 1946 and the Origins of Cold War*.
- ⁷ Roberts G. *Moscow's Cold War on the Periphery: Soviet Policy in Greece, Iran, and Turkey, 1943–8 // Journal of Contemporary History*. 2011. Vol. 46. No. 1. P. 66.

- ⁸ Телеграмма Багирова и Масленникова Сталину, Молотову, Берии и Маленкову, 23 ноября 1945 г.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 99. Л. 49.
- ⁹ Информация Масленникова Багирову, 23 ноября 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 101. Л. 148; Егорова Н. И. «Иранский кризис» 1945–1946 гг.: По рассекреченным архивным материалам // Новая и новейшая история. 1994. № 3. С. 32.
- ¹⁰ Информация зав. отделом Среднего Востока НКВД СССР Сычева зам. зав. отделом ЦК ВКП(б) Пономареву «К событиям в Иранском Азербайджане», 11 марта 1946 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 93. Л. 11; Elections in Azerbaijan, 1945: TNA. Public Records Office. FO 371/52663.
- ¹¹ L'Estrange Fawcett L. Iran and the Cold War. P. 35.
- ¹² Решение первого милли-меджлиса азербайджанского народа, 21 ноября 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 90. Л. 111–113.
- ¹³ Vəkilov S. M. Azərbaycan respublikası və İran: 40-cı illər (mədəni əlaqələr). Bakı, 1991. S. 72.
- ¹⁴ Телеграмма Багирова и Масленникова Сталину, Молотову, Берии и Маленкову, 24 ноября 1945 г.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 99. Л. 59; Blake K. The U. S. – Soviet Confrontation in Iran, 1945–1962. A Case and Annals of the Cold War. Lanham; Boulder; New York; Toronto; Plymouth, 2009. P. 33.
- ¹⁵ Телеграмма Багирова и Масленникова Сталину, Молотову, Берии и Маленкову, 26 ноября 1945 г.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 99. Л. 66.
- ¹⁶ Там же. Л. 66.
- ¹⁷ Гасанов Г. Иранский дневник. С. 384; Телеграмма Багирова и Масленникова Сталину, Молотову, Берии и Маленкову, 24 ноября 1945 г.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 99. Л. 59.
- ¹⁸ Декларация Народного конгресса Иранского Азербайджана, 21 ноября 1945 г.: ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 361. Л. 38–39; Azərbaycan. 1945. 23 noyabr; Homaïounpour P. L'Affaire d'Azerbaïdjan. Lausanne, 1967. P. 64–65; Scheid Raine F. The Iranian Crisis of 1946 and the Origins of the Cold War. P. 102. Проф. Абрахамян и проф. Свентоховски в своих работах приводят 8 пунктов декларации. Это различие вызвано тем, что пункт 3 декларации был дан двумя подпунктами. См.: Abrahamian E. Communism and Communalism in Iran: The Tudah and the Firqah-i Dimokrat // International Journal of Middle East Studies. 1970. Vol. 1. No. 4. P. 309; Swietochowski T. Russia and Azerbaijan: A Borderland in Transition. New York, 1995. P. 144–145.
- ¹⁹ Информация Багирова Сталину, Молотову, Берии и Маленкову, 25 ноября 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 90. Л. 101–102.
- ²⁰ Гасанов Г. Иранский дневник. С. 385.
- ²¹ Егорова Н. И. «Иранский кризис» 1945–1946 гг. С. 33.

- 22 Zubok V. M. *A Failed Empire. The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev*. Chapel Hill, 2007. P. 41; Зубок В. Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева. М., 2011. С. 72.
- 23 Указание Силина Ахаду Якубову, 24 ноября 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 90. Л. 79.
- 24 Гасанов Г. Иранский дневник. С. 386.
- 25 См.: Çeşmazər M. S. C. Pişəvərinin Azərbaycan Demokrat Partiyasının və Azərbaycan milli hökumətinin yaranması uğrunda mübarizədə rolu. S. 38.
- 26 Гасанов Г. Иранский дневник. С. 387–388.
- 27 Телеграмма Багирова и Масленникова Сталину, Молотову, Берии и Маленкову, 29 ноября 1945 г.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 99. Л. 72–74.
- 28 Scheid Raine F. *Stalin's Reluctant Bid for Iranian Azerbaijan, 1941–1946: A View from the Azerbaijani Archives: Paper for the Conference «Stalin and the Cold War. 1945–1953»*. September, 1999. P. 9.
- 29 Westad O. A. *The Global Cold War. Third World Interventions and the Making of Our Times*. Cambridge, 2007. P. 61.
- 30 Atabaki T. *Azerbaijan: Ethnicity and Autonomy in Twentieth-Century Iran*. London, 1993. P. 142–143; L'Estrange Fawcett L. *Iran and the Cold War*. P. 97; Xaterat doctor Nüsrətulla Cahanşahlu Afşar. *Sərgozəşt. Ma və biganegan*. Düsseldorf, 1973. S. 306–308; Xaterat doctor Nüsrətulla Cahanşahlu Afşar. *Sərgozəşt. Ma və biganegan*. Berlin, 2001. S. 773.
- 31 Swietochowski T. *Russia and Azerbaijan*. P. 153.
- 32 См.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 96. Л. 9.
- 33 Письмо Багирова Сталину, Молотову, Берии и Маленкову, 25 ноября 1945 г.: Там же. Д. 90. Л. 78.
- 34 О событиях в Зенджане подробнее см.: Xaterat doctor Nüsrətulla Cahanşahlu Afşar. *Sərgozəşt. Ma və biganegan*. Berlin, 2001. S. 317–333.
- 35 Телеграмма Багирова и Масленникова Сталину, Молотову, Берии и Маленкову, 29 ноября 1945 г.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 99. Л. 72–74.
- 36 Донесение Багирова Сталину, Молотову, Берии и Маленкову, 21 ноября 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 90. Л. 60–62.
- 37 Телеграмма Багирова и Масленникова Сталину, Молотову, Берии и Маленкову, 22 ноября 1945 г.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 99. Л. 12.
- 38 Телеграмма Багирова и Масленникова Сталину, Молотову, Берии и Маленкову, 23 ноября 1945 г.: Там же. Л. 51.
- 39 Бахтар (фарси). 1945. 21 нояб.
- 40 Иран (фарси). 1945. 22 нояб.

- ⁴¹ Эттелаат (фарси). 1945. 21 нояб. Дополнительную информацию см.: Homayounpour P. L'Affaire d'Azerbaïdjan. P. 67.
- ⁴² The Ambassador in USA (Ala) to the State Department, 28.11.1945 // Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers 1945. Vol. VIII: The Near East and Africa. Washington, 1969. P. 462–463; Гайдук И. В. ООН и Иранский кризис 1946 года // Новая и новейшая история». 2011. № 5. С. 72.
- ⁴³ The Iranian Ambassador (Ala) Presenting His Credentials to President Truman, 29.11.1945 // Foreign Relations of the United States 1945. Vol. VIII. P. 464. Дополнительную информацию см.: Егорова Н. И. «Иранский кризис» 1945–1946 гг. С. 34.
- ⁴⁴ С. Емельянов. Справка, составленная на основе телеграфных сообщений Атакишиева, 29 ноября 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 96. Л. 121.
- ⁴⁵ Информация о прибытии в Тебриз американского военного атташе майора Гарвера, 27 ноября 1945 г.: Там же. Д. 101. Л. 160.
- ⁴⁶ Информация о прибытии в Тебриз помощника военного атташе капитана Гагарина, 28 ноября 1945 г.: Там же. Оп. 90. Д. 89. Л. 144–145.
- ⁴⁷ Информация о деятельности секретаря американского консульства в Тебризе М. Априка, 28 ноября 1945 г.: Там же. Оп. 89. Д. 90. Л. 189–190.
- ⁴⁸ Телеграмма Багирова и Масленникова Сталину, Молотову, Берии и Маленкову, 24 ноября 1945 г.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 99. Л. 58.
- ⁴⁹ Справка Ахада Якубова «Тегеранская пресса о последних событиях в Азербайджане», 25 ноября 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 93. Л. 6.
- ⁵⁰ Там же. Л. 7.
- ⁵¹ The Ambassador in Iran (Murray) to the Secretary of State, 23.11.1945 // Foreign Relations of the United States 1945. Vol. VIII. P. 444; Егорова Н. И. «Иранский кризис» 1945–1946 гг. С. 34.
- ⁵² Справка Ахада Якубова «Тегеранская пресса о последних событиях в Азербайджане», 25 ноября 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 93. Л. 8.
- ⁵³ Об отношении иранской прессы к событиям того времени см. справки Ахада Якубова «Тегеранская пресса о последних событиях в Азербайджане» (25 ноября 1945 г.) и «Тегеранская пресса о последних событиях в Иранском Азербайджане и советско-иранских отношениях» (31 декабря 1945 г.): Там же. Л. 1–157. См. также: Abrahamian E. Iran between Two Revolutions. Princeton, 1982. P. 218–219.
- ⁵⁴ Справка Ахада Якубова «Тегеранская пресса о последних событиях в Азербайджане», 25 ноября 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 93. Л. 11; Report on condition in Azerbaijan, 26.11.1945: TNA. Public Records Office. FO 371/52663.

- 55 Справка Ахада Якубова «Тегеранская пресса о последних событиях в Азербайджане», 25 ноября 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 93. Л. 15.
- 56 Известия. 1945. 20 нояб.
- 57 С. Емельянов. Справка, подготовленная по телеграфным сообщениям Атакишиева, 29 ноября 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 96. Л. 120.
- 58 Scheid Raine F. The Iranian Crisis of 1946 and the Origins of the Cold War. P. 104.
- 59 Краткий обзор советско-иранских отношений (1917–1955). Архивное Управление МИД СССР, июнь 1956 г.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 171. Л. 79; Информация зав. отд. Среднего Востока НКВД СССР Сычева зам. зав. отделом ЦК ВКП(б) Пономареву «О событиях в Иранском Азербайджане», 11 марта 1946 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 93. Л. 38; Гайдук И. В. ООН и Иранский кризис 1946 года. С. 71.
- 60 Письмо Молотова Гарриману, 29 ноября 1945 г.: АВП РФ. Ф. 07. Оп. 10. П. 31. Д. 412. Л. 96–98. Переписку Молотова с английским и американским послами в конце ноября 1945 г. см.: Номайунпур Р. L’Affaire d’Azerbaïdjan. P. 71–74; Scheid Raine F. The Iranian Crisis of 1946 and the Origins of the Cold War. P. 104–105; Blake K. The U. S. – Soviet Confrontation in Iran. P. 32–33.
- 61 The Ambassador in Iran (Murray) to the Secretary of State, 02.12.1945: NARA. RG 59. Box 4010. NND 7600050. Doc. 761.67/12–245.
- 62 Информация зав. отд. Среднего Востока НКВД СССР Сычева зам. зав. отделом ЦК ВКП(б) Пономареву «О событиях в Иранском Азербайджане», 11 марта 1946 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 93. Л. 41.
- 63 С. Емельянов. Справка, подготовленная по телеграфным сообщениям Атакишиева, 29 ноября 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 96. Л. 122.
- 64 Там же. Д. 97. Л. 1.
- 65 Информация Багирова Сталину, Молотову, Берии, Маленкову, 3 декабря 1945 г.: Там же. Д. 90. Л. 145–146.
- 66 Информация Багирова Сталину, Молотову, Берии, Маленкову, 4 декабря 1945 г.: Там же. Л. 149–151.
- 67 Гасанов Г. Иранский дневник. С. 398.
- 68 П. Милоградов. Борьба народов Ирана за независимость и демократию (1941–1948 гг.). Рукопись докторской диссертации, 1949 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1188. Л. 398.
- 69 А. Ованесян – в ЦК ВКП(б). «Крупный поворот в партии и опасность, вытекающая из этого», 22 сентября 1945 г.: Там же. Д. 819. Л. 50.
- 70 См.: Выписка из информации сотрудника НКВД СССР Шпедько, 1946 г.: Там же. Д. 1111. Л. 26.
- 71 Гасанов Г. Иранский дневник. С. 395.

- ⁷² Там же. С. 397–399.
- ⁷³ Там же. С. 391.
- ⁷⁴ Ибрагимов, Гасанов, Атакишиев. Итоги выборов в Азербайджанский милли-меджлис, 30 декабря 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 97. Л. 233–234.
- ⁷⁵ Scheid Raine F. The Iranian Crisis of 1946 and the Origins of the Cold War. P. 102.
- ⁷⁶ Телеграмма Молотова Багирову и Масленникову, 5 декабря 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 90. Л. 137.
- ⁷⁷ Гасанов Г. Иранский дневник. С. 403.
- ⁷⁸ Pişəvəri S. C. İran Azərbaycanı demokratik hərəkət tarixi. Bakı, 1947 (Əlyazma hüququnda). I cild. S. 200–201.
- ⁷⁹ Иран-е ма (фарси). 1945. 14 дек. Идею построения Ирана на основе федерализма в форме США и Швейцарии выдвинул Мохаммед Мосаддык – известный националист, в 1920-е гг. губернатор Азербайджана, а в 1950-е гг. премьер-министр Ирана. Он признавал, что у Азербайджана есть причина для недовольства, и предупреждал, что в один прекрасный день Иран может по примеру США и Швейцарии стать федеральным государством. Но Мосаддык не соглашался с тем, что часть страны может жить в режиме автономии, а другая часть управляться центральным правительством. См.: Atabaki T. Azerbaijan: Ethnicity and Autonomy in Twentieth-Century Iran. P. 139; Swietochowski T. Russia and Azerbaijan. P. 147.
- ⁸⁰ С. Емельянов. Справка, подготовленная по телеграфным сообщениям Атакишиева из Тебриза, 9 декабря 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 97. Л. 68.
- ⁸¹ Pişəvəri S. C. İran Azərbaycanı demokratik hərəkət tarixi. I cild. S. 214–215.
- ⁸² Информация Багирова Сталину, Молотову, Берии, Маленкову. 10 декабря 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 90. Л. 197–198.
- ⁸³ Гасанов Г. Иранский дневник. С. 405.
- ⁸⁴ Там же. С. 407.
- ⁸⁵ Foreign Relations of the United States 1945. Vol. VIII. P. 486.
- ⁸⁶ Информация Багирова Сталину, Молотову, Берии и Маленкову, 13 декабря 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 90. Л. 249.
- ⁸⁷ Эттелаат (фарси). 1945. 10 дек.
- ⁸⁸ Roberts G. Moscow's Cold War on the Periphery. P. 66.
- ⁸⁹ The Iranian Ambassador (Ala) to the Secretary of State, 10.12.1945 // Foreign Relations of the United States 1945. Vol. VIII. P. 487–488.
- ⁹⁰ Time. 1945. 17 December. P. 38.

- ⁹¹ Информация зав. отд. Среднего Востока НКВД СССР Сычева зам. зав. отделом ЦК ВКП(б) Пономареву «О событиях в Иранском Азербайджане», 11 марта 1946 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 93. Л. 38; Noma younrou P. L’Affaire d’Azerbaïdjan. P. 83.
- ⁹² Current History. 1946. No. 54. P. 164.
- ⁹³ Печатнов В. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. Документальные очерки. М., 2006. С. 339.
- ⁹⁴ Егорова Н. И. «Иранский кризис» 1945–1946 гг. С. 31.
- ⁹⁵ The Ambassador in Iran (Murray) to the Secretary of State, 12.12.1945 // Foreign Relations of the United States 1945. Vol. VIII. P. 490–491.
- ⁹⁶ Беседа Ахада Якубова с Кавамом-ос-Салтане, 10 декабря 1945 г.: АВП РФ. Ф. 094. Оп. 37. П. 5. Д. 357а. Л. 4–6.
- ⁹⁷ Беседа Ахада Якубова с Сайяхом, 10 декабря 1945 г.: Там же. Л. 32.
- ⁹⁸ Беседа Ахада Якубова с американским послом Мюрреем, 10 декабря 1945 г.: Там же. Д. 357. Л. 7–9.
- ⁹⁹ Информация Масленникова Багирову и Емельянову, 13 декабря 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 101. Л. 185.
- ¹⁰⁰ Информация Ибрагимова, Гасанова и Атакишиева Багирову, 11 декабря 1945 г.: Там же. Д. 90. Л. 216–222.
- ¹⁰¹ Scheid Raine F. The Iranian Crisis of 1946 and the Origins of the Cold War. P. 102.
- ¹⁰² Гасанов Г. Иранский дневник. С. 408.
- ¹⁰³ Scheid Raine F. The Iranian Crisis of 1946 and the Origins of the Cold War. P. 102.
- ¹⁰⁴ Предложения Ибрагимова, Якубова и Емельянова «О важнейших задачах второго этапа национально-освободительного движения Иранского Азербайджана», 11 декабря 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 97. Л. 76–78.
- ¹⁰⁵ Подробнее см.: АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 33. Д. 476. Л. 6; Егорова Н. И. «Иранский кризис» 1945–1946 гг. С. 332.
- ¹⁰⁶ Arfa H. Under Five Shahs. New York, 1965. P. 347.
- ¹⁰⁷ В. Чернышев. По ту сторону Аракса, 20 декабря 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 111. Л. 165.
- ¹⁰⁸ Гасанов Г. Иранский дневник. С. 409.
- ¹⁰⁹ L’Estrange Fawcett L. Iran and the Cold War. P. 35.
- ¹¹⁰ Xaterat doctor Nüsretulla Cahanşahlu Afşar. S. 400–402.
- ¹¹¹ Информация Багирова Сталину, Молотову, Берии, Маленкову, 12 декабря 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 90. Л. 240–242. О разоружении тебризского гарнизона подробнее см.: General Qulam Yəhya. Xatirələr. Bakı, 2006. S. 46–48.

- ¹¹² General Qulam Yəhya. Xatirələr. S. 46–47.
- ¹¹³ Гасанов Г. Иранский дневник. С. 411.
- ¹¹⁴ Кристен Блейк в своей книге, касаясь формирования национального правительства, пишет, что была создана «Азербайджанская Автономная Республика»: Blake K. The U. S. – Soviet Confrontation in Iran. P. 33.
- ¹¹⁵ Сообщение ТАСС о составе национального правительства Иранского Азербайджана, 12 декабря 1945 г.: ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 861. Л. 46; Информация зав. отделом Среднего Востока НКВД СССР Сычева зам. зав. отделом ЦК ВКП(б) Пономареву «К событиям в Иранском Азербайджане», 11 марта 1946 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 93. Л. 13; Fatemi F. S. The USSR in Iran. New York; London, 1980. P. 89–90; Lenczowski G. Russia and the West in Iran, 1918–1948. New York, 1948. P. 289; Douglas W. O. Strange Lands and Friendly People. New York, 1951. P. 43; Homayounpour P. L’Affaire d’Azerbaïdjan. P. 77. Биографические сведения о членах национального правительства см.: Xaterat doctor Nüsrətulla Cahanşahlu Afşar. S. 370–390; Abrahamian E. Communism and Communalism in Iran. P. 309–310; L’Estrange Fawcett L. Iran and the Cold War. P. 45–49. Но в биографиях есть некоторые неточности. Например, Л’Эстранж-Фосетт пишет, что Пишевари родился в конце 1880-х – начале 1890-х гг. в Тебризе (L’Estrange Fawcett L. Iran and the Cold War. P. 51), Блейк также утверждает, что он родился в Тебризе (Blake K. The U. S. – Soviet Confrontation in Iran. P. 29), тогда как Пишевари родился 26 августа 1892 г. в магале Халхал, деревне Зейва. См.: Rəhimli Ə. Mübarizə burulğanında keçən ömür: Seyid Cəfər Pişəvəri. Bakı, 2009. S. 20.
- ¹¹⁶ О Гиями и Ибрагими см.: Xaterat doctor Nüsrətulla Cahanşahlu Afşar. S. 391–392.
- ¹¹⁷ Программа Национального правительства Иранского Азербайджана, 12 декабря 1945 г.: ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 861. Л. 40–42; Информация зав. отделом Среднего Востока НКВД СССР Сычева зам. зав. отделом ЦК ВКП(б) Пономареву «К событиям в Иранском Азербайджане», 11 марта 1946 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 93. Л. 14–15; Егорова Н. И. «Иранский кризис» 1945–1946 гг. С. 32. В некоторых архивных документах и зарубежных изданиях указано 19 пунктов программы. Но Э. Рагимли приводит полный текст 20 пунктов. См.: Rəhimli Ə. Mübarizə burulğanında keçən ömür. S. 213–216.
- ¹¹⁸ Vəkilov C. M. Azərbaycan respublikası və İran. S. 72.
- ¹¹⁹ Douglas W. O. Strange Lands and Friendly People. P. 44.
- ¹²⁰ Swietochowski T. Russia and Azerbaijan. P. 148.
- ¹²¹ Информация Багирова Сталину, Молотову, Берии и Маленкову, 13 декабря 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 90. Л. 244.
- ¹²² Pişəvəri S. C. İran Azərbaycanı demokratik hərəkat tarixi. I cild. S. 223.

- ¹²³ Azimi F. Iran: The Crisis of Democracy. From the Exile of Reza Shah to the Fall of Musaddiq. London; New-York, 2009. P. 138.
- ¹²⁴ Гасанов Г. Иранский дневник. С. 412.
- ¹²⁵ Rüşvəri S. C. İran Azərbaycanı demokratik hərəkat tarixi. I cild. S. 224.
- ¹²⁶ Гасанов Г. Иранский дневник. С. 412.
- ¹²⁷ Информация Масленникова и Клокова Багирову и Емельянову, 14 декабря 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 101. Л. 187–188.
- ¹²⁸ Arfa H. Under Five Shahs. P. 347–348.
- ¹²⁹ Гасанов Г. Иранский дневник. С. 413.
- ¹³⁰ Из дневника Кавтарадзе. Прием посла Меджида Ахи, 8 августа 1945 г.: АВП РФ. Ф. 094. Оп. 31. П. 351а. Д. 6. Л. 28.
- ¹³¹ Nomaounpour P. L’Affaire d’Azerbaïdjan. P. 80–81; Информация Багирова Сталину, Молотову, Берии и Маленкову, 13 декабря 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 90. Л. 255. О процессе сдачи тебризского гарнизона подробно см.: General Qulam Yəhya. Xatirələr. S. 48.
- ¹³² Гасанов Г. Иранский дневник. С. 414.
- ¹³³ Инструкции Багирова Атакишиеву, Гасанову, Ибрагимову, 13 декабря 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 97. Л. 256.
- ¹³⁴ Гасанов Г. Иранский дневник. С. 416–419.
- ¹³⁵ Там же. С. 420–428.
- ¹³⁶ Там же. С. 420–429. О курдском движении в Иране см.: Nomaounpour P. L’Affaire d’Azerbaïdjan. P. 87–90.
- ¹³⁷ Blake K. The U. S. – Soviet Confrontation in Iran. P. 33; Swietochowski T. Russia and Azerbaijan. P. 147.
- ¹³⁸ Отчет Баята на закрытом заседании меджлиса, 14 декабря 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 93. Л. 109–110.
- ¹³⁹ Дария (фарси). 1945. 15 дек.
- ¹⁴⁰ Фарман (фарси). 1945. 17 дек.
- ¹⁴¹ Иран-е ма (фарси). 1945. 17 дек.
- ¹⁴² Справка Воронина Силину и Багирову «Тегеранская пресса о событиях в Иранском Азербайджане и советско-иранских отношениях», 31 декабря 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 93. Л. 36–37.
- ¹⁴³ Scheid Raine F. The Iranian Crisis of 1946 and the Origins of the Cold War. P. 103.
- ¹⁴⁴ Scheid Raine F. Stalin and the Creation of the Azerbaijan Democratic Party in Iran, 1945 // Cold War History. 2001. Vol. 2. No. 1. P. 3.

Глава IX

- 1 Письмо Арутинова Сталину, 27 октября 1945 г.: ЦГАДОПО РА. Ф. 1. Оп. 034. Д. 27. Л. 54–56.
- 2 Письмо Арутинова Сталину и Маленкову, ноябрь 1945 г.: Там же. Л. 73–75.
- 3 Заседание Политбюро ЦК ВКП(б). Вопрос ЦК КП(б) Армении, 21 ноября 1945 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1054. Л. 32.
- 4 From Gordon Mattison (Beirut) to the Secretary of State. Top Secret, 28.12.1945: NARA. RG 59. Box 4010. NND 7600050. Doc. 761.67/12–2845.
- 5 From William Porter (Damascus) to the Secretary of State. Top Secret, 29.12.1945: Ibid. Doc. 761.67/12–2945.
- 6 From Edwin Schoenrich (Baghdad) to the Secretary of State. Top Secret, 25.01.1946: Ibid. Doc. 761.67/1–2546.
- 7 From Jefferson Caffery (Paris) to the Secretary of State. Secret, 15.01.1946: Ibid. Doc. 761.67/1–1546.
- 8 From Gordon Mattison (Beirut) to the Secretary of State. Top Secret, 23.01.1946: Ibid. Box 3398. NND 7600050. Doc. 761.90E/1–2346.
- 9 Справка-обзор зарубежной прессы и иностранных деятелей по поводу армянских требований о присоединении к Советской Армении земель, отторгнутых Турцией, 29 мая 1945 г.: ЦГАДОПО РА. Ф. 1. Оп. 26. Д. 47. Л. 161–162.
- 10 The Ambassador in the Soviet Union (Harriman) to the Secretary of State, 24.10.1945 // Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers 1945. Vol. VIII: The Near East and Africa. Washington, 1969. P. 1258, 1282.
- 11 From Ambassador Harriman to the Secretary of State. Top Secret, 20.10.1945: NARA. RG 59. Box 4010. NND 7600050. Doc. 761.67/10–20845.
- 12 From Ambassador Harriman to the Secretary of State. Top Secret, 13.11.1945: Ibid. Doc. 761.67/11–13845.
- 13 Письмо Багирова и Арутинова Сталину, 3 декабря 1945 г.: ЦГАДОПО РА. Ф. 1. Оп. 27. Д. 47. Л. 79–80; АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 226. Д. 48. Л. 1–2.
- 14 Брутенц К. Н. Тридцать лет на Старой площади. М., 1998. С. 509.
- 15 Письмо К. Чарквиани И. Сталину, ноябрь 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 169. Д. 249. Ч. I. Л. 11.
- 16 Информация Емельянова Багирову, 10 ноября 1947 г.: Там же. Оп. 226. Д. 54. Л. 28.
- 17 Письмо Арутинова Сталину, 28 ноября 1945 г.: Там же. Оп. 169. Д. 249. Ч. I. Л. 7.
- 18 Исторические материалы по Нагорному Карабаху, 1946 г.: Там же. Ч. II. Л. 1–60.

- 19 Шавров Н. И. Новая угроза русскому делу в Закавказье: предстоящая распродажа Мугани инородцам. СПб., 1911. С. 59–60.
- 20 Потто В. А. Кавказская война. Персидская война 1826–1828 гг. Ставрополь, 1993. Т. 3. С. 591.
- 21 Пограничная линия между Азербайджаном и Арменией, 1920 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 169. Д. 249. Ч. II. Л. 15–17.
- 22 А. Микоян. Армянский империализм, 1919 г.: АМНБ АР. Д. 164. Л. 284–285.
- 23 Письмо Багирова Маленкову, 10 декабря 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 169. Д. 249. Ч. I. Л. 8–9.
- 24 Там же. Л. 9–11.
- 25 Брутенц К. Н. Тридцать лет на Старой площади. С. 510.
- 26 Письмо Багирова Маленкову, 10 декабря 1945: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 169. Д. 249. Ч. I. Л. 11–12.
- 27 Исмаилов Э. Власть и народ. Послевоенный сталинизм в Азербайджане, 1945–1953 гг. Баку, 2003. С. 293.
- 28 Сеидов М. Общественно-политическая обстановка в Азербайджане в 1940-е – начале 1950-х годов: Рукопись. С. 27.
- 29 Справка М. Алиева Багирову, 31 января 1946 г.: ГА АР. Ф. 28. Оп. 6с. Д. 16. Л. 27.
- 30 Там же. Л. 29.
- 31 Письмо Алиева Караганову, 8 января 1946 г.: Там же. Л. 5.
- 32 Письмо Сычева Алиеву, 14 января 1946 г.: Там же. Оп. 4с. Д. 41. Л. 1.
- 33 Письмо Базарова Алиеву, 25 января 1946 г.: Там же. Л. 2.
- 34 Письмо Алиева командованию Каспийского флота, 5 января 1946 г.: Там же. Л. 3.
- 35 Доклад генерал-майора Малышева Алиеву, 30 декабря 1946 г.: Там же. Д. 34. Л. 1.
- 36 Доклад генерал-майора Малышева и полковника Шороха Алиеву, 3 января 1946 г.: Там же. Л. 2–3.
- 37 М. Алиев. Отчет о пребывании в г. Баку вице-президента и директора Национального совета американо-советской дружбы Эдвина Смита, 7 августа 1945 г.: Там же. Д. 16. Л. 48.
- 38 Там же. Л. 49.
- 39 Интервью Смита корреспонденту ТАСС, август 1945 г.: Там же. Л. 50–51.
- 40 Отчет Оруджева Алиеву о пребывании в Баку американских конгрессменов Болтона и Мундта, 12 сентября 1945 г.: Там же. Л. 39.

- 41 Отчет Оруджева Алиеву о визите конгрессменов США в Баку Болтона и Мундта, 18 сентября 1945 г.: Там же. Л. 41–44.
- 42 Там же. Л. 40.
- 43 Там же.
- 44 Там же.
- 45 М. Алиев. Отчет о визите в Баку сенатора США Клайда Пеппера, сентябрь 1945 г.: Там же. Л. 45.
- 46 Отчет о деятельности протоколно-консульского отдела НКВД Азербайджанской ССР в 1945 году, 1945 г.: Там же. Д. 15. Л. 5.
- 47 Отчет М. Оруджева о пребывании в Баку британского парламентария Моргана Филиппа Прайса, 20 декабря 1945 г.: Там же. Д. 16. Л. 14.
- 48 Информация Алиева в пресс-отдел НКВД СССР о визите М. Ф. Прайса в Баку, 11 января 1946 г.: Там же. Д. 38. Л. 1–2.
- 49 Краткий отчет о пребывании Прайса в Баку, 20 декабря 1945 г.: Там же. Д. 16. Л. 15.
- 50 Информация Алиева в пресс-отдел НКВД СССР о визите Прайса в Баку, 11 января 1946 г.: Там же. Д. 38. Л. 3.
- 51 Краткий отчет Оруджева о визите Прайса, 20 декабря 1945 г.: Там же. Д. 16. Л. 16.
- 52 Там же.
- 53 Информация Алиева в пресс-отдел НКВД СССР о визите Прайса в Баку, 11 января 1946 г.: Там же. Д. 38. Л. 4.
- 54 The Manchester Guardian. 1946. January 24; Journal of the Royal Central Asian Society. 1946. Vol. XXXIII. No. 2. P. 189.
- 55 Отчет о деятельности протоколно-консульского отдела НКВД Азербайджанской ССР в 1945 году, 1945 г.: ГА АР. Ф. 28. Оп. 4с. Д. 15. Л. 5.
- 56 О визите Прайса в Азербайджан в 1912 г. подробнее см.: Philips Price M. A Journey through Azerbaidjan and Persian Kurdistan. London, 1913.
- 57 The Manchester Guardian. 1946. January 24.
- 58 Отчет о деятельности протоколно-консульского отдела НКВД Азербайджанской ССР в 1945 году, 1945 г.: ГА АР. Ф. 28. Оп. 4с. Д. 15. Л. 6.
- 59 См.: Содержание речи премьер-министра в иранском меджлисе, 18 декабря 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 93. Л. 105; Fatemi F. S. The USSR in Iran. New York; London, 1980. P. 91–92; АВП РФ. Ф. 0430. Оп. 2. П. 5. Д. 16. Л. 20–23.
- 60 Blake K. The U. S. – Soviet Confrontation in Iran, 1945–1962. A Case and Annals of the Cold War. Lanham; Boulder; New York; Toronto; Plymouth, 2009. P. 33.

- ⁶¹ Известия. 1945. 16 дек.
- ⁶² См.: АВП РФ. Ф. 0430. Оп. 1. П. 2. Д. 8. Л. 14; Номayounpour P. L'Affaire d'Azerbaïdjan. Lausanne, 1967. P. 84; Егорова Н. И. «Иранский кризис» 1945–1946 гг.: По рассекреченным архивным материалам // Новая и новейшая история. 1994. № 3. С. 36.
- ⁶³ Силин – Молотову, 13 декабря 1945 г.: АВП РФ. Ф. 012. Оп. 6. П. 91. Д. 372. Л. 61–62.
- ⁶⁴ Ответ Молотова Керру, 13 декабря 1945 г.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 99. Л. 153.
- ⁶⁵ The Ambassador in Iran (Murray) to the Secretary of State, 13.12.1945 // Foreign Relations of the United States 1945. Vol. VIII. P. 491.
- ⁶⁶ The Ambassador in Iran (Murray) to the Secretary of State, 13.12.1945 // Ibid. P. 492.
- ⁶⁷ The Ambassador in Iran (Murray) to the Secretary of State, 13.12.1945 // Ibid. P. 493.
- ⁶⁸ Ibid. P. 494.
- ⁶⁹ Ibid. P. 488–489.
- ⁷⁰ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers 1946. Vol. VII: The Near East and Africa. Washington, 1969. P. 2–3.
- ⁷¹ Ibid. P. 4.
- ⁷² Memorandum of Conversation, by the Director of the Office of Near Eastern and African Affairs (Henderson), 17.12.1945 // Foreign Relations of the United States 1945. Vol. VIII. P. 500–501; Гайдук И. В. ООН и Иранский кризис 1946 года // Новая и новейшая история. 2011. № 5. С. 72.
- ⁷³ Zubok V. M. A Failed Empire. The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev. Chapel Hill, 2007. P. 33; Зубок В. Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева. М., 2011. С. 76.
- ⁷⁴ From Tehran to Foreign Office, 21.08.1945: TNA. Public Records Office. FO 371/45434. Дополнительную информацию см.: L'Estrange Fawcett L. Iran and the Cold War: The Azerbaijan Crisis of 1946. Cambridge, 1992. P. 159–160.
- ⁷⁵ Louis W. R. The British Empire in the Middle East, 1945–1951. Oxford, 1984. P. 66; L'Estrange Fawcett L. Iran and the Cold War. P. 163.
- ⁷⁶ The Ambassador in Iran (Murray) to the Secretary of State, 15.12.1945 // Foreign Relations of the United States 1945. Vol. VIII. P. 496–497.
- ⁷⁷ Chace J. Acheson. The Secretary of State Who Created the American World. New York; London; Toronto; Sydney, 1998. P. 143; Gaddis J. L. The United States and the Origins of the Cold War, 1941–1947. New York, 1972. P. 281.

- 78 Информация зав. отделом Среднего Востока НКВД СССР Сычева зам. зав. отделом ЦК ВКП(б) Пономареву «К событиям в Иранском Азербайджане», 11 марта 1946 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 93. Л. 39; Namzavi A. H. Persia and the Powers. An Account of Diplomatic Relations, 1941–1946. London; New-York; Melbourne; Sydney, 1946. P. 97.
- 79 Информация Багирова и Масленникова Сталину, Молотову, Берии и Маленкову, 18 декабря 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 90. Л. 272.
- 80 Rossow R. The Battle of Azerbaijan, 1946 // The Middle East Journal. 1956. Winter. P. 188.
- 81 Time. 1945. 17 December. P. 28–33.
- 82 Time. 1945. 31 December.
- 83 Memorandum of Conversation, by the Director of the Office of Near Eastern and African Affairs (Henderson), 17.12.1945 // Foreign Relations of the United States 1945. Vol. VIII. P. 501.
- 84 From Acheson to Harriman, 21.12.1945 // Ibid. P. 508.
- 85 Телеграмма Козлова Сталину и Молотову, 29 декабря 1945 г.: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1221. Л. 29.
- 86 Телеграмма Козлова Сталину и Молотову, 1 января 1946 г.: Там же. Д. 1220. Л. 15–16.
- 87 Le Monde. 1945. 18 décembre.
- 88 The Ambassador in Iran (Murray) to the Secretary of State, 20.12.1945: NARA. RG 59. Box 4010. NND 7600050. Doc. 761.67/12–2045.
- 89 From Acheson to Harriman, 21.12.1945 // Foreign Relations of the United States 1945. Vol. VIII. P. 508. Дополнительную информацию см.: Гайдук И. В. В лабиринтах холодной войны: СССР и США в ООН, 1945–1965. М., 2012. С. 77.
- 90 См.: Известия. 1945. 20 дек.
- 91 Гасанлы Дж. СССР–Иран: Азербайджанский кризис и начало холодной войны, 1941–1946. М., 2006. С. 181–182.
- 92 Blake K. The U. S. – Soviet Confrontation in Iran. P. 33.
- 93 The Ambassador in Iran (Murray) to the Secretary of State, 15.12.1945 // Foreign Relations of the United States 1945. Vol. VIII. P. 499.
- 94 From Ambassador Harriman and Jernegan to the Department of State. Top Secret, 28.12.1945: NARA. RG 59. Box 4010. NND 7600050. Doc. 761.67/12–28845; Roberts G. Moscow's Cold War on the Periphery: Soviet Policy in Greece, Iran, and Turkey, 1943–8 // Journal of Contemporary History. 2011. Vol. 46. No. 1. P. 67.
- 95 L'Estrange Fawcett L. Iran and the Cold War. P. 100.

- ⁹⁶ Correspondence concerning discussions on Persia at the Moscow Conference of Foreign Ministers, 18.12.1945: TNA. Public Records Office. FO 371/52662.
- ⁹⁷ Extract of conversation between Stalin with Bevin and Byrnes, 19.12.1945: Ibid. FO 371/52662; Blake K. *The U. S. – Soviet Confrontation in Iran*. P. 33–34.
- ⁹⁸ From Ambassador Harriman to the Department of State. Top Secret, 23.12.1945: NARA. RG 59. Box 4010. NND 7600050. Doc. 761.67/12–2345. Дополнительную информацию см.: Roberts G. *Moscow's Cold War on the Periphery*. P. 67; Byrnes J. F. *Speaking Frankly*. New York; London, 1947. P. 118–121; Maddox R. J. *From War to Cold War*. Boulder; London, 1989. P. 164; Grayson B. L. *United States-Iranian Relations*. Washington, 1981. P. 89; Fatemi F. S. *The USSR in Iran*. P. 92–93.
- ⁹⁹ Gaddis J. L. *The Cold War. A New History*. New York, 2005. P. 28.
- ¹⁰⁰ Bullock A. *Ernest Bevin: Foreign Secretary, 1945–1951*. London, 1983. P. 207.
- ¹⁰¹ См.: Zubok V. M. *A Failed Empire*. P. 42; Зубок В. Неудавшаяся империя. С. 73–74. Подробнее об организации сепаратистского движения в китайской провинции Синьцзян (Восточном Туркестане) см.: Решение Политбюро ЦК ВКП(б) «О Синьцзяне», 4 мая 1943 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 37. Л. 76–77; Решение Политбюро ЦК ВКП(б) «О Синьцзяне», 22 июня 1945 г.: Там же. Л. 145–146; Решение Политбюро ЦК ВКП(б) «О положении в Синьцзяне», 15 сентября 1945 г.: Там же. Л. 150–151; Письмо Берии Сталину и Молотову, 7 августа 1945 г.: ГА РФ. Ф. Р-9401 с/ч. Оп. 2. Д. 98. Л. 49–51; Спецсообщение генерала Егнарова на имя Берии, 27 августа 1945 г.: Там же. Л. 318–319; Докладная записка Берии Сталину, Молотову и Маленкову, 5 сентября 1945 г.: Там же. Л. 377–379; Hasanli J. *Stalin and Turkish Crisis of the Cold War, 1945–1953*. Lanham; Boulder; New York; Toronto; Plymouth, 2011. P. ix.
- ¹⁰² Егорова Н. И. «Иранский кризис» 1945–1946 гг. С. 39.
- ¹⁰³ Гайдук И. В. В лабиринтах холодной войны. С. 76.
- ¹⁰⁴ Cottam R. *Iran and the United States*. Pittsburgh, 1988. P. 67; *Foreign Relations of the United States 1945*. Vol. VIII. P. 504–505.
- ¹⁰⁵ The Ambassador in Iran (Murray) to the Secretary of State, 22.12.1945 // *Foreign Relations of the United States 1945*. Vol. VIII. P. 509.
- ¹⁰⁶ Информация зав. отделом Среднего Востока НКВД СССР Сычева зам. зав. отделом ЦК ВКП(б) Пономареву «К событиям в Иранском Азербайджане», 11 марта 1946 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 93. Л. 27.
- ¹⁰⁷ Беседа Ахада Якубова с Мюрреем, 22 декабря 1945 г.: АВП РФ. Ф. 094. Оп. 37. П. 5. Д. 357а. Л. 40.
- ¹⁰⁸ From Ambassador Harriman and Jernegan to the Department of State. Top Secret, 28.12.1945: NARA. RG 59. Box 4010. NND 7600050. Doc. 761.67/12–28845; Memorandum of Conversation, Stalin and Byrnes, 23.12.1945 // *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers 1945*. Vol. II: General: Political and Economic Matters. Washington, 1967. P. 750–752;

Samii K. A. Truman against Stalin in Iran: A Tale of Three Messages // Middle Eastern Studies. 1987. Vol. 23. No. 1. P. 97; Гайдук И. В. ООН и Иранский кризис 1946 года. С. 73.

¹⁰⁹ Roberts G. Stalin's Wars: From World War to Cold War, 1939–1953. New Haven, Conn., 2008. P. 308–309.

¹¹⁰ From Ambassador Harriman and Jernegan to the Department of State. Top Secret, 28.12.1945: NARA. RG 59. Box 4010. NND 7600050. Doc. 761.67/12–28845; Письмо Бевина Молотову, 24 декабря 1945 г.: АВП РФ. Ф. 012. Оп. 6. П. 91. Д. 372. Л. 172–173.

¹¹¹ Foreign Relations of the United States 1945. Vol. VIII. P. 519.

¹¹² См.: АВП РФ. Ф. 0430. Оп. 2. П. 5. Д. 16. Л. 1–2; Ф. 094. Оп. 31. П. 351а. Д. 3. Л. 23.

¹¹³ АВП РФ. Ф. 0430. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 240; Егорова Н. И. «Иранский кризис» 1945–1946 гг. С. 36.

¹¹⁴ From Ambassador Harriman and Jernegan to the Department of State. Top Secret, 28.12.1945: NARA. RG 59. Box 4010. NND 7600050. Doc. 761.67/12–28845.

¹¹⁵ Заявление иранского посольства в Лондоне, 21 декабря 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 93. Л. 128–129.

¹¹⁶ См.: Bullard R. The Camels Must Go. London, 1961. P. 267; Foreign Relations of the United States 1945. Vol. VIII. P. 518–519; РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 171. Л. 79.

¹¹⁷ Gaddis J. L. We Now Know. Rethinking Cold War History. Oxford, 1998. P. 164.

¹¹⁸ Times. 1945. 21 December.

¹¹⁹ From Dixon to Howe, 18.12.1945: TNA. Public Records Office. FO 371/52664. Дополнительную информацию см.: Гайдук И. В. В лабиринтах холодной войны. С. 76–77; Blake K. The U. S. – Soviet Confrontation in Iran. P. 31.

¹²⁰ Письмо Бевина Молотову, 28 декабря 1945 г.: АВП РФ. Ф. 012. Оп. 6. П. 91. Д. 372. Л. 181; From Ambassador Harriman and Jernegan to the Department of State. Top Secret, 28.12.1945: NARA. RG 59. Box 4010. NND 7600050. Doc. 761.67/12–28845.

¹²¹ Фернанда Шейд-Рейн ошибочно указывает дату проведения совещания с 12 по 21 декабря, хотя 12-го числа ни Бевин, ни Бирнс в Москву еще не прибыли. См.: Scheid Raine F. The Iranian Crisis of 1946 and the Origins of Cold War // Origins of the Cold War. An International History / ed. M. P. Leffler, D. S. Painter. 2nd ed. New York; London, 2005. P. 105.

¹²² Kuniholm B. R. The Origins of the Cold War in the Near East: Great Power Conflict and Diplomacy in Iran, Turkey, and Greece. Princeton, 1980. P. 295–296.

¹²³ Ibid. P. 185.

- ¹²⁴ Lytle M. H. *The Origins of the Iranian-American Alliance, 1941–1953*. New York; London, 1987. P. 64.
- ¹²⁵ Гайдук И. В. В лабиринтах холодной войны. С. 75.
- ¹²⁶ The Ambassador in Turkey (Wilson) to the Department of State, 26.12.1945: NARA. RG 59. Box 4010. NND 7600050. Doc. 761.67/12–26845.
- ¹²⁷ Memorandum of Conversation, Allen – Ala, 27.12.1945: Ibid. Doc. 761.67/12–2745; Memorandum of Conversation, by the Deputy Director of the Office of Near Eastern and African Affairs (Allen) // *Foreign Relations of the United States 1945*. Vol. VIII. P. 514. Дополнительную информацию см.: Гайдук И. В. В лабиринтах холодной войны. С. 77; Его же. ООН и Иранский кризис 1946 года. С. 74.
- ¹²⁸ The Iranian Ambassador and the Secretary of State. Memorandum of Conversation, 01.01.1946: NARA. RG 59. Box 4010. NND 7600050. Doc. 761.91/1–146.
- ¹²⁹ Гайдук И. В. В лабиринтах холодной войны. С. 78.
- ¹³⁰ Harry Howard. *Soviet-Iranian Relations*, 13.12.1945: NARA. RG 59. Box 4010. NND 7600050. Doc. 761.91/12–1345; Гайдук И. В. ООН и Иранский кризис 1946 года. С. 72.
- ¹³¹ Гайдук И. В. В лабиринтах холодной войны. С. 78–80; Его же. ООН и Иранский кризис 1946 года. С. 72.
- ¹³² Об отношении к азербайджанским событиям в иранских кругах, декабрь 1945 г.: АМНБ АР. Оп. 283. Л. 243.
- ¹³³ Pişəvəri S. C. *İran Azərbaycanı demokratik hərəkət tarixi*. I–II cild. Bakı, 1947 (Əlyazma hüququnda). I cild. S. 194.
- ¹³⁴ Подробнее о втором правительстве Хакими см.: Azimi F. *Iran: The Crisis of Democracy. From the Exile of Reza Shah to the Fall of Musaddiq*. London; New-York, 2009. P. 135–144.
- ¹³⁵ *The Cambridge History of Iran*. Vol. 7: *From Nadir Shah to the Islamic Republic* / ed. P. Avery. Cambridge, 1991. P. 245.
- ¹³⁶ Информация зав. отделом Среднего Востока НКВД СССР Сычева зам. зав. отделом ЦК ВКП(б) Пономареву «К событиям в Иранском Азербайджане», 11 марта 1946 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 93. Л. 15–16.
- ¹³⁷ Инструкция Атакишиеву, Гасанову, Ибрагимову и генералу Руссову, 24 декабря 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 98. Л. 35.
- ¹³⁸ *Azərbaycan*. 1945. 19 dekabr.
- ¹³⁹ Багиров – Сталину, Молотову, Берии, Маленкову, 19 декабря 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 90. Л. 281.
- ¹⁴⁰ Шифрограмма Молотова Багирову, 24 декабря 1945 г.: Там же. Л. 283.
- ¹⁴¹ Гасанов Г. *Иранский дневник (1944–1946)*. Баку, 2007. С. 433–434.
- ¹⁴² Письмо Ибрагимова, Гасанова и Атакишиева Багирову, 26 декабря 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 138. Л. 10–12.

- ¹⁴³ Инструкция Багирова Кафарзаде и Емельянову, 31 декабря 1945 г.: Там же. Л. 13.
- ¹⁴⁴ Çeşmazər M. S. C. Pişəvərinin Azərbaycan Demokrat Partiyasının və Azərbaycan milli hökumətinin yaranması uğrunda mübarizədə rolu // Cənubi Azərbaycan tarixi məsələləri. Bakı, 1989. S. 105; АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 118. Л. 36–38.
- ¹⁴⁵ Azərbaycan. 1945. 22 dekabr.
- ¹⁴⁶ Azərbaycan. 1945. 24 dekabr.
- ¹⁴⁷ Емельянов – Ибрагимову, 22 декабря 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 97. Л. 208.
- ¹⁴⁸ Письмо Пишевари, Шабустари, Падегана, Джавида и Бири Багирову, 23 декабря 1945 г.: Там же. Д. 110. Л. 42–45.
- ¹⁴⁹ Гасанов Г. Иранский дневник. С. 432.
- ¹⁵⁰ Həsənli C. Güney Azərbaycanda Sovet-Amerika-İngiltərə qarşিদurması (1941–1946). Bakı, 2001. S. 218.
- ¹⁵¹ The Ambassador in Iran (Murray) to the Secretary of State, 27.12.1945 // Foreign Relations of the United States 1945. Vol. VIII. P. 516.
- ¹⁵² Azərbaycan. 1945. 23 dekabr.
- ¹⁵³ Багиров – Якубову и Емельянову, 15 декабря 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 98. Л. 24–26.
- ¹⁵⁴ Гасанов Г. Иранский дневник. С. 432–433.
- ¹⁵⁵ Справка по вопросу обеспечения Иранского Азербайджана горючими и смазочными продуктами в связи с письмом наших представителей в Иране, 4 января 1946 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 121. Л. 23.
- ¹⁵⁶ Справка о возможностях обеспечения шахсеванов промтоварами, 14 января 1946 г.: Там же. Л. 25–26.
- ¹⁵⁷ Информация Багирова Сталину, Молотову, Берии, Маленкову, 29 декабря 1945 г.: Там же. Д. 90. Л. 294–295.
- ¹⁵⁸ Отчет Багирова Сталину, Молотову, Берии, Маленкову, 30 декабря 1945 г.: Там же. Л. 297.
- ¹⁵⁹ Foreign Relations of the United States 1945. Vol. VIII. P. 520–521.
- ¹⁶⁰ Ibid. P. 521.
- ¹⁶¹ Гасанов Г. Иранский дневник. С. 436.
- ¹⁶² Там же. С. 437.
- ¹⁶³ Рекомендации Багирова лидерам АДП, 31 декабря 1945 г.: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 98. Л. 46–47. Дополнительную информацию см.: Scheid Raine F. The Iranian Crisis of 1946 and the Origins of Cold War. P. 106.

БИБЛИОГРАФИЯ

Архивы

Архив Алимардан-бека Топчибаши – Центр изучения России, Кавказа и Центральной Европы (Париж, Франция).

Архив внешней политики Российской Федерации (Москва, Российская Федерация).

Архив Института Гувера (Стэнфорд, США).

Архив Министерства национальной безопасности Азербайджанской Республики (Баку, Азербайджан).

Архив национальной безопасности при Университете Джорджа Вашингтона (Вашингтон, США).

Архив политических документов при Управлении делами Президента Азербайджанской Республики (Баку, Азербайджан).

Архив Президента Грузии (Тбилиси, Грузия).

Государственный архив Азербайджанской Республики (Баку, Азербайджан).

Государственный архив кино- и фотодокументов Азербайджанской Республики (Баку, Азербайджан).

Государственный архив Российской Федерации (Москва, Российская Федерация).

Дипломатический архив МИД Франции (Париж, Франция).

Национальный архив и Управление документов США (Вашингтон, США).

Национальный архив Соединенного Королевства (Лондон, Великобритания).

Российский государственный архив новейшей истории (Москва, Российская Федерация).

Российский государственный архив социально-политической истории (Москва, Российская Федерация).

Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (Москва, Российская Федерация).

Опубликованные документы

На азербайджанском языке

Qızıl səhifələr. (Azərbaycan xalqının milli azadlıq yolunda mübarizə tarixindən). Təbriz, 1946.

На турецком языке

Atatürk'ün Söylev ve Demeçleri. II, 4. Baskı. Ankara, 1989.

Atatürk'ün Tamim Telegraf ve Beyannameleri. IV. Ankara, 1991.

Şimşir B. Atatürk ve Yabancı Devlet Başkanları. Ankara, 1993.

Soysal İ. Türkiye'nin Siyasal Antlaşmaları. I Cilt (1920–1945). Ankara, 1989.

Türkiye Büyük Millet Meclisinin Gizli Celese Zabıtları. Devre: I. C. II. Ankara, 1985.

Türkiyedeki Alman Politikası 1941–1943. Alman Dış İşleri Dairesi Belgeleri. İstanbul, 1977.

На русском языке

Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.): Сб. документов. М., 1984.

Документы внешней политики СССР. Т. XXII: В 2 кн. М., 1992; Т. XXIII. Кн. 1. М., 1995; Т. XXIII. Кн. 2. М., 1998; Т. XXIV. М., 2000.

Из истории азербайджанской эмиграции: Сб. документов, произведений и писем. М., 2011.

Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). М., 1978.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. документов. Т. I. Кн. 1 (ноябрь 1938 г. – декабрь 1940 г.). М., 1995.

Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б): Повестки дня заседаний: Каталог. М., 2001. Т. II: 1930–1939; Т. III: 1940–1952.

Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004.

Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях / МИД СССР. М., 1946.

Советско-турецкие отношения: Сб. документов, 1917–1926 гг. М., 1947.

Сталинские депортации, 1928–1953 / под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева. М., 2005.

На языках Западной Европы

Armenia. Political and Ethnic Boundaries, 1878–1948 / ed. A. L. P. Burdett. Cambridge, 1998.

Caucasian Boundaries. Documents and Maps, 1802–1946 / ed. A. L. P. Burdett. Richmond, 1996.

Communist Takeover and Occupation of Georgia. Special Report No. 6 of the Select Committee on Communist Aggression. House of Representatives Eighty-third Congress, second session. Under authority of H. Res. 346 and H. Res. 438. Washington, 1955.

Die Geheimakten des französischen Generalstabes: Sechstes Weißbuch der Deutschen Regierung / Auswärtiges Amt. Berlin, 1941. Faks.: Viöl, 1995.

Documents diplomatiques français. Série Deuxième Guerre / sous la dir. d'A. Kaspi. Bruxelles, 2002.

Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. First series. Vol. I. London, 1947.

Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. First series. Vol. II. London, 1948.

Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. First series. Vol. XV. London, 1967.

Documents on German Foreign Policy, 1918–1945. Series D. Vol. VII: The War Years. Washington, 1956.

Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers 1945. Vol. II: General: Political and Economic Matters. Washington, 1967.

Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers 1945. Vol. VIII: The Near East and Africa. Washington, 1969.

Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers 1946. Vol. VII: The Near East and Africa. Washington, 1969.

The Boundary between Turkey and the USSR. CIA/RR M-17. Secret. January 1952 // National Archives and Records Administration USA. CIA-RDP 79.

Литература

На азербайджанском языке

Alpoud Ə. Həyatımın hekayələri. Bakı, 2011.

Azərbaycan tarixi. Yeddi cildə. Yeddinci cild. Bakı, 2003.

Bağırzadə Ə. Azərbaycan ziyalıları Böyük Vətən müharibəsi illərində. Bakı, 1970.

- Cəfərli M. Azərbaycan legion ədəbiyyatı. Bakı, 2005.
- Çeşməzər M. Azərbaycan Demokrat Partiyasının yaranması və fəaliyyəti (Cənubi Azərbaycan 1945–1946-cı illərdə). Bakı, 1986.
- Çeşməzər M. S. C. Pişəvərinin Azərbaycan Demokrat Partiyasının və Azərbaycan milli hökumətinin yaranması uğrunda mübarizədə rolu // Cənubi Azərbaycan tarixi məsələləri. Bakı, 1989.
- Əliyev İ. H. Azərbaycan nefti dünya siyasətində. 3 cildə. III cild. Bakı, 1998.
- Əmrahov M. İkinci dünya müharibəsi, 1939–1945. Bakı, 2010.
- Fətəlibəyli Ə. Sovet-Fin hərbi // Azərbaycan (Münhen). 1953. № 10.
- General Qulam Yəhya. Xatirələr. Bakı, 2006.
- Haşımova A. XX əsrin birinci yarısında Azərbaycan mühacirəti. Bakı, 1992.
- Həsəni C. Güney Azərbaycan: Tehran-Bakı-Moskva arasında (1939–1945). Bakı, 1998.
- Həsəni C. Güney Azərbaycanda Sovet-Amerika-İngiltərə qarşındurması (1941–1946). Bakı, 2001.
- Həsəni C. Soyuq müharibənin başladığı yer: Güney Azərbaycan (1945–1946). Bakı, 1999.
- Həsəni C. SSRİ–Türkiyə: Soyuq müharibənin sınaq meydanı, 1939–1953. Bakı, 2005.
- Həsənov Ə. Müasir beynəlxalq münasibətlər və Azərbaycanın xarici siyasəti. Dərslük. Bakı, 2005.
- İbrahimli X. Azərbaycan siyasi mühacirəti (1920–1991). Bakı, 1996.
- İsmayılov İ. Azərbaycanlıların II dünya müharibəsində iştirakı. Bakı, 2000.
- Qasımlı M., Hüseynova E. Azərbaycanın xarici işlər nazirləri. Bakı, 2003.
- Qasımov M. Beynəlxalq münasibətlərdə Azərbaycan məsələsi. Bakı, 1993.
- Mədətov Q. Azərbaycan Böyük Vətən müharibəsində (1941–1945-ci illər). Bakı, 1975.
- Musayev İ. Azərbaycanın xarici siyasəti. İkinci hissə: 1920–1991. Bakı, 2010.
- Novruzov İ. Azərbaycan kartı. İran xatirələri. Bakı, 1997.
- Pişəvəri M. C. Seçilmiş əsərləri. Bakı, 1984.
- Pişəvəri S. C. İran Azərbaycanı demokratik hərəkat tarixi. I–II cild. Bakı, 1947 (Əlyazma hüququnda).
- Rəhimli Ə. Mübarizə burulğanında keçən ömür: Seyid Cəfər Pişəvəri. Bakı, 2009.
- Rüstəmov-Tohidi S. Kominternin Şərq siyasəti və İran, 1919–1943. Bakı, 2002.

Svyatoçovskiy T. Rusiya və Azərbaycan. Sərhədyanı bölgə keçid dövründə. Xəzər Universiteti, 2000.

Tağıyeva Ş., Rəhimli Ə., Bayramzadə S. Güney Azərbaycan. Bakı, 2000.

Talıblı T. Əziz Əliyev. Bakı, 1996.

Vəkilov C. M. Azərbaycan respublikası və İran: 40-cı illər (mədəni əlaqələr). Bakı, 1991.

Yaqublu N. Azərbaycan legionerləri. Bakı, 2005.

На турецком языке

Ağaoğlu S. Babamın Arkadaşları. İstanbul, 1958.

Andican A. Cədidizm'dən Bağımsızlığa Hərçtə Türkünstan Mücadelesi. İstanbul, 2003.

Barutçu F. A. Siyasi Anılar, 1939–1954. İstanbul, 1977.

Deringil S. Denge Oyunu: İkinci Dünya Savaşında Türkiyenin Dış Politikası. İstanbul, 1994.

Gürün K. Türkiye – Sovyet İlişkileri (1920–1953). Ankara, 1991.

Hasanlı C. Soğuk Savaşın ilk çatışması: İran Azərbaycanı. İstanbul, 2005.

Hasanlı C. Tarafsızlıktan Soğuk Savaşa: Türk-Sovyet İlişkileri, 1939–1953. Ankara, 2011.

Hayit B. Sovyetler Birliğindeki Türklüğün ve İslamın bazı Meseleleri. İstanbul, 1987.

Kurat A. N. Türkiye ve Rusiya. Ankara, 1990.

Mühlen P., von zur. Gamalıhaç İle Kızılyıldız Arasında. Ankara, 1984.

Önder Z. II. Dünya Savaşında Türk Dış Politikası. Ankara, 2010.

Sever A. Soğuk Savaş Kuşatmasında Türkiye, Batı ve Orta Doğu. 1945–1958. İstanbul, 1997.

Türkiye Cümhuriyeti Tarihi. Cilt II. Ankara, 2004.

На русском языке

Абасов М. Бакинская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Баку, 1990.

Абасов М., Гритченко А., Зейналов Р. Азербайджан в годы Великой Отечественной войны. Баку, 1990.

Абуталыбов Р. Годы и встречи в Париже. М., 2006.

Абуталыбов Р. Свои среди чужих, чужие среди своих. М., 2007.

Азербайджан в период войны 1941–1945 гг.: Сб. статей. Баку, 2008.

Алиев С. М. История Ирана. XX век. М., 2004.

Алиев Э. Азербайджанцы в Европейском движении сопротивления: Автореф. Баку, 2008.

- Алиева Р. Азербайджанцы в Европейском движении сопротивления. Баку, 2005.
- Балаев А. Мамед Эмин Расулзаде (1884–1955). М., 2009.
- Безугольный А. Ю. Кавказские национальные формирования в политических дискуссиях в период обороны Кавказа // Военно-исторический архив. 2004. № 10.
- Березин О. К. Неизученная кампания: Иран, август 1941 // Военно-исторический архив. 2004. № 8.
- Брутенц К. Н. Тридцать лет на Старой площади. М., 1998.
- Гайдук И. В. В лабиринтах холодной войны: СССР и США в ООН, 1945–1965. М., 2012.
- Гайдук И. В. ООН и Иранский кризис 1946 года // Новая и новейшая история. 2011. № 5.
- Гасанлы Дж. Синьцзян в орбите советской политики: Сталин и мусульманское движение в Восточном Туркестане (1931–1949). М., 2015.
- Гасанлы Дж. СССР–Иран: Азербайджанский кризис и начало холодной войны, 1941–1946. М., 2006.
- Гасанлы Дж. СССР–Турция: От нейтралитета к холодной войне, 1939–1953 гг. М., 2008.
- Гасанов Г. Иранский дневник (1944–1946). Баку, 2007.
- Горьков Ю. Государственный комитет обороны постановляет (1941–1945). М., 2002.
- Егорова Н. И. «Иранский кризис» 1945–1946 гг.: По рассекреченным архивным материалам // Новая и новейшая история. 1994. № 3.
- Егорова Н. И. Истоки советско-американского соперничества в Иране и Турции, 1944–1945 гг. // Американский ежегодник, 1997. М., 1997.
- Зубок В. Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева. М., 2011.
- Исмаилов Э. Власть и народ. Послевоенный сталинизм в Азербайджане, 1945–1953 гг. Баку, 2003.
- Кавказ выстоял, Кавказ победил: Ветераны вспоминают. Тбилиси, 1973.
- Киреев Н. Г. История Турции. XX век. М., 2007.
- Кочкин Н. В. СССР, Англия, США и «Турецкий кризис» 1945–1947 гг. // Новая и новейшая история. 2003. № 3.
- Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа (1921–1945). Тбилиси; Париж, 2012.
- Мамулия Г., Абуталыбов Р. Страна огней. В борьбе за свободу и независимость: Политическая история азербайджанской эмиграции. Париж; Баку, 2014.

- Международный кризис 1939–1941 гг.: От советско-германских договоров 1939 года до нападения Германии на СССР. М., 2006.
- Наджафов Д. Г. Об историко-геополитическом наследии советско-германского пакта 1939 года // Правда Виктора Суворова-2. Восстанавливая историю Второй мировой. М., 2007.
- Оришев А. Б. Иранский узел: Схватка разведок, 1936–1945 гг. М., 2009.
- Оришев А. Б. Политика нацистской Германии в Иране. СПб., 2005.
- Очерки истории Министерства Иностранных Дел России. Т. 2: 1917–2002. М., 2002.
- Парвизпур Б. Х. Советско-иранские отношения в годы Второй мировой войны (1939–1945). Тбилиси, 1978.
- Печатнов В. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. Документальные очерки. М., 2006.
- Российское зарубежье во Франции, 1919–2000. Т. 3. М., 2010.
- Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы. М., 2003.
- Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М., 1999.
- Сеидбекова Л. «Турецкий кризис» и великие державы в первые годы «холодной войны» (1945–1947): Автореф. Баку, 2012.
- Соцков Л. Неизвестный сепаратизм: На службе СД и Абвера. Из секретных досье разведки. М., 2003.
- Статистико-экономический атлас Крыма. Вып. 1. Симферополь, 1922.
- Султанов Ч. А. Нефть. Баку, 2000.
- Султанов Ч. Политические и экономические этюды по Южному Кавказу (хроника с 1850 по 2010 гг.). Баку, 2010.
- Сумбатзаде А. С. Азербайджанская историография XIX–XX веков. Баку, 1987.
- Тетради по истории рабочего и революционного движения. М., 2006.
- Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. III. М., 2007.
- Фаталибейли А. Отчет азербайджанскому народу о борьбе его сынов за независимость Родины в период Второй мировой войны // Азербайджан (Мюнхен). 1951. № 1.
- Чубарьян А. О. Канун трагедии: Сталин и международный кризис, сентябрь 1939 – июнь 1941 года. М., 2008.
- Чуев С. Г. Кавказская карта Германии // Военно-исторический архив. 2004. № 1.
- Юнгблюд В. Т., Чучкалов А. В. Политика США в Иране в годы Второй мировой войны. Киров, 2011.

На языках Западной Европы

Abrahamian E. Communism and Communalism in Iran: The Tudah and the Firqah-i Dimokrat // International Journal of Middle East Studies. 1970. Vol. 1. No. 4.

Abrahamian E. Iran between Two Revolutions. Princeton, 1982.

Alstadt A. The Azerbaijani Turks: Power and Identity under Russian Rule. Stanford, 1992.

Atabaki T. Azerbaijan: Ethnicity and Autonomy in Twentieth-Century Iran. London, 1993.

Athanassopoulou E. Turkey: Anglo-American Security Interests, 1945–1952. London, 1999.

Azimi F. Iran: The Crisis of Democracy. From the Exile of Reza Shah to the Fall of Musaddiq. London; New-York, 2009.

Bamberg J. H. The History of the British Petroleum Company. The Anglo-Iranian Years, 1928–1954. Cambridge, 1994.

Bédarida F. La stratégie secrète de la drôle de guerre: Le Conseil Suprême Interallié, septembre 1939 – avril 1940. Paris, 1979.

Blake K. The U. S. – Soviet Confrontation in Iran, 1945–1962. A Case and Annals of the Cold War. Lanham; Boulder; New York; Toronto; Plymouth, 2009.

Browne E. G. A Year amongst the Persians. London, 1893.

Bullock A. Ernest Bevin: Foreign Secretary, 1945–1951. London, 1983.

Byrnes J. F. Speaking Frankly. New York; London, 1947.

Caroe O. Soviet Empire. The Turks of Central Asia and Stalinism. New York, 1954.

Chace J. Acheson. The Secretary of State Who Created the American World. New York; London; Toronto; Sydney, 1998.

Cottam R. Iran and the United States. Pittsburgh, 1988.

Dallin A. German Rule in Russia, 1941–1945. A Study of Occupation Policies. London; New York, 1957.

Douglas W. O. Strange Lands and Friendly People. New York, 1951.

Fatemi F. S. The USSR in Iran. New York; London, 1980.

Gaddis J. L. The Cold War. A New History. New York, 2005.

Gaddis J. L. The United States and the Origins of the Cold War, 1941–1947. New York, 1972.

Gaddis J. L. We Now Know. Rethinking Cold War History. Oxford, 1998.

Glasneck J., Kircheisen I. Türkei und Afghanistan – Brennpunkte der Orientpolitik im Zweiten Weltkrieg. Berlin (Ost), 1968.

Grayson B. L. United States-Iranian Relations. Washington, 1981.

- Hamzavi A. H. *Persia and the Powers. An Account of Diplomatic Relations, 1941–1946.* London; New-York; Melbourne; Sydney, 1946.
- Hasanli J. *At the Dawn of the Cold War: The Soviet-American Crisis over Iranian Azerbaijan, 1941–1946.* Lanham; Boulder; New York; Toronto; Oxford, 2006.
- Hasanli J. *Der Kampf um das Erdöl im Nahen und Mittleren Osten // Stalins Wirtschaftspolitik an der sowjetischen Peripherie. Ein Überblick auf der Basis sowjetischer und osteuropäischer Quellen / hg. W. M. Iber, P. Ruggenthaler.* Innsbruck; Wien; Bozen, 2011.
- Hasanli J. *Iranian Azerbaijan: The Epicenter of a Cold War // The Caucasus and Globalization.* 2008. Vol. 2. No. 1–2.
- Hasanli J. *La «crisi turca» nella guerra fredda // Ventunesimo Secolo.* 2009. № 19.
- Hasanli J. *Stalin and Turkish Crisis of the Cold War, 1945–1953.* Lanham; Boulder; New York; Toronto; Plymouth, 2011.
- Hasanli J. *The «Turkish Crisis» of the Cold War Period and the South Caucasian Republic // The Caucasus and Globalization.* 2008. Vol. 2. No. 4; 2009. Vol. 3. No. 1.
- Hasanli J., Zubok V. *La prima crisi della guerra fredda: Mosca e il petrolio iraniano (1943–1946) // Ventunesimo Secolo.* 2007. Anno VI. № 13.
- Hoffmann L. *Die Kaukasien 1942–1943: Das deutsche Heer und die Ostvölker der Sowjetunion.* Freiburg, 1991.
- Homayounpour P. *L’Affaire d’Azerbaïdjan.* Lausanne, 1967.
- Jeloschek A., Richter F., Schütte E., Semler J. *Freiwillige vom Kaukasus. Georgier, Armenier, Aserbajdschaner, Tschetschenen u. a. auf deutscher Seite. Der «Sonderverband Bergmann» und sein Gründer Theodor Oberländer.* Graz; Stuttgart, 2003.
- Kahle G. *Das Kaukasusprojekt der Alliierten vom Jahre 1940.* Opladen, 1973.
- KGB in Iran, 1988: Mitrokhin Collection, Woodrow Wilson Center for Scholars, Washington DC (рукопись).*
- Krecker L. *Deutschland und die Türkei im Zweiten Weltkrieg.* Frankfurt, 1964.
- Kuniholm B. R. *The Origins of the Cold War in the Near East: Great Power Conflict and Diplomacy in Iran, Turkey, and Greece.* Princeton, 1994.
- L’Estrange Fawcett L. *Iran and the Cold War: The Azerbaijan Crisis of 1946.* Cambridge, 1992.
- Lytle M. H. *The Origins of the Iranian-American Alliance, 1941–1953.* New York; London, 1987.
- Maddox R. J. *From War to Cold War.* Boulder; London, 1989.

Mamoulia G. *Les Combats indépendantistes des Caucasiens entre URSS et puissances occidentales. Le cas de la Géorgie (1921–1945)*. Paris, 2009.

Mark E. *The Turkish War Scare // Origins of the Cold War. An International History* / ed. M. P. Leffler, D. S. Painter. 2nd ed. New York; London, 2005.

Massigli R. *La Turquie devant la guerre: Mission à Ankara, 1939–1940*. Paris, 1964.

Milani A. *The Shah*. New York, 2012.

Mohammad Mosaddeq and the 1953 Coup in Iran / ed. M. J. Gasiorowski, M. Byrne. New York, 2004.

Monroe E. *Britain's Moment in the Middle East, 1914–1956*. London, 1963.

Morozova I. *Contemporary Azerbaijani Historiography on the Problem of «South Azerbaijan» after WWII // Iran and the Caucasus*. Vol. 9. Leiden, 2005.

Osborn P. R. *Operation Pike. Britain Versus the Soviet Union, 1939–1941*. Westport, Conn.; London, 1966.

Rieber A. *Stalin and the Struggle for Supremacy in Eurasia*. Cambridge, 2015.

Roberts G. *Moscow's Cold War on the Periphery: Soviet Policy in Greece, Iran, and Turkey, 1943–8 // Journal of Contemporary History*. 2011. Vol. 46. No. 1.

Roberts G. *Stalin's Wars: From World War to Cold War, 1939–1953*. New Haven, Conn., 2008.

Rossow R. *The Battle of Azerbaijan, 1946 // The Middle East Journal*. 1956. Winter.

Samii K. A. *Truman against Stalin in Iran: A Tale of Three Messages // Middle Eastern Studies*. 1987. Vol. 23. No. 1.

Scheid Raine F. *Stalin and the Creation of the Azerbaijan Democratic Party in Iran, 1945 // Cold War History*. 2001. Vol. 2. No. 1.

Scheid Raine F. *Stalin, Bagirov and Soviet Politics in Iran, 1939–1946: Ph. D. diss. Yale University, 2000*.

Scheid Raine F. *The Iranian Crisis of 1946 and the Origins of Cold War // Origins of the Cold War. An International History* / ed. M. P. Leffler, D. S. Painter. 2nd ed. New York; London, 2005.

Spector I. *The Soviet Union and the Moslem World, 1917–1958*. Washington, 1958.

Swietochowski T. *Russia and Azerbaijan: A Borderland in Transition*. New York, 1995.

Swietochowski T., Collins B. *Historical Dictionary of Azerbaijan*. Lanham, 1999.

The Cambridge History of Iran. Vol. 7: From Nadir Shah to the Islamic Republic / ed. P. Avery. Cambridge, 1991.

The Diary of Georgi Dimitrov, 1933–1949. New Haven, CT, 2003.

Westad O. A. The Global Cold War. Third World Interventions and the Making of Our Times. Cambridge, 2007.

Zubok V. M. A Failed Empire. The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev. Chapel Hill, 2007.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аббас I, персидский шах 235, 328
Аббаси М. 247
Аббасов А. Г. 76
Абдуллаев А. А. 76
Абдуллаев Г. Б. 74, 77–78, 150–151, 227
Абдулов Н. 202
Абизаде Б. (Азероглу) 103, 109, 116, 166, 247
Абришеми 226
Авшар, капитан 114
Ага Мамед Шах-Каджар, персидский царь 308
Агаев 64
Агаев А. 214
Агаев А. М. 74
Агаев Г. Р. 77–78
Агазаде Ш. 139
Агаоглу С. 214
Агаянц (Авалов) И. И. 43, 67, 115–116, 133
Агнам Т. 103
Адалети Б. 103
Адамов Е. А. 90
Адамян 230
Адвазарян Б. 301
Аджамян Г. 177
Аджеми 226
Адл Мехти 104, 157, 166, 226
Адл Мустафа 137
Азери 226
Азизбеков А. М. 106–107, 162, 265
Азима Ю. 289, 295, 342
Азими Ф. 136, 275
Азуди 104
Айронсайд Э. (Ironsides E.) 24, 142
Айрумлу М. Х. 102
Акбер И. 30, 194–195, 199, 214
Ала Х. 253, 267–268, 273, 282–283, 323, 336–337
Алабеева 150
Аламир А. 102
Аламути, землевладелец 226
Аламути З. 159
Аламути Н. 159
Аларлы Я. 224
Алекберзаде М. 247
Алекберов В. 211
Алекберов П. 99
Алекберов Э. Г. 313
Александр Македонский 235
Александров В. Г. 32, 35
Александров Г. Ф. 245
Алексеев 51
Алескеров Дж. 100, 108, 163
Алибеков А. 191, 200, 215
Алиев, комендант 135
Алиев А. 99–100, 116, 245, 249
Алиев А. М. 7, 35, 43–47, 49–54, 56–57, 59–62, 65–69, 72, 202, 222, 351
Алиев И. 211
Алиев М. 162–163
Алиев М. И. 74, 76–78, 80–81, 149–156, 162–165, 167, 172–173, 198, 229, 235–239, 271, 311–312, 317–318, 352
Алиев Ш. А. 76
Алиев Ю. М. 76
Ализаде А. 226
Ализаде А. А. 74–75, 77–78, 111, 149–150
Ализаде А.-А. Дж. 117, 222–229
Али-хан 52
Алиярзаде 165
Аллахвердиев Н. 162
Аллахвердиев Т. А. 74, 77–79, 81, 149

- Аллен Дж. (Allen G.) 336
 Алмасзаде Г. 57
 Алшибая М. 215
 Алыш-бек 52
 Аль-Хусейни Г. Э. 195, 207
 Амирасланов М. 45, 50, 61, 69, 71
 Амирджан А. 207
 Амирджан Ф. 198, 204, 206, 210–211
 Амирджанов, генерал 106
 Амуоглу Х. 257
 Андреев А. А. 181
 Андреев Е. Е. 163
 Аннагиев А. 243
 Антелепян Г. 164
 Антонов А. И. 72, 119
 Априк М. 269, 325
 Араратян С. 25, 102, 182
 Араслы Г. 247, 317
 Араста Н. М. 137
 Ардален А. 137
 Арикан С. 188
 Арнаутова 312
 Арутинов Г. А. 37, 299, 305, 307–309
 Арутюнов 276
 Арутюнян, братья 192
 Арушанов К. Б. 175–176
 Арфа Х. 280–281, 287, 293
 Асирян А. Н. 77–78
 Атай Ф. Р. (Atay F. R.) 172
 Атакишиев А. 45, 50, 61, 100, 106,
     146, 170, 226, 249–250, 261,
     274, 280, 289, 292, 294–296,
     340–341
 Атамалыбеков А. 16, 19–20, 29, 203,
     206–207, 211
 Афанасьян С. 183
 Ахи М. 126, 131, 137, 147, 221, 234,
     241, 253, 255–256, 268, 322
 Ахмеди 257
 Ахмедов, комендант 135
 Ахмедов, офицер комендатуры 295
 Ахмедов Ф. Б. 76
 Ахметели М. 182
 Ахундзаде А.-А.-Р. 223
 Ахундов А. 78
 Ахундов М.-Ф. 237
 Ачесон Д. (Acheson D.) 323, 326–
     327
 Ашумов Дж. 99
- Бабаев А. 167**
 Бабаев А. Г. 77
 Бабаев Г. 100
 Бабкен 277
 Бабкин 289
 Багдасарян 181
 Багир 165
 Багирзаде А. 99, 106–107, 164, 250
 Багиров М. 202
 Багиров М. А. 10, 34, 36–37, 43–47,
     50, 52–53, 56–60, 64–69, 75–76,
     89, 98, 100, 106–120, 122–123, 135,
     137, 144, 151, 153–154, 160–166,
     169–171, 202, 222, 228–230, 232–
     233, 241–243, 245, 248–250, 255,
     263–266, 269, 273–274, 277–279,
     281, 285–287, 291, 294, 305–310,
     325, 327, 339–346, 348
 Багиров Н. 276
 Багиров С. 150
 Багиров Ю. А. 74
 Багирхан Салар-е Мелли 257
 Багишов А. М. 76
 Баграти 159
 Багратион Т. 181
 Бадал 183
 Бадалбейли Ш. 64
 Базаров С. Т. 312
 Байбаков Н. К. 126, 130–131, 232–233
 Бакиханов А.-К. 237
 Баку-паша М. (Bakü Paşa M.) 185
 Баммат Г. 204
 Баратов Н. Н. 142
 Бахадури 104
 Бахрами М. 159
 Бахтияр Н. К. (Самсам ос-Султан)
     239
 Баяр М. Дж. (Bayar M. C.) 213
 Баят М.-К. (Сахам ос-Султан) 102,
     137–138, 220, 226, 256, 271,
     273–275, 278–280, 284, 289, 291,
     296–297, 322–323
 Баят-Маку, хан 135
 Баят-Маку А. 257
 Бевин Э. (Bevin E.) 267, 281, 320–321,
     323, 328–329, 331–334, 336–337
 Бейбутов Р. М. 57
 Бейкер, полковник 281
 Белошапкин Д. К. 68

- Бенеш Э. (Beneš E.) 158, 270
 Бергер Г. (Berger G.) 215, 217
 Бердзенишвили Н. А. 327
 Берестов 75
 Берия Л. П. 16–17, 37, 63, 69, 85–87,
 123, 158, 173, 243, 249, 263, 277,
 309–310, 340
 Беяи Р. 227
 Бибин 296
 Бирия М. 101, 103, 108–111, 116,
 134–135, 139–140, 157, 160,
 165–166, 224, 247, 257–259, 264,
 275, 278–280, 290, 293, 342–343
 Бирнс Дж. Ф. (Byrnes J. F.) 267,
 282–283, 303, 320–321, 323–325,
 327–332, 335–337, 347
 Бисминджи М.-М. 257
 Бичерахов Л. Ф. 216
 Биязи Н. Н. 75
 Бойм (Voim) 197, 207, 210
 Болоян 183
 Болтон Ф. (Bolton F.) 314
 Бон 26
 Бонне Ж.-Э. (Bonnet G.-É.) 15
 Борман М. (Bormann M.) 215
 Борчалы Г. 157, 166, 296
 Борьян 111–112
 Браун Э. (Browne E.) 239
 Брейтон 122
 Бройтигам О., фон (Bräutigam O.,
 von) 192, 202
 Брутенц К. Н. 304, 309
 Будагян, братья 60
 Будагян 51
 Булганин Н. А. 242–243, 248
 Буллард Р. У. (Bullard R. W.) 40, 61,
 68, 80, 103, 234, 284, 321, 323, 332,
 334–335, 337
 Бурнашев С. Д. 236
 Бэйли Э. (Bailey E.) 234
Вагабзаде Г. Т. 277
 Вагиф 309
 Вайцзеккер Э., фон (Weizsäcker E.,
 von) 189
 Ванд М. 294
 Варахрам 268
 Вардин Б. 81
 Ватан А. 103, 169
 Вахид А. 247
 Вачнадзе Д. 181
 Везиоров С. А. 232–233
 Вейган М. (Weygand M.) 17, 23, 25,
 28–30
 Векилли М. 207
 Векилов М. 64
 Велиди Тоган (Валидов) З. (Velidi
 Toğan Z.) 38, 184–185, 190, 213
 Вердер Р., фон (Werder R., von)
 88–89
 Вёрман Э. (Woermann E.) 189–190
 Вестад О. А. (Westad O. A.) 138, 265
 Викторов 64
 Вилаи М. 257, 288–289
 Вильсон, представитель компании
 122
 Вильсон Т. В. (Wilson T. W.) 175
 Вильсон Э. (Wilson E.) 335
 Висуг 257
 Владимиров 243–244
 Власов А. А. 214–215, 217
 Вознесенский Н. А. 230
 Волин И. 144
 Ворошилов К. Е. 37, 141
 Вургун С. (Векилов С. Ю.) 58, 120,
 164–166, 246–248
 Вышинский А. Я. 79, 255–256
 Вюйемен Ж. (Vuillemin J.) 21, 28

 Габлиани Г. 207
 Гагарин, капитан 268–269, 328
 Гаддис Дж. Л. (Gaddis J. L.) 329
 Гаджи Азим-хан 134, 257, 264
 Гаджибейли Дж. 19, 29, 211
 Гаджибеков 115
 Гаджибеков У. 57–58, 166
 Гаджиев, директор фабрики 78
 Гаджиев А. 164
 Гаджиев Дж. 166
 Гаджиев Ю. 50
 Гаджинский Г. 211
 Гадимова С. 57
 Гадири С. 258
 Гази М. 112, 295–296
 Гази С. 104, 157, 166, 226
 Гаилов Д. М. 74, 77–78, 149
 Гаибова Р. 78
 Гайдук И. В. 329

- Гайдуков В. А. 106
 Гальдер Ф. (Halder F.) 200
 Гамелен М. (Gamelin M.) 21, 25–29
 Гарвер, майор 268–269
 Гардашбейли А. 218
 Гардинг У. (Harding W.) 121
 Гармаш Е. С. 90
 Гарриман У. А. (Harriman W. A.) 188, 252, 272, 303, 321, 326–327, 330
 Гасан Г.-А. 228
 Гасан М. 103
 Гасанов Г. З. 77–78
 Гасанов Г. М. 12, 99–100, 104–106, 111–116, 133–135, 137, 139–140, 144–146, 150, 159–160, 162, 166, 246, 249–251, 261, 264, 274, 276, 278, 280, 293–294, 296, 340–341, 345, 347–349
 Гасанов И. Г. 123
 Гасымов М. Ф. 165
 Гафаров Дж. И. 75, 77
 Георг VI (Чорекчян), католикос 173, 299
 Геворкян Д. 58, 103, 160, 177
 Гезалов З. 99
 Гейбель П. О. (Geibel P. O.) 192
 Гейдаров Н. 126–127, 233
 Гёкальп З. (Gökalp Z.) 21
 Генджи З. 53
 Генджи Т. 53
 Геоэолян (Гезальян) Г. А. 43, 54
 Гереле Х. 187–188
 Герман 125
 Гирей (Гирей-Келеч) С. 22
 Гитлер А. (Hitler A.) 30–31, 36, 40, 88–89, 116–117, 172, 180, 182, 187, 189, 191–192, 195–196, 198, 201, 203–204, 209–216, 249
 Гиями З. 257, 259–260, 275, 290
 Глинский М. И. 112, 114, 268, 276, 292
 Глиэр Р. М. 49
 Глогер, майор 197
 Годжаев 135
 Голголаби Х. 157, 166
 Голль Ш., де (Gaulle Ch., de) 17, 79, 270
 Гонобади П. 159
 Горшков А. А. 89, 118
 Горячев 116
 Готаз-бек 115
 Гранмайех, фон 102
 Гранмайех М. Р. 102
 Грегори, лейтенант 314
 Груссе Р. (Grousset R.) 81
 Гувер Г. (Hoover H.) 122
 Гугушвили А. 19
 Гудси 277
 Гулам-хан 52
 Гусейн М. 246
 Гусейн-ага-хан 52
 Гусейнзаде З. Ю. 74
 Гусейнзаде М. 202
 Гусейнов, комендант 135, 276
 Гусейнов Г. 153, 235–237, 247
 Гусейнов И. 247
 Гютве 226
 Давид 277
 Давуди Г.-М. 257
 Дадашзаде М. А. 164
 Дадвар 104, 108, 134, 136–137, 140, 162, 169, 244
 Дадгар Х. 102
 Даладьё Э. (Daladier E.) 19, 21, 27
 Даллес А. (Dulles A.) 217
 Даллин А. (Dallin A.) 180
 Дамирчян Д. 176–177
 Даниялов А. Д. 202
 Дарлан Ф. (Darlan F.) 21, 27
 Деканозов В. Г. 50, 60–61, 64–65, 77–79, 82, 92–93, 107, 113, 149, 253, 311
 Деникин А. И. 141
 Дерахшани А. 97, 265, 267–269, 280, 284, 289, 291–295, 297, 322
 Джабарлы Дж. 247
 Джавадзаде Д. 265
 Джавадзаде М. 266
 Джавади, генерал 113
 Джавадов З. 37
 Джавид Г. 53
 Джавид С. 257, 259, 264, 275, 289, 293–294, 296, 342–343
 Джалили М. 277
 Джам 126
 Джамалян А. 21–22, 181, 201, 207, 215
 Джанашия С. Н. 327
 Джафаргулу-хан 236

- Джафаров Г. П. 75
 Джафаров Дж. 164, 349
 Джафаров С. 230
 Джафароглу А. (Cafaroglu A.) 184, 213–214
 Джаханбани А. 55
 Джахангиров Дж. 164
 Джаханшахлы Н. 247
 Джебраилов, комендант 135
 Джебраилов А. 202
 Джернеган Дж. (Jernegan J.) 321, 336
 Джовдат Г. 277, 288
 Джовдат Х. 157, 166, 257
 Джонсон Х. (Johnson H.) 176
 Джорабчы, семья 167
 Дибадж И. 157, 166
 Диван С. 257
 Дилмагани 257
 Димитров Г. 13–14, 63
 Диттман 205
 Диярбекирян, мадам 181
 Дмитриев Е. 126–127
 Довлетшахи Х. 275, 278
 Доджейли 223
 Драбек К. 303
 Драйпер 121–122
 Дуглас У. (Douglas W. O.) 290
- Егани** Насролла-хан 103
 Егани Нурулла 160
 Егани Р. 103
 Егорова Н. И. 283
 Ежов Н. И. 34
 Екатерина II, российская императрица 236
 Емельянов В. В. 115
 Емельянов С. С. 119
 Емельянов С. Ф. 43, 74, 159, 162–163, 169–170, 225, 228, 250–251, 265, 273, 286, 339, 342, 344, 348
 Ефимов П. И. 119
- Жироду** Ж. (Giraudoux J.) 16
 Журавлев П. М. 43
- Задаян** Г. 181
 Замани 277
 Зангене 294–295
 Зардаби Г. 237
- Зверев А. Г. 230, 243
 Зейналов Н. Г. 76
 Зека-од-Доуле С. А. 274, 278
 Зенд И. 137
 Зеро-бек 115
 Зиммерман О. (Zimmerman O.) 315
 Зинин 345
 Зия-ад-Дин (Табатабаи) С. 110, 133–138, 141–144, 224, 229, 243, 270–271
 Зияди 257
 Зиядхан А. 207
 Зияи 169
 Зорге Р. 197
 Зубок В. М. 126, 135, 234, 263, 323
 Зульфугари С. М. 225
 Зюльгадаров Н. 211
- Ибрагими** Ф. 247, 257, 259, 290
 Ибрагимов М. А. 45, 50, 59, 64, 162, 164–165, 242, 246–247, 249–251, 261, 264, 266, 273, 278, 280, 286, 292, 294, 327, 340–342, 344–345
 Ибрагим-хан 236, 309
 Иванов Н. П. 60, 67
 Иванов С. П. 89, 118
 Идаятзаде И. 57
 Иден Э. (Eden A.) 62, 222, 252
 Идрис А. 190–191
 Илхами Г. 108, 259, 275, 289, 293, 296
 Имами Х. 104
 Иненю И. (Inönü İ.) 26, 79, 86, 88, 212
 Ипекчиан Ф. 104, 226, 271, 275
 Иракий II, грузинский царь 236
 Иса С. 137
 Искандери Мохсен С. М. (Солейман Мирза) 63
 Искендери А. Н. 104
 Искендери И. 159
 Искендерли Дж. 211
 Исмаилов Ч. М. 76
 Исмаилов Э. 309
 Исрафилов А. М. 76
 Исрафилов М. (Исрафил-бей) 197, 210–211
 Исфагани А. 103, 160
 Исхаки А. 190, 213
 Итикава Х. 89

- Йенибахча Ш. (Yenibahça Ş.) 184
Йодль А. (Jodl A.) 47
Йозеф Я. 78
- Кабири М.** 344
Кабири М. Р. 133–134, 136, 140, 276, 289
Кавам М. А. (Кавам ос-Султан) 69–71, 131, 137–138, 220–221, 226, 270, 284–285, 337–339
Кавиан Дж. 103, 289
Кавтарадзе С. И. 97, 126–128, 130–131, 139, 141–144, 153, 162, 167, 172–173, 220–221, 228, 232, 234, 241, 252–254
Каджар Г. М. 49
Каджар М. Х. М. 49
Каджары, династия 49
Кадоган А. (Cadogan A.) 252
Казиев М.-Э. А. 74, 77–78, 149–150
Казиев Э. 211, 218
Казымбеков Дж. 207, 210–211
Казымзаде К. 100, 164
Кальтенбруннер Э. (Kaltenbrunner E.) 102, 215
Камбахш А. 159, 245, 248
Камсаракан П. 182–183
Канарис В. (Canaris W.) 194
Канаян Д. М. (Дро) 181–183
Кантемир А. 192, 200, 204, 215, 218
Караганов А. В. 311
Караев А. И. 227
Караев К. 166
Карапетян С. 301
Карасев М. 126
Карахан (Караханийн) Л. М. 91
Кароу О. (Caroe O.) 195
Карташов И. А. 49
Катиби Х. 139, 157, 166
Катру Ж. (Catroux G.) 158
Кафай, улем 228
Кафарзаде С. 52, 74, 76, 162–163, 342
Кафтанов С. В. 35
Качалов А. 144, 268
Кашкай М. 313
Каюм-хан В. 197, 204, 207, 215, 218
Кедия М. 200–201, 215, 217–218
Кедия С. 204
Кейвани М. (шейх Муса) 257–258
- Кейс К. (Case C.) 315
Кейтель В. (Keitel W.) 215
Кёльц Л.-М. (Koeltz L. M.) 21
Кемаль Ататюрк М. (Kemal Atatürk M.) 185, 189
Кеменов В. С. 107, 120, 154
Кемпел 122
Кереселидзе Л. 204
Керимов И. А. 75, 77
Керимов Э. 347
Керр А. К. (Kerr A. C.) 252, 254, 272, 321–322
Кесрави С. А. 55
Кёстринг Э. (Köstring E.) 215
Кешаверз Ф. 159
Киллигиль Н. (Killigil N.) (Нури-паша) 184, 189–190
Кинкель В. (Kinkel W.) 191
Кирсанов Я. М. 164
Киянури Н. 159
Клемансо Ж. (Clemenceau G.) 175
Кнудсон Дж. (Knudson J. I.) 81
Кобляков И. К. 90
Кобулов Б. З. 85
Козлов, председатель горисполкома 314, 316
Козлов Д. Т. 38, 40, 43, 46, 122, 327
Козлов Ф. Р. 231, 251
Колмер У. (Colmer W.) 315
Кольер Л. (Collier L.) 19
Кондрашов 312
Коннер Л. (Konner L.) 314
Конрадов И. 126
Корнев В. И. 84
Корнеев А. Н. 123, 233
Кох Г. (Koch H.) 202
Кочинян А. Е. 304
Кошгарлы 276
Красных А. 274, 289, 291, 325, 327
Кресс фон Крессенштейн Ф. (Kreß von Kressenstein F.) 189
Крутиков А. Д. 243
Крымер Дж. С. (Krimmer C. S.) 184
Кузнецов 67
Кулаженков А. Г. 60–61, 67
Кулиев М. 45, 50
Кулиев Н. 106, 137, 139–140, 250, 280, 289, 293, 347–348
Кулиев Р. 223, 246, 250

- Кулиев Т. И. 10, 74–75, 106–107, 165, 230–231
 Кулиева Г. З. 111
 Кумыкин П. Н. 126, 130
 Кунихолм Б. (Kuniholm B.) 99, 335
 Кургут-бей 105
 Куртис 122
 Кутченбах В., фон (Kutzschenbach W., von) 197
- Лайтл М. Г. (Lytle M. H.) 335
 Лауц Э. (Lautz E.) 196
 Левел, полковник 122
 Леверкюн П. (Leverkuehn P.) 25
 Лейббрандт Г. (Leibbrandt G.) 191
 Ленин В. И. 143, 165, 175
 Ленкорани Ш. 104–105, 133
 Лигвани 103
 Лимптон, мисс 130
 Липман У. (Lippmann W.) 81
 Липсон Э. (Lipson E.) 81
 Литвинов (Валлах) М. М. 33, 82, 91–93
 Ли Фебр Дж. (Lee Fabre J.) 315
 Ллойд-Джордж Д. (Lloyd George D.) 175
 Лобов М. Т. 292
 Логман С. 102
 Лозовский (Дридзо) С. А. 92–93
 Лысенков Н. П. 43
 Л'Эстранж-Фосетт Л. (L'Estrange Fawcett L.) 288
- Магеррамов, комендант 135
 Магеррамов М. 19, 29
 Маглакелидзе Ш. Н. 181
 Маглид, лейтенант 314
 Магома А. Н. 200, 207
 Магомаев М. 57, 166
 Мазлуми М. 103
 Майер Ф. (Mayer F.) 89
 Майнор Г. (Minor H.) 285, 326, 328, 331
 Майский (Ляховецкий) И. М. 82, 92
 Маклин Ф. (Maclean F.) 23
 Максимов М. А. 93, 99, 106, 113, 115–116, 127, 133, 139–140, 146–147, 161, 163–164, 221, 229, 244, 249, 251, 253, 255
- Малек 146
 Малек-ош-Шоара Бахар М. Т. 166, 247, 284
 Малеки Х. 160
 Маленков Г. М. 37, 63, 73–74, 87, 100, 119, 158, 173, 222, 245, 249, 263, 277, 299, 305–307, 340
 Мамедалиев Ю. Г. 227
 Мамедкулизаде Дж. 237
 Мамедли Г. 100, 109, 247
 Мамедов Б. 57
 Мамедов Газанфар 76, 100, 111
 Мамедов Гусейнрза 202
 Мамедов Мирза 99–100, 106, 250, 341
 Мамедов Мирзахан 202
 Мамедова Ш. 57
 Мамедханлы (Мамедханов) Э. 100, 349
 Маниев 135
 Манмелишвили А. 204
 Мансур Х. А. 42, 68, 228, 284
 Мануильский Д. З. 92
 Манштейн Э., фон (Manstein E., von) 88
 Марзбан 114
 Марчаниян Х. 301
 Марченко С. 32, 97, 105, 113
 Масарик Я. (Masaryk J.) 158
 Масленников И. И. 263, 265–266, 278, 292, 294, 325
 Маслов М. С. 35, 69
 Массигли Р. (Massigli R.) 21, 24–26, 30
 Масуди 128
 Матвеев Ф. 108, 115, 139, 160–161, 167, 169, 223, 245, 250
 Маттисон Г. (Mattison G.) 301
 Машинчи 275
 Мдивани А. 78
 Медведев 276
 Меджидов Г. 164
 Медхасян 177
 Мейснер О. (Meissner O.) 210
 Мелаери, шейх-уль-ислам 222, 226–228
 Меликатамян А. 301
 Меликзаде М. 100
 Мелик-Израелян С. С. 111
 Мелик-Пашаев В. 233

- Мелик-Тангян Н. 42, 176, 178, 269
 Менде Г., фон (Mende G., von) 186,
 191–192, 202, 215
 Менеменджиоглу Н. (Menemencioglu
 N.) 188–189, 213
 Менкен 334
 Меркулов В. Н. 65, 173, 222
 Мехди 165
 Мехташ Дж. 289
 Мехтиев Б. 99–100
 Мехтиев М. 15–16, 19, 21–23, 29, 38,
 204, 207
 Мигунов В. П. 60, 106, 122–123
 Микоян А. И. 158, 233, 242–243, 307,
 310
 Милани А. 131
 Миллер 169
 Милоградов П. В. 239–240
 Милспо А. (Millspaugh A.) 70, 122,
 132
 Мир Гулам-хан 52
 Мирзаджанзаде А.-М.-М. 223
 Миркасимов (Миркасумов) М. М. 58,
 227, 313
 Мир-Мехди С. 225
 Миронов 112
 Митчел У. (Mitchell W.) 25
 Михайлов К. А. 93
 Мкртычян 112
 Моини, директор школы 226
 Моини, купец 226
 Мокаддам И. 104
 Молотов (Скрябин) В. М. 14, 30, 33,
 35, 37, 39, 50, 63, 69, 76, 78, 82,
 87, 89, 92–93, 99, 107, 114, 123,
 131, 147, 150, 153, 158, 171–173,
 177–178, 198, 220, 222, 232, 234,
 243, 249, 252–254, 256, 263, 268,
 272–273, 277–278, 281, 305, 320–
 323, 327–328, 332–334, 340–341
 Мосаддык М. 105, 138–139, 221, 229
 Мосташар-од-Доуле 284
 Мотамон-уль-Мульк 284
 Мохаммед-хан 236
 Мохсен Р. 137
 Мохташами 244
 Мундт К. (Mundt K.) 314
 Мурадян А. 181
 Мусаев Г. 64, 100
 Мусазаде М. (Карсалан) 198, 211
 Мусеви С.-А. 225–226
 Муссолини Б. (Mussolini B.) 116–117
 Мустафаев И. Д. 100, 107
 Мустафаев М. 135
 Мустафаева С. 57
 Муштахиди Ю. 104
 Мюджтахиди Г.-М.-Х.-А. 223–224
 Мюллер В. (Müller V.) 88
 Мюнши Х. 190, 204
 Мюррей У. (Murrey W.) 280, 283, 285,
 322–324, 327–331, 336
 Мюртазави 166
 Наджафов Г. Г. 37
 Назарли Ш. 99
 Назаров И. 64, 100
 Намазалиев 296
 Намиток А. 21, 191
 Насреддин-шах 126
 Натаван 309
 Нафиси С. 116, 157, 166
 Нахичевани А. 49
 Нахичевани С. 53
 Нахчывани Г. М. 157, 166
 Нейсари 133
 Нидермайер О., фон (Niedermayer O.,
 von) 197, 202, 206
 Низами Гянджеви 313
 Низами Г. 226
 Никитин Н. 69
 Никула 107
 Никчу 223, 275
 Ниязи (Тагизаде-Гаджибеков Н. З.)
 57, 318
 Новиков, капитан 169
 Новиков В. В. 39, 60, 72
 Новрузи 226
 Новрузов 37
 Нунакарани М. 103, 277
 Нури А. 227, 229
 Нуриан Р. 102
 Нуру-бек 115
 Нусрат-бек 52
 Нэтчбулл-Хьюджессен Х. М.
 (Knatchbull-Hugessen H. M.) 18
 Оберлендер Т. (Oberländer T.) 194,
 197, 202

- Ованесян А. 58, 63, 103–104, 110,
138–139, 159, 240, 248–249, 251
- Ованесян Г. 177
- Одар К. 185
- Оджагнавин З. 103
- Ольцша Р. (Olzscha R.) 195
- Оранги Х. 166, 289
- Ордубади М. С. 59, 166, 247
- Оркун Н. (Orkun N.) 213
- Оруджев М. А. 74, 77–78, 149,
312–314, 316–318
- Падеган С. 103, 135, 160, 245, 248, 250,
259, 275, 288, 294, 343, 347–348
- Паласс О. А. (Palasse A. A.) 18
- Палилов 312
- Панахи А. 104
- Панах-хан 307
- Папазян В. 182–183
- Папазян Э. 181
- Папен Ф., фон (Papen F., von) 14, 30,
41, 71, 183–185, 187, 189, 192, 201,
203
- Паулос Ф. (Paulus F.) 88
- Пахитонов 152
- Пекер М. Р. (Peker M. R.) 213
- Пеппер К. (Pepper C.) 316–317
- Песиян М. Т. 338
- Петров М. М. 243
- Пехлеви, династия 49, 52, 95, 237, 275
- Пехлеви Р. (Реза-шах, Реза-хан), шах
Ирана 27, 33, 40–41, 48–49, 52,
115, 138, 144, 229, 237, 239, 249,
255, 275
- Пехлеви М. Р. (Мохаммед Реза-шах),
шах Ирана 48–49, 69, 79, 124–125,
130, 165, 226–227, 244, 261, 326
- Печатнов В. О. 283
- Пилсудский Ю. (Pilsudski J.) 203
- Питерсон М. (Peterson M.) 178
- Пишвази Дж. (имам Джума) 226,
228
- Пишевари С. Дж. 104–105, 109–110,
133, 146, 157, 166, 244–245,
248–250, 257–260, 264–266,
274–275, 277–281, 285, 288–297,
320, 325–327, 338–344, 346–347
- Погосов Г. 78
- Полянский 67
- Поповкин А. И. 163
- Портер У. (Porter W.) 300
- Рагим М. 100**
- Рагимзаде Х. 97
- Рагимов С. 45, 50, 53, 59, 64, 76,
164–165, 248
- Рагимов Ш. З. 76
- Радманеш Р. 159, 331
- Разин Б. Г. 69
- Райнград 314
- Рассадин 115
- Расулзаде М. Э. 184–185, 190,
203–207, 211, 213
- Расули М. 166
- Расули Р. 289
- Расулов 64–65
- Рафибейли Н. 247
- Рафизаде 277
- Рафии Г.-А.-Р. 227
- Рафии Н. 257–259, 264, 275, 288
- Рахими 169
- Рахмети Р. 190
- Рашид-бек 115
- Рашфенди 226
- Резазаде Ш. 270
- Рейно П. (Reynaud P.) 26, 29
- Рейнолдс М. 303
- Репп Т. (Rapp T.) 105
- Речицкая Е. 78
- Ржешевский О. А. 13
- Рза (Рзаев) Р. И. 163–164, 246–247,
349
- Рзаева А. 57
- Риббентроп И., фон (Ribbentrop J.,
von) 41, 102, 186–189, 192
- Рибер А. (Rieber A.) 255
- Ридель (Riedel) 197, 207, 210
- Ридли К. (Ridley C.) 70, 124, 285
- Риязи А. 293
- Робертс Дж. (Roberts G.) 235, 282, 332
- Робертс Ф. (Roberts F.) 253
- Ровшани К. 104, 274, 289, 291
- Розенберг А. Э. (Rosenberg A. E.) 186,
191–192, 195, 202, 204–205, 212,
214–218
- Роммель Э. (Rommel E.) 88
- Россоу Р. (Rossow R.) 325, 346–347
- Ротштейн Ф. А. 141

- Рузвельт Ф. Д. (Roosevelt F. D.) 36,
69, 81–82, 143–144
- Руссов А. Г. 107, 250, 289, 292,
294–295, 340
- Руст Р. 326
- Рустам С. (Рустамзаде С. А.) 59, 247
- Рустамбеков (Рустамбейли) Ш. 207
- Рухи 53
- Рыжих Ф. М. 75
- Рыжов 115
- Сабинин 151
- Сабри 165
- Садагяни Г. А. 157, 166, 224
- Садатарашвили 181
- Садахлы 161
- Садиги А. Х. 104
- Садиги Х. А. 104
- Садр М. (Садр-уль-Ашраф) 226–227,
229, 244, 270, 274
- Садри Ф. 102
- Садчиков И. В. 123, 125
- Садыг А. 247
- Садыхов И. Н. 75, 77
- Саед Марагеи М. 33, 39, 102, 122,
126–139, 141–144, 147, 167, 274
- Сайях Х. 284
- Сака Х. Х. (Saka H. H.) 79
- Саламзаде С. 161
- Салар Салтане 102
- Салими 108
- Салманов А. А.-В. 76
- Самедов А. 223
- Сараджоглу Ш. (Saracoğlu Ş.)
13–14, 26, 29–30, 36, 41, 71, 79, 88,
187–188
- Сарпер С. (Sarper S.) 171, 178
- Сартибзаде А. А. 64–65, 104
- Сартип 276
- Сарывелли О. 64
- Сарыджалинский М. 52, 346
- Сарьян М. 301
- Сатда М. 103
- Саттархан Сардар-е-Мелли 134,
151–153, 167, 237, 247, 257, 264,
338
- Сафаров, атташе 300
- Сафаров, комендант 135
- Сафаров О. А. 76
- Саффат М. 157, 225
- Сахиб-хан 52
- Свентоховски Т. (Swiętochowski T.)
265, 291
- Сеид М. 137
- Сеидахмед Дж. 190–191
- Сеидгасан А. 165
- Сеидзаде Б. 99, 115, 135, 250, 344
- Сеидов М. 310
- Сейфи, генерал 168
- Селиванов А. Г. 61
- Сепახбоди А. 220–221, 244, 320
- Серов И. А. 85
- Сертель З. (Sertel Z.) 213
- Сертель С. (Sertel S.) 213
- Сиккат оль-Ислам А.-Г. 104, 134,
223–224, 264
- Сиккат-оль-Ислам М. 134
- Сикорский В. (Sikorski W.) 203
- Силян М. А. 75, 149–151, 163, 245,
264, 321–322, 327
- Симпсон С. (Simpson S.) 315
- Ситкин Д. 302–303
- Сияси А. А. 137
- Слепов, генерал 295
- Смирнов А. А. 35, 39, 48, 50–51,
60–62, 64, 66–68, 71–72, 113, 122
- Смит Э. (Smith E.) 312–314
- Сноу Э. (Snow E.) 314
- Соболев А. А. 50, 64
- Советников И. Г. 106
- Соломко П. М. 41
- Сопейки 226
- Сорокин К. Л. 111
- Сорури 137
- Сохейли М. А. 48, 50, 61, 67–70, 102,
122, 138, 226, 244
- Сталин И. В. 6, 13–15, 30, 33–38,
43–48, 59, 62–65, 69, 82, 85–87,
90, 92–93, 109–110, 117, 123, 126,
134–135, 143–144, 153, 157–158,
165–166, 169–170, 173–177,
188, 201, 203, 206, 214, 216–217,
224, 230, 232, 235, 238–239, 248,
253, 255, 261, 263–265, 269, 274,
277, 279, 291, 297, 299, 301, 303,
305, 309–310, 315–316, 321, 325,
327–332, 340, 342, 352
- Стембридж Дж. (Stembridge J. H.) 81

- Стеттиниус Э. (Stettinius E.) 222
 Стриплинг Дж. (Stripling G.) 81
 Сулейманов, библиотекарь 81
 Сулейманов С. 99
 Султанов А. 246
 Султанов Х. 193
 Суриц Я. З. 82, 92
 Сфорца К. (Sforza C.) 81
 Сычев С. П. 106, 115, 154, 165, 221,
 311–312
- Табари Э. 159
 Табатабаи А. 157, 166
 Табатабаи С. М. С. 226, 244, 261
 Табатабаи С. Ш. 225
 Тагизаде С. Х. 103, 126, 220, 267, 333
 Талыбзаде К. 150
 Танрыöver А. С. (Tanrıöver A. S.) 205
 Тарасенко Н. В. 150
 Тауберт Э. (Taubert E.) 194
 Тебризи Х. 247
 Тебризи Ш. 110, 247
 Теймури, жандармский начальник
 114
 Теймури А. 135, 169
 Теймури Дж. 257
 Тер-Арутюнян Г. Е. (Нжде) 182–183
 Терентьев А. В. 49
 Типпельскирх В., фон (Tippelskirch
 W., von) 205
 Тито И. Б. 97
 Тогонидзе В. 192
 Толбухин Ф. И. 38
 Томпаков М. 79
 Топчибаши А. 19, 21, 29
 Топчубашев М. А. 58
 Труман Г. (Truman H.) 253, 255, 268,
 325–326, 335
 Тугай М. 192
 Туде А. 165
 Тураби Махмуд 157, 166
 Тураби Муккарам 257
 Тюленев И. В. 47, 49, 119, 233
 Тюркан О. (Türkan O.) 213
- Уолвертон Ч. (Wolverton C.) 315
 Уолкотт Дж. (Wolcott J.) 315–316
 Уолл Дж. (Wall J.) 136, 267, 285
 Ус А. (Us A.) 172–173
- Ф**агихзаде 226
 Фар Ф. 112
 Фармаиан Ф. 103–104, 133, 226,
 270–271
 Фарук, король Египта 40
 Фаталибейли-Дудангинский А. 197,
 206–212, 215–218
 Фатуги М. 104
 Фахими Р. 225
 Фахими Х. (Фахим-уль-Мульк) 49,
 55, 103, 137, 271, 274
 Фахри-Атам 53
 Февзийе 49
 Федосов А. 83–84
 Фейзулла-бек 52
 Феник М. Ф. (Fenik M. F.) 173
 Феррис Дж. (Ferris J.) 315
 Филимонов М. Е. 28, 32, 35
 Филипс Прайс М. (Philips Price M.)
 317–319
 Филлип Э. (Phillip E.)
 Филс 315
 Фирдоуси А. 228
 Фирлингер З. (Fierlinger Z.) 158
 Фирузабади 226
 Фитрат А. 166
 Фитрет Н. 53, 165
 Форд Р. (Ford R.) 93–96, 122, 234
 Форури М. М.-А. (Зока-аль-Мульк)
 42, 48–49, 55–56, 67–69
 Френдян В. 122
 Фрунджян 181
- Хадеев А. А. 39
 Хажир А. 274
 Хаит Б. 215
 Хайгендорф Р., фон (Heugendorff R.,
 von) 197, 199, 211, 217
 Хакими И. (Хаким-уль-Мульк) 102,
 220–221, 226, 229, 261, 270–274,
 281–282, 284, 293, 320–322,
 330–331, 337, 339
 Халил, мулла 42
 Халхали М. М. Б. 247
 Хандан Дж. (Гаджиев Дж.-Х. З.) 100,
 109–110, 247
 Ханмамедов Г. 164
 Харири Х. 157, 166
 Хасмамедов Х. 204, 206–207

- Хатаи И. 247
Хатам-хан 52
Хатисян А. 22, 191
Хашими С. 103
Хашимния К. 103
Хвостов В. М. 150
Хельмих Х. (Hellmich H.) 207
Хендерсон Л. (Henderson L.) 323
Хентиг В. О., фон (Hentig W. O., von) 186–187, 191
Хидаят 137
Хизи А. А. 58, 103, 139, 159–160
Хиябани М. 237, 247, 257
Ховард Г. (Howard H.) 337
Хойский Э. 211
Холидей Латане Дж. (Holiday Latane J.) 81
Хосровани, генерал 97, 134
Хосрови А. 102
Хосрови М. 277
Хоуэлл Дж. (Howell G.) 315
Хоштария А. М. 126
Худиева С. А. 77
Хумаюн, начальник жандармерии 268
Хумаюн Б. О. М. 102, 271
Хусейн А. 138
- Цацулин И.** 174
Церетели М. 204
Циммерман П. (Zimmermann P.) 186
- Чавуши** 257
Чадаев Я. Е. 107
Чакмак Ф. (Çakmak F.) 25
Чарквиани К. Н. 37, 305
Чемберлен А. Н. (Chamberlain A. N.) 17, 29
Чеплаков П. Ф. 74
Черчилль У. (Churchill W.) 6, 17, 23, 36, 38, 48, 86–87, 90, 143–144, 188, 201, 252
Чешмазар М. 103, 160, 264
Чивилев 226
Чичерин Г. В. 91
Чокаев М. 190
Чухасизян Л. 177
Чхенкели А. 21–22, 191
- Шабустари Г. М. А.** 135, 160, 248–250, 257–259, 264, 275, 278–280, 285, 288, 293, 343
Шабустари С. 225
Шавров Н. И. 306–307
Шаманин Ф. А. 39
Шамиль М. С. 21–22, 38, 204
Шамси Г. 103
Шант В. 183
Шант (Сегбосян) Л. 183
Шарифли М. 161, 164
Шарифов Г. 100, 154, 250
Шарифов М. 99–100, 116
Шаталин Н. Н. 74, 163
Шафеи, генерал 122
Шафранский И. И. 106
Шахгельдиев А. 47, 100, 109–111, 317
Шахин Н. 277
Шварцкопф Н. (Schwarzkopf N.) 70, 252
Шейбани, генерал 102
Шейд 165
Шейд-Рейн Ф. (Scheid Raine F.) 235, 265, 297
Шейлявар 146
Шейхульисламов А. 19
Шеридан Дж. (Sheridan J.) 70
Шикеданц А. (Schickedanz A.) 192
Шихзаманов Н. 37
Шихзамановы, семья 37
Шорухи 225
Шпедько И. Ф. 237
Шукухи Г. М. 247
Шуленбург Ф. В., фон дер (Schulenburg F. W., von der) 28, 102, 186, 192, 204
Шюкюрзаде Э. Б. 74
- Щербиков А. С.** 119, 158
- Эблинг С.** (Ebling S.) 105, 268
Экбаль М. 68
Элвел-Саттон Л. П. (Elwell-Sutton L. P.) 81
Эллиот 315
Эльмас Ш. 207
Энтезам Н. 70, 137, 147, 234
Эрден А. Ф. (Erden A. F.) 185, 187

Эркилет Х. Х. Э. (Erkilet H. H. E.)
184–185, 187, 195, 213
Эсендал М. Ш. (Esendal M. Ş.) 184,
214
Эсмер А. Ш. (Esmer A. Ş.) 172
Эттель Э. (Ettel E.) 28, 40–41, 70,
189
Этли Клемент (Attlee Clement)
Эфендиев Ильяс 247
Эфендиев Исмаил 164
Эфендиев М. М. 77–78, 149–150
Эфендиев М. Р. 227
Юдин П. Ф. 242–243
Юрдчу Н. 169
Юсупов У. Ю. 85

Ягдашьян Х. 183
Ядулла-хан 52
Язди М. 159
Якубов А. М. 98, 100, 106, 112–114,
127, 133, 140, 228, 241, 246, 250,
255, 264, 271–272, 284–285, 331
Якубов М. М. 65, 155–156, 163, 259,
261, 263, 265, 286, 339, 344, 348
Якубов Т. 74
Ялман А. Э. (Yalman A. E.) 172
Ялчын Г. Дж. (Yalçın H. C.) 56, 172,
303–304
Янг К. (Yang K.) 281, 283–284
Ярков А. К. 60
Ярмошкевич П. С. 106
Яхья Данешиан Г. 160, 288–289, 340

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	5
Глава I. Начало Второй мировой войны и планы союзников по бомбардировке Баку.....	13
Глава II. Начало советско-германской войны и Азербайджан.....	32
§ 1. Вступление войск союзников в Иран.....	32
§ 2. Деятельность политработников Советского Азербайджана в Иране.....	50
Глава III. Активизация советской политики в странах Ближнего Востока.....	73
§ 1. Начало деятельности Наркомата иностранных дел Азербайджанской ССР.....	73
§ 2. Советские претензии к Турции.....	82
§ 3. Перелом в ходе Второй мировой войны и возобновление работы в Иранском Азербайджане.....	93
Глава IV. Нефтяные интересы Советского Союза на Ближнем Востоке и союзники.....	121
Глава V. Ближневосточная политика Советского Союза на завершающем этапе Второй мировой войны.....	149
§ 1. Расширение сферы деятельности Наркомата иностранных дел Азербайджана.....	149
§ 2. Активизация политики Москвы в отношении Ирана и Турции.....	158
Глава VI. Азербайджанская эмиграция в годы Второй мировой войны.....	180
§ 1. Попытки третьего рейха организовать кавказских эмигрантов.....	180

§ 2. Создание национальных легионов.	191
§ 3. Азербайджанский меджлис национального единства.	206
Глава VII. Советская политика расширения южных рубежей.	220
§ 1. Завершение войны в Европе и активизация советской политики в Иране.	220
§ 2. Советские планы присоединения Иранского Азербайджана.	229
Глава VIII. Национальное правительство Иранского Азербайджана в политике Кремля	257
§ 1. Решение Азербайджанского народного конгресса.	257
§ 2. Начало борьбы за автономию в Северном Иране.	269
§ 3. Роль Советского Азербайджана в победе АДП.	285
Глава IX. Углубление кризиса по южным границам СССР: первые признаки «холодной войны»	299
§ 1. Возникновение территориальных претензий между южнокавказскими советскими республиками.	299
§ 2. Усиление международного интереса к Советскому Азербайджану.	310
§ 3. Московское совещание министров иностранных дел.	320
§ 4. Иранский Азербайджан: между автономией и независимостью	339
Заключение	350
Примечания.	355
Библиография	422
Указатель имен.	433

Научное издание

История сталинизма

Гасанлы Джамиль Поладхан-оглы

**Советская политика по расширению южных границ:
Сталин и азербайджанская карта в борьбе за нефть
(1939–1945)**

Перевод с азербайджанского языка И. Н. Рзаева

Ведущий редактор *Н. А. Волынчик*

Редактор *Л. Ю. Пантина*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Художественное оформление *П. П. Ефремов*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*

Компьютерная верстка *Т. Т. Богданова*

Корректор *Л. Ю. Пантина*

Л. Р. № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 20.10.2016.

Формат 60х90/16. Усл.-печ. л. 28.

Тираж 2000 экз. Заказ № 7047

Издательство «Политическая энциклопедия»

127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1

Тел.: 8 (499) 685-15-75 (общий, факс), 8 (499)709-72-95 (отдел реализации)

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59